



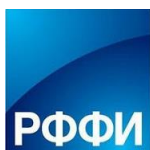
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пензенский государственный университет» (ПГУ)



Университет национального и мирового хозяйства
(г. София, Республика Болгария)



Гродненский государственный университет им. Янки Купалы
(г. Гродно, Республика Беларусь)



Российский фонд фундаментальных исследований

ЯЗЫК. ПРАВО. ОБЩЕСТВО

*Сборник статей
VI Международной научно-практической конференции*

г. Пенза, 10–13 ноября 2020 г.

П о д р е д а к ц и е й

О. В. Барабаш, Н. А. Павловой, А. В. Александровой

Пенза
Издательство ПГУ
2020

- Я41 **Язык. Право. Общество** : сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 10–13 ноября 2020 г.) / под ред. О. В. Барабаш, Н. А. Павловой, А. В. Александровой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2020. – 406 с.

ISBN 978-5-907364-45-5

Материалы конференции посвящены проблемам взаимодействия языка и права. Значительный по объему раздел составляют статьи по лингвистической экспертизе текстов различных функциональных типов. Проанализированы проблемы языка и права в контексте языковой политики, общие вопросы юридической техники и толкования правовых актов, выявлены особенности функционирования правовых терминов в юридическом дискурсе и за его пределами. Рассмотрены проблемы перевода юридических текстов на азербайджанский, английский, белорусский, болгарский, русский, французский, хорватский языки; обозначены возможности применения компьютерных методов и информационных технологий для решения задач юридической лингвистики. Определены основные направления формирования лингвистической компетенции в процессе подготовки юристов, показана роль художественной литературы и массовой культуры в формировании правовой культуры общества.

Издание адресовано филологам, юристам, специалистам в сфере законотворческой деятельности и всем тем, кто интересуется проблемами, возникающими на пересечении языка и права.

УДК 81'33

*Издание подготовлено
в рамках поддержанного РФФИ проекта № 20-012-20022*

ISBN 978-5-907364-45-5

© Пензенский государственный
университет, 2020

Направление 1

ЯЗЫК ПРАВА КАК ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ И ТОЛКОВАНИЯ ПРАВОВЫХ АКТОВ

С. В. Дубовиченко, В. В. Никульцева

Москва, Россия

ЯЗЫК УГОЛОВНОГО ЗАКОНА: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

S. V. Dubovichenko, V. V. Nikultseva

Moscow, Russia

LANGUAGE OF CRIMINAL LAW: PROBLEMS OF INTERPRETATION AND LEGAL TECHNIQUE

Аннотация. Рассматривается необходимость обеспечения доступности языка закона в целом и уголовного закона в частности как средства обеспечения эффективного его действия. Анализируются различные юридико-технические проблемы интерпретации текста действующего уголовного законодательства. Исследуются отдельные проблемы, связанные с использованием архаичных терминов, нарушением единства законодательной терминологии, разобщенностью Общей и Особенной части УК РФ, несоответствием грамматической формы закона и его юридических признаков и др.

Ключевые слова: язык уголовного закона, толкование, архаичные термины, разобщенность Общей и Особенной части УК РФ, проблемы грамматического толкования уголовного закона.

Abstract. The article discusses the need to ensure the accessibility of the language of law in general and criminal law in particular as a means of ensuring the effectiveness of its action. Various legal and technical issues of interpretation of the text of the current criminal legislation are analyzed. Certain issues related to the use of archaic terms, violation of the unity of legislative terminology, disunity of the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation, inconsistency of the grammatical form of the law and its legal features are considered.

Keywords: criminal law language, interpretation, archaic terms, disconnectedness of General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation, issues of the criminal law grammatical interpretation.

Конечный итог правового воздействия предполагает наличие соответствующей фактической модели поведения, предусмотренной правовой нормой. Последнее возможно только в том случае, если правовая информация усваивается надлежащим образом. Ведь, как известно, право имеет интеллектуально-волевой механизм действия. Вначале правовая информация должна быть воспринята субъектом права, а затем на основе полученной информации принимается решение. В этой связи язык права имеет первостепенное значение. Его простота, четкость и доступность является важнейшей предпосылкой эффективности действия закона. Это хорошо понимали еще римские юристы. Традиция приписывает им известное изречение «Законы должны быть понятны каждому» (Кодекс Юстиниана, 1, 14, 9).

Право отражает социальные процессы, его усложнение и развитие неизбежно накладывает отпечаток на язык закона. Усложнение языка правовой формы является с одной стороны объективным процессом, но, с другой стороны, язык права должен быть доступен в основе своей неспециалисту.

Современное законодательство не может следовать канонам древнего или средневекового права известного своей казуистичностью. Для современного континентального законодательства характерно использование абстрактных норм высокого уровня обобщения. Не будем также забывать о некоторых очень

специфических сферах регулирования, таких как медицина, охрана окружающей среды и проч., которые предполагают наличие специальных познаний. Однако уголовный закон адресован максимально широкому кругу субъектов, и поэтому его текст должен быть доступным. Как можно сослаться на широко известную презумпцию «незнание закона не освобождает от ответственности», если законодательный текст является непонятным и запутанным и вызывает сложности даже у специалистов?

Обратимся к отдельным примерам юридико-технических недостатков, усложняющих интерпретацию текста уголовного закона.

1. Использование устаревших и архаичных терминов. Примером использования таких терминов является ч. 1 ст. 30 УК РФ, где законодатель раскрывается понятие приготовления к преступлению через термин «приискание». В современном языке этот термин практически не используется, что затрудняет его толкование и разграничение с другими формами приготовления. К примеру, может ли быть приискание соучастников без сговора. Относительно приискания орудий и средств совершения преступления гораздо более корректным и определенным является использование термина «приобретение». Примечательно, что в ст. 50 Уголовного уложения 1903 г. говорилось о приобретении средств для приведения в исполнение умышленного преступления [Новое уголовное уложение 1903 : 25]. Термин «приискание» упоминался в ст. 8 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: «Приискание или приобретение средств для совершения преступления признается лишь приготовлением» [Свод Законов Российской Империи 1885 : 1]. Спустя более чем 70 лет законодатель использовал такую же характеристику приготовления в УК РСФСР 1922 г. («Приготовление к преступлению считается приискание, приобретение или приспособление орудий, средств и создание условий для совершения преступлений» (Ст. 12) и термин, отброшенный при составлении Уголовного уложения 1903 г., обрел свое второе рождение.

Термин «приискание» в тексте УК РФ упоминается только 2 раза и только как характеристика приготовления к преступлению, а термин «приобретение» встречается 61 раз. Приобретение означает различные формы завладения, что как раз соответствует тому содержанию, которое придается приисканию орудий и средств совершения преступления [Уголовное право России 2009].

Здесь мы сталкиваемся с проблемой терминологического разобщения Общей и Особенной части УК РФ – проблемой, унаследованной от советского уголовного законодательства. К этому вопросу мы еще обратимся ниже, а пока рассмотрим другие случаи использования устаревшей терминологии.

Ст. 121 УК РФ предусматривает ответственность «за заражение венерической болезнью». Однако в современной медицине термин «венерическая болезнь» не используется. В соответствии с утвержденным Постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении Перечня социально значимых заболеваний и заболеваний, опасных для окружающих» венерические заболевания именуются «инфекциями, передающимися преимущественно половым путем». Перечень таких заболеваний определяется пунктами А50 – А64 Международного статистического классификатора болезней и проблем, связанных со здоровьем 10-го пересмотра (МКБ-10). В постановлении используется наименование, закрепленное в МКБ-10.

Применение такой архаичной терминологии в законе вступает в противоречие с действующим медицинским законодательством. Целесообразность столь бережного отношения терминологии уместной в законодательстве 19 столетия трудно объяснима и порождает проблему толкования нормы, предусмотренной ст. 121 УК РФ. Эта норма имеет бланкетную диспозицию и должна отсылать к нормативным актам, определяющим перечень венерических заболеваний, а подобных перечней уже нет. Имеются только перечни инфекций, передающихся преимущественно половым путем.

В других случаях законодатель проявляет большую уступчивость и вносит коррективы в текст уголовного закона, следуя развитию регулятивного законодательства. Так было с нормой, предусмотренной ст. 123 УК РФ, где вместо устоявшегося в уголовном законодательстве «незаконного производства аборта» законодатель ввел «незаконное проведение искусственного прерывания беременности» в соответствии с Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Но, пожалуй, самым ярким случаем использования устаревшей терминологии являются нормы об ответственности за половые преступления, сохраняющие терминологию XIX в. Имеются в виду такие действия сексуального характера как «мужеложство» и «лесбиянство», названия которых в современной сексологии давно не используются. В медицине для обозначения этих сексуальных девиаций применяется понятие мужского и женского гомосексуализма [Кон 2004; Кочарян 2007].

2. Следующим примером, иллюстрирующим юридико-технические недостатки языка уголовного закона, является нарушение требований о единстве законодательной терминологии. Суть этого требования сводится к тому, что в нормативном акте следует использовать юридические термины в одинаковом значении [Горохова 2020 : 70].

В УК РФ встречаются отступления от этого требования. В частности, в ст. 110 УК РФ предусматривается ответственность за «доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство...». Данное преступление признается оконченным в случае совершения потерпевшим самоубийства или покушения на самоубийство. Легальная дефиниция покушения дается в ч. 3 ст. 30 УК РФ: «Покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам». Из текста закона определенно вытекает, что такие действия может выполнить толь-

ко лицо, совершающее преступление. Если при толковании нормы о доведении до самоубийства использовать законодательное определение покушения, то мы приходим к абсурдному выводу, что суицид должен совершить собственно сам субъект преступления, а не потерпевший. В содержание термина «покушение» законодатель в этом случае вложил иное содержание. Произошла подмена понятия «покушение», имеющего четко выраженное юридическое содержание, значением, присущим узальному (неспециальному) слову. Таким образом, содержание термина «покушение» в ст. 110 УК РФ определяется посредством понятия «попытка» в общеупотребительном значении, не имеющем отношения к стадиям совершения преступления.

Использование в юридических текстах терминов, которые обладают бытовым и специально-юридическим значением, допустимо, но в одном нормативно-правовом акте значение таких терминов должно быть единым, чтобы не создавать полисемии, затрудняющей интерпретацию текста. Отметим тот факт, что содержание этих понятий раскрывается в нормах Общей части УК РФ.

Аналогичное нарушение мы наблюдаем в примечании к ст. 117 УК РФ, где дается понятие пытки: «Под пыткой в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса понимается причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях». С одной стороны, безусловно, позитивным является шаг законодателя по уточнению оценочного понятия «пытка», но с другой стороны, в этом определении имеются существенные изъяны, затрудняющие установление его содержания.

Во-первых, крайне неудачным является определение цели пытки как понуждение к даче показаний, поскольку такая цель является конструктивным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ («Принуждение к даче показаний»), где пытка также фигурирует как квалифицированный состав данного преступления в ч. 2 ст. 302 УК РФ. Норма об истязании (ст. 117 УК РФ) является общей по отношению к закрепленной ст. 302 УК РФ. Опять возникает вопрос: в каком значении употребляется цель понуждения к даче показаний, а именно в смысле совершения преступления против правосудия, то есть принуждение к даче показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта или специалиста стороны следователя или лица, производящего дознание, или в более широком значении – получении информации от любого потерпевшего? Мы склоняемся к последней интерпретации, однако именно она и не соответствует буквальному содержанию цели, обозначенной в примечании к ст. 117 УК РФ. Помимо того, остается без однозначного ответа вопрос о правомочности такого толкования: это расширительное толкование или аналогия уголовного закона?

Во-вторых, в рассматриваемом примечании также сказано о целях наказания в пытке, что опять ставит проблему соотношения со ст. 43 УК РФ («Понятие и цели наказания»). В ч. 2 ст. 43 сказано, что «наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений». Очевидно, что не эти цели имел в виду законодатель в примечании к ст. 117 УК РФ, но там, как и в случае с покушением в доведении к самоубийству, используется юридическая терминология, содержание которой раскрыто в Общей части УК РФ, причем это содержание не соотносится с тем смыслом, который законодатель пытался выразить в норме Особенной части УК РФ.

3. Следующая проблема, о которой мы уже упоминали выше, – разобщенность положений Общей и Особенной части УК РФ. Эта разобщенность уже хорошо была заметна в примерах, показанных ранее. О параллелизме Общей и Особенной части УК РСФСР писали советские ученые [Злобин, Никифоров 1972 : 29, 57]. УК РФ унаследовал от советского законодательства эту особенность. Ее появление связано с историей становления послереволюционного уголовного законодательства. Дело в том, что советское декретное законодательство, создававшее конкретные составы преступления, легло в основу преимущественно Особенной части УК РСФСР 1922 г. Нормы Общей части не были подготовлены предшествующим опытом развития уголовного законодательства и носили преимущественно доктринальный характер. Его источником, в частности, было Уголовное уложение 1903 г. Современное законодательство до сих пор несет на себе отпечаток этого разрыва.

Примеров таких можно приводить множество. Мы остановимся только на некоторых из них. При конструировании конкретных составов преступлений законодатель не использует формулировки главы 5 УК РФ («Вина»). Типичным примером является термин «заведомость», который упоминается 131 раз в Особенной части УК РФ. Это гораздо чаще, чем упоминание об умысле. «Заведомость» отражает субъективное отношение к признакам преступления. В главе 5 УК РФ данный признак не упоминается, и его содержание не является однозначным.

По прошествии 23 лет действия УК РФ так и не была реализована новелла, закрепленная в ч. 2 ст. 24 УК РФ о наказуемости неосторожных преступлений только в случае специально указанных в законе. Эта позитивная новация не была учтена при формулировании норм Особенной части УК РФ и была дезавуирована, правда довольно туманно, законом от 25.06.1998 № 92-ФЗ. Полагаем, что за почти четверть века действия уголовного закона можно было скорректировать признаки субъективной стороны преступлений и точно отразить формы вины. На это уже неоднократно обращалось внимание в научной литературе [Кострова 2004].

Такое отношение законодателя передается и правоприменителю, который не уделяет серьезного внимания установлению вины, что, безусловно, подрывает основополагающие принципы уголовного права.

Еще одним примером параллелизма норм Общей и Особенной части УК РФ является признак преступной группы, закрепленный в ч. 4 ст. 151 УК РФ. Напомним, что речь здесь идет о вовлечении несовершеннолетнего в преступную группу. Групповые формы соучастия отражены в ст. 35 УК РФ, но понятия преступной группы там не содержится. Иными словами, в ст. 151 УК РФ совершенно неожиданно появляется групповая форма соучастия, не известная институту соучастия, и остается только предполагать, можно ли в данном случае рассматривать преступную группу как родовое понятие для всех групповых форм соучастия, указанных в ст. 35 УК РФ, или она должна охватывать только ее конкретные формы, и следует ли сюда отнести банду, террористическое, экстремистское сообщество и другие формы объединений, названных в нормах Особенной части УК РФ.

4. Также является проблемой несоответствие грамматической формы, используемой законодателем, и юридического содержания признаков отдельных составов преступлений. В этих случаях применение грамматического способа толкования признаков преступления может дезориентировать правоприменителя, поскольку противоречит устоявшейся судебной практике. Примером может служить определение момента окончания изготовления в целях сбыта поддельных денег или ценных бумаг. В ст. 186 УК РФ сказано: «Изготовление в целях сбыта поддельных **банковских билетов** (выделено нами – *С.Д., В.Н.*) Центрального банка Российской Федерации...». Множественное число свидетельствует, что для признания данного преступления оконченным требуется подделка нескольких банковских билетов. Вопреки грамматическому толкованию текста закона, в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 № 2 (ред. от 06.02.2007) «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» говорится, что «изготовление фальшивых денежных знаков или ценных бумаг является оконченным преступлением, если с целью последующего сбыта изготовлен хотя бы один денежный знак или ценная бумага, независимо от того, удалось ли осуществить сбыт подделки».

Таким образом, судебная практика выработала способ интерпретации текста закона, не соответствующий его грамматической конструкции.

Сходная проблема имеется в ст. ст. 174 и 174¹ УК РФ, где законодатель также во множественном числе говорит о совершении финансовых операций, а Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что «ответственность по статье 174 или статье 174¹ УК РФ наступает и при совершении одной финансовой операции или сделки с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем (в результате совершения преступления)...» [Постановление Пленума Верховного Суда РФ 2020].

Исправить подобные недостатки возможно только путем законодательной корректировки соответствующих норм уголовного закона.

5. Также целесообразно затронуть и проблему юридической техники правоприменительных актов. Речь идет о правилах обозначения в текстах правоприменительных актов новых статей УК РФ.

В соответствии с п. 12 «Методических рекомендаций по юридико-техническому оформлению законопроектов» (направлены письмом Аппарата ГД ФС РФ от 18.11.2003 № вн2-18/490), «если законодательный акт дополняется новыми структурными единицами, то новые структурные единицы необходимо обозначать дополнительно цифрами, помещаемыми над основными цифровыми или буквенными обозначениями (например, глава 5¹, статья 7², часть 2¹, пункт 3³, подпункт "б"¹)». Однако в правоприменительной практике, в частности в приговорах судов, новые статьи обозначаются по-иному, например, вместо 110¹ УК РФ – 110.1 УК РФ, хотя формально такой статьи в УК РФ вообще нет, а подобная система обозначения структурных единиц принята в КоАП РФ.

С точки зрения правил юридической техники следует цифровое обозначение нормы приводить в точном соответствии с тем, как это обозначено в официальных изданиях (Собрании законодательства РФ, Российской газете или на официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>).

В небольшой публикации невозможно остановиться на всех языковых и юридико-технических проблемах языка действующего уголовного законодательства. Следует понимать, что текст закона, помимо специальной, включает в себя и общеупотребительную лексику, а значит, ему по объективным причинам присущи омонимичность и многозначность [Кострова 2008 : 111; Ващенко, Карлов 2019], и тем важнее усилия науки по повышению уровня определенности и ясности закона. От реализации этих усилий в значительной степени зависит эффективность действия уголовно-правовых норм.

Библиографический список

1. Ващенко, Ю. С. Лингво-правовой анализ некоторых терминов уголовного права и процесса, их языковая специфика (часть I) / Ю. С. Ващенко, В. П. Карлов // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2019. – Т. 2, № 4. – С. 165–174.
2. Горохова, С. С. Юридическая техника : учебник и практикум для вузов / С. С. Горохова. – Москва : Юрайт, 2020. – 311 с.
3. Злобин, Г. А. Умысел и его формы / Г. А. Злобин, Б. С. Никифоров. – Москва : Юрид. лит., 1972. – 264 с.
4. Кон, И. С. Сексология / И. С. Кон. – Москва : Академия, 2004. – 384 с.
5. Кострова, М. Русский язык и российское законодательство / М. Кострова // Уголовное право. – 2008. – № 1. – С. 108–112.
6. Кострова, М. Б. К вопросу об использовании изобразительно-выразительных средств языка в уголовном законе / М. Б. Кострова // Юрислингвистика. – 2004. – № 5. – С. 210–213.
7. Кочарян, Г. С. Современная сексология / Г. С. Кочарян. – Киев : НИКА-Центр, 2007. – 400 с.

8. Новое уголовное уложение. С приложением предметного алфавитного указателя. – Санкт-Петербург : Изд-е Каменноостровского юридического книжного магазина В. П. Анисимова, 1903. – 253 с.
9. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 : [в ред. от 26.02.2019] // СПС «КонсультантПлюс». – 2020.
10. Свод законов Российской Империи. – Т. XV. – Изд. 1885 г. – URL: <https://www.consultant.ru/reprint/books/229/2.html>
11. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Ф. Р. Сундукова, И. А. Тарханова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2009. – URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/rubr/ugolovnoe_pravo/

О. В. Зуга

Ижевск, Россия

КОНСТРУКЦИИ С СОЮЗОМ «И» В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

O. V. Zuga

Izhevsk, Russia

CONSTRUCTIONS WITH THE CONJUNCTION «I» («AND») IN THE LEGISLATIVE ACTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF PERCEPTION AND INTERPRETATION

Аннотация. Представляется анализ сочинительных конструкций с союзом *и* в законодательных актах. На примере анализа статьи 30 УК РФ показываются трудности восприятия и интерпретации сочинительных конструкций; делается вывод о том, что в некоторых случаях замена союза *и* (даже при правильном его использовании) на союз *или* может облегчить процесс восприятия и интерпретации юридической нормы.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, законодательные акты, сочинительная связь, союз *и*.

Abstract. The article is devoted to the analysis of compositional constructions with the conjunction «i» («and») in legislative acts. On the example of analysis of article 30 of the Criminal Code of the Russian Federation, the author shows the difficulties of perception and interpretation of compositional constructions; comes to the conclusion that in some cases the replacement of the conjunction “i” (‘and’) (even if used correctly) by the conjunction “ili” (‘or’) may facilitate the process of perception and interpretation of the legal norm.

Keywords: linguistic examination, legislative acts, composing connection, conjunction “i” (‘and’).

Существует немало работ, посвященных исследованию сочинительных союзов в русском языке. Достаточно активно исследовались вопросы синтаксиса сочинительных конструкций, не раз поднимался вопрос о функциональной семантике сочинительных союзов. Материалом для исследований служили многие источники: старославянские тексты, диалектные записи, тексты художественной литературы, факты современного русского языка и др. [Николаева 1997; Ерещенко 2001; Урысон 2005; Санников 2008; Гаврилова 2015; Ковтуненко 2016]. Наша статья посвящена анализу сочинительных конструкций с союзом *и* в законодательных актах Российской Федерации.

В научной литературе, словарях и грамматиках русского языка у соединительного союза *и* зафиксировано множество значений. Мы придерживаемся точки зрения тех ученых, которые, признавая большой семантический потенциал и широкие синтаксические возможности союза *и* [Ерещенко 2001 : 11], считают, что в сочинительных предложениях с союзом *и* все значения (кроме причинно-следственного) выражаются не союзом *и*, а другими средствами – лексическим составом, интонацией, порядком следования компонентов, их морфологическими характеристиками (ср. пары: *Он сел и запел* vs. *Он запел и сел*; *Он сел и запел* [последовательность] vs. *Он сидел и пел* [одновременность] [Санников 2008 : 286, 289]; что проблема описания сочинительного союза «и» не может быть раскрыта вне характеристики семантики соединяемых им компонентов, так как это не знаменательное слово, а служебное и определить совокупность его семантических реализаций, которые могут быть включены в его словарные дефиниции, можно лишь описав всю совокупность возможных синтаксических употреблений, это элемент синтаксиса, и рассматривать синтаксическую структуру вне синтаксической конструкции невозможно [Ерещенко 2001 : 26; Гаврилова 2015 и др.].

Материалом нашего исследования стала статья 30 УК РФ *Приготовление к преступлению и покушение на преступление. Часть 2: Уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлению*.

Нетрудно заметить, что союз *и* присутствует не только в тексте статьи, но и в ее заголовке. Так как подобные конструкции (заголовки, названия, надписи и под.) не имеют признака предикативности, не содержат значения бытия (события), выполняют функцию называния (наименования), следовательно, выступая лишь в качестве логического *и*, союз выполняет в них функцию «чистой соединительности (конъюнкции)».

Обратимся к анализу второй части статьи: «2. Уголовная ответственность наступает за приготовления только к тяжкому и особо тяжкому преступлению» (Выделено нами. – О.З.).

Комментируя эту норму, юристы обращают внимание на то, что «при буквальном толковании это правило интерпретируется следующим образом: уголовная ответственность предусмотрена за одновременное приготовление лица к совершению двух преступлений – тяжкого и особо тяжкого. Использование пространственного толкования позволяет применять это правило, когда виновное лицо готовилось к совершению какого-либо одного преступления – тяжкого или особо тяжкого» [Сверчков, Шавлюк 2018 : 268].

В приведенном контексте союз *и* употребляется для соединения двух слов, обозначающих однородные в определенном отношении признаки и указывает на то, что перечисление данных признаков полностью исчерпано и не может быть продолжено далее. Собственно сочинительный союз *и* фиксирует одинаковую (смысловую и синтаксическую) отнесенность соединенных им компонентов (определений) к третьему (определяемому существительному) (см. об этом [Валгина 1991 : 237]). «Осознание человеком различных предметов, признаков, явлений объективной действительности как подобных друг другу, как одинаковых в каком-то отношении приводит к их выражению в языке как равноценных, равносоотнесенных с чем-то общим. Способом передачи сходства является сочинительная связь. Сходство предполагает не только подобие, но и различие» [Ерещенко 2001 : 33]. Сходство анализируемых сочиненных членов заключается в их функции определения, в наличии у них общей семы – *тяжкое*, различие – в степени тяжести (*тяжкое – особо тяжкое*).

Основной семантический признак, положенный в основу классификации сочинительных союзов, – это отношение к реальной действительности, а именно: реальность / нереальность / возможность описываемых событий. По этому признаку соединительные и противительные союзы, которые указывают на то, что *утверждение соответствует действительности относительно обоих конъюнктов*, противопоставляются разделительным, которые указывают на то, что утверждение может ей соответствовать относительно одного члена, но в реальности соответствует только относительно одного. Ср. *красивая и глупая* (соединительный союз), *красивая, но глупая* (противительный союз) vs. *красивая или глупая* (разделительный союз) [Проект корпусного описания грамматики 2011]. Об этом же [Русский язык 1998 : 526; Санников 2008 : 179]: в соединительных конструкциях оба описываемых события имеют место (*Плачет, и поет; Плачет, но поет; Плачет, а поет*). Следовательно, в анализируемой нами конструкции существительное *преступление* (в тексте закона – *преступления*) описано двумя определениями – *тяжкое* и *особо тяжкое* – и оба признака соответствуют действительности, о чем свидетельствует соединительный союз *и*. Очевидно, именно такие отношения имеет в виду автор одного из учебников по технике юридического письма, описывая их следующим образом: союз *и* означает *одновременное* наличие тех признаков, которые им соединены [Шугрина 2011 : 53]. На наш взгляд, рассматривать сочинительные отношения двух определений вне синтаксической конструкции в целом, неправильно, так как однородные компоненты могут при одних и тех же средствах выражения их связи по-разному относиться друг к другу с точки зрения их семантики [Ерещенко 2001 : 5]. В одних случаях они могут быть связаны отношениями соединения, а в других – суммирования. Так, предложение *Нарыли очень много глубоких и больших ям* можно понимать двояко: 1) одни ямы большие, другие глубокие – здесь *и* показатель суммирования; 2) одни и те же ямы большие и глубокие – здесь *и* показатель соединения компонентов [Ерещенко 2001 : 42–43].

Согласно предложенному подходу анализируемый фрагмент *ответственность наступает за приготовления только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям* может иметь двоякое толкование: 1) есть тяжкие и есть особо тяжкие преступления – при отношениях суммирования; 2) одно и то же преступление является тяжким и особо тяжким – соединение признаков в одном объекте – отношения соединения. Так как второе толкование алогично (одно и то же преступление не может быть одновременно и тяжким, и особо тяжким), следовательно, речь идет о существовании двух явлений – есть тяжкие преступления, а есть особо тяжкие преступления. На это указывает и грамматическая форма определяемого существительного (*преступлениям*): форма мн. ч. подчеркивает наличие нескольких предметов [Розенталь 2001 : 260; Валгина 1991 : 235]. Об этом же Т. В. Леонтьева: форма мн. ч. используется при необходимости подчеркнуть наличие двух разных предметов или явлений (ср.: *очищающий и тонирующий лосьон – очищающий и тонирующий лосьоны; торговый и одновременно развлекательный центр – торговый и развлекательный центры*) [Леонтьева 2014 : 129]. См. пример выше *красивая и глупая*. Смысл этой конструкции будет зависеть от выбора формы существительного: ср. *красивая и глупая девочка* – *красивая и глупая девочки*. В первом случае девочка одновременно и красивая, и глупая, а во втором – это разные девочки.

Таким образом, из приведенной юридической нормы не следует, что названные признаки – *тяжкое* и *особо тяжкое* – являются кумулятивными, т.е. должны соблюдаться в совокупности (*тяжкое + особо тяжкое* одновременно); правонарушением является 1) приготовление к тяжкому преступлению, 2) приготовление к особо тяжкому преступлению.

Анализ приведенной юридической нормы еще раз доказал тезис о том, что «семантическая структура любого служебного слова складывается из совокупности лексического наполнения частей и синтаксической конструкции, в которой оно употребляется. Здесь тесно переплетаются его лексико-морфологические и синтаксические отношения. Синтаксическое окружение – это не только актуализатор слова «и», а непосредственное проявление его семантики» [Ерещенко 2001 : 26].

Одновременно с этим, мы не можем не согласиться с предложением относительно анализируемой нами юридической нормы, высказанным в [Сверчков, Шавлюк 2018 : 268]: «Для того чтобы устранить воз-

возможность неверной интерпретации рассматриваемой правовой нормы, законодателю надлежит использовать в её формулировке разделительный союз («или», «либо») вместо союза «и». Использование союза *или*, который указывает на возможность выбора только одного из понятий [Валгина 1991 : 237; Русская грамматика 2005, 2 : 169], действительно может облегчить процесс восприятия и интерпретации текста закона. На это указывает и комментарий к анализируемой статье: «Уголовная ответственность возможна лишь за приготовление к тяжкому и (*читай: или*) особо тяжкому преступлению (ч. 2 коммент. статьи)» [Уголовный кодекс РФ 2020] (Выделено нами. – О. 3.). Отметим только, что при замене союза *и* на союз *или* поменяется и форма определяемого существительного, так как согласно [Розенталь 2001 : 259; Леонтьева 2014 : 129; Валгина 1991 : 235] при наличии между определениями противительных, разделительных и сопоставительных союзов, определяемое существительное ставится в форме ед. ч. (*песчаная или глинистая почва; не каменный, а деревянный мост*). Иными словами, вместо формы множественного числа *преступлениям* необходимо будет использовать форму единственного числа существительного: *уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому или особо тяжкому преступлению*.

Библиографический список

1. Валгина, Н. С. Синтаксис современного русского языка / Н. С. Валгина. – Москва : Высш. шк., 1991. – 432 с.
2. Гаврилова, Г. Ф. О семантике и функциональных потенциях сочинительных союзов / Г. Ф. Гаврилова // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. – 2015. – Т. 14, вып. 9: Филология. – С. 71–77.
3. Ерещенко, М. В. Конструкции со служебным словом «И» и их разновидности в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук / Ерещенко М. В. – Ростов-на-Дону, 2001. – 150 с.
4. Ковтуненко, И. В. Сочинительные союзы в контрастивном аспекте: семантика, функции, прагматика (на материале русского и французского языков) : монография / И. В. Ковтуненко ; ред. Г. Ф. Гаврилова. – Ростов-на-Дону : Академ-Лит, 2016. – 126 с.
5. Леонтьева, Т. В. Документная лингвистика : учеб. пособие / Т. В. Леонтьева. – Москва : Флинта : Наука, 2014. – 256 с.
6. Николаева, Т. М. Сочинительные союзы а, но, и: история, сходства и различия / Т. М. Николаева // Славянские сочинительные союзы / Российская академия наук. – Москва, 1997. – С. 3–24.
7. Розенталь, Д. Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика / Д. Э. Розенталь. – Москва : ОНИКС 21 век : Мир и образование, 2001. – 381 с.
8. Проект корпусного описания русской грамматики / рук. проекта В. А. Плунгян, 2011. – URL: <https://bit.ly/2UYDVWk> (дата обращения: 10.04.2020).
9. Русская грамматика : науч. тр. / Е. А. Брызгунова и др. ; Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – Москва : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2005. – Т. 2. – 712 с.
10. Русский язык. Энциклопедия. – 2-е изд-е, перераб. и доп. / гл. ред. Ю. Н. Караулов ; Российская Академия наук ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – Москва : Дрофа, 1998. – 703 с.
11. Санников, В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – 624 с.
12. Сверчков, В. В. Актуальные вопросы языкового выражения уголовно-правовых норм в связи с необходимостью их распространительного и ограничительного толкования / В. В. Сверчков, В. Б. Шавлюк // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. В. Барабаш. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. – С. 266–268.
13. Уголовный кодекс РФ 2020. Актуальная редакция с Комментариями по состоянию на 27.01.2020. – URL: <http://ukodeksrf.ru/ch-1/rzd-2/gl-6/st-30-uk-rf> (дата обращения: 10.04.2020).
14. Урысон, Е. В. Материалы к семантическому описанию русского слова *и* / Е. В. Урысон // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / отв. ред В. Н. Топоров ; Ин-т славяноведения РАН. – Москва : Языки славянских культур, 2005. – С. 374–390.
15. Шугрина, Е. С. Техника юридического письма / Е. С. Шугрина. – Москва : Дело, 2011. – 272 с.

В. А. Катомина

Пенза, Россия

ПРАВОВЫЕ ПРЕЗУМПЦИИ КАК СРЕДСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

V. A. Katomina

Penza, Russia

LEGAL PRESUMPTIONS AS A MEANS OF LEGAL TECHNIQUE

Аннотация. Рассматривается презумпция как юридическое средство урегулирования общественных отношений. Отмечается, что данная юридическая конструкция упрощает процесс правового упорядочения общественных отношений, поскольку определяет предмет доказывания в судебном разбирательстве. Делается вывод о том, что правовые презумпции позволяют упростить и оптимизировать процедуру рассмотрения дела в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: презумпция, юридическое средство, нормативный правовой акт, правоприменительная деятельность.

Abstract. The article considers the presumption as a legal means of regulating public relations. It is noted that this legal structure simplifies the process of legal ordering of public relations, since it determines the subject of proof in court proceedings. It is concluded that legal presumptions make it possible to simplify and optimize the procedure for considering a case in law enforcement.

Keywords: presumption, legal remedy, normative legal act, law enforcement.

Презумпция является важнейшим средством юридической техники, к исследованию которой обращались многие ученые.

На протяжении всего периода исследования данной правовой конструкции взгляды на ее понимание зачастую менялись. Так, дореволюционный этап отличался признанием важности этого феномена в юриспруденции, существование которого объяснялось недостатком юридического мышления [Муромцев 2004 : 100].

В советский период большинство ученых всячески пыталось отрицать необходимость правовых презумпций в юридической деятельности. В частности, А.С. Голунский указывал, что любые предположения направлены на создание абстрактной истины, оторванной от конкретных обстоятельств данного дела [Голунский 1937 : 59]. Вместе с тем, ряд исследователей, среди которых, прежде всего следует назвать В. К. Бабаева, придерживались мнения о практической ценности презумпций в праве, поскольку данный феномен находится в непосредственной связи с юридическими фактами [Бабаев 1974 : 46].

В настоящее время в юридической науке никем не отрицается значимость презумпций. Данная юридическая конструкция содержится во многих нормативных правовых актах и активно используется правоприменителями в юридической практике.

В теории права презумпция понимается как предположение, основанное на вероятности. Будучи универсальной категорией, данная конструкция используется в различных областях человеческого знания, выступая неким логическим приемом познания действительности. Вместе с тем в юриспруденции распространен подход видения презумпции как юридического средства урегулирования общественных отношений.

Любая презумпция, и правовая не является исключением, содержит две стороны: социальную и юридическую. Социальный аспект данного феномена отражает способ формирования презумпции и ее восприятие в качестве предположения, основанного на той или иной степени вероятности. Юридический аспект позволяет закрепить в нормативных правовых актах обязанность признать тот или иной факт, событие, обстоятельство презюмируемым с возможностью его опровержения.

Исходя из этого можно выделить следующие признаки правовой презумпции:

- презумпция – это предположение вероятностного или прогностического характера, отражающее определенную меру возможности существования факта;
- предпосылкой возникновения презумпций выступает длительное развитие юридической теории и практики, подтверждаемое предшествующим опытом;
- целью использования правовых презумпций является предоставление преимущественной защиты определенного социального интереса;
- презумпция – это гипотетическое суждение, которое может быть опровергнуто в процессе доказывания при помощи доказательств, относящихся к делу и допустимых законом;
- презумпция содержит конкретное правило поведения и адресована определенному кругу субъектов;

– презумпция, находя свое закрепление в нормах права в той или иной степени, порождает определенные юридические последствия.

Зачастую правовые презумпции находят свое формальное закрепление в действующем законодательстве в виде таких формулировок как «...пока не доказано иное», «...если не докажет» и т.д. Между тем подобные выражения могут встречаться в конкретизирующих положениях общих доказательственных правил.

Правовые презумпции следует отличать от таких вероятностных суждений как гипотезы и версии, которые в силу своей социальной природы имеют спорный характер, а, следовательно, требуют проверки на предмет их достоверности при помощи логических правил. Более того, ввиду отсутствия нормативного характера у подобных вероятностных суждений, последние могут использоваться свободно, тогда как правовые презумпции применяются независимо от воли и желания участников общественных отношений [Баулин 2004 : 217].

Исходя из изложенного, можно прийти к выводу о том, что презумпции являются важнейшим регулятивно-организующим средством, упрощающим процесс правового упорядочения общественных отношений.

Именно отмеченное качество позволяет правовым презумпциям влиять на процесс разрешения юридического дела по существу в судебном разбирательстве, поскольку могут определять предмет доказывания [Юдельсон 1951 : 268]. Распределяя между сторонами юридического процесса бремя доказывания, презумпции тем самым устраняют правовые неопределенности, облегчая процесс осуществления правоприменительной деятельности. Судья, не всегда имея возможность установить истину по отношению к тому или иному юридическому факту, может руководствоваться положением той или иной презумпции и вынести соответствующее решение по делу. Следовательно, правовые презумпции выступают в качестве юридических средств обеспечения законности и обоснованности выносимого судом решения.

Правовые презумпции, являясь предположениями, в силу которых суд делает вывод о существовании определенного факта на основании других, уже доказанных фактов, позволяют не доказывать презюмируемый факт, освобождая участников юридического процесса от доказывания [Курылев 1969 : 96]. Между тем такое не всегда возможно, поскольку в подавляющем большинстве случаев все-таки необходима процессуальная деятельность по доказыванию [Каранина 2006 : 44]. В этой связи в ряде ситуаций презумпцию можно рассматривать в качестве юридического средства обеспечения и соблюдения баланса участников правоотношений в рамках доказывания по делу, благодаря которому на каждую сторону юридической деятельности возлагается обязанность доказывать те или иные обстоятельства юридического дела. Следовательно, правовые презумпции выступают в качестве юридического средства обеспечения справедливого состязания субъектов права [Катомина 2004 : 140–141].

Отмеченное свойство правовой презумпции позволяет рассматривать их в качестве определенной гарантии равенства сторон в юридическом процессе, поскольку данная юридическая конструкция определяет права и обязанности сторон в процессе доказывания своей позиции. Поэтому применение их в юридической практике способствует обеспечению добросовестности выполнения участниками судебного процесса своих обязанностей по отстаиванию своего мнения.

Правовую презумпцию можно рассматривать и в качестве средства процессуальной экономии, поскольку данная юридическая конструкция непосредственно влияет на предмет доказывания. Так, в одних случаях презумпция определяет обстоятельства, не подлежащие доказыванию, тем самым сокращая объем доказательственной базы; в других ситуациях – указывает критерии относимости и допустимости доказательств по делу [Крымов 1999 : 49]; в третьих – позволяет преодолеть неустранимые сомнения правоприменителя относительно достаточности доказательственной информации.

Тем самым правовые презумпции играют важную роль в юрисдикционной деятельности, поскольку в ряде случаев способны заменить доказательства по рассматриваемому делу. Вместе с тем сами судебными доказательствами они не являются. Презумпции выступают способом установления юридически значимых обстоятельств при невозможности их достоверного выяснения в связи с недостаточностью доказательств. Следовательно, презумпции в рамках состязательного процесса могут исполнять роль своеобразных предпосылок возникновения правоотношений.

В правореализационном процессе правоприменители нередко прибегают к юридическому толкованию презумпций, позволяющему разъяснить содержание юридического предписания с точки зрения мотивов и целей, которыми руководствовался законодатель, формулируя ту или иную норму права. Отмеченное обстоятельство позволяет рассматривать правовую презумпцию в качестве средства преодоления коллизий законодательства.

Хотя в советской юридической литературе существовало иное мнение по данному поводу. Так, отмечалось, что использование предвзятых предположений (презумпций) препятствует доказательственному процессу, ибо все факты юридического дела должны быть доказаны [Арсеньев 1965 : 99–100].

Однако такой подход лишает правоприменительную практику теоретического фундамента, исходя из которого будут формироваться юридические предписания, направленные на правовое регулирование сложных общественных связей, складывающихся в связи с разрешением юридического конфликта.

Любая презумпция должна быть обоснованной, т.е. должна выражать реально существующие причинно-следственные связи явлений и фактов, а не отражать собственные предрассудки или личностные предубеждения правоприменителей. В этой связи правовые презумпции способствуют принятию итогового решения по юридическому делу, ограничивая возможность вынесения произвольных, необоснованных пра-

воприменительных решений, ограждая участников юридического процесса от ошибок правоприменительных органов. Именно по этой причине суды, принимая то или иное решение, должны исходить из презумпции равенства всех видов доказательств.

Таким образом, правовые презумпции являются особым средством правового регулирования, позволяющие упростить и оптимизировать процедуру рассмотрения дела в правоприменительной деятельности.

Библиографический список

1. Арсеньев, В. Д. О фактах, не подлежащих доказыванию в процессе уголовного судопроизводства / В. Д. Арсеньев // Правоведение. – 1965. – № 1. – С. 97–104.
2. Голунский, А. С. О вероятности и достоверности в уголовном суде / А. С. Голунский // Проблемы уголовной политики. – Москва : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. – Кн. 4. – С. 56–63.
3. Бабаев, В. К. Презумпции в советском праве : учеб. пособие / В. К. Бабаев. – Горький : Изд-во ГВШ МВД СССР, 1974. – 124 с.
4. Баулин, О. В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел / О. В. Баулин. – Москва : Городец, 2004. – 272 с.
5. Каранина, Н. С. Правовые презумпции в теории права и российском законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Каранина Н. С. – Москва, 2006. – 164 с.
6. Катомина, В. А. Роль презумпций в состязательном процессе / В. А. Катомина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 4 (105). – С. 139–141.
7. Крымов, А. А. Правовые презумпции в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Крымов А. А. – Москва, 1999. – 215 с.
8. Курылев, С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии / С. В. Курылев. – Минск : Изд-во БГУ, 1969. – 202 с.
9. Муромцев, С. А. О консерватизме римской юриспруденции: опыт по истории римского права / С. А. Муромцев // Избранные труды по римскому и гражданскому праву. – Москва : ЮрИнфоР, 2004. – 764 с.
10. Юдельсон, К. С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе / К. С. Юдельсон. – Москва : Госюриздат, 1951. – 295 с.

J.-P. Laborde

Bordeaux, France

LEGAL TECHNIQUE OF FRENCH SOCIAL SECURITY LAW: BETWEEN DARKNESS AND LIGHT

Ж.-П. Лаборд

Бордо, Франция

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА ФРАНЦУЗСКОГО ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ: МЕЖДУ СУМРАКОМ И СВЕТОМ

Abstract. The article examines the complex and complex nature of French social security law, including in terms of its legal technique. Reasons for this are revealed. The existence of two opposite trends in modern French social security law is substantiated: on the one hand, its complication, on the other hand, simplification and clarification of its norms.

Keywords: legal technology, social security law, employee, social insurance.

Аннотация. Рассматривается сложный и комплексный характер французского права социального обеспечения, в том числе с точки зрения его юридической техники. Выявляются причины этого. Обосновывается наличие двух противоположных тенденций в современном французском праве социального обеспечения: с одной стороны, его усложнение, с другой – упрощение и прояснение его норм.

Ключевые слова: юридическая техника, право социального обеспечения, работник, социальное страхование.

LA LEGISTIQUE DU DROIT FRANCAIS DE LA SECURITE SOCIALE, ENTRE OMBRES ET LUMIERES

Si l'existence du système de sécurité sociale fait l'objet en France d'un large consensus au point qu'elle apparaît comme une pièce maîtresse de la démocratie sociale, le droit de la sécurité sociale, pourtant essentiel au système lui-même, est assez souvent décrit comme technique et aride, fait de règlements bien plus que de lois, de textes obscurs et pointillistes, au point que son accès semble réservé à quelques spécialistes et aux praticiens de la sécurité sociale.

Ce jugement plutôt négatif, pour assez fréquent qu'il soit, et pour exact qu'il puisse être à l'occasion, ne nous paraît cependant pas pleinement justifié. Certes, le droit de la sécurité sociale souffre d'une forte tendance du système de sécurité sociale lui-même à la complexité. Cette tendance à la complexité s'est d'ailleurs renforcée avec les réformes que le système français de sécurité sociale a fréquemment reçues ou subies depuis 1945.

Cette tendance à la complexité, qui est indéniable, n'est cependant pas le dernier mot dans une analyse suffisamment fine du droit de la sécurité sociale. Outre que les raisons de cette tendance peuvent s'expliquer de façon assez claire, sa portée est limitée par le jeu d'une tendance fort différente, à la simplification et à l'élucidation des dispositifs, à leur mise en lumière. Autrement dit, la légistique du droit de la sécurité sociale, largement entendue¹, n'est pas tout entière dominée par la tendance à la complexité.

C'est ce jeu complexe de deux tendances différentes que nous examinerons rapidement en deux parties successives. Précisons que nos développements concerneront exclusivement le droit français de la sécurité sociale mais qu'ils pourraient sans doute être transposés, au moins en partie, au droit de la sécurité sociale des principaux pays européens.

I / La légistique de sécurité sociale et la tendance à la complexité

La complexité de la légistique en matière de sécurité sociale est bien entendu un phénomène qui tient à plusieurs facteurs, parmi lesquels deux se signalent particulièrement. L'un tient en effet à la complexité de l'architecture de la Sécurité sociale en France (A), l'autre à celle de l'écriture des dispositions du droit de la sécurité sociale (B)

A / Tendance à la complexité due à l'architecture de la Sécurité sociale en France

¹ Le terme de légistique, d'origine relativement récente, est de signification complexe – cf. *Dictionnaire de la culture juridique*, sous la direction de Denis Alland et de Stéphane Rials, V° Légistique, Presses universitaires de France, pp. 922 à 924. Nous l'utiliserons ici surtout dans le sens de science de l'écriture des lois, aussi bien du point de vue de la rédaction des lois que de leur présentation.

Le système français de sécurité sociale ne peut être clairement compris que si l'on tient compte aussi bien de son insertion dans un ensemble plus vaste (1) que de la diversité des éléments qui le composent (2).

1) Le système de sécurité sociale en France est loin en effet de couvrir tout ce que nous appelons la protection sociale. Certes, la Sécurité sociale est la composante la plus importante de la protection sociale, mais elle cohabite, sous le même toit de la protection sociale, avec l'aide sociale, avec l'indemnisation du chômage et avec tout ce qui forme ce que nous appelons la protection sociale complémentaire. Cette architecture d'ensemble est passablement complexe car elle ne se réduit ni à la distinction de l'assurance sociale et de l'aide sociale ni à celle de la couverture sociale de base et de la couverture sociale complémentaire. Certes la Sécurité sociale est faite surtout d'assurances sociales mais pas seulement quand l'aide sociale est toute d'assistance, certes la protection sociale complémentaire vient s'ajouter à la sécurité sociale mais parfois aussi se substitue à elle ; quant à l'indemnisation du chômage, elle tient selon les cas de l'assurance sociale ou de l'aide sociale.

D'un strict point de vue de logistique, on comprend dans ces conditions que les codifications concernées ne soient pas les mêmes. Si la Sécurité sociale relève bien sûr du Code de la sécurité sociale, l'aide sociale relève du Code de l'action sociale et des familles, l'indemnisation du chômage du Code du travail. Quant à la protection sociale complémentaire, si nombre de ses dispositions figurent dans le Code de la sécurité sociale, elle intéresse aussi le droit du travail et le droit des assurances.

2) Ramené si l'on peut dire à lui seul, le système de sécurité sociale se présente comme un ensemble lui-même complexe, qui n'est pas fait tout d'une pièce.

Tout d'abord ce système organise en son sein la coexistence de régimes différents, selon les catégories socioprofessionnelles. Certes le régime général, qui est celui des salariés et assimilés, est d'assez loin le régime le plus important d'autant plus qu'il semble avoir dans l'avenir vocation à englober plus au moins complètement le régime des travailleurs indépendants et au moins certains des régimes dits spéciaux en ce qu'ils sont propres à certaines catégories de salariés et plus largement de travailleurs dépendants. Cependant ce phénomène d'intégration dans le régime général reste lent et compliqué et il est de surcroît douteux qu'il puisse s'étendre au régime agricole, qui concerne la couverture tout à la fois des indépendants agricoles et aussi des salariés agricoles et qui relève de dispositions figurant dans le Code rural.

On comprend qu'on ait pu parler d'une véritable mosaïque de régimes. S'il ne faut pas pour autant en tirer la conclusion que la lecture des dispositions du Code de la sécurité sociale serait systématiquement entravée par cette diversité de régimes, il faut tout de même convenir qu'une bonne lecture des dispositions législatives et réglementaires en la matière suppose, en amont, une bonne connaissance de la structure du système de sécurité sociale et de ses régimes distincts.

Outre la diversité de ses régimes, le système français de sécurité sociale connaît aussi une diversité de composantes ou de volets. Il comprend en effet, d'une façon seulement relativement cohérente, trois composantes essentielles, les assurances sociales, la réparation des accidents du travail et des maladies professionnelles et les prestations familiales, chacune de celles-ci faisant l'objet d'un livre spécifique dans le Code de la sécurité sociale. Et si sans doute les risques et charges concernés peuvent assez souvent se distinguer clairement, ils peuvent aussi parfois résulter d'événements qui ne sont pas de nature radicalement différente. Ainsi un accident peut-il être parfois, selon les cas, un accident de droit commun ou un accident du travail, ainsi encore une maladie peut elle être ou non professionnelle, ainsi la maternité relève-t-elle à la fois d'un risque, quand elle concerne une salariée, et d'une charge en tous les cas, mais qui est alors couverte par l'assurance maternité ou par les prestations familiales selon qu'il s'agit de la naissance d'un enfant ou de son entretien ultérieur. Ici encore, cette complexité, sans doute inévitable, de la couverture ne conduit pas nécessairement à la rendre illisible mais encore faut-il disposer des clés que donnent les connaissances juridiques fondamentales en la matière et faut-il maîtriser la terminologie que ces connaissances mettent en œuvre.

B/ Tendance à la complexité due à l'écriture de la sécurité sociale

Il faut le reconnaître, le droit de la sécurité sociale est assez souvent de lecture difficile car il est d'écriture complexe. Même en s'en tenant au seul droit codifié, la consultation du Code de la sécurité sociale n'est pas nécessairement aisée pour toutes sortes de raisons assez diverses dont nous retiendrons ici que quelques-unes, touchant à la confection du Code ou à la rédaction de ses dispositions.

1) S'agissant tout d'abord de la construction du Code, force est d'observer d'un premier coup d'œil que l'on est en présence d'un document particulièrement volumineux puisque ses éditions papier peuvent aller jusqu'à dépasser les 2000 pages. Même en faisant la part des commentaires des auteurs responsables de l'édition, qui accompagnent les articles principaux et qui peuvent être substantiels, c'est un nombre qui a de quoi impressionner. Il en est d'autant plus ainsi que les grandes éditions contiennent aussi de substantielles annexes, composées de textes non codifiés ou codifiés ailleurs, dont la consultation peut être indispensable sur tel ou tel sujet particulier.

Du reste une lecture un peu plus fouillée relève que ce Code contient pas moins de neuf Livres, lesquels sont divisés en nombreux titres et chapitres. Cette construction balaie effectivement tout le champ du droit de la sécurité sociale et, au-delà, celui du droit de la protection sociale complémentaire. Retenons ici, en simplifiant les intitulés de chaque Livre, que le Livre premier concerne les généralités et les dispositions communes à tout ou partie des régimes de base, le Livre deuxième l'organisation du régime général, le Livre troisième les assurances sociales, le Livre quatrième la réparation des accidents du travail et des maladies professionnelles, le Livre cinquième les prestations familiales, le Livre sixième les dispositions applicables aux travailleurs non salariés, le Livre sept-

tième les régimes divers, le Livre huitième différentes allocations et le Livre neuvième la protection sociale complémentaire et supplémentaire des salariés et non salariés et les institutions paritaires qu'elle met en œuvre.

Quant à la présentation des articles codifiés, elle peut surprendre car elle détone d'avec la numérotation classique. La numérotation désormais retenue ne se contente pas d'une énumération successive mais repose plutôt sur une énumération analytique, qui impose à chaque article un numéro assez complexe, composé d'abord d'un groupe de trois chiffres qui situent l'article dans le plan du Code, séparé d'un tiret d'un autre nombre, qui situe l'article dans la subdivision dont il relève directement. A quoi s'ajoute avant même le numéro lui-même une lettre majuscule, L, R ou D, qui indique la nature juridique, législative ou réglementaire, de la disposition. Ainsi le premier article du Code n'est plus l'article 1 mais l'article L. 111-1, soit le premier article du premier chapitre du premier titre du premier livre du Code, à valeur législative. Sans aucun doute, cette caractéristique n'est aucunement propre au Code de la sécurité sociale puisqu'elle est retenue aujourd'hui dans la plupart des éditions modernes des Codes et notamment dans le Code du travail. Sans doute aussi a-t-elle le grand mérite de permettre au lecteur de situer l'article dans le plan du Code avant même d'en découvrir le libellé. Pour autant, l'aspect scientifique, ou technique, de cette numérotation ne manque pas de troubler et d'apparaître comme une sorte de mystère à déchiffrer avant qu'on en connaisse les clés, en définitive relativement simples. Mais encore faut-il les connaître.

2) Le contenu même des dispositions du Code peut surprendre, voire décevoir, dans la mesure notamment où il est tributaire de la distinction imposée par l'article 37 de la Constitution, qui certes réserve au législateur tout ce qui relève des principes fondamentaux en matière de sécurité sociale mais qui laisse au pouvoir réglementaire compétence pour tout le reste. Or si les conditions d'attribution des prestations relèvent le plus souvent du pouvoir législatif, leur montant bascule le plus souvent dans le champ de la compétence réglementaire, ce qui du reste explique le soin donné par le codificateur contemporain à la distinction des articles annoncés en L et de ceux annoncés en R ou D.

Cette distinction des principes fondamentaux et de ce qui n'est pas eux n'est pas propre au droit de la sécurité sociale et elle est tout autant connue du droit du travail. Elle a cependant une portée peut-être plus grande encore en matière de droit de la sécurité sociale dans la mesure où le montant des prestations, c'est le moins qu'on puisse dire, n'est quand même pas tout à fait secondaire. Dans ces conditions, les interventions du pouvoir réglementaire sont souvent suspectées de reprendre sur le terrain des montants ce qui peut avoir été concédé sur le terrain des principes. Et, en toute hypothèse, tout lecteur du Code est amené à ne jamais oublier de consulter dans les parties réglementaires ce qui accompagne sa consultation dans la partie législative, ce en quoi d'ailleurs la numérotation actuelle des articles peut lui faciliter la tâche.

Tout cependant n'est pas question de numérotation. Le contenu même des dispositions de droit de la sécurité sociale se caractérise également, assez fréquemment, par la complexité, en raison, ici encore, de facteurs assez différents. Les uns tiennent à la complexité de la matière elle-même car la Sécurité sociale n'est pas faite toute d'une pièce et elle doit aussi articuler des principes si ce n'est franchement contradictoires au moins en tension. La recherche de la couverture la plus complexe et la plus efficace possible doit coexister avec elle d'un juste équilibre des finances sociales et de la responsabilité individuelle ou collective quand il ya lieu d'en tenir compte. Le souci de l'égalité des personnes doit coexister avec la prise en compte de la spécificité, individuelle et collective, des situations. On ne s'étonnera donc pas que certaines dispositions apparaissent très pointillistes. A quoi il faut ajouter qu'en toute hypothèse le droit de la sécurité sociale indique des nombres, des fractions et des pourcentages dans sa formulation. Ce n'est certes pas la seule branche du droit à le faire. Que l'on songe particulièrement au droit fiscal ou même, par certains côtés et notamment sur le terrain de la rémunération, au droit du travail. Cette tendance est cependant particulièrement affirmée en droit de la sécurité sociale dans la mesure où c'est bien par le jeu de prestations savamment calculées mais aussi de cotisations très précisément modelées qu'une couverture sociale efficace peut être mise en œuvre.

Est-ce à dire que la législation de sécurité sociale tourne nécessairement à la forêt de textes très denses et difficilement pénétrables ? Il n'en est rien car la tendance à la complexité est contenue par une tendance inverse c'est-à-dire à la simplification du moins à la clarification des dispositions et des perspectives.

II / La légistique de sécurité sociale et la tendance à la mise en lumière des dispositifs

La tendance à la mise en lumière des dispositifs du droit de la sécurité sociale existe tout autant dans le droit codifié, avec l'existence d'articles de libellé ferme et indiquant des directions de solution très nettes, qui sont des sortes d'articles-phares (A), que, plus largement, par des principes de solution particulièrement inspirants (B).

A/ La présence d'articles-phares dans la codification du droit de la sécurité sociale.

A l'inverse de la critique largement faite d'une technique excessive au point d'être rebutante du droit de la sécurité sociale, dont il faut bien reconnaître qu'elle n'est pas toujours injustifiée, l'exercice contenant à repérer des dispositions-clés, particulièrement nettes et qui jouent comme un rôle stratégique dans leur champ, a quelque chose de réconfortant et d'inspirant. Or ces dispositions ne sont pas de simples îlots de clarté dans un océan d'obscurité et de grisaille, elles sont même relativement nombreuses, nous n'en citerons que quelques-unes, laissant à notre lecteur le plaisir de continuer la découverte. Pour nous, nous mettrons en valeur de tels textes aussi bien sur le terrain de la couverture que sur celui de l'affiliation.

1) S'agissant de la couverture, on peut trouver de telles dispositions éclairantes en ce qui touche les risques considérés et en ce qui touche les personnes concernées.

Concernant les accidents du travail dont la couverture répond à un dispositif particulier et protecteur, la question de sa définition et de sa distinction d'avec les accidents de droit commun n'est pas aisée. Elle le serait encore moins si l'article L. 411-1 du Code de la sécurité sociale ne donnait une définition large et souple d'un tel accident, ce qui est naturellement dans l'intérêt des victimes. Selon ce texte, « est considéré comme accident du travail, quelle qu'en soit la cause, l'accident survenu par le fait ou à l'occasion du travail, à quelque titre ou en quelque lieu que ce soit, pour un ou plusieurs employeurs ou chefs d'entreprise ». Cette disposition est particulièrement frappante dans le souci manifeste qu'elle traduit d'écarter tout ce qui pourrait être invoqué à l'encontre de la qualification professionnelle de l'accident, dès lors bien sûr que l'accident est survenu par le fait ou à l'occasion du travail. Le codificateur a voulu ici fermer la porte à toutes sortes de chicanes défavorables aux salariés victimes d'accident, au point d'ailleurs qu'il arrive à la jurisprudence de tenir pour accidents du travail des accidents dont le caractère professionnel n'est pas absolument évident.

2) Sur le terrain cette fois de l'affiliation, en l'occurrence de l'affiliation aux assurances sociales du régime général, l'article L. 311-2 du Code de la sécurité sociale est particulièrement marqué par le souci d'éviter toute distinction inutile ou nocive, et cela en vue de faciliter une affiliation au régime général favorable à ceux qui en bénéficient. Le texte est en effet particulièrement catégorique, comme on peut en juger à la lecture : « Sont affiliées obligatoirement aux assurances sociales du régime général, quel que soit leur âge et même si elles sont titulaires d'une pension, toutes les personnes quelle que soit leur nationalité, de l'un ou de l'autre sexe, salariées ou travaillant à quelque titre ou en quelque lieu que ce soit, pour un ou plusieurs employeurs et quel que soit le montant ou la nature de leur rémunération, la forme, la nature ou la validité de leur contrat ». Voilà un texte particulièrement riche en marqueurs de non-distinction, si l'on nous permet cette expression. Ces marqueurs de non-distinction, qui sont autant de marqueurs d'extension, révèlent l'existence d'un fort courant d'évolution en ce sens dans le droit français de la sécurité sociale.

B / La présence de grands courants d'évolution dans le droit français de la sécurité sociale

Le droit français de la sécurité sociale a donné le sentiment, depuis 1945, de se faire l'écho de ses principes de structuration et de leur évolution. Cela l'a longtemps poussé la complexité mais pourrait l'entraîner aujourd'hui dans un processus de clarification.

1) Au jour de la création du système français, l'influence du Rapport Beveridge n'a pas été nulle mais elle a été fortement contrebalancée par des traditions et des attachements différents voire parfois opposés. C'est donc un système assez clairement socioprofessionnel qui s'est mis en place, avec l'autonomie, au moins relative, du système de sécurité sociale par rapport à l'Etat, la nature de droit privé de nombreux organismes de sécurité sociale, le recours aux cotisations plus qu'à l'impôt pour leur financement, la diversité, surtout, des régimes de sécurité sociale en fonction des grandes catégories;

2) socioprofessionnels. La légistique en matière de sécurité sociale s'est, tant dans le fond que dans la forme, évidemment très fortement inspirée de ces lignes directrices, qui faisaient de l'assuré social pour l'essentiel un travailleur, affilié en fonction de son activité professionnelle et entouré, dans son cercle familial proche, de simples ayants droit, dès lors que ceux-ci n'étaient pas eux-mêmes travailleurs.

Par la suite, un mouvement puissant de généralisation et d'harmonisation des couvertures en même temps que de montée en puissance de la fiscalisation du financement a tendu à créer une sorte de système hybride, ni tout à fait autonome, ni tout à fait étatisé, qui s'est naturellement reflété dans une légistique devenant de plus en plus complexe. De cette tendance le mouvement le plus fort a sans doute été constitué par la création de la contribution sociale généralisée, qui est un impôt, en 1991, et par les Ordonnances Juppé de 1996, qui ont accentué les pouvoirs de l'Etat, Exécutif et Parlement, dans la conduite de Caisses restant formellement autonomes mais encore plus étroitement surveillées. En même temps le souci que chacun accède à l'affiliation de son propre chef se faisait de plus en plus fort.

3) Ce mouvement aujourd'hui s'affirme et l'emporte, au moins dans la couverture maladie. Certes il y a déjà plusieurs décennies qu'il était possible d'accéder à cette couverture sans pourtant avoir soi-même une activité professionnelle, soit en tant qu'ayant droit d'un assuré social, au titre d'un lien de proximité, soit en tant que bénéficiaire direct d'un dispositif organisant la couverture de personne en difficulté ou particulièrement vulnérable. En 2015, le législateur français est allé beaucoup plus loin, avec l'instauration de la protection universelle maladie (PUMA)¹. Désormais en effet chacun bénéficie de son propre chef de la prise en charge de ses frais de santé, qu'il soit ou non à même de cotiser par ses propres moyens. Seuls les mineurs restent ayants droit de leurs parents. Cette réforme répond naturellement à des raisons assez diverses, les unes tenant à un souci d'efficacité de la couverture sociale, les autres de stricte égalité des personnes. On peut y voir l'affirmation d'une solidarité universelle comme celle d'un individualisme inquiétant. En d'autres termes, ce courant a ses lumières comme ses ombres mais il est assez fort pour entraîner une évolution significative de la sécurité sociale et avec elle une élucidation de ses ressorts et de ses dispositifs. Cette élucidation est aussi bien de fond que de forme tant il est vrai que la légistique est si fondamentalement une écriture qu'elle permet d'observer aussi bien ce qui est écrit que la façon de l'écrire.

Bordeaux, le 2 mai 2020

¹ Article L.160-1 du Code de la sécurité sociale.

Существование права социального обеспечения во Франции – результат широкого общественного консенсуса. Но само право социального обеспечения часто описывается как система сухих норм процедурного характера, в основном содержащихся в подзаконных актах, а не в законах; малопонятных текстов, доступных лишь узкому кругу специалистов и практиков в сфере социального обеспечения.

Это часто встречающееся негативное суждение, верное лишь отчасти, кажется нам не совсем обоснованным. Конечно, право социального обеспечения страдает от того, что сама система социального обеспечения имеет тенденцию к усложнению. Эта тенденция еще более усиливается благодаря частым реформам французского социального обеспечения, предпринимавшимся начиная с 1945 г.

Однако, безусловно признаваемая тенденция к усложнению не является единственной, если обратиться к более глубокому анализу права социального обеспечения. Помимо того, что причины этой тенденции достаточно ясны, ее влияние ограничено воздействием противоположной тенденции, направленной на упрощение и прояснение положений права социального обеспечения (их более ясное изложение). Иначе говоря, юридическая техника права социального обеспечения, в ее широком понимании [Dictionnaire 2003 : 922–924], не является всецело подверженной тенденции к усложнению.

В двух последующих частях нашей статьи мы и рассмотрим сложное взаимодействие этих двух различных тенденций. Следует подчеркнуть, что наше исследование касается исключительно французского права социального обеспечения, но его выводы могут быть экстраполированы, по крайней мере частично, и на право социального обеспечения ведущих европейских стран.

I / Юридическая техника права социального обеспечения и тенденция к усложнению

Сложность юридической техники в сфере социального обеспечения вытекает из множества факторов, среди которых два имеют особое значение. Первый связан со сложностью строения системы социального обеспечения во Франции (А), второй – с изложением норм права социального обеспечения (В).

А / Тенденция к усложнению, связанная со структурой социального обеспечения во Франции

Понять сущность французской системы социального обеспечения можно, только если рассматривать ее в качестве элемента более крупной системы (1), а также ее самое как систему, состоящую из ряда составных компонентов (2).

1) Французская система социального обеспечения далека от того, чтобы охватывать все, что мы называем социальной защитой. Впрочем, социальное обеспечение есть наиболее важная составляющая часть социальной защиты, но в рамках последней она сосуществует с социальной помощью, выплатами безработным и тем, что мы именуем дополнительной социальной защитой. Это строение является довольно сложным, поскольку оно не ограничивается различием социального страхования и социальной помощи или базового режима и дополнительного режима. Конечно, социальное обеспечение осуществляется главным образом посредством социального страхования, но не только его; в то время как социальная помощь – только путем вспомоществования (безвозмездного обеспечения); дополнительная социальная защита добавляется к социальному обеспечению, но иногда и заменяется им; что касается выплат по безработице, то они, в зависимости от ситуации, могут основываться как на социальном страховании, так и на социальной помощи.

С точки зрения юридической техники, исходя из вышесказанного, становится понятно, что имеющиеся кодификации не совпадают с рассмотренной структурой. Если социальное обеспечение, очевидно, регулируется Кодексом социального обеспечения, то социальная помощь подпадает под действие Кодекса семьи и социальной работы, а выплаты по безработице – Трудового кодекса. Что касается дополнительной социальной защиты, то, хотя многие из ее положений включены в Кодекс социального обеспечения, она также представляет интерес для трудового и страхового права.

2) Рассматриваемое само по себе, социальное обеспечение предстает как сложная система, состоящая из ряда взаимосвязанных элементов.

Прежде всего эта система объединяет внутри себя несколько различных режимов, в зависимости от социо-профессиональных категорий. Это, прежде всего, общий режим, адресованный наемным работникам и приравненным к ним лицам, – наиболее важный режим, тем более что в будущем он способен объединить в более или менее полной форме режим независимых работников и по крайней мере часть некоторых режимов, именуемых сегодня специальными (в силу того, что они ориентированы на некоторые категории наемных работников и, в целом, на незанятых работников). Однако этот процесс интеграции в общий режим остается медленным и сложным, и сомнительно, что он может распространиться на режим сельскохозяйственных работников, который охватывает как наемных, так и самозанятых лиц, и регулируется нормами, содержащимися в Сельскохозяйственном кодексе.

В данном случае мы можем говорить о мозаике режимов. Хотя это не означает, что множество режимов способно помешать пониманию положений Кодекса социального обеспечения, тем не менее, мы полагаем, что для уяснения законодательных и нормативных положений в этой области необходимо, в первую очередь, хорошее знание структуры системы социального обеспечения и ее отдельных режимов.

Помимо разнообразия режимов, французская система социального обеспечения также предполагает разнообразие компонентов или составных частей. Она включает в себя относительно согласованные части (социальное страхование, возмещение при несчастных случаях на производстве и профессиональных заболеваний и семейные пособия), каждая из которых является предметом отдельной книги в Кодексе социального обеспечения. И хотя охватываемые конкретным видом обеспечения социальные риски и виды возмещения часто могут различаться, они могут выступать результатом сходных событий.

В/ Тенденция к усложнению, связанная с изложением норм о социальном обеспечении

Следует признать, что нормы права социального обеспечения довольно часто сложны для восприятия в силу особенностей их изложения. Даже если рассматривать только кодифицированное право, положения Кодекса социального обеспечения не легки для прочтения в силу довольно разнообразных причин, из которых мы рассмотрим лишь некоторые, такие как строение Кодекса и особенности разработки его положений.

1) Что касается строения Кодекса, то следует прежде всего отметить, что это очень объемный документ, поскольку его печатные издания могут достигать до 2000 страниц. Даже с учетом комментариев редакторов, которые могут быть существенными, это впечатляющее число. Тем более что крупные издания содержат также объемные приложения (состоящие из текстов, не кодифицированных или входящих в иные кодексы), которые могут быть необходимы по конкретному вопросу.

Если говорить более подробно, Кодекс социального обеспечения содержит девять книг, которые разделены на множество разделов и глав. Это строение позволяет охватить всю сферу действия права социального обеспечения и, помимо этого, права дополнительной социальной защиты. Здесь следует указать, каким вопросам посвящена каждая из книг Кодекса: Первая книга содержит основные принципы и положения, общие для всех или части основных режимов соцобеспечения, Вторая книга – нормы об организации общего режима, Третья книга – о социальном страховании, Четвертая книга – об обеспечении при несчастных случаях на производстве и профессиональных заболеваниях, Пятая книга – о семейных пособиях, Шестая книга – положения, применимые к samozанятым работникам, Седьмая книга – нормы о различных режимах, Восьмая книга – о видах пособий и Девятая книга – о дополнительной социальной защите наемных и samozанятых работников и об учреждениях, создаваемых на паритетных началах для ее осуществления.

Что касается изложения кодифицированных статей, то оно может удивить, поскольку расходится с классическим способом нумерации. Применяемая в настоящее время нумерация не соответствует последовательному перечислению, а скорее основана на аналитическом принципе, согласно которому каждой статье присваивается довольно сложное – трехзначное – число, которое указывает на место статьи в структуре Кодекса; оно отделяется с помощью тире от другого числа, которое определяет место статьи в подразделе, к которому она непосредственно относится. Перед номером ставится заглавная буква, L, R или D, которая указывает на правовую природу нормы (L – законодательная норма, R или D – регламентарная). Таким образом, первая статья Кодекса имеет номер не 1, а L. 111-1, что означает: первая статья первой главы первого раздела первой книги Кодекса, законодательного характера. Несомненно, эта особенность отнюдь не уникальна для Кодекса социального обеспечения, поскольку она сохраняется в большинстве современных французских кодексов и, в частности, в Трудовом кодексе. Также несомненно, что она позволяет читателю определить место статьи в структуре кодекса. Впрочем, научное или юридико-техническое объяснение такой нумерации не лишает ее покрова тайны, которая требует расшифровки и при наличии ключей оказывается довольно простой. Но эти ключи надо знать.

2) Само содержание положений Кодекса может удивить, поскольку оно определяется разграничением, установленным статьей 37 Конституции Франции, которая относит к компетенции законодательной власти основополагающие принципы социального обеспечения, но оставляет для подзаконного регулирования все остальные вопросы. Так, если условия предоставления пособий чаще всего устанавливаются законом, то их величина относится к ведению регламентарной власти (речь идет об исполнительной власти – прим. переводчика), что и объясняет то особое внимание, которое современные кодификаторы уделяют разграничению статей, озаглавленных литерой L, и статей, озаглавленных посредством R или D.

Это различие между основополагающими принципами и иными нормами не является уникальным для права социального обеспечения и широко используется во французском трудовом праве. Однако, оно имеет более серьезные последствия для права социального обеспечения в силу того, что величина пособий, – это, по меньшей мере, далеко не вторичный по своему значению вопрос. В связи с этим регламентарную власть часто обвиняют в том, что, устанавливая величину выплат, она присваивает себе полномочия, отнесенные к сфере законодательной власти. В любом случае, каждый, кто читает Кодекс социального обеспечения, не должен забывать обратиться к регламентарным его частям, сопровождающим законодательную часть, а действующая нумерация статей призвана облегчить эту задачу.

Однако, дело не только в нумерации. Само содержание норм права социального обеспечения также довольно часто характеризуется сложностью, опять же в силу различных факторов. Некоторые из них связаны со сложностью самого предмета регулирования, поскольку система социального обеспечения (как институт) не является однородной, и она должна выработать некие общие принципы, не допускающие внутренних противоречий. Стремление к наиболее полному и эффективному охвату социальным обеспечением различных групп населения должно сочетаться со справедливым балансом финансов в социальной сфере, а также индивидуальной или коллективной ответственностью, когда это необходимо принимать во внимание. Забота о равенстве индивидов должна сочетаться с дифференциацией – необходимостью учитывать конкретные условия, в которых оказалось нуждающееся лицо (лица). (Прим. переводчика: В российском праве социального обеспечения это выражается в принципах всеобщности и дифференциации социального обес-

печения.) Поэтому неудивительно, что некоторые положения представляются очень детализированными. К тому же, право социального обеспечения всегда содержит указания на цифры, доли и проценты (Прим. переводчика: например, при расчете пенсий, пособий). Это, конечно, не единственная отрасль права, где такое встречается. Можно также привести в пример налоговое право и трудовое право (в отдельных сферах регулирования – например, оплаты труда). Однако эта тенденция особенно выражена именно в праве социального обеспечения, поскольку эффективное социальное обеспечение может осуществляться не только за счет использования разумно рассчитанных пособий, но и очень точно установленных социальных взносов.

Означает ли это, что законодательство о социальном обеспечении неизбежно превратится в непроходимый лес труднодоступных текстов? Отнюдь, поскольку тенденция к усложнению сопровождается обратной тенденцией, которая состоит если не в упрощении, то в прояснении его положений и направлений дальнейшего развития.

II / Юридическая техника социального обеспечения и тенденция к более ясному изложению норм

Тенденция прояснения положений права социального обеспечения существует в первую очередь в кодифицированном праве, где имеются статьи с четкими формулировками и определенными вариантами поведения, которые выступают своего рода статьями-маяками (А), а в более широком плане – наиболее влиятельными принципами (В).

А/ Наличие статей-маяков в кодификации права социального обеспечения

В противовес критике излишней детализации, присущей праву социального обеспечения (которая, надо признать, не всегда несправедлива), разработка норм, содержащих ключевые положения, четкие и ясные, имеющие стратегическое значение в своей сфере, представляется обнадеживающей и вдохновляющей. Эти положения – не просто острова ясности в океане тьмы и однообразия, они даже весьма многочисленны; мы рассмотрим здесь лишь некоторые из них, позволив нашему читателю найти остальные. Мы же выделим в первую очередь тексты, используемые как в области охвата лиц социальным обеспечением, так и в области присоединения к системе социального обеспечения.

1) Что касается охвата граждан социальным обеспечением, то такие проясняющие положения могут существовать в отношении охватываемых социальным страхованием рисков, а также личности застрахованного.

В том, что касается несчастных случаев на производстве, возмещение при которых регулируется специальной нормой, предусматривающей особую защиту, вопрос о его определении и разграничении от обычных несчастных случаев является непростым. Он не был бы таким сложным, если бы статья L. 411-1 Кодекса социального обеспечения не давала такого широкого и гибкого определения несчастного случая на производстве (которое, конечно, отвечает интересам пострадавших). Согласно тексту, «несчастным случаем на производстве считается любое происшествие, произошедшее по любой причине, в процессе работы или в связи с работой на одного или нескольких работодателей, в каком бы то ни было качестве или месте». Это положение явно демонстрирует стремление избежать всего, что может помешать квалификации несчастного случая как связанного с производством, если он произошел в процессе работы или в связи с ней. Законодатель, очевидно, хотел предупредить возникновение конфликтов, неблагоприятных для работников, пострадавших от несчастных случаев; это привело к тому, что судебная практика признает связанными с производством даже те несчастные случаи, характер которых неочевиден.

2) В том, что касается присоединения к системе социального обеспечения (как в случае с присоединением к общему режиму), в статье L. 311-2 Кодекса социального обеспечения очень четко выражено стремление законодателя избежать лишних различий, способных усложнить процедуру включения в общий режим новых застрахованных. Текст статьи действительно весьма категоричен: «Все лица, независимо от национальности и пола, наемные работники или работающие в каком бы то ни было качестве или месте, на одного или нескольких работодателей, независимо от суммы или характера их вознаграждения, формы, природы и действительности их трудового договора, обязательно подлежат социальному страхованию в рамках общего режима». В этой норме очень много характеристик, направленных на уравнивание различных категорий работников («неразличение» их, если можно так сказать). Данные характеристики, которые являются также индикаторами тенденции к расширению общего режима, что выступает особенностью современного французского права социального обеспечения.

В / Основные направления развития французского права социального обеспечения

Создается впечатление, что во французском праве социального обеспечения, в процессе его развития с 1945 г., происходит повторение принципов построения и эволюции его системы. Изначально это способствовало усложнению системы, но сегодня, возможно, приведет к ее упрощению.

1) В момент создания французской системы социального обеспечения влияние доклада лорда Бевериджа было ощутимым, но ему противостояли традиционно сложившиеся во Франции режимы социальной защиты отдельных категорий трудящихся. Таким образом, была создана достаточно понятная социо-профессиональная система, характеризующаяся следующими чертами: автономией, по крайней мере относительной, системы социального обеспечения по отношению к государству; частно-правовой природой многих учреждений социального обеспечения; использованием взносов, а не налогов для финансирования

системы; разнообразием режимов социального обеспечения в зависимости от основных социо-профессиональных категорий. Очевидно, что юридическая техника права социального обеспечения была как по форме, так и по содержанию определена этими руководящими принципами, которые признавали в качестве участника системы социального страхования работника, застрахованного в связи с его профессиональной деятельностью, а также близких членов его семьи, если они сами не работали.

Впоследствии мощное движение за всеобщность и единообразие охвата граждан социальным обеспечением одновременно с увеличением финансирования за счет налогов привело к созданию своего рода гибридной системы, ни полностью автономной, ни полностью огосударственной, что, естественно, нашло отражение в юридической технике, которая стала все более усложняться. В связи с этим, наиболее значимым событием стало введение в 1991 г. всеобщего социального взноса (который по сути представляет собой налог) и принятие ордонанса А. Жюппе 1996 г., усилившего полномочия государства (как исполнительной власти, так и парламента) в отношении управления фондами, оставшихся формально автономными, но более тщательно контролируемые. В то же время, ответственность за участие в системе социального обеспечения все более переносится на самого индивида.

2) Рассматриваемая тенденция сегодня утверждается и преобладает, по крайней мере, в области страхования на случай болезни. Действительно, в течение последних десятилетий существует возможность вступить в систему медицинского страхования самостоятельно, вне связи с профессиональной деятельностью, либо в качестве близкого родственника застрахованного лица, либо в качестве непосредственного получателя помощи (для лиц, социально уязвимых или находящихся в трудной жизненной ситуации). В 2015 г. французский законодатель шагнул гораздо дальше, учредив систему всеобщей охраны здоровья (ст. L.160-1 Кодекса социального обеспечения [Code de la sécurité sociale]). Отныне каждый по своему усмотрению пользуется компенсацией расходов на медицинское обслуживание, независимо от того, уплачивал ли он взносы из собственных средств или нет. Эта реформа была вызвана целым рядом причин, среди которых можно назвать стремление к эффективному охвату граждан социальным обеспечением, а также к равенству лиц в строгом смысле слова. Ее можно рассматривать как утверждение всеобщей солидарности в противовес возрастающему индивидуализму. Другими словами, это течение имеет свои светлые и темные стороны, но оно достаточно сильное для того, чтобы привести к значительной эволюции социального обеспечения и к прояснению ее движущих сил и нормативных положений. Подобное прояснение присуще как форме, так и содержанию норм о социальном обеспечении, и это настолько же верно, как и то, что юридическая техника предполагает такое содержательное изложение, которое позволяет понять не только манеру письма, но и смысл того, что написано.

Библиографический список

1. Code de la sécurité sociale de la France. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006073189> (дата обращения: 02.05.2020).
2. Dictionnaire de la culture juridique / Sous la direction de Denis Alland et de Stéphane Rials. – Paris : Presses Universitaires de France, 2003. – 1649 p.

**Перевод выполнен к.ю.н., доцентом кафедры государственно-правовых дисциплин ПГУ
А. В. Александровой**

О. В. Моисеева

Тамбов, Россия

ЯЗЫК НОТАРИАЛЬНЫХ АКТОВ: СООТНОШЕНИЕ ВОПРОСОВ ПРАВА И ЛИНГВИСТИКИ

O. V. Moiseeva

Tambov, Russia

THE LANGUAGE OF NOTARIAL ACTS: THE RELATIONSHIP BETWEEN THE LAW AND LINGUISTICS

Аннотация. Рассматриваются ключевые аспекты создания нотариальных актов, базирующиеся на сочетании правовых и лингвистических норм. Тонкое взаимодействие законодательных предписаний и правил грамотного составления текста нормативного акта позволяет достичь основного требования относительно сути юридического документа – полноценного выражения волеизъявления субъекта, обратившегося за совершением нотариального действия. Предлагается ряд языковых правил, следование которым позволит сделать нотариальные акты более грамотными и с юридической, и с лингвистической точки зрения, а нотариальную деятельность более компетентной.

Ключевые слова: нотариат, нотариальная практика, нотариальные действия, нотариальный акт, язык нотариального акта, толкование нотариального акта, юридическая техника нотариального акта.

Abstract. The interaction of legislative prescriptions and the rules for the correct drafting of the text of a normative act makes it possible to achieve the main requirement of a legal document – a full expression of the will of the subject who applied for a notarial act. The article proposes a number of linguistic rules, the adherence to which will make notarial acts more accurate both from a legal and linguistic point of view.

Keywords: notary, notary practice, notary actions, notary act, language of the notary act, interpretation of the notary act, legal technique of the notary act.

Вопросы взаимоотношения лингвистики и права имеют древнюю природу, поскольку еще юристы Древнего Рима размышляли над секретами сочетания простоты, точности и доступности юридически значимых текстов, что делало бы их доступными как для простых граждан, так и для юристов-профессионалов. Всякий раз, когда речь заходит о языке права, в первую очередь, подразумевается нормотворческая деятельность, итогом которой становится закон, который должен единообразно восприниматься и неукоснительно исполняться всеми субъектами права. Однако правоприменительная деятельность формулирует не менее твердые правила касательно правоприменительных актов. Стоит согласиться с исследователями сферы юридической техники, которые сходятся в мысли о том, что «язык, опосредующий любую юридическую работу, крайне важен: юридическая деятельность осуществляется для людей, и любой юридический акт ими должен быть понят» [Кашанина 2008 : 103]. Четкое следование лингвистическим правилам при создании правоприменительных актов в процессе реализации правовых предписаний, точность, ясность и доступность для понимания формулировок юридически значимых документов – неперемное условие эффективности права в области регулирования общественных отношений.

В фокусе особого внимания к нотариальной деятельности, которая в настоящий момент претерпевает модернизацию законодательства и переустройство правореализационной практики, мы хотели бы остановиться на языковых аспектах нотариальных актов. При этом, размышляя о языке, на котором ведется нотариальное делопроизводство, в большей степени нас будет интересовать не столько формальная сторона, т.е. законодательно установленные правила совершения нотариальных актов, сколько лингвистический аспект, определяющий содержательную часть юридически значимых документов.

Нотариальные акты являются юридически значимыми документами, которые заключаются в результате совершения фактических действий и выражаются в виде юридически значимых документах, оформляемых в рамках совершения нотариальных действий.

Законодательство, регулирующее сферу нотариального делопроизводства [Основы законодательства РФ о нотариате], устанавливает четкие юридические правила относительно языка, на котором оно осуществляется. Конституционная основа нотариальной деятельности заложена положением ст. 68 Конституции РФ [Конституция РФ], согласно которому государственным языком Российской Федерации на всей территории страны является русский язык, он же, согласно данному положению, является языком законодательной и правоприменительной деятельности. Не является исключением и нотариальная деятельность, от-

носителем которой установлены законодательно разработанные правила [Правила нотариального делопроизводства], согласно которым нотариальное делопроизводство ведется нотариусами на русском языке.

Однако, учитывая многонациональность нашего государства, предусмотрено, что в том случае, если республика, входящая в состав России, на законодательном уровне установит государственный статус для языка республики, то нотариальное делопроизводство может вестись на государственном языке республики наряду с государственным языком РФ, что обусловлено законодательно [Закон о языках народов РФ].

Из вышеуказанного следует, что текст нотариального акта, равно как и весь массив документооборота в рамках нотариального делопроизводства, изготавливается на русском языке, а в отдельных случаях дублируется на языке республики РФ. Юридически значимые документы, заложенные в основу нотариальных актов, также должны быть либо изготовлены на русском языке, либо иметь должный перевод, т.е. документы, исходящие от компетентных органов иностранных государств, включая текст печати, нанесенной на них, подлежат профессиональному переводу на русский язык. Однако если документ и печать составлены на двух языках, включая русский, то дополнительного перевода на русский язык не требуется. Учитывая особый характер нотариальной деятельности и правовые последствия совершения нотариального акта, то вполне логично, что к переводу текстов исходных документов предъявляются повышенные требования, а переводчик несет ответственность за правильно выполненный перевод.

Все вышеуказанное составляет формальную сторону изготовления нотариального акта, определяет его внешнюю форму, но не менее важным является и содержательный аспект, смысловое выражение сути нотариального акта. Поскольку нотариальный акт обладает повышенной юридической силой, обладая свойствами доказательства и силой исполнительного документа, то требования к его содержанию также являются повышенными. Содержание нотариального акта должно быть однозначно истолковано, не иметь двояких восприятий, и носить четкий и понятный характер. Учитывая тот факт, что профессиональной стороной нотариальных правоотношений, способной понять и осознать юридическую сторону вопроса, является только нотариус, вопросу правильного толкования и восприятия уделяется особое внимание, т.к. правовые последствия возникают у лиц, обращающихся за совершением нотариальных действий, а они зачастую не имеют возможности вникнуть во все юридические тонкости нотариального акта.

В свете указанного, текст нотариального акта, который должен быть в точности исполнен, должен иметь логическую структуру и грамотную языковую основу, направленную на четкую организацию и полноценную передачу информации. Именно в этом и заключается лингвистическая составляющая изготовления нотариального акта. Языковую основу нотариального акта составляют устойчивые сочетания слов и терминологии, оформленной в предложения. Грамматическая основа нормативного акта – это следование правилам орфографии и пунктуации. Все вместе ориентировано на то, чтобы текст нотариальных актов внешне соответствовал правовым позициям, а содержательно был четким, понятным и однозначно истолкованным любым субъектом правоотношений.

Существующие правила разработки текста нормативного акта взаимосвязаны, где юридические нормы дополнены грамматическими правилами. Исследователи области юридической техники утверждают, что грамматические нормы изложения юридических предписаний очень важны, без них в современном мире невозможно составить юридические документы [Юридическая техника 2010 : 71], в том числе и нотариальные. Если юридические требования к проекту нотариального акта направлены на соответствие текста юридического документа действующей норме закона, то лингвистические требования ориентированы на грамотное использование языковых средств, которые позволяют полноценно и однозначно изложить волю лица, обратившегося за совершением нотариального действия.

Считаем важным остановиться на перечне языковых правил, которые имеют значение при подготовке проекта нотариального акта.

Во-первых, необходимо грамматически правильно формулировать нормативные предложения, которые являются основной языковой единицей текста и, при этом, состоят из отдельных слов, юридических терминов и устойчивых словосочетаний. При этом уровень письменного закрепления адекватности воли и интересов лица, обратившегося за совершением нотариальных действий, напрямую зависит от качества технического формулирования предложений юридического документа. Для обеспечения работы данного правила на практике следует соблюдать соответствие грамматической формы (предложения нормативного акта должны иметь констатирующий повествовательный характер); не следует перегружать простое предложение однородными членами, которые затрудняют восприятие заложенной в нормативный акт мысли волеизъявителя (большой перечень позиций следует формулировать списочно, путем перечня последовательных позиций); не следует использовать в формулировке текста нормативного акта противопоставительных союзов, которые негативно влияют на точность выражения воли и однозначность восприятия контекста; стоит придерживаться официального стиля в контексте и безличного характера содержания текста (однако не следует упрощать текст до примитивного уровня).

Во-вторых, особое значение имеет использование в тексте нотариального акта юридических терминов и особенных словосочетаний. Использование фразеологических сочетаний является одним из важных условий адекватного отображения в контексте нотариального акта воли заинтересованных лиц, точности ее закрепления и соответствия официальному стилю юридического документа. Важно лишь точно воспроизвести устойчивые выражения в нормативном акте. Также необходимо правильно использовать полисемию

слов или метафору, как ее разновидность. Однако учитывая важность однозначности толкования и несколько значений одного и того же понятия, полисемию следует использовать правильно: нельзя допускать их перенасыщенность в нотариальном акте, не следует использовать многозначность слов без их конкретизации или уточнения с привязкой к смыслу предложения. Аналогичные правила распространяются и на применение синонимов.

В-третьих, внимания требует необходимость использования иноязычной лексики, основным правилом применения которой является недопустимость злоупотребления включением иностранных терминов в контекст нотариального акта. В этой связи стоит исходить из тех правил, что, если иностранному слову есть аналог в русском языке, то стоит воспользоваться им, а также заимствованные слова должны употребляться в строгом соответствии в истинным своим значением и согласовываться в иными языковыми единицами в контексте всего предложения.

В-четвертых, совершенно недопустимым является использование в нотариальном акте просторечных слов и жаргонной лексики. Особенность их использования определяется лишь крайней необходимостью и с учетом следующих правил: максимально адаптировать к стилю всего документа, попытаться заменить профессиональным термином, использовать только в случае правовой целесообразности и исключительно в целях точного закрепления волеизъявления.

Таким образом, изучение вопроса сочетания правовых и лингвистических позиций в контексте нотариального акта является весьма важным аспектом успешности всей нотариальной деятельности. Важно не только обеспечить законность совершаемых нотариусом действий, а также легитимность контекста нотариального акта, имеющего существенное правовое последствие для нескольких заинтересованных лиц, но и соответствовать всем языковым требованиям, позволяющим обеспечить, в целом, системность, последовательность, однозначность восприятия, адекватность волеизъявления, зафиксированного в нотариальном акте.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Об утверждении Правил нотариального делопроизводства (вместе с «Правилами нотариального делопроизводства», утв. решением Правления ФНП от 17.12.2012, приказом Минюста России от 16.04.2014 № 78) (зарег. в Минюсте России 23.04.2014 № 32095) : Приказ Минюста России от 16.04.2014 № 78 : [в ред. от 05.07.2019] // Российская газета. – 2014. – № 95.
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : [в ред. от 27.12.2019 ; с изм. и доп., вступ. в силу с 11.05.2020] // Российская газета. – 1993. – № 49.
4. О языках народов Российской Федерации : закон РФ от 25.10.1991 №1807-1 : [в ред. от 12.03.2014] // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 50. – Ст. 1740.
5. Кашанина, Т. В. Юридическая техника : учебник / Т. В. Кашанина. – Москва : Эксмо, 2008. – 512 с.
6. Юридическая техника : учеб. пособие / под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко. – Москва : Эксмо. 2009. – 272 с.

И. Н. Рудик

Житомир, Украина

ЭЗОТЕРИЧНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОГО АНГЛИЙСКОГО: ПРИЧИНЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

I. N. Rudik

Житомир, Украина

ESOTERIC LEGAL ENGLISH: CAUSES AND WAYS OUT

Аннотация. Анализируются последствия использования англо-нормандского диалекта в качестве языка судопроизводства в Англии XI–XIV вв., а также введения в Англии сбора за составление и предъявление иска в суд (*filing fee*). Рассматриваются история формирования и основные положения движения за понятный английский.

Ключевые слова: юридический текст, древнеанглийский, древнефранцузский, среднеанглийский, заимствования, парные синонимы, движение за понятный английский.

Abstract. The article analyses the impact of using the so-called Anglo-Norman dialect in the law courts of XIth to XIVth-century England, as well as the consequences brought about by the introduction of the *filing fee*. The author also takes a look at the development and key guidelines of the Plain English movement.

Keywords: legal text, Old English, Old French, Middle English, borrowings, redundant synonyms, Plain English movement.

Понимание иноязычного юридического текста неизменно усложняется рядом факторов, и среди них – не столько расхождение объемов понятий, передаваемых специальными терминами, сколько культурные различия – в широком понимании культуры: в правовых системах государств, а также в исторических условиях их формирования. Однако англоязычному юридическому тексту присущ ряд совершенно уникальных свойств, которые отражают историческое развитие английского языка и английского общества в целом.

Известными и общепризнанными особенностями англоязычного юридического текста являются:

- архаичность лексики,
- активное употребление заимствований,
- наличие юридических тавтологий или парных синонимов,
- многословность.

Целью представленного исследования является анализ культурно-исторических предпосылок формирования указанных выше особенностей.

Формирование юридической лексики в древнеанглийском языке

В современном англоязычном юридическом тексте практически отсутствуют термины кельтского происхождения. Формирование юридических терминов в древнеанглийский период происходило, в основном, на основе англосаксонского языкового материала. Некоторые из терминов англосаксонского происхождения функционируют и в современном английском языке, например:

writ, ordeal, witness, deem, oath, moot.

Латинские заимствования начали привноситься в юридическую терминологию английского языка после прибытия в Британию бенедиктинского монаха Августина Кентерберийского и обращения им в христианство короля Кента Этельберта и тысяч его подданных (597 г.). Обращая в христианство англосаксонские племена, христианские миссионеры способствовали проникновению в английский язык преимущественно религиозных терминов, например:

preost, biscup, nonne, monoc, diafol, engel.

Однако христианская церковь несла средневековой Европе еще и элементы римского права (излагаемые латынью), и вдохновляла центральную королевскую власть записывать своды племенных и местных законов [Берман 1998 : 64–65]. Именно на этот период (около 600 г.) приходится публикация самого раннего из известных нам англосаксонских сводов законов – Законов Этельберта (*Law of Æthelberht*), написанного на древнеанглийском языке, уже с использованием латинского алфавита. В Англии англосаксонского периода, за составлением записей – например, о передаче имущества – обращались к служителям церкви, которые в большинстве случаев составляли документы на латинском языке [Medieval Latin 1996 : 72].

Юридические документы среднеанглийского периода

После вторжения в Англию армии Вильгельма Завоевателя (1066) начинается среднеанглийский период развития английского языка. На этом этапе наибольшее влияние на английский язык оказывает

древнефранцузский. Он служит основой для формирования так называемого англо-нормандского диалекта, который до конца XIV века остается языком судопроизводства в Англии. Несмотря на то, что к XV веку английский становится общепринятым разговорным и литературным языком, его начинают использовать для составления юридических документов лишь в XVIII веке. Эта норма закреплена в Акте Парламента 'Use of English Language in the Law Courts made Obligatory' от 1731 г., согласно которому, начиная с 25 марта 1733 года, вся официальная информация должна фиксироваться на английском языке [Languages used].

В среднеанглийский период английский язык обогащается рядом юридических терминов, заимствованных из древнефранцузского:

advocate, attorney, bill, complaint, court, defendant, judge, judgement, jury, juror, justice, heir, marriage (англосакс. *wedding*), *petition, plaintiff, prison, punishment, suit, summons, verdict*.

Многие лексические единицы, называющие преступления, тоже заимствованы из французского, например:

crime, perjury, adultery, assault, trespass, fraud, felony, murder, petty/petit.

Среди единиц, заимствованных из древнефранцузского в этот период, присутствуют и термины для обозначения собственности, например:

equity, estate, tenement, patrimony, heritage, heir, bounds.

Юристам тех времен необходимо было свободно изъясняться на всех трех языках. Чтобы добиться понимания со стороны как клиентов, так и судей, юристы прибегли к необычной тактике – строить фразу из равнозначных элементов двух языков. Скажем, в деле о наследстве эта тактика позволяла не выбирать между употреблением *goods* (древнеангл.) или *chattels* (древнефранц.), а включить обе единицы в состав одной фразы – так образовалась тавтология *goods and chattels*. По аналогичной модели строятся и другие пары синонимов, например:

free and clear (начало XIV в.), *lands and tenements* (начало XIV в.), *break and enter* (конец XIII в.), *fit and proper* (начало XIV в.).

В приведенных выше, как и в большинстве других парных синонимов, первый элемент имеет древнеанглийские корни, а второй – древнефранцузские. Однако в некоторых парах – например, *will and testament* – второй элемент заимствован из латинского языка (в конце XIII столетия).

Таким образом, образование парных синонимов в среднеанглийский период преследовало практическую цель – наладить коммуникацию с представителями разных социальных слоев, а следовательно, носителями разных языков.

В XVI веке юридическая профессия претерпевает значительные изменения по всей Европе. В судопроизводстве переходят с устных на преимущественно письменные процедуры, что приводит к повышению роли университетов и юристов с университетским образованием [Király, Glendon 2019]. В этот же период (начало XVI в.) в Англии вводят сбор за составление и предъявление иска в суд (*filing fee*), размер которого напрямую зависит от длины документа [Hunt 1995 (3)]. Этим и объясняются традиционные для англоязычного юридического текста многословие и языковая избыточность.

Движение за понятный английский

Именно эти черты призвано искоренить движение за понятный английский (*Plain English movement*). После отдельных призывов реформировать язык юридических документов в середине XX века, это противодействие оформилось в самостоятельное и последовательное движение в 1970-х. Зародившись в Англии и США, оно постепенно распространилось и на другие англоязычные страны. Среди приверженцев этого движения – правительственные агентства, коммерческие структуры, корпорации, общественные организации.

В Новой Зеландии, например, с 2006 г. существует ежегодная награда для документов, составленных на понятном английском языке. Ее цель – сформировать общественную поддержку организациям, которые используют для составления документов язык, понятный читателю [Plain English]. В категории Общественный выбор (*People's Choice*) члены жюри присуждают премии в номинации “Образец понятного английского” (*Best Plain English Communication*) и в своего рода анти-номинации “Осторожно, вынос мозга!” (*Worst Brainstrain Communication*).

В США требование писать понятно зафиксировано в законе *Plain Writing Act*, который приняли Сенат и Палата представителей, и который 13 октября 2010 г. подписал президент Обама [Public Law].

Основные требования к тексту с позиций движения за понятный английский находим у профессора Джозефа Кимбла (США). Наиболее значимые из них сводятся к тому, чтобы:

- разбивать документ на пункты и снабжать их информативными заголовками,
- размещать пункты в логическом порядке,
- начинать абзац с тематического предложения, в котором вкратце сформулирована главная мысль абзаца,
- писать короткими предложениями (до 20 слов),
- использовать связующие элементы для перехода от одной мысли к другой,
- отдавать предпочтение активному залогу (вместо страдательного),
- использовать понятные слова,
- избегать юридических жаргонизмов, тавтологий, семантически избыточных элементов,
- использовать списки для перечисления компонентов и т.д. [Kimble 2002].

Заключение

Таким образом, черты, присущие англоязычному юридическому тексту, сформировались на фоне целого ряда общественно-исторических предпосылок. В настоящее время длинные витиеватые высказывания не только не способствуют эффективной коммуникации, но и наоборот, препятствуют адекватному пониманию написанного. Осознание этого представляется важным, во-первых, для перевода англоязычных юридических текстов, а во-вторых, для составления понятных обществу юридических документов на других языках. Полагаем, что движение за понятный английский должно перерасти в международное движение за ясность в языке официальных документов.

Библиографический список

1. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. / Г. Дж. Берман. – 2-е изд. – Москва : Изд-во МГУ: ИНФРА-М : НОРМА, 1998. – 624 с.
2. Hunt, S. Drafting: Plain English versus Legalese / S. Hunt // Waikato Law Review. – 1995. – № 9 (3). – P. 163–181. – URL: <http://www.nzlii.org/nz/journals/WkoLawRw/1995/9.html#fnB9>
3. Kimble, J. The Elements of Plain Language / J. Kimble, 2002. – URL: <https://www.plainlanguage.gov/re-sources/articles/elements-of-plain-language/>
4. Kiralfy, A. R. Common law / A. R. Kiralfy, M. A. Glendon // Encyclopædia Britannica. – Encyclopædia Britannica, inc., November 29, 2019. – URL: <https://www.britannica.com/topic/common-law>
5. Languages used in medieval documents. University of Nottingham, Manuscripts and Special Collections. – URL: <https://www.nottingham.ac.uk/manuscriptsandspecialcollections/researchguidance/medievaldocuments/languages.aspx>
6. Medieval Latin: An Introduction and Bibliographical Guide / ed. by F. A. C. Mantello, A. G. Rigg. – Washington, D.C. : Catholic University of America Press, 1996. – 774 p.
7. Plain English Awards. – URL: <https://www.plainenglishawards.org.nz/>
8. Public Law 111– 274 – Plain Writing Act of 2010. – URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/PLAW-111publ274>

Д. В. Руднев, Т. С. Садова

Санкт-Петербург, Россия

**ОТ ЧЕЛОБИТНОЙ ДО ЗАЯВЛЕНИЯ,
ИЛИ КАК ФОРМИРОВАЛСЯ ЯЗЫК ОБЩЕНИЯ С ВЛАСТЬЮ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОСИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ XVII–XX вв.)¹**

D. V. Rudnev, T. S. Sadova

Saint-Petersburg, Russia

**FROM PETITION (*CHELOBITNAYA*) TO APPLICATION (*ZAYAVLENIE*),
OR HOW COMMUNICATION WITH THE AUTHORITIES FORMED
(BASED ON MATERIALS OF PETITIONARY DOCUMENTS
OF THE XVII–XX CENTURIES)**

Аннотация. Рассматривается история языковых изменений в просительных документах как явление социолингвистического порядка. Произошедшие изменения представляются как следствие нескольких взаимосвязанных процессов: олитературивания деловой речи, активного вмешательства властей в речевое оформление просительных документов и изменения ролевого поведения просителей и властей.

Ключевые слова: государственная коммуникация, коммуникативная роль, история делового стиля, история просительных жанров

Abstract. The article considers the history of linguistic changes in petitionary documents as a sociolinguistic phenomenon. The changes that have occurred are presented as a result of several interrelated processes: the impact of literary language on the official communication language, the active intervention of the authorities in the petitionary language and the change in the role behavior of petitioners and authorities.

Keywords: state communication, communicative role, official style, history of the official style, history of petitionary genres

Чрезвычайное разнообразие деловых документов в истории русского делового языка стало одной из причин их недостаточной изученности с точки зрения исторической стилистики, исследующей процесс становления стилистических систем и отбора жанрово-стилистических ресурсов литературного языка для решения вполне отчетливых коммуникативных задач. При кажущемся обилии научной литературы, посвященной различным языковым явлениям в многочисленных деловых текстах разных периодов, история формирования и развития русского делового языка остается плохо исследованной. Преодоление этого положения дел стало возможным благодаря развитию лингвожанроведения и применению жанрового подхода к языку деловых документов.

Деловая коммуникация имеет важное свойство, в определенной степени выделяющее ее из других типов коммуникации, – это жесткая прагматичность каждой текстовой формы, принятой в деловом общении. Главным результатом официально-делового общения является документ – «текст, управляющий действиями людей и обладающий юридической значимостью» [Колтунова 2002: 25].

Документы являются письменным воплощением деловых жанров, которые, «будучи высказываниями, не существуют изолированно, они представляют собой звенья в официально-деловом письменном (текстовом) общении» [Лобашевская 2007: 30].

Выбирая тот или иной жанр, адресант выбирает для себя модель речевого поведения и «подает себя как носителя соответствующего статуса и исполнителя соответствующей речевой роли» [Долинин 1999: 9]. Сказанное касается и ситуаций делового общения, в частности ситуации официального обращения к властям с различными просьбами.

Объектом наблюдений в нашей статье станет краткая история формирования особого языка делового общения – общения с властью, по социальной оси – иерархически выстроенного, по признакам коммуникативных возможностей – асимметричного, который наиболее ярко проявляет себя в письменных текстах, по функциональному признаку объединенных в группу т.н. просительных жанров.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00338.

В правовом отношении язык просительных жанров интересен тем, что отчетливо фиксирует границы юридикализации естественного языка, поскольку вмешательство государства (как следствие, закона) в такие тексты более чем очевидно, а потому составить грамотное прошение, обращенное властному лицу, во все времена считалось делом искусным, сопряженным с большим умением. «Умение» это происходило от точного понимания и владения правилами воздействия на властное лицо (цель прошения), при котором язык документа – как ни парадоксально это звучит – отражал, прежде всего, адресата, нежели автора: законы устройства и текстовые формулы прошения регламентировались государством, его (в широком смысле) идеологией, а содержательная интенция – образом властного лица.

Итак, жанровый подход к изучению языка документной коммуникации позволит продемонстрировать жесткую обусловленность текста документа его прагматикой: прагматические условия включают не только информацию об адресате и адресанте, об их целях и интенциях, но и способ речевого взаимодействия, во все времена навязываемый государством.

Просительные документы имеют длительную историю, их названия во многом говорят о стиле и языковом наполнении этих текстов, в которых всегда учитывалось и «ожидание» властного лица, во многом зависящее от степени его «общественной близости» к автору прошения. Обращает на себя внимание то, как постепенно увеличивается дистанция между адресантом и адресатом просительного документа, отраженная в исторических названиях этих документов: *жалоба*, *жалобница*, *слезница* (слезная жалоба) (XIII–XVI вв.), *челобитная* (посл. четв. XVI – 1780-е гг.), *прошение* (с кон. XVII в. до 1780-х гг. одновременно с *челобитной*, в 1786–1917 гг. вместо *челобитной*), *заявление* (а также *обращение*, *письмо-просьба*, *ходатайство*, *служебная записка*).

Смена названий просительных документов – факт в социально-культурном плане довольно примечательный: зачастую такая смена сопровождала очередной период значительных государственных преобразований в стране, неизбежно отражающихся на «вертикальных» отношениях между человеком и властью. Изменение названия документа фиксировало сдвиги в его модальности, под которой понимают «определенный способ активирования действительности» [Качалкин 1986: 99] и сопровождалось изменениями как в выборе стилистических средств, так и в формуляре.

Первоначальное название этого жанра – *жалоба*, *жалобница*: слово *жалоба* в значении ‘официальная жалоба’ известно с конца XIII в. (*то буди тебе ведомо. про тую жалобу. что витьбол(а)не жалобилис на рижаны*. Гр. 1281–1297) [СДРЯ, 3: 230]; слово *жалобница* ‘документ с изложением жалобы, жалоба’ возникло позже (XV–XVI вв.) [СлРЯ XI–XVII, 5: 71].

Названия *жалоба*, *жалобница* указывают на исходную связь официальной просительной речи, во-первых, с устной, разговорной стихией, а во-вторых, с почти «семейным отношением» к властному лицу, от которого ждут не столько действий, сколько ответной жалобной эмоции, сходной с родительским участием. «В княжеской канцелярии, – пишет А.Н. Качалкин, – письменное обращение нижестоящего лица к вышестоящему с просьбой решить поставленный вопрос называлось *жалобой* или *жалобницей*, что подчеркивало как бы семейный характер взаимоотношений между князем и его подчиненными, метафорически изображало отношения в княжестве в виде феодального дома» [Качалкин 1989: 32].

Не случайно *жалоба* в народной речи это и ‘изъявление обиды <...> в широком диапазоне оттенков чувства и переживаний – от сетования, печали и просьбы о помощи до ропота, упреков и хулы’, и в последовательной метонимической номинации – ‘дорогой, милый человек, кто вызывает жалость’ [Колесов 2014, 1: 252]. Такие отношения характеризуют онтологически родовое общество, при котором государство – семья, а властное лицо – родитель, старший рода, к которому обращаться и страшно, и вольно одновременно, потому что «старший» имеет право на наказание и милость, а «младший» безусловно признает это право. Неизменным остается то, что духовно это родственники, близкие люди.

Название *челобитная* утвердилось в приказный период России. «При Иване Грозном обращение к вышестоящему лицу, а тем более к царю исключало подобную интимизацию отношений, и не случайно тот же самый жанр просьбы реализовывался в документе с названием *челобитная*» [Качалкин 1989: 32]. Происхождение названия возводят к сочетанию *бить челом* ‘низко кланяться’, известному в русском языке с конца XIII – начала XIV в. По одной из версий, это сочетание является калькой с китайского языка, проникшей в русский язык через посредство тюркских, где дословно значит ‘головой бия, делать заявление’ [Чащина 2011: 71]. Если это так, то любопытным оказывается предпочтение лексемы *чело* относительно близких ей синонимов древнерусского языка *лоб* и *голова* при калькировании исходного заимствованного выражения. Слово *челобитье* в XIV–XVI вв. широко использовалось в документах, исходивших из церковных канцелярий; в эпоху Ивана Грозного оно распространилось в документах светской власти, потеснив к концу его правления слово *жалобница* (в Судебнике 1550 г. слово *жалобница* преобладает и лишь изредка используется слово *челобитье*).

Слово *челобитная* как лексикализованное словосочетание в форме субстантивированного прилагательного (< *челобитная грамота* >) ярко демонстрирует т.н. экономию языковых средств, столь характерную для устной речи. К XVII в., по свидетельству исследователей, *челобитная* включала множество функциональных разновидностей, обозначенных эпитетами: *исковая*, *явочная*, *изветная*, *повинная*, *мировая*, *отсрочная*, *ставочная*, *собственно челобитная* и др. [Волков 1974: 11–15].

В отношении языка *челобитные*, как и *жалобницы*, продолжали сохранять тесную связь с живой речью:

Црю гсдрю и великому кнзю Алѣгѣю Михайловичу всеа Руси бьет челом холоп твои сотник московскихъ стрелцов Ганка Бибилов служу я холоп твои тебѣ гсдрю всякие твои гсдрвы службы и одолжал великим долгом и обеднял платишком ободрался и пит и есть нечево млсрдый гсдрь црь и велики кнз Алѣгѣи Михайлович всеа Руси пожалуи мнѣ бѣдному и должному холопу своему на платишом и что пит и есть какъ тебѣ млсрдному гсдрю о мнѣ бѣ извѣстит црь гсдрь смилуися пожалуи [Московская деловая... 1968: 61].

Связь с разговорной речью прослеживается и в лексическом, и синтаксическом оформлении *челобитных*. Однако в отличие от бытового жанра *жалобы* деловой жанр *челобитной* обладал достаточно жесткой текстовой структурой, имевшей три основные части: первая – начальная, в которой указывался царский титул, обязательная формула *бьет челом*, автор челобитья, его социальное положение; вторая, в которой излагалось содержание просьбы; третья – заключительная часть – включала обращение к адресату и глагол *смилословиться* или *пожаловать* (или оба сразу) в форме повелительного наклонения (подробно см. [Волков 1974: 21–110]). Форма императива в качестве способа побуждения адресата к желаемому для адресанта действию, невозможная в современных документах, является отражением генетической связи языка деловых документов с живой разговорной речью с одной стороны и делового жанра *челобитной* с жанром *жалобы* – с другой.

Связь с бытовым жанром *жалобы* проявлялась в обилии эмоционально-оценочной лексики, в стремлении разжалобить своего адресата. При этом, в отличие от жалобы, в челобитной всегда подчеркивалось могущество властного лица, адресата прошения, его милосердие и справедливость (*милостивый, милосердный*). Важно было подчеркнуть и незащищенность, униженное положение и слабость автора прошения: в этом угадывалось желание просителя угодить властному лицу: соблюдение незримого ритуала, похожее на легитимизированную «ролевую игру», имело явный прагматический смысл.

Так, смирение духа, подчиненность и признание властной силы адресата в полной мере отражалось и в содержании текста челобитной. Осознаваемая просителем его «ничтожная» социальная роль подчеркивалась многочисленными диминутивными формами самоименования челобитчика (полуимена типа *Гришка, Васька*) и всего, что было с ним связано (*домишки, платишко, службишка* и пр.), оценочными определениями *бедный, виноватый, горький, (много)грешный, нищий, нужный* («нуждающийся»), *последний, сиротский, скудный, убогий* и пр., который прилагал к себе проситель.

Такое лексическое наполнение *челобитной*, чуждое современному заявлению, отражало зрелое средневековое представление об устройстве государства, которое мыслилось в виде феодального дома с государем, посаженным волей свыше. Это уже не «семейные отношения», но еще «домашние». Этим объяснялся сохранившийся личный характер обращения к адресату в челобитной, использование разнообразных средств воздействия и, среди прочего, формы императива.

В результате петровских реформ *челобитная* как жанр сохранилась (вместе с тем с петровского времени стало параллельно употребляться слово *прошение*), однако произошла ее существенная трансформация. Произошло сужение числа документов, называвшихся словом *челобитная*; как следствие, уже к эпохе Екатерины II челобитными назывались только некоторые виды документов, связанные с судом, – *явочные, апелляционные, исковые, мировые челобитные*. Остальные виды челобитных XVII в. стали называться иначе – *доношение, промемория, прошение* и др.

Появление новых названий документов свидетельствовало о постепенной специализации документов. *Челобитная* как название жанра исчезает в 1786 г., когда состоялся сенатский указ, согласно которому из формуляра просительных документов исключались слова *бию челом, челобитье, челобитная*, которые заменялись на слова *прошу, прошение, приношу жалобу* [Русанова 2016: 714]. (В Словаре Академии Российской *прошение* определяется как «письменное изъявление какого-либо своего желания, подаваемое в судебное место или начальнику» и дано с пометой «в приказн. нареч.» [САР, 5: 689].) В переименовании челобитных прослеживается стремление государства разорвать связь с предшествующей приказной традицией.

Государство властно вмешивается в принципы составления просительного документа: стремясь сделать информацию документа более доступной, оно предписывает изложение по пунктам и по законодательно установленной форме. Таким образом, власти меняют принципы ролевого поведения в просительных документах, навязывая просителям новые номинации и принципы построения документа (европейские по своему характеру):

Всепресветлѣйшая державнѣйшая великая гсдрня императрица Елисаветъ Петровна самодержица всеросійская гсдрня всемлстивѣйшая.

Бьет челом гсдрственнѣи Вотчиннѣи калѣгѣи канцеляриста Ѳедора Иванова сна Мирицкого жена ево Марѣа Климонтова доч а о чемъ мое прошѣние тому слѣдуют пункты

1

Имѣется у нас снѣ нашъ Петръ Ѳедоров снѣ Мирицкои кторои из жительства нашего бѣгает и жительства с нами не имѣет а гдѣ живѣтъ о том мы неусвѣстны а от роду ему сну нашему четьрнатцат лѣтъ

2

И ежли оной снѣ наш гдѣ явится в какомъ подговорѣ воровства или в ненадобных мѣстах чтоб того нам не причтѣно было в вину и к штрафу

И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указом повелѣно было сие нашѣ проше́ние в Московскои палицымѣистерскои канцѣляріи явити и записат в записную явочныхъ челобитѣн впрѣт для вѣдома въ книгу

Всемлстивѣишая гсдрня прошу вашего императорскаго величества о семъ нашемъ проше́нии решить учинить 1747 г году июля 2 дня проше́ние писал гсдрствѣнної Вотчинной калѣгѣи канцеляристь Ѳедор Мирицкой к паданию надлѣжит в Московскои палицымѣистерскои канцеляріи

К сему проше́нию гсдрственної Вотчинной калѣгѣи канцеляристь Ѳедор Мирицкой вмѣсто жены своєї Марѣи Климантовы дочери по еѣ проше́нию руку приложил [Памятники московской... 1981: 181]

За всеми этими изменениями отчетливо заметно нежелание властей продолжать «семейственные отношения» со своими просителями (чадами): гражданам предлагается новый образ государства, государства – механизма (см. [Садова 2018]). Властное лицо не желает видеть себя в патронимической роли, ему становится необходимо ограничить свои функции, поскольку в механизме каждая деталь имеет свое строгое назначение. Документная коммуникация, в частности просительные документы, начинает отражать эту метафору.

В грамматическом отношении весьма примечательной выглядит утрата в просительном документе форм повелительного наклонения глагола: ее заменяет перформатив *прошу* (перформатив эксплицитно выражает интенцию говорящего, но лишен воздействующего потенциала императива). Тем не менее язык челобитных XVII и XVIII вв. продолжал сохранять и много общего – в синтаксической организации речи, в обильном использовании бытовой и разговорной лексики, в использовании некоторых формул (*бьет челом*).

Кардинальные изменения произошли в языке прошений в начале XIX в. в связи с общим олитературиванием деловой речи в ходе министерской реформы. Прощения XIX – начала XX в. обязательно включали в текст большое количество комплиментарных формул (*осмеливаюсь, покорнейше, имею честь, припадаю к стопам ног, соизволите повелеть, всеподданнейший* и т.д.). Характерно, что даже в прошениях крестьян эти речевые факты чрезвычайно частотны – заметна «направляющая рука» государственного службиста: он призван был максимально учесть ожидания власти в лице конкретного человека (см. [Юрина 2011]).

Формуляр прошения отличается большей четкостью: в качестве отдельно оформленных реквизитов в прошении представлены адресат, адресант, название документа, подпись, дата и обязательный для XIX – начала XX в. реквизит «место жительства». Можно отметить смещение первых двух реквизитов вправо, которое продолжилось и в последующем. Язык прошения XIX в. полностью лишен признаков разговорной речи, отчетливо наблюдается проникновение в него элементов официальной речи. Изменения в языковом оформлении прошения отражали дальнейшее речевое расподобление гражданина и власти: язык просителя разрывал связь со своей исходной живой, разговорной основой.

В советское время просительные документы в очередной раз переименовываются, вновь отражая изменение отношений между гражданами и властями. На смену *прошению* приходит *заявление*: «советский гражданин не просил, а заявлял» [Грановская 2005: 290]. Персональные заявления могли трансформироваться в коллективные обращения, в которых также чувствовалась незримая рука государства: регламентация формул, языка, границ возможных мало-мальски экспрессивных единиц – всё определялось и соотносилось с образом (метафорой) государства.

Просительные документы подверглись дальнейшей регламентации и формализации, язык заявления становится все более «технократичнее», он совершенно лишен комплиментарности, характерной для прошения XIX в. Эти изменения отражали последовательное обезличивание документной коммуникации, которая все сильнее начинала воплощать лежащую в ее основе механистическую метафору государства.

Просить власть (*требовать, заявлять, обращаться* и т.д.) имеет смысл только в том случае, если автор говорит с властью на языке, ожидаемом и даже навязываемом ею самой, – об этом со всей ясностью свидетельствует эволюция языка просительных документов, максимально отражающих метафору (принципы устройства и идеологию) государства.

Библиографический список

1. Волков, С. С. Лексика русских челобитных XVII века / С. С. Волков. – Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1974. – 164 с.
2. Грановская, Л. М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв: очерки / Л. М. Грановская. – Москва : Эллис, 2005. – 448 с.
3. Долинин, К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия / К. А. Долинин // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Изд-во Гос. учеб. науч. центра «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 7–13.
4. Качалкин, А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи в историко-лингвистическом и источниковедческом освещении : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Качалкин А. Н. – Москва, 1989. – 50.
5. Качалкин, А. Н. История документа и история языка / А. Н. Качалкин // Методологические проблемы социальной лингвистики. – Москва : МГУ, 1986. – С. 93–108.
6. Колесов, В. В. Словарь русской ментальности : в 2 т. / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2014.
7. Колтунова, М. В. Язык и деловое общение: нормы, риторика, этикет : учеб. пособие для вузов / М. В. Колтунова. – Москва : Экономическая литература, 2002. – 270 с.

8. Лобашевская, И. С. Жанры официально-деловой письменной речи : учеб. пособие для студентов специальности 031001 «Филология» / И. С. Лобашевская. – Петропавловск-Камчатский : КамчатГТУ, 2007. – 91 с.
9. Московская деловая и бытовая письменность XVII века / сост. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. – Москва : Наука, 1968. – 338 с.
10. Памятники московской деловой письменности XVIII века. – Москва : Наука, 1981. – 318 с.
11. Русанова, С. В. Термины «челобитная» и «прошение» в законодательных актах XVIII в. / С. В. Русанова // Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н. Н. Казанский. – Санкт-Петербург : Наука, 2016. – Т. 12, № 3. – С. 705–716.
12. Садова, Т. С. Метафора государства и государственный язык / Т. С. Садова, Д. В. Руднев // Языковая норма. Виды и проблемы : материалы V Междунар. педагог. форума / ред. Л. А. Вербицкая, С. И. Богданов, С. В. Друговойко-Должанская, Ю. В. Меньшикова, О. Л. Вуковский, М. М. Ровинская. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. – С. 174–182.
13. Словарь Академии Российской : в 6 т. – Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1789–1794 [САР].
14. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–12. – Москва : Русский язык, 1988–2019 (изд. продолжается) [СДРЯ].
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. – Москва : Наука, 1975–2015 (издание продолжается) [СлРЯ XI–XVII].
16. Чащина, Е. А. Из истории одного юридического документа / Е. А. Чащина // Русский язык в школе. – 2011. – № 1. – С. 70–74.
17. Юрина, Ю. Г. Порядок работы с крестьянской просительной документацией в местные учреждения в конце XIX века (на примере Пензенской губернии) / Ю. Г. Юрина // Делопроизводство. – 2011. – № 4. – С. 104–110.

А. А. Рыжова

Пенза, Россия

ПРАВО НА ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТАХ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА¹

A. A. Ryzhova

Penza, Russia

THE RIGHT TO PENSIONS IN INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS ACTS

Аннотация. Рассматриваются международные акты, регулирующие социальные права граждан, в частности право на пенсионное обеспечение. Анализируется место социальных прав в системе прав человека и их содержание в универсальных и региональных правовых актах. Особое внимание уделяется международным стандартам прав человека в области социального обеспечения, закрепленным в Конвенции № 102 Международной организации труда.

Ключевые слова: права человека, пенсионное обеспечение, международные акты, социальные права.

Abstract. The article deals with international acts regulating social rights of citizens, in particular, the right to pension provision. The article analyzes the place of social rights in the human rights system and their content in universal and regional legal acts. Special attention is paid to international human rights standards in the field of social security, as set out in Convention 102 of the International labour organization.

Keywords: human rights, pension provision, international acts, social rights.

Признание и обеспечение социальных прав и гарантий их реализации имеет принципиальное значение для развития и благополучия общества. Государство, осуществляя комплекс мер по социальной защите населения, берет на себя ответственность за установление принципа справедливости и возможности обеспечения каждому человеку достойного уровня жизни. В данном случае речь идет о социальных гарантиях, в частности, о предоставлении пенсионного обеспечения. Понятие «достойная жизнь» представляет собой сложное, комплексное явление и определяется материальной обеспеченностью человека на уровне стандартов современного развитого общества. Пенсия представляет основу всей системы материального обеспечения в современном обществе, поскольку предоставляет регулярные денежные выплаты.

Развивающиеся процессы глобализации, интеграции, нарастающее влияние международного права на систему и отрасли внутреннего права, усиление межгосударственной миграции населения предопределяют взаимодействие государств в области социального обеспечения. Выражается это прежде всего в разработке и принятии различных правовых актов в данной сфере.

Право на социальное обеспечение реализуется и гарантируется путем разработки и принятия международных актов в области защиты прав человека в рамках соответствующих международных организаций. Такие акты условно подразделяют на универсальные и региональные. В универсальных источниках содержатся международные стандарты социального обеспечения, представляющие собой общепризнанные нормы поведения государств.

Прежде всего, к таким источникам необходимо отнести принятую 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщую декларацию прав человека. В истории это первый документ, на международном уровне, провозгласивший права и свободы человека. В преамбуле говорится о признании прав человека и необходимости охраны их властью закона. В соответствии со статьей 22 «каждый человек, как член общества, имеет право на социальное обеспечение посредством национальных усилий и международного сотрудничества» [Всеобщая декларация, 1948]. Статья 25 указанного акта закрепляет, что «каждый человек имеет право на обеспечение в связи с наступлением старости, инвалидности и иных случаев» [Всеобщая декларация, 1948.]. Исходя из этого, можно сказать о закреплении права на получение пенсионного обеспечения различными категориям граждан. Данное положение в дальнейшем нашло отражение в конституциях стран мира.

В период становления и закрепления международных стандартов прав человека сложилось деление прав на поколения. Категория социальных прав человека относится ко второму поколению и впервые получают свое закрепление в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00252.

1966 г. Нормативное выражение приобретают следующие права: право на труд, право на социальное обеспечение, право на защиту материнства и детства и другие. В статье 11 Международного пакта предусмотрено, что «участствующие в настоящем Пакте государства признают право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни» [Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, 1966]. Именно такой установленный жизненный уровень составляет содержание права на социальное, а следовательно и на пенсионное обеспечение. Однако данный документ не содержит способов эффективного контроля или норм, устанавливающих санкции к государству, нарушающему положения пакта.

К организации, основанной и действующей в целях провозглашения и реализации социальных прав, необходимо отнести созданную в 1919 г. Международную организацию труда (МОТ). Устав МОТ в преамбуле указывает на необходимость создания данной организации, принимая во внимание, что всеобщий и прочный мир может быть установлен только на основе социальной справедливости. Среди целей и задач МОТ признается обязательство способствовать принятию странами мира программ по повышению жизненного уровня, расширению системы социального обеспечения, полного медицинского обслуживания, защите благосостояния детей и матерей [Акатнова 2017, 10 : 188]. Уже в 1920-1930-х годах она выработала международные конвенции в этой области.

К категории универсальных актов относят Конвенцию №102 о минимальных нормах социального обеспечения, принятую 4 июня 1952 г. на Генеральной конференции Международной организации труда, созданной в Женеве Административным советом Международного бюро труда МОТ. Она, в свою очередь, охватывает широкий круг социальных и трудовых вопросов, включая основные права человека, минимальную заработную плату, производственные отношения, занятость, социальный диалог, социальную защиту и другие вопросы. Раздел V Конвенции закрепляет нормы, касающиеся обеспечения по старости. При этом такие понятия как «права человека», «социальные права» не использовались, а заменялись правами трудящихся. Статья 26 установленный возраст получения права на пенсионное обеспечение не превышает 65 лет. Однако компетентный орган власти в соответствующей стране имеет право установить более высокий возрастной предел с учетом работоспособности пожилых лиц. В частности, статьи 28 и 29 соответствующего раздела содержат нормы, регламентирующие порядок и гарантии обеспечения периодических выплат, а так же категории лиц, наделенных данным правом. Пенсия предоставляется лицам, которые до достижения соответствующего пенсионного возраста приобрели стаж, «который может предусматривать 30 лет уплаты взносов или работы по найму» [Конвенция МОТ № 102 от 28.06.1952]. Выплата сокращенной пенсии может обеспечиваться лицам, приобретшим 15-летний стаж уплаты взносов. Таким образом, для получения пенсии по старости, на основании Конвенции МОТ № 102, необходимо учитывать возрастной ценз и стажевые стандарты. Правила исчисления не регламентируются в Конвенции, так как они определяются законодательством каждой отдельной страны.

Принятие 30 мая 2012 г. Рекомендации о минимальных уровнях социальной защиты (№ 202) на 101-й сессии Международной конференции труда стало важным этапом. Со времени своего создания в 1919 г. МОТ активно продвигает политику поддержки стран в установлении адекватных уровней социальной защиты для всех членов общества, руководствуясь международными нормами социального обеспечения. В принятом документе говорится о минимальных уровнях защиты, которые, в свою очередь, должны включать одни из следующих гарантий: основные гарантированные доходы, не ниже национально установленного минимального уровня, для лиц экономически активного возраста, не способных получать достаточный доход, в частности, в результате болезни, безработицы, беременности и родов и утраты трудоспособности; основные гарантированные доходы, не ниже национально установленного минимального уровня, для лиц пожилого возраста [Рекомендация МОТ № 202 от 14.06.2012].

Ряд международных актов в области прав человека относятся к региональным источникам, в которых закрепляются стандарты прав человека, выработанные государствами отдельных регионов. Региональные стандарты позволяют учитывать специфику отдельно взятого региона, его культурные и исторические традиции. Одним из таких документов является ядро общеевропейской системы прав человека – Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. В отличие от других международных актов, данный документ закрепляет механизм обеспечения соблюдения прав (Европейская комиссия по правам человека и Европейский Суд по правам человека).

Не менее значимым для Совета Европы в области регулирования социально-экономических прав является Европейская социальная хартия 1961 г. Она призвана защищать основные социальные и экономические права (прав в области охраны здоровья, социального обеспечения, занятости, недискриминационного подхода). 1 июля 1999 г. вступила в силу пересмотренная Европейская социальная хартия 1996 г., в которой сведены все права с некоторыми поправками, а так же новые права, гарантированные Дополнительным протоколом от 1988 г. Право на социальное обеспечение включено в число наиболее важных основных прав человека. Настоящая Хартия 1996 г. обязывает государства постоянно стремиться выводить систему социального обеспечения на более высокий уровень.

Для развития социального обеспечения во всех государствах – членах Совета Европы с тем, чтобы они могли постепенно достичь его самого высокого уровня, в 1964 году был принят Европейский кодекс социального обеспечения. Часть V «Пособие по старости» содержит нормы, регламентирующие пенсионное обеспечение по достижению установленного возраста: «установленный возраст не должен быть выше

65 лет либо такого большего возраста, что число жителей, достигших этого возраста, составляет не менее 10 процентов от числа жителей, не достигших этого возраста, старше 15 лет» [Европейский кодекс социального обеспечения от 16.04.1964]. Также отдельные положения указывают на случаи, предусматривающие получение пособия по старости ранее установленного срока (ст. 28, 29).

Межгосударственное сотрудничество в области социального обеспечения должно развиваться с учетом степени развития экономических, политических и социальных взаимоотношений. В настоящее время все большее значение приобретает такая международная организация региональной экономической интеграции – Евразийский экономический союз. В рамках деятельности данной организации 20 декабря 2019 г. было принято Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза [Соглашение от 20.12.2019]. В статье 1 настоящего соглашения дается разъяснение по ключевым понятиям в рамках пенсионного обеспечения – накопительные пенсии, пенсии, пенсионные взносы, трудящийся, стаж работы и другие. Согласно указанной статье, «пенсии – денежные выплаты, указанные в пункте 2 статьи 2 настоящего Соглашения, включая выплаты (доплаты) и повышения, устанавливаемые к пенсии в соответствии с законодательством государства-члена» [Соглашение от 20.12.2019]. Документ содержит нормы, устанавливающие реализацию права на пенсию, исчисление размера пенсии, сотрудничество государств-членов в рамках установления пенсионного обеспечения и переходные положения. Соглашение является международным договором, заключенным в рамках Евразийского экономического союза (на сегодняшний момент документ в силу не вступил).

Международное сотрудничество в области прав человека на различных уровнях активно развивается, и количество правовых актов в данной области достаточно велико. Право на социальное обеспечение, включая право на пенсионное обеспечение, признается важной гарантией социального положения и реализации основных прав и свобод каждого человека. Сформированные международные стандарты социального обеспечения отражают передовой опыт, который необходимо учитывать при совершенствовании и реформировании национальных систем в сфере социального обеспечения. Международные стандарты должны быть восприняты государством в качестве ориентиров развития внутреннего законодательства.

Библиографический список

1. Акатнова, М. И. Развитие правового регулирования социального обеспечения на международном уровне / М. И. Акатнова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2017. – №10. – С. 184–190.
2. Всеобщая декларация прав человека [принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948] // Российская газета. – 1995. – № 67.
3. Европейский кодекс социального обеспечения : [ETS № 048] : [Страсбург, 16.04.1964]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901801282> (дата обращения: 20.03.2020).
4. О минимальных нормах социального обеспечения : конвенция Международной организации труда № 102 : [заключена в Женеве 28.06.1952]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/902244295> (дата обращения: 20.03.2020).
5. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Международная защита прав и свобод человека : сб. документов. – Москва : Юрид. лит., 1990. – 672 с.
6. О минимальных уровнях социальной защиты : рекомендация № 202 Международной организации труда [рус., англ.] : [принята в г. Женеве 14.06.2012 на 101-й сессии Генеральной конференции МОТ]. – URL: <https://www.ilo.org/moscow/areas-of-work/social-security/lang--ru/index.htm> (дата обращения: 20.03.2020).
7. Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза : [заключено в г. Санкт-Петербурге 20.12.2019]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/564161102> (дата обращения: 22.03.2020).

В. В. Сверчков, В. Б. Шавлюк

Нижний Новгород, Россия

РЕЧЕВАЯ ИЗБЫТОЧНОСТЬ В ФОРМУЛИРОВКАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

V. V. Sverchkov, V. B. Shavluk

Nizhny Novgorod, Russia

SPEECH REDUNDANCY IN CRIMINAL LAW LANGUAGE

Аннотация. Показывается, что Российское уголовное законодательство несвободно от формулировок, в которых имеются отклонения от языковых и коммуникативных норм. В тексте Уголовного кодекса Российской Федерации обнаруживается значительное количество выражений, содержащих плеоназм, тавтологию, повтор; встречаются и другие, менее распространённые, проявления речевой избыточности. Предлагаются способы устранения законодательных ошибок, связанных с такой избыточностью.

Ключевые слова: речевая избыточность, плеоназм, тавтология, повтор, уголовный кодекс, термин уголовного права.

Abstract. Russian criminal law contains formulations that deviate from linguistic and communication norms. The text of the Criminal Code of the Russian Federation reveals a significant number of expressions containing pleonasm, tautology, lexical repetition; there are other, less common, manifestations of speech redundancy. The authors suggest ways to eliminate legislative errors related to such redundancy.

Keywords: speech redundancy, pleonasm, tautology, lexical repetition, Criminal Code, criminal law term.

Современное российское уголовное законодательство состоит из Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Этот нормативный правовой акт регулирует дозволенное поведение, охраняет общественные отношения, интересы, неотъемлемые от личности блага/ценности, предупреждает совершение преступлений – словом, выполняет регулятивную, охранительную, предупредительную функции.

Выполнение названных функций затрудняют закреплённые в УК РФ *спорные термины* и непродуманные, но регулярно используемые *формулировки, не являющиеся терминами*. Среди них нередко такие, в которых содержатся компоненты, выражающие один и тот же смысл, – сегменты текста, в которых имеет место **речевая избыточность**.

Вот некоторые примеры представленных в УК РФ терминов и нетерминологических выражений, включающих лишние/ненадлежащие слова: «принудительные меры медицинского характера», «принудительные меры воспитательного воздействия», «иные меры уголовно-правового характера», «судебный штраф», «хищение чужого имущества», «невыплата заработной платы», «уплата таможенных платежей», «заведомо неправильное/неверное», «действие (бездействие)», «совершение общественно опасного действия (бездействия)». Изложенные термины и прочие формулировки могут быть сокращены/изменены без ущерба для выражаемого ими смысла.

Распространёнными формами речевой избыточности являются плеоназм, тавтология, повтор.

1. **Плеоназм** проявляется в наличии в предложении, словосочетании разных слов, которые в той или иной степени дублируют друг друга в смысловом отношении. Несомненно, что плеоназм в современном русском языке представляет собой неоднородное явление, компоненты плеонастического сочетания могут соотноситься на основе полной или частичной синонимии, включённости одного в значение другого, избыточности отдельных единиц высказывания [Ковалёва 2017 : 162]. Так, очень часто используемое журналистами словосочетание «*уголовное преступление*» плеонастично, поскольку преступление – это название правонарушения в уголовном праве, в отличие от правонарушений, предусмотренных административным, налоговым, трудовым правом, другими отраслями права. Преступление, согласно части 1 статьи 14 УК РФ, представляет собой виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое Уголовным кодексом под угрозой наказания. Таким образом, существительное «преступление» не требует определения прилагательным «уголовное». Между тем на частую воспроизводимость ошибочного выражения «уголовное право» влияет наличие его среди иллюстраций сочетаемости прилагательного «уголовный» в популярных толковых словарях русского языка [Ожегов 1995 : 813; Большой толковый словарь 2000 : 1370].

Наименование «уголовное преступление» отсутствует в УК РФ, однако в его тексте обнаружено немало других плеонастических выражений. В устранении избыточных компонентов «характер», «воздействие» и трансформации четырёхсловного словосочетания в трёхсловное нуждаются термины уголовного

права «**принудительные меры медицинского характера**» и «**принудительные меры воспитательного воздействия**».

Российское уголовное законодательство не определяло и не определяет понятия принудительных мер медицинского характера и принудительных мер воспитательного воздействия. Тем не менее этим мерам отведено пространство двух глав УК РФ.

Первые включают в себя предусмотренные главой 15 УК РФ меры государственного принуждения, назначаемые судом на основании медицинского заключения людям, которые совершили общественно опасные деяния и нуждаются в медико-психиатрической помощи. Вторые – предусмотренные статьями 90–92 УК РФ меры государственного принуждения, назначаемые судом несовершеннолетним обвиняемым или осуждённым, исправление которых возможно без применения уголовного наказания.

Устранить плеоназм в наименовании данных мер возможно посредством введения терминов «**принудительные медицинские меры**» и «**принудительные воспитательные меры**» [Сверчков 2019 : 535, 541–545, 554–559, 564–566]. Кстати, первый термин использовали и другие авторы в качестве синонима «принудительным мерам медицинского характера» [Шишков 2007 : 2].

Компонент «характер» в составе рассматриваемого термина практически не реализует значение «качество, свойство, специфика чего-либо», поскольку значение «обладать медицинской спецификой» уже выражено с помощью прилагательного. Равно как компонент «воздействие» в составе термина «принудительные меры воспитательного воздействия» самостоятельно не выражает значения «добиваться результата влиянием на что-либо», поскольку данное значение является частью семантики слова «воспитать» и его производного «воспитательный». Эти компоненты лишь усложняют номинацию, удлиняя термины.

Изложенные обстоятельства относятся и к названию раздела VI «**Иные меры уголовно-правового характера**» УК РФ. Очевидно, что данный раздел надлежит именовать «**Иные уголовно-правовые меры**».

Такую же отрицательную роль «утяжелителей» в обозначении реалий, помимо слов «характер» и «воздействие», играют слова «работа по», «объём», «область», «ход», в определённых контекстах нередко выступающие как «семантически пустые компоненты» высказываний [Ковалёва 2017 : 161].

Примером *плеонастической формулировки, в которой имеет место включённость семантики одного слова в значение другого*, служит диспозиция нормы, зафиксированной в первой части статьи 158 УК РФ: «Кража, то есть тайное хищение чужого имущества». *Хищение* представляет собой совершённые с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение *именно чужого, но не какого-либо иного имущества* в пользу виновного или другого лица, причинившие ущерб собственнику либо иному владельцу этого имущества (см. примечание 1 к статье 158 УК РФ), поэтому в значении данного слова уже наличествует семантика слова «чужой».

Выражение «*хищение чужого имущества*» содержится также в диспозициях норм, закреплённых в первых частях статей 159, 159⁵, 159⁶, 160, 161, 162 УК РФ. Его нужно заменить выражением «**хищение имущества**».

Похожая ситуация сложилась вокруг термина «**судебный штраф**», именующего одну из так называемых иных уголовно-правовых мер. В соответствии с действующим российским уголовным законодательством, применение штрафа и как традиционной меры уголовного наказания, и как иной уголовно-правовой меры невозможно без назначения его *судом*. Поэтому иную уголовно-правовую меру следовало именовать без использования прилагательного «судебный». В качестве её названия рекомендуем словосочетание «**обязательный платёж**». К тому же термины «штраф» как мера уголовного наказания и «обязательный платёж» как иная уголовно-правовая мера не созвучны, что исключает их смешение.

2. **Тавтология** представляет собой такую форму речевой избыточности, при которой для обозначения явления употребляются однокоренные слова. Примером тавтологии в тексте УК РФ служат формулировки, связанные с использованием слов с корнем *плат-*, таких как «платёж», «плата», «уплата», «выплата», «невыплата». Так, в статье 145¹ УК РФ речь идёт о «невыплате заработной платы, пенсий стипендий, пособий и иных выплат», в статье 194 УК РФ говорится об «уклонении от уплаты таможенных платежей», а в статье 196 УК РФ — о неисполнении обязанности «по уплате обязательных платежей». Для преодоления тавтологии рекомендуем вместо слов «уплата» и «выплата» использовать отглагольное существительное «**осуществление**»/«**реализация**»/«**обеспечение**» (платежа), наиболее подходящее по контексту.

3. **Повтор** как форма речевой избыточности означает неоправданное использование одной и той же языковой единицы несколько раз. К проявлению такой формы речевой избыточности, как неоправданный лексический повтор, относится весьма частое использование слова «заведомо». Например, в диспозиции нормы, зафиксированной в статье 142¹ «Фальсификация итогов голосования» УК РФ, слово «**заведомо**» употреблено пять раз: а) «представление заведомо неверных сведений», б) «заведомо неправильное составление списков», в) «заведомо неправильный подсчёт голосов», г) «заведомо неверное составление протокола», д) «заведомо неправильное установление итогов голосования, определение результатов выборов, референдума».

Слово «заведомо» законодатель включил в эту и другие статьи (см. часть 1 статьи 111, пункт «в» части 2 статьи 117, часть 1 статьи 122, пункты «д», «е» части 2 статьи 126, статьи 140, 170 и т.д.) УК РФ для того, чтобы показать умышленный характер содеянного (совершение преступления с прямым умыслом). Если следовать этой логике, то надлежало бы *все* уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за умышленные преступления, снабдить словом «заведомо». Нонсенс!

Между тем, в соответствии со ст. 73 УПК РФ, при производстве по уголовному делу *подлежит доказыванию виновность лица в совершении преступления, форма его вины*. Эта обязанность правоприменителя в установлении умышленного или неосторожного отношения злочинеца к содеянному **исключает необходимость наполнения уголовно-правовых норм словом «заведомо»**.

4. Возможны и **другие, менее распространённые, проявления речевой избыточности**. В частности, перегруженность законодательного текста показывает при обозначении общественно опасного (уголовно-противоправного) и прочего поведения человека формулировка **«действие (бездействие)»** (см. статьи 5, 9, 14, 20–22, 25, 26, 28, 40, 81, 107, 113, 195, 196, 200⁵, 204, 204¹, 290–291¹ УК РФ). При этом *действие* означает осознанное, волевое, активное поведение физического лица, а *бездействие* – осознанное, волевое, пассивное поведение физического лица. Представляется целесообразным в названных статьях УК РФ формулировки «действие (бездействие)», «совершение действия (бездействия)» сократить путём замены их словом **«поведение»**, обозначающего родовое понятие.

Более того, содержащее сегмент «действие (бездействие)» выражение **«совершение общественно опасного действия (бездействия)»** (см. часть 2 статьи 9 УК РФ) является примером неудачной лексической сочетаемости (включает оксюморон). Совершить, то есть произвести, реализовать, можно то, что является действием, но отнюдь не бездействием. В данном случае невозможно ограничиться заменой антонимов словом «поведение», поскольку слова «совершение» и «поведение» несочетаемы. Представленному фрагменту целесообразно придать следующий вид: **«осуществление общественно опасного поведения»**.

Таким образом, текст УК РФ содержит избыточные формулировки, приводящие к потере речью логичности и точности – важнейших коммуникативных качеств. Динамично вносимые в российское уголовное законодательство многочисленные поправки должны не только модернизировать его сообразно развитию общественных отношений, изменению экономической и политической ситуации в стране и за её пределами, но и устранять допущенные ошибки при формулировании правовых положений, вызванные отклонениями от языковых и коммуникативных норм. Форма выражения уголовно-правовых норм оказывает существенное влияние на их понимание и применение судьями, следователями, прокурорами, дознавателями и другими лицами.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Ковалёва, Т. А. Плеоназм в русском языке XXI века: семантический аспект / Т. А. Ковалёва // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. – 2017. – № 4. – С. 158–163.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азъ, 1995. – 928 с.
4. Сверчков, В. В. Уголовное право. Общая часть. Учебно-методический комплекс : учеб. пособие для вузов / В. В. Сверчков. – Москва : Юрайт, 2019. – 649 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон № 174-ФЗ от 18.12.2001. – URL: <https://www.consultant.ru/>
6. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон № 63-ФЗ от 13.06.1996. – URL: <https://www.cjnsultant.ru/>
7. Шишков, С. Исполнение принудительных мер медицинского характера (проблемы правового регулирования) / С. Шишков // Законность. – 2007. – № 6. – С. 2–6.

Л. П. Широбокова

Курск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПРАВА КАК ОСНОВЫ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ

L. P. Shirobokova

Kursk, Russia

THE LANGUAGE OF LAW AS THE BASIS OF THE OFFICIAL BUSINESS STYLE

Аннотация. Рассматриваются различные взгляды отечественных и зарубежных ученых на сегментирование языка права, его особенности, а также стилистические характеристики некоторых видов юридических текстов.

Ключевые слова: текст права, язык права, язык договора, язык процессуальных актов, профессиональная речь юриста.

Abstract. The article deals with different views of Russian and foreign scientists on the segmentation of the law language, its features, as well as stylistic characteristics of some types of law texts.

Keywords: law text, law language, contract language, language of procedural acts, professional speech of a lawyer.

Юридический текст и язык права находятся сегодня по-прежнему под пристальным вниманием многих ученых и исследуются как лингвистикой, так и юриспруденцией. В настоящее время имеется достаточно большое количество исследований и статей, посвященных различным аспектам юридических текстов, их видам и стилистическим характеристикам, а также языку закона, языку договора, профессиональной речи юриста и т.д. Автор данной статьи в своей научной работе «Юридические тексты: опыт грамматико-типологического исследования (на примере немецкого и русского языков)» в 2007 году предпринял попытку изучить и проанализировать различные взгляды отечественных и зарубежных ученых на сегментирование языка права, его особенности, стилистические характеристики некоторых видов юридических текстов. Задача данной статьи – познакомить коллег с основными результатами своего исследования с целью дальнейшего изучения, расширения знаний и их систематизации в этой области, а также последующего использования в своих научных работах.

В настоящее время в научном мире имеется достаточно большое количество определений, что такое «юридический текст». Разные ученые вкладывают в это понятие всегда что-то свое в зависимости от объекта исследования, а также используемых целей и методов и полученных вследствие этого результатов. По мнению автора данной статьи, юридический текст может быть охарактеризован как сообщение, содержащее правовую информацию, объективированное в виде официального письменного документа, имеющее модальный характер и прагматическую установку, и состоящее из определенных единств, которые включают в себя разные типы лексической, грамматической и логической связи [Широбокова 2007: 13].

У других исследователей можно встретить следующие определения юридического текста или текста права. Так, например, И. Н. Грязин рассматривает текст права как знаковое выражение правовых смыслов и дает следующую характеристику: «некий особый концептуальный мир, олицетворяющий область должного. Общий, абстрактный характер понятий, входящих в этот мир является отражением или олицетворением бытия, его вовлеченности в свою собственную динамическую экзистенцию» [Грязин 1983: 19].

Т. В. Губаева считает, что «текст права – это знаковый феномен, система созданных культурой знаков» [Губаева 1995: 78].

Н. А. Власенко в своих работах отмечает, что «право, нашедшее свое вербальное выражение в знаковой форме, является одной из важнейших форм его жизни» [Власенко 1997: 29].

И. П. Малинова под текстом права понимает «любое правовое явление» [Малинова 1996: 58]. Закон, толкование этого закона, правовая реальность, вещественные следы преступления – все это для юриста текст, который может быть «прочитан», и из которого могут быть извлечены разные смыслы.

О. А. Прохорова определяет юридический текст как текст, содержащий правовую информацию [Прохорова 1999: 70].

Несмотря на такое разнообразие в определении понятия «текст права» или «юридический текст», их объединяет то, что данный тип текста, в отличие от любого другого, предписывает соответствующее поведение и формулирует общеобязательные требования и предписания. Благодаря этому формируются особенности языка права как основы официально-делового стиля.

Как известно, язык права является средством передачи информации правового характера. С его помощью можно создать юридический текст, и сделать его доступным и пригодным для использования конкретными адресатами.

Известный ученый А. А. Ушаков считал язык в праве «единственным материалом, первоэлементом, из которого создаются и оформляются все правовые категории» [Ушаков 1967: 15].

Правильным, на наш взгляд, является высказывание И. И. Грязина о том, что «право вообще не может существовать, не будучи воплощенным в текстуальную форму» [Грязин 1983: 19].

Следует отметить, что язык права неоднороден по своей структуре и может подразделяться на несколько видов в зависимости от того, в какой области права он используется. Различные ученые, как отечественные, так и зарубежные, предлагали свои модели деления языка права.

Немецкий юрист В. Отто предложил вертикальное деление языка права, в основе которого лежит «степень интенсивности» специального языка, зависящая от цели текста и получателя. Согласно его теории, язык права делится на язык закона, язык судебных решений, язык правовой науки и юридических экспертиз, язык письменного общения официальных инстанций: а) с юристами; б) с гражданами; административный жаргон; прочее, например, разговор гражданина с чиновником [Otto 1981: 51].

Другой зарубежный ученый Р. Герхард, используя модель своего коллеги В. Отто, предлагает выделить язык законодательства, язык суда, язык правовой науки, язык адвоката, язык права научно-популярного характера [см. Fuchs-Khakhar 1987: 46].

Интересной с точки зрения лингвистики является также классификация языка права, предложенная немецким ученым А. Подлехом. Данная классификация включает в себя язык норм (Normsprache), язык «оправданий», обоснований (Rechtfertigungssprache), используемый в обосновании судебных решений, и догматический язык (dogmatische Sprache), используемый в области права как науки [Podlech 1975: 165].

Более сложную модель сегментирования языка права предложил немецкий лингвист Б. Жандэр. В основе данной модели находится горизонтальное и вертикальное деление языка права. Согласно горизонтальному делению выделяются язык законов (Gesetzessprache), язык судебных решений (Urteilssprache) и административный язык (Verwaltungssprache). Вертикальное деление включает в себя язык теории права (Theoriesprache), язык научно-популярных работ по праву (Verteilersprache) и профессиональный жаргон (fachliche Umgangssprache) [Jeand' Heur 1998: 1292–1293].

Необходимо также отметить, что, несмотря на отсутствие единого мнения о делении языка права у названных выше исследователей, все они выделяют язык закона, считая его одним из основных компонентов языка права в целом.

Большого внимания заслуживает исследование отечественного ученого А. Н. Шепелева, посвященное языку права. Автор выделяет его как самостоятельный функциональный стиль. Согласно его точке зрения, язык права состоит из следующих структурных элементов: язык закона, язык правовой доктрины, профессиональная речь юристов, язык процессуальных актов, язык договоров [Шепелев 2002: 68].

А. Н. Шепелев считает, что язык закона должен обладать рядом требований, а именно полнотой, целостностью, логической завершенностью. Текст закона не может быть незаконченным, оставляющим возможности его произвольного «дополнения» или «расширения». Другими требованиями к языку закона, по его мнению, являются директивность и официальность.

Вопросами установления основных особенностей языка законодательства занимался также А. С. Пиголкин. В своей работе «Язык закона» он выделяет такие особенности языка законодательства, как:

- официальный характер, документальность внешнего языкового выражения мысли законодателя;
- ясность и простоту языка законодательства;
- максимальную точность выражения языка законодательства;
- экономичность использования в тексте нормативных актов языковых средств;
- логическую связность и последовательность изложения;
- экспрессивную нейтральность нормативного текста;
- безличный, неиндивидуальный характер стиля законодательных положений;
- формализацию языка законодательства [Язык закона 1990: 18].

От того, насколько качественно и грамотно при помощи языковых средств будет составлен законодательный акт, зависят четкость и определенность исполнения воли законодателей. По мнению Д. А. Керимова, «вряд ли можно назвать какую-нибудь иную область общественной практики, где текстуальные выражения, неверное или неуместное слово способны повлечь за собой такие тяжелые, иногда даже трагические последствия, как в области законотворчества. Нарушение логики закона, неточность его формулировок, неопределенность использования терминов порождают многочисленные запросы, влекут дополнения, толкования и разъяснения, вызывают непроизводительную трату времени, сил, энергии и вместе с тем являются питательной почвой для бюрократической волокиты, позволяют извращать текст закона и неправильно его применять. Чем совершеннее текст закона, тем меньше вызовет он затруднений при его реализации» [Керимов 1991: 55].

Язык правовой доктрины характеризует отвлеченно-обобщенность и логичность изложения, а также смысловая точность (однозначность) и объективность. Языку правовой доктрины свойственна логичность, что проявляется в подчеркнутом последовательном переходе от одной мысли к другой. Другая осо-

бенность языка правовой доктрины заключается в отсутствии эмоционально окрашенной и сниженной лексики.

Профессиональная речь юристов возникает параллельно с языком закона и формируется согласно законам устного жанра – юридической риторики. Для данного элемента языка права характерны эмоциональность и образность, языковые тропы (метафоры, сравнения, перефразы, инверсия и т. д.) на разных языковых уровнях – фонетическом, лексическом, синтаксическом. Профессиональную речь юриста отличает наличие развернутых синтаксических структур, практически полное отсутствие абстрагированной лексики. Она должна убедить слушателей в правильности излагаемой позиции, а также уметь вызвать сочувствие к одним лицам и негодование к другим.

Что касается языка процессуальных актов, то именно он является наиболее разнородным по своей структуре. Ему присуща не только функция должностования, но и функция общения, проявляющаяся в диалоге. Здесь имеет место проявления индивидуальных черт говорящего, характерна эмоциональная реакция. Язык процессуальных актов характеризуется эллиптичностью («свернутостью» высказываний), практически отсутствует иноязычная терминология, достаточно часто используется разговорная лексика.

Важное место в сегментировании языка права принадлежит языку договоров. Он также развивался параллельно с языком закона, имеет достаточно древние исторические корни, однако своего расцвета он достиг в XVII–XVIII веках в период формирования так называемого «приказного стиля». Н. С. Соколова определяет договор как «соглашение нормативного характера, имеющее силу закона» [Соколова 1996: 13].

Следует отметить, что язык договора и язык закона имеют сходные требования, предъявляемые к ним. Сюда относятся недопустимость высокопарности фраз, лозунговости или публицистичности. Обоим сегментам языка права присуща нейтральность, повышающая эффективность правового регулирования. Не допускается лексическая и смысловая абсурдность, разрыв мыслей, затемненность и двусмысленность фраз. Помимо этого, язык договоров характеризует конкретность, логичное изложение материала, связь нормативных предписаний между собой, оправданное употребление тех или иных языковых норм, точность и определенность формулировок, выражений, определенных терминов, ясность и доступность при изложении материала.

Исходя из основной функции договора – достижение договоренности между двумя заинтересованными сторонами по вопросам определенного порядка, И. А. Улиткин устанавливает стилевые черты данного типа текста, а именно: официальность, сжатость, точность [Улиткин 1998: 69].

Официальность подчеркивает дистанцию между собеседниками, распределяет роли между партнерами, и придает соответствующую окраску договору. Официальному тону договора способствует также употребление большого количества канцеляризмов и шаблонов, служащих для логической спаянности высказывания.

Сжатость позволяет дать максимум информации с помощью определенных языковых средств.

Точность служит для детальной полноты описания, конкретности и обстоятельности. Для этой цели используется чаще всего специфическая терминология, а также однозначная лексика.

В силу своих свойств и юридической природы, языку договоров свойственна целостность внутреннего структурного построения. Типичным для него являются также обилие использования клише и строгая логическая последовательность текста. Клишированность является особенностью официально-делового стиля. Ее функция – экономить время на составление документа и мыслительную деятельность, способствовать точному и однозначному выражению мысли, а также облегчать общение.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что юридические тексты являются важной составляющей функционирования каждого государства и общества в целом. Их отличают разнообразие видов и соответствующие стилевые характеристики. Каждому из типов текста присущ свой язык, имеющий свои особенности и представляющий собой особое лингвистическое явление, несомненно, требующее дальнейшего тщательного изучения и исследования.

Библиографический список

1. Власенко, Н. А. Язык права : монография / Н. А. Власенко. – Иркутск : Хормаплюс, 1997. – 176 с.
2. Грязин, И. Н. Текст права: опыт методологического анализа конкурирующих теорий / И. Н. Грязин. – Таллин : Ээсти Раамат, 1983. – 187 с.
3. Губаева, Т. В. Словесность в юриспруденции / Т. В. Губаева. – Казань : Изд-во КГУ, 1995. – 301 с.
4. Керимов, Д. А. Культура и техника законотворчества. – Москва : Юрид. лит., 1991. – 160 с.
5. Малинова, И. П. Философия правотворчества / Д. А. Керимов. – Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1996. – 147 с.
6. Прохорова, О. А. Структурные и прагматические особенности директивного текста (на материале юридических документов древнеанглийского периода) : дис. ... канд. филол. наук / Прохорова О. А. – Красноярск, 1999. – 191 с.
7. Соколова, Н. С. Теория государства и права / Н. С. Соколова. – Москва : Юрайт, 1996. – 359 с.
8. Тихомиров, Ю. А. Значение договора в механизме правового регулирования / Ю. А. Тихомиров // Конституция, закон, подзаконный акт. – Москва : Известия, 1994. – 127 с.
9. Улиткин, И. А. Статистико-типологический анализ текстов коммерческих контрактов : дис. ... канд. филол. наук / Улиткин И. А. – Москва, 1998. – 178 с.
10. Ушаков, А. А. Очерки советской законодательной стилистики / А. А. Ушаков. – Пермь : Перм. гос. ун-та, 1967. – 206 с.
11. Шепелев, А. Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль : дис. ... канд. юрид. наук / Шепелев А. Н. – Тамбов, 2002. – 217 с.

12. Широбокова, Л. П. Юридические тексты: опыт грамматико-типологического исследования (на примере немецкого и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук / Широбокова Л. П. – Москва, 2007. – 177 с.
13. Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. – Москва : Юрид. лит., 1990. – 190 с.
14. Fuchs-Khakhar, C. Die Verwaltungssprache zwischen dem Anspruch auf Fachsprachlichkeit und Verständlichkeit: ein Vergleich der Darstellung dieses Konfliktes in der deutschen Verwaltungssprache und die Vorschläge zu seiner Bewältigung seit 1958, ergeben durch einen Blick auf die neueren Ansätze zur Verbesserung der Verwaltungssprache in Grossbritannien / C. Fuchs-Khakhar. – Tübingen : Staufenburg-Verlag, 1987. – 199 s.
15. Jeand'Heur, B. Die neuere Fachsprache der juristischen Wissenschaft seit der Mitte des 19. Jahrhunderts unter besonderer Berücksichtigung von Verfassungsrecht und Rechtsmethodik / B. Jeand'Heur // Fachsprachen: ein internationales Handbuch zur Fachsprachenforschung und Terminologiewissenschaft / Hrsg. Von L. Hoffman in 2 Bd. Bd. 1. – Berlin, New York : de Gruyter, 1998. – S. 1286–1295.
16. Otto, W. Die Paradoxie einer Fachsprache / W. Otto // Die Sprache des Rechts und der Verwaltung / Hrsg. Ingulf Radtke. – Stuttgart : Klett, 1981. – S. 44–57.
17. Podlech, A. Die juristische Fachsprache und die Umgangssprache / A. Podlech // Fachsprache, Umgangssprache: wissenschaftliche und linguistische Aspekte der Problematik, sprachliche Aspekte der Jurisprudenz und der Theologie, maschinelle Textverarbeitung / J. Petöfi ... (Hrsg.) – Kronberg / Th. : Scriptor, 1975. – S. 161–189.

Направление 2

ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕРМИН. ПРОБЛЕМА ПРАВОВЫХ ДЕФИНИЦИЙ

С. А. Агамагомедова

Пенза, Россия

КОНТРОЛЬ, НАДЗОР И КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

S. A. Agamagomedova

Penza, Russia

CONTROL, SUPERVISION AND CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITY: ADMINISTRATIVE AND LEGAL ASPECTS OF DIFFERENTIATION

Аннотация. Рассматриваются вопросы позиционирования и разграничения категорий «контроль», «надзор» и «контрольно-надзорная деятельность» в законодательстве и административно-правовой науке. Сделан вывод о необходимости установления законодательных определений данным понятиям в условиях реформы контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти.

Ключевые слова: государственный контроль, государственный надзор, контрольно-надзорная деятельность, реформа, административное право.

Abstract. The article discusses the issues of positioning and distinguishing between the categories of "control", "supervision" and "control and supervisory activities" in legislation and administrative science. It is concluded that it is necessary to establish legislative definitions of these concepts in the context of the reform of the control and oversight activities of executive bodies.

Keywords: state control, state supervision, control and supervision activity, reform, administrative law.

Дискуссии о разграничении контроля и надзора в управлении, о соотношении данных управленческих функций специалисты в сфере административного права ведут давно. Активность их растет в условиях реформы контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти, проводимой сегодня в стране. Несмотря на достаточную проработанность теоретических аспектов государственного контроля и надзора, процедур их проведения, классификации, научные подходы к позиционированию государственного контроля, государственного (административного) надзора, контрольно-надзорной деятельности отличаются плюрализмом и неоднозначностью. При этом эти подходы имеют не только и не столько теоретическое значение, сколько практическое, так как обуславливают законодательное обоснование данных форм управленческой деятельности, эффективность механизмов их практической реализации в правоприменении.

Следует выделить несколько сформировавшихся подходов к позиционированию данных категорий в административно-правовой науке и нормативно-правовом массиве. Во-первых, это подходы, уравнивающие понятия контроля и надзора, заключающиеся в позиции совпадения их сферы, признании их синонимами [Галанина 2001 : 22; Тарасов 2004 : 17]. Данные подходы достаточно распространены в действующем законодательстве, регламентирующем проведение государственного контроля и надзора. Так, категории «контроль» и «надзор» используются как тождественные в Федеральном законе от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [Федеральный закон № 294-ФЗ от 26.12.2008], в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза [Таможенный кодекс от 01.01.2018], в ряде положений КоАП РФ (в отдельных статьях КоАП РФ контроль и надзор разграничиваются применительно к отдельным видам государственного контроля и надзора, к примеру, федеральный государственный ветеринарный надзор в ч. 8 статьи 19.5 КоАП РФ и др.) [Кодекс № 195-ФЗ от 30.12.2001].

Разграничения данных категорий нет и в проектах нормативно-правовых актов, посвященных государственному контролю и надзору и проходящих процедуры обсуждения [Паспорт проекта № 850621-7].

Интересно, что зарубежном законодательстве, в частности в законодательстве Европейского союза, рассматриваемые понятия разграничиваются. Так, в статье 5 Таможенного кодекса Европейского союза, посвященной определению, используемому в данном акте, дано определение таможенному контролю ("customs controls") (п. 3 статьи 5) и таможенному надзору ("customs supervision") (п. 27 статьи 5 ТК ЕС), которые разграничиваются в зависимости от уровня правовой регламентации и ее сферы [REGULATION (EU) No 952/2013].

Полагаем, что предпосылкой широкого и практически равнозначного использования категорий «контроль» и «надзор» в российской юридической науке, законодательстве и практике является различная этимология данных терминов. Французское слово «контроль» вошло в русский язык значительно позднее слова славянского происхождения «надзор», но широко распространилось. На определенном этапе оба термина стали употребляться применительно к одним и тем же или смежным, близким сферам регулирования, что обусловило их синонимичное понимание и использование. Примечательно, что разнится формула построения словосочетаний с рассматриваемыми терминами: контроль (чего?) деятельности, но надзор (за чем?) за деятельностью. Разница в построении несет определенную смысловую нагрузку, связанную с позиционированием надзора в качестве основанной на внешнем наблюдении деятельности, мероприятий, не связанных с вмешательством в поднадзорную деятельность. Последняя не трансформируется под воздействием надзора, она естественная, нормальная, традиционная для субъекта, подлежащего надзору. Контроль же в рамках формулы построения словосочетаний предполагает потенциальную возможность вмешательства в подконтрольную деятельность с целью ее корректировки. Кстати, правомочие вмешательства (его объемы) в подконтрольную деятельность, в деятельность управляемых субъектов выступает одним из самых распространенных критериев разграничения контроля и надзора.

Второй группой подходов выступают подходы, связанные с поглощением одной из рассматриваемых категорий другой. Достаточно распространены мнения о том, что надзор – это часть контроля или контроль является частью более широкой категории – надзорной деятельности [Конин 2004 : 234-235; Погодина 2012 : 72–74].

Третья группа подходов основана на четком разделении контроля и надзора и представлена большим количеством позиций, предлагающих критерии их разграничения [Аврутин 2017 : 695–696; Козлов 2001 : 215; Мартынов 2010 : 92–130; Зубарев 2014 : 31–36]. Последние включают в себя такие как организационная подчиненность лиц, взаимодействующих при осуществлении контроля и надзора; объем полномочий, предоставляемых органам государственного контроля и надзора; характер и сфера действия обязательных требований, проверка которых является предметом контрольной и надзорной деятельности; возможность вмешательства в деятельность управляемых субъектов и другие.

Кроме рассматриваемых нами категорий контроля и надзора, традиционных и исторически устоявшихся в административно-правовом законодательстве и правоприменении, в последние годы активно используется категория «контрольно-надзорная деятельность». Широта использования последней обусловлена, на наш взгляд, во-первых, реализацией реформы контрольно-надзорной деятельности как очередного этапа оптимизации системы государственного управления в целом, во-вторых, неоднозначностью трактовки категорий контроля и надзора в действующем законодательстве и, как следствие, необходимостью использования единого термина, объединяющего все виды (разновидности) государственного контроля и надзора.

Применительно к контрольно-надзорной деятельности также существуют различные подходы. Часть из них (полагаем, что большая) вкладывает в содержание категории «контрольно-надзорная деятельность» все разновидности и направления государственного контроля и надзора, термин несет кумулятивный эффект. Другая часть подходов связана с пониманием в качестве контрольно-надзорной деятельности особой, специфической разновидности управленческой деятельности, не равнозначной простой «сумме» контроля и надзора. Так, Н.М. Конин называет три организационно-правовых способа обеспечения законности и государственной дисциплины субъектов организационных управленческих отношений в сфере административно-правового регулирования: государственный контроль, государственный надзор и государственная контрольно-надзорная деятельность [Конин 2007 : 176].

Интересно, что административно-правовое и программное обеспечение осуществляемой сегодня реформы государственного контроля и надзора использует такие дефиниции как «реформа контрольной и надзорной деятельности» [Паспорт приоритетной программы 2016; Паспорт реализации проекта, 2018].

Все выявленные выше разночтения и плюрализм в понимании категорий «государственный контроль», «государственный надзор», «контрольно-надзорная деятельность» могут быть минимизированы посредством законодательного закрепления и обоснования данных категорий. Тот факт, что сегодня отсутствует легальное определение рассматриваемых категорий, не установлено их соотношение, вызывает неоднозначность использования категорий в законодательстве, правоприменении и науке административного права. Отметим, что при этом критерии их разграничения имеют в данном случае второстепенное значение.

Таким образом, сегодня можно констатировать многообразие позиций и подходов в определении контроля, надзора и контрольно-надзорной деятельности применительно к сфере государственного управ-

ления. В административно-правовой науке по-разному определяется соотношение данных понятий, в законодательстве доминирует их смешение. В условиях реформы контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти четкое позиционирование рассматриваемых категорий в научном поле и нормативно-правовом массиве призвано повысить эффективность правоприменительной практики государственных органов по реализации государственного контроля и надзора.

Библиографический список

1. Regulation (eu) № 952/2013 of the european parliament and of the council of 9 October 2013 laying down the Union Customs Code. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1567087493358&uri=CELEX:02013R0952-20190515> (дата обращения: 10.06.2020).
2. Аврутин, Ю. Е. Размышления о государстве и государственной власти, законности и правопорядке, публичном управлении и административном праве / Ю. Е. Аврутин // Избранные труды / Ю. Е. Аврутин ; вступительная статья д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ Ю. Н. Старилова. – Санкт-Петербург : Юридический центр, 2017. – 720 с.
3. Галанина, Л. А. Организационно-правовое обеспечение контроля за исполнением нормативно-правовых актов в субъектах Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Галанина Л. А. – Москва, 2001. – 184 с.
4. Зубарев, С. М. О соотношении понятий «контроль» и «надзор» в публичном управлении / С. М. Зубарев // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014. – № 10. – С. 31–36.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30.12.2001 // Российская газета. – 2001. – № 256.
6. Козлов, Ю. М. Административное право : учебник / Ю. М. Козлов. – Москва : Юристъ, 2001. – 320 с.
7. Конин, Н. М. Административное право России. Общая и Особенная части : курс лекций / Н. М. Конин. – Москва : Юристъ, 2004. – 559 с.
8. Конин, Н. М. Административное право России : учебник / Н. М. Конин. – Москва : ТК Велби : Проспект, 2007. – 448 с.
9. Мартынов, А. В. Проблемы правового регулирования административного надзора в России. Административно-процессуальное исследование : монография / А. В. Мартынов. – Москва : NOTA BENE, 2010. – 548 с.
10. Реформа контрольной и надзорной деятельности : паспорт приоритетной программы (приложение к протоколу президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам № 12 от 21.12.2016) : [ред. от 30.05.2017]. Документ опубликован не был. – URL: <http://контроль-надзор.рф> по состоянию на 03.08.2017.
11. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : паспорт проекта Федерального закона № 850621-7 : [внесен Правительством РФ]. В данном виде документ опубликован не был. Принят ГД ФС РФ в первом чтении // СПС «Консультант Плюс».
12. Совершенствование функции государственного надзора ФТС России в рамках реализации приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности» : паспорт реализации проекта : [утв. протоколом заседания проектного комитета № 2 от 27.03.2018]. Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».
13. Погодина, Н. А. Соотношение контроля и надзора в российской правовой системе / Н. А. Погодина, К. В. Карелин // Российская юстиция. – 2012. – № 3. – С. 72–74.
14. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). – URL: <http://www.eaeunion.org/>, 12.04.2017.
15. Тарасов, А. М. Проблемы законодательного обеспечения государственного контроля / А. М. Тарасов // Государство и право. – 2004. – № 10. – С. 15–25.
16. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля : федер. закон № 294-ФЗ от 26.12.2008 : [ред. от 01.04.2020] // Российская газета. – 2008. – № 266.

М. И. Игнатик

Гродно, Республика Беларусь

ВЗАИМНОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

M. Ignatik

Grodno, Republic of Belarus

RECIPROCITY IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Аннотация. Показывается, что термин «взаимость» в международном частном праве в настоящее время используется как лексическое выражение; как категория, применяемая в научном обороте международного публичного и международного частного права. Отмечается, что перспективной является разработка «взаимности» в качестве принципа международного частного права.

Ключевые слова: международное частное право, термин, взаимность, принцип.

Abstract. The term «reciprocity» in private international law is currently used as a lexical expression and as a category used in the scientific circulation of public international law and private international law. The author believes that the study of the concept "reciprocity" as a principle of private international law is promising trend.

Keywords: private international law, term, reciprocity, principle.

В настоящее время международные частные отношения бурно развиваются: растет внешнеторговый оборот государств; инвестиционное сотрудничество охватывает все новые сферы экономики; глобальные миграционные процессы привели к серьезным структурным изменениям состава населения стран, что обусловило изменения в составе трудовых ресурсов, увеличение количества интернациональных браков; дальнейшее техническое совершенствование средств передачи информации предъявило новые требования к механизму охраны и защиты интеллектуальной собственности. Сегодня нет ни одной области гражданских (в широком смысле слова) отношений с иностранным элементом, которые не были бы затронуты мировыми экономическими и социальными процессами. Усложнение отношений вызывает необходимость совершенствования их правового регулирования на основе новых теоретических разработок в области международного частного права. Однако исследования ученых в большинстве своем по-прежнему носят прикладной характер и направлены на разрешение проблем отдельных институтов особенной части данной отрасли права. Вместе с тем, практически все вопросы, относящиеся к теории международного частного права, требуют дальнейшего научного изучения и осмысления. Сегодня разнообразием мнений характеризуются взгляды ученых на предмет международного частного права; место международного частного права в системе права того или иного государства; состав и иерархию источников международного частного права; методы и принципы международного частного права; специфические проблемы, возникающие на стадии выбора компетентного правопорядка и применения норм иностранного права; терминологию, используемую в данной сфере отношений.

Одним из таких терминов является «взаимость». В международном частном праве он используется широко и в разных значениях.

1. Как профессиональное выражение, в чисто филологическом значении этого слова: «Взаимный – обоюдный, касающийся обеих сторон» [Ожегов]. Юристы говорят: «взаимное согласие», «взаимное сотрудничество», «взаимный обмен информацией»

2. Рассуждая о правовой природе международного частного права, о его предмете и методах правового регулирования, ученые отмечают, что исходные начала международного частного и международного публичного права едины. В ряде случаев эти отрасли права регулируют общий комплекс одних и тех же отношений [Богуславский 2002 : 18; Звеков 2004 : 34; Тихиня 2014 : 14]. Такое тесное взаимодействие естественно предполагает возможность использования обеими отраслями права одних и тех же категорий. Если говорить о взаимности в международном публичном праве, то можно утверждать, что в общем и целом в нем практически все взаимно, так как международное публичное право – это прежде всего договорное право. И даже если речь идет об обычаях как источниках международного публичного права, то они тоже формируются в процессе сотрудничества государств и в той или иной степени выражают их согласованную волю, не говоря уже о случаях, когда международно-правовыми обычаями становятся положения международных договоров, в которых участвуют практически все государства. (Например, Женевские конвенции 1949 г., посвященные защите жертв вооруженных конфликтов). Акцентируется внимание на взаимности в международном уголовном праве при рассмотрении вопросов экстрадиции и в разделе международного экономического права, характеризующем его принципы (принцип взаимной выгоды). Так, формулируя определение выдачи Л. Васильева пишет, что ее следует определять как «процесс, основанный

на договоре, взаимности, международной вежливости или национальном праве, при котором государство передает другому государству лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления против законов просящего о выдаче государства или против международного уголовного права, для суда или наказания в запрашиваемом государстве за преступление, указанное в просьбе о выдаче» [Васильева 2010 : 495]. В международном экономическом праве подчеркивается, что взаимность нельзя отождествлять с взаимной выгодой и правильнее считать принцип взаимности конвенционной нормой – принципом общего (не только экономического) права [Вельяминов 2004 : 110]. Для уяснения сущности принципа взаимной выгоды В. Шумилов также предлагает обратиться к понятию принципа взаимности, отмечая, что требование о взаимности в международных экономических отношениях связывают с правами, уступками, преимуществами, определенными выгодами. О наличии взаимности судят по определенным количественным и качественным характеристикам – симметричность, равнозначность, эквивалентность, тождественность, однородность, равноценность, обоюдность [Шумилов 1999 : 57].

3. Взаимность – принцип международного частного права [Ануфриева 2002 : 85; Дмитриева 2003 : 177; Толстых 2004 : 377]. В юридической литературе отмечается, что взаимность является исходным началом во многих сферах отношений, осложненных иностранным элементом. В первую очередь это относится к правовому положению субъектов международных частных отношений. Сущность взаимности здесь состоит в предоставлении физическим и юридическим лицам иностранного государства определенных прав при условии, что физические и юридические лица предоставляющего данные права государства будут пользоваться аналогичными правами в этом государстве.

В инвестиционных отношениях взаимность выражается в предоставлении национального режима и режима наибольшего благоприятствования. Так статьей 4 Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Украины о содействии и взаимной защите инвестиций установлено, что каждая Договаривающаяся Сторона на своей территории предоставит инвестициям инвесторов другой Договаривающейся Стороны режим, который является справедливым и равным и не менее благоприятным, чем тот, который она предоставляет инвестициям своих собственных инвесторов или инвестициям инвесторов любого третьего государства. [Международный договор от 14.12.1995].

Без взаимности не могут состояться и международные процессуальные отношения. Статья 5 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности предусматривает правило согласно которому компетентные суды и иные органы государств СНГ обязуются оказывать взаимную правовую помощь. Взаимное оказание правовой помощи включает вручение и пересылку документов и выполнение процессуальных действий, в частности проведение экспертизы, заслушивание Сторон, свидетелей, экспертов и других лиц [Международный договор от 20.03.1992]. Статья 542 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь гласит: «Судопроизводство по гражданским делам с участием иностранных граждан и юридических лиц в Республике Беларусь ведется по правилам настоящего Кодекса, если иное не предусмотрено специальными законодательными актами или международными договорами Республики Беларусь. При этом суды Республики Беларусь кроме общих принципов гражданского судопроизводства руководствуются принципами приоритета международного договора; процессуального равноправия иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц с гражданами и юридическими лицами Республики Беларусь; соблюдения юрисдикции иностранных судов и иных правоприменительных органов; взаимности». [Гражданский процессуальный кодекс № 238-З от 11.01.1999].

Приводить примеры можно и дальше. Но особенно перспективной представляется разработка концепции взаимности в качестве принципа международного частного права после включения статьи о ней в гражданские кодексы и законы о международном частном праве стран. Согласно статьи 1098 Гражданского кодекса Республики Беларусь суд применяет иностранное право независимо от того, применяется ли в соответствующем иностранном государстве к аналогичным отношениям право Республики Беларусь, за исключением случаев, когда применение иностранного права на началах взаимности предусмотрено законодательством Республики Беларусь. Если применение иностранного права зависит от взаимности, предполагается, что она существует, поскольку не доказано иное. [Гражданский кодекс № 218-З от 07.12.1998]. Это правило относится к сфере действия коллизионных норм, а коллизионные нормы – это сущностная особенность правового регулирования отношений, осложненных иностранным элементом. Прежде чем разрешить ситуацию по существу, правоприменительный орган, используя коллизионные нормы, должен выбрать правовую систему государства, компетентную в данном конкретном случае. Коллизионная проблема в международном частном праве есть практически всегда. И разрешать ее предлагается на основе взаимности. Значит, взаимность – принцип?

Утвердительно ответить на этот вопрос сегодня нельзя по нескольким причинам. Автор статьи для своих научных целей несколько раз обращалась к проблематике принципов права в общетеоретическом аспекте и с удивлением обнаруживала, что во многих учебных изданиях по общей теории права и государства вопрос о принципах права вообще не рассматривается. Там, где рассматривается, то изложение материала представляет собой некий «легкий эскиз», а не устоявшиеся научные выводы об одном из основных правовых понятий, транслируемые студенческой и практикующей аудитории. Несравнимо большее внимание данной категории уделяется в отраслевой учебной и научной литературе.

До настоящего времени дискуссионным продолжает оставаться вопрос о природе международного частного права и его месте в общей системе права. Самыми распространенными являются три концепции: международное частное право – это часть международного права в широком смысле этого слова; международное частное право – это часть внутреннего, национального права государства; международное частное право – это полисистемный комплекс, относящийся частично к международному публичному праву и частично к внутреннему праву государства. Представляется, что теоретическая концепция принципов права и отраслевая концепция международного частного права являются фундаментом, на котором строится разработка понятийного аппарата. А его (фундамента) нет.

Если проанализировать написанное о принципах международного частного права, то мы увидим, что одни авторы адаптируют систему общепризнанных принципов международного права к потребностям гражданского оборота. Так, В. Г. Тихиня считает, что международное частное право основывается на принципах приоритета общечеловеческих интересов и ценностей; недопустимости дискриминации торгово-экономических отношений с зарубежными партнерами; невмешательства во внутренние дела друг друга; добросовестного выполнения обязательств, вытекающих из общепризнанных принципов и норм международного права, заключенных договоров; мирного урегулирования возникающих споров [Тихиня 2014 : 8]. Такой же точки зрения придерживается и М. М. Богуславский [2002 : 31 – 33].

Другая группа ученых, исходя из определенного системообразующего критерия, формулирует принципы международного частного права. Таковым по мнению Н. Оксютчика является предмет правового регулирования. В соответствии с ним принципы международного частного права делятся на общие и специальные. Общие принципы международного частного права обеспечивают функционирование отрасли права как части национальной, региональной и международной правовых систем. К ним относятся принцип экстерриториального применения национального законодательства; принцип обеспечения баланса между защитой государственных интересов и реализацией прав и законных интересов субъектов международного частного права; принцип предоставления иностранным субъектам определенных правовых режимов; принцип сочетания международного и национального нормативного регулирования; принцип добросовестности и разумности участников правоотношений; принцип автономии воли сторон; принцип применения процессуальных норм страны суда. Действие специальных принципов направлено на обеспечение функционирования сугубо специфических, присущих исключительно международному частному праву механизмов регулирования частноправовых отношений с иностранным элементом. В эту группу автор включает принцип коллизионного регулирования и принцип применения негосударственных форм регулирования правоотношений [Оксютчик 2016 : 17]. Однако видим, принципа взаимности в этом перечне нет. Нет его и в концепции принципов международного частного права, предложенной О. Н. Толочко. Правда, раскрывая содержание специальных принципов международного частного права (а все, как и предыдущий автор, она делит на общие и специальные), ученый отмечает, что изложенный перечень не является исчерпывающим и составить таковой нельзя, если исходить из того, что принципы – это основополагающие идеи права. Ведь закрытого ряда «идей» быть не может [Толочко 2012 : 28].

Таким образом, положения нормативных правовых актов и международных договоров Республики Беларусь свидетельствуют о том, что взаимность можно рассматривать в качестве принципа международного частного права, т.к. она играет определяющую роль в регулировании практически всех отношений с иностранным элементом. В то же время единого мнения о взаимности как о принципе международного частного права среди ученых-юристов не сложилось. Представляется, что тема принципов данной отрасли права и взаимности как одного из них, является актуальной и перспективной для комплексных теоретических исследований и должна разрабатываться исходя из следующих концептуальных положений: принципы права – это нормы права; принципы права – это система норм права, в которой составляющие ее элементы существуют в неразрывном единстве; к принципам права можно отнести только те юридические идеи, которые легально закреплены в нормативно-правовых актах или в иных формах права. С практической точки зрения должны быть разрешены вопросы о пределах действия принципов международного частного права, о соотношении принципов международного частного права с другими источниками правового регулирования отношений, осложненных иностранным элементом (в т.ч. источниками «мягкого» права), закрепления их в законодательстве Республики Беларусь.

Библиографический список

1. Ануфриева, Л. П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории / Л. П. Ануфриева. – Москва : Спарк, 2002. – 415 с.
2. Богуславский, М. М. Международное частное право : учебник / М. М. Богуславский. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрист, 2002. – 462 с.
3. Васильева, Л. А. Международное публичное право : учеб. пособие / Л. А. Васильева, О. А. Бакиновская. – Минск : ТетраСистемс, 2010. – 576 с.
4. Вельяминов, Г. М. Основы международного экономического права / Г. М. Вельяминов. – Москва : ТЕИС, 1994. – 110 с.
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь № 218-З от 07.12.1998 : [принят Палатой представителей 28.10.1998 : одобрен Советом Респ. 19.11.1998 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

6. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь № 238-З от 11.01.1999 : [принят Палатой представителей 10.12.1998 : одобр. Советом Респ. 18.12.1998 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
7. Звеков, В. П. Международное частное право : учебник / В. П. Звеков. – 2-е изд., перераб и доп. – Москва : Юристъ, 2004. – 703 с.
8. Международное частное право : учебник / Л. П. Ануфриева [и др.] ; отв. ред. Г. К. Дмитриева. – 2-е изд. перераб. и доп. – Москва : ТК Велби : Изд-во Проспект, 2003. – 688 с.
9. О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности : соглашение стран СНГ : [заключено в г. Киеве 20.03.1992] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
10. Оксютич, Н. Система принципов международного частного права / Н. Оксютич // Журнал международного права и международных отношений. – 2016. – № 1-2. – С. 12–18.
11. О содействии и взаимной защите инвестиций : соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Украины 219-З : [заключено в г. Киеве 14.12.1995] // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1996. – № 15. – Ст. 198.
12. Тихиня, В. Г. Международное частное право : учебник / В. Г. Тихиня, Н. И. Рудович ; Учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – 367 с.
13. Толковый словарь русского языка / под ред. Е. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. – URL : <http://ozhegov.info/slovar/> (дата обращения: 01.04.2020).
14. Толочко, О. Принципы международного частного права / О. Толочко // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2001. – № 2. – С. 24–28.
15. Толстых, В. Л. Международное частное право: коллизионное регулирование / В. Л. Толстых. – Санкт-Петербург : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 526 с.
16. Шумилов, В. М. Международное экономическое право / В. М. Шумилов. – Москва : ДеКА, 1999. – 400 с.

Е. С. Корнева

Гродно, Республика Беларусь

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЛОВА «ОСОБЫЙ» В ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

E. S. Korneva

Grodno, Republic of Belarus

THE USE OF THE WORD "SPECIAL" IN EMERGENCY LAW

Аннотация. Отмечается, что быстрое распространение вирусной инфекции (COVID-19) привело к объявлению пандемии и введению на территории ряда государств чрезвычайного положения, что, в свою очередь, актуализировало интерес к чрезвычайному законодательству. Представляются результаты проведенного аналитического обзора в части использования в текстах нормативных правовых актов о чрезвычайном положении слова *особый*.

Ключевые слова: правовой режим, особый правовой режим, особый порядок, чрезвычайное положение.

Abstract. The rapid spread of the v infection COVID-19 led to the declaration of a pandemic and the introduction of an emergency situation in many states. In this connection, interest in emergency legislation has increased. The article presents the results of an analytical review on the use of the word "special" in normative legal acts on the state of emergency.

Keywords: legal regime, special legal regime, state of emergency.

Обращение к чрезвычайному законодательству в сложившихся условиях¹ происходит как со стороны обывателей, так и специалистов. Длительное время законы, устанавливающие порядок и условия введения чрезвычайного положения на всей или части государственной территории, по сути, находились в состоянии ожидания появления тех самых фактических обстоятельств, которые служат основаниями для принятия со стороны государства решения о введении соответствующего правового режима². Оценить, насколько подобные законы охватывают все вопросы, требующие четкой правовой регламентации, не представляется возможным, равно, как и предусмотреть в текстах нормативных правовых актов «всё, до мелочей» (хотя последние, как раз, могут иметь важное значение в поддержании порядка, установленного в связи с введением чрезвычайного положения). Однако избежать на стадии реализации положений чрезвычайного законодательства двусмысленности тех предписаний, которые составляют содержание нормативного правового акта, можно, если на стадии разработки текста должным образом учитывать особенности языка и правила юридической техники.

Одним из требований, предъявляемых к текстам нормативных правовых актов, является *точность и определенность выражений*, обеспечиваемые правильным подбором языковых единиц (слов, словосочетаний, предложений), соответствующих требуемому стилю текста, для выражения социально-значимых идей.

В чем состоит идея введения чрезвычайного положения и как она отражена в языковой форме? Для получения ответа на данный вопрос обратимся к соответствующим нормативным правовым актам.

Правовую основу чрезвычайного положения в Республике Беларусь составляют Конституция Республики Беларусь, допускающая возможность введения данного режима на территории Республики Беларусь, а также Закон Республики Беларусь «О чрезвычайном положении» от 24 июня 2002 года № 117-З (далее – Закон о чрезвычайном положении [Закон № 117-З от 22.06.2002]), определяющий цели, основания и условия введения чрезвычайного положения. В соответствии с Законом о чрезвычайном положении режим чрезвычайного положения означает вводимый в соответствии с Конституцией Республики Беларусь и настоящим Законом на всей территории Республики Беларусь или в ее отдельных местностях *особый временный правовой режим* деятельности государственных органов, иных организаций, их должностных лиц, допускающий установленные настоящим Законом ограничения (приостановление) прав и свобод граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, прав организаций, а также возложение на них дополнительных обязанностей.

¹ Речь идет об объявленной Всемирной организацией здравоохранения пандемии коронавирусной инфекции и последующем введении на территории ряда государств, где COVID-19 распространился быстрыми темпами и привел к значительным жертвам, режима чрезвычайного положения/ситуации.

² Разумеется, речь идет о тех странах, на территории которых последние десятилетия не вводились режимы чрезвычайного положения.

Особый характер режима чрезвычайного положения (обозначен в дефиниции с использованием соответствующей языковой единицы – слова *особый* – в значении *не такой как все* (не такой, как обычный, общий правовой режим. – прим. автора), *выделяющийся среди прочих* [Викисловарь 2020]) обусловлен мерами, которые *могут применяться* государством лишь в период возникновения обстоятельств, послуживших основанием для введения названного режима. К числу таких мер, указанных в Законе о чрезвычайном положении (ст. 11), например, относятся:

- установление ограничений на свободу передвижения по территории, на которой введено чрезвычайное положение, а также введение особого режима въезда на указанную территорию и выезда с нее, включая установление ограничений на въезд на указанную территорию и пребывание на ней иностранных граждан и лиц без гражданства;
- усиление охраны общественного порядка;
- установление ограничений на осуществление отдельных видов финансово-экономической деятельности, включая перемещение товаров, услуг и финансовых средств;
- установление особого порядка продажи, приобретения и распределения продовольствия и предметов первой необходимости;
- ограничение движения транспортных средств и осуществление их досмотра и другие.

Слово *особый* используется не только для обозначения режима, вводимого чрезвычайным законодательством, но и в следующих языковых единицах:

- *особый режим* въезда на территорию, в пределах которой установлен режим чрезвычайного положения;
- *особый режим* оборота лекарственных средств и препаратов, содержащих наркотические средства, психотропные, сильнодействующие вещества;
- *особый режим* продажи оружия и боеприпасов, алкогольной продукции.

Равноценны ли перечисленные *особые режимы* и *особый правовой режим*, определяющий чрезвычайное положение? Или же речь идет о каких-то *других особых режимах*?

Следуя рекомендациям специалистов – *нормативное предписание, которым устанавливается какое-либо исключение из общего правила, целесообразно помещать в том законе, который содержит это общее правило* [Поляков : 21], мы обратились к содержанию нормативных правовых актов, устанавливающих общие правила относительно упомянутого оборота лекарственных средств [Закон № 161-3 от 20.07.2006] и продажи оружия и боеприпасов [Указ № 473 от 30.08.2002], и не обнаружили соответствующих предписаний или, по меньшей мере, упоминаний *особого режима*. Проведя небольшие манипуляции (заменяв слово *режим* на *порядок*, по образцу других аналогичных предписаний), можно заметить, что от этого суть предписаний не искажается и что такая «манипуляция» позволяет избежать двусмысленности при сопоставлении вышеуказанных положений в процессе научного анализа и, следовательно, в процессе их реализации на практике.

Обратимся к законам Республики Казахстан «О чрезвычайном положении» от 8 февраля 2003 года № 387-ІІ (далее – Закон Республики Казахстан 2003 года [Закон № 387-ІІ от 08.02.2003]) и Республики Таджикистан «О правовом режиме чрезвычайного положения» от 3 ноября 1995 года № 94 (далее – Закон Республики Таджикистан 1995 года [Закон № 94 от 03.11.1995]).

Чрезвычайное положение в первом из них определяется как *временная мера*, применяемая исключительно в интересах обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя Республики Казахстан и представляющая собой *особый правовой режим* деятельности государственных органов, организаций, допускающий установление отдельных ограничений прав и свобод граждан, иностранцев и лиц без гражданства, а также прав юридических лиц и возлагающий на них дополнительные обязанности (ст. 1). В ст. 1 Закона Республики Таджикистан 1995 года сказано: «Чрезвычайное положение является *временной мерой*, объявляемой в соответствии с Конституцией Республики Таджикистан, предусматривающей *особый правовой режим* деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций, временно допускающей установленные настоящим конституционным Законом ограничения в осуществлении конституционных прав и свобод граждан, а также прав юридических лиц и возлагающей на них дополнительные обязанности».

Обращает на себя внимание способ построения определения в указанных законах: чрезвычайное положение есть, в первом случае, *временная мера*,... *представляющая собой особый правовой режим*, во втором – *временная мера*,... *предусматривающая особый правовой режим*. Как следует интерпретировать чрезвычайное положение в этих контекстах: как *меру* (в значении *средство, прием для достижения какой-либо цели* [Викисловарь 2020]) или как *режим* (в значении *установленный порядок* [Викисловарь 2020])?

Во избежание подобных вопросов, принимая во внимание установившуюся (в чрезвычайном законодательстве большинства постсоветских государств. – прим. автора) практику определения чрезвычайного положения через языковую единицу *особый правовой режим*, полагаем необходимым развести *временную меру* и *особый правовой режим* в отдельные языковые единицы (предложения), как, например, это сделано в ст. 1 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ [Федеральный закон № 3-ФКЗ от 30.05.2001]:

1. Чрезвычайное положение означает вводимый в соответствии с Конституцией Российской Федерации и настоящим Федеральным конституционным законом на всей территории Российской Федерации

или в ее отдельных местностях *особый правовой режим* деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, допускающий установленные настоящим Федеральным конституционным законом отдельные ограничения прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей.

2. Введение чрезвычайного положения является *временной мерой*, применяемой исключительно для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя Российской Федерации.

Вернемся к Закону Республики Казахстан 2003 года, который предусматривает введение еще одного *особого режима* – *правового режима чрезвычайной ситуации социального характера* (далее – режим чрезвычайной ситуации).

Режим чрезвычайной ситуации определяется как *особый режим* экстренного реагирования и функционирования государственных органов, осуществляющих предупреждение и ликвидацию чрезвычайных обстоятельств социального характера, являющихся основанием для введения чрезвычайного положения. Вводится в отдельных местностях по решению руководителя государственного органа по предупреждению и ликвидации чрезвычайной ситуации социального характера либо местным исполнительным органом по согласованию с Комитетом национальной безопасности Республики Казахстан (пункт 2 ст. 3–1 Закона Республики Казахстан 2003 года).

Чрезвычайные ситуации социального характера, вызванные:

- массовым переходом Государственной границы Республики Казахстан с территорий сопредельных государств;
- попытками насильственного изменения конституционного строя Республики Казахстан;
- актами терроризма;
- действиями, направленными на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Республики Казахстан;
- массовыми беспорядками, межнациональными и межконфессиональными конфликтами;
- блокадой или захватом отдельных местностей, особо важных и стратегических объектов;
- подготовкой и деятельностью незаконных вооруженных формирований;
- вооруженным мятежом;
- диверсией;
- провокационными действиями со стороны других государств с целью навязывания вооруженного конфликта;
- нарушением территориальной целостности Республики Казахстан, – относятся к группе первоочередных обстоятельств, являющихся основанием для введения чрезвычайного положения (подпункт 1 пункт 2 ст. 4 Закона Республики Казахстан 2003 года).

Вышеизложенное позволяет высказать предположение о взаимосвязи между двумя *правовыми режимами*, вводимыми на территории Республики Казахстан при наступлении указанных обстоятельств: общим (родовым) в данной группе является режим чрезвычайного положения (в части как содержания, так и нормативной дефиниции), а особенным (видовым) – режим чрезвычайной ситуации.

Слово *особый* в сочетании с *режимом* встречается в других языковых единицах, используемых в Законе Республики Казахстан 2003 года, в частности:

- *особый режим* оборота лекарственных средств, наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, этилового спирта и алкогольной продукции;
- *особый режим* въезда в местность, где введено чрезвычайное положение, и выезда из нее.

В этих примерах использования слова *особый* ситуация аналогична той, которая была упомянута в контексте анализа Закона о чрезвычайном положении: нормативные правовые акты, устанавливающие общие правила (например, оборота наркотических средств [Закон № 279-І от 10.07.1998]), не содержат предписаний об отступлении от них в связи с введением *особого режима* (в частности, *особого режима* оборота таких средств). В стремлении обозначить возможность и/или необходимость отступления от общеустановленных правил (оборот лекарственных средств, наркотических средств и т. д.) в условиях режима чрезвычайного положения составители текстов нормативных правовых актов допускают полисимию и тем самым отступают от требования точности и определенности нормативных предписаний. Подобное встречается в текстах и других нормативных правовых актов, составляющих чрезвычайное законодательство государств постсоветского пространства (например, в Законе Республики Армения «О правовом режиме чрезвычайного положения» от 12 апреля 2012 года № ЗР-106 [Закон от 12.04.2012]).

Вернемся к вопросу о том, в чем состоит идея введения чрезвычайного положения и как она отражена в языковой форме? Как было нами установлено в процессе изучения и анализа текстов нормативных правовых актов, при нормативном определении чрезвычайного положения используются языковые единицы *временная мера* и *особый правовой режим*. Как было замечено, при определении чрезвычайного положения частотным является использование языковой единицы *особый правовой режим*. Считаем, такой подход отвечает условиям правовой коммуникации. Ведь основное предназначение режима чрезвычайного положения состоит не в том, что он носит временный характер. К тому же чрезвычайное положение не

ограничивается одной *мерой*, а включает *комплекс мер*, направленных на устранение обстоятельств, послуживших основанием для его введения (см.: гл. 3 Федерального закона от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ; гл. 3 Закона о чрезвычайном положении; ст. 7 Закона Республики Армения от 12 апреля 2012 года № ЗР-106; гл. 4 Закона Республики Казахстан 2003 года и др.). Более того, на практике часто принимаются и применяются предписания, имеющие временный характер (например, вводятся повышенные ставки таможенных пошлин в отношении так называемых сезонных товаров, вводятся ограничения как ответная мера в случае их принятия со стороны других государств в отношении тех же товаров или прав граждан, и т. п.).

Основное назначение чрезвычайного положения состоит в том, чтобы в кратчайшие сроки ликвидировать последствия и устранить обстоятельства, которые стали основанием его введения. Чрезвычайное положение как особый правовой режим отличается от установленных в обществе правовых режимов. Языковая единица *особый* в конструкции «...*правовой режим*» подчеркивает эту специфику – не такой как все, а сочетание *особый правовой режим* составляет единое смысловое целое, позволяющее передать сущностное значение термина *чрезвычайное положение*.

Библиографический список

1. Викисловарь. – URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 05.04.2020).
2. О лекарственных средствах : закон Респ. Беларусь № 161-З от 20.07.2006 : [в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.06.2016] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. О мерах по совершенствованию регулирования оборота боевого, служебного, гражданского оружия и боеприпасов к нему на территории Республики Беларусь : указ Президента Респ. Беларусь № 473 от 30.08.2002 : [в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 09.08.2019] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими : закон Респ. Казахстан № 279-І от 10.07.1998 : [в ред. Закона Респ. Казахстан от 29.12.2019] // Юрист. – URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1009806#pos=4;-155 (дата обращения: 05.04.2020).
5. О правовом режиме чрезвычайного положения : закон Респ. Таджикистан № 94 от 03.11.1995 : [в ред. Закона Респ. Таджикистан от 26.07.2014] // Законодательство стран СНГ. – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2235 (дата обращения: 05.04.2020).
6. О правовом режиме чрезвычайного положения : закон Респ. Армения № ЗР-106 от 12.04.2012 : [в ред. Закона Респ. Армения от 22.12.2017] // Законодательство стран СНГ. – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=66655 (дата обращения: 05.04.2020).
7. О чрезвычайном положении : закон Респ. Беларусь № 117-З от 24.06.2002 : [в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2009] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
8. О чрезвычайном положении : федер. конституц. закон № 3-ФКЗ от 30.05.2001 : [в ред. Федер. конституц. закона от 03.07.2016] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2020.
9. О чрезвычайном положении : закон Респ. Казахстан № 387-ІІ 08.02.2003 : [в ред. Закона Респ. Казахстан от 18.03.2019] // Юрист. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1036912#pos=3;-155 (дата обращения: 04.04.2020).
10. Поляков, А. В. Язык нормотворчества и вопросы юридической техники / А. В. Поляков. – URL: http://rus-gos.spbu.ru/public/files/articles/A.В.Поляков.Язык_нормотворчества_537c9662e634e.pdf (дата обращения: 04.04.2020).

Е. А. Ларина

Тамбов, Россия

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУЩЕСТВУЮЩИХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛЕГАЛЬНЫХ ДЕФИНИЦИЙ, ВОЗНИКШИХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

E. A. Larina

Tambov, Russia

DIGITALIZATION AND LEGAL DEFINITIONS: A CRITICAL ANALYSIS

Аннотация. Отмечается, что цифровизация на сегодняшний день выступает, пожалуй, самой обсуждаемой темой и с точки зрения экономики, и с точки зрения права, образования и т.д. Рассматривается цифровизация с точки зрения права. Показывается, что цифровизация породила огромное количество терминов, которые широко используются в современном мире. При этом законодатель с опасением относится к внедрению новых терминов в законодательное поле. Но отдельные шаги уже предпринимаются. В связи с этим обращается внимание на новеллы законодательства в области цифровой экономики, на новеллы 2019 г. Рассматриваются следующие легальные дефиниции: «цифровая экономика», «цифровые права», «утилитарные цифровые права», а также понятие «цифровая инновация», закрепленное в законопроекте «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».

Отмечается, что формирование всего понятийно-категориального аппарата должно осуществляться по общелингвистическим и терминологическим правилам. С одной стороны, важны ясность, точность и стиль формулировок, с другой – при введении в законодательный оборот новых понятий следует учитывать существующие правовые режимы, терминологию и прочие факторы.

Проводится критический анализ понятий «цифровые права» и «утилитарные цифровые права». При этом акцент делается на смысловой нагрузке данных понятий, их соотношении с уже существующими имущественными, обязательственными, корпоративными и иными правами (общелингвистические правила при формировании новых понятий не рассматриваются). Ставится под вопрос целесообразность введения в оборот новых понятий.

За основу исследования новых юридических терминов берутся действующие нормативные правовые акты (в том числе находящийся на стадии обсуждения законопроект), а также статьи, подготовленные в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований.

В результате сопоставления существующих позиций по поводу необходимости внедрения в законодательство понятия цифровых прав и утилитарных цифровых прав как их разновидности делается вывод об излишности такого внедрения. По сути, цифровые права – это «права на право». Цифровые права следует считать юридической фикцией, по мнению некоторых ученых. Делается вывод, что существование данного термина в доктрине оправдано, так как оно позволяет более емко обозначить суть правоотношений, осуществляющихся в цифровой плоскости, но на деле – это способ фиксации.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, цифровые права, дефиниция, понятие.

Abstract. Digitalization today is perhaps the most discussed topic in terms of economics, law, education, etc. The author examines digitalization from a legal point of view. Digitalization has spawned a huge number of terms that are widely used in the modern world. However, legislators are wary of the introduction of new terms into the legislative field. But some steps are already being taken.

In this regard, the author draws attention to the 2019 novel legislation in the field of the digital economy

The article considers the following legal definitions: "digital economy", "digital rights", "utilitarian digital rights". Attention is drawn to the concept of "digital innovation", enshrined in the draft law "On experimental legal regimes in the field of digital innovation in the Russian Federation."

The formation of the conceptual and categorical apparatus should be carried out according to general linguistic and terminological rules. On the one hand, clarity, accuracy and style of formulations are important, on the other hand, when introducing new concepts into legislative circulation, one should take into account the existing legal regimes, terminology and other factors.

The article provides a critical analysis of the concepts of "digital rights" and "utilitarian digital rights". At the same time, the emphasis is on the semantic load of these concepts, their relationship with the already existing property, obligation, corporate and other rights (general linguistic rules when

forming new concepts are not considered in this article). The expediency of introducing new concepts into circulation is questioned.

The research of new legal terms is based on current legal acts (including the draft law currently under discussion), as well as articles prepared under the grant from the Russian Foundation for basic research.

It is concluded that it is unnecessary to introduce the concept of digital rights and utilitarian digital rights into legislation as a kind of digital rights.

Essentially, digital rights are "rights to rights". Digital rights should be considered a legal fiction according to some scholars. Thus, the existence of this term in the doctrine is justified, since it allows you to more succinctly define the essence of legal relations carried out in the digital plane, but in fact it is a way of fixing.

Keywords: digitalization, digital economy, digital rights, definition, concept.

Любой нормативный правовой акт имеет структуру, отражающую его внутреннее строение. Структурными единицами акта являются главы, статьи. Первая глава «Общие положения» практически всегда содержит в себе статью с используемыми настоящим нормативным актом понятиями. Вообще понятийно-категориальному аппарату в юриспруденции уделяется довольно большое внимание. Внимание это носит не только чисто теоретический интерес. От того какая смысловая нагрузка будет заключена в том или ином понятии, будет ли вообще раскрыта дефиниция этого понятия, в дальнейшем будет зависеть как будут осуществляться правоотношения между субъектами.

Трендом последних лет стала цифровизация общества (цифровизация экономики, цифровизация права и т.д.). «Оцифровка» всех сфер деятельности способствовала появлению новых терминов. Если изначально данные термины носили узкоспециализированный характер, то теперь возникла необходимость их законодательного закрепления. Доктор юридических наук, профессор Н. В. Ковалева в рамках III Международной научной конференции «Язык, право и общество в координатах массмедиа» при финансовой поддержке РФФИ отметила, что существенное изменение мирового пространства требует правовой регламентации и разработки уникального понятийного аппарата для каждого из формирующихся сегментов, выявляя качественные, а нередко и количественные характеристики и параметры [Ковалева 2019: 60].

Сложность формирования понятийно-категориального аппарата в условиях цифровизации заключается в том, что значительное количество понятий не раскрыто ни на международном уровне, ни на уровне конкретных государств. В результате какой-либо объект цифровой экономики есть, все его, пожалуй, понимают, но раскрывают содержание по-своему.

Для начала обратимся к самому понятию «цифровая экономика», ведь как показал анализ существующих примеров, однозначного мнения по вопросу раскрытия его содержания не существует. Например, Стратегия развития информационного общества РФ на 2017–2030 гг. содержит довольно развернутое определение цифровой экономики: «Цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [Указ Президента РФ № 203 от 09.05.2017]. Данное определение сразу навевает мысль о перспективности цифровой экономики, наращивании объемов производства, переходу к количественному и качественному показателю в одном лице.

Определения цифровой экономики, встречающиеся в доктрине, так или иначе, содержат акцент на инновационных, цифровых технологиях, применяемых в рамках цифровизации. Весной 2020 года на рассмотрение Государственной Думы РФ поступил новый очередной законопроект, затрагивающий вопросы цифровизации. Вполне возможно, что в ближайшее время появится новое «цифровое» понятие – «цифровая инновация». Согласно проекту Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» под цифровой инновацией следует понимать новое средство, поддерживающее использование цифровых процессов, ресурсов и сервисов, или новая система таких средств на основе технологий больших данных, нейротехнологий и искусственного интеллекта, системы распределенного реестра, квантовых технологий, новых производственных технологий, промышленного интернета, компонентов робототехники и сенсорики, технологий беспроводной связи, технологий виртуальной и дополненной реальностей, а также иных технологий, получивших отражение в правовых актах, утвержденных высшими органами государственной власти Российской Федерации в качестве технологий, относящихся к категории цифровых технологий или к сфере цифровой экономики, или новая форма использования такого существующего средства или такой существующей системы средств [Проект Федерального закона]. При этом цифровизация, цифровая экономика – это и есть одна большая инновация.

Таким образом, следует выделить 2 подхода, применяемых при раскрытии рассматриваемого понятия:

- 1) технологический;
- 2) системный.

Второй подход более точно определяет сущность цифровой экономики. В указанной Стратегии развития понятие цифровой экономики раскрыто именно с точки зрения системного подхода, который является более популярным. Системным он называется потому, что содержит в себе и толику технологического аспекта, и толику экономического, социального и пр. содержания.

Проникновение цифровизации во все сфере жизнедеятельности государства, бизнеса, человека породило распространение относительно новых терминов, лишь немногие из которых были раскрыты отечественным законодателем. Обратимся к некоторым из них.

С. А. Грачева и М. Е. Черемисина в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 182916051 (по теме «Основные тенденции в правовом регулировании цифровых технологий. Сравнительно-правовое исследование») в своей статье отвели место категории цифровых прав. Авторы исследования называют такие права интернет-правами, сетевыми, коммуникационными правами, т.е. права, которые являются значимым элементом характеристики правового положения личности в Интернете. Обращается также внимание на то, что в российской практике цифровые права используются преимущественно в отношении имущественного оборота [Грачева: 57].

Понятие цифровых прав совсем недавно было закреплено в Гражданском кодексе Российской Федерации: «Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам» [Гражданский кодекс от 30.11.1994 № 51-ФЗ]. Споры данное нововведение не обошли стороной. Одни авторы делали акцент на необходимости закрепления нового объекта гражданских прав и положительно оценивали дефиницию данного понятия, другие – также соглашались, но критиковали дефиницию, и наконец, третьи – были вообще против появления такого объекта гражданских прав. В какой-то мере стоит согласиться с представителями последних. Раскрытие того или иного понятия порой не самое легкое дело (в особенности если появляются новые понятия). Прежде чем закрепить и раскрыть понятие, необходимо обратить внимание на то, действительно ли это оправдано, по каким критериям будет строиться дефиниция, как будет соотноситься новое понятие с уже существующими. В отношении цифровых прав прежде всего возникает вопрос о соотношении с уже существующими обязательственными, имущественными и другими правами.

Анализируя нормы законодательства о понятии и содержании цифровых прав, Л. Ю. Василевская приходит к выводу, что возможность субстанционального существования новых прав только на цифровом, дигитальном уровне свидетельствует о появлении разнопорядковых понятий в гражданском законодательстве применительно к категории объекта гражданских прав [Василевская: 113]. Правильнее не выделять в отдельную категорию цифровые права, а отрегулировать особенности цифрового способа фиксации. В противном случае встает вопрос относительно смещения правовых режимов цифровых и, прежде всего, имущественных прав.

Анализ нововведений в ГК РФ рассматривают и А. И. Овчинников с В. И. Фахти. В рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 19-011-00820 (а) (по теме ««Правовая политика российского государства, ее приоритеты и принципы в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада: концептуальные, методологические, отраслевые аспекты цифровизации права и правового регулирования») в своей статье авторы приходят к выводу, что цифровые права заменяют термин «токен» и представляют собой новую юридическую фикцию, сущность которой близка к сущности ценной бумаги. С одной стороны выделение цифровых прав оправданно с точки зрения фискальной политики, с другой – норма ГК РФ, раскрывающая суть цифровых прав, не говорит нам о том, какие именно обязательственные и иные права признаются цифровыми [Овчинников: 109].

В качестве отдельного вида цифровых прав законодатель ввел утилитарные цифровые права. Раскрывается содержание таких прав Федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Раскрывается дефиниция понятия не в ст.2 (хотя оно там упоминается), содержащей перечень используемых в законе понятий, а в ст. 8 через путем перечисления конкретных видов утилитарных цифровых прав: «В инвестиционной платформе ... могут приобретаться, отчуждаться и осуществляться следующие цифровые права (утилитарные цифровые права):

- 1) право требовать передачи вещи (вещей);
- 2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности;
- 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг» [Федеральный закон № 259-ФЗ от 02.08.2019].

Итак, разница между цифровыми правами вообще и утилитарными цифровыми правами проявляется в том, что вторые образуются в инвестиционной платформе. Кроме того, обратив внимание на перечень тех трех прав, обозначенных в ст.8 Федерального закона № 259, можно увидеть, что все они являются обязательственными.

Некоторые юристы сетуют не столько по поводу разновидностей утилитарных цифровых прав, установленных законом, а сколько по поводу того, что закон в этот перечень не включил. Председатель Высшего арбитражного суда Российской Федерации А.А. Иванов обращает внимание на то, что законодатель обошел стороной деньги при составлении перечня. В обосновании своих доводов автор обращается к двум понятиям:

Во-первых, к понятию инвестиций, содержащееся в ст. 2 Федерального закона № 259. «Инвестиции ... – это только денежные средства (деньги), взамен которых, в числе прочего, приобретаются утилитарные цифровые права на вещи, результаты интеллектуальной деятельности работы и услуги (их выполнение)», – пишет автор [Новая цифровая логика 2019].

Во-вторых, к определению объектов гражданских прав, содержащихся в ст. 128 ГК РФ, которое также подверглось изменению в 2019 г. Анализируя данное определение и определение утилитарных цифровых прав, судья приходит к выводу, что акции (доли), как и бездокументарные ценные бумаги, не могут быть объектами последних. В итоге смысла в законодательном закреплении «новомодных прав» просто нет с точки зрения экономики [Новая цифровая логика 2019].

Таким образом, рассмотрев тот сравнительно небольшой законодательно закрепленный перечень существующих понятий, появившихся на фоне цифровизации всех возможных сфер жизнедеятельности, следует сделать определенные выводы. Закрепление легальных дефиниций «цифровых» понятий – это необходимость в современном мире, но чрезмерное увлечение формированием понятийно-категориального аппарата тоже не есть благо. Пока отечественный законодатель решил пойти по пути наименьшего сопротивления, закрепив более обобщенные понятия («цифровая экономика», «цифровые права», «утилитарные цифровые права»). Решиться на раскрытие более конкретных понятий (например, блокчейн, токен, криптовалюта, биткоин и пр.) законодатель пока не может по различным причинам. При этом даже с общими понятиями возникли некоторые сложности. Это не касается такого понятия, как «цифровая экономика». Споры относительно данного определения носят скорее теоретический интерес. А вот в отношении такого нового явления, как цифровые права возникло множество споров. Выделение их в отдельную категорию объектов гражданских прав нецелесообразно. Цифровые права можно считать лишь юридической фикцией.

Библиографический список

1. Василевская, Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права / Л. Ю. Василевская // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5 (102). – С. 111–119.
2. Грачева, С. А. Вопросы конституционного обеспечения цифровых прав / С. А. Грачева, М. Е. Черемисина // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Юридические науки. – 2018. – № 4 (32). – С. 56–70.
3. Иванов А. А. Новая цифровая логика / А. А. Иванов. – 2019. – URL: https://zakon.ru/blog/2019/08/22/novaya_cifrovaya_logika – Загл. с экрана.
4. Ковалева, Н. В. Юридические дефиниции в эпоху цифровизации и глобальных коммуникаций / Н. В. Ковалева // Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений : сб. науч. тр. / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2019. – 273 с.
5. Овчинников, А. И. Цифровые права как объекты гражданских прав / А. И. Овчинников, В. И. Фахти // Философия права. – 2019. – № 3 (90). – С. 104–112.
6. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : проект Федерального закона. – URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/56430.html/> - Загл. с экрана.
7. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента РФ № 203 от 09.05.2017. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> – Загл. с экрана.
8. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон № 259-ФЗ от 02.08.2019 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 31. – Ст. 4418.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : федер. закон № 51-ФЗ от 30.11.1994 : [в ред. от 27.12.2019] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

М. Г. Луннова

Пенза, Россия

АББРЕВИАТУРЫ ПРАВОВОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ПЕНЗЕНСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

M. G. Lunnova

Penza, Russia

LEGAL ABBREVIATIONS IN PENZA PRINT MEDIA: WORD-FORMATION ASPECT

Аннотация. Рассматриваются аббревиатуры правовой направленности как средство номинации в текстах публицистического стиля. Проводится анализ особенностей функционирования сложносокращенных слов в периодической печати, определяются их структура, способы образования и функции. Отмечается, что активизация употребления аббревиатур в языке масс-медиа, и особенно на страницах газет, затрудняет понимание текстов читателями, в то же время слова такого рода, уместно употребленные в письменной речи, помогают сделать газетную статью более компактной и экономной с точки зрения формы выражения при сохранении ее информативной ценности.

Ключевые слова: аббревиатура, СМИ, периодическая печать, публицистический стиль, печатный текст.

Abstract. Legal abbreviations are considered as a means of nomination in the texts of journalistic style. The analysis of the functioning of shortened words in periodicals is carried out, their structure, methods of formation and functions are determined.

It is concluded that the intensification of the use of abbreviations in the language of the mass media, and especially in newspapers, causes difficulties in the understanding of texts by readers, at the same time, words of this kind, appropriately used in written speech, help to make a newspaper article more concise and economical, preserving at the same time its informative value.

Keywords: abbreviation, mass media, periodicals, journalistic style, printed text.

В 60–70 годы прошлого столетия, когда особенно активно развивалось словообразование как новая научная дисциплина, аббревиацию не считали продуктивным способом словообразования. Например, известный специалист в области лексики, фразеологии и словообразования Н. М. Шанский писал: «Образование новых слов с помощью чистого сокращения, когда соответствующий процесс происходит без какого-либо аффиксационного «сопровождения», в целом является для русского языка непродуктивным и ограничено в своём действии одной лишь сферой имён существительных. С помощью аббревиации существительные sporadически образовывались и образуются от существительных и субстантивных фразеологизмов. Все такого рода слова появляются как варианты и первоначально стилистически ограниченные образования от полных слов и оборотов» [Шанский 1968: 287]. Н. М. Шанский и многие другие дериватологи второй половины XX века понимали аббревиацию довольно широко, включая в её сферу не только собственно акронимы типа ЦСК или ВДНХ, но и такие «усеченные номинации», как Питер (Петербург), унтер (унтер-офицер, баки (бакенбарды), спец (специалист), зам (заместитель), зав (заведующий), неуд (неудовлетворительно), контра (контрреволюционер), самоцвет (самоцветный камень), и случаи «опущения» начала или середины слова типа пионервожатый, лесозаготовок, рация (от «радиостанция») и т.п. [там же].

За последние полстолетия аббревиация, оставшаяся способом образования исключительно имён существительных, значительно изменила свой статус: она (вместе с различными усечениями и сложением) переместилась с периферии системы способов номинации в самое ядро продуктивных явлений словообразования.

Именно поэтому в современных СМИ, в том числе и пензенских, используются самые разнообразные способы образования аббревиатур. По нашим наблюдениям, в газетных текстах в настоящее время активны следующие типы сложносокращенных наименований, особенно связанных с правовой сферой употребления:

1. Буквенные аббревиатуры, состоящие из названий начальных букв слов, входящих в исходное словосочетание (32%). Например: *Тогда мы позвонили в управление ЖКХ Пензенской области, откуда нас направили в региональное Министерство лесного хозяйства и природопользования* («Молодой ленинец», 02.01.2018).

2. Звуковые аббревиатуры, состоящие из начальных звуков слов исходного словосочетания, т.е. читаемые как обычные слова (15 %). Например: *Кстати, одновременно мама ребенка сможет подать заявления на получение сертификата, установление выплаты и получение СНИЛС ребенка* («Молодой Ленин», 16.01.2018).

3. Буквенно-звуковые аббревиатуры, состоящие как из названий начальных букв, так и из начальных звуков слов, входящих в исходное словосочетание (14 %). Например: *Все спортивные состязания прошли под аккомпанемент выступления художественных коллективов Культурного центра ГУВД Пензы* (PRO город, 13.10.2016).

4. Аббревиатуры, состоящие из сочетания начальных частей слов (19 %). Например: *В настоящее время задача Минпромторга России – обеспечить производство лекарственных препаратов полного цикла* («Наша Пенза», 15.12.2016).

5. Аббревиатуры, состоящие из сочетания начальной части слова с целым словом (20 %). Например: *Такую оценку поставила первый замминистра здравоохранения и соцразвития Татьяна Яковлева, побывавшая в регионе с рабочим визитом* («Наша Пенза», 26.09.2018).

Все выше приведённые слова чрезвычайно частотны в текстах на экономические и политические темы и отражают высокую востребованность наименований подобного типа – экономических и в то же время всем понятных, не требующих специального пояснения. Они, как правило, синонимичны составным наименованиям субстантивно-адъективного типа: «спортивный комплекс» (спорткомплекс); «социальная карта» (соцкарта); «медицинская помощь» (медпомощь); «европейская комиссия» (еврокомиссия) и т.п.

Нельзя не отметить, что «несклоняемые определители» (гос-, парт-, проф- и т.п.) ещё в шестидесятые годы привлекали внимание учёных, интересовавшихся активными процессами в сфере номинации. В частности, авторы коллективной монографии «Русский язык и советское общество (Социолого-лингвистическое исследование)» под редакцией М. В. Панова впервые отметили возможность «выделения таких элементов в качестве самостоятельных слов из состава частично сокращённых слов» и отнесли их к «аналитическим определителям». Своеобразные «аналитические прилагательные» они иллюстрировали также примерами типа *платье беж, коми язык, часы пик* и т.п. [Русский язык... 1968: 110].

Наш анализ частотности употребления аббревиатур разных типов показал высокую продуктивность четвертого и пятого способов аббревиации. Вместе они составили около 40 % от общего материала. Подобные слова, в отличие от большинства звуковых и буквенных сложносокращённых слов, склоняются; они чаще становятся единицами языка, обычно являются широко употребительными единицами и фиксируются в словарях.

В русском языке широко представлен пласт лексических единиц, образованных в результате «компрессивной деривации». Последняя «объединяет те способы словообразования, по которым образуются номинативные единицы, тождественные по значению базовому слову или словосочетанию, но отличающиеся от них более краткой формой» [Земская 1981: 120]. Слова, образованные в результате компрессии, называются «компрессатами», или «компрессивами».

Компрессивы – это высокопродуктивные в современных языках дериваты, служащие для регулярной замены лексической единицы [Николина 2007: 146]. Такие дериваты-универбаты уже на протяжении полувека высокочастотны как в современной художественной прозе, так и в публицистике, например: *В данном случае дом обслуживает управляйка, и недостаток информации – ее недоработка* («Пензенская правда», 02.10.2018).

Ещё к одной особенности образования аббревиатур правовой направленности, использующихся в текстах пензенских печатных СМИ, можно отнести различные виды сокращения одного и того же наименования. Например, Законодательное собрание – Заксобрание (аббревиатура, состоящая из сочетания начальной части слова с целым словом), Заксобр (аббревиатура, состоящая из сочетания начальных частей слов), ЗС (буквенная аббревиатура): *Тройное убийство в центре Пензы, раскрытое по горячим следам буквально за час. Арест депутата областного Заксобрания, организовавшего банду* («Молодой ленинец», 05.01.2016); *«МЛ» уже рассказывал, что ежемесячную денежную компенсацию (ЕДК) за ЖКУ региональным льготникам ... будут рассчитывать по новым правилам. Срок для этого порядка установлен на последней сессии Заксобра* («Молодой ленинец», 05.03.2019); *И если избрание депутатом ЗС было для Пашикова признанием первого уровня, то поддержка губернатора и депутатов для прохождения в Совет Федерации – это уже признание второго уровня. Признание не рядовых избирателей, а бомонда или элиты* («Улица Московская», 27.10.2017).

Аббревиатуры правовой направленности должны быть понятны читателю. Данный случай представляет собой разновидности неофициального сокращения официального наименования. На наш взгляд, именно буквенная аббревиатура могла бы затруднить понимание смысла статьи, если бы она некоторым образом не пояснялась в тексте.

Таким образом, употребление аббревиатуры правовой направленности в газетной статье возможно, если данный способ сокращения соответствует характеру текста, не противоречит стилю, а также назначению публицистического произведения.

Библиографический список

1. Николина, Н. А. Компрессивы в русском и польском языках / Н. А. Николина // Активные процессы в современной лексике и фразеологии : материалы междунар. конф. – Москва ; Ярославль : Ремдер, 2007. – С. 145–150.
2. Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование : в 4 т. / под ред. М. В. Панова. – Москва : Наука, 1968. – Т. 3: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. – 368 с.
3. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. – Москва : Изд-во МГУ, 1968. – 308 с.

Г. А. Мальков

Пенза, Россия

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРОКУРАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

G. A. Malkov

Penza, Russia

LEGISLATIVE CONSOLIDATION OF THE LEGAL STATUS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE RUSSIAN EMPIRE

Аннотация. Исследуется, каким образом и в каких нормативно-правовых актах был закреплён правовой статус прокуратуры как надзорного органа Российской Империи. Рассматривается период, начиная с зарождения прокуратуры в 1722 г. и до революции 1917 г., анализируются особенности деятельности прокуратуры на данном этапе становления Российского государства.

Ключевые слова: прокуратура, надзорный орган, законодательство, Российская Империя, государственный аппарат, правовой акт.

Abstract. The article examines how and what legal acts secured the legal status of the prosecutor's office as a supervisory body of the Russian Empire.

The period from the beginning of the functioning of the prosecutor's office in 1722 and up to the revolution of 1917 is considered. The activity of the prosecutor's office of the Russian state in this period is analyzed

Keywords: prosecutor's office, supervisor, legislation, Russian Empire, state apparatus, legal act.

Прокуратура в Российской Империи была сформирована в XVIII в. в качестве надзорного органа. С момента учреждения данный статус сохранялся на протяжении долгого времени, хотя и периодически утрачивался в силу исторических предпосылок. В такие моменты прокуратура преимущественно осуществляла уголовное преследование. Однако стоит отметить, что статус рассматриваемого органа воспринимался чаще всего в качестве надзорного. В Российской Империи прокуратура была сформирована в 1722 г. и существовала вплоть до 1917 г. ввиду смены политического режима. При изучении правовой регламентации организации и деятельности прокуратуры в рамках указанного ранее периода целесообразно провести анализ развития законодательства о прокуратуре.

Изначально следует отметить, что в качестве предпосылок образования прокуратуры следует рассматривать потребность в установлении на государственном уровне такой системы, которая могла бы в полной мере осуществлять контроль, тем самым лишая возможности наделять контрольными функциями отдельных должностных лиц и органов власти. На уровне государственных органов предпринимались меры касательно учреждения государственных органов и введения самостоятельных должностей, наделённых обязанностями наблюдения за деятельностью аппарата чиновников, однако они не увенчались успехом. Система государственных институтов, сформированная в начале XVIII в., нуждалась в усилении контрольно-надзорных механизмов, которые могли бы способствовать обеспечению законности и эффективности их непосредственного функционирования. По мнению Д. О. Серова, центральный сегмент государственного аппарата Российской Империи нуждался в эффективном надзоре. Он связывает данную потребность с ходом коллежской реформы, проводимой с 1717 по 1719 гг. В своих трудах Д. О. Серов подчеркивает, что до 1722 г. законодатель так и не смог осуществлять должный надзор за Правительствующим сенатом [Серов 2010: 144].

Считается, что в 1710 г. в России быстрыми темпами развивался процесс законотворчества, что отражалось в количестве издаваемых нормативных актов. К примеру, с февраля 1649 по февраль 1696 г. было издано 1458 нормативных актов, а уже с 1713 по 1718 гг. законодательный массив насчитывал 38771 указов. Нетрудно сделать вывод о том, что подобное обстоятельство сопровождалось рядом проблем, возникающих в рамках государственного механизма, что требовало на тот момент кардинально новых решений. В этой связи Пётр I организовал новейший государственный институт, не имевший аналогов в Российской Империи – прокуратуру. 12 января 1722 г. была учреждена прокуратура России, однако её фактическое становление принято связывать с изданием следующих указов:

1) Указ от 12 января 1722 г., в котором предписывалось: «быть при Сенате Генерал-Прокурору и Обер-Прокурору, также во всякой Коллегии по Прокурору, которые должны будут рапортовать Генерал-Прокурору»; [О бытии в Надворных Судах Прокурорам и о принятии доносов от фискалов и людей посторонних: именной указ от 18 января 1722 г.].

2) Указ от 18 января 1722 г., который определял прокурорские должности при надворных судах;
3) Указ от 27 апреля 1722 г. «О должности Генерал-Прокурора», где были отражены начала регламентации функционала прокуратуры в общем и функции генерал-прокурора в частности [Полн. собр. законов Рос. Империи: 1830].

Важно указать, что указ «О должности Генерал-Прокурора» логически завершил организационно-правовую стадию регулирования и создания органов надзора в Российской Империи. Несомненно, данный акт является первым формальным «законом о прокуратуре», не смотря на то, что его содержание неоднократно подвергалось некоторым изменениям.

27 апреля 1722 г. Петром I был подписан указ «О должности Генерал-Прокурора» в его окончательном варианте. Изменение указа и отмена прежней редакции обусловлено тем, что первоначальная редакция имела направленность на краткосрочное восполнение норм, которые регулировали статус новейшего надзорного органа. Подтверждением данной мысли является рассылка рукописных копий данного указа. Помимо прочего, Петр I имел возможность вносить изменения в уже изданные акты, однако было принято решение о создании нового. Учёные считают, что указ от 27 апреля 1722 г. является итоговым правовым актом о прокурорском надзоре и органах прокуратуры специальной направленности.

Следует указать, что в рамках данного указа закреплялось положение, согласно которому генерал-прокурор должен действовать при Сенате, осуществляя при этом надзор за его деятельностью. Генерал-прокурор также должен был вести специальную учетную книгу, в которой на одной половине записывалось «в который день какой указ состоялся», а на другой – «когда что по оному указу исполнено, или не исполнено, и для чего, и прочие обстоятельства». Таким образом, должность генерал-прокурора фактически была выше сената.

Указ от 27 апреля 1722 г. определил, что Прокуратура Российской Империи стала обладать статусом надзорного органа. Основная форма прокурорского реагирования – опротестование. Вообще, на тот момент реагирование являлось устным разъяснением правовых норм, а также выдвиганием вариантов и путей устранения допущенных нарушений законодательства. Однако если такая процедура была безрезультатной, применялось письменное опротестование.

Прокуратура Российской Империи после смерти Петра I начала постепенно утрачивать своё значение, и со временем фактически была упразднена. С этого момента обостряется нестабильность в государстве ввиду дворцовых переворотов. Естественно, лицам, приходящим к власти, было неудобно иметь при себе орган, осуществляющий надзорные функции.

Тенденции восстановления статуса российской прокуратуры проявились в период правления императрицы Анны Иоанновны. В своем указе от 2 октября 1730 г. она предписала «быть при Сенате генерал и обер-прокурорам, а при коллегиях и в других судебных местах – прокурорам и действовать по данной им Должности». [Томсинов 2009: 116]. Губернские прокуроры были вправе опротестовывать незаконные действия местных властей и судов с одновременным уведомлением об этом генерал-прокурора. Затем императрица Елизавета Петровна, в период правления которой произошла некоторая стабилизация в государственном механизме, указом от 12 декабря 1741 г. попыталась установить статус прокуратуры на основе указа Петра I от 12 января 1722 г., но и ей не удалось повысить значение прокуратуры. Существенной проблемой являлся подбор надлежащих кадров (особенно на местах).

Важнейший этап развития российской истории приходится на период правления Екатерины II. Её реформы и деятельность способствовали развитию российской государственности, давая тем самым толчок для эволюции статуса прокурорских органов. Так, 7 ноября 1775 г. были изданы Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи, которые содержали отдельную главу «О прокурорской и стряпческой должности». [Полн. собр. законов Рос. Империи: 1830]. Данный нормативно-правовой акт определял статус прокуратуры при осуществлении своей деятельности на местах и всецело обеспечивал правовое регулирование данного органа. Указанный акт также предусматривал регулирование организации губернской прокуратуры во главе с губернским прокурором. Согласно Учреждениям прокуроры имели полномочия касательно осуществления надзора за деятельностью всеми губерниями. Также ими осуществлялись задачи по охране целостности власти и защите интересов императорского величества и наблюдением издаваемых нормативно-правовых актов. В уездах помощниками губернского прокурора выступали уездные стряпчие.

Весомый вклад в развитие органов российской юстиции внесли годы правления Александра I, который 8 сентября 1802 г. манифестом «Об учреждении министерств» [там же: 1830] образовал Министерство юстиции. Согласно положениям Манифеста, были совмещены должности генерал-прокурора и министра юстиции. В итоге регулирование правового статуса прокуратуры получило неоднозначную трактовку, так как генерал-прокурор (он же министр юстиции) должен был осуществлять надзор за Сенатом, будучи ему подчиненным.

В 1862 г. Государственный совет принял Основные положения о прокуратуре. В данном нормативно-правовом акте прокуратура была определена как единая и централизованная система органов прокурорского надзора, предусматривающая подчиненность нижестоящих по статусу прокуроров вышестоящим. Также устанавливались несменяемость прокуроров и их независимый статус. Основной же задачей прокуратуры называлось осуществление надзора за точным и единообразным исполнением законов. К компетенции генерал-прокурора, который помимо этого являлся еще и министром юстиции, относилось, прежде всего, «верховный» надзор в империи, а также назначение и освобождение от должности нижестоящих по

статусу прокуроров. В свою очередь, губернские прокуроры и генерал-прокурор назначались и освобождались от должности императором.

Следующим этапом развития российской прокуратуры можно считать судебную реформу 1864 г. и принятые в рамках нее: Устав уголовного судопроизводства; Устав гражданского судопроизводства; Учреждение судебных установлений; Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, которые включали нормы, затрагивающие прокурорскую систему. На данном этапе основным направлением деятельности прокуратуры стало осуществление уголовного преследования. Большое значение придавалось осуществлению надзора за законностью деятельности органов предварительного следствия. Прокуроры состояли при судах, и их деятельность ограничивалась делами судебного ведомства. Так, в разделе третьем «О лицах прокурорского надзора» Учреждений судебных установлений [Российское законодательство X–XX вв.: 1991] предусматривалось, что прокурорский надзор вверяется обер-прокурорам, прокурорам и их товарищам под высшим наблюдением министра юстиции как генерал-прокурора. Одним из основных направлений деятельности обер-прокуроров, прокуроров и их товарищей являлся прокурорский надзор при судебных местах. При осуществлении своей деятельности прокуроры должны опираться в первую очередь на закон и внутренние убеждения. В Уставе уголовного судопроизводства закреплялось, что прокуроры и их товарищи предварительное следствие не производят, однако имеют право давать предложения судебным следователям и наблюдают за производством следствия. В Уставе гражданского судопроизводства в числе полномочий прокурора предусматривалась дача в устной форме заключения по делу.

С изданием перечисленных выше актов, к сожалению, сложилась тенденция к существенному ограничению надзорных полномочий прокуроров. Смысл реорганизации прокуратуры в соответствии с основными принципами судебной реформы 1864 г. состоял в ограничении прокурорского надзора исключительно судебной сферой, возложении на прокурора функции поддержания государственного обвинения в суде и усилении надзора за дознанием и следствием, который фактически превращал прокуроров в руководителей предварительного расследования. Однако от судов прокуроры были независимы и действовали лишь на основе закона и внутреннего убеждения, подчиняясь вышестоящим прокурорам и министру юстиции как генерал-прокурору.

Данный статус был сохранен до 1917 г. После смены политического режима в стране, ввиду Октябрьской революции, декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» упразднил деятельность прокуратуры. Впоследствии, она восстановила свой статус в 1922 г., когда были приняты «Положения о прокурорском надзоре».

Библиографический список

1. Серов, Д. О. Фискальская служба и прокуратура России первой трети XVIII в. : дис. ... д-ра истор. наук / Серов Д. О. – Новосибирск, 2010. – 144 с.
2. Томсинов, В. А. Законодательство императрицы Анны Иоанновны / В. А. Томсинов. – Москва : Зерцало, 2009. – 238 с.
3. О бытии в Надворных Судах Прокурорам и о принятии доносов от фискалов и людей посторонних : именной указ от 27.04.1722 // Полное собрание Законов Российской Империи. – 1830. – Собр. 1, т. VI. – № 3880.
4. О должности Генерал-Прокурора : именной указ от 18.01.1722 // Полное собрание Законов Российской Империи. – 1830. – Собр. 1, т. VI. – № 3979.
5. Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи от 07.11.1775 // Полное собрание Законов Российской Империи. – 1830 – Собр. 1, т. XX. – № 14.392.
6. Об учреждении министерств : манифест от 08.09.1802 // Полное собрание Законов Российской Империи. – 1830. – Собр. 1, т. XXVII. – № 20. – 406 с.
7. Учреждения судебных установлений от 20.11.1864 // Российское законодательство X–XX веков. – Москва : Юрид. лит., 1991. – Т. 8. – С. 32–82.

М. Н. Рахвалова, Д. О. Рахвалова

Новосибирск, Россия

НЕДОСТАТКИ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ЖИЛИЩНОГО ПРАВА И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

M. N. Rakhvalova, D. O. Rakhvalova

Novosibirsk, Russia

THE DISADVANTAGES OF THE CONCEPTUAL APPARATUS OF HOUSING LAW AND THE WAYS TO OVERCOME THEM

Аннотация. Рассматриваются проблемы юридического понятийного аппарата на примере основного понятия жилищных отношений – «жилое помещение»; обращается внимание на непоследовательность законодателя при использовании терминов «помещение», «жилое помещение», «жилище», «жилье», что приводит к разночтению документов и может послужить причиной нарушения прав участников гражданского оборота. Обосновывается необходимость унификации используемого в нормативных правовых актах понятийного аппарата и соблюдения правил юридической техники.

Ключевые слова: помещение, жилое помещение, жилище, жилье, понятийный аппарат, юридическая техника.

Abstract. The article examines the issues of the legal conceptual apparatus and uses the example of the basic concept of housing relations – "living quarters". Attention is drawn to the inconsistency of legislators when using the terms "premises", "living quarters", "dwelling", "housing", which leads to discrepancies in documents and may cause violation of the rights of participants in civil law. The necessity of unification of the conceptual apparatus used in regulatory legal acts and compliance with the rules of legal technique has been proved.

Keywords: premises, living premises, housing, house, housing, conceptual apparatus, legal equipment.

В исследованиях, посвященных вопросам юридической техники, неоднократно указывается на необходимость соблюдения требований к содержанию и структуре нормативно-правовых актов, к языку [Черданцев 1999, 367–371] и логике изложения материала [Власенко 2001, 175]. Сложно переоценить наличие структурно выверенной системы нормативно-правовых актов, текст которых подчиняется логическим правилам, а единообразие терминологии позволяет добиться большего единообразия и при осуществлении правоприменительной деятельности. В качестве наиболее важных условий эффективности правовых документов называют такие как ясность, однозначность, апробированность и др. [Кашанина 2011, 258–259]. Таким образом, необходимость унификации используемого в нормативных правовых актах понятийного аппарата не вызывает сомнений.

Анализ терминологии, используемой для правового регулирования жилищных отношений, позволил выявить проблемы понятийного аппарата, которые с принятием новых нормативно-правовых актов и увеличением количества судебных актов только усугубляются. Впрочем, и авторы учебных и научных работ также не всегда последовательны.

Для иллюстрации выбрано базовое понятие жилищного законодательства – «жилое помещение», которое является таковым и для гражданского законодательства. Следуя законам логики каждое понятие должно иметь свой объем, выражаемый через определенные термины (т.е. слово или словосочетание, которое является однозначным выражением для понятий во всех научных дисциплинах) [Кондаков 1967, 376]. Исходя из принципа родовидовой субординации, можно предположить, что ближайшим родовым понятием для «жилого помещения» является «помещение».

Под помещением понимается «пространство внутри здания, имеющее определенное функциональное назначение и ограниченное строительными конструкциями или условными границами» [ГОСТ Р 58033–2017]. На доктринальном уровне выявлены и охарактеризованы следующие признаки помещения: во-первых, относимость к недвижимому имуществу, во-вторых, изолированность, т.е. ограниченность трехмерным контуром, наличие отдельного выхода на земельный участок или в места общего пользования [Трубачев 2009, 8].

Являясь видом помещения, жилое помещение отвечает указанным родовым признакам, а также обладает квалифицирующими признаками.

Характеристика понятия «жилое помещение» дается в ст. 288 ГК РФ [Гражданский кодекс № 51-ФЗ от 30.11.1994]. Но большей информативностью обладает ст. 15 ЖК РФ [Жилищный кодекс № 188-ФЗ от 29.12.2004], содержащая указание на родовые признаки жилого помещения и квалифицирую-

щие признаки: пригодность для постоянного проживания; деление общей площади на жилую площадь и площадь вспомогательных помещений. При отсутствии признаков, позволяющих отнести помещение к жилому, оно рассматривается как нежилое [Макеев 2009, 6–9]. В частности, на вопрос о распространении режима жилого помещения на апартаменты, следует дать однозначный отрицательный ответ, учитывая отсутствие у последних обязательного признака пригодности для постоянного проживания (соответствие строительным, санитарным, противопожарным и т.д. нормам и правилам, которые содержат в отношении жилых помещений более жесткие требования, нежели в отношении помещений, расположенных в административных зданиях или для промышленных предприятий).

Виды жилых помещений определены в ст. 16 ЖК РФ. В данной работе не предполагается исследование необходимости расширения перечня видов жилых помещений и определения признаков таун-хаусов и т.д., хотя этот вопрос также представляет интерес.

При этом, проанализировав нормативную базу и материалы судебной практики, можно заметить, что законодатель, наряду с понятием «жилое помещение» использует и такие однокоренные термины как «жилище» и «жилье». Соответственно, возникает вопрос об их соотношении. Можно выдвинуть и исследовать две взаимоисключающие гипотезы. Первая: названные понятия являются тождественными, и их использование служит примером несоблюдения принципа бережливости. Вторая: каждое из них несет свою смысловую нагрузку или применимо лишь с учетом особенностей той или иной отрасли законодательства.

Если понятие «жилое помещение» раскрывается в доктрине и в законодательстве, то о жилище и жилье этого сказать нельзя.

Иногда названные понятия используются как общее и частное (например, название и текст ст. 15 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих») [Федеральный закон № 76-ФЗ от 27.05.1998]. Иногда они вступают в противоречие друг с другом и с понятием «жилое помещение» и меняют смысловое значение нормы права. Иллюстрациями служат следующие примеры из правоприменительной практики [Обзор 2019] и законодательства. Так, согласно ФЗ от 19.02.1993 № 4528-1 «О беженцах»: «к фонду жилья для временного поселения относятся дома, квартиры, общежития, другие жилые помещения» [Федеральный закон № 4528-1 от 19.02.1993]. Данный нормативный акт был принят до ЖК РФ, но впоследствии в него неоднократно вносились изменения, и указанное противоречие могло бы быть устранено. Согласно ст. 3 ЖК РФ «Никто не может быть выселен из жилища или ограничен в праве пользования жилищем, в том числе в праве получения коммунальных услуг...». Очевидно, что, поскольку выселить можно только из жилого помещения, коммунальные услуги предоставляются пользователям жилых помещений, под термином «жилище» в данной статье подразумевается жилое помещение.

Термин «жилище» встречается в нормативно-правовых актах различной отраслевой принадлежности, в том числе относящихся и к конституционному, уголовному, уголовно-процессуальному законодательству. Жилом помещением При этом понятие «жилое помещение» в этих актах не используется.

Применительно к конституционному праву речь идет о базовом социальном благе (без его конкретных характеристик), важном субъективном праве – «праве на жилище».

Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство оперирует понятием «жилище», объем которого составляет широкий круг объектов: индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилой фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилой фонд, но используемое для временного проживания (примечание к ст. 139 УК РФ [Уголовный кодекс № 63-ФЗ от 13.06.1996]).

Подобная трактовка неизбежно приводит к проблемам при квалификации действий, связанных с незаконным проникновением в жилище (ст.ст. 139 УК РФ). Кроме того, появляется значительное количество научных работ, в которых сформулированы неожиданные выводы. Так, «В силу разного назначения жилищного, гражданского, административного, уголовного, уголовно-процессуального отраслей права и различных предметов правового регулирования нет и не может быть единого толкования понятия «жилище». В уголовном процессе данное понятие должно толковаться достаточно широко <...> Предложение о таком толковании понятия «жилище» направлено на защиту прав участников уголовного судопроизводства от произвольного, незаконного проникновения в жилище должностных лиц органов предварительного расследования» (п. 1 положений, выносимых на защиту диссертации кандидата наук) [Наумов 2010 8-9]. Но право на неприкосновенность жилища, в первую очередь, относится к конституционным правам и говорить о его особой трактовке применительно к участникам процессуальных отношений вряд ли целесообразно.

Анализируя правоприменительную практику по уголовным делам и, иллюстрируя работу ссылкой на конкретные судебные акты, А. В. Верещагина пишет следующее: «Менее 1 % составляют относимые органами предварительного расследования и судами к жилым помещениям «нетривиальные» объекты: туристический домик, жилая комната на базе отдыха, в гостинице, в учреждении/офисе/предприятии, служебное купе проводников, каюта, сторожка, лодочный гараж» [Верещагина 109–112]. Остается согласиться с автором, что столь широкое толкование понятия «жилище» влечет нестабильность судебной практики.

Таким образом, можно сделать вывод, что, используя термин «жилище», законодатель имеет в виду и социальное благо, и виды объектов гражданских и жилищных прав: и жилое помещение, и нежилое помещение, и объекты, вообще не обладающие признаками помещения. Аналогичная тенденция прослежива-

ется и международных нормативно-правовых актах [Всеобщая Декларация от 10.12.1948], и в практике Европейского суда по правам человека [Постановление 2019]. Примерами объектов, отнесенных к жилищу, служат адвокатский кабинет, трейлер [Халдеев 2007]. Ничего страшного в этом нет, если, как было указано выше, каждое понятие раскрывать через признаки, присущие только ему. Так, например, если законодатель для нужд именно уголовного и уголовно-процессуального права хотел конкретизировать объект, незаконное проникновение в который наказуемо, то недопустимым было заимствование межотраслевых понятий с устоявшимися доктринальными и легальными признаками без учета их соотношения. Используя принятую классификацию можно было бы указать: «жилое помещение, а равно иное здание или помещение, используемое для временного проживания, а также строение, в котором гражданин проживает» [Рахвалова 2018, 296–300]. Данная формулировка позволила бы избежать искусственного смешения элементов понятийного аппарата.

Термин «жилье» понимается на сегодняшний день в пяти значениях:

- 1) конкретное жилое помещение;
- 2) совокупность жилых помещений (жилищные фонды);
- 3) объекты, относящиеся к группе помещений;
- 4) объекты, не обладающие признаками помещений, иногда весьма экзотические (например, каюта корабля, купе проводников и т.д.);
- 5) район жилой застройки.

Если проанализировать их соотношение, то можно заметить, что первые четыре значения дублируют иные существующие правовые понятия. Таким образом, нецелесообразно использовать пары «жилье» – «жилое помещение» (поскольку признаки последнего определены, то это синонимы); «жилье» – «жилищные фонды» (поскольку понятие и виды жилищных фондов определены в ст. 19 ЖК РФ, это тоже синонимы); «жилье» – «нежилое помещение» (отсутствует ассоциативная связь, отсутствуют общие признаки, помещение не предназначено для проживания, но гражданин может там находиться в силу каких-либо причин временного характера, например, помещение в гостинице); «жилье» – «объекты, вообще не обладающие признаками помещений» (также отсутствует ассоциативная связь, отсутствуют общие признаки). Соответственно с позиции формирования юридического языка и правила тождества понятий приемлемым является лишь пятое значение термина «жилье» – район жилой застройки.

Изложенное выше является иллюстрацией лишь одного из множества аспектов противоречивости и сложности структуры правового понятийного аппарата и проблем, возникающих из низкого качества нормативного материала, в том числе из-за внесения изменений без учета связи понятий, их объема и содержания, наконец, без учета доктринальных разработок.

Безусловно, однозначное и единственно верное решение, как избежать обозначенных проблем, на данном этапе развития российского права, российского законодательства, правоприменительной практики, предложить сложно. Но, возможно, следует более внимательно относиться к качеству научных исследований и к их содержанию, при разработке нормативно-правовых актов учитывать научные разработки, признанные научным сообществом. На сегодняшний день можно сделать вывод, что система нормативно-правовых актов нуждается в тщательной ревизии.

Библиографический список:

1. Верещагина, А. В. Место совершения преступления (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ): некоторые аспекты криминологической и уголовно-правовой характеристик / А. В. Верещагина // Уголовное право. – 2016. – № 5. – С. 109–112.
2. Власенко, Н. А. Правила законодательной техники в нормативно-правовых актах субъектов Российской Федерации / Н. А. Власенко // Законодотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сб. ст. : в 2 т. – Нижний Новгород : Нижегород. кн. изд-во, 2001. – Т. 1. – С. 170–183.
3. Всеобщая Декларация прав человека. Принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией А (III) от 10.12.1948 // Российская газета. – 1998. – 10 дек.
4. ГОСТ Р 58033–2017 Здания и сооружения. Словарь. Часть 1. Общие термины // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/556380967>
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон № 51-ФЗ от 30.11.1994 // Российская газета. – 1994. – № 238–239.
6. Жилищный кодекс Российской Федерации : федер. закон № 188-ФЗ от 29.12.2004 // Российская газета. – 2005. – № 1.
7. Кашанина, Т. В. Юридическая техника : учебник / Т. В. Кашанина. – Москва : Норма : ИНФРА-М. 2011. – 496 с.
8. Кондаков, В. И. Введение в логику / В. И. Кондаков. – Москва : Наука, 1967. – 465 с.
9. Макеев, П. В. Изменение правового режима жилого и нежилого помещения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Макеев П. В. – Краснодар, 2009. – 24 с.
10. Наумов, С. Н. Производство следственных действий, ограничивающих неприкосновенность жилища : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Наумов С. Н. – Москва, 2010. – URL: <http://www.dissercat.com>
11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019) : [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.04.2019] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – Октябрь (№ 10).
12. Постановление ЕСПЧ от 15.01.2019 по делу «Копыток (Korutok) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2019. – № 9.
13. Рахвалова, М. Н. Место жительства и место пребывания в контексте российского законодательства и практики его применения / М. Н. Рахвалова // Бизнес. Образование. Право. – 2018. – № 3 (44). – С. 296–300. – DOI 10.25683/VOLBI.2018.44.308.

14. Трубачев, Е. О. Нежилые помещения как объект недвижимости (гражданско-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Трубачев Е. О. – Томск, 2009. – 30 с.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон № 63-ФЗ от 13.06.1996 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
16. О беженцах : федер. закон № 4528-1 от 19.02.1993 // Российская газета. – 1997. – № 126.
17. О статусе военнослужащих : федер. закон № 76-ФЗ от 27.05.1998 // Российская газета. – 02.06.1998. – № 104.
18. Халдеев, А. В. О концепции «жилища» в практике Европейского суда по правам человека / А. В. Халдеев // Жилищное право. – 2007. – № 5–7.
19. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права / А. Ф. Черданцев. – Москва : Юрайт, 1999. – 429 с.

Е. А. Серебрякова

Москва, Россия

ТОЛКОВАНИЕ ТЕРМИНА «DEGRADING TREATMENT» ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ¹

E. A. Serebryakova

Moscow, Russia

INTERPRETATION OF THE TERM "DEGRADING TREATMENT" BY THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS AND THE CONCEPTUAL FRAMEWORK OF SOCIAL SECURITY LAW

Аннотация. Отмечается, что Европейская конвенция прав человека и основных свобод не гарантирует социальные права, но в отдельных случаях применяется к отношениям по социальному обеспечению. Анализируется содержание термина «унижающее человеческое достоинство обращение», предусмотренного ст. 3 указанной конвенции, применительно к уровню социального обеспечения. Также рассматривается соотношение данного термина с понятием «достойное социальное обеспечение».

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, унижающее человеческое достоинство обращение, социальное обеспечение, пенсии, достойное социальное обеспечение.

Abstract. Social security rights are not mentioned in the European Convention on Human Rights, but they fall within its scope. The author analyses the term "degrading treatment" (Article 3 of the Convention). The relationship of this term with the concept "decent social security" is also considered.

Keywords: European Court of Human Rights, degrading treatment, social security, pensions, decent pension.

Права человека и прецедент способствуют глобализации [Neshataeva 2013 : 60]. В Европе выработке единых для многих государств подходов к правам человека способствует Европейская конвенция прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») и практика ее применения.

Согласно ст. 32 Конвенции, органом, в компетенцию которого входит ее толкование, является Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ). Уже много лет для уяснения смысла норм этого документа мы обращаемся больше к практике ЕСПЧ, чем непосредственно к тексту Конвенции [Tulkens 2007 : 16].

ЕСПЧ разъясняет не только общий смысл конвенционных положений, но и значение терминов, в ней используемых. Многие из них получили «автономное значение», отличное от того, которое вкладывается в их содержание национальным правом [Harris and others 2009 : 16]. К числу таких терминов относится и понятие «degrading treatment», использованное в английской версии Конвенции или «traitments dégradants», упоминаемое во французской версии этого документа. На русский язык термин переведен как «обращение, унижающее человеческое достоинство».

Данный термин содержится в ст. 3 Конвенции, предусматривающей запрет пыток, а также бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Такой запрет является абсолютным, не допускающим какие-либо исключения. Абсолютная природа этого запрета объясняет, почему жалобы на его нарушение рассматриваются ЕСПЧ с особой тщательностью [Erdal, Bakirci 2006 : 221]. Только за 2019 год ЕСПЧ констатировал 241 нарушение ст. 3 Конвенции государствами, ее ратифицировавшими. Из указанных 241 в 181 случае были установлены факты бесчеловечного или унижающего человеческого достоинство обращения [Annual report 2020 : 135].

Под унижающим человеческое достоинство в практике ЕСПЧ понимается такое обращение, которое является для человека унижительным или оскорбительным, свидетельствует об умалении его достоинства или вызывает чувства страха, тоски или неполноценности, способные подавить моральное или физическое сопротивление индивида. При этом для квалификации обращения как унижающего человеческого достоинство достаточно того, чтобы сам человек чувствовал себя униженным, независимо от того, воспринимается ли его положение как унижительное третьими лицами [Bouyid v. Belgium : §87].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00252.

Какое именно обращение ЕСПЧ признавал унижительным? Приведем несколько примеров.

Во-первых, к такому обращению могут приравниваться условия, в которых содержатся заключенные, помещенные в переполненные камеры, где не соблюдаются санитарные нормы [Kalashnikov v. Russia : § 97–103].

Во-вторых, унижительными могут быть признаны отдельные техники досмотров заключенных [Iwanczuk v. Poland : § 58–60], а также не оказание этой категории лиц необходимой медицинской помощи [Hummatov v. Azerbaijan : § 108–117, 121–122].

В-третьих, содержание лица в металлической клетке во время судебного процесса также является унижением человеческого достоинства [Korneykova and Korneykov v. Ukraine : § 164–166].

Вместе с тем, практика ЕСПЧ, касающаяся унижительного обращения, не ограничивается делами по жалобам заключенных или находящихся под стражей заявителей. К обращению, унижающему человеческое достоинство могут быть приравнены также, например, непринятие государством своевременных мер по устройству лишенного родительской опеки ребенка-мигранта [Khan v. France : § 94–95], непредоставление никакой помощи беженцу [M.S.S. v. Belgium and Greece : § 249–264] и даже недостаточный размер пенсии или иного вида социального обеспечения.

Именно последний аспект унижающего человеческого достоинства обращения представляет интерес для целей настоящей статьи. Данный аспект не является новым. На протяжении более 20 лет ЕСПЧ подтверждает, что состояние крайней бедности может являться основанием для жалобы на нарушение ст. 3 Конвенции, в том числе в случае, если такое состояние обусловлено недостаточностью социального обеспечения.

Жалоб на нарушение прав, предусмотренных ст. 3 Конвенцией, обусловленное уровнем социального обеспечения рассмотрено палатами ЕСПЧ немного. Ни в одном случае судом не констатировано факта нарушения таких прав. Более того, ни одна из таких жалоб не была признана приемлемой для ее рассмотрения судом по существу.

В решении по делу № 40772/98 ЕСПЧ, признавая жалобу по ст. 3 Конвенции явно необоснованной, ограничился указанием на то, что утверждения заявительницы по делу не дают оснований полагать, что социально-экономические условия ее жизни могут быть приравнены к унижающему человеческое достоинство обращению [Pancenکو v. Latvia]. Похожий вывод сделан ЕСПЧ и при рассмотрении жалобы А. Лариошиной, 1918 г. рождения, которая утверждала, что совокупность всех получаемых ею социальных выплат (включая пенсию по возрасту) составляла на момент подачи жалобы в 2000 г. 653 рубля в месяц [Larioshina v. Russia], то есть их размер был существенно ниже прожиточного минимума, установленного для пенсионеров в первом квартале 2000 г. в размере 851 рубль 32 копейки [Постановление Правительства РФ № 421 от 31.05.2000]. По сути А. Лариошина подтвердила, что находилась за чертой бедности, однако ЕСПЧ не счел данное обстоятельство достаточным доказательством того, что это отразилось на физическом или моральном состоянии заявительницы в той степени, чтобы считать ее положение несовместимым с сохранением человеческого достоинства.

В 2001 г. в ЕСПЧ обратился с жалобой Аникеенко М. И., который в числе прочего указал, что размер его пенсии по старости является недостаточным для обеспечения уровня его жизни. Суд, также как и ранее, указал, что не находит доказательств того, что размер пенсионного обеспечения повлиял на физическое или психическое здоровье заявителя в степени, достаточной для установления факта нарушения прав, предусмотренных ст. 3 Конвенции [Kutepov and Anikeenko v. Russia : § 62].

Более детальному анализу со стороны ЕСПЧ подверглась жалоба Будиной А.Д., указывавшей, что ее пенсия не позволяет выжить. В своем обращении в суд заявительница указала, что являясь инвалидом, до апреля 2003 года получала пенсию по инвалидности. Затем ей была начислена пенсия по возрасту, размер которой оказался меньше ранее получаемого вида социального обеспечения (935 рублей против 1000 рублей), несмотря на достаточно большой стаж работы заявительницы, который составил более 28 лет. Не имея иных источников средств к существованию, Будина А. Д. обратилась с иском к Правительству РФ, требуя увеличить ее пенсию до 5000 рублей в месяц. В обоснование исковых требований заявительница представила суду детальную смету своих расходов, необходимых и достаточных для выживания: 3000 рублей – на питание (100 рублей в день), 500 рублей – для оплаты квартиры, 1000 рублей – медицинские и иные расходы для поддержания здоровья, 500 рублей – на средства личной гигиены. Рассмотрев исковые требования, районный суд г. Москвы отказал в их удовлетворении. Московский городской суд согласился с выводами суда первой инстанции.

Заявительница обратилась в ЕСПЧ с жалобой на нарушение ее прав, предусмотренных статьями 2, 6 и 14 Конвенции. Вопрос о приемлемости жалобы рассматривался ЕСПЧ в два этапа.

В феврале 2008 г. жалоба была признана неприемлемой в части, касающейся требований, основанных на положениях статей 6 и 14 Конвенции. Вопрос, касающийся унижающего человеческого достоинства обращения вследствие недостаточного пенсионного обеспечения, был коммуницирован российским властям как жалоба на нарушение ст. 3 Конвенции [Budina v. Russia 2008].

Правительство России заявило о неприемлемости жалобы Будиной А.Д., сославшись в числе прочего на то, что заявительница, помимо пенсии, получает социальные льготы, и эквивалент общей стоимости всех получаемых ею видов социального обеспечения превышает прожиточный минимум.

В июле 2009 г. ЕСПЧ рассмотрел вопрос о приемлемости жалобы на низкое пенсионное обеспечение. Суд признал, что материальное положение заявительницы было тяжелым особенно в период с 2004 по 2007 г., однако указал, что отсутствуют основания полагать, что получаемое ею социальное обеспечение было недостаточным для того, чтобы заявительница избежала унижительного положения. Жалоба была объявлена явно необоснованной [Budina v. Russia 2009].

После 2009 г. только дважды ЕСПЧ в составе палаты рассматривал жалобы, в которых заявители ссылались на недостаточный уровень социального обеспечения. В первом случае заявительница указывала, что удержания, произведенные из ее пенсии для компенсации морального вреда, причиненного чести и достоинству третьего лица, привели к экстремально тяжелой финансовой ситуации, явившейся причиной серьезных проблем со здоровьем заявительницы [Tešić v. Serbia communicated case]. Данная жалоба была коммуницирована властям Сербии, однако по существу не была рассмотрена ЕСПЧ, который счел привлечение заявительницы к ответственности за диффамацию несовместимым с положениям ст. 10 Конвенции и в связи с этим не нашел необходимым рассмотрение жалобы на нарушение ст. 3 как на предмет ее приемлемости, так и по существу [Tešić v. Serbia : § 69]. Заявительница по второму делу, мать погибшего в результате несчастного случая на производстве рабочего, представила в ЕСПЧ документы, из которых следовало, что в 2008 и 2009 гг. получаемые ею пенсии в совокупности составили 74 % и 51,5 % минимального размера оплаты труда, соответственно. Однако, в своей жалобе она ссылалась на то, что размер получаемых ею социальных выплат слишком мал в сравнении с понесенной ею утратой сына. Более того, она не сообщила, являлись ли пенсии единственным или основным источником ее доходов. При этих обстоятельствах ЕСПЧ констатировал, что пенсия не является возмещением морального ущерба, причиненного трагической гибелью сына заявительницы. Указав, что в деле отсутствуют данные, позволяющие установить причинение заявительнице страданий, сопоставимых по уровню с теми, на защиту от которых направлена ст. 3 Конвенции, ЕСПЧ признал жалобу неприемлемой [Öz v. Turkey : § 35-40].

Как показывает анализ судебной практики ЕСПЧ, каждый раз при рассмотрении вопроса об обоснованности жалобы на уровень социального обеспечения, не совместимый с возможностью удовлетворения основных жизненных потребностей заявителя, суд приходит к выводу об отсутствии доказательств того, что такой уровень обеспечения несовместим с сохранением человеческого достоинства. Вместе с тем, возможность доказать тот факт, что заявитель испытывает достаточно серьезные нравственные и физические страдания осложняется тем, что ни в одном из решений по данному вопросу ЕСПЧ не конкретизировал тот самый «достаточный» уровень, которого эти страдания должны достичь для того чтобы спровоцировавшая их ситуация была квалифицирована как унижающее человеческое достоинство обращение [Schoukens : 45].

Вместе с тем, ЕСПЧ не поясняет также, при каких условиях уровень социального обеспечения отвечает требованию достойного, по сути оставляя этот вопрос на усмотрение государства [Leijten: 270].

Означает ли такой подход ЕСПЧ, что в рассмотренных выше случаях, по мнению этого органа, социальное обеспечение заявителей могло быть охарактеризовано как достойное? Конечно, нет. Ведь Конвенция не устанавливает социальные стандарты. Допуская возможность нарушения запрета унижающего человеческое достоинство обращения экстремально низким уровнем социального обеспечения ЕСПЧ не устанавливает минимальные стандарты такого обеспечения, подчеркивая важность универсального принципа уважения достоинства личности.

Такой подход разделяется российской судебной властью. Так, Конституционный суд РФ, рассматривая дело по жалобе Енборисовой П. Ф., признал, что недостаточный уровень социального обеспечения может являться разновидностью унижающего человеческое достоинство обращения. Заявительница жаловалась, являющаяся инвалидом, ветераном труда и тружеником тыла, оспаривала конституционность пункта 8 статьи 14 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», предусматривавшего ограничение минимального размера суммы базовой и страховой частей пенсии. Она указывала, что оспариваемые положения закона позволили установить ей трудовую пенсию по старости ниже уровня прожиточного минимума в субъекте Российской Федерации, где она проживает, что умаляет достоинство личности.

Конституционный суд РФ пришел к выводу, что оспариваемая норма не противоречит Конституции РФ, поскольку предполагает установление минимального размера трудовой пенсии по старости который в совокупности с иными видами социального обеспечения и с учетом применения механизма своевременной индексации пенсионных выплат должен быть не ниже величины прожиточного минимума пенсионера в субъекте Российской Федерации.

Зачастую национальные суды в определенной степени «предвосхищают развитие практики Страсбурга» [Costa 2008 : 20]. В данном случае Конституционный суд РФ не предвосхитил, но опередил такую практику, указав, что создание условий, гарантирующих достоинство личности, является конституционно-правовым критерием законодательного регулирования пенсионных отношений [Определение Конституционного суда РФ № 17-О от 15.04.2005].

При этом понятия «не унижающее человеческое достоинство пенсионное обеспечение» и «гарантирующее достоинство личности пенсионное обеспечение» не являются синонимичными. Минимальное обеспечение, не достигающее порога унижительного, не всегда является достойным. Вместе с тем, устанавливая пенсионное обеспечение на достойном уровне, государство в любом случае соблюдает запрет, установленный ст. 3 Конвенции. Оба подхода к социальному обеспечению представляют собой его базовые критерии, без существования которых поступательное развитие системы представляется сложным.

Таким образом, как следует из анализа практики ЕСПЧ, установленный Конвенцией запрет на унижающее человеческое достоинство обращение включает в себя запрет на экстремально низкий уровень социального обеспечения. Конкретные критерии такого уровня до настоящего времени не определены, но даже будучи установленными, они не могут быть использованы для оценки его соответствия понятию «достойное социальное обеспечение».

Библиографический список

1. Annual report 2019 of the European Court of Human Rights, Council of Europe. – 2020. – URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Annual_report_2019_ENG.pdf
2. Costa, J-P. L'autorité de la jurisprudence de la Court européenne des Droits de l'Homme / J-P. Costa // Dans Le Rôle des Courts suprêmes dans la mise en œuvre de la Convention européenne des Droits de l'Homme au niveau interne. Conférence régionale... (Belgrade, 20–21 septembre 2007). – Strasbourg : Conseil de l'Europe, 2008. – P. 16–23.
3. Erdal, U. Bakirci H. Article 3 de la Convention européenne des Droits de l'Homme : guide pratique juridique / U. Erdal. – Genève : OMCT, 2006.
4. Law of the European convention on Human Rights / D. Harris, M. O'Boyle, C. Warbrick et al. – 2nd ed. – New-York : Oxford University Press, 2009.
5. Leijten, I. Core Socio-Economic Rights and the European Court of Human Rights / I. Leijten. – Cambridge University Press, 2018.
6. Neshataeva, T. N. The precedent and human rights. In Russia and the European Court of Human Rights: a decade of change: essays in honour of Anatoly Kovler judge of the European Court of Human Rights in 1999–2012 / T. N. Neshataeva. – Oisterwijk : WLP, 2013. – P. 39–60.
7. Schoukens, P. The right to access health care: health care according to international and European social security law instruments in International health law / P. Schoukens // Solidarity and justice in health care / ed. by A. P. den Exter. – Antwerpen-Apeldoorn : Maklu, 2008. – P. 17–48.
8. Tulkens, F. La Convention européenne des Droits de l'Homme être droit international et droit constitutionnel. Dans Dialogue entre juges / F. Tulkens. – Strasbourg: Court européenne des Droits de l'Homme, 2007.

Нормативные документы

9. European Convention on Human Rights. Electronic source. – URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_ENG.pdf
10. По жалобе гражданки Енборисовой Прасковьи Федоровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 8 статьи 14 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ № 17-О от 15.02.2005 // ЭБ КонсультантПлюс. – URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cached=301D29463F39C32474BB6E971B706661&SORTTYPE=0&BASENODE=1&ts=1655189307073758307190229&base=LAW&n=52884&md=9EC59D48723F7BD41C9843F7679BC530#1nyrtovtwqf>
11. Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за I квартал 2000 г. : постановление Правительства РФ № 421 от 31.05.2000 // ЭБ КонсультантПлюс. – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27365/#dst100005

Акты Европейского суда по правам человека

12. Bouyid v. Belgium [GC], no. 23380/09, ECHR 2015. Hudoc. – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22appno%22:\[%22%223380/09%22%22\],%22documentcollectionid%22:\[%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22\],%22itemid%22:\[%22001-157670%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22appno%22:[%22%223380/09%22%22],%22documentcollectionid%22:[%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22],%22itemid%22:[%22001-157670%22]})
13. Budina v. Russia (dec.), no. 45603/05, ECHR 2008. Hudoc. – URL : [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-85284%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-85284%22]})
14. Budina v. Russia (dec.), no. 45603/05, ECHR 2009. Hudoc. – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-93434%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-93434%22]})
15. Hummatov v. Azerbaijan, no. 9852/03, 13413/04, ECHR 2007. Hudoc. – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22docname%22:\[%22Hummatov%22\],%22itemid%22:\[%22001-83588%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22docname%22:[%22Hummatov%22],%22itemid%22:[%22001-83588%22]})
16. Iwanczuk v. Poland, no. 25196/94, ECHR 2001. Hudoc. – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-59884%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-59884%22]})
17. Kalashnikov v. Russia, no. 47095/99, ECHR 2002. Hudoc. – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22docname%22:\[%22Kalashnikov%22\],%22itemid%22:\[%22001-60606%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22docname%22:[%22Kalashnikov%22],%22itemid%22:[%22001-60606%22]})
18. Khan v. France, no. 12267/16, ECHR 2019. Hudoc. – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-191587%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-191587%22]})
19. Korneykova and Korneykov v. Ukraine, no. 56660/12, ECHR 2016. Hudoc. – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22appno%22:\[%2256660/12%22\],%22itemid%22:\[%22001-161543%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22appno%22:[%2256660/12%22],%22itemid%22:[%22001-161543%22]})
20. Kutevov and Anikeyenko v. Russia (dec.), no. 68029/01, ECHR 2005. Hudoc. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70761>
21. Larioshina v. Russia (dec.), no. 56869/00, ECHR 2002. Hudoc. – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-22359%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-22359%22]})
22. M.S.S. v. Belgium and Greece, no. 30696/09, ECHR 2011. Hudoc. – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-103050%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-103050%22]})
23. Öz v. Turkey (dec.), no. 56995/10, ECHR 2017. Hudoc. – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22tabview%22:\[%22document%22\],%22itemid%22:\[%22001-170874%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22tabview%22:[%22document%22],%22itemid%22:[%22001-170874%22]})
24. Pancenko v. Latvia (dec.), no. 40772/98, ECHR 1999. Hudoc. – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-4912%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-4912%22]})
25. Tešić v. Serbia (communicated case), no. 4678/07, 50591/12, ECHR 2012. Hudoc. – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-115911%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-115911%22]})
26. Tešić v. Serbia, no. 4678/07, 50591/12, ECHR 2014. Hudoc. – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-140771%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-140771%22]})

К. Б. Филиппов

Пенза, Россия

ПРОКОНКУРЕНТНЫЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ¹

K. B. Filippov

Penza, Russia

PRO-COMPETITIVE CONSTITUTIONAL PRINCIPLES

Аннотация. Рассматриваются особенности закрепления понятия «конкуренция» в конституционных нормах Российской Федерации. Делается попытка выделения и характеристики особого рода проконкурентных конституционно-правовых принципов. Предлагается ряд направлений дальнейшей работы в данной сфере.

Ключевые слова: конкуренция, Конституция Российской Федерации 1993 г., принципы конституционного права, специальное законодательство о конкуренции.

Abstract. The article is devoted to the features of fixing the concept of "competition" in the constitutional norms of the Russian Federation. The author attempts to identify and characterize a special kind of Pro-competitive constitutional principles. The article proposes a number for further work in this area.

Keywords: competition, Constitution of the Russian Federation of 1993, constitutional principle, special competition law.

Среди различных значений термина «конкуренция» [от лат. *concurrere* – сбегаться, сталкиваться], фиксируемых в настоящее время словарями как общеупотребительных слов, так и словарями специальных терминов (прежде всего экономических), остановимся на самом универсальном, для того, чтобы подчеркнуть особенный характер воздействия этого феномена на сферу общественных отношений: «Конкуренция – это соперничество на каком-л. поприще, борьба за достижение лучших результатов» [Большой толковый словарь, 1998]. Однако как объект правового регулирования, конкуренция трактуется в нормативных актах, юридической и экономической литературе достаточно многозначно и неопределенно [Паращук, 1998. С. 11]. Как отмечает Т. Я. Хабриева [Хабриева, 2017, С. 8], в российское законодательство понятие «конкуренция» было впервые введено позднее, чем положения о борьбе с монополизмом. Само понятие «конкуренция» было введено в Законе СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI «О кооперации в СССР», однако его определение не было дано и впервые было зафиксировано Законом РФ от 22 марта 1991 года «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» как «сопоставимость хозяйствующих субъектов, когда их самостоятельные действия эффективно ограничивают возможность каждого из них односторонне воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке» [Закон о конкуренции, 1991, ст. 6]. Приведенное определение с незначительными по сути поправками остается неизменным до сих пор настоящего времени, сохранившись при полной замене в 2006 году базового Закона и более чем в 50 его последующих изменениях.

Конституция РФ 1993 г. – это первый российский Основной закон, устанавливающий гарантии конкуренции. По сообщению Г. Гаджиева, в проекте Конституции слова «конкуренция» не значилось, однако по предложению представителей научного сообщества проект был дополнен необходимым положением [Как слово «конкуренция» появилось в Конституции РФ, 2015].

Конституционное право Российской Федерации базируется и действует на основе определенных принципов, являющихся ключевыми идеями и правилами, определяющими и выражающими сущность этой отрасли права. Конституционные принципы в силу своей универсальности и высокой степени обобщенности имеют значение для различных отраслей права, вне зависимости от их предмета регулирования. Конституционные принципы могут быть классифицированы по различным основаниям, в том числе представлять собой как единичные нормы, так группы правовых норм, призванных определять сущность определенных комплексных общественных отношений. Одним из важных комплексов конституционных принципов, направленных на «сквозное» государственное регулирование всей сферы экономической жизни, являются проконкурентные конституционные принципы.

Согласно Конституции Российской Федерации в Российской Федерации гарантируется свобода экономической деятельности, каждый имеет право свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, а также право иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (статья 8, часть 1; статья 34, часть 1; статья 35, часть 2). Закрепляя фундамен-

¹ Исследование выполнено по результатам проекта РФФИ (РГНФ) № 14-34-01252

тальные основы экономической свободы человека, Конституция Российской Федерации исходит из того, что реализация этой свободы сопряжена с соблюдением условий, которые устанавливаются законом (статья 71, пункты «в», «ж», «о»; статья 76, часть 1), не должна выходить за объективные пределы, определяемые, в частности, недопустимостью нарушения прав и свобод других лиц (статья 17, часть 3) и запретом осуществления экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (статья 34, часть 2), а также может подвергаться определенным законодательным ограничениям, вводимым в соответствии с конституционно обусловленными критериями (статья 55, часть 3).

Приведенными конституционными положениями обосновывается осуществление Российской Федерацией как правовым социальным государством организующего и регулирующего воздействия на экономические отношения в целях создания максимально благоприятных условий для развития национальной экономической системы, что предполагает необходимость стимулирования развития рыночных начал, основанных на принципах предпринимательской инициативы, самоорганизации и добросовестности, включая принятие специальных мер, направленных на создание и поддержание справедливых и равных возможностей для всех участников рыночных отношений, установление эффективных правовых механизмов защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности от противоправных действий, в особенности тех, кто занимает доминирующее положение на рынке.

Действуя во всеобщих интересах, государство должно стремиться к обеспечению рационального использования материальных благ и укреплению рыночных институтов собственности, служащих фундаментальной основой цивилизованной экономической системы, что обязывает его поддерживать конкуренцию, создавать условия для эффективного функционирования товарных рынков, предупреждать и пресекать монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию, противодействовать недопущению, ограничению, устранению конкуренции со стороны органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов и организаций.

Конституционный запрет экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию, подразумевает наличие адекватных конкретным условиям механизмов выявления и пресечения нарушений антимонопольного законодательства, за совершение которых, в свою очередь установлены существенные штрафные санкции. При этом, как мы отмечали ранее, поиск правовых основания для исключения административной ответственности является одним из необходимых элементов обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта [Барабаш, 2016, С. 62].

Для реализации отмеченных конституционных целей государственной экономической политики и исходя из необходимости защиты прав и свобод лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, принят ряд федеральных законов, включая Федеральный закон «О защите конкуренции», сформирована система федеральных органов исполнительной власти по контролю за их соблюдением.

Некоторыми исследователями предполагается сутью конституционного принципа антимонопольного регулирования экономики государственный контроль и надзор за исполнением предусмотренного частью 2 статьи 34 Конституции РФ требования о недопустимости осуществления экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию [Верзун 2016. С. 49]. При этом полагаем, что глубинную сущность проконкурентных конституционных принципов недостаточно сводить к административно-процессуальному контролю определенной сферы деятельности. Воздействие указанных конституционных принципов должно проникать и в те сферы экономической деятельности, которые согласно действующего антимонопольного законодательства не подлежат антимонопольному регулированию и контролю. Так, например, правовое регулирование такой важной сферы общественных отношений, как высшее образование, не в полной мере восприняло указанные конституционные принципы. В то же время применения подходов проконкурентных подходов к системе высшего образования представляется весьма актуальным, поскольку нами выявлен целый ряд ситуаций [Филиппов, 2020], в которых правовое обеспечение конкуренции в системе высшего образования способствовало бы эффективному удовлетворению потребностей личности и общества в доступном и качественном высшем образовании, а также повышению глобальной конкурентоспособности российского образования.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов ; РАН, Ин-т лингв. исслед. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – 1534 с.
2. Барабаш, О. В. Снижение рисков экономической безопасности, связанных с коррупционными проявлениями: юридико-лингвистические аспекты / О. В. Барабаш, К. Б. Филиппов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 1. – С. 50–63.
3. Васильев, А. Н. Конкуренция в экономике / А. Н. Васильев // Большая российская энциклопедия : в 35 т. / А. Н. Васильев ; гл. ред. Ю. С. Осипов. – Москва : Большая российская энциклопедия, 2004–2017. – URL : <https://bigenc.ru/economics/text/2090644>
4. Конституция РФ от 12 декабря 1993 года // Российская газета. – 1993. – 25 декабря (№ 237).
5. Верзун, Ю. С. Конституционный принцип антимонопольного регулирования экономики России / Ю. С. Верзун // Вестник Марийского государственного университета. Сер., Исторические науки. Юридические науки. – 2016. – № 1 (5). – С. 48–51.

6. О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках : закон РСФСР № 948-1 от 22.03.1991 // Российская газета. – 1991. – № 89.
7. О кооперации в СССР : закон СССР № 8998-XI от 26.05.1988. – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1361/
8. Как слово «конкуренция» появилось в Конституции РФ. – URL : <https://fas.gov.ru/news/4782>
9. Парашук, С. Конкуренция: от экономической многозначности к правовой определенности. Право на конкуренцию / С. Парашук // Хозяйство и право. – Москва, 1998. – № 12. – С. 11–20.
10. О защите конкуренции : федер. закон № 135-ФЗ от 26.07.2006 // Российская газета. – 2006. – № 162.
11. Филиппов, К. Б. О необходимости применения конституционно-правовых принципов создания конкурентной среды к системе высшего образования России / К. Б. Филиппов // Антимонопольному регулированию в России 30 лет : сб. материалов / под ред. Е. Н. Демидовой, О. В. Барабаш. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2020.
12. Хабриева, Т. Я. Конституционно-правовые основы конкуренции в Российской Федерации / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2017. – № 1. – С. 5–15.

Ю. Р. Хамзяева

Казань, Россия

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТОЛКОВАНИЯ ТЕРМИНОВ
«БЛИЗКИЕ ЛИЦА» И «БЛИЗКИЕ РОДСТВЕННИКИ»
В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

I. R. Khamziaeva

Kazan, Russia

**LINGUISTIC ASPECTS OF THE INTERPRETATION
OF THE TERMS "CLOSE PERSONS" AND "CLOSE RELATIVES"
IN RUSSIAN LEGISLATION**

Аннотация. Подвергаются анализу нормы права, содержащие указания на близких лиц и близких родственников, их дефиниции. Выявляются проблемы и предлагаются возможные пути их решения.

Ключевые слова: юридический термин, близкие лица, близкие родственники.

Abstract. The norms of law containing references to close persons and close relatives, as well as their definitions have been analyzed. The problematic issues are identified and the possible solutions are proposed.

Keywords: legal term, close persons, close relatives.

Правовой статус близких лиц и близких родственников в действующем российском законодательстве четко не определен. Данные категории содержатся в нормативно-правовых актах различных отраслей права.

В ст. 51 Конституции РФ оговаривается, что круг близких родственников определяется федеральным законом, но каким именно – не указывается.

Среди федерального законодательства наиболее лаконичным является Гражданский процессуальный кодекс РФ, который в ст. 281 в качестве близких родственников указывает только на родителей, детей, братьев, сестер.

Для целей Уголовно-процессуального кодекса РФ в ст. 5 под близкими родственниками понимаются супруги, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки. В норме также приводится определение близких лиц, которыми, за исключением близких родственников и родственников, являются, лица, «состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений» [Федеральный закон № 174-ФЗ от 18.12.2001].

Таким образом, близкие родственники уголовно-процессуальным законодательством к близким лицам не относятся. Но жизнь, здоровье и благополучие близких родственников, как правило, дороги лицу именно в силу сложившихся личных отношений. Полагаем, что справедливо отнести близких родственников к близким лицам.

Ст. 14 Семейного кодекса РФ не допускает заключение брака между близкими родственниками: родителями, детьми, дедушкой, бабушкой, внуками, полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами. Налоговое законодательство (ст. 208 Налогового кодекса РФ) при оперировании понятием «близкие родственники» ссылается на Семейный кодекс РФ.

В УК РФ понятие близкого родственника и близкого лица для целей Кодекса не приводится. До внесения изменения в УК РФ от 7 февраля 2017 г. в примечании к ст. 116 для целей статьи раскрывался перечень близких лиц, включавший близких родственников: супругов, родителей, детей, усыновителей, усыновленных (удочеренных) детей, родных братьев и сестер, дедушек, бабушек, внуков, и иных близких лиц: опекунов, попечителей, лиц, состоящих в свойстве с лицом, совершившим деяние и лиц, ведущих с ним общее хозяйство. Следует отметить, что признание лиц близкими на основе установления только факта ведения общего хозяйства вызывает некоторые сомнения. С течением времени лица, являющиеся близкими в силу ведения общего хозяйства, могут данное ведение прекратить, но близость отношений не утратить. Так дядя и воспитанный им взрослый племянник, официально не находившиеся в отношениях опеки или попечительства, при дальнейшем раздельном проживании, скорее всего, останутся близкими друг для друга людьми, жизнь, здоровье и благополучие которых будут взаимно важны. Полагаем, что наличие общего хо-

зайства необоснованно сужало перечень лиц, являющихся близкими, исключая в процессе доказывания по уголовным делам значимый факт личных взаимоотношений между людьми.

После внесения изменений в УК РФ, примечание к ст. 116 утратило силу, в связи с чем перечень близких лиц был полностью изъят из уголовного законодательства.

В примечании к ст. 205⁶ УК РФ, где оговорено, что «лицо не подлежит уголовной ответственности за несообщение о подготовке или совершении преступления его супругом или близким родственником». Содержание примечания указывает на соблюдение законодателями норм морали, соотносящихся со ст. 51 Конституции РФ, согласно которой «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников». Помимо ст. 205⁶, в законодательном акте имеются также нормы о декриминализации деяний в случае отказа лица от дачи показаний против своего супруга или близкого родственника (ст. 308 УК РФ) или заранее не обещанного укрывательства особо тяжкого преступления, совершенного супругом или близким родственником (ст. 316 УК РФ). Но перечень лиц, относящихся к близким родственникам, в этих статьях не раскрывается.

В нормах действующей редакции УК РФ, как правило, имеется указание на близких: статьи 63, 105, 111, 112, 115, 117, 119, 144, 163, 179, 295, 296, 309, 311, 317, 318, 320, 321. Однако перечень близких в статьях не раскрывается и не указывается, какую из категорий: близких родственников или близких лиц, следует учитывать. Разъяснение этому дает судебная практика. Так, в п. 5 постановления Пленума Верховного суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» близкими являются близкие родственники (супруги, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки), родственники (иные лица, состоящие в родстве с потерпевшим) и также лица, состоящие в свойстве с потерпевшим или лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений.

Медицинское право также оперирует понятием близкий родственник. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в своих статьях указывает на супруга (супругу) или одного из близких родственников (детей, родителей, усыновленных, усыновителей, родных братьев и родных сестер, внуков, дедушек, бабушек). Кроме того, в законе часто используются словосочетания иное лицо, иной член семьи или законный представитель пациента, но их понятия не раскрываются.

Постановлением Конституционного суда РФ от 13 января 2020 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р. Д. Свечниковой» некоторые статьи вышеуказанного Федерального закона признаны не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования неопределенность их нормативного содержания не позволяет определить условия и порядок доступа к медицинской документации умершего пациента его супруга (супруги), близких родственников (членов семьи) и (или) иных лиц, указанных в его информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство.

Таким образом, для целей российского законодательства значимые перечни близких лиц и близких родственников отсутствуют, а имеющиеся в действующем законодательстве лишены единообразия. Данная ситуация может негативно сказываться на правоприменительной практике.

Кроме того, нередки ситуации, когда не только законные родственники являются близкими для лица людьми, но и иные категории граждан играют первостепенную роль в его жизни. Например, лица, длительное время проживающие совместно, состоящие в фактических семейных отношениях и имеющие общих детей, но не зарегистрировавшие свои отношения в органах ЗАГС, согласно российскому законодательству, родственниками не являются. Но, несомненно, значение жизни, здоровья, интересов друг друга для данных лиц велико.

Рассматривая отношения близких лиц на примере семейных отношений следует также обратиться к судебной практике. Верховный суд РФ исходит из того, что данные отношения характеризуются «взаимным уважением и взаимной заботой членов семьи, их личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, общими интересами, ответственностью друг перед другом, ведением общего хозяйства» [Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 02.07.2009].

Исходя из положений ст. 205⁶ УК РФ, женщина, узнав о подготовке террористического преступления мужчиной, с которым она имеет фактические семейные отношения, проживает длительное время и ведет совместное хозяйство, обязана сообщить об этом в органы власти. Хотя, нормы нравственности в рассмотренном примере свидетельствуют, что независимо от официальной регистрации брака, данные лица де-факто являются близкими лицами, благополучие которых дорого друг другу в силу сложившихся личных отношений.

Следует отметить, что доля незарегистрированных браков в России имеет тенденцию к увеличению: в 2002 г. около 10 % супружеских пар проживали без официальной регистрации отношений [Петрова 2009, 10 : 202], в 2010 г. – около 13 % [Миронова 2014, 3 : 55], в 2014 г. – более 16 % [Россия в цифрах 2014].

На основе анализа действующего законодательства, полагаем, что качестве близких лиц следует закрепить близких родственников (супругов, родителей, детей, дедушку, бабушку, внуков, полнородных и неполнородных (имеющих общих отца или мать) братьев и сестер, усыновителей, усыновленных (удочеренных) детей) и иных близких лиц (опекунов, попечителей и лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги лицу в силу сложившихся личных отношений).

Библиографический список

1. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 02.07.2009 // Российская газета. – 2009. – 8 июля. – № 123.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон № 174-ФЗ от 18.12.2001 : [в ред. от 01.04.2020 № 100-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
3. Миронова, Ю. Г. Сожительство как альтернативная форма семейно-брачных отношений в современном российском обществе / Ю. Г. Миронова, Н. А. Тырнова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2014. – № 3. – С. 54–60.
4. Петрова, Л. Н. Незарегистрированные браки и их социальные последствия / Л. Н. Петрова // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2009. – № 10. – С. 202–207.
5. Россия в цифрах. Семья и дети // Россия 24. – 2014. – 12 февраля. – URL: <http://www.vesti.ru/videos/show/vid/575962/cid/360/www.vesti.ru/www.vesti.ru/doc.html?cid=5&id=2402706#> (дата обращения: 21.03.2020).

Ж. В. Хацук

Гродно, Республика Беларусь

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНА «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ» В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Zh. V. Khatsuk

Grodno, Republic of Belarus

LEGAL DEFINITION OF THE TERM "ECONOMIC CRIME" IN INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

Аннотация. Отмечается, что общепризнанное понятие «экономические преступления» как в доктрине международного и внутригосударственного уголовного права, так и в законодательстве отсутствует, несмотря на его широкое использование и употребление в научном обороте. Анализируются точки зрения известных авторов и законодательство по данному вопросу. Уделяется внимание негативным факторам, влияющим на динамику роста экономической преступности.

Ключевые слова: экономическая преступность, международные преступления, уголовное право, посягательство, ущерб, уголовная ответственность.

Abstract. The article notes that the concept "economic crime" is not enshrined either in international and domestic criminal law, or in legislation in general, despite its widespread use in science. The article analyzes the opinions of scientists and legislation on this issue. The author pays attention to negative factors influencing the growth of economic crime.

Keywords: economic crime, international crimes, criminal law, encroachment, damage, criminal liability.

Повышенная общественная опасность экономической преступности как на внутригосударственном, так и на международном уровне, заключается в ее негативном влиянии на институты общества, нарушения установленного порядка функционирования материальной основы государства – экономики.

Для того, чтобы раскрыть понятие «экономическая преступность в международном уголовном праве», на наш взгляд, следует рассмотреть, что понимается под экономической преступностью вообще.

Охрана экономических отношений от преступных посягательств занимает важное место среди задач, стоящих и перед белорусским уголовным законодательством. Сегодня основные функции в этом направлении выполняет раздел VIII «Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности» Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) [Уголовный кодекс РБ от 09 июля 1999 г. № 275-З]. Глава 25 «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности»), устанавливает специфику ответственности за посягательства против порядка осуществления экономической деятельности.

Необходимо отметить, что общепризнанное понятие «экономические преступления» как в доктрине международного и внутригосударственного уголовного права, так и в законодательстве отсутствует, несмотря на его широкое использование и употребление в научном обороте.

В то же время, в научной и учебной литературе встречаются такие термины как: «международные преступления в сфере экономики», «международные экономические преступления», «экономическая преступность в международном уголовном праве», «международные преступления против порядка осуществления экономической деятельности», и прочее.

Довольно часто указанные словосочетания употребляются как синонимы и не несут какой-либо особой семантической нагрузки. Вместе с тем, делают попытки доказать неидентичность указанных терминов и одновременно подчеркнуть разную их природу.

Термин «экономическое» имеет общественно-полезную направленность и является достоянием всех членов общества, подчинено общенародным интересам, господствующей системе ценностей и общественно желаемому результату – производству товаров и услуг для удовлетворения потребностей общества.

С точки зрения уголовно-правовой науки особых проблем с отнесением преступлений к категории экономических нет. Это предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, совершаемые в сфере экономической деятельности субъектов любой формы собственности, посягающие на общественные экономические отношения. Например, УК к экономическим относит преступления, предусмотренные двумя главами: против собственности и против порядка осуществления экономической деятельности.

Критерием отнесения тех или иных преступлений к экономическим в уголовном праве служит родовый объект, который определяется как отношения по поводу использования, владения и распоряжения имуществом и порядок осуществления экономической деятельности.

Ученые считают, что экономические преступления включают противоправные деяния, направленные на нарушение отношений собственности и существующего порядка осуществления хозяйственной деятельности [Егоршин 2000, 1: 309]. Эти преступления причиняют или угрожают причинением ущерба собственнику, иному владельцу имущества, а равно субъектам хозяйственной деятельности (будь это граждане, организации или государство), нарушают права и законные интересы участников экономических отношений.

Иной позиции придерживается О. В. Дмитриев, по мнению которого экономические преступления могут посягать и на экономическую безопасность государства. Более того, защита экономической безопасности государства в принципе должна быть главным приоритетом при конструировании экономических преступлений [Дмитриев 2005, 1: 47].

Говоря об экономической преступности, следует говорить о той экономической деятельности, которая осуществляется с использованием незаконных методов получения прибыли, а именно о незаконном обогащении субъектов экономических преступлений. При таком подходе под экономической преступностью следует понимать экономическую деятельность, осуществляемую в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности его субъектами с использованием противозаконных методов и преследующую цель достижения незаконного обогащения [Колесников 1994, 1: 173].

Таким образом, с правовой точки зрения, под экономическим преступлением следует понимать предусмотренное уголовным законодательством, общественно опасное виновное действие или бездействие, которое совершил субъект преступления, и посягающее на экономические отношения, чем наносит значительный материальный ущерб физическому или юридическому лицу, обществу или государству. Те преступления, которые не касаются экономических отношений, хотя и совершаются на экономической почве, не могут быть отнесены к категории экономической преступности.

Часто, ученые к экономической преступности относят преступления против собственности. Например, Е. Л. Стрельцова отмечает, что данные преступления действительно происходят в связи или по поводу функционирования экономических отношений, они наносят ущерб экономике, выражается или в уменьшении имеющегося фонда материальных ценностей государственного или иного владельца, или в нарушении функционирования отдельных хозяйственных отраслей или хозяйственных процессов и т.п. [Стрельцов 1997, 1: 111]. Также, одно из последствий экономического преступления – уменьшение наличного фонда материальных ценностей – представляет собой нарушение нормального функционирования отношений собственности, и наоборот, преступления против собственности обычно ведут к негативным последствиям в области экономической деятельности.

Из вышеуказанного следует, что преступления против собственности представляется возможным отнести к категории экономических преступлений только в части, когда объектом преступного посягательства является собственность предприятий, учреждений, организаций или такая частная или иная форма собственности, которая задействована в процессе экономической деятельности субъекта. Посягательство на личное (индивидуальное) имущество граждан не наносят вреда хозяйственным (экономическим) отношениям, поэтому такие преступления являются «общеуголовными».

И все же узкая трактовка понятия экономических преступлений предполагает отождествление экономической преступности лишь с ограниченным количеством преступлений, объединенных общими родовыми признаками. Так, часто экономическая преступность рассматривается только как преступность против порядка осуществления экономической деятельности.

Преступления против порядка осуществления экономической деятельности посягают на основное звено в механизме регулирования общественных отношений в экономике – экономическую деятельность. В данной области государство устанавливает особые правила поведения субъектов и регулирует этот процесс посредством предписаний императивного характера.

Если мы с категорией «экономическая преступность» практически определились, теперь, на наш взгляд необходимо рассмотреть «международную составляющую» данного вида преступлений.

Толкование термина «международные преступления» в широком смысле будет охватывать все преступления, которые вызывают возникновение правового интереса международного уровня социально опасное деяние, которое на уровне национального и международного права запрещено.

По мнению Г. Верле, деяние является преступлением по международному праву, если оно отвечает трём условиям:

- такое деяние влечет индивидуальную уголовную ответственность и является наказуемым;
- норма, устанавливающая уголовную ответственность, входит в систему международного права;
- деяние является наказуемым независимо от того, является ли оно преступлением по национальному праву [Международное уголовное право, 2016].

Таким образом, важным юридически значимым следствием установления международной преступности в сфере экономики является возникновение индивидуальной международной уголовной ответственности физических лиц, его совершивших. Ю. А. Решетов в свое время подчеркивал, что возникновение же

этой ответственности имеет глубокое нормативное значение и существенно изменяет характер процессуальных норм и принципов осуществления юрисдикции [Решетов 1983, 1: 224].

Международное преступление индивида – персонифицированное преступление государства и осуждение индивидуальной уголовной ответственности по международному праву – такое понятие международного преступления утвердилось в связи с созданием и деятельностью Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками Второй мировой войны. Оно было принципиально отличным от «национального» преступления. Концепция международно-правового преступления базируется на признании необходимости уголовно-правовой защиты основных общечеловеческих ценностей независимо от того, существуют ли соответствующие составы преступлений в национальном праве [Цоллер 1995, 1: 99].

И. А. Зими́на также подчеркивает, что «международные уголовные преступления» посягают одновременно как на международный, так и на национальный правопорядок, на мирное сотрудничество государств в области экономики, культуры, торговли, права и свободы человека, интересов юридических лиц и представляют общественную опасность для многих государств [Зими́на 2007, 1:67]. Аналогичного мнения придерживается Р. М. Валеев [Международное право, 2010].

Преступления международного характера – это деяния, предусмотренные международными договорами, не относящиеся к международным преступлениям, но посягающие на нормальные стабильные отношения между государствами, наносящие ущерб мирному сотрудничеству в различных областях отношений (экономической, социально-культурной, имущественной и т. д.), а также организациям и гражданам [Лукашук 2001, 1: 432]. Уголовное судопроизводство по делам о них относится к исключительной компетенции национальных правоохранительных органов и судов.

Итак, экономические преступления в международном уголовном процессе мы относим к преступлениям международного характера или общеуголовным преступлениям. Так, А. Е. Волеводз под данным видом преступлений понимает «деяния, наносящие ущерб экономическому развитию государств (фальшивомонетничество, легализация преступных доходов, коррупция и т.п.)» [Волеводз 2011, 1: 344]. По мере расширения круга международных договоров, осуществляется криминализация новых видов преступлений международного характера.

Таким образом, категорию международно-правовых экономических преступлений, или «экономических преступлений международного характера», составляют деяния, которые криминализированы международным правом и потенциально подпадающие под международную уголовную юрисдикцию. Преступлениями международного характера в сфере экономики считаются общественно-опасные деяния, которые предусмотрены международными договорами и посягающие на нормальные отношения между государствами и наносящие ущерб мирному сотрудничеству в сфере экономики, ответственность за которые наступает на основе норм международного права, но в соответствии с национальным законодательством.

Причины совершения корыстных международных преступлений в сфере экономики носят как объективный, так и субъективный характер.

Условно обстоятельства, способствующие относительной распространенности и живучести антиобщественного экономического поведения на международном уровне можно разделить на 2 группы: организационно-хозяйственные и социально-психологические.

Первая группа охватывает такие наиболее существенные обстоятельства, как расходы экономической политики, недостатки действующей системы контроля, отставание правотворческой деятельности от потребностей хозяйственной практики и прочее.

Вторая группа обстоятельств связана с недостатками правовоспитательной работы, с общей неподготовленностью населения и, особенно, среднего управленческого звена к решению сложных экономических задач. Обе группы обстоятельств переплетаются, создавая общий неблагоприятный фон в экономике.

Процессы глобализации и интеграции, происходящие в современной мировой экономике, оказывают непосредственное воздействие на состояние преступности в сфере экономики. Наблюдаются интернационализация преступности, усложнение схем совершения преступных деяний и, как следствие, – трудности при их выявлении и раскрытии.

Влияние на развитие международной экономической преступности оказало внедрение информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности общества и формирование глобального информационного пространства.

Также, Окинавская хартия глобального информационного общества закрепляет, что «...информационные телекоммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI в. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества. Информационно-коммуникационные технологии быстро становятся важным стимулом развития мировой экономики» [Окинавская хартия глобального информационного общества, 2000].

В то же время, информационно-коммуникационные технологии активно используются для совершения «новых» и традиционных преступлений, а также сами становятся объектом преступных посягательств. Например, компьютерное мошенничество – преднамеренное, незаконное причинение ущерба имуществу другим лицом посредством любого вмешательства в работу компьютерной системы с целью мошенничества или нечестного намерения получить экономические выгоды для себя или другого лица.

В состав других негативных факторов, обуславливающих указанные тенденции в динамике роста уровня экономической преступности, относятся:

а) потеря в целом организующего влияния государства на функционирование системы предупреждения преступности в новых социально-экономических условиях рыночной трансформации общества, недостатки государственного регулирования управления системой предотвращения преступности в сфере хозяйственной деятельности;

б) наличие в определенных случаях уголовных связей между должностными лицами субъектов хозяйственной деятельности и должностными лицами органов государственной власти и управления;

в) недостатки действующего законодательства, которое не обеспечивает в полной мере потребности отдельного периода развития общества, характеризуется значительной множественностью нормативных актов и противоречиями между ними;

г) существенные недостатки в работе правоохранительных и контролирующих органов по противодействию преступности в сфере хозяйствования, недостаточность профилактического направления деятельности;

д) недостаточная научная разработка актуальных проблем противодействия преступлениям в сфере хозяйственной деятельности.

Библиографический список

1. Волеводз, А. Г. Международные правоохранительные организации : учеб. пособие / А. Г. Волеводз. – Москва : Проспект, 2011. – 344 с.
2. Дмитриев, О. В. Понятие экономической преступности в современной криминологии / О. В. Дмитриев // Адвокатская практика. – 2005. – № 4. – С. 45–51.
3. Егоршин, В. М. Преступления в сфере экономической деятельности / В. М. Егоршин, В. В. Колесников. – Санкт-Петербург, 2000. – 309 с.
4. Зими́на, И. А. Исторический анализ института международного сотрудничества в борьбе с преступностью / И. А. Зими́на, И. А. Мурашкин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2007. – № 527. – С. 56–67.
5. Колесников, В. В. Экономическая преступность и рыночные реформы : политико-экономические аспекты : монография / В. В. Колесников. – Санкт-Петербург : СПбУЭФ, 1994. – 173 с.
6. Лукашук, И. И. Международное право. Особенная часть : учебник / И. И. Лукашук. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2001. – 432 с.
7. Лукашук, И. И. Международное уголовное право / И. И. Лукашук, А. В. Наумов. – Москва : Спартак, 1999. – 287 с.
8. Международное право. Особенная часть : учеб. для вузов / отв. ред. проф. Р. М. Валеев и проф. Г. И. Курдюков. – Москва : Статут, 2010. – 624 с.
9. Международное уголовное право : учебник / под ред. Х. С. Исламходжаева. – Ташкент : ТГЮУ, 2016. – 246 с.
10. Окинавская хартия глобального информационного общества : [совершено о. Окинава, 22.07.2000]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901770887> (дата обращения: 04.03.2019).
11. Решетов, Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности / Ю. А. Решетов. – Москва : Международные отношения, 1983. – 224 с.
12. Стрельцов, Е. Л. Экономическая преступность в Украине : курс лекций / Е. Л. Стрельцов. – Одесса : АО БАХВА, 1997. – 572 с.
13. Уголовный кодекс Республики Беларусь : № 275-З 09.07.1999 : [принят Палатой представителей 02.06.1999 : одобр. Советом Респ. 24.06.1999] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
14. Цоллер, Э. Статус физических лиц в международном праве / Э. Цоллер // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма; отв. ред. И. А. Ледях, И. И. Лукашук. – Москва : Изд-во ИГиП РАН, 1995. – С. 96–99.

Направление 3

КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА И КОМПЬЮТЕРНЫЕ МЕТОДЫ ОБРАБОТКИ ЯЗЫКА ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ЮРИСЛИНГВИСТИКИ

Е. Б. Козеренко, К. И. Кузнецов, Д. А. Романов, Н. О. Тимонина

Москва, Россия

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ОБРАБОТКА ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ: ВЫЯВЛЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО СХОДСТВА НА ОСНОВЕ ПРОЦЕССОРА PullEnti¹

E. B. Kozerenko, K. I. Kuznetsov, D. A. Romanov, N. O. Timonina

Moscow, Russia

INTELLIGENT LEGAL DOCUMENT PROCESSING: REVEALING SEMANTIC SIMILARITY BASED ON PULLENTI PROCESSOR

Аннотация. Представляется методика реализации систем извлечения знаний из текстов на естественном языке на примере обработки юридических документов. Разработка основана на подходе, главным инструментом которого является программный пакет PullEnti, обеспечивающий выделение сущностей определенных типов из текстов естественного языка (персон, организаций, локаций и других целевых семантических объектов). Пакет PullEnti включает алгоритмы морфологического и семантико-синтаксического анализа; используются динамически подключаемые компоненты (плагины), что позволяет без перекомпилирования активировать различные функциональные возможности. В процессе анализа выделяются семантические единицы (токены), которые представляют собой типизированные фразы: текстовые, числовые и т.д. Приводятся примеры работы системы «Правовая Экспертиза» и других реализованных проектов на основе PullEnti.

Ключевые слова: семантическое моделирование, извлечение именованных сущностей, автоматизированные системы извлечения знаний, семантический поиск, правовая экспертиза.

Abstract. This article presents a method of implementing systems to extract knowledge from natural language texts using the example of legal document processing. The development is based on an approach, the main tool of which is the PullEnti software toolkit which provides the extraction of entities of certain types from natural language texts (persons, organizations, locations, and other target semantic objects). The PullEnti package includes morphological and semantic – syntactic algorithms, dynamically plug-in components (plug-ins) are used, allowing for the activation of various functionalities without recompiling. The analysis highlights semantic units (tokens) that are typed phrases: text, numerical, etc.

Keywords: semantic modeling, named entities recognition, automated knowledge extraction systems, semantic search, legal expertise.

1. Введение

Проблема семантического анализа текстовой информации является чрезвычайно актуальной для различных задач обработки знаний в сфере юридической науки и практики. Основная цель исследований и разработок авторов данной статьи – создание оптимальной методики логико-статистического моделирования механизмов целевого семантического анализа в информационных системах, выполняющих функции извлечения знаний, поддержки аналитических решений в том числе в среде нескольких естественных язы-

¹ Статья подготовлена по результатам проекта РФФИ № 18-012-00220 А

ков. Для решения полного спектра задач обработки естественного языка создаются лингвистические процессоры различной конфигурации. Центральным компонентом лингвистических процессоров является инструментальный пакет (Software Development Kit – SDK) PullEnti. В системе PullEnti используются динамически подключаемые компоненты (плагины), что позволяет без перекомпилирования запускать различные функциональные возможности. Именно таким образом активируется блок семантического анализа. Это SDK для разработчиков информационных систем, имеющих дело с неструктурированными данными – текстами на естественном языке. Имеются функционально эквивалентные библиотеки с исходными кодами на C# (.NET Framework 4.0+ и Core 2.0+), Java, JavaScript (Node.js) и Python 3.

В процессе анализа выделяются семантические единицы (токены), которые представляют собой типизированные фразы, такие как текстовые, числовые и т.д. Например, в результате анализа фразы "В 2017 году" будут выделены три токена: "В" – текстовый, "году" – текстовый, "2017" – числовой. Такие токены можно назвать простыми. Кроме этого, выделяются метатокены – сложные токены, которые объединяют несколько простых токенов, например, существительные с определителями, скобки, кавычки и т.п.

В системе существует пополняемый статический словарь терминов. В нее можно добавлять термины и затем проверять их наличие в тексте. Кроме этого, в системе можно формировать динамически подобные словари на основе анализа текста.

При анализе текста создается аналитический контейнер, в который помещаются выделяемые сущности, токены в определенной последовательности, статистические данные и т.д.

Для решения поставленных задач проведены эксперименты с различными грамматическими формализмами, в том числе с грамматикой категориального типа. Проведено сравнительное исследование методов семантического [McCarthy 2004] и синтаксического анализа [Montague 1974], [Shaumyan 2003], представления знаний [Kuznetsov 2009], [Kuznetsov 2011], классификации применительно к лингвистическим задачам [Clark 2007], [Curran 2004], [Dempster 1977], [Lund 1996], [Pang 2003]; выработан эффективный метод отображения вектора естественно-языковых структур в расширенное пространство признаков для классификации новых языковых объектов и структур; сформирована фокусная выборка параллельных текстов деловых и научных документов на русском и английском языках по различным отраслям науки и техники; сформирована расширенная система новых категорий для повышения изобразительных возможностей двуязычной грамматики. Разработаны алгоритмы автоматического выравнивания параллельных текстов для развития грамматических компонент систем обработки знаний в многоязычном режиме [Kozerenko 2012].

При разработке большое внимание уделено качеству атрибутов выделяемых сущностей и их падежной нормализации. Упор сделан на русский язык, многие сущности выделяются и на украинском языке. Проводятся работы по настройке на английский язык.

Основной результат исследований – модель лингвистической составляющей интеллектуальных информационных систем, работающих в многоязычном пространстве для поиска информации, обеспечения оптимальных аналитических и управленческих решений для сфер деятельности с интенсивным использованием данных. Одна из основных сфер приложения результатов – обработка текстов юридической тематики.

2. Система «Правовая экспертиза»

Система «Правовая экспертиза» предназначена для автоматизации процесса проведения экспертизы проектов нормативно-правовых актов (НПА), организационно-распорядительных документов, договоров и других документов. Система значительно упрощает процесс проведения правовой экспертизы и сокращает его сроки, выполняя рутинные операции и кардинально снижая затраты рабочего времени квалифицированных юристов. Система «Правовая экспертиза» автоматически, за несколько секунд поможет, например, установить:

- не содержатся ли в проверяемом документе ссылки на нормативные правовые акты, которые утратили силу;
 - нет ли в проверяемом документе фрагментов других документов, не возникает ли избыточное дублирование нормативной документации;
 - соответствует ли оформление и структура документа установленным в организации правилам;
3. Нет ли ошибок в оформлении цифровой информации в договоре, соответствуют ли друг другу суммы, указанные цифрами и прописью, правильно ли рассчитан НДС и т.п.

Настраиваемые правила позволяют проверить соответствие требованиям юридической техники; поиск похожих и противоречащих фрагментов снижает риск появления правовых пробелов и коллизий; автоматическое формирование отчёта и исправление части замечаний сокращает время экспертизы; поиск недопустимых слов и словосочетаний облегчает проведение антикоррупционной экспертизы; автоматическая расстановка гипертекстовых ссылок между документами помогает сформировать и поддерживать в актуальном состоянии базу внутренних правовых документов организации.

В 2009 году по заказу Министерства Внутренних дел РФ создана и внедрена первая версия системы «Правовая экспертиза»; 2010–2012 год – развитие технологий работы с правовой информацией велось в рамках совместного проекта компании АйТи и НИУ «Высшая Школа Экономики»; 2013 год – старт продаж тиражного продукта для широкого круга заказчиков; 2014 год – продвижение решений в области аналитической обработки неструктурированной информации.

Важнейшей функцией является контроль ссылок на нормативные правовые акты: правило «Ссылки на НПА» обеспечивает контроль взаимосвязи текста документа с ранее принятыми документами, отсутствия следования утратившим силу документам, проверку внутренней системы ссылок документа. Ссылки

на другие НПА выделяются в тексте и оформляется гиперссылкой, по которой можно перейти к тексту документа. Правило «Ссылки на НПА» может проверять наличие в ссылке указания на источники публикаций НПА, правило поддерживает работу с различными редакциями НПА, автоматически обнаруживаются ссылки на НПА и их фрагменты, которые утратили силу.

Система обеспечивает контроль дублирования правовых норм: для проверяемого документа можно найти в проиндексированной базе внутренних или внешних документов все совпадающие текстовые фрагменты, все похожие текстовые фрагменты, все фрагменты, в которых возможен смысловой конфликт. Система выделяет цветом все тождественные, похожие и конфликтующие области текста, что позволяет быстро обнаруживать правовые коллизии. Можно сравнивать между собой разные редакции одного и того же документа.

«Правовая экспертиза» находит одинаковые, похожие или противоречащие фрагменты в других документах. Расхождения в тексте фрагментов наглядно выделяются цветом. Поиск похожих фрагментов позволяет обнаруживать правовые пробелы и коллизии и не допускать их появления в проектах НПА. Решение принимает сам юрист, система – это только инструмент в его руках.

Примеры проектов: МВД России, решаемые задачи:

- сбор и агрегирование предложений по совершенствованию законодательства, регламентирующего деятельность органов внутренних дел ;
 - помощь в поиске правовых пробелов и коллизий;
 - информационная поддержка – ведение банков данных научных работ и диссертаций по различным отраслям права;
 - правовая экспертиза (в том числе антикоррупционная экспертиза) проектов нормативных правовых актов
- Решение;

Создание и внедрение системы правового мониторинга (АИС «Мониторинг») и системы правовой экспертизы (АИС «Мониторинг-М»), результаты проекта:

- система находится в промышленной эксплуатации с 2009 года;
- более 700 пользователей во всех регионах России;
- ежегодно регистрируется и рассматривается более 1300 предложений по совершенствованию законодательства;
- существенное повышение эффективности работы с правовыми документами.

3. Семанτικο-ориентированный лингвистический процессор на основе PullEnti

Семанτικο-ориентированный лингвистический процессор решает задачу извлечения структурированной информации из текстов на русском, украинском и английском языках. Ядром процессора является программный пакет PullEnti, включающий алгоритмы морфологического и синтаксического анализа, который позволяет выделять сущности определенных типов из текстов естественного языка (персоны, организации, локации и другие семантические объекты). «Именованная сущность» – это объект, содержащий набор значений атрибутов, отличающий его от других объектов этого же типа. В тексте находятся именованные сущности и устанавливаются семантические связи между ними, при этом учитывается возможность обозначения одной сущности несколькими способами (синонимия). Всё множество сущностей, выделенных из текста или нескольких текстов, представляет собой ориентированный граф.

Предварительный этап обработки текстов включает в себя морфологический и синтаксический анализ. При морфологическом анализе текст разбивается на словоформы, также называемые токенами (от англ. token – пример использования лингвистической единицы в тексте). Основными наследными классами базового класса Token являются TextToken и MetaToken. TextToken – это исходный фрагмент текста, содержащий результат морфологического анализа. TextToken ссылается на MorphToken, содержащий все морфологические варианты разбора. MetaToken – это группа токенов, соответствующих одной синтаксической или семантической группе. К классу метатокенов относятся NumberToken, представляющий число, и ReferentToken, представляющий сущность.

Вслед за морфологическим анализом проводится выделение именованных сущностей различных типов. Процессор извлекает из текстов объекты следующих типов: дата, временной период, территориальное образование, денежная сумма, телефон, URL, адрес, организация, транспорт, свойство персоны, персона, декрет, часть декрета. Каждому типу соответствуют свои свойства и связи с объектами других типов.

Базовым классом для сущностей является класс Referent. Тип сущностей задаётся классом Referent Class, наследным от Referent, который содержит набор атрибутов. Значение может быть как простым (строка, число), так и ссылкой на другую сущность. Помимо значений атрибутов, сущность содержит список ссылок на участки исходного текста, в которых эта сущность располагается. Для задач, в которых требуется обрабатывать множество текстов и хранить получаемые сущности, в процессоре используется базовый класс Repository Base, облегчающий реализацию хранилища сущностей. Место хранения сериализованных данных от сущностей определяется в наследном классе (например, это может быть реляционная СУБД или файловая система). Repository Base берёт на себя функции отождествления новых данных со старыми данными и поддержки непротиворечивости семантической сети.

Извлекаемая из текста информация должна быть адресной, потому из одного и того же текста можно извлекать совершенно различные виды информации, характерные для конкретной предметной области. В результате анализа текстовой информации выделяются типизированные объекты предметной области.

Программа PullEnti стала основой для построения множества систем: «Правовая экспертиза», «Доктор Ватсон», система поиска экспертов, процессор «BRef» и другие. «Доктор Ватсон» предназначена для исследования массивов текстовой информации с целью выявления сущностей и связей между ними. При этом, пользователь может добавить недостающие сущности и связи (которые не были выделены программой), настроить выдаваемую информацию, сформировать отчет о результатах работы программы. Данная программа может использоваться в таких сферах деятельности, как криминалистика, конкурентная разведка, маркетинг, реклама, безопасность. Результаты работы программы могут быть представлены в виде графа (вкладка «Диаграммы»), см. рис. 1. В отчете выводятся обнаруженные объекты (персоны, организации, локации, атрибуты), их связи в виде, удобном для анализа.

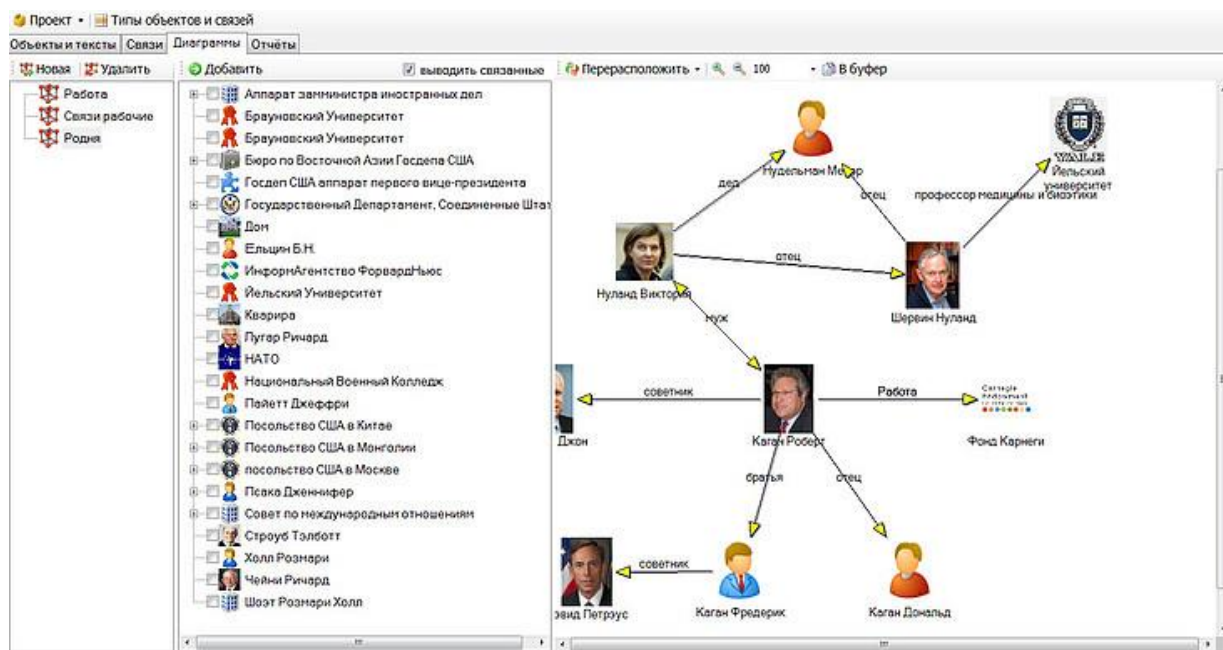


Рис. 1. Графическое представление результатов программы «Доктор Ватсон»

Лингвистический процессор PullEnti под псевдонимом Pink на соревновании FactRuEval конференции Диалог-2016 занял первые места на большинстве дорожек [FACTRUEVAL 2016:]. Соревнование проводилось на следующих дорожках:

- определение в тексте границ именованных сущностей, таких как персона, организация, локация;
- выделение именованных сущностей с определением атрибутов в нормализованном виде. Для персон это фамилия, имя и отчество. Для организаций и локаций – нормализованное название;
- 1. извлечение фактов (например: “встреча”, “покупка”, ...) и наборов строковых полей (например: “участник встречи 1”, “участник встречи 2”, “место встречи”, “дата/время начала встречи”, ...).

Реализован процессор обработки ссылок и списка литературы BREF, который позволяет по выделенной информации построить Граф Цитирования и Граф Соавторов, отражающие формальные связи в коллекции документов.

4. Заключение

Лингвистические процессоры на основе программа PullEnti могут быть использованы в различных областях, в которых информация представлена в текстовом виде. Особенно это важно в тех случаях, когда необходимо выделять важную информацию из большого потока документов на естественном языке. Очень хорошо данная технология работает в задачах кластеризации текстов по определенным признакам. При этом, существует возможность автоматической настройки программы на требования пользователя.

SDK Pullenti разрабатывается на C#, но распространяется в виде исходных кодов на C#, Java, Python и Javascript, для получения которых разработан специальный конвертер кодов. Этот конвертер генерирует функционально эквивалентный код, что подтверждается многочисленными автотестами, которые также конвертируются и корректно обрабатываются на конечных языках. Система бесплатна для некоммерческого использования. Для коммерческого использования покупается лицензия на SDK с техподдержкой и без ограничений по времени и на число конечных пользователей/инсталляций.

Библиографический список

1. Clark, S. Combining symbolic and distributional models of meaning / S. Clark, S. Pulman // Proceedings of AAAI Spring Symposium on Quantum Interaction. – AAAI Press, 2007. – URL: <http://www.cl.cam.ac.uk/~sc609/pubs/aaai07.pdf>
2. Curran, J. R. From Distributional to Semantic Similarity: PhD thesis / J. R. Curran. – Edinburgh : University of Edinburgh, 2004.

3. Dempster, A. P. Maximum likelihood from incomplete data via the EM algorithm / A. P. Dempster, N. M. Laird, D. B. Rubin // *Journal of the Royal Statistical Society. Ser. B.* – 1977. – Vol. 39, № 1. – P. 1–22.
4. FACTRUEVAL 2016: Evaluation of Named Entity Recognition and Fact Extraction Systems for Russian. – URL: <http://www.dialog-21.ru/media/3430/starostinaetal.pdf>
5. Kozerenko, E. B. Parallel Texts Alignment Strategies / E. B. Kozerenko // *WORLDCOMP'12* (Las Vegas, Nevada, USA, 18–21 July 2012) : Proceedings of ICAI'12. – Las Vegas : CSREA Press, 2012. – Vol. II. – P. 945–951.
6. Kuznetsov, I. P. Intelligent System for Entities Extraction (ISEE) from Natural Language Texts / I. P. Kuznetsov, E. B. Kozerenko, K. I. Kuznetsov, N. O. Timonina // *Proceedings of the International Workshop on Conceptual Structures for Extracting Natural Language Semantics – Sense'09*, at the 17 International Conference on Conceptual Structures (ICCS'09), University Higher School of Economics / Uta Priss, Galia Angelova (eds.). – Moscow, Russia, 2009. – P. 17–25.
7. Kuznetsov, I. P. Intelligent extraction of knowledge structures from natural language texts / I. P. Kuznetsov, E. B. Kozerenko, A. G. Matskevich // *2011 IEEE/WIC/ACM International Joint Conferences on Web Intelligence and Intelligent Agent Technology – Workshops WI-IAT 2011 : Proceedings.* – Moscow, 2011. – P. 269–272.
8. Lund, K. Producing high-dimensional semantic spaces from lexical co-occurrence / K. Lund, C. Burgess // *Behavior Research Methods, Instruments & Computers.* – 1996. – Vol. 28. – P. 203–208.
9. McCarthy, D. Finding predominant senses in untagged text / D. McCarthy, R. Koeling, J. Weeds, J. Carroll // *Proceedings of the 42nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (ACL-04).* – Barcelona, Spain, 2004. – P. 280–287.
10. Montague, R. Universal grammar / R. Montague // *Theoria.* – 1970. – Vol. 36. – P. 373–398. Reprinted in *Formal Philosophy: Selected papers of Richard Montague* / ed. R. H. Thomason. – New Haven : Yale University Press, 1974.
11. Pang, B. Syntax-based alignment of multiple translations: Extracting paraphrases and generating new sentences / B. Pang, K. Knight, D. Marcu // *NAACL'03: Proceedings of the 2003 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics on Human Language Technology.* – Edmonton, 2003. – Vol. 1. – P. 102–109.
12. Shaumyan, S. Categorical Grammar and Semiotic Universal Grammar / S. Shaumyan // *IC-AI'03: Proceedings of The International Conference on Artificial Intelligence.* – Las Vegas, USA : CSREA Press, 2003. – P. 623–629.

T. Popescu

Alba Iulia, Romania

CONCEPTUALISATIONS OF LEGAL TERMINOLOGY IN ECONOMIC JOURNALS. A CORPUS-ANALYSIS OF ENGLISH AND ROMANIAN

Т. Попеску

Альба Юлия, Румыния

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ. КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКОГО И РУМЫНСКОГО ЯЗЫКОВ

Abstract. The aim of this paper is to analyse the conceptualisation of legal terminology (law, legislation, regulation, justice) found in two corpora, in English and Romanian, gathered from economic articles published in general audience and financial broadsheets during the period 2002-2015, such as *The Economist*, *The Financial Times*, *The Guardian*, and *The Telegraph* for the English corpus; and *Adevărul Financiar*, *Business Magazin*, *Capital* and *Ziarul Financiar* for the Romanian corpus.

Keywords: law metaphors, legal terminology conceptualisation, business journalese.

Аннотация. Анализируется концептуализация юридической терминологии (право, законодательство, регулирование, правосудие), содержащейся в двух корпусах (на английском и румынском языках), собранных на основе экономических статей, опубликованных для широкой аудитории, и финансовых бюллетеней за период 2002–2015 гг., таких как *The Economist*, *The Financial Times*, *The Guardian* и *The Telegraph* для английского корпуса; и *Adevărul Financiar*, *Business Magazin*, *Capital* и *Ziarul Financiar* для румынского корпуса.

Ключевые слова: правовые метафоры, концептуализация юридической терминологии, деловая журналистская лексика.

1 Introduction

Of late, the widespread view of metaphors has been that of most powerful images, considered as “a device of poetic imagination and the rhetorical flourish – a matter of extraordinary rather than ordinary language” [Lakoff, & Johnson 1980: 3]. Moreover, metaphors are likely to be regarded as exclusively associated with linguistic structures, rather than with thinking and the mind. Contrary to the minimalist theory of metaphors, the by now famous cognitive linguist George Lakoff and psychologist Mark Johnson demonstrated that “metaphor is pervasive in everyday life, not just in language but in thought and action. Our ordinary conceptual system, in terms of which we both think and act, is fundamentally metaphorical in nature.” [Lakoff, & Johnson, 1980: 3]. According to the two, the function of metaphor in our mind is more important and further reaching than cognitive science had until then ascertained. Abstract thinking is essentially metaphorical – a metaphor is actually the projection of a schema (the source domain) onto another (the target domain).

The current paper is a short introduction into the way in which legal terminology is conceptualised in Romanian and English business journalese. The two corpora were created as part of a nationally funded research project (CNCS-UEFISCDI - Universals and variants of English and Romanian business metaphors. A corpus-based conceptual mapping of contemporary journalese, UVaBuMet, Code: PN-II-RU-TE-2014-4-2785, 2015-2017) and were collected during 2002-2015, from general audience and financial broadsheets.

The focus here will be on four important headwords from the semantic field of law, i.e. law, legislation, regulation, justice; an analysis of their vicinities and semantic combinations will be performed in order to identify the main conceptual metaphors that can be identified in the analysed corpora.

2 Literature Review

The first ever to delineate the notion of metaphor was Aristotle [transl. 1991:295 (1457b)], who, in his *Poetics*, defined it as the movement [epiphora] of an alien [allotrios] name from either genus to species or from species to genus or from species to species or by analogy. This definition, in Charteris-Black's opinion [2004] implies that metaphor entails a transfer of meanings. Four types of meaning transfer are actually considered: 1) from genus to species; 2) from species to genus; 3) from species to species; 4) transfer on grounds of analogy [Aristotle, transl. 1991:295 (1457b)]. The first two transfer categories are considered as synecdoche, while the third as metonymy and the fourth as metaphor. Synecdoche means either ‘part-for-whole’ or ‘whole-for-part’ representation, whereas me-

tonymy strictly describes the process of associations. Given the fact that both synecdoche and metonymy entail associations, they have both come to be referred to as metonymy (Knowles, & Moon 2006:48). Generally speaking, the above four types of transfer are now largely classified as metonymy and metaphor.

According to cognitive linguistics, the way in which we comprehend our experience of the world is assignable to the essence of our bodies and we systematise our embodied experience metaphorically. It follows naturally that language is highly metaphorical [Evans, & Green 2006:170]. Moreover, our embodied experience is fundamentally sensory-motored and is structured in image schemas. An image schema is ‘a recurrent pattern, shape, and regularity in, or of, these ongoing activities’ [Johnson 1987:29, as cited in Evans, & Green 2006]. Gibbs et al [2004] further contend that a large amount of ordinary human cognition is not embodied in terms of sentential and propositional information, it is grounded in and structured by different patterns of our bodily actions, perceptual interactions, and manipulations of objects. Such patterns represent experiential gestalts, in other words, image schemas emerging during sensorimotor activity “as we manipulate objects, seek orientation spatially and temporally, and direct our perceptual focus for various purposes.” [p.1192]

Lakoff and Johnson’s [1980] seminal work, *Metaphors we live by*, introduced the Conceptual Metaphor Theory, which is still influential nowadays. According to this theory, language reveals thoughts, more specifically, a series of mappings from the source domain (typically concrete, structured and physical) to the target domain (typically abstract, non-structured and non-physical).

Alice Deignan [2005:13, as cited in Popescu 2016:91] summarised the main tenets of Conceptual Metaphor theory as follows:

a) Metaphors structure thinking (conceptual metaphors form the background to our conceptual systems, rather than the foreground; “Our ordinary conceptual system, in terms of which we both think and act, is fundamentally metaphorical in nature.” (Lakoff, & Johnson 1980:4)

b) Metaphors structure knowledge (our own already existing and developing knowledge of the world, how we perceive it, both academically, through science and in our everyday life, through personal experience).

c) Metaphors are central to abstract language (as language itself is abstract in nature, we inherently tend to ease the cognitive tension of abstractisation by assimilating abstract entities to more concrete entities through metaphors).

d) Metaphors are grounded in physical experience (for example, metaphors referring to emotions are motivated by the bodily sensations we experience with those emotions).

e) Metaphors are ideological (metaphors display a certain interpretation of events and situation that is potentially, but unavoidably, biased). According to Hawkes, metaphors have a normative and reinforcing effect, “if [metaphors] seems to sometimes to shake the bars of our cage, it is often only to demonstrate how firmly, how comfortably these are fixed”. [1972:89, as cited in Deignan 2005:24].

3 Research Methodology

The process of metaphor identification summons the “ideational meaning”, through which one needs to determine whether metaphors can be detected in a text and if there exists some “tension between a literal source domain and a metaphorical target domain” [Charteris-Black 2004:35, as cited in Popescu 2016: 92]. On the other hand, Stefanowitsch [as cited in Chapeton 2010], speaks of three main strategies for extracting linguistic expressions: looking for source domain vocabulary; searching for target domain vocabulary and manual coding in the extraction of metaphorical expressions.

A quantitative analysis of conceptual metaphors related to law, legislation, regulation and justice was carried out using different online electronic software, such as electronic dictionaries, lexical datasets, concordancing software, thesauri, etc. Among the research instruments I used for the analysis of the two corpora were WordNet (lexical database of English), DEXonline (Online Romanian explanatory dictionary), Reference Thesaurus. For a more specific identification of concordances, I used the ConcApp software. Throughout the current paper, translation of Romanian texts is mine. In the identification of metaphors, I relied heavily on the MIP procedure, using a composite method for the identification of metaphorical linguistic expressions, based on keywords belonging to the target domain as well as manual search inside the two corpora.

4 Results and Interpretation

In the British corpus (625,497 words) I identified 186 instances with LAW as the head word. However, most of them referred to actual laws passed by governments and did not carry a metaphorical load. As for other words belonging to the same semantic field, I identified 54 instances of LEGISLATION, 145 of REGULATION and 60 of JUSTICE. In the Romanian corpus (625,670 words) I found 88 instances of LEGE, 51 occurrences of LEGISLAȚIE, 95 of REGLEMENTARE and 26 of JUSTIȚIE (with all their morphological variations).

THE APPLICATION OF LAW IS THE APPLICATION OF FORCE

(1) The lawyers are now trying to get Saudi Arabia to enforce the judgment. (The Economist)

(2) The companies refused to comment on any specifics relating to Tempora, but several noted they were obliged to comply with UK and EU law. (The Guardian)

(3) Sharia law forbids meat such as pork and birds of prey, plus blood and carrion. (The Economist)

(4) In practice, given that the law was agreed in 2001, most major brands, manufacturers and retailers have already stopped this practice in advance of the legislation coming into force. (The Guardian)

(5) If the ECB doubles down next week with more quantitative easing and a cut in the deposit rate to -0.3pc, as expected, it will validate the iron law that central banks are pro-cyclical recidivists, always and everywhere behind the curve. (The Telegraph)

(6) (Rom.) Legea concurenței interzice orice înțelegeri exprese sau tacite și orice practici concertate care conduc la denaturarea concurenței pe o piață. (Adevărul financiar)

Competition law forbids any specific or tacit deals, as well as any concerted practices that may lead to distort competition on the market. (translation mine)

(7) (Rom.) În urma investigației, a fost sancționată încălcarea legii concurenței atât pentru stabilirea prețurilor de revânzare (de raft), cât și pentru comportamentul companiilor în cadrul promoțiilor, anunță Mediafax. (Adevărul financiar)

Following the investigation, the encroachment of the competition law was sanctioned, both for establishing the re-sell (shelf) prices, and for companies' behaviour within promotions, announced Mediafax. (Translation mine)

The metaphorical mapping between legislative action and the domain of force is established in the very definition of law:

Law, in its generic sense, is a body of rules of action or conduct prescribed by controlling authority, and having binding legal force. That which must be obeyed and followed by citizens subject to sanctions or legal consequences in law. [Black 1991: 612].

The lexical items used in the dictionary definitions pertaining to FORCE are: controlling (adj.), authority (n.), binding (adj.), force (n.), obeyed (past part.), subject to (adj.), i.e. 15% of the total number of words.

ENFORCING LAW IS OBEDIENCE

Derived from the above conceptualisation, it ensues that successful enforcement of the law is based on people's respect for it, therefore verbs such as *to comply with*, *to obey*, *to respect* were quite frequent, as well as related nouns, such as *compliance with*.

(8) It called on EU national regulators to take "all necessary measures" to ensure allowances were adjusted to comply with the law. (The Financial Times)

(9) While we don't expect them to set a moral example, we expect them to obey the law. (The Guardian)

(10) In the short term, affected banks will focus on setting up computer systems to generate the necessary loss estimates, and on determining how the change will affect their compliance with financial regulation. (The Economist)

(11) (Rom.) Dacă mediul local rămâne la fel de instabil și anul acesta, are sens să te muți, astfel încât să te supui reglementării într-o țară cu reputație mai bună ... (Capital)

If the local environment remains just as unstable as this year, it makes sense to relocate, so that you can comply with (lit. subdue to) regulations in a country with a better reputation. (Translation mine)

(12) (Rom.) Moneyval a publicat deja patru rapoarte pozitive referitoare la respectarea reglementărilor de combatere a spălării banilor în Cipru, între 1998 și 2011. (Ziarul financiar)

Moneyval has already published four positive reports regarding compliance with (lit. the respect of) regulations against money laundering in Cyprus, between 1998 and 2011. (translation mine)

THE LAW IS AN OBJECT / A MOVING OBJECT (facing an obstacle)

(13) Next, some firms complain that new transparency rules wedge them between a rock and a hard place: abiding by an EU requirement to be open, for instance, could mean breaking the law in a country of operation that forbids disclosure. (The Economist)

(14) There is no possible route for one member state to block the legislation. (The Guardian)

(15) In March Mr Cilins pleaded guilty to obstruction of justice and received a two-year prison sentence. (The Economist)

(16) Separately, the chancellor is already pushing through legislation, likely to become law this summer, which will introduce a so-called General Anti-avoidance Rule, or GAAR. (The Guardian)

(17) (Rom.) În forma în care a trecut de Parlament, Codul Fiscal ar fi condus la o mult discutată creștere a consumului, considerată nesustenabilă, inclusiv de către președinte, care a trimis legea înapoi în Parlament pentru reexaminare.

The form in which it passed through Parliament, the Fiscal Code would have led to a much-debated increase in consumption, considered as unsustainable, including by the president, who sent the law back to the Parliament to be re-examined. (Translation mine)

The law is a brittle object, if it can be broken. Moreover, we speak of obstruction (obstacle), or blocking, when a moving object is hindered from advancing, from moving along. Likewise, a law is an object that can be pushed, despite opposition, to make it reach the desired destination, i.e. pass through Parliament.

The Romanian example would be more correctly classified as synecdoche, the object being the physical printed matter which contained the text of the law, thus sent, most probably, by courier.

THE LAW IS A HUMAN BODY

(18) If Microsoft's argument stands, it believes, criminals could put electronic evidence beyond the long arm of the law simply by claiming to live outside the United States.

(19) Opening up the research market has become a totemic issue for regulators over the past 18 months, as they work to flesh out the details of the legislation.

(20) Jean-Luc Mélenchon, co-president of the far-left Parti de Gauche, compares Mr Kerviel to Alfred Dreyfus, the victim of modern France's most famous miscarriage of justice. (The Economist)

(21) In August several sued Richmond in federal court, arguing, among other things, that it violated laws on interstate commerce. (The Economist)

(22) Justice is blind, not deaf. (The Economist)

(23) (Rom.) Tot legea spune că „membrii consiliului de administrație nu pot face parte din mai mult de 5 CA-uri”. (Capital)

It is the law as well that says “Members of the Council of Administration cannot serve on more than 5 CA's”. (Translation mine)

Parts of the human body are typically associated with law, such as the most common one, that of the long arm, meaning that the far-reaching power and influence of the legal system will eventually prevail. It can extend beyond the national boundaries of a country. Justice has eyes, though typically it has been represented as being blind, has ears to listen to people's needs, a mouth to speak with (in Romanian the law speaks the language of humans).

LEGISLATIVE ACTION IS A BUILDING PROCESS

(24) Thanks to Mao Zedong's destruction of capitalism and the rule of law, most private businesses got started in legal limbo. (The Economist)

(25) Yet, the deeper he delved, the more forcefully a depressing truth emerged: that a fortress of legislation had been built around the stock exchanges and powerful traders (mostly banks and hedge funds) by lobbyists and politicians. (The Guardian)

(26) "Through their work in advising government on changes to legislation they have a detailed knowledge of UK tax law, and the insight to identify loopholes in new legislation quickly," it said. (The Guardian)

(27) (Rom.) Până să cadă din Parlament un colt de lege, debitorii și băncile au o problemă acum și nu toate stau cu mâna în sân. (Capital)

Till a corner of law falls down, debtors and banks are facing a problem now and not everybody is twiddling hands. (translation mine)

Ontological correspondences between erecting a building and the legislative process is realised through nouns such as *destruction*, *fortress*, *loophole*, and verbs like *build*. The government is a builder who needs to identify the loopholes (a slit in a wall) in the construction in order to strengthen it. The building itself needs to be a stronghold, a fortress, to resist attacks from enemies, which leads us to the next conceptualisation of law in terms of a war that needs to be fought.

(28) Today's ruling is a victory for the rule of law as much as it is for Bank Mellat. (The Financial Times)

(29) Osborne came under attack from Labour for being too slow to try to counter the new legislation and for failing to table alternative proposals over the past couple of years. (The Guardian)

(30) *The Telegraph* has been inundated with emails from readers who are furious about West Brom's decision, with many planning to fight it out in court. (The Telegraph)

(31) Government averts rebellion with narrow defeat for 'reversal of burden of proof'. (The Financial Times)

(32) (Rom.) Lupta PSD pentru Codul Fiscal marchează debutul campaniei electorale din perspectiva alegerilor din 2016. (Adevărul financiar)

PSD's fight for the Fiscal code marks the beginning of the electoral campaign from the perspective of local elections in 2016. (Translation mine)

(33) Victime colaterale ... ale justiției. (Adevărul financiar)

Collateral victims ... of justice. (Translation mine)

It is rather common to refer to instances in legislative bodies where opposing parties fight to ratify or accept a certain bill, statute, act, or regulation as a battlefield. Introducing such a piece of legislation would equal a victory while having it rejected would amount to defeat.

Conclusions

Six main conceptualisations were identified in the two corpora (THE APPLICATION OF LAW IS THE APPLICATION OF FORCE; ENFORCING LAW IS OBEDIENCE; THE LAW IS AN OBJECT / A MOVING OBJECT; THE LAW IS A HUMAN BODY; LEGISLATIVE ACTION IS A BUILDING PROCESS; THE LEGISLATIVE PROCESS IS A BATTLEFIELD/WAR), with notable difference between English and Romanian. Significant differences were seen in the number of headwords in the two languages, the English nodes by far outnumbering the Romanian ones, in particular in the case of law (more than double in English) regulation and justice (almost three times more occurrences in English). It normally follows that metaphorical conceptualisations were less in the Romanian corpus, as can be seen from the examples above. In terms of breaking the law, the translation into Romanian would be "a încălca legea" /literally "to overstep the law"/, therefore such conceptualisation of law as a brittle object cannot be found in Romanian. Surely, a more thorough investigation of other legal texts proper, not economic ones, as was the case in this paper, would yield more conceptualisations and more examples in both languages.

References

1. Campbell, B. H. Black's Law Dictionary / B. H. Campbell. – 6th ed. – Minnesota : West Publishing Company, 1990
2. Chapeton, C. M. Identificación de lenguaje metafórico en textos argumentativos en inglés como lengua extranjera: un estudio de corpus / C. M. Chapeton // Folios. – 2010. – № 32. – P. 125–140. – URL: <http://www.redalyc.org/pdf/3459/345932035008.pdf>.
3. Charteris-Black, J. Corpus approaches to critical metaphor analysis / J. Charteris-Black. – New York : Palgrave Macmillan, 2004.
4. Deignan, A. Metaphor and corpus linguistics / A. Deignan. – Amsterdam : John Benjamins, 2005.
5. Evans, V. Cognitive Linguistics (An Introduction) / V. Evans, M. Green. – New Jersey : Lawrence Erlbaum Associates, 2006.
6. Gibbs R. W., Jr. Metaphor is grounded in embodied experience / R. W. Gibbs, Jr. P. L. Costa Lima, E. Francozo // Journal of Pragmatics. – 2004. – № 36 (7). – P. 1189–1210.
7. Johnson, M. The body in the mind: the bodily basis of meaning, imagination, and reason / M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1987.
8. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980.
9. Langacker, R. W. Foundations of Cognitive Grammar: Theoretical prerequisites / W. R. Langacker – Stanford, California : Stanford University Press, 1987. – Vol. 1.
10. Popescu, T. Conceptualisation of COMPANIES in English and Romanian business journalism / T. Popescu // Journal of Linguistic and Intercultural Education. – 2016. – № 9 (1). – P. 89–110. – DOI <https://doi.org/10.29302/jolie.2016.9.1.7>
11. Stefanowitsch, A. Corpus-based approaches to metaphor and metonymy. Corpus-based approaches to metaphor and metonymy / A. Stefanowitsch, S. Gries (eds.). – Berlin : New York : Mouton de Gruyter, 2006. – P. 1–16.
12. Kennedy, G. A. Aristotle 'On Rhetoric': A Theory of Civic Discourse / G. A. Kennedy (trans./ed.). – Oxford : OUP, 1991.
13. URL: <https://wordnet.princeton.edu/>
14. URL: <https://dexonline.ro/>
15. URL: <https://www.thesaurus.com/>

А. Ю. Хоменко

Нижний Новгород, Россия

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИДИОЛЕКТА ЛИЦА С ПОМОЩЬЮ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В РАМКАХ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИКИ¹

A. Yu. Khomenko

Nizhny Novgorod, Russia

COMPUTER IDIOLECT MODELING IN FORENSIC LINGUISTICS

Аннотация. Рассматривается применение интегративного подхода к определению гендера как части идиолекта пишущего в рамках решения задач судебной лингвистики. Интегрируются методы когнитивной науки, корпусной и, шире, компьютерной лингвистики, а также классический структурный анализ текста для идентификации характеристик мужской и женской речи в рамках решения диагностических задач судебной автороведческой экспертизы.

Ключевые слова: гендер, мужская и женская речь, судебная текстовая атрибуция, компьютерная лингвистика, корпусная лингвистика.

Abstract. This article focuses on an integrative approach to the definition of gender in the framework of solving issues of forensic linguistics. The author integrates methods of cognitive science, corpus and, more broadly, computer linguistics, as well as classical structural analysis of the text to identify the characteristics of male and female speech.

Keywords: gender, male and female speech, judicial text attribution, computer linguistics, corpus linguistics.

Вопросы гендерной принадлежности речевого материала решается с помощью методов многих научных направлений: компьютерной лингвистики, стилеметрии, лингвистики корпусов, когнитивной и классической структурной лингвистики. Тем не менее сама проблема разделения мужской и женской речи, естественно, имеет когнитивно-социальную основу. Гендер, с одной стороны, является продуктом развития культуры и социума [Кирилина 2002: 238], с другой – склонность к категоризации проявляется у человека с детства, представляя собой суть процесса когнитивного развития, а гендер, безусловно, является одним из основных критериев категоризации [Калугина 2013: 253].

На современном этапе развития науки женская и мужская речь достаточно успешно дифференцируются с помощью применения компьютерных технологий и методов стилеметрического анализа. Стилостатистика позволяет осуществить подсчет различных текстовых длин (длины предложения, слова), являющихся идентификационными параметрами для разграничения речи разных гендеров [Степаненко 2017]. Компьютерные же технологии позволяют установить материальные экспликации некоторых когнитивных категорий, реализуемых в речи через лексику и грамматику и присущих тезаурусу разных гендеров. Так, с помощью автоматической обработки большого объема текстовых данных, собранных в корпус, ученым удалось установить, что «показатели говорят об эгоцентричной коммуникации женщин, а также эксклюзивности, т.е. направленности в процессе коммуникации на себя» [Степаненко 2017: 22]. Маркером этого является преобладание местоимений «я-группы» (т.е. местоимений всех возможных разрядов первого лица единственного числа в прямых падежах и их супплетивных форм в косвенных падежах: я, меня, мне и пр., мой, моя, мой и пр.): в женской речи таких местоимений встречается значительно больше, чем в мужской [там же].

Указанные выше постулаты находят свое практическое подтверждение в ходе исследования текстов в рамках решения локальных задач судебного автороведения. Так, именно указанные выше характеристики могут оказать решающее влияние при формировании вывода о гендере в рамках юридизированного исследования речевого материала, поскольку именно они, имея цифровые эквиваленты, позволяют объективировать судебное экспертное исследование. Естественно, важно использовать их в совокупности с анализом других текстовых параметров, исследование которых обычно имеет качественный, а не количественный характер.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-31-27001 (19-312-90022).

Итак, методами квалификативного анализа в рамках производства досудебного автороведческого исследования удалось установить, что представленный на анализ текст отзыва о компании, несмотря на материальную женскую авторизацию, вероятно, принадлежит мужчине. Об этом свидетельствовал ряд факторов.

Первым из них является отсутствие прямого поименования эмоций и оценок, отнесенных к предмету речи. Автор эксплицирует их в основном в рамках метафорических структур: «*Руководитель был отправлен в надлежащие места, вместе с Патентом(!)*», «*всей этой эпопее*», «*но для меня... сразу отправляется в чёрный список*», «*А за неадекватность сотрудника – отдельный огромный минус*». Все основные компоненты текста, которые выражают основную его мысль, связанную с оценкой качества предлагаемой продукции и оказываемых услуг, сконструированы с помощью тропов («называли», «товарищи» – эмоционально окрашенные лексемы с негативной коннотацией, выражающей презрительное отношение) и фигур речи («*них есть Патент(!)*» – ирония, близкая к сарказму, «*так и хотелось сказать: «Остановись! Что ты несёшь?»*» – имитация диалога, употребление ярко окрашенной оценочной лексики, глагола в качестве центрального экспликата авторского отношения), некоторым образом маскирующих истинную оценочность (резко негативную) речи автора.

Доказано, что эмоциональный градус сам по себе не является признаком мужской или женской речи: и мужская, и женская речь может быть эмоциональной. Тем не менее эмоциональная окрашенность проявляется у мужчин и женщин по-разному. Так, для женщин значительно более характерно прямое называние эмоций и высказывание своего отношения: «Прямые номинации чувств в мужских текстах встречаются в 2 раза реже, чем у женщин (веселились, соболезную, уважение, хорошее настроение, разочаровал, бодрость). Мужчины предпочитают не именовать чувства напрямую, особенностью проанализированных текстов является тенденция передавать чувства через метафорические выражения (пробирает до костей, душу выворачивает, слова зацепили, уровень Биби Кинга, переворачивает проворачивает мясо, рубит душу просто «влет»))» [Колпакова 2016: 98].

Еще одним синтаксическим элементом, дифференцирующим мужскую и женскую речь, являются вставные конструкции (ВК), а точнее, их смысловая наполненность. Так, для женской гендерной идентичности более характерно использование вставных конструкций, выражающих эмоциональное отношение к объекту или предмету речи [Кучмезова 2001: 176], «в мужской прозе доминирующее положение занимают ВК, передающие дополнительные сведения. Например: – Да что за фамилия такая! – воскликнул граф, свирепая. – Фандорин! Из греков, что ли? Фандораки, Фандоропуло! – Почему из греков? – обиделся Эраст Петрович, в памяти которого еще были живы издевательства шалопаев-одноклассников над его фамилией (гимназическая кличка Эраста Петровича была «Фундук»). (Б. Акунин. Азазель)» [там же]. В анализируемом отзыве однозначно преобладают конструкции, содержащие дополнительную информацию: «особенности которых я опишу в заключительной части», «почему обоснованных? Да потому, что для устранения неполноценности данный производитель имеет «уникальные разработки». Но об этом ниже и подробнее», «если они вообще существуют», «термическим», «Си, Zn», «мы работаем только с комплектами, длиной 15 м». Из 6 ВК, присутствующих в тексте, 5 относятся к эксплицирующим дополнительную информацию и лишь одна выражает эмоциональное отношение к предмету речи («на свою голову»).

Указанные выше текстовые характеристики, безусловно, характеризуют гендер, дифференцируют его, тем не менее на ограниченном объеме материала (646 словоформ) этого недостаточно для формирования категорического вывода о гендерной принадлежности материала. Объективировать результаты качественного анализа в данном случае можно с помощью количественных характеристик текста.

Так, после стилиметрических подсчетов удалось выяснить, что средняя длина предложения анализируемого отзыва равна 20,13 слова. Это значит, что автор изъясняется достаточно длинными синтаксическими конструкциями. Такая особенность характерна в дискурсе электронной коммуникации более для мужчин, чем для женщин [Степаненко 2017: 19–20]. Средняя длина «женского» предложения равна примерно 15,17 слова [там же].

Одним из важнейших аспектов, подтверждающих мужскую гендерную принадлежность автора анализируемого текста, является дисперсия местоименных сущностей в отзыве, связанная с когнитивными составляющими, рознящими мужчин и женщин. В анализируемом отзыве наблюдаем явное преобладание местоимений «мы-группы» (т.е. местоимений всех возможных разрядов первого лица множественного числа в прямых падежах и их форм в косвенных падежах: мы, наш, наше и пр.) более, чем в два раза преобладают над местоимениями «я-группы» (19:8) (см. рис. 1–3).

Так, с когнитивной точки зрения центром повествования не является «я» говорящего, что дает возможность в сопряжении с другими текстовыми параметрами говорить о тяготении письменной речи отзыва к мужскому гендеру.

Доказать это становится возможным после интеграции качественных и количественных методов анализа гендерной лингвистики.

1 ших{наш}объектах{объект}К{к}слову{слово}хоть{хоть}мы{мы}и{и}используем{использовать}системы{система}
2 {наш}объектах{объект}К{к}слову{слово}хоть{хоть}мы{мы}и{и}используем{использовать}системы{система}мод
3 ые|давать|данный}производителем{производитель}нам{мы}сотрудничать{сотрудничать}не{не}приходилось{при
4 кий|ниже}и{и}подробнее{подробно|подробный|дробный}мы{мы}пришли{приходить|прийти|прислать}к{к}тому{т
5 |ниже}и{и}подробнее{подробно|подробный|дробный}мы{мы}пришли{приходить|прийти|прислать}к{к}тому{т
6 зец{образец}за{за}свой{свой}счёт{счёт}чтобы{чтобы}мы{мы}проверили{проверять}его{он|оно|его}в{в}сравн
7 {образец}за{за}свой{свой}счёт{счёт}чтобы{чтобы}мы{мы}проверили{проверять}его{он|оно|его}в{в}сравнени
8 гих{другой}производителей{производитель}От{от}нас{мы}требовалось{требоваться}написать{написать}только
9 {сетевой}компаниями{компания}типа{тип}МРСК{МРСК??}мы{мы}для{для}них{они}никто{никто}некомпетентные{неко
10 тевой}компаниями{компания}типа{тип}МРСК{МРСК??}мы{мы}для{для}них{они}никто{никто}некомпетентные{неко
11 ешение{решение}доберутся{добираться}и{и}до{до}нас{мы}потому{потому}как{как}даже{даже}хранить{хранить
12 {который}у{у}них{они}есть{быть|есть}Патент{патент}мы{мы}не{не}имеем{иметь}права{право|правый}Одним{о
13 торый}у{у}них{они}есть{быть|есть}Патент{патент}мы{мы}не{не}имеем{иметь}права{право|правый}Одним{один
14 ценный}так{так}как{как}при{при|пря}монтаже{монтаж}мы{мы}работаем{работать}только{только}с{с}комплект
15 ный}так{так}как{как}при{при|пря}монтаже{монтаж}мы{мы}работаем{работать}только{только}с{с}комплектами

Рис. 1. Конкордансный список местоимения «мы», построенный в корпусном менеджере AntConc после лемматизации текста утилитой Mystem

1 неджеры{менеджер}называли{называть}в{в}нашу{наш}организацию{организация}и{и}навязчиво{навязчив
2 ользовать}свою{свой}продукцию{продукция}в{в}наших{наш}проектах{проект}и{и}на{на}наших{наш}объектах{о
3 ция}в{в}наших{наш}проектах{проект}и{и}на{на}наших{наш}объектах{объект}К{к}слову{слово}хоть{хоть}мы{м
4 й}менеджеры{менеджер}позвонили{позвонить}в{в}нашу{наш}организацию{организация}я{я}вместо{вместо}типи

Рис. 2. Конкордансный список местоимения «наш», построенный в корпусном менеджере AntConc после лемматизации текста утилитой Mystem

1 ли{позвонить}в{в}нашу{наш}организацию{организация}я{я}вместо{вместо}типичного{типичный}двух{два}трёх
2 {позвонить}в{в}нашу{наш}организацию{организация}я{я}вместо{вместо}типичного{типичный}двух{два}трёхсе
3 олько{выслать}выслать}каталоги{каталог}Но{но}мне{я}удалось{удаваться}переговорить{переговаривать}с{с
4 лмашпром?}особенности{особенность}которых{который}я{я}опишу{описывать}в{в}заключительной{заключитель
5 ашпром?}особенности{особенность}которых{который}я{я}опишу{описывать}в{в}заключительной{заключительны
6 овь{вновь}звонок{звонок|звонкий}и{и}теперь{теперь}я{я}общаюсь{общаться}уже{уже|узкий|узко}уж{с}с{с}тре
7 ь{вновь}звонок{звонок|звонкий}и{и}теперь{теперь}я{я}общаюсь{общаться}уже{уже|узкий|узко}уж{с}с{с}треть
8 самостоятельно|самостоятельный}но{но}для{для}меня{я|мень}производитель{производитель}который{который

Рис. 3. Конкордансный список местоимения «я», построенный в корпусном менеджере AntConc после лемматизации текста утилитой Mystem

Библиографический список

1. Калугина, Е. Н. Гендер в антропоориентированных науках / Е. Н. Калугина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 5. – С. 251–254.
2. Кирилина, А. В. Новый этап развития отечественной лингвистической гендерологии / А. В. Кирилина // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе : материалы междунар. науч. конф. (Иваново, 25–26 июня 2002 г.) : в 2 ч. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2002. – Ч. II. История, социология, язык, культура. – С. 238–242.
3. Колпакова, Л. В. Лексические средства репрезентации эмоций (гендерный аспект) / Л. В. Колпакова // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). – 2016. – № 7 (172). – С. 96–100.
4. Кучмезова, Л. О. Вставные конструкции в аспекте гендерной лингвистики / Л. О. Кучмезова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2011. – № 2. – С. 175–179.
5. Степаненко, А. А. Гендерная атрибуция текстов компьютерной коммуникации: статистический анализ использования местоимений / А. А. Степаненко // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 415. – С. 17–25. – DOI 10.17223/15617793/415/3.

Направление 4

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТОВ РАЗЛИЧНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ТИПОВ

С. Г. Амириди, В. К. Теологи

Комотини, Греция

ЯЗЫК И РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СЛУЧАЯХ БУЛЛИНГА И КИБЕРБУЛЛИНГА И КАК НА НИХ РЕАГИРУЕТ ГРЕЧЕСКИЙ УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС

S. G. Amiridou, V. K. Theologi

Komotini, Greece

LANGUAGE AND SPEECH BEHAVIOR IN CASES OF BULLYING AND CYBERBULLYING AND THEIR TREATMENT BY THE GREEK PENAL CODE

Аннотация. Рассматриваются такие понятия, как запугивание, травля (буллинг) и кибербуллинг несовершеннолетних в интернете, представляющие собой как старую, так и новую проблему. Старую, так как речь идет о поведении, которое присутствует в образовательных рамках и часто представляется в форме клеветы и клеветнической диффамации или преследования школьников. Новую, потому что социальные сети уже являются неотъемлемой частью подростковой жизни. Исследуется функция языка в потоке запугивания и киберзапугивания на основе утверждения, что язык – это архитектура, в которой мы строим свою личность и определяем то, как мы воспринимаем мир. Исследуется также вопрос, каким образом Уголовный кодекс Греции реагирует на конкретное поведение несовершеннолетних.

Ключевые слова: буллинг, кибербуллинг, язык, речевое поведение, личность, греческий Уголовный кодекс.

Abstract. The article examines such phenomena as bullying and cyberbullying of minors on the Internet. This phenomenon was studied in the past and is still relevant today. In the past, it dealt with behavior in educational settings and often included libel and libelous defamation or harassment of schoolchildren. Social media is an integral part of teenage life today. The article explores the function of language in the stream of intimidation and cyberbullying, based on the assertion that language is the basis on which we build our personality and perceive the world. It also discusses how the Greek Penal Code responds to such behavior of minors.

Keywords: bullying, cyberbullying, language, speech behavior, Greek Penal Code.

Введение

Язык как организованная система символов, с помощью которой человек улавливает и передает свои мысли и желания, является бесспорным завоеванием человечества. [Лакан, 1977; Хомский, 1968: 16]. В мировом научном сообществе язык рассматривается как душа древних народов посредством выражения его духа и чувств [Lacartiere, 1980: 26; Andrados, 2010: 32].

В Греции, подарившей миру огромный пласт лексики (грецизмы и их дериваты, терминология философии, православной догматики, точных наук и т.д.), понятие языка и его функций, а также и речевого поведения насчитывает около 4000 лет. Через речевое поведение, а также через речь устную или письменную, существует и развивается общество [Παλαυόπουλος, 1975]. Общение также продвигается через язык. Не одномерное, но в тесной связи с мыслью, образованием, обучением, идентичностью народа [Μιλαντινιώτης, 2006] и в более широком смысле мы дополнили бы другими измерениями «личной» культуры личности, которые формируют его характер. Взаимосвязь между языком и мышлением четко прослеживается в труде Джорджа Оруэлла «1984», согласно которому простой язык означает простую мысль [Оруэлл, 1999].

Элементы речевого поведения индивидуальны в каждом языке, но в совокупности они образуют единую картину речевого поведения. По мнению Н. И. Формановской, речевое поведение – это «лишенное осознанной мотивировки автоматизированное, стереотипное речевое проявление» [Формановская, 2001], которое выражается в стереотипных высказываниях, речевых клише, с одной стороны, и в каких-то сугубо индивидуальных речевых проявлениях данной личности – с другой. Известно, что речевое поведение включает в себя также и другой аспект, не менее важный – невербальный (мимика, жесты). Речевое поведение человека характеризует его как представителя конкретной социальной группы, а также и группы, имеющей свои национальные особенности. [Формановская, 1982]. Таким образом, можно сделать вывод, что речевое поведение характеризует конкретно языковую личность, её принадлежность к данной стране, региону, культуре, субкультуре, социальной и профессиональной группе. Некоторые исследователи используют термин «коммуникативное поведение» как синоним «речевого», например Т. В. Ларина [Ларина, 2009]. Т. В. Ларина также отмечает, что речевое поведение имеет свои национально-специфические особенности не только из-за различий в средствах коммуникации, но и из-за различий в механизме их выбора, предпочтительности и частотности их употребления в тех или иных ситуациях общения.

Речевое поведение затрагивает почти все области языка. Это могут быть интонационные конструкции, грамматика, стилистика и т.д. В данном исследовании акцентирование было сделано на высокочастотную лексику, которая употребляется в учебной среде и имеет отношение к буллингу и кибербуллингу.

В обществе детей и подростков язык приобретает особый характер общения. Однако, вместо того, чтобы плавно перейти в богатый источник эмоциональных переживаний, выражаемых разными способами, которые помогут им перейти во взрослую жизнь, в настоящее время язык подростковой среды становится серьезной социальной проблемой из-за кибербуллинга.

2. Понятия буллинга (запугивания) и кибербуллинга в образовательном контексте/сфере

Буллинг в его традиционном понятии определяется как «преднамеренное и сознательное желание молодых правонарушителей (несовершеннолетних) причинить вред своему сверстнику и ввести его / ее в состояние психологического давления. [Tatum and Tatum E, 1992]. Следовательно, жертва просто оказывается там, «неоднократно уязвима», когда происходят «негативные действия», согласно меткому замечанию Олвеуса [Olweus D., 1999]. Примерами негативных действий является – согласно Олвеусу – виктимизация ученика или группы учеников, в случаях когда:

а) Ему/ей говорят плохие и неприятные слова, высмеивают или называют злыми именами, которые причиняют ему/ей боль.

б) Его/ее полностью игнорируют или исключают из группы друзей или намеренно исключают из событий образовательного сообщества.

в) Его/ее избивают, пинают, сторонятся или угрожают.

г) Лгут или распространяют ложные слухи о нём/ней или отправляют ей/ему злонамеренные/недобро-желательные сообщения и пытаются заставить других учеников относиться враждебно к нему/ней.

Из приведенных выше данных понятно, что общие характеристики запугивания остаются одинаковыми, неизменными с течением времени [Rigby 2008: с. 24–34], точно также неизменно эти формы поведения причиняют вред психике ребёнка. Проявление такого поведения раньше и сейчас имеет некоторую схожесть. То, что меняется это использование средств.

Технологическое развитие и достижения, которые оно продемонстрировало с течением времени, вывели общение между людьми на совершенно другой уровень. Вместе с этим, соответственно, перешла в иную плоскость и проблема запугивания, получив таким образом другую стандартизацию. Проблема остается, с той разницей, что ее неблагоприятные последствия в открытом доступе видны бесчисленному количеству пользователей, на данный момент находящихся в сети, в то время как границы между законным и морально допустимым остаются размытыми, неясными и неразличимыми для детей и импульсивных подростков.

Изменение временных рамок сопровождалось также необходимыми изменениями в понимании и интерпретации явления.

Запугивание в школьной сфере еще более обособилось от электронного запугивания, которое являлось его продолжением, приблизительно семь лет спустя после научной формулировки Олвеуса. Образовательная структура осталась отправной точкой и поиском преднамеренно предосудительного поведения, в то время как место совершения актов запугивания, было перемещено за пределы школьных стен.

Электронное запугивание, травля или кибертравля возникает, когда злоумышленники используют электронные средства для запугивания своих жертв, включая использование интернет-сайтов, чатов (chat rooms), систем мгновенных сообщений, текстовых сообщений (text messages) и сообщений формата mms и блогов (blogs) на своих телефонах (Bhat, 2008; Kowalski & Limber, 2007).

Поводом проявления запугивания или агрессивного поведения между детьми или подростками являются события, происходящие в более широкой образовательной среде, которые подростки воспроизводят с помощью электронных устройств. Девиантное поведение, которое они демонстрируют, приводит ко множественным травмам в уязвимом душевном мире жертвы, а также и наказанию со стороны образовательных структур, и далее со стороны системы уголовного правосудия.

Поэтому **кибербуллинг** определяется как систематическое преследование ребёнка или подростка путем отправления или публикации оскорбительных/ гнусных материалов или других форм социальной агрессии через Интернет или другие цифровые технологии (Willard Nancy, 2007).

Таким образом, единственное реальное различие между традиционным запугиванием/травлей (bullying) и запугиванием с использованием Интернета или цифровых технологий (кибербуллинг) состоит в том, что последствия второго имеют несравнимый по величине резонанс. Жертвы буллинга в учебной среде становятся более уязвимыми жертвами преследований в виртуальном пространстве, так как буллы (обидчики) организуют их преследование в Интернете. Поскольку к Интернету имеет доступ большое количество людей, за короткое время любое событие в сети моментально становится достоянием общественности.

Язык как средство выражения запугивания

Различаются три основных вида запугивания: эмоциональное (чувства, эмоции), лексическое (с использованием языковых средств) и телесное (угроза физической расправы). Однако, во всех трёх видах неизменно присутствует языковой фактор, являющийся основополагающим благодаря которому становится возможным процесс репрезентации угрозы с последующей вербализацией планов. В данном случае используются определённый пласт высокочастотной лексики. Так, согласно статистике [К. В. Злоказов, Е. А. Рыбьякова, Р. И. Степанов, 2019] определен ряд лингвистических, грамматических индикаторов, позволяющих судить о готовности человека перейти от слов к действию.

Высокочастотную лексику, употребляющуюся в учебной среде и имеющую отношение к буллингу и кибербуллингу мы условно разделили на следующие категории в которых она обычно встречается. Высокочастотная лексика, содержащая бранные выражения, сознательно не была включена в список. Заметим, также, что рамки нижеприведённых категорий могут быть расширены и достаточно размыты, в то время как одна и та же лексика может подходить к более чем одной категории.

Таблица 1

Лексика буллинга и кибербуллинга

Категории	Русский язык	Английский язык, полные и закодированные сообщения (выделены жирным шрифтом)	Греческий язык (пример некоторых громких уголовных дел в Греции)
Внешность	«ты уродлив/уродлива», «толстый/толстая», «шкаф», «болванка», «кики-мора», «доска», «крыса», «корова», «кобыла», «свинья», «баран», «конопатый», «козёл» и др.	«You're ugly/fat», « Fugly : F***** ugly», « FUB : Fat ugly b*****rd», «manish» etc.	«Είσαι κακάσχημος/η», «χοντρός/η», «αγελάδα», «φοράδα», «ντουλάπα», «σανίδα», «φάλαйна», «φρόκαλο», «ανδρογυναικα» (επειδή είναι γυμνασμένη), «ασχημομούρου» к лп. (Дело Амаринфа)
Национальность, происхождение	В переводе с греческого: «Ты албанец», «Ты пакистанец/афганец», «Ты росопонти» (Прим. ав. Грек/гречанка, приехавший/ая из бывшего СССР, в понимании местных – из России)	«nigger» etc.	«Είσαι Αλβανός/Пакистанός/Αφγανός», «Είσαι Ρωσοπόντιος», «Αράλης» к лп. (Дело Алекса из г. Верия)
Поведение, особенности	«Ты глуп/глупа», «ты (меня, всех) раздражаешь», «ты никто», «ничтожество», «маменькин сынок», «потерянный», «Закрой свой рот», «про*****ка», «Почему ты здесь?» «Иди убей себя», «Иди сдохни», «Иди ты*****», «Да отцепись ты», «Оставь меня в покое», «Иди гуляй», «Не появляйся/ходи тут!», «За что тебя любить?», «Может тебе надо/стоит поити удавиться?», «Ха,ха! Ты будешь плакать?», «если... то», «Расслабься. Это просто шутка!» и др.	«You're stupid !», «You're so annoying «Why are you here?», «Go kill yourself», « Dirl : Die in real life», « Gcad : Get cancer and die», « Foad : F*** off and die», « IHML : I hate my life», « KMS : Kill myself», « KYS : Kill yourself», « 182 : I hate you», « 4Q : F*** You», « FI-NE : F***ed up, Insecure, Neurotic, Emotional», « IWTKM : I want to kill myself», « JLMA : Just leave me alone»«Why do people even like you?», « Ha,ha! You gonna cry?», «Chill out. It's just a joke!» etc.	«Είσαι ηλίθος/ια», «μου σπας τα νεύρα», «Μου τη δίνεις», «Τίποτα δεν είσαι», «μαμμόθρεφτος», «Γιατί είσαι εδώ;», «Пάνε να αυτοκτονήσεις», «Пάνε ψόφα», «Αϊ πνίζου! », «Μήπως θα πρέπει να πας να πνιγείς;», «Σκάσε», «Βούλωστο», «Ανασφαλή!», «Χαμένε», «Μπά*****δε!», «Για ποιο λόγο να σε θέλει/ αγαπάει κανείς;», «Χα,χα! Θα πας να κλάψεις;», «Χαλάρωσε, πλάκα σου έκανα». «Καρκίνε!», «Αν...τότε θα...» к лп. (Дело В. Якумакиса)

Категории	Русский язык	Английский язык, полные и закодированные сообщения (выделены жирным шрифтом)	Греческий язык (пример некоторых громких уголовных дел в Греции)
Пол	В переводе с греческого: «Ты сестра, сестрёнка, сестричка», «Ты девочка», «Ты курица», «про****ка», и др.	«You are chicken», «slut», «stupid bitch». В отношении сексуальной ориентации для гомофобов, т.е для сообщества LGBTQ: «poof», «leza», «that's so guy» etc.	«Είσαι αδελφή», «αδελφάρα», «Είσαι κότα», «πόρνη», «Είσαι γυναίκα», «Είσαι γυναικούλα», «σκύλα» κ λπ.
Успеваемость	«умник», «очкарик», «лох» и др.	«nerd», «goggles», «freak», «ideot», «ghost» etc.	«Είσαι σπασίκλας», «Είσαι γυαλάκιας», «Είσαι φυτό» κ λп.

Как видно, лексика и реалистичность угрозы часто может быть выражена автором с помощью таких грамматических показателей, как:

1. *Наклонение глагола*: сослагательное «может...», «если... то», условное «если... то я бы», изъявительное «ты меня раздражаешь» и повелительное, где действие выражается в основном с помощью речевых формул 1) приказа «Отцепись!» 2) запрета «Не появляйся тут» и т.д.

2. *Местоимений*: 1) личных в ед. и мн. ч., 1 лица «я, мы» (главным образом в отношении буллера), и 2 лица «ты» (главным образом в отношении жертвы), а также и их супплетивных форм «меня, нас», «тебя» 2) притяжательных «мой, моё, мои, наш», «твой, свой» 3) Отрицательных «никто», «ничто» и др.

3. *Глаголов*: во всех указанных выше наклонениях, сов. и несом. вида, категорий лица, числа. Входит в состав высокочастотной лексики, отражающей детализацию насильственных действий, [К. В. Злоказов, Е. А. Рыбьякова, Р. И. Степанов, 2019], деструктивную направленность действий (имеющей отношение к причинению вреда жертве, разрушению отношений, унижению и т.д.).

4. *Прилагательных*: кратких и полных, качественных (с признаками краткой формы, в сочетаниях с наречиями «очень, слишком»), относительных через отношение к лицу «школьный», притяжательных «мамин» и т.д.

5. *Существительных*: этнонимов (албанец, пакистанец) и т.д. а также дающих характеристику лица по названию и ассоциации с животными.

6. *Междометий*: 1) эмоциональных, выражающих эмоции досады, презрения, злости, иронии, насмешки (ой, ай, фу, фи, а, тьфу, ах ты, и т.д.) 2) императивных (цыц, эй, кыш, брысь и т.д.) 3) побуждающих к действию (айда, марш и т.д.).

7. *Любых других конструкций*: действия автора, описанные с применением местоимений «мне» «моё», «мои» и дополненное глаголом, указание на жертву в тексте, изложение ситуации с позиции адресата с приведением местоимений «ты» и его аналогов, дополненных глаголом действия либо наречием, указание в тексте на сочетание буллера и жертвы в местоимениях «мы», «наш», дополненное существительным, метафорически обозначающим проблемы [К. В. Злоказов, Е. А. Рыбьякова, Р. И. Степанов, 2019].

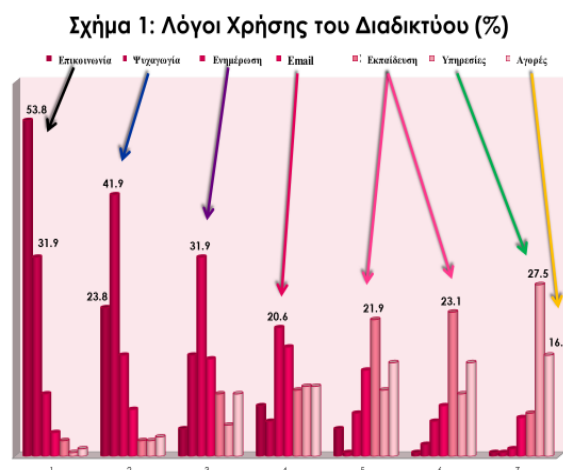
Причины такого поведения, создания и воспроизведения угроз сосредоточены в образовательной среде (разногласия между учащимися, желание поиграть, строгость и негативная оценка учителя, неудовлетворенность родителей друзьями своих детей и анонимные угрозы). Последствия киберзапугивания ощущаются каждый день у школьных ворот. (Walther, 2002: p. 205).

Проблемы остаются такими, какими они и были: удары, насмешки, оскорбительные комментарии. Элементом, меняющим ситуацию, является использование технологии, которая круглосуточно распространяет множество оскорбительных и угрожающих действий (DiGiulio, 2001; Devlin, 1997: p. 149–158) вне школы, через социальные сети, которые очень популярны у молодых людей (Bonetti et al, 2010, с. 279–285; Qiu et al, 2012: с. 569–572). Кроме того, в кибертравле существует диспропорция силы между преступником и жертвой из-за Интернета (социальные сети, youtube), который наносит жертве неисчислимый вред (Brenner, Rehberg, 2009: p. 72).

Интернет является неотъемлемой частью жизни детей и подростков в Греции. Одно из самых первых официальных исследований о кибербуллинге, проведенных в Греции в январе 2011 г., показало, что 63% детей в Греции ежедневно пользуются Интернетом, очерчивая дальнейший путь, по которому пойдут греческие дети (Теологи-Адамопулу, 2012: с. 42–46).

Цель использования интернета

Как видно из приведенной таблицы, интернет является основным средством общения (54 %) и развлечения (42 %). С другой стороны родители, в том же опросе, не знали, как пользоваться Интернетом (40,4 %), а значит и правильно консультировать своих детей! Несмотря на раннее исследование в нашей стране, кибербуллинг было уже присутствовал среди учеников, так как 30% участников отметили одну из его девяти форм.



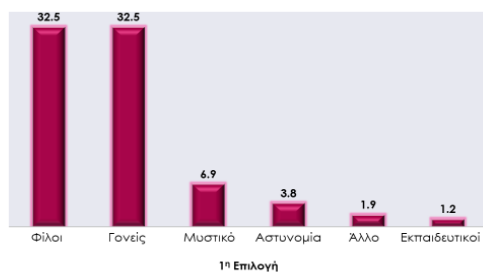
Большинство учащихся стали жертвами кибербуллинга в средней школе, о чем свидетельствуют недавние исследования (Montgomery et al, 2020), где было отдано предпочтение физическому насилию. Кроме того, 54,4 % знали об оскорбительных материалах, размещенных в Интернете о каком-либо преподавателе. В том же исследовании было установлено, что основными причинами кибербуллинга были личные качества, домогательства, зависть, насмешки (30 %) или общая успеваемость жертвы (23 %) (Theologi-Adamoroulou, 2011).

Словесные издевательства являются наиболее распространенной формой травли (56,5 %) для учащихся начальных школ Греции, согласно всегреческому опросу, проведенному Министерством национального образования и религий в период с декабря 2015 г. по январь 2016 г., в то время как учащихся средних школ этот факт беспокоит и они не согласны с поведением травли.

Преимущество вышеизложенного состоит в том, что сила слова, письменного и устного определяет взаимоотношения детей. Поведение запугивания их наполняет страхом, тревогой о том, когда же всё закончится, беспокойством о мнении своих одноклассников. (Hamm et al., 2015: с. 770–777; Brown et al, 2006). Как результат падает успеваемость в школе, что приводит к изоляции (Englander (a), 2007; Englander (b) – Muldowney, 2007: с. 83–91). Некоторые учащиеся проявляют агрессивное поведение из-за испытываемого гнева. (Agnew, 1992: с. 47–87; Morgna and Heise, 1988, р. 19–31, Kember 1978). Продолжение разрушительного воздействия на уже имеющуюся психическую травму может привести к правонарушениям и, даже преступности, во взрослой жизни. (Αλεξιάδης 2011, р. 136–142; Δημόπουλος, 1997:pp.67; Πανούσης, 2018: р. 817). Однако учащиеся, похоже, не доверяют школе и их учителям в вопросе эффективной борьбы с инцидентами, связанными с кибербуллингом. В нашем исследовании (Theologi (a) 2012: с. 102–128, Theologi (b), Adamoroulou 2011) друзья и их родители стоят на первом месте (32,5 %), а учителя – на последнем (1,2 %).

Ταβλιца 3

Πρόσωπα που θα ανέφεραν τον Ηλεκτρονικό Εκφοβισμό (%)



Ταβλιца 4

Χαρακτηριστικά του Ηλεκτρονικού Εκφοβισμού (n = 48)

Πίνακας 3	%	(n)
Μορφή του Ηλεκτρονικού Εκφοβισμού		
Θυμωμένο, αγενές ή χυδαίο μήνυμα σε κινητό τηλέφωνο	58.3	(28)
Θυμωμένο, αγενές ή χυδαίο μήνυμα στο Internet ή email	50.0	(24)
Φοβόσασταν να διαβάσετε το email ή τα μηνύματα στο κινητό	33.3	(16)
Κάποιος δημοσίευσε προσβλητικές φήμες, καυτοσομαλιά ή υλικό στο Internet	20.8	(10)
Αντικείμενο σεξουαλικών υποδείξεων στο Internet ή κινητό	20.8	(10)
Λάβατε προσβλητικά μηνύματα ακόμα και όταν ζητήσατε να σταματήσει	14.5	(7)
Δημοσίευση προσωπικών πληροφοριών/φωτογραφιών χωρίς άδεια στο Internet	14.5	(7)
Απειλητικό μήνυμα που σας έκανε να φοβάστε	8.3	(4)
Κάποιος προσπάθησε να ενοχοποιήσει εσάς στο Internet για να βλάψει φίλους/φίλες	8.3	(4)
Πότε συνέβη:		
Λύκειο	50	(24)
Γυμνάσιο	27.1	(13)
Ταυτότητα του Δράστη		
Γνωστός	43.7	(21)
Άγνωστος	27	(13)
Λόγοι παρενόχλησης		
Άλλοι λόγοι (καταγωγή, καλαισθη, γκάφες, τίποτα, ύψος, ύβρις)	29.1	(14)
Ικανότητες του θύματος	22.9	(11)
Σωματική εμφάνιση του θύματος	16.6	(8)
Φύλο/σεξουαλικές προτιμήσεις του θύματος	12.5	(6)
Δημογραφικά χαρακτηριστικά των θυμάτων		
Ηλικία ¹	18.77	
Λύκειο ²	68.8	(33)

¹ Οι ηλικίες των θυμάτων κυμαίνονται από 15 έως 17 έτη.
² Οι ηλικίες των δράστη/δραστών κυμαίνονται από 15 έως 17 έτη.
³ Κατηγορίες ανεπίσημες. Οι υπολογισμοί είναι ελλειμματικοί.

Мнение о том, что случаи насилия в образовательной среде не принимаются во внимание или замалчиваются, также выражается учителями (42 %) в опросе, проведенном в 2014 г. Европейской сетью по борьбе с буллингом (European Antibullying Network , EAN), подтверждая наш первоначальный вывод об отсутствии доверия и эффективного вмешательства. Пытаясь как-то справиться с недоверием, министр образования Ники Керамеос представила предложение об учреждении правового положения «Учитель - Доверенный преподаватель», к которому ученики могут обращаться с проблемами, с которыми они сталкиваются.

4. Юридическая сторона вопроса

Поскольку речь идёт о поведении, имеющим место в основном между школьниками, греческий законодатель принимает мягкие, воспитательные меры закона (soft law). К ним относятся выговор несовершеннолетнему, выражение извинения несовершеннолетним правонарушителем перед жертвой, посещение социальных и психологических программ в государственных муниципальных или частных организациях (согласно статье 122 Уголовного кодекса, Закон 4616/2019). Целью законодателя является не наказание, а воспитание несовершеннолетних (Dimopoulos-Kosmatos, 2017: с. 207–230). К уголовной ответственности, могут быть привлечены и родители, за пренебрежение заботой о несовершеннолетнем (статья 360 п. 1 Уголовного кодекса, закон 4616/2019). Учителя и преподаватели сталкиваются с дисциплинарными и уголовными последствиями из-за пренебрежения обязанностями, поскольку они отвечают за наблюдение за несовершеннолетними учениками. (Статья 107 Кодекс Государственных служащих, Закон 3528/2007). В случаях кражи или уничтожения личных вещей, жертва может требовать возмещения убытков в соответствии со статьями 917 и 918 Гражданского кодекса. Чтобы защитить свою личность и физическую неприкосновенность, жертва может потребовать вынесения судебного запрета. (Статьи 731, 732 Гражданского кодекса).

Буллинг продолжает быть проблемой для учеников, сопровождая их с детского возраста. Но то, что превращает его в опасную социальную проблему даже для самого маленького возраста, - это знакомство детей с технологиями. Необдуманное использование технологии вызывает, беспокойство и негативные эмоции у жертв кибербуллинга, доводя их даже до самоубийства. В качестве решения предлагается активное вмешательство учителей в школах с целью ограничения такого поведения с самого начала и содержательный диалог родителей с их детьми о роли ребенка «в его маленьком обществе».

Примечание: анкета исследования была построена на основе вопросника, созданного Кэссиди, Джексоном и Брауном (2009). Хотя вопросник включал закрытые вопросы (например, множественный выбор), были также включены вопросы, состоящие из двух частей и категорий, а также ответы открытого типа. Экспериментальный анализ анкеты был выполнен на выборке из 34 студентов. Окончательная выборка включала 160 учащихся Полицейской со всей страны в возрасте от 18 до 23 лет. Участвовали 123 мужчины и 37 женщин. Анкета была расдана в рамках курса по криминалистике. Исследование не поддерживалось финансово.

Библиографический список

1. Бочавер, А. А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А. А. Бочавер, К. Д. Хломов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11, № 3. – С. 177–191.
2. Волкова, Е. Н. Кибербуллинг как способ социального реагирования подростков на ситуацию буллинга / Е. Н. Волкова, И. В. Волкова // Вестник Мининского университета. – 2017. – № 3. – С. 17.
3. Злоказов, К. В. Анонимная угроза и план ее воплощения: экспериментальное исследование представлений автора / К. В. Злоказов, Е. А. Рыбьякова, Р. И. Степанов // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4 (58). – С. 225–231.
4. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. – Москва : Рукопис. Памятники Древней Руси, 2009. – 512 с.
5. Хориков, И. П. Новогреческо-русский словарь / И. П. Хориков, М. Г. Малев. – Москва : Культура и традиции, 1993. – 856 с.
6. Формановская, Н. И. О речевом этикете / Н. И. Формановская // Русская словесность. – 2001. – № 4. – С. 63–66.
7. Формановская, Н. И. Русский речевой этикет. Выбираем «ты» или «Вы» / Н. И. Формановская // Русская словесность. – 2001. – № 1. – С. 66–71.
8. Формановская, Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты / Н. И. Формановская. – Москва : Рус. яз., 1982. – С. 126.
9. Αλεξιάδης, Στ. Εγκληματολογία / Στ. Αλεξιάδης. – Αθήνα-Θεσσαλονίκη : Εκδόσεις Σάκκουλα : 2011. Ε' Έκδοση [Алексиадис, Ст. Криминалистика / Ст. Алексиадис. – Афины-Салоники : Изд. Саккула, 2011. – 5 издание].
10. Agnew, R. Foundation for a general Strain Theory of Crime and Delinquency / R. Agnew // Criminology. – 1992. – Vol. 30, n. 1.
11. Kemper, T. A Social Interactional Theory of Emotions / T. Kemper. – New York : John Wiley & Sons, 1978.
12. Rick, M. Structure of emotions / M. Rick, D. Heise // Social Psychology Quarterly. – 1988. – Vol. 51.
13. Andrados, F. Ιστορία της Ελληνικής Γλώσσας. Από τις απαρχές ως τις μέρες μας / F. Andrados ; Μετάφραση Λεκουμπέρι Αλίθια Βιγιάρ ; εκδόσεις Παπαδήμας. – 2010. – Ρ. 32 [Андрос, Ф. История греческого языка. От начала и до наших дней / Ф. Андрос ; пер. Лекубери Алития Вияр. – Изд. Пападимас, 2010. – С. 32].
14. Βέλτσος, Γ. Κοινωνία και γλώσσα. Για την αμύλητη και τη μιλημένη γλώσσα, εκδόσεις / Γ. Βέλτσος. – Παπαζήση, 1976 [Велтсος, Г. Общество и язык. Относительно неразговорного и разговорного языка / Г. Велтсος. – Изд. Папазиси, 1976].
15. Bonetti, L. The relationship of loneliness and social anxiety with children's and adolescents' online communication / L. Bonetti, M. A. Campbell, L. Gilmore // Journal of CyberPsychology, Behavior, and Social Networking. – 2010. – Vol. 13 (3).
16. Brenner, S. "Kiddie crime"? The utility of criminal law in controlling cyberbullying / S. Brenner, M. Rehberg // First Amendment Law Review. – 2010. – January 17.
17. Brown, K. Cyber-Bullying: Developing Policy to Direct Responses that are Equitable and Effective in Addressing this Special Form of Bullying / K. Brown, M. Jackson, W. Cassidy // Canadian Journal of Educational Administration and Policy. – 2006. – № 57.
18. Chomsky, N. Language and Mind / N. Chomsky. – New York : Harcourt Brace Jovanovich, Inc., 1968. – P. 16.
19. Δημόπουλος, Χ. Ο ανήλικος Ανθρωποκτόνος / Χ. Δημόπουλος. – Αθήνα-Κομοτηνή : εκδόσεις Αντ. Ν. Σάκκουλα, 1997 [Димопулос, Х. Несовершеннолетний убийца / Х. Димопулос. – Афины-Комотини : Изд. Саккула, 1997].

20. Δημόπουλος Χ. Δίκαιο Ανηλίκων. Θεωρία και Πράξη / Χ. Δημόπουλος, Κ. Κοσμάτος. – έκδοση 3^η. – εκδόσεις Νομική Βιβλιοθήκη [Димопулос, Χ. Право несовершеннолетних. Теория и Практика / Χ. Димопулос, Κ. Κοσμάτος. – Изд. 3-е. – Изд. Юридическая библиотека, 2017].
21. Devlin, A. Offenders at school: links between school failure and aggressive behavior / A. Devlin // *Bullying: Home, school and community* / D. Tattum, H. Graham (eds.). – London : David Fulton, 1997.
22. DiGiulio, R. C. Educate, medicate, or litigate? What teachers, parents, and administrators must do about student behavior / R. C. DiGiulio. – Thousand Oaks, CA : Corwin Press, 2001.
23. Englander, E. K. (a) Cyberbullying: The new frontier / E. K. Englander // *Proceedings of the Twenty-Third Annual Pediatric Rehabilitation Conference* (Franciscan Hospital for Children and Boston University School of Medicine, March 23). – Burlington, MA, 2007.
24. Englander, E. K. (b). Just Turn the Darn Thing Off: Understanding Cyberbullying / E. K. Englander, A. M. Muldowney // MARC Publications. – 2007. – Paper 12. – URL: http://vc.bridgew.edu/marc_pubs/12
25. Hamm, M. P. Prevalence and Effect of Cyberbullying on Children and Young People. A Scoping Review of Social Media Studies / M. P. Hamm, A. S. Newton, A. Chisholm // *JAMA Pediatr.* – 2015. – Vol. 169 (8).
26. Lacan, J. A Selection / J. Lacan ; trans. Alan Sheridan. – New York : W. W. Norton & Company, 1997.
27. Lacarrière, J. Το ελληνικό καλοκαίρι. Μία καθημερινή Ελλάδα 4.000 ετών / J. Lacarrière. – Αθήνα : εκδόσεις Χατζηνικολή, 1980. – σ. 26. [Lacarrière, J. Греческое лето. Будничная Греция возраста 4000 лет / J. Lacarrière. – Афины : Изд. Хатзиниколи, 1980. – С. 26].
28. Μπαμπινιώτης, Γ. Η γλώσσα ως πρόσβαση στον πολιτισμό / Γ. Μπαμπινιώτης // Το Βήμα. – 2006. – 02.07 [Бабиниотис, Г. Язык как доступ к культуре / Г. Бабиниотис // Вима. – 2006. – 2 июля].
29. Peer social network processes and adolescent health behaviors: A systematic review. January / Montgomery Shannon, Michael Donnelly, Prachi Bhatnagar, Angela Carlin, Frank Kee, Ruth Hunter // *Preventive Medicine.* – 2020. – Vol. 130. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2019.105900>.
30. Orwell, G. 1984. Ο Μεγάλος Αδελφός / G. Orwell // μετάφραση Μπαρτή Νίνα. – εκδόσεις Κάκτος, 1999 [Orwell, G. 1984. Большой Брат / G. Orwell ; пер. Барти Нина. – изд. Кактос, 1999].
31. Πανούσης, Γ. Διά βίας εκπαίδευση – Ποιος στ' αλήθεια νοιάζεται / Γ. Πανούσης. – Εγκληματολογία. – 2012. – Τ. 1 [Панусис, Г. Образование через силу – Кого это реально волнует? / Г. Панусис // Криминалистика. – 2012. – Т. 1].
32. Πανούσης, Γ. (2018), Ποινικό δίκαιο των αγαθών, των αξιών ή των αμαρτιών; Ποινική Δικαιοσύνη, τεύχος 8/9 [Панусис, Г. Уголовное право товаров, ценностей или грехов? / Г. Панусис // Уголовное правосудие. – 2018. – Т. 8/9].
33. Παπανούτσος Ευάγγελος, (1975), Το δίκαιο της πυγμής, εκδόσεις Δωδώνη [Папанутсос, Евангелос. Закон кулака / Папанутсос Ивангелос. – изд. Додони, 1975].
34. Qiu, L. Putting their best foot forward: Emotional disclosure on facebook / L. Qiu, H. Lin, A. K. Leung, W. Tov // *Journal of CyberPsychology, Behavior, and Social Networking.* – 2012. – Vol. 15(10).
35. Rigby Ken (2008), Σχολικός Εκφοβισμός. Σύγχρονες απόψεις. Επιστημονική Επιμέλεια: Άκης Γιοβαζολιάς, εκδόσεις Τόπος, σελ. 24–34 [Школьная травля. Современные взгляды / науч. ред. Акис Йовазоляс. – Изд. Топос, 2008. – С. 24–34].
36. Walther, J. B. Research ethics in Internet enabled research: Human subjects issues and methodological myopia / J. B. Walther // *Ethics and Information Technology.* – 2002. – Vol. 4.
37. Willard, Nancy. Cyberbullying and Cyberthreats Effectively Managing Internet Use Risks in Schools /Willard Nancy. – 2007. – URL: https://www.cforks.org/Downloads/cyber_bullying.pdf
38. Θεολόγη Β. -Αδαμοπούλου Ει. (2011), Το φαινόμενο του εκφοβισμού στο Διαδίκτυο. Οι απόψεις των Ελλήνων φοιτητών και η νομική αντιμετώπισή του .Πρακτικά 2^{ου} Διεπιστημονικού Συνεδρίου της Ελληνικής Εταιρίας Μελέτης της διαταραχής του εθισμού στο Διαδίκτυο, (e-life), για τα οφέλη και τους κινδύνους στη χρήση του διαδικτύου, Θεσσαλονίκη 1–3 Απριλίου 2011 [Теологи, В. Феномен запугивания в интернете / В. Теологи, И. Адамопулу // Взгляды греческих студентов и их правовое обращение : материалы 2-й междисциплинар. конф. Греческого общества по изучению интернет-зависимости (электронной жизни), о преимуществах и рисках использования Интернета.– Салоники, 2011].
39. Θεολόγη Β., (2012) Ανήλικοι και σελίδες κοινωνικής δικτύωσης, σε Εγχειρίδιο Εγκληματολογίας, συγγραφέας Χ. Δημόπουλος, εκδόσεις Νομική Βιβλιοθήκη [Теологи, В. Несовершеннолетние и социальные сети / В. Теологи // Криминалистика / сост. Χ. Димопулос. Изд. Юридическая библиотека, 2012].
40. Θεολόγη Β. -Αδαμοπούλου Ει. (2012), Το φαινόμενο του εκφοβισμού. Ερευνητικά δεδομένα και διαπιστώσεις, Περιοδικό Αστυνομική Ανασκόπηση, Τεύχος 272 [Теологи, В. Феномен запугивания. Данные и выводы исследований / В. Теологи, И. Адамопулу // Police Review. – 2012. – Вып. 272].
41. URL: <https://www.kidzworld.com/forums/say-anything/t/1010513-names-bullies-call-you>
42. URL: <https://www.kars4kids.org/blog/bullies-the-names-they-call-us-and-how-the-hurt-can-change-us/>
43. URL: <https://www.ymcasv.org/about/stories/blog/abcs-dealing-bullies>
44. URL: <https://www.bullying.co.uk/general-advice/what-is-homophobic-bullying/>
45. URL: <https://www.verywellfamily.com/subtly-mean-phrases-bullies-use-460524>
46. URL: <https://www.minedu.gov.gr/news/18569-08-03-16-ti-deixnoun-ta-stoixeia-erevna-gia-ton-sxoliko-ekfovismo>
47. URL: <https://www.liberal.gr/apopsi/bullying-ena-fainomeno-me-anisuchitikes-diastaseis/287055>

А. Н. Баранов

Москва, Россия

РЕЧЕВОЙ АКТ УГРОЗЫ НА ФОНЕ РЕЧЕВЫХ АКТОВ С БЛИЗКОЙ СЕМАНТИКОЙ

A. N. Baranov

Moscow, Russia

SPEECH ACT OF THREATS IN COMPARISON WITH SPEECH ACTS WITH SIMILAR SEMANTICS

Аннотация. Рассматриваются дифференциальные признаки речевого акта угрозы, которые существенны для лингвистической экспертизы и позволяют отделить его от сходных по семантике коммуникативных намерений: от предупреждения, опасения, предостережения, выражения ненависти и проклятия.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, речевой акт угрозы, речевой акт предупреждения, речевой акт опасения.

Abstract. The article discusses the differential features of a speech act of threat, which are essential for forensic linguistics and allow to separate it from semantically similar communicative intentions: from warning, fear, forewarning, expression of hatred and damnation.

Keywords: forensic linguistics, speech act of threat, speech act of warning, speech act of fear.

В работе [Баранов 2013] предлагалось разделить угрозы как тип речевого акта на два основных типа: угрозы-наказания и угрозы-предупреждения. **Угрозы-наказания** реализуются в ситуациях, когда адресат сделал что-то нежелательное для говорящего и он предупреждает адресата о наказании, которое за это последует, ср. примеры (1) и (2):

(1) И тут же объявился гость – старый агроном Петрович, такой же, каким был всегда: сухонький, шустрый, вприпрыжку ходил ли, бегал в заломленной кепочке. Как воробей он всегда насакивал, сухим перстом *грозил* провинившемуся трактористу: «Ты – неграмотный, да?! Глубина заделки? Кто такой – глубина заделки? Ты не понимаешь?! [Борис Екимов. Пиночет];

(2) Он возмущался бездействием пограничных российских властей, которые не могли добиться возвращения пограбленного имущества, и *грозил* лично наказать горские народы за нападение на своего представителя. [«Родина»].

Приведенные примеры характеризуются тем, что что-то плохое для угрожающего уже произошло и цель угрозы в том, чтобы наказать субъекта, ответственного за произошедшее, как бы получив компенсацию за это по принципу око за око, зуб за зуб. Одновременно наказание выполняет пропедевтическую функцию – урок, чтобы субъект не делал этого в будущем. Данный тип называется **угрозами-наказаниями**.

Таким образом, угрозы-наказания реализуются в ситуациях, когда адресат сделал что-то нежелательное для говорящего и он предупреждает адресата о наказании, которое за это последует¹. Угрозу-наказание в примерах типа (1), (2) предлагалось истолковать так:

Х угрожает₁/грозит₁ Y-у, что сделает P = ‘X говорит Y-у, что сделает P – нечто плохое для Y-а, из-за того, что Y сделал что-то плохое X-у (= Q), чтобы Y боялся P и осознал, что нехорошо делать плохое для X-а (в том числе и Q) и не делал это в будущем’.

Основной смысловой акцент в семантической экспликации угрозы-наказания в том, чтобы заставить адресата бояться санкции. Как следует из толкования, при возможности повторения нежелательного действия Q угроза-наказание может выполнять и воспитательную функцию (как и самое наказание). Угроза-наказание не относится ни к прямым, ни к косвенным побуждениям, хотя из компонента ‘чтобы Y боялся P и <...> и не делал это в будущем’ выводится следствие ‘X не хочет, чтобы Y делал плохое X-у’, которое может влечь побуждение Y-у не делать плохого для X-а. Впрочем, это побуждение довольно слабое. Тем самым выявление в диалоге или письменном тексте угрозы-наказания не указывает, например, на ситуацию вымогательства. Действительно, нечто плохое Q уже сделано. Однако для экстремистского дискурса угроза-наказание вполне органична.

В ряде случаев угроза-наказание эксплуатируется и при вымогательстве. В этом случае квалификация Q, сделанного Y-ом, как плохого для X-а носит декларативный, притворный характер и используется

¹ Поскольку далее рассматривается речевой акт угрозы, то в иллюстрациях используются и глаголы *грозить* и *угрожать*. Различия между ними относительно невелики и в данном случае несущественны.

как фактор давления на Y-а для получения от него желаемого – денег, уступки прав на собственность и пр. В этом случае семантическая структура вымогательства усложнена.

Иная ситуация в случае угроз-предупреждений. **Угрозы-предупреждения** используются в тех случаях, когда говорящий понимает, что адресат может совершить нечто нежелательное для него (или связанных с ним лиц) и пытается предотвратить это. Ср. следующие примеры:

(6) Трактирщик тем временем не умолкал – то командовал сорванным голосом, то увещевал почти ласково. А то **угрожал** перестрелять всех, если сдрейфят. [Василь Быков. Камень (2002)];

(7) Молодой дипломат Щедрина не читал и не собирался, а вот на каком основании Зубр появился в Берлине, чем он тут занимается, зачем якшается с эмигрантами, **угрожал** докопаться. Какие там мухи, что за мутации? [Даниил Гранин. Зубр 1987].

Для угрозы-предупреждения в [Баранов 2013] предлагалась следующая семантическая экспликация:

X угрожает₂/грозит₂ Y-у, что сделает P, [чтобы Y не делал Q] = 'X говорит Y-у, что сделает P – нечто плохое для Y-а, если Y сделает Q – что-то плохое для X-а, чтобы Y боялся P и из-за этого не делал Q'.

Угроза-понуждение – это вариант угрозы-предупреждения, реализующийся в ситуации, когда говорящий хочет от адресата не бездействия (отказа от совершения поступка), а действия: *Совсем не помню, что я отвечала этому полковнику. Кажется, я больше молчала, только изредка повторяя: «Не подпишу!».* Он то **грозил**, то **уговаривал**, **обещал свидание с мужем, с детьми**. [Е. Гинзбург. Крутой маршрут].

В [Баранов 2013] было показано, что предложенное разделение на угрозы-предупреждения и угрозы-наказания релевантно как с лингвистической точки зрения, так и с точки зрения лингвистической экспертизы.

Для реализации угроз в дискурсе (разговоре, беседе) должны присутствовать следующие семантические компоненты:

УГРОЗА-ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

- субъект угрозы («угрожающий»);
- адресат угрозы (тот, кому угрожают);
- положение дел, желательное для угрожающего (действие или бездействие адресата угрозы);
- санкция.

УГРОЗА-НАКАЗАНИЕ

- субъект угрозы («угрожающий»);
- адресат угрозы (тот, кому угрожают);
- событие, негативно оценивающееся субъектом угрозы, за которое несет ответственность адресат угрозы;
- санкция и обязательство реализовать ее.

Предлагаемые семантические экспликации угроз позволяют отделить угрозы от речевых актов, похожих на них по семантическим характеристикам.

Сообщение о наступлении события, негативного для адресата, характеризует не только угрозы (угрозы-наказания и угрозы-предупреждения), но и широкий класс речевых актов, связанных с информированием адресата о предстоящих неприятностях. Один из таких типов – это **предупреждение**. Предупреждение как речевой акт оказывается более широкой категорией, в которую входят и угрозы. Действительно, глагол *предупредить* толкуется в толковых словарях современного русского языка как 'заранее известить о какой-л. опасности; предостеречь' [МАС], 'заранее известить, уведомить' [ТСРЯ]. При всей неточности словарных толкований очевидно, что значение глагола *предупредить* оказывается шире, чем глагола *угрожать* в контекстах угрозы-предупреждения. Действительно, угроза-предупреждение оказывается разновидностью предупреждения: это такое предупреждение, которое связано с желательной resp. нежелательной для говорящего ситуацией и готовностью говорящего применить санкцию для того, чтобы нежелательная ситуация не реализовалась.

Не относятся к угрозам указанных типов сообщения о предстоящих стихийных бедствиях, приближении сложных экзаменов, информация об эпидемиях и тому подобные сообщения. Основная особенность таких речевых форм заключается в том, что они не предполагают контроля со стороны говорящего. Иными словами, они не могут рассматриваться как санкция за что-либо. Контексты с такой семантикой часто встречаются в публицистике. В приводимом ниже примере обсуждаются весьма вероятные, с точки зрения автора текста, проблемы Адыгеи¹.

На сегодняшний день Адыгея переживает глубокую социальную депрессию. И не надо здесь ждать социальных бунтов по тину Майдана или Болотной площади. <...> Не далек тот день, когда в Адыгее тоже начнут стрелять, потому что когда молодежь загнана в угол, и у нее появляются миссионеры, а они обязательно появятся и скажут «Ребята, грабь награбленное!» А еще, если это «святое» дело будет освещено идеей джихада? Не стоит забывать о тех ребятах, уехавших воевать в Сирию, они же когда-то вернутся. Я прошу запомнить именно эти слова [«Российская газета»].

¹ Здесь и далее везде сохраняются особенности орфографического и пунктуационного оформления первоисточника.

В приведенном фрагменте описывает целый ряд негативных ситуаций, которые, однако, нельзя рассматривать как санкции по причине того, что их наступление никак не контролируется автором статьи. Так, ситуации 'в Адыгее тоже начнут стрелять' и 'у нее [у молодежи] появляются миссионеры, а они обязательно появятся и скажут «Ребята, грабь награбленное!»' – это возможное развитие событий и угрозы ситуации в Адыгее, но угрозы в другом значении – в смысле 'возможность, опасность какого-л. бедствия, несчастья, неприятного события' [МАС], 'риск, опасность' [ТСРЯ]. Иными словами, это не речевой акт с семантикой угрозы, а **обсуждение** возможных проблем и опасностей, которые обнаруживает журналист в существующей ситуации.

В религиозном дискурсе нередко отмечается, что неучастие в священной войне (в джихаде, например) влечет божью кару. Ср. характерный пример:

Передают со слов Абу Уамы, да будет доволен им Аллах, что пророк, да благословит его Аллах и да приветствует, сказал: «Того, кто сам не принимал участия в военных походах, или не снарядил в поход (никого) из участников (таких) походов, или не заботился о членах их семей, Аллах поразит бедствием ещё до наступления Дня воскресения» (Этот хадис с достоверным иснадом приводит Абу Дауд). [материалы доследственной проверки]

Легко видеть, что санкция, описанная во фразе *Аллах поразит бедствием ещё до наступления Дня воскресения*, не зависит от говорящего, будучи прерогативой бога. Это, скорее, **предостережение** о нарушении религиозных норм и ценностей. Впрочем, сообщаемый смысл вполне может вписываться и в пропаганду насильственных действий и войны по религиозным основаниям.

Угроза как речевой акт отличается и от **выражения ненависти**. Эмоция ненависти может передаваться различными типами речевых актов. Например, выражение желания принять участие в физическом устранении адресата, вообще говоря, не является угрозой. Так, в один из государственных органов РФ поступило электронное письмо, которое формально является речевым актом просьбы:

ХХ, когда вы потеряете власть со своим «денег нет а вы держитесь» и вас будут расстреливать я бы хотел принять в этом участие, и лично расстрелять УУ. [материалы доследственной проверки]

Событие потери власти и расстрела государственного чиновника ХХ и другого государственного чиновника УУ рассматриваются автором письма как то, что обязательно произойдет в будущем (это пресуппозиция приведенной фразы), причем независимо от воли автора письма или каких-либо действий с его стороны. Смысловой вклад автора письма состоит в том, что он выражает желание присоединиться к расстрелу, то есть выражает свою просьбу. В тексте письма не говорится, что его автор контролирует саму ситуацию расстрела, что не позволяет рассматривать анализируемую фразу как угрозу. Абсурдность такой просьбы с определенностью указывает на то, что коммуникативная направленность автора письма состоит в том, чтобы выразить ненависть, испытываемую к упомянутым в просьбе лицам, в первую очередь к чиновнику УУ.

Аналогичную семантическую структуру имеет и следующий текст (электронное письмо в один из государственных органов РФ):

Я хочу чтобы меня научили быть киллерам, убивать господина УУ и таких же уродов с твоим ХХ подходом пенсия не светит [материалы доследственной проверки]

Описание желания говорящего часто передает иллюкутивную семантику просьбы. Как и в предшествующем случае, абсурдность просьбы и чрезмерная брутальность приобретаемого навыка (*научили быть киллерам, убивать господина УУ и таких же уродов*) указывает на выражение автором письма ненависти к УУ и иным лицам – «таким же уродам». Отсутствие информации о контроле над убийством (убийствами?) или, как минимум, неочевидность такого контроля снимает вопрос о речевом акте угрозы.

Еще один важный класс случаев, близких по семантике речевому акту угрозы, это **проклятия**. В проклятиях выражается пожелание адресату чего-то очень плохого, однако наступление негативных событий не контролируется говорящим. Так, проклятия *Чтоб ты сдох!*; *Ни дна, ни покрыва!*, *Чтоб ты провалился!* выражают пожелание плохого, причем они могут быть вызваны тем, что адресат, в свою очередь, сделал что-то плохое проклиняющему. Ср. характерный пример:

– Шо-о-о? – изумился он. – Ах ты ж!.. – Подбежал, но не стал бить, а уселся верхом ей на спину. – Ну? Повтори, сучонок, шо-та я не расслышал?...

Верка лежала лицом в пыли. <...> Грудная клетка была сдавлена под тяжестью сидевшего на ней верхом парня. Ненависть остро и больно перекачивалась в животе, булькала в горле.

– Ну?! – он подпрыгнул и больно придавил задом ее спину. – Ну, повтори!!

<...>

– Сволочь!! Гад!! Ворюга! — плача и кашляя, повторила она ртом, полным пыли и крови. – Сволочь проклятая! Чтоб ты сдох! Чтоб тебя разорвало!! [Дина Рубина. На солнечной стороне улицы]

Фразы *Чтоб ты сдох!* и *Чтоб тебя разорвало!!* представляют собой типичные примеры проклятий, адресованных Верке парню, который ее избил. Очевидно, что Верка сама не в состоянии нанести какой-то физический ущерб своему оппоненту, который старше ее и физически сильнее. Да и из контекста ответные действия Верки не предполагаются.

Типичный пример угроз-наказаний – ситуации, в которых наступление негативных последствий действий в отношении адресата неизбежно. Таковы, в частности, приговор и некоторые речевые акты, сопровождающие его исполнение. Так, в примере:

Владыка Димитрии не пытался укрыться. В архиерейском доме в Симферополе его арестовали, затем вынесли приговор: «**Расстрелять за контрреволюционную деятельность, за участие в вооруженной борьбе против республики**». [«Журнал Московской патриархии», 2003.11.24]

фраза приговора *Расстрелять за контрреволюционную деятельность, за участие в вооруженной борьбе против республики* является угрозой-наказанием.

Однако описание возможной предстоящей казни лицом, не наделенным компетенцией судьи и не принимающим в связи с этим каких-либо решений, угрозой уже не является:

Я дело на пересмотр подал. **Его расстрелять мало**. Он общественную опасность представляет. Он тебе, МIRONЧУК, ножом угрожал в бараках у стрелочников? [Фридрих Горенштейн. Куча (1982) // «Октябрь», 1996]

– Немедленно расследуйте и доложите мне об этом безобразии. – **Расстрелять надо мерзавца**, дезорганизатора, сказал Неудобнов, задергивая занавеску. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)]

Вообще угроза в отношении санкции **проспективна** (направлена в будущее), соответственно приговор суда после его исполнения уже не является ни угрозой-наказанием, ни угрозой вообще. Реализованная санкция нивелирует иллюкативный потенциал угрозы.

Выражение опасения в отношении наступления каких-то негативных событий также само по себе не является угрозой. Так, в диалоге между двумя лицами участник М1 выражает опасения относительно уголовного преследования собеседника:

М1: Приехал только вчера. Все привез... в ячейке... Устал только, давай отложим. Завтра заберу

М2: Отлично, время есть. Я договорился на конец недели...

М1: Может, лучше сначала оформить договор? Будешь передавать, повяжут с деньгами – взятка... Загредишь за коммерческий подкуп – поди доказывай...

М2: Десять лет с человеком работаю. Хотел бы – давно посадили. [материалы лингвистической экспертизы]

Фраза *Будешь передавать повяжут с деньгами – взятка... Загредишь за коммерческий подкуп – поди доказывай...* выражает опасения участника М1 относительно неоднозначности ситуации, в которую может попасть участник М2. Однако опасения сами по себе не являются угрозой.

При этом незначительная модификация контекста, привносящая в разговор идею контроля над опасной ситуацией со стороны участника М1, превращает реплики участника М1 в угрозу:

М1: Приехал только вчера. Все привез... в ячейке... Устал только, давай отложим. Завтра заберу

М2: Отлично, время есть. Я договорился на конец недели...

М1: Может, сначала рассчитаешься со мной? А то ведь будешь передавать, повяжут с деньгами – взятка... Загредишь за коммерческий подкуп – поди доказывай... [сконструированный пример]

В последнем варианте разговора фраза участника М1 относительно удовлетворения его финансовых претензий (*Может сначала рассчитаешься со мной?*) преобразует иллюкацию опасений за действия М2 в угрозу-предупреждение: желаемая ситуация – ‘получение обещанных денег от участника М1’, санкция – ‘сообщение в правоохранительные органы о коммерческом подкупе’.

Степень вербализации смысловых компонентов угрозы – события, негативно оцениваемого субъектом угрозы, за которое несет ответственность адресат угрозы, санкции и обязательства реализовать ее (для угрозы-наказания) и положения дел, желательного для угрожающего, и санкции (для угрозы-предупреждения) – может быть различной, однако вербализация причинной связи между санкцией и негативно оцениваемым событием и между санкцией и желательным событием необходима.

Так, в разговоре между участниками К и Д (материалы лингвистической экспертизы) последний пытается убедить участника К признать его, наряду с собой, конечным бенефициаром некой финансовой сделки, что позволит следствию рассматривать участника Д как потерпевшего. В разговоре есть реплики, которые при вербализации причинной связи между желаемым для участника Д поведением участника К и упоминаемыми в этих репликах «крайними вариантами» подпадали бы под категорию угрозы:

Д: Я сказал, что есть крайние варианты, на которые я никогда в жизни не смог бы пойти, уважая Вас, вот что я сказал вчера, понимаете, хотя такие предложения мне поступали. Я, к сожалению, сегодня ему сказал, что извините, я так делать в своей жизни не могу. Я вот что Вам вчера хотел сказать, а не то, что я взял как бы и это начал уже реализовывать, не так, ни в коем случае

К: А от кого такие предложения-то тебе были?

Д: Ну, я ж Вам сказал про родину, Владимир Викторович...

К: Угу, ну, ладненько, Леш! Не, ну я, я всегда рассчитывал на то, что ты человек-то и порядочный...

Д: Ну я понимаю, что есть как бы проблемы, которые я создал, но я не отморозок, поэтому я никогда в этой жизни там какие-то грани не смогу переступить, поэтому я предлагаю, что надо просто по такому варианту спокойно идти и спокойно двигаться дальше. Более того, я думаю, Павел Викторович прекрасно понимает, о чем я говорю. Если Вы с ним поговорите, то мы спокойно придем как бы к следователю, эту ситуацию на очной ставке проговорим. Он соответственно ситуацию для себя понимает, что мы конечные бенефициары. Да, нас ввели в заблуждение, фактов о том, что какую-то выгоду я получил, нету, ни в одном документе.

Действительно, фразы:

<...> есть крайние варианты, на которые я никогда в жизни не смог бы пойти, уважая Вас, вот что я сказал вчера, понимаете, хотя такие предложения мне поступали. Я, к сожалению, сегодня ему сказал, что извините, я так делать в своей жизни не могу <...>;

Ну я понимаю, что есть как бы проблемы, которые я создал, но я не отморозок, поэтому я никогда в этой жизни там какие-то грани не смогу переступить <...>.

указывают на какие-то обсуждавшиеся действия в отношении участника К, которые связаны, как минимум, с нарушением моральных норм, принятых стандартов поведения и т. п. – если не больше (*я не отморозок; грани не смогу переступить*). Однако участник Д не связывает причинной связью будущее поведение К, желательное для участника Д, и упомянутые в репликах «*крайние варианты*». Впрочем, намек на такую связь обнаруживается – но именно намек.

Как намек прочитывается и другой риторический ход участника Д, который несколько раз повторяет, что начинает выплату финансовых средств участнику К по договору займа (соответствующие части реплик выделены нижним подчеркиванием):

Д: <...> у Вас есть договора займа, они у Вас остаются, проблем нет, я как бы еще раз говорю, что я готов выполнить все свои обязательства

Д: Соответственно Вы спокойно делаете все те вещи, которые есть, а я спокойно выполняю все, что я подписал по договору займа. <...>.

Д: Вот мы с Вами являемся потерпевшими, а то что в договорах займа происходит, ну это наши с Вами личные взаимоотношения, которое я обязан просто выполнить и все. Даже это не обсуждается

Д: <...> мы на очной ставке это все подтверждаем, следовательно говорим об этом, и он это очень быстро, легко на основании там всех наших показаний, все это переводит, а я тем временем спокойно рассчитываюсь по договору займа.

Д: Поэтому адвокаты каким-то образом посмотрели ситуацию, считают, что надо сделать вот так.<...> проще по займам спокойно деньги оплачивать, те транши, которые Наталья Сергеевна прописала

Д: <...> это дело уголовное, оно будет вестись еще минимум там до следующего года <...>. А Вы уже до декабря все деньги получите, по всем-всем вещам(?). <...>

Навязчивое выражение готовности выплатить деньги по договорам займа (см. подчеркнутые части реплик выше) определенно указывает на тот «бонус», который готов реализовать участник Д. Хотя это формально не обуславливается будущим поведением собеседника, но как намек легко прочитывается адресатом.

Санкция в угрозе может быть различна по своей силе и значимости. Так, санкция в угрозе *Если ты будешь так себя вести, я с тобой разговаривать не буду* не носит криминального характера, а санкция в угрозе: *Не уйдете мы Вас всех будем отстреливать. Есть списки, конкретно, касательно Вас. Собрали, подготовили, так как альхамдуля сезон охоты начался* ‘мы Вас всех будем отстреливать’ очевидно криминальна, поскольку связана с убийством. Однако с лингвистической точки зрения и в первом, и во втором случае реализуется речевой акт угрозы. Оценка криминальности санкции находится в компетенции правоохранительных и судебных органов.

Резюмируя проведенный анализ, можно сделать следующие выводы о факторах, позволяющих отделять речевые акты угрозы от других речевых актов сходной семантики. К таким факторам контекста относятся:

- перспективность санкции – направленность санкции в будущее;
- указание на способность потенциального угрожающего контролировать санкцию или очевидность такого контроля;
- причинная связь санкции с положением дел, желательным или нежелательным для угрожающего.

Библиографический список

1. Баранов, А. Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста / А. Н. Баранов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам междунар. конф. «Диалог» (2013). – Москва, 2013. – Т. 1, вып. 12 (19). – С. 69–78.
2. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва : Рус. яз., 1983. – Т. III. [МАС – Малый академический словарь].
3. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва, 2007 [ТСРЯ].

Е. Г. Борисова, А. А. Малюка

Москва, Россия

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНВЕКТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛЕКСИКИ У НОВЫХ ПОКОЛЕНИЙ¹

E. G. Borisova, A. A. Malyuka

Moscow, Russia

TRANSFORMATION OF INVECTIVE CHARACTERISTICS OF VOCABULARY IN NEW GENERATIONS

Аннотация. Рассматриваются проблемы сохранения и развития инвективного потенциала русской лексики. Данная характеристика является важной составной частью правового обеспечения коммуникации – как межличностной, так и массовой или групповой. Лексика, вызывающая эмоции (в случае с инвективами – негативные), постоянно подвергается обновлению, поскольку как и любой сильнодействующий психологический стимул, с течением времени эмоциональная сила теряется за счет привыкания. Делается вывод, что обеспечение квалификации текста как оскорбительного требует точных представлений о том, что является оскорбительным для адресата и автора, учитывая необходимость выявить его намерения. Рассматриваются отдельные случаи потери инвективной силы рядом оскорблений, а также появления новых оскорблений в последнее время.

Ключевые слова: оскорбление, эмоционально окрашенная лексика, инвектив, изменения характеристик лексики.

Abstract. The article examines the issues of preserving and developing the invective potential of Russian vocabulary. This characteristic is an important part of legal communication, both interpersonal and mass. Vocabulary that evokes emotions, as in the case of invectives, is constantly being updated, because over time, any powerful psychological stimulus loses its emotional strength due to adaptation. Therefore, ensuring that a text is classified as offensive requires an accurate understanding of what is offensive to the addressee. The need to identify the intentions of the author is also necessary due to the clarification of his offending intentions. The article examines the cases of loss of the invective power of some insults, as well as the emergence of new insults in recent years.

Keywords: insult, emotionally colored vocabulary, invective, changes in vocabulary characteristics.

Среди словесных действий, наносящих ущерб гражданам, и потому требующих правового регулирования, особое место занимают оскорбления – использование по отношению к какой-либо личности слов или словесных формул, которые вызывают негодование и представляются нанесением морального ущерба.

Вербальное оскорбление как объект лингвистической экспертизы исследовался многими учеными, в том числе А. Н. Барановым, К. И. Бриневым, Е. И. Галяшиной, Г. В. Кусовым, М. А. Осадчим и др. Однако на практике продолжает возникать вопрос о разграничении юридического и лингвистического понятий оскорбления.

Несмотря на то, что Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные акты Российской Федерации» декриминализованы преступления, предусмотренные ранее статьями 129 УК РФ (клевета) и 130 УК РФ (оскорбление), понятие «оскорбление» осталось в ст. 5.61 КоАП РФ «Оскорбление» [Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях №195-ФЗ от 30 декабря 2001 г.], а также в ст. 297 УК РФ «Неуважение к суду», ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти», ст. 336 УК РФ «Оскорбление военнослужащего» [Уголовный кодекс Российской Федерации №63-ФЗ от 13.06.1996]. В соответствии с этими нормами оскорблением является унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. То есть с точки зрения права термин «оскорбление» включает в себя:

- унижение чести, достоинства,
- конкретное лицо или группа лиц, на которых направлено деяние,
- неприличная форма выражения.

В принципе, можно считать такое определение экспликацией бытового, интуитивного представления об оскорблении, нашедшего отражение в глаголе оскорбить:

ОСКОРБИТЬ, -блю, -бишь; прич. страд. прош. оскорблённый, -лён, -ленá, -ленó; сов., перех. (несов. оскорблять). Крайне обидеть, унижить кого-л.; уязвить, задеть в ком-л. какие-л. чувства.

¹ Статья подготовлена по результатам проекта РФФИ № 18-013-01156.

Лингвистические исследования действия оскорбления предполагают наличие определенных характеристик используемых при этом языковых средств. Оскорбительная лексика бывает снабжена пометой оскорб. В словарях, кроме того, такая же лексика, носящая менее возмутительный характер, может отмечаться пометами негат., пренебр., презрит.: профукать, мужичонка. Можно говорить об оскорбительном характере существенной части просторечных слов: дерьмо и т.п. Имеются словари и обзорная литература, сводящие воедино ругательную лексику (инвективы) (Жельвис, Мокиенко).

Однако надо иметь в виду, что степень оскорбительности может варьировать для разных социально-демографических групп. Так слова *козел*, *овца* считаются крайне оскорбительными для определенной социальной группы, близкой криминальным кругам, тогда как в других сообществах степень обидности этих ругательств существенно ниже.

Особого внимания заслуживает оценка степени обидности (или оскорбительного потенциала) в различных возрастных группах. Лексика, вызывающая эмоции (в случае с инвективами – негативные), постоянно подвергается обновлению, ибо как и любой сильнодействующий психологический стимул, с течением времени эмоциональная сила теряется за счет привыкания [Изард 1999: 47]. Изменения в этой сфере нередко связаны и с трансформациями ценностей у различных групп населения, в первую очередь, молодежи, которые мы наблюдаем постоянно, а особенно сильно в последние годы. Так, уходят из числа осуждаемых такие качества, как эгоизм, приспособленчество, корыстность. Взамен появляются новые, связанные с верностью устаревшим идеалам (*совок*, *патриёт*). Входят в более широкий обиход существовавшие ранее оскорбления по национальному признаку и новые обозначения, поскольку интернационализм вышел из числа ценностей для довольно большой группы людей.

В данной работе предложены результаты исследования (во многом предварительного, пилотного), направленного на определение инвективного потенциала лексики у современной молодежи. Исследование проходило в двух направлениях: анализировалось общение в соцсетях и проводился психолингвистический эксперимент по оценке оскорбительности традиционно инвективной лексики и слов, недавно вошедших в их состав.

На современном этапе развития информационных технологий и средств массовой информации огромную нишу в коммуникации занимают социальные сети. Широко распространены такие платформы, как Instagram, Facebook, Вконтакте. Представленные социальные сети обладают возможностями публичного общения пользователей при помощи комментариев под информационными блоками (постами) других пользователей или различных групп. В рамках исследования оскорбительных характеристик был проведен анализ некоторого количества комментариев с негативным компонентом для выявления изменений среди лексики, которую можно отнести к оскорбительной. Рассмотрим достаточно типичные классы ругательной лексики, используемые в комментариях.

1. Информационный блок (пост) имеет следующий контекст: три фото девушек, которые собрались вместе покушать и провести время совместно, сопровождается текстом «*лучшие вечера это вечера с лучшими подругами. Убедилась!*».

В комментариях были найдены следующие негативные оценочные характеристики: «*шкур* на обеде» – обозначение девушек на фото, *шкура* – продажная девушка, которую интересует получение какой-либо выгоды из любых отношений с мужчинами (сленг молодежный). Заметим, что шкура (обычно в сочетании «продажная шкура» было распространенным ругательством у людей старшего поколения, однако в основном оно относилось к извлекателям выгоды в более серьезных делах: измена какому-то общему делу и т.п. Имелся также комментарий, где использовалась нецензурная, но относительно новая лексика: «*три шмоньки собрались*» (обозначение девушек на фото). *Шмонька* – половой женский орган, употреблено в переносном значении – девушка легкодоступная (сленг молодежный).

2. В следующих блоках имеются оскорбления, связанные с национальными характеристиками. Информационный блок (пост) имеет следующий контекст: фото молодой девушки, текст указывает, что она беременна от нерусского мужчины и ей 16 лет.

В комментариях были найдены следующая негативная оценочная характеристика: «*чернильница*»: обозначение девушки из поста, *чернильница* – девушка, которая занимается сексом с нерусскими мужчинами (дагестанцы, азербайджанцы, чеченцы, приезжие стран СНГ, дословно – имеет отношения с «*черными*»), является негативным действием в некоторых кругах местных конкретного населенного пункта (сленг молодежный).

Информационный блок (пост) имеет следующий контекст: фото изображает семью азиатской внешности (предположительно мусульмане) – близнецы женились на близняшках, у них появились дети – близнецы и близняшки.

В комментариях были найдены следующие негативные оценочные характеристики: «*Пыздоглазые*» – указание на разрез глаз, отнесенность к расе, (инвективная лексика); «*грязный скот*» – обращение одного из пользователей (явно внешне славянин) к другому пользователю (азиатской внешности), явный расовый контекст; «*быдлице, не видевшее никогда людей другой расы*»: *быдло* – тупые, безвольные люди, покорные насилию (бранное слово), *-ище* – большая степень чего-то; «*чуречка*» (от слова чурек – перен. Житель Средней Азии).

3. Были найдены и другие оскорбительные слова, существовавшие ранее и приобретшие более высокую степень инвективности.

Информационный блок (пост) имеет следующий контекст: карикатурное изображение взаимоотношений двух крупных американских компаний SpaceX и NASA посредством соотнесения этих компаний с двумя противоборствующими кафе из популярного детского мультсериала «Спанч-Боб – квадратные штаны», где SpaceX – успешное кафе, а NASA – кафе, которое по сюжету пытается украсть секрет успеха первого кафе.

В комментариях были найдены следующие негативные оценочные характеристики:

«А что с нас то не так, нытики е...чие?»: обращение адресовано другим пользователям, оставившим комментарии под постом, *нытики* – люди, которые выражают свое недовольство путем нытья (сленг), является социально негативным действием, дополнительная негативная экспрессия создается оценочной лексикой – слово «е...чие» (инвективная лексика).

Таким образом, можно отметить, что в число инвективной лексики попадают слова из молодежного сленга, имеющие там негативный характер, а также и слова литературного языка, получающие или усиливающие инвективный потенциал. Большое количество новой оскорбительной лексики получило развитие для оскорбления по национальному признаку кавказцев и среднеазиатов.

Для того, чтобы оценить восприятие оскорбительной лексики был проведен экспресс-опрос среди учащихся подмосковных школ и колледжей. Было предложено около сорока слов, маркированных в словарях как негативное, презрительное, а также включенных в список инвективов.

Некоторые единицы относительно давно (но уже в пореформенный период) перестали восприниматься как оскорбительные и даже как негативные. Это слова *эгоист, стерва, барыга, безбашенный, вредитель, жуучара* и много других. В целом можно отметить снижение инвективного потенциала у очень большого числа слов как в связи с изменением общественного отношения к ряду явлений, так и в связи с «выдыханием» эмоциональной окраски. Более того, видимо, введение в прошлом резко оскорбительной табуированной (матерной) лексики в повседневный обиход снизило эмоциональные возможности большей части ругательств. Это заметно при сравнении восприятия инвективной лексики молодежью и более старшим поколением «тридцатилетних», для которых еще сохранили определенные оскорбительные черты слова *прохиндей, сволочь* и многие другие, уже не столь обидные для следующего поколения (результаты разовых опросов). Место «смягчившихся» ругательств стали занимать новые слова, нередко из жаргонов.

В то же время из традиционной ругани сохранили свои «обижающие» свойства такие слова, как *мразь, п.дор, гад, гадина, жуть, харя* и ряд других.

В целом можно признать, что для современной молодежи – от тридцати – до восемнадцатилетних – произошло не только изменение ценностей, выразившееся в смене и оценочной, и эмоциональной окраски ряда традиционно оскорбительных слов. В целом произошли заметные сдвиги в восприятии большого числа лексики, бывшей традиционно по крайней мере негативной. Тут уже можно увидеть и общее снижение реальной эмоциональности лексики – если даже матерная ругань стала частью повседневной нейтральной речи, и «истирание» эмоционального потенциала слов, что характерно для любых источников эмоциональности.

Было проведено пока предварительное исследование, позволившее сделать вывод об изменениях в эмоциональной, оценочной окраске и коннотациях традиционно оскорбительных слов. Лексика, вызывающая эмоции – в случае с инвективами – негативные, постоянно подвергается обновлению, ибо как и любой сильнодействующий психологический стимул, с течением времени эмоциональная сила теряется за счет привыкания. Поэтому обеспечение квалификации текста как оскорбительного требует точных представлений о том, что является оскорбительным для адресата. А учитывая необходимость выявить намерения автора также необходимо выяснение, что является таковым для автора. Поэтому для квалификации действий как оскорбления необходимо опираться на новейшие данные. Соответственно, необходимы исследования, позволяющие обновлять сведения в этой области.

Библиографический список

1. Борисова, Е. Г. «Эгоист ужасный/ прекрасный» (о вариативности оценки в лексических коннотациях) / Е. Г. Борисова // Вариативность в языке и коммуникации : сб. ст. / сост. и отв. ред Л. Л. Федорова. – Москва : РГГУ, 2013. – С. 140–146.
2. Бринев, К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Бринев К. И. – Кемерово, 2010. – 42 с.
3. Галяшина, Е. И. Лингвистика vs экстремизма: в помощь 111 судьям, следователям, экспертам / Е. И. Галяшина ; под ред. проф. М. В. Горбаневского. – Москва : Юридический мир, 2006. – 96 с.
4. Горбаневский, М. Оценка и ненормативность в материалах СМИ / М. Горбаневский // Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / авт.-сост. А. А. Леонтьев, В. Н. Базылев, Ю. А. Бельчиков, Ю. А. Сорокин. – Москва : Фонд защиты гласности, 1997. – С. 3–12.
5. Жельвис, В. И. Психолингвистическая интерпретация инвективного воздействия : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Жельвис В. И. – Москва, 1992. – 51 с.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30.12.2001 // Информационное правовое обеспечение «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 24.09.2020).
7. Куприн, А. И. Поход / А. И. Куприн // Собрание сочинений : в 9 т. / Куприн А. И. – Москва : Худ. лит., 1971. – Т. 3. – С. 137–146.
8. Кусов, Г. В. Анализ и диагностика признаков вербального оскорбления в судебной лингвистической экспертизе (типовая методика) : монография / Г. В. Кусов. – Краснодар : Издат. дом «Юг», 2011. – 156 с.

9. Кусов, Г. В. Основополагающие принципы проведения судебной лингвистической экспертизы / Г. В. Кусов // Модернизация современного общества: проблемы, пути развития и перспективы : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / ред. И. Н. Титаренко. – Ставрополь : Логос, 2011. – Ч. 2. – С. 176–179.
10. Кусов, Г. В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления»: развитие современной теории и практики / Г. В. Кусов // Российский судья. – 2011. – № 9. – С. 15–19.
11. Изард, К. Э. Психология эмоций : пер. с англ. / К. Э. Изард. – Санкт-Петербург : Питер, 1999. – 464 с.
12. Пищальникова, В. А. Язык как регулятивный механизм деятельности / В. А. Пищальникова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты / под ред. В. А. Пищальниковой. – Москва : МГЭИ, 2005. – Вып. 9. – С. 147–157.
13. Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е. Р. Россинская. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 736 с.
14. Семенова, Н. В. Инвективное функционирование языка и способы его проявления / Н. В. Семенова – URL: <http://www.tmborags.ru/index.php>.
15. Степко, М. Л. Определение объема и границ понятия «инвектива» в отечественной лингвистике / М. Л. Степко. – URL: <http://www.lingvomaster.ru/files/263.pdf>
16. Стернин, И. А. О понятии «неприличная форма высказывания» в лингвистической экспертизе / И. А. Стернин // Воронежский адвокат. – 2010. – № 1. – С. 16–21.
17. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 // Информационное правовое обеспечение «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 24.09.2020).
18. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. проф. М. В. Горбаневского. – Москва : Галерея, 2002. – 424 с.
19. Черкасова, М. Н. Речевые формы агрессии в текстах СМИ : монография / М. Н. Черкасова. – Ростов-на-Дону : Рост. гос. ун-т путей сообщения, 2011. – 123 с.

К. И. Бринёв

Кайфын, Китай

ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: СВЯЗЬ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

K. I. Brinev

Kaifeng, China

THE MAIN METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THE FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION: THE CONNECTION BETWEEN THEORETICAL AND APPLIED RESEARCH

Аннотация. Описываются основные методологические проблемы судебной лингвистической экспертизы, актуальных на современном этапе ее развития. Рассматривается теория определения терминов, согласно которой определимость термина является залогом успешности лингвистической теории. Обосновывается неэффективность данного теоретического построения. Отмечается, что в настоящее время в работах по лингвистической экспертизе недостаточно внимания уделяется теоретическому обсуждению проблем, которые находятся в центре данной дисциплины.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, методология, основания лингвистической экспертизы.

Abstract. The article describes the main methodological problems of forensic linguistic expertise that are relevant at the present stage of its development. The article deals with the theory of definition of terms, according to which the definability of a term is the key to the success of linguistic theory. The inefficiency of this theoretical construction is proved. It is noted that at present, in the works on linguistic expertise, insufficient attention is paid to the theoretical discussion of the problems that are at the center of this discipline.

Keywords: linguistic expertise, methodology, grounds for linguistic expertise

В настоящее время судебную лингвистическую экспертизу нельзя уже назвать молодой отраслью прикладных исследований, она, бесспорно, пережила этап становления и, вероятно, находится на этапе развития. Сейчас можно наблюдать огромное количество экспертных исследований, расширение сфер применения специальных познаний в области лингвистики для разрешения конкретных экспертных задач, развитие конкретных методик проведения судебной лингвистической экспертизы, методик по конкретным категориям дел.

Несмотря на это, до сих пор остаются неразрешенными, может быть, незамеченными, несколько принципиальных проблем, отсутствие осознания которых заметно тормозит развитие судебной лингвистической экспертизы как отрасли практической деятельности.

Цель настоящей статьи – актуализация этих проблем для экспертного сообщества, обоснование необходимости их решения и осознания.

1. Проблема определения терминов. Первой проблемой является так называемая проблема определения терминов. Эту проблему мы неоднократно обсуждали в своих работах еще в период становления теории судебной лингвистической экспертизы [Бринев: 2016], однако вряд ли можно сказать, что с этого времени произошли какие-то существенные изменения в способах теоретизирования в аспекте определмости / определенности теоретических терминов в судебной лингвистической экспертизе. Кратко сформулируем эту проблему. В теоретических работах по лингвистической экспертизе и конкретных экспертных исследованиях утверждается, иногда неявно предполагается, что для того, чтобы исследование было эффективным, необходимо четко определить термины, которые употребляются в теории или экспертном исследовании. Однако эта проблема не имеет ни теоретического, ни прикладного значения. Напротив, внимание к этой проблеме способно только тормозить рост теоретического знания в области и делать прикладные исследования бесполезными и субъективными. Такие вопросы, как "Что такое оскорбление/ неприличная форма / призыв / угроза / оценка / утверждение о факте / экстремизм...?" (ряд может быть продолжен любым термином из судебной лингвистической экспертизы), не представляют собой никакой теоретической ценности (скажем более категорично – эти вопросы носят ненаучный характер), а прикладное исследование, которое исходит из теоретической презумпции необходимости что-то определять, не может быть эффективным, оно субъективно и зачастую выходит за рамки специальных познаний в области лингвистики и вторгается в сферу юриспруденции.

Сказанное требует пояснения. Любое определение не является, как это установлено Дж. Остином [Остин: 1999], констативом, это означает, что определение не может быть истинным или ложным. Определение – это установление конвенции (в другом аспекте – равенства) между именем и описанием, где правая часть (описание) является важной, тогда как левая часть не представляет собой ценности. Например, в определении "неприличная форма – это форма не соответствующая принятым в обществе нормам нравственности и морали" левая часть может быть заменена на любой произвольный знак, например "Н", более того, она может быть опущена в любых рассуждениях без каких-либо заметных теоретических и прикладных последствий. В тексте экспертизы мы всегда можем заменить слово "неприличный" на пропозициональную функцию "то, что не соответствует принятым в обществе нормам нравственности и морали". Требование же определять термины способно привести только лишь к регрессу в бесконечность или к порочному кругу в определении, что также является видом регресса в бесконечность. Авторы, которые разделяют такие теоретические положения почему-то наивно полагают, что слово "неприличное" является более ясным и точным, чем слова "норма", "нравственность", "общество" и другие слова из правой части, но, очевидно, что это не так, более того, желание определить эти новые термины приведет к росту терминов, которые нужно определить. Если мы начнем определять, например, слово "общество" из представленного выше определения "неприличного", то мы получим еще несколько слов, которые потребуют своего определения, и так до бесконечности (о таком регрессе писал еще Ю. Д. Апресян в [Апресян: 1995]). Отметим, что в таком случае мы никогда не сможем приступить к установлению фактов – фрагмента реальности, для описания которого и привлекаются эксперты. В теоретическом же плане мы никогда не приступим к описанию и объяснению реальной действительности, то есть не будем выполнять той цели, которую преследует эмпирическая наука, а лингвистика, вероятно, все же эмпирическая наука. Отсутствие осознания этого факта приводит к тому, что в теоретических исследованиях, которые посвящены лингвистической экспертизе, решение реальных фактических проблем подменяется словесными дискуссиями, которые не имеют никакого эмпирического (а значит – в данном случае и научного) содержания, в конкретных же экспертных исследованиях, которые в одной из своих частей превращаются в род энциклопедических словарей, которые носят, скорее, наукообразный, чем научный характер (в так называемом разделе "Термины и понятия, использующиеся в экспертизе") осуществляется не более чем подгон конкретных текстовых, речевых явлений к определениям, которые более или менее к ним "правильно" подходят. Причем в этих же экспертизах, как правило, явно или неявно предполагается, что может быть дано и какое-то иное не менее правильное определение того же термина, что может естественным образом привести к другому экспертному результату вследствие того, что явление будет подгоняться уже под иное описание. Выход из такого положения сторонникам теории определения видится в том, что можно всегда объявить эту ситуацию проявлением естественного научного плюрализма, но, отметим еще раз, что такое положение, может, и имеет отношение к плюрализму в каком-то смысле этого слова, но не имеет никакого отношения к науке. В заключение этого фрагмента статьи отметим, что полный и ясный анализ проблемы определения терминов представлен в [Поппер: 1992].

Вариантом этой проблемы является проблема так называемых "критериев", которая носит такой же неэмпирический характер: предполагается, что для проведения экспертизы необходимо установить критерии угрозы, факта, мнения и др. На этой проблеме мы не будем подробно останавливаться в данной статье, укажем лишь на то, что она полностью эквивалентна проблеме определения, имеет те же теоретические и практические следствия, носит исключительно словесный и ненаучный характер.

Сказанное, на наш взгляд, позволяет сделать нам следующий вывод: любая проблема должна быть сформулирована как проблема о фактах, а не как проблема определения, в противном случае не будет выполняться основное требование к экспертизе – установить отсутствие или наличие фактов, которые способствуют разрешению дела.

2. Разграничение юридического и лингвистического понимания явлений. Данная проблема полностью производна от теории определения терминов. Тот, кто признает теорию определения, считает очень важным отметить, что есть какое-то специальное юридическое понимание "неприличного", "угрозы" и др. Из статьи в статью многими авторами вслед за авторитетными исследователями переписывается, что с юридической точки зрения "оскорбление – это умаление чести и достоинства, выраженное в неприличной форме", а "угроза с юридической точки зрения обладает признаком (критерием) реальности", тогда как с бытовой или лингвистической точки зрения имеет место несколько другое положение вещей. Эти тезисы подаются как высокая теория, однако, на наш взгляд, результаты такой "теории" очень скромны, если не сказать большего – они полностью отсутствуют. В лучшем случае результатом такого разграничения является обучение непосвященных специфике употребления слов, терминов и текстов-норм в юридическом языке, но это никак не связано с экспертными фактами и реальной эмпирической теорией. Зададимся вопросом: "Что следует из полисемии (некоторой спецификации) слова "оскорбление" в национальном русском языке и его юридическом варианте?". Как знание этого факта помогает установить факты по делу об оскорблении? Действительно, без знания того, что по делам по статье 5.61 КоАП РФ эксперт должен установить характер и форму речевого поведения (приличная / неприличная), лицо, которое будет производить экспертизу будет попросту профессионально непригодным, но знание нормы права никак не связано с принципами и методами описания языко-речевой реальности. Таким образом учебная цель подменяет собой решение реальных научных проблем. Более того, на глубинном уровне и данная учебная цель не сво-

дится к различному пониманию понятий и терминов с точки зрения лингвистики и с юридической точки зрения. Проиллюстрируем эту идею на примере так называемых понятий "оскорбление" и "угроза".

Начнем с того, что смысл нормы 5.61 КоАП РФ заключается не в том, что в нем дается какое-то специальное юридическое понимание оскорбления, а формулируется административно-правовая норма, в которой утверждается, что формы поведения (в том числе и речевого) будут преследоваться в административно-правовом порядке тогда и только тогда, когда будет иметь умаление чести и достоинства, которое имеет неприличную форму выражения. Остальные же формы речевого поведения, например, умаление чести и достоинства в приличной форме, не будут преследоваться в административно-правовом порядке. Это не значит, что такие формы поведения не могут считаться неправомерными с точки зрения других отраслей права. Так, например, отсутствие неприличной формы не может служить препятствием при унижении достоинства в делах о компенсации морального вреда в рамках 151 ст. ГК РФ, также отсутствие неприличной формы не будет препятствием для уголовного преследования лица, действия которого были направлены на унижение достоинства лица по признакам пола расы и национальности и др. в рамках статьи 282 УК РФ. Более того, декриминализация оскорбления повлекла за собой отсутствие общей нормы в УК по отношению, скажем, к статье 297 УК РФ "Неуважение к суду" (выражается в оскорблении участника судебного разбирательства) и др., что оставляет открытым вопрос о необходимости наличия неприличной формы при оскорблении в рамках уголовного преследования по этой статье (это касается и статьи 319 УК РФ "Оскорбление представителя власти"). Очень вероятно, что после исчезновения ст. 130 УК РФ требование наличия неприличной формы в ст.ст. 297, 319 юридически очень сложно обосновать, но это вопрос к юристам, лингвист со своими представлениями о требованиях к пониманию юридического оскорбления в данном случае просто выходит за пределы своей компетенции и ведет себя непрофессионально.

Таким образом, в данном случае недоразумение, которое связано с признанием какого-то противопоставленного бытовому понятию понятия оскорбления, вытекает из простого незнания о том, как устроены юридические нормы и как это ни странно – из незнания свойств нормативных, деонтических высказываний, лингвист в силу своей специальности должен знать их свойства.

Та же, даже еще более простая, ситуация складывается и в случае так называемого понятия угрозы. Статья 119 УК РФ запрещает только такие формы поведения, когда у воспринимающего угрозу есть основания ее опасаться, в противном случае поведение лица, которое высказывает угрозу или ведет себя угрожающе не будет уголовно преследоваться по статье 119 УК РФ. Это как раз не значит, что право "не понимает" угрозу, когда у воспринимающего нет оснований ее опасаться, это значит только то, что такая угроза для нормы 119 УК РФ нормативно безразлична, но не запрещена. Таки образом, утверждение о различном – бытовом и юридическом – понимании угрозы представляет собой просто недоразумение, которое порождено отсутствием простейших знаний в области права. Подводя итог этому фрагменту, сделаем акцент на следующем категорическом утверждении: ни нормы права, ни лингвистические теории не могут быть, да и фактически не строятся на понимании каких-то изолированных понятий, более того, не строятся они и на понимании систем понятий. Понятие не может быть истинным или ложным, а, значит, оно никогда не описывает реальность, описывает реальность только высказывание.

3. Недооценка теоретических исследований. Безусловно, что лингвистическая экспертиза представляет прежде всего прикладную ценность. Но этот факт в исследованиях порождает явную недооценку роли теоретического обсуждения проблем лингвистической экспертизы. Практически ни по одной категории дел не существует непротиворечивого и полного описания проблемной области, в плоскости которой находятся эти дела. Полного в том смысле, что применения той или иной теории гарантирует описание всего без исключения массива данных (как известно, появление исключения должно влечь за собой пересмотр теории и отказ от нее, вряд ли это происходит сейчас, скорее, все стараются держаться самых старых убеждений, согласно которым, например, оскорбление с юридической точки зрения содержит неприличную форму, о чем мы говорили выше). На этом фоне достаточно удивительными кажутся призывы к созданию конечных верифицируемых методик либо фактическое их создание (само утверждение о верифицируемых методиках держится на недоразумении, согласно которому верификация достижима). Отсутствие стремление к полному описанию фактов, которое основано на принятии и испытании како-то цельной теории, порождает то, что в практике используются теории *ad hoc*, а сама экспертиза строится на описании конкретного случая, а не на применения какой-то конкретной разработанной теории. Все это ясно проявляется в характере развития лингвистической экспертизы, в частности, в характере публикационной активности в этой области. Проведенный нами анализ работ последних лет отчетливо выявил следующие тенденции. Теоретический слой в публикациях по лингвистической экспертизе представляет собой не конкуренцию теорий, в результате которых отбрасывается какая-то менее продуктивная, не улучшение объяснений, а переписывание одного и того же, которое, как правило, взято из монографий ведущих специалистов предыдущих годов (предварительные данные говорят, что в работах присутствует также очень большой процент плагиата). Вторая тенденция связана с тем, что публикации растут экстенсивно. Исследуются конкретные прецеденты экспертиз, демонстрируется анализ без погружение в какое-то внятное теоретическое объяснение, пишутся новые рефераты по правовым нормам, рассматриваются новые категории дел. Только последнее обусловлено объективно: практика включает в орбиту лингвистической экспертизы новые проблемы, что не снимает необходимости их теоретического осмысления.

В заключение этого фрагмента статьи подведем следующий итог: так как теоретические и прикладные проблемы являются логически обратимыми, принятию прикладных решений должно предшествовать открытое теоретическое обсуждение всех возникших проблем, чем глубже будет это обсуждение, тем быстрее будет наблюдаться научный рост в нашей области, тем качественнее будут проводиться экспертизы.

Библиографический список

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Школа «Языки русской культуры» : Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – VIII с. – 472 с.
2. Бринев, К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика / К. И. Бринев. – Москва, 2016. – 398 с.
3. Остин, Дж. Избранное / Дж. Остин : пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. – Москва : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 13–135.
4. Поппер, К. Р. Открытое общество и его враги / К. Р. Поппер. – Москва : Феникс : Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. – 528 с.

М. Б. Ворошилова

Екатеринбург, Россия

«ХРОНИЧЕСКАЯ КОРРУПЦИЯ»: КРЕОЛИЗОВАННАЯ МЕТАФОРА В РОССИЙСКОМ НЕФОРМАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ¹

M. B. Voroshilova

Ekaterinburg, Russia

"CHRONIC CORRUPTION": CREOLIZED METAPHOR IN RUSSIAN INFORMAL POLITICAL DISCOURSE

Аннотация. Представлен анализ креолизованного метафорического образа коррупции в российском неформальном политическом дискурсе, который продолжает ряд исследований данного феномена в современном русском языковом сознании. Результаты позволяют как подтвердить полученные ранее характеристики метафоры коррупции, так и выявить специфику ее разворачивания в неформальном политическом дискурсе.

Ключевые слова: коррупция, метафора, креолизированный текст, политический дискурс.

Abstract. The article presents the analysis of the creolized metaphorical image of corruption in the Russian informal political discourse, which continues a series of studies of this phenomenon in the modern Russian linguistic consciousness. The results obtained allowed both to confirm the previously obtained characteristics of the metaphor of corruption, and to reveal the specifics of its development in the informal political discourse.

Keywords: corruption, metaphor, creolized text, political discourse.

Коррупция как социальное явление имеет многовековую историю: на протяжении столетий данный феномен подвергался осмыслению в правовой, политической, обыденной коммуникации, становился предметом научного изучения в самых различных аспектах.

За понятием коррупции в настоящее время стоит целая система представлений, знаний, оценок, ассоциаций, и одним из самых эффективных инструментов анализа такого понятия является метафора.

В современной российской лингвистике образ коррупции не раз попадал в поле зрения лингвистов-исследователей. В первую очередь, конечно, стоит отметить работы А. Н. Баранова, в которых на материале газетных публикаций за 1997–1999 гг., а затем на основе данных двух серий глубинных интервью, проводившихся фондом «ИНДЕМ» в 2002–2004 гг., были охарактеризованы метафорические модели, функционирующие в дискурсе о коррупции [Баранов 2004, 2006, 2014]. Исследования коррупции, проводившиеся фондом «ИНДЕМ» в 2002–2004 гг. под руководством Г. А. Сатарова, включали в себя проведение двух серий глубинных интервью с экспертами по коррупции. В первой серии в качестве интервьюируемых выступали политики и чиновники федерального уровня, а во второй – предприниматели мелкого и среднего бизнеса. Результаты анализа структуры метафор первой серии интервью показали, что коррупция осмысливается как органическая, естественная часть общественной жизни. На поверхностном уровне, на уровне пропозиций (утверждений) текстов провозглашается конфликт, участники дискуссии о коррупции высказывают в явном виде свое отрицательное отношение к этому явлению. Однако языковые, точнее метафорические, способы категоризации коррупции свидетельствуют о том, что на уровне «коллективного бессознательно» конфликта нет. Это проявилось в преобладании органистических метафор в осмыслении этого феномена, т.е. в категоризации коррупции как растения-древа, почвы, болезни, организма, культуры-традиции и т.д. (см. подробнее [Баранов 2004]). Цель второй части исследования заключалась в выявлении структуры метафор при осмыслении понятия коррупции во второй серии интервью – с предпринимателями мелкого и среднего бизнеса. Кроме того, было проведено сравнение использовавшихся метафорических моделей в первой и второй серии.

Позднее в работах [Барабаш 2014, 2016, 2017] было представлено исследование концептуализации феномена коррупции в семантическом пространстве языка (на материале нормативных правовых актов XI–XXI вв., пословиц о коррупции, текстов СМИ по соответствующей проблематике). Метафорические формы сущности понятия «коррупция» в науке уголовного права были рассмотрены и в работах Д. М. Мирошниченко [2009]. Метафоры со сферой-мишенью «коррупция», участвующие в осмыслении этого феномена в разные исторические эпохи и в современной политической действительности России (на материалах текстов СМИ в период 2000–2016 гг.), представлены в работах А. В. Сосипатровой [2015, 2017]. Символические значения понятия «коррупция» также были исследованы в работах Л. А. Бурганова, Л. Р. Салахова [2012], и здесь материалом исследования выступил дискурс глобальной сети, а именно были

¹ Доклад подготовлен по результатам проекта РФФИ № 17-03-00756-ОГН.

исследованы тексты блогов, комментариев, переписки на форумах, демотиваторы, фотографии, материалы социальной сети *FaceBook*.

Настоящее исследование является закономерным развитием научного поиска. В качестве базового материала мы использовали креолизованные тексты современного российского неформального политического дискурса. Методом сплошной выборки при помощи поисковой системы «Яндекс» по запросу «коррупция» были отобраны 186 текстов. В ходе сбора материала было отмечено, что наиболее частотными являются такие жанры, как карикатура, демотиватор, плакат (в том числе детские рисунки в данном жанре). Первые два жанра объединены единым семантическим вектором, который противоположен семантике третьего типа текстов, из-за чего было принято решение на данном этапе ограничиться только исследованием жанров карикатуры и демотиватора. Таким образом, в нашей работе будет представлен взгляд на коррупцию «из народа», который дополнит ранее описанные позиции экспертов по коррупции (политики и чиновники федерального уровня, предприниматели мелкого и среднего бизнеса), юристов и журналистов.

В качестве основного в рамках настоящего проекта использовался метод метафорического моделирования, основанный на идеологии когнитивной лингвистики, где метафора рассматривается как инструмент анализа состояния общественного сознания. Исследование типов метафорических моделей позволит выявить имплицитные, часто не осознаваемые человеком интенции, общие характеристики отношения к феномену «коррупция». Учитывая специфику материала исследования, мы использовали понятие «креолизованная метафора», так как основной материал исследования представляли именно креолизованные тексты (карикатура, демотиватор), состоящие из элементов двух знаковых систем [Ворошилова 2012].

В ходе анализа выделенных когнитивных единиц нами были обозначены основные направления метафорической экспансии, которыми стали наиболее частотные (перешедшие порог в 10 %) сферы-мишени:

1. Борьба с коррупцией – 34 %;
2. Взятка – 28 %;
3. Взяточник – 17 %;
4. Коррупция – 10 %.

Самой частотной сферой-мишенью в анализируемых жанрах стала «борьба с коррупцией», что обусловлено исследовательским полем – неформальным дискурсом – и его «оппозиционными» настроениями. Данная сфера-мишень ранее почти не попадала в поле зрения исследователей, но так как она содержит характеристики базового понятия «коррупция» и в нашем материале является самой частотной, мы приняли решение не исключать ее из исследования.

Уточнения требует и сфера-мишень «взяточник»: в 51 % примеров он представлен обобщённым образом (человек, берущий деньги), но в 49 % визуальный образ имел дополнительные идентифицирующие признаки, указывая на принадлежность к таким социальным группам, как полицейские, судьи, сотрудники ГИБДД, учителя, руководители образовательного учреждения (заведующий детским садом, директор школы), врачи.

На следующем этапе были выделены основные метафорические сферы-источники. В рамках настоящей статьи мы опишем лишь наиболее частотные (не менее 20 %) и продуктивные (имеющие не менее 3 вариантов разворачивания базового образа) метафоры.

Так, самым частотным образом в анализируемом дискурсе является «БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ – ЗРЕЛИЩЕ». Данный образ представляет собой не только отражение определенного сценария борьбы с коррупцией, но и выражает одну из самых распространенных оценок деятельности государства в данной сфере. Мы не верим в искренность борьбы с коррупцией, это лишь игра (рис. 1).



Рис. 1

Отчасти это объясняется и тем, что зачастую в русском языковом сознании взятка воспринимается не только как нечто естественное, но и необходимое для жизни человека. В рассмотренном материале одним из частотных является образ «ВЗЯТКА – это ЕДА». Но отметим, что в отличие от ранее описанных исследователями метафор «ВЗЯТКА – ВОДА», «ВЗЯТКА – СМАЗКА» выявленный нами образ обладает не только значением «необходимо для жизни», но и акцентирует дополнительные негативные коннотации, связанные с образами обжорства, жадности (рис. 2).



Рис. 2

Именно эта коннотация поддерживается и образом «ВЗЯТОЧНИК – СВИНЬЯ». Отметим, что в визуальном контексте анализируемого образа зачастую актуализируются такие семы, как накопительство, жадность и грязь.

Менее частотным, но самым продуктивным является образ «ВЗЯТОЧНИК – ПАУК». Образ, который, с одной стороны, поддерживает семантику вышеописанных – жадность, – но и в тоже время акцентирует семантику опасности, агрессивности. Интересен и тот факт, что нами были отмечены несколько примеров, где данная метафора получила свое развитие через образ «ВЗЯТОЧНИК – БОГ ШИВА». Мы можем предположить, что появление данного образа было спровоцировано его визуальным сходством – много рук (рис. 3).



Рис. 3

Самым неоднозначным является метафорический образ коррупции. В ходе исследования мы выделили три самые частотные и продуктивные метафоры, которые, с одной стороны, подтверждают сказанное выше, но с другой – противоречат друг другу. Самой частотной в этой группе является метафора «КОРРУПЦИЯ – это БОЛЕЗНЬ», т. е. коррупция несет разрушение и требует радикального лечения. В данном контексте мы отмечаем частотное сочетание морбиальной и военной метафоры (рис. 4).



Рис. 4

Но в этом же материале мы отмечаем метафору с таким же показателем частотности «КОРРУПЦИЯ – ЭТО КРУГОВОРОТ», то есть это постоянный естественный процесс в обществе, обеспечивающий его жизнедеятельность (рис. 5).



Рис. 5

Агрессивность же представлена вновь в мифологическом образе «КОРРУПЦИЯ – ТРЕХГЛАВЫЙ ДРАКОН»; но анализируя визуальный компонент данного образа мы отметим, что он чаще используется для актуализации значения «круговая порука».

Итак, настоящее исследование еще раз позволило подтвердить ранее полученные результаты: в русском языковом сознании коррупция воспринимается как органическая, естественная часть общественной жизни, но все же оцениваемая большинством как агрессивная и разрушающая. Специфической чертой метафорического образа коррупции в неформальном политическом дискурсе стало лишь прямо выраженное неведение в эффективность легальных способов борьбы с ней как с пороком современного общества и требования радикального лечения этой серьезной хронической болезни.

Библиографический список

1. Барабаш, О. В. Концепт «коррупция» и его репрезентации в семантическом пространстве русского языка / О. В. Барабаш // Политическая лингвистика. – 2017. – № 6. – С. 223–229.
2. Барабаш, О. В. Феномен коррупции в семантическом пространстве русского языка: к постановке проблемы / О. В. Барабаш // Язык. Право. Общество : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 11–13 окт. 2016 г.) / под ред. О. В. Барабаш, Т. В. Дубровской, А. К. Дятловой, Н. А. Павловой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. – С. 259–265.

3. Барабаш, О. В. «Коррупция» как ключевое понятие антикоррупционного законодательства Российской Федерации: лингво-правовой анализ дефиниции / О. В. Барабаш, К. Б. Филиппов // Политическая лингвистика. – 2014. – № 4. – С. 14–20.
4. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. – Москва : Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
5. Баранов, А. Н. Метафорические грани феномена коррупции / А. Н. Баранов // Общественные науки и современность. – 2004. – № 2. – С. 70–79.
6. Баранов, А. Н. Некоторые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафоры («взаимоотношения бизнеса и власти», «коррупция») / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Е. А. Шипова. – Москва : Фонд «ИНДЕМ», 2006. – 84 с.
7. Бурганова, Л. А. Коррупция как дискурсивное пространство: конструкционистская перспектива / Л. А. Бурганова, Л. Р. Салахова // Вестник Казанского технологического университета. – 2012. – № 15–16. – С. 271–274.
8. Ворошилова, М. Б. Креолизованная метафора: первые зарисовки / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. – 2012. – № 4. – С. 94–99.
9. Галяшина, Е. И. Семантика «взятки» в русской языковой ментальности / Е. И. Галяшина // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2019. – № 2 (37). – С. 131–151.
10. Мирошниченко, Д. В. Проблема метафорической сущности понятия «коррупция» в науке уголовного права / Д. В. Мирошниченко. – Саратов : Саратовская государственная академия права, 2009.
11. Сабурова, Л. А. Коррупция в состоянии «Ремиссии»: баланс «Здоровья» и «Болезни» / Л. А. Сабурова // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. – 2016. – № 1. – С. 328–337. – DOI 10.24411/9999-015A-2016-00026.
12. Сосипатрова, А. В. История метафорического истолкования термина «Коррупция» / А. В. Сосипатрова // Лингвокультурология. – 2015. – № 9. – С. 217–223.
13. Сосипатрова, А. В. Прецедентность как способ осмысления феномена коррупции в российских средствах массовой информации / А. В. Сосипатрова // Лингвокультурология. – 2017. – № 11. – С. 123–131.

Е. И. Галяшина

Москва, Россия

«НАУЧНОЕ» РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ ПО ДЕЛАМ ОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ТЕРРОРИЗМЕ И ЭКСТРЕМИЗМЕ КАК СПОСОБ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРАВОСУДИЕ¹

E. I. Galyashina

Moscow, Russia

"SCIENTIFIC" REVIEW OF FORENSIC LINGUISTIC EVIDENCE IN THE IDEOLOGICAL TERRORISM AND EXTREMIST CASES AS A MEANS OF MANIPULATIVE INFLUENCE ON JUSTICE

Аннотация. Рассматривается проблема рецензирования заключений лингвистической экспертизы по делам, связанным с экстремизмом, его правовые основания, компетенция и процессуальный статус рецензента. Отмечается недопустимость смешения процессуального статуса заключения специалиста и мнения лица, ангажированного стороной по делу, в целях воздействия на правосудие.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, заключение специалиста, компетенция, правовой статус, речевая манипуляция, экстремизм, терроризм.

Abstract. The article deals with the issue of reviewing the conclusions of linguistic expertise, its legal basis, competence and procedural status of the reviewer. The author points to the inadmissibility of mixing the procedural status of the expert's opinion and the opinion of a person engaged by a party to the case, in order to influence justice.

Keywords: linguistic expertise, expert opinion, competence, legal status, speech manipulation, extremism, terrorism.

*Это были странные и смешные в наше время люди.
Почти все они были в белых пикейных жилетах и в соломенных шляпах канотье.
<...> Когда-то они собирались здесь для совершения сделок.
Сейчас же их тянули сюда, на солнечный угол, долготелая привычка
и необходимость почесать старые языки.*

Из романа Ильи Ильфа
и Евгения Петрова «Золотой теленок» (1931)

В цифровом мире система вербальной коммуникации неизбежно видоизменяется. Появились новые угрозы, вызовы для безопасного транслирования и получения информации, в том числе жизненно важной. Множатся конфронтационные модели речевого поведения, способствующие созданию атмосферы нетерпимости, радикализма, ксенофобии и других форм проявления деструктивных интеракций. Из-за обилия агрессии, дезинформации утрачивается доверие к средствам массовой информации, фокус внимания аудитории перемещается на социальные сети и мессенджеры, видеохостинги, транслирующие фейки, слухи и мнения под видом якобы достоверных сведений, маскирующие экстремизм под плюрализм мнений, а изощренный идеологический терроризм под рассуждения о свободе слова.

Слово как вербализованная мысль человека для своего существования требует того, кто его услышит, прочтет и поймет. Мысль, заложенная автором в слове или тексте, и его смысл, понятый читателем или слушателем, могут разительно отличаться. Однако эти отличия не могут превышать среднестатистические человеческие возможности понимания информации, транслируемой языком, обеспечивающим всем его носителям возможность общения. В мышлении человека заложен алгоритм восстановления непонятной информации за счет имеющегося контекста (ситуации), однако превышение средних показателей может привести к тому, что смысл высказывания будет не найден читателем или потерян [Некипелова 2014]. Далеко не всегда слова и выражения, которые содержат выраженные семантические компоненты «языка вражды», будут однозначно квалифицироваться как *corpus delicti* (например, в ситуации шуточных номинаций), при том, что внешне нейтральные речевые средства могут содержать их репрезентации [Радбиль, Юматов, 2015 : 76].

Роль профессионального эксперта-лингвиста, извлекающего из неоднозначно прочитываемого текста объективную информацию, сегодня важна как никогда. Обнаружение в текстовых сообщениях объек-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00190.

тивных признаков состава правонарушения, недобросовестной и деструктивной коммуникации, злоупотребления правом на распространение и получение достоверной информации становится особо значимым и резонансным в социальном плане. Не случайно судебная лингвистическая экспертиза по делам, сопряженным с идеологическим терроризмом и экстремизмом, постоянно в фокусе общественного внимания. Заключение лингвистической экспертизы публикуются в полнотекстовом формате на различных информационных площадках сети Интернет, возбуждают интерес ученых и практиков, становятся объектом аналитики, рецензирования и отзывов со стороны *amici curiae*.

По многим политически окрашенным резонансным уголовным делам именно заключение лингвистической экспертизы, положенной в основу обвинения в экстремизме, подвергается резкой критике, становится информационным поводом для инициирования громких скандалов, политических манипуляций, бурной дискуссии в масс-медиа, в социальных сетях, на различных интернет-площадках с целью повлиять так или иначе на процессуальные решения по делу. Недовольные результатами экспертизы, проведенной на предварительном следствии, заинтересованные лица нередко обвиняют экспертов-лингвистов в недостатке образования, языковой неграмотности, применении манипулятивных приемов, при этом сами прибегают к услугам «пикейных жилетов», всегда готовых к медийному вниманию и досужим рассуждениям об экспертизе и экспертах, даже не читая их заключения. Одновременно на различных интернет-сайтах наблюдается агрессивная и навязчивая реклама коммерческих предложений по составлению для адвокатов-защитников так называемых «научно-методических» рецензий для оспаривания заключений по судебной лингвистической экспертизе, независимо от степени обоснованности выводов, компетенции и квалификации экспертов. И хотя у самих «рецензентов» зачастую нет ни надлежащей квалификации, ни компетенции, а в «рецензиях» присутствует юридическая безграмотность и научная несостоятельность, тем не менее публикация чернящих экспертов материалов неизбежно влечет отрицательные для правосудия последствия, отвлекая силы и средства на доказывание очевидного или порождая научную дискуссию, разрешение которой не место в судебном споре.

Еще одним негативным, на наш взгляд, последствием поставленного на коммерческие рельсы так называемого «научного» рецензирования выступает утрата доверия и дискредитация самого института заключения специалиста в уголовном судопроизводстве. Неофиты судебно-экспертной деятельности, не имеющие юридического образования и специальных знаний по судебной экспертологии, со всей пролетарской страстью на возмездной основе охотно берутся клеймить судебных экспертов (чаще всего государственных), выступающих на стороне обвинения, обличая их в нарушении принципов судебно-экспертной деятельности и норм процессуального законодательства.

При этом многие рецензенты не понимают сущности специальных лингвистических знаний, не знают разницы между лингвистической наукой и практикой судебной экспертизы, не осознают пределов допустимости для судебно-экспертного исследования методов, заимствованных из лингвистической науки, игнорируют профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые законом к эксперту-лингвисту. Используя наукообразные формулировки и манипулируя специфической терминологией и ссылками на авторитетные научные источники, авторы подобных рецензий присваивают себе функцию субъекта доказывания, пытаются дать оценку заключению эксперта как доказательству по уголовному делу, воздействуя на массовую аудиторию и, в конечном итоге, на правосудие, дискредитируя доказательства обвинения.

В результате принявшей широкие масштабы деятельности так называемых «профессиональных рецензентов», откровенно зарабатывающих себе на жизнь опорочиванием заключений судебных экспертов по громким делам, правоприменитель стал скептически в целом относиться к заключению специалиста-лингвиста как источнику доказательств, основанному на специальных лингвистических знаниях, предпочитая (дабы не участвовать в лингвистических спорах) отказывать в приобщении к материалам дела письменного заключения и в допросе даже вполне авторитетных специалистов по русскому языку, приглашенных стороной защиты.

В этой связи представляется необходимым обозначить наиболее существенные моменты, связанные с использованием специальных знаний в области лингвистики в судопроизводстве в иных помимо заключения эксперта процессуально допустимых формах, а именно: в письменном заключении и устных показаниях специалиста-лингвиста, содержащих суждение о заключении эксперта.

Во-первых, необходимо отметить, что собственно рецензия не относится к числу доказательств, прямо перечисленных в статье 74 УПК РФ. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [Постановление Пленума №28 от 21.12.2010: пункт 19, 20] разъяснено, что для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда может привлекаться специалист. Разъяснения специалист дает в форме устных показаний или письменного заключения. Заключение и показания специалиста даются на основе использования специальных знаний и, так же как заключение и показания эксперта в суде, являются доказательствами по делу (часть 2 статьи 74 УПК РФ). Заключение и показания специалиста подлежат проверке и оценке по общим правилам (его компетентность и незаинтересованность в исходе дела, обоснованность суждения и др.) и могут быть приняты судом или отвергнуты, как и любое другое доказательство. При этом следует иметь в виду, что специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами. Поэтому в случае необходимости проведения исследования должна быть произведена судебная экспертиза.

Во-вторых, из разъяснения высшей судебной инстанции следует, что заключение специалиста не может выходить за пределы специальных знаний, т.е. вопросы, поставленные стороной для разъяснения специалиста-лингвиста, не могут касаться правовых аспектов, т.е. соблюдения или не соблюдения требованиям законодательства, предъявляемым к заключению эксперта, а также оценки заключения эксперта как доказательства. Для выявления в ходе рецензирования совокупности специальных научно-методических и лингвистических признаков и их соответствия либо несоответствия требованиям законодательства, предъявляемым к заключениям экспертов, в части использования экспертами специальных познаний в области лингвистики, теории и практики судебной лингвистической экспертизы, теории и практики судебно-экспертной деятельности, рецензент должен обладать надлежащими компетенциями в области судебной экспертологии, относящейся к сфере юридического знания, а также знаниями, навыками и умениями в пределах той же экспертной специальности, по которой выполнена экспертиза. При этом специальные лингвистические знания не ограничиваются знаниями, полученными в филологическом вузе, они дополняются экспертными знаниями, навыками и умениями (компетенциями) приобретенными в ходе дополнительного профессионального образования по судебно-экспертной специальности в рамках переподготовки или повышения квалификации [Судебная экспертология 2017].

В-третьих, суждение специалиста – лингвиста как форма процессуального использования специальных знаний необходимо рассматривать с позиции логико-гносеологической категории, которая позволяет отображать только истинное знание, основанное на методах научного познания как на эмпирическом, так и теоретическом уровнях (наблюдение, описание, анализ, синтез, абстрагирование, моделирование и т.д.).

Процессуальным основанием в уголовном судопроизводстве подготовки заключения специалиста является постановление лица, осуществляющего процессуальное действие, привлечь сведущее лицо в качестве специалиста по делу к участию в производстве процессуального действия, разъяснение лицу его процессуальных обязанностей, предусмотренных статьями 58 УПК РФ. К их числу относится устное разъяснение участникам процессуального действия вопросов, входящих в компетенцию специалиста в ходе его допроса, и/или подготовка соответствующего письменного заключения с суждениями по заданным сторонами и судом вопросам. Очевидно, что специалист может действовать только в соответствии со своим процессуальным статусом лишь при условии соблюдения всех процессуальных требований при производстве процессуального действия. Вопросы, в отношении которых специалист высказывает свое устное или письменное суждение, в конечном итоге определяет руководитель процессуального действия, который вправе снять заданные стороной вопросы, не относящиеся к компетенции специалиста-лингвиста (в частности, носящие правовой характер).

Заключение специалиста является результатом познавательного процесса и формирования его научно-обоснованного суждения, а не сводом справочных данных или словарем терминов. Специалист как лицо, сведущее в той же области, что и эксперт, привлекается для оказания содействия правоприменителю, не обладающему специальными знаниями, в оценке научной обоснованности выводов в заключении эксперта, полноте и правильности применения специальных экспертных компетенций (знаний, навыков, умений применения специальных методов и методик), соответствия исследования пределам экспертной специальности, достаточности выявленных экспертом идентификационно и диагностически значимых признаков для обоснования экспертного вывода.

На практике рецензия на заключение эксперта готовится по вопросам, поставленным только одной стороной, вне процессуальных рамок по запросу или обращению стороны, оспаривающей выводы судебной экспертизы, и может иметь статус иного документа, а не заключения специалиста, если лицо, его готовившее не было допущено к участию в процессуальном действии в качестве специалиста. Если вопросы, поставленные перед специалистом, выходят за пределы его специальных знаний, и относятся к области права, такое заключение отвергается правоприменителем как недопустимое. Тем не менее, если рецензия как иной документ приобщается к материалам дела, он оценивается правоприменителем по общим правилам оценки доказательств с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и в совокупности со всеми собранными по делу доказательствами.

В-четвертых, специалист-лингвист, дающий устные или письменные разъяснения и высказывающий свои суждения по вопросам, способствующим оценке правоприменителем заключения эксперта, должен обладать не только теми же компетенциями и квалификацией, специальными лингвистическими знаниями, что и эксперт, проводивший судебную лингвистическую экспертизу, но и в обязательном порядке специальными юридическими знаниями, позволяющими системно применять законодательство, регулирующее судебно-экспертную деятельность так, чтобы не было выхода специалиста в правовую сферу, являющуюся исключительной прерогативой правоприменителя.

В противном случае рецензент, упрекающий эксперта в нарушении при производстве судебной экспертизы тех или иных законодательно закрепленных норм и принципов, будет демонстрировать признак прямого грубого нарушения принципа наличия у специалиста определенной и ограниченной процессуальной компетенции, определенной федеральным законодательством о судебно-экспертной деятельности и статьей 58 УПК РФ. [Федеральный закон №73-ФЗ от 31.05.2001].

Недостаточная для квалифицированной научно-методической оценки заключения эксперта-лингвиста компетенция рецензента проявляется в таких типовых ошибках как: житейская, а не правовая оценка соответствия профессиональной компетенции и квалификации эксперта законодательным требованиям, наивные суждения о существующих экспертных специальностях и системе подготовки кадров в об-

ласти судебной лингвистической экспертизы, незнание критериев применимости методов лингвистического исследования текста, имеющего статус вещественного доказательства, нарушение принципа непосредственности его исследования.

Так, текст как объект судебной лингвистической экспертизы своими свойствами (целостность, связность, законченность, контекстная определенность) существенно отличается от иных речевых произведений, выступающих объектами автороведческой или фоноскопической экспертизы, криминалистически значимыми свойствами которых выступает отображение в речи индивидуальных речемыслительных и языковых навыков автора (диктора) [Галашина 2020].

В аспекте судебной лингвистической экспертизы криминалистически значимым свойством текста как результата речевого деяния, выступающего как *corpus delicti*, по делам, связанным с экстремизмом, является его криминогенность. Это предопределяет с одной стороны наличие у эксперта специальных юридических знаний, необходимых для выявления диагностических значимых комплексов признаков, но с другой необходимость четкого разграничения вопросов факта и вопросов права при осуществлении судебно-экспертного исследования текстов как следов правонарушений, совершаемых посредством речевого действия.

Если текст запечатлен в памяти человека, слышавшего устное высказывание или видевшего написанные слова и фразы, но в своем материальном воплощении на материальном носителе исходный текст не представлен, то в данном случае объект для судебной лингвистической экспертизы отсутствует. Запротоколированные со слов свидетеля показания являются производным текстом, полученным в результате опосредования восприятия исходного текста другим лицом. Поэтому протоколы следственных, судебных и иных действий объектом судебной лингвистической экспертизы не являются. Однако в отношении языковых средств, которые становятся объектом спора или конфликта в таком случае могут быть даны разъяснения филологами или лингвистами, выступающими в качестве специалиста. Например, по уголовному делу по обвинению по ст. 282 УК РФ учителя одной из еврейских школ в городе Екатеринбурге, преподававшего предмет «Еврейские традиции». На лингвистическую экспертизу было представлено объяснение на имя начальника управления ФСБ России от имени матери одного из учеников. По словам матери, ее сын ей сообщил, что учитель на уроке, объясняя одной из учениц ее родословную, сообщил негативные сведения о законах прошлого. На другом уроке учитель говорил, что евреи – представители самой древней религии и посещением храма другого вероисповедания оказывают ему честь и поднимают его на более высокий уровень. Записи прямой речи учителя в качестве объекта лингвистической экспертизы не было представлено. В этой связи необходимо констатировать, что для проведения судебной лингвистической экспертизы текст как речевой след непосредственного речевой деятельности обвиняемого лица отсутствовал. Тем не менее, следователь мог обратиться к специалисту-филологу, обладающему специальными знаниями в исследуемой области, за разъяснением (в порядке статьи 58 УПК РФ) тех или иных слов или выражений, которые были восприняты матерью ученика как проявление языка вражды.

Речевой след как результат (продукт) речевой деятельности, не обладающий свойствами текста, также не может выступать в качестве объекта судебной лингвистической экспертизы. Свойство текста быть носителем смысла обеспечивается за счет уникальных, присущих только тексту категорий: целостности, связности, завершенности, контекстной определенности и др. Продукты речевой деятельности не в виде текста (квазитексты, искусственно объединенные в один массив продукты речевой деятельности, фрагменты текста, отдельные слова и выражения, вне контекста их употребления) не пригодны для проведения по ним судебной лингвистической экспертизы, так как не передают актуального смысла исходного текста, порожденного в конкретных условиях и обстоятельствах ситуации коммуникации. Кроме того, многие аспекты лингвистического анализа становятся актуализированными только при исследовании текста: так, утверждение, оценка, побуждение реализуются исключительно в тексте. В этой связи в судебной лингвистической экспертизе выделяют конкретный объект – продукт речевой деятельности, порожденный в конкретных условиях и обстоятельствах ситуации коммуникации, обладающий свойствами текста, зафиксированный на материальном носителе, в отношении которого возникает необходимость судебно-экспертного лингвистического исследования в целях решения конкретных вопросов для установления фактов, имеющих значение доказательств [Галашина 2020].

Текст как объект судебной лингвистической экспертизы требует и особого, специфического обращения, обусловленного принципами судебно-экспертной деятельности. Так, методической ошибкой, влекущей некорректность выводов, является объединение разных текстов (устных или письменных), порожденных в разное время, в разных коммуникативных ситуациях, при разных обстоятельствах, в один, так называемый «сложный объединенный текст». При объединении разных текстов в один коммуникативный континуум формируется новый контекст, позволяя иначе трактовать содержание каждого из текстов, в него включенных. Сложный объединенный текст как продукт операциональной деятельности эксперта, а не автора, не является следом речевой деятельности лиц его порождающих, а потому не может выступать в качестве объекта судебной лингвистической экспертизы, не является источником доказательственной информации в судебно-экспертной деятельности.

Кроме того, пункт 2) части 4 статьи 57 УПК РФ запрещает эксперту самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования, пункт 3) части 4 статьи 57 УПК РФ, запрещает эксперту проводить без разрешения следователя исследования, влекущие изменение основных свойств представленных объектов. Очевидно, что семантические свойства исходных текстов, помещенных в новый контекст искусственного созданного объединенного текста, меняются, прирастая новыми смыслами.

В завершении хочется остановиться на самом понятии лингвистической экспертизы, которое используется в рецензиях для обозначения любого научного лингвистического исследования текста в практических целях.

Действительно, в широком смысле лингвистическая экспертиза может носить инициативный, эвристический, поисковый, изыскательский, экспериментальный характер. Она направлена на получение и применение новых знаний о языке в целях развития лингвистической науки как учения о языке, исследующего его систему, закономерности функционирования и развития, включая сравнение отдельных языков для выявления генетических и типологических связей между ними [Судебная лингвистика 2015].

Однако судебная лингвистическая экспертиза, тем не менее таковой не является. Она не может быть приравнена к научному изысканию в области языка как объекта лингвистики (языкознания). Судебная лингвистическая экспертиза отличается от научного исследования и так называемых лингвистических экспертиз в широком смысле слова своим особым процессуальным статусом, детерминирующим судебно-экспертную деятельность лингвиста, специфику требований, предъявляемых к лингвисту как субъекту судебного экспертного исследования, к продуктам речевой деятельности, имеющим статус вещественных доказательств и / или документов, как объектам судебной экспертизы, а также к применяемым для их исследования методам и методикам. Поэтому судебная лингвистическая экспертиза, будучи основанной на науке, оказывается не научной, а специфической практической – судебно-экспертной – деятельностью.

Деятельность эксперта-лингвиста нацелена не на получения нового знания о языке и речи, а на применение для целей судопроизводства (установления фактических данных, имеющих значение доказательств) уже устоявшихся, общепризнанных, не вызывающих споры и дискуссии знаний о языке и речи.

Судебная лингвистическая экспертиза, несмотря на кажущееся сходство по использованию на практике знаний из области языковедения, существенно отличается от лингвистических экспертиз, понимаемых филологами в широком смысле слова, т.к. входит в ряд не лингвистических, но юридических дисциплин, опираясь на криминалистику, судебную экспертологию и судебное речеведение. При этом специальные лингвистические знания, базируясь на лингвистике как материнской науке, не ограничиваются и не исчерпываются только ею. Они, прирастают знаниями об идентификационно и диагностически значимых свойствах речевых произведений, образующих диагностически значимые криминалистические комплексы признаков, релевантных для установления состава правонарушения при решении экспертных задач. Поэтому далеко не любое лингвистическое исследование (лингвистическая экспертиза) может именоваться *судебной лингвистической экспертизой*.

В завершении надо отметить, что суждение специалиста при рецензировании заключения эксперта, это не просто еще одно мнение лингвиста по тому или иному вопросу, являющееся формой умозаключения, основанного на собственных интроспекциях и субъективных оценках. Специалист должен мотивировать свою точку зрения, подкрепить ее средствами верификации, логически рациональными доводами с помощью логических доказательств, фактов и аргументов, которые могут быть проверены на основе общепринятых научных и практических данных. Суждение, предлагаемое без научного обоснования, не апробированное необходимой аргументацией и данными фактической проверки, в судебно-экспертной деятельности не допускается.

Очевидно, что аналитическое исследование специалистом результатов экспертного исследования объектов – вещественных доказательств по уголовному делу, является научно-практическим исследованием более высокого ранга, чем само заключение эксперта [Комиссарова 2014 : 184], а потому требует наличия у судебного специалиста более высокой квалификации, чем у судебного эксперта. В этой связи необходимо особое внимание уделять оценке и проверке компетенций (уровня и профиля основного и дополнительного профессионального образования, наличия судебно-экспертной специальности) у лица, которое привлекается для оказания содействия в оценке обоснованности заключения эксперта по лингвистической экспертизе.

Библиографический список

1. Галяшина, Е. И. Судебное речеведение : учебник / Е. И. Галяшина. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020. – 320 с.
2. Комиссарова, Я. В. О доказательственном значении заключений эксперта и специалиста / Я. В. Комиссарова // Восток–Запад : партнерство в судебной экспертизе. Актуальные вопросы теории и практики судебной экспертизы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 6 ноября 2014 г.). – Астана, 2014. – 336 с.
3. Некипелова, И. М. Организация, самоорганизация и дезорганизация языковой системы: механизмы оптимизации языка и речи: (Синергетический аспект) / И. М. Некипелова. – Москва ; Ижевск : Ин-т компьютер. исслед., 2014. – 375 с.
4. О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 28 от 21.12.2010 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Радбиль, Т. Б. Язык и метод в современной судебной экспертизе : монография / Т. Б. Радбиль, В. А. Юматов ; под ред. д-ра юрид. наук, проф. кафедры судебной экспертизы НГУ им. Н. И. Лобачевского А. Ю. Арфьева. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 216 с.
6. Судебная лингвистика : монография / О. Н. Матвеева, Н. В. Вязигина, Ю. В. Холоденко, С. И. Кузнецова, М. Е. Маргольф, А. А. Седина ; под ред. О. Н. Матвеевой. – Барнаул : Концепт, 2015. – 310 с.
7. Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход) / под ред. Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной. – Москва : Проспект, 2017. – 272 с.
8. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон № 73-ФЗ от 31.05.2001 // СПС «КонсультантПлюс».

С. В. Доронина

Барнаул, Россия

ДЕОНТИЧЕСКИЙ МОДУС В НЕГАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ: ВЗГЛЯД ЭКСПЕРТА

S. V. Doronina

Barnaul, Russia

DEONTIC MODUS IN NEGATIVE STATEMENTS: EXPERT'S OPINION

Аннотация. Исследуется группа высказываний, совмещающих в своей семантической структуре дескриптивное и модальное значение. Отмечается, что процедура экспертного анализа в этом случае предполагает разделение дескриптивной и субъективной информации в высказывании и оценку уместности деонтического модального смысла в контексте.

Ключевые слова: утверждение о фактах, мнение, негативная информация, деонтический модус, прагматическая пресуппозиция.

Abstract. The article explores a group of statements combining both descriptive and modal meaning in their semantic structure. The procedure of expert analysis in this case involves the separation of descriptive and subjective information in the statement and assessment of the relevance of deontic modal meaning in the context.

Keywords: statement of facts, opinion, negative information, deontic mode, pragmatic presupposition.

Вопрос отношения содержания высказывания к действительности активно обсуждается в рамках научного направления «логический анализ языка». Именно внутри этого научного направления развиваются методы, которые помогают установить в смысловой структуре высказывания объективную информацию, носящую внешний характер по отношению к говорящему. Данные методы активно применяются в практике судебной лингвистической экспертизы в связи с делами о клевете, унижении чести и умалении достоинства.

В основу определений факта, как правило, кладется фундаментальное понятие пропозиции, разработанное Л. Витгенштейном и Б. Расселом. Утверждения о факте могут быть определены как тип суждений, обладающий следующими различительными признаками: дескриптивность (описывают предметы, действия, признаки объективной действительности, внешние по отношению к говорящему), объективность (не выражают отношение говорящего субъекта или персонажа к действительности), верифицируемость (соотносимы с событиями объективной действительности) [Апресян 2006; Падучева 2007; Доронина 2009]. Утверждения о фактах противопоставлены субъективным суждениям. Класс субъективных суждений разнообразен. В него входят суждения о будущем положении дел, оценки, мнения, предположения, суждения о намерениях другого лица, суждения о его психологических состояниях и др. В отличие от утверждений о фактах, субъективные суждения отражают не реальный мир, а состояние сознания говорящего или персонажа.

Особым типом субъективных суждений является мнение. Будучи дескриптивным и верифицируемым, оно в то же время сохраняет свою субъективность, так как имеет ментальную природу, являясь результатом интеллектуального моделирования действительности. «Мнения и точки зрения <...> являются внутренними объектами. Они зарождаются и формируются, принимаются, вынашиваются и порой оставляются» [Вендлер 1987: 304].

В то же время в высказывании виды субъективной и объективной информации могут оказаться вербально не разграниченными: они могут быть совмещены в структуре лексического значения одного слова, предстать как имплицитный компонент высказывания. Такие случаи особо интересны для анализа и часто порождают противоречивые экспертные мнения.

Предметом нашего внимания будут являться дескриптивные высказывания, в которых эксперту затруднительно установить наличие негативной информации о лице. Постановление Пленума Верховного суда разъясняет, что следует понимать под порочащими сведениями: «информация о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправомерном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота. И хотя понятие «прочащие сведения» не является лингвистическим, судебный эксперт может ориентироваться на него в решении вопроса о негативном характере высказываний. Вместе с тем в экспертной практике встречаются случаи использования в критическом дискурсе высказываний, на первый взгляд, не отвечающих критериям данного определения. Например:

1. В должности кассира Алтайской краевой нотариальной палаты Х. ничего не делает, только принимает ежегодные членские взносы от нотариусов.

С лингвистической точки зрения, в семантической структуре негативных (порочащих/ позорящих) высказываний всегда содержится эксплицитное дескриптивное содержание и деонтическое модальное значение «субъект не должен так поступать/ то, что он сделал, – запрещено или аморально». Модально-нравственный императив, нарушение которого описывается в негативном высказывании, предстает как прагматическая пресуппозиция (в традиционном понимании термина: утверждение S имеет прагматическую пресуппозицию Р, если при любом нейтральном употреблении S говорящий считает Р само собой разумеющимся или просто известным слушателю [Падучева 1990: 396]). См, например:

(2) «...Х. занимался *сверхнормативным отловом красной рыбы и ее продажей в частном порядке*».

Данный контекст описывает действия, представляющие собой нарушения природоохранного законодательства, следовательно, включает прагматическую пресуппозицию «Х. поступает незаконно, он не должен этого делать». Данные высказывания без затруднений и бесспорно интерпретируются как утверждение о факте негативного характера.

Однако не во всяком негативном высказывании, предлагаемом для экспертного анализа, негативный деонтический модус оправдан дескриптивным содержанием. Рассмотрим пример, размещенный в одном из электронных СМИ. Критикуя деятельность одного из торговых предприятий, автор публикации позволил себе следующее высказывание:

(3) «*Продавищица молча поставила коробку на прилавок и безучастно отвернулась. Ненавязчивый российский сервис!!*».

Контекст включает информацию двух типов. С одной стороны, выделяется утверждение о факте «*Продавищица поставила коробку на прилавок и отвернулась*», выражаемое лексемами с дескриптивным значением. Однако в контексте представлено и субъективное суждение: «*Ненавязчивый российский сервис!!*». Выражение представляет собой фигуру иронии и выражает деонтическое модальное значение – формирует суждение о ненормальном поступке, поведении, которого не должно быть. По нашему мнению, сложность в интерпретации контекста заключается в том, что вербально выраженное утверждение о факте является модально нейтральным. Однако точка зрения потенциального покупателя, который не получил ожидаемого внимания, негативно маркирует нейтральное поведение. В негативном контексте высказывание приобретает прагматическую пресуппозицию «продавец нарушил некие корпоративные нормы, правила вежливости, которые необходимо соблюдать при оказании услуги». Ложность данной пресуппозиции делает предложение аномальным. Возникает желание возразить говорящему: а чего же Вы еще хотели? Продавец сделал все, что должен! Поэтому в предложении присутствует нейтральное утверждение о факте и негативное мнение о несоответствии этого поведения ожиданиям говорящего. Приведем аналогичные примеры:

(4) *Представитель социальной службы открыл свою толстую папку, прихваченную для солидности, очень долго в нее что-то записывал, а потом просто уехал, пообещав «во всем разобраться».*

Дескриптивный компонент предложения «приехал – записал – уехал – пообещал разобраться» является нейтральным. Негативный характер высказыванию придает частица «просто»,

Просто – 2. Только; не что иное, как [Ожегов, Шведова 2006].

выражающая пресуппозицию «председатель не сделал ничего другого, кроме записей», уместную в случае ожидания от субъекта каких-либо дополнительных действий. Однако жизненный опыт и здравый смысл подсказывают, что данные ожидания не оправданны, и для негативной оценки поведения социального работника нет оснований.

(5) *Снявшийся голышом депутат из Кургана уличил журналистов в необразованности.*

Данное высказывание появилось в Интернете в связи с тем, что известный политик опубликовал на персональной странице в Instagram свои провокационные фото с обнаженным торсом. Само действие не нарушает никаких законов и морально-этических норм, и сообщение о таком действии, соответственно, не содержит негативной информации. Однако при этом употребляемое слово «голышом», с одной стороны, являющееся гиперболой (так как фото не фиксирует полного обнажения), а с другой стороны, имеющее разговорную окраску, выражает иронически-пренебрежительное отношение говорящего к поступку, сообщая, что столь смелые действия известному политику ни к чему.

Во всех перечисленных случаях имплицитно или прямо сообщается о том, что персонажи не сделали того, что от них ожидали. Однако эксперт, отвечая на вопрос о том, является ли информация негативной, нарушает ли герой нормы морали, делового оборота или закон, вынужден отвечать отрицательно. Процедура экспертного анализа в этом случае предполагает разделение дескриптивной и субъективной информации в высказывании и *оценку уместности* деонтического модального смысла в контексте. По сути дела, от совпадения/ несовпадения позиции эксперта с позицией автора высказывания зависит его квалификация как негативного утверждения о факте или мнения. Такое положение дел ставит серьезный теоретический вопрос о критериях проверки. Какую информацию о лице следует признавать негативной? Разъяснения Пленума Верховного суда не всегда достаточны для этой цели. Законодательные нормы кодифицированы, профессиональное поведение нормировано должностными инструкциями, и они могут выступать эталонами оценки поведения. В то же время нормы этики и морали не регламентированы четко, а значит, суждение эксперта о негативном характере поступка персонажа осуществляется с опорой на жизненный

опыт и здравый смысл, но не на прочный научно обоснованный регламент. Стремление говорящих к объективной передаче информации, и нежелание нести при этом ответственность за диффамацию, приводит к тому, что высказывания подобного типа довольно часто становятся объектом лингвистической судебной экспертизы, а значит, вопрос единообразия их интерпретации приобретает особую актуальность. Однако проблема разграничения субъективного и объективного в языке, и тем более, в тексте, сложна и по-прежнему далека от окончательного разрешения.

Библиографический список

1. Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон ; отв. ред. Ю. Д. Апресян. – Москва : Языки славянских культур, 2006. – 912 с.
2. Вендлер, З. Факты в языке / З. Вендлер // Философия, логика, язык ; общ. ред. Д. П. Горского, В. В. Петрова. – Москва : Прогресс, 1987. – С. 293–318.
3. Доронина, С. В. Факт: семантика и прагматика / С. В. Доронина // Филология и человек. – 2009. – № 4. – С. 28–37.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.
5. Падучева, Е. В. Пресуппозиция / Е. В. Падучева // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 396.
6. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью / Е. В. Падучева. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2010. – 296 с.
7. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 24.02.2005. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/

Я. А. Дударева

Кемерово, Россия

ОСКОРБИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА И ОБРАЗЫ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБРАЩЕНИЙ УФАС ПО КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Ya. A. Dudareva

Kemerovo, Russia

OFFENSIVE WORDS AND IMAGES IN ADVERTISING TEXT (BASED ON REQUESTS FROM THE FEDERAL ANTIMONOPOLY SERVICE OF THE KEMEROVO REGION)

Аннотация. Рассматривается проблема проведения лингвистических исследований одного из видов объектов, создающих социальную напряженность, – спорных рекламных текстов – с точки зрения наличия / отсутствия в них непристойных, оскорбительных слов и образов. Отражается экспертный опыт работы автора в составе Совета по рекламе УФАС Кемеровской области.

Ключевые слова: рекламный текст, неприличная лексика, оскорбительные образы, лингвистическая экспертиза.

Abstract. The article considers the issue of linguistic research of objects that create social tension, namely controversial advertising texts in terms of the presence / absence of offensive words and images in them. The article reflects the author's expert experience in the Advertising Council of the Federal Antimonopoly Service of the Kemerovo Region.

Keywords: Advertising text, obscene language, offensive images, linguistic expertise

Лингвистическая экспертиза рекламных текстов представляет собой одну из актуальных категорий дел в области юридической лингвистики. В названной категории дел спорные ситуации, в которых требуется помощь специалиста в области языка, часто возникают в связи с рекламными текстами на предмет установления в них наличия / отсутствия неприличных, оскорбительных слов и образов.

Согласно ч. 6 ст. 5 ФЗ «О рекламе» в рекламе не допускается использование бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений, в том числе в отношении пола, расы, национальности, профессии, социальной категории, возраста, языка человека и гражданина, официальных государственных символов (флагов, гербов, гимнов), религиозных символов, объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, а также объектов культурного наследия, включенных в Список всемирного наследия [Федеральный закон № 38-ФЗ от 13.03.2006].

Сложность описываемых исследований состоит в том, что в отличие от текстов устной коммуникации бранная лексика не используется в рекламе напрямую, а присутствует ассоциативно, эвфемистически, то есть замаскированно. Непристойные и оскорбительные образы в рекламе часто воспринимаются обществом двойственно. Поскольку рекламный текст в силу своей целевой направленности адресован неопределенному кругу лиц, то в антимонопольных управлениях сложилась практика анализа спорных рекламных текстов на основе мнения специалистов разных ведомств, включенных в составы советов по рекламе при УФАС.

Так, хорошо известна спорная ситуация с рекламой газеты «Из рук в руки» следующего содержания: «Раньше покупать квартиру любовнице было неудобно, теперь удобно» Новый itg.ru». Как сообщается на сайте «Российской газеты», при голосовании мнения членов совета ФАС разделились поровну: «10 членов углядели оскорбительные и неприличные образы, 10 этого не сделали. Решающим стал голос председателя Андрея Кашеварова. Он посчитал рекламу нарушающей статью 5 закона о рекламе» [ФАС разобрался с любовницей 2012].

После обжалования Решения ФАС Арбитражный суд г. Москвы отметил, что «рекламное утверждение "Раньше покупать квартиру любовнице было неудобно. Теперь удобно. Раздел "Недвижимость" содержит зрительную и текстовую информацию, не направленную на укрепление семьи и построение семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, а напротив, в рекламе используется образ социального поведения, оскорбительный для семьи в целом, а также для оберегаемой в обществе ценности – института брака» [Решение по делу № А40-108922/2013].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-412-420004 «Лингвистический мониторинг социальной напряженности в Кузбассе».



Рис. 1. «Раньше покупать квартиру любовнице было неудобно, теперь удобно» Новый irr.ru»
[ФАС: Реклама Irr.ru посягнула на институт семьи 2012]

Аналогичная ситуация, связанная с неоднозначными выводами по спорной рекламе на предмет наличия / отсутствия в ней неприличных, оскорбительных слов и образов рассмотрена в экспертном совете при УФАС Кемеровской области. Материалом изучения стала реклама букетной лавки, содержащая слова «Чем круче букет, тем ниже поцелуй». Как сообщается на сайте управления, «мнения экспертов при определении уровня непристойности разошлись: половина специалистов не признала образ неприличным» [«Чем круче букет, тем ниже поцелуй». Кемеровское УФАС оценило рекламный плакат 2019] .

По названному спорному рекламному тексту проведено лингвистическое исследование, основанное в силу специфики материала на эксперименте с рядовыми гражданами. Относительно выбора методики считаем важным отметить, что, с нашей точки зрения, рекламный текст лингвисту необходимо анализировать на основе тех данных, которые он получает в результате проведенных экспериментов. В настоящее время в лингвистической экспертиологии вопрос о методике проведения исследования рекламного текста на основе экспериментов является дискуссионным. Так, как отмечает Е. А. Чубина, использование лингвистом направленного эксперимента или опроса при экспертизе рекламного текста «свидетельствует об экспертных ошибках: происходит подмена объекта (эксперт исследует не собственно речевой продукт, а ассоциации участников эксперимента), кроме того, эксперт выходит за рамки своей компетенции, вторгаясь в область социологии» [Чубина 2013 : 411].

С нашей же точки зрения, для объективного анализа лингвисту необходимо проводить эксперименты в пределах своей компетенции. Без обращения к методу эксперимента при проведении экспертизы рекламного текста, нацеленного на неограниченный круг лиц, лингвист-эксперт будет представлять собой ученого, который «рассматривает свое языковое сознание, т. е. совершает акт интроспекции» и потом «производит совершенно принципиальный для дальнейших обобщений акт интроекции: наделяет других носителей языка „языковым сознанием“, не слишком отличающимся от своего» [Фрумкина 1983 : 65]. В результате этого эксперт рискует сделать неполные выводы. Специфика проведения лингвистических экспертиз и исследований рекламных текстов состоит в изменении роли лингвиста-эксперта: он исследует не свое восприятие и не свое языковое сознание, а с учетом своих познаний в области языка комментирует, объясняет восприятие рекламного текста рядовыми гражданами.

Для проведения лингвистического исследования было представлено фото букетной мастерской со спорным рекламным текстом и задан следующий вопрос: содержатся ли в данной рекламе непристойные и оскорбительные образы, сравнения и выражения?



Рис. 2. Реклама букетной лавки [«Чем круче букет, тем ниже поцелуй».
Кемеровское УФАС оценило рекламный плакат 2019]

Для изучения того, как воспринимается анализируемый рекламный текст рядовыми гражданами, был проведен эксперимент, в котором испытуемым предъявлялась фотография рекламы букетной лавки и предлагалось ответить на вопросы: содержатся ли в данной рекламе непристойные и оскорбительные образы, сравнения и выражения? Почему Вы так думаете?

79 % испытуемых ответили утвердительно: да, данная реклама содержит непристойные и оскорбительные образы, сравнения и выражения.

В обосновании мнения было указано следующее:

Содержатся, так как присутствует намек на интимное содержание в тексте;

У девушки на фото непристойный полуобнаженный вид, впечатление сложилось неприятное;

Да, содержатся, потому что в данной рекламе имеется выраженный, на мой взгляд, сексуальный подтекст, который, по моему личному мнению, допустим лишь в минимальных количествах. И смотря где; Это просто пошлятина, ведь цветы еще дарят матерям, сестрам и просто подругам;

Пошла, возникает ассоциация сразу. Призыв к тому, чтобы парень покупал большой (крутой) букет и ожидал поцелуя ниже;

Я бы негативно отреагировала на неё, так как у меня цветы всегда ассоциируются с чем-то трогательным и романтичным;

Женщина, по логике данного слогана, является продажной, за букет готова отсосать;

Нууу, то есть по логике – потраться на букет, и будет тебе интим;

Больше реклама не цветов, а пропаганда меркантильности. Мое мнение такое;

Потому что низкий поцелуй – это ясно, какой поцелуй, даже если это поцелуй в ноги, то как-то странно, что именно за букет такой поцелуй. Типа дайшь на дайшь;

Хороший букет не означает, что женщина должна заниматься подобными вещами;

Это оскорбляет всех женщин!

Такая реклама уже перебор, на это смотрят взрослые люди и дети;

Я бы не зашла в такой магазин, это низко для меня;

Да уж, неудачный маркетинговый ход.

Таким образом, по результатам опроса большинство испытуемых воспринимает рекламу букетной лавки как неэтичную. Рекламная фраза "чем круче букет, тем ниже поцелуй" воспринимается большинством лиц, принявшим участие в эксперименте, как неприличная по своему содержанию. Синтаксически фраза построена как сложноподчиненное предложение, в котором используется сравнительный союз (*чем ... тем*) и лексические единицы в сравнительной степени (*круче, ниже*). Лексема "круче" представляет собой имя прилагательное в сравнительной степени со значением "отличный, прекрасный, заслуживающий одобрения" [Словарь русского языка 1999]. Лексема "ниже" также является именем прилагательным в сравнительной степени и имеет значение "расположенный или происходящий на небольшой высоте от земли, от поверхности чего-либо" [Там же]. Анализируемые лексические единицы в словарях не имеют стилистических помет и не являются эмоционально-оценочными.

В лексикографических источниках отсутствует такое словосочетание, как "низкий поцелуй". При этом, как показывает проведенный эксперимент, рекламная фраза является понятной для испытуемых. На основе полученных ответов можно сделать вывод о том, что в языковом сознании носителей русского языка выражение "тем ниже поцелуй" имеет значение – поцелуй не просто ниже уровня головы, а оральная ласка мужского полового органа. Таким образом, в рекламе заключен следующий смысл: если подарить прекрасный букет, то можно рассчитывать на оральный половой акт.

Содержание анализируемого рекламного слогана воспринимается большинством граждан как прагматично-циничное, противоречащее принятой в обществе манере общения между людьми, в связи с чем реклама букетной лавки воспринимается как неприличная, неуместная и неэтичная.

21 % опрошенных лиц ответили отрицательно: нет, в данной рекламе не содержатся непристойные и оскорбительные образы, сравнения и выражения и обосновали свою позицию следующим образом:

Не вижу скрытого смысла. Это даже не собирательный образ. Нет, не вижу. Всего лишь креативный маркетинг. Не более;

Нет. Есть только одна ассоциация с текстом песни «ВИА Граа» - «Чем выше любовь – тем ниже поцелуй». А там, насколько я помню, эта фраза раскрывает очень деликатно тему секса, то есть, чем сильнее твоя любовь, тем ты больше можешь и хочешь себе позволить с любимым человеком, в отличие от нелюбимого. И тут, я думаю, посыл в том, что, если ты даришь цветы – это выражение твоей любви, и, задумайся, насколько крутой букет ты можешь подарить, наверное, ровно настолько, насколько можешь позволить себе поцелуй?

Нет, кого оскорбили? А если я покупаю букет для своего молодого человека? Не вижу оскорбительного ничего, тут даже нет слова «девушки»;

Нет, вообще нет. Мне нравится, необычная;

Просто приколы и все. Если бы чья-то фотка была, то другое дело!

Нет, потому что это работает как фраза для привлечения внимания и никого оскорбить она не пытается. Каламбур слов;

*Я не вижу ничего оскорбительного. Простой запоминающийся слоган;
Не поняла вообще, в чем вопрос, нормальная реклама. Ярко, весело;
Забавно! Не вижу ничего плохого в этом.*

Таким образом, вывод исследования: результаты проведенного эксперимента показали, что большинство участников эксперимента (79 %) воспринимают рекламную фразу «чем круче букет, тем ниже поцелуй» как неприличную, поскольку она актуализирует тему сексуальных отношений не в романтическом плане, а в прагматично-циничном, что противоречит принятым в обществе нормам общения между людьми.

21 % опрошенных воспринимают анализируемую рекламу как проявление языковой игры, творчества и не находят в ней неприличных выражений и оскорбительных образов.

Итак, в настоящей статье мы рассмотрели спорную ситуацию с рекламным тестом, для разрешения которой необходимо участие специалиста-лингвиста. Считаем, что исследование рекламного текста, основанное на результатах эксперимента и сопровождаемое лингвистическим комментарием, позволяет сделать объективный вывод по поставленным к нему вопросам.

Библиографический список

1. Решение по делу № А40-108922/2013. – URL: <https://fas.gov.ru/documents/564306> (дата обращения: 15.09.2020).
2. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой ; РАН, Ин-т лингвист. исследований. – 4-е изд., стер. – Москва : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 15.09.2020).
3. ФАС: Реклама Itg.ru посягнула на институт семьи. – URL: <https://www.sostav.ru/articles/rus/2012/10.02/news/images/t.jpg> (дата обращения: 15.09.2020).
4. О рекламе : федер. закон № 38-ФЗ от 13.03.2006 : [в ред. от 31.07.2020]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968 (дата обращения: 15.09.2020).
5. ФАС разобрался с любовницей. – URL: <https://rg.ru/2012/02/10/fas.html> (дата обращения: 15.09.2020).
6. Фрумкина, Р. М. Психолингвистические методы изучения семантики / Р. М. Фрумкина // Психолингвистические проблемы семантики. – Москва : Наука, 1983. – С. 46–85.
7. «Чем круче букет, тем ниже поцелуй». Кемеровское УФАС оценило рекламный плакат. – URL: <https://kemerovo.fas.gov.ru/publications/27556> (дата обращения: 15.09.2020).
8. Чубина, Е. А. Современное состояние и перспективы развития судебной лингвистической экспертизы рекламы / Е. А. Чубина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 4-2. – С. 408–414.

К. В. Злоказов

Екатеринбург, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ У МОЛОДЕЖИ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ РАДИКАЛЬНЫХ УБЕЖДЕНИЙ¹

K. V. Zlokazov

Ekaterinburg, Russia

SOCIAL SPACE OF YOUNG PEOPLE WITH DIFFERENT LEVELS OF RADICAL BELIEFS

Аннотация. Рассматриваются подходы, объясняющие подверженность молодежи радикальным идеям. Вводится предположение о различии представлений о социальном пространстве у лиц с разным уровнем радикальных убеждений. Проверка проводится посредством эмпирического исследования. Результаты показывают разные представления о социальном пространстве у лиц с разным уровнем радикальных убеждений.

Ключевые слова: радикальное поведение, экстремизм, молодежь, пропаганда экстремизма, представление о социальном пространстве, профилактика насилия.

Abstract. The theoretical concepts of youth exposure to the influence of radical beliefs are described. An assumption is made about the difference in the ideas about social space among persons with different levels of radical beliefs. An empirical study was carried out to test the hypothesis. The results showed different ideas about social space among individuals with different levels of radical beliefs.

Keywords: radical behavior, extremism, teenagers, propaganda of extremism, idea of social space, prevention of violence.

Введение. Социальная значимость противодействия радикализации общества определяет актуальность исследований механизма формирования экстремистских установок. Развитие технических средств коммуникации расширяет возможности взаимодействия экстремистских групп с молодежью, вплоть до создания виртуальных экстремистских сообществ, объединяющих молодежь нескольких стран [Солдатова, Погорелов 2019].

Как следствие, усиливается распространение деструктивных форм поведения среди подростков и молодежи. Как следствие, учащаются эпизоды школьного террора, растет число группировок радикальной направленности религиозного и политического типа, а также интернет-движений пропагандирующих самоповреждающее поведение (анорексию, булимию, самоповреждения) [Borum, Patterson 2019]. Возможности противодействия такому влиянию в последние годы становятся предметом внимания не только специалистов в сфере правоохранительных органов и школьного образования, но и исследователей.

Теоретические предпосылки и основания исследования.

Анализ академических представлений о причинах распространения экстремистских установок показывает недостаточность знаний о механизме влияния интернет сообществ на личность молодого человека. Современные исследования в этой области акцентируют внимание на неполноте научных представлений о механизме распространения экстремистской идеологии, понимании факторов, способствующих ее рецепции подростками и молодежью, а также интрапсихических свойств, влияющих на восприимчивость к радикальным идеям.

В настоящее время существует несколько подходов, объясняющих распространение экстремистских идей в молодежной среде. Будучи разнородными по своим теоретическим предпосылкам и методологии данные подходы предлагают различные взгляды на причины и условия радикализации.

Наиболее разработанным выступает направление, связывающее предрасположенность к экстремистскому поведению с определенными свойствами личности. Получив свое развитие еще в работах Г. Ю. Айзенка, к настоящему времени данный подход прослеживается в работах многих отечественных и зарубежных авторов. Предполагается, что личность, подверженная экстремистским идеям отличается ригидностью и авторитарностью [Eysenck, 1976], жестокостью, мстительностью и садистскими наклонностями, повышенным стремлением к насилию и агрессии [Melnikova, 2020]. Концепции данного направления

¹ Исследование подготовлено на основе гранта РФФИ № 20-012-00415 «Когнитивные интернет-технологии как фактор формирования экстремистского поведения молодежи: механизмы воздействия и профилактика».

объясняют популярность экстремистских идей исходя из двух факторов – привлекательности насилия для личности и идеологической обоснованности насилия как средства реализации экстремистской идеи [Prats, Raymond, Gasman 2018]. Поскольку любая экстремистская идеология оправдывает применение насилия, то ее участниками неизбежно становятся жестокие и циничные люди.

Второе направление в объяснении психологических причин подверженности к экстремистским действиям фокусируется на экстремизме как реакции на проблемы в удовлетворении личных и социальных потребностей. Исследователи данного направления основываются на предположении о готовности людей к радикальным действиям для решения жизненных трудностей, блокирующих доступ к удовлетворению потребностей [Borum, Patterson 2019]. Конечно, оно охватывает достаточно широкую область потребностей, однако для экстремистских идеологий характерна фокусировка на наиболее базовых и депривированных потребностях. К ним относятся персональная и групповая безопасность, личностная и социальная идентичность, социальная справедливость и признание [Kruglanski et al, 2014]. Следует признать, что радикальная модель поведения определяется не только представлением о потребности, но и свойствами личности, усиливающими эффект депривации или фрустрации (нервно-психической неустойчивостью, импульсивностью, категоричном мышлении и максимализмом) [Emelin, 2019].

В целом же, идеи второго направления исследования обладают большей эвристичностью, чем первого, поскольку позволяют связать информационно-пропагандистское воздействие с субъективными представлениями подростков.

Изучая методы и формы пропаганды радикальных идей можно прийти к выводу о манипулировании информацией об удовлетворении потребностей [Злоказов, Муслумов, 2014]. К примеру, распространении мифов о враждебности определенных взглядов, опасности определенных социальных групп или движений. Способ представления этой информации нацелен на маркирование социальных групп как угрожающих. В результате пропагандистского воздействия представление личности о социальных группах изменяется от позитивного к нейтральному или негативному, формируется ощущение уязвимости, актуализируется потребность в безопасности. В целом, содержание воздействия развивает и закрепляет представление молодежи об обществе как конфликтном, конкурирующем и враждебном.

Высказанные гипотетические предположения закрепляются нами посредством обращения к представлению о социальном пространстве. Опишем содержание этого конструкта. Понятие о социальном пространстве в социологии применялось для обозначения взаимодействия людей друг с другом, ограниченного рамками компактной социальной общности – города. В психологической науке социальное пространство личности характеризует отношения, установленные между личностью и социальным окружением.

В нашей интерпретации, представление личности о социальном пространстве репрезентирует межличностные отношения выстраиваемые личностью для удовлетворения потребностей (Zlokazov, Tagiltseva, 2020). Таким образом, представление отражает конструируемую личностью систему взаимодействия с обществом, характеризуя ресурсы, которыми располагает социальное окружения и правила взаимодействия с ним, обеспечивающие удовлетворение потребностей. Полагая, что социальное пространство личности удовлетворяет ее потребности, мы фокусируемся на субъективных характеристиках – например, приписываемых окружающим людям возможностей по удовлетворению потребностей, также рассматриваем отношение личности к взаимодействию с окружающими. Разработанный на базе высказанных представлений конструкт операционализирован нами в виде психологического опросника, измеряющего основные характеристики представления личности о социальном пространстве. В настоящее время проведена оценка психометрических свойств методики, ее текст готовится к опубликованию.

В организованном нами эмпирическом исследовании радикальных установок методика применяется для изучения специфики молодежных представлений о социальном пространстве, различающихся мерой поддержки радикальных взглядов.

Эмпирическое исследование. Цель исследования – изучение особенностей представления личности о социальном пространстве в связи с разным уровнем радикальных установок.

Методы исследования. Для сбора информации о социальном пространстве использовались два самоотчета, реализованных в виде опросника.

1. Первый опросник «Представление о социальном пространстве» включал шесть закрытых вопросов, снабженных семи бальной шкалой интервалов (от –3 до +3). Он измерял две характеристики представления о социальном пространстве – свойства и качества.

1) Свойства взаимодействия изучались через анализ отношения окружающих к субъекту. Оценивалась восприимчивость, поддержка и признание окружающими (3 утверждения: «Чувствительны ли окружающие Вас люди», «Поддерживают ли Вас окружающие люди», «Признают ли Вас окружающие люди?»). Оценка согласованности пунктов показала удовлетворительные результаты (Кронбах $\alpha = 0,82$, межпункт. корр. = 0,71), поэтому утверждения были обобщены в единый показатель «Свойства взаимодействия», отражающего восприятие личностью возможностей и ресурсов, предоставляемых взаимодействием с окружающими людьми. Параметры распределения рассчитаны с учетом стандартизации ($M z = 0,63$, $SD z = 2,19$ распределение нормальное Shapiro-Wilk $p < 0,001$).

2) Качества, выражаемые во взаимодействии, изучались через оценку отношения к окружающим (3 утверждения, интервальная шкала: «Ответственны ли Вы за взаимодействие с окружающими людьми?», «Честны ли Ваши отношения с окружающими людьми?», «Справедливы ли Ваши отношения с окружающими

щими людьми?»). Согласованность утверждений удовлетворительна (Кронбах $\alpha = 0,75$, межпункт. корр. = $0,76$), что позволяет рассматривать данные утверждения в виде единого показателя. Он характеризует моральный аспект отношений субъекта с окружающими людьми – их равенство и взаимность. Параметры обобщенного показателя также рассчитаны с учетом стандартизации ($Mz = 0,62$, $SDz = 2,92$, распределение нормальное Shapiro-Wilk $p < 0,05$).

Анализ показал, что в целом все утверждения обладают высокой степенью согласованности (Кронбах $\alpha = 0,79$ и значимо коррелируют друг с другом, $p < 0,01$), что говорит об их внутренней связности и непротиворечивости, т.е. применимости к оценке субъективных представлений и относимости к области социального взаимодействия.

2. Второй инструмент – шкала «Религиозные установки» применялся для измерения уровня радикализации представлений. Она включала 14 утверждений (снабженных семибальной шкалой интервалов (от -3 до $+3$), измеряющих религиозные убеждения фундаменталистского содержания (напр.: «Современная религия нуждается в очищении») и секуляризационного содержания (напр.: «Религиозные ценности важнее светских», «Религиозные нормы выше закона»). Оценка согласованности показала достаточный уровень (Кронбах $\alpha = 0,78$, межпункт. корр. = $0,51$). Обобщенный показатель, отражающий ответы на все утверждения шкалы имел нормальное распределение ($Mz = 0,37$, $SDz = 1,22$, распределение нормальное Shapiro-Wilk $p < 0,05$). Высокие значения ($Mz + 1,5SD$) рассматривались в качестве индикатора подверженности радикальным убеждениям, сходным по содержанию пропагандистским идеям о превосходстве религии.

Методы анализа данных. Для оценки показателей социального пространства применялся непараметрический аналог Н-критерия Краскела-Уоллиса.

Выборка исследования. Выборка формировалась посредством интернет анкетирования (Google-form) и являлась анонимной. В исследовании приняло участие 109 человек (т.е. лиц, указавший свой возраст в диапазоне от 18 до 23 лет). Высокие значения по шкале религиозных убеждений ($Mz + 1,5SD$) получили 17 обследуемых. Они сопоставлялись с лицами, имеющими низкие значения ($Mz - 1,5SD$) – 19 обследуемых.

Результаты и их обсуждение. Результаты показывают, что представление о социальном пространстве у лиц, получивших высокие значения по шкале радикальности статистически значимо отличается от лиц, имеющих низкие радикальные убеждения по одному из двух показателей социального пространства – свойств взаимодействия с окружающими.

Представления о свойствах социального пространства у радикально настроенной группы обследуемых статистически ниже чем у лиц, имеющих низкие показатели радикализма (Н-крит $K-U = 63,01$, $p = 0,001$).

Психологический смысл различий заключается в представлении об объеме социального пространства, обеспечивающей обследуемым поддержку и признание. Опрошенные из этой группы ожидают получить помощь от меньшего количества лиц, считая других людей бесчувственными к ним и игнорирующими их. По-видимому, в группе, придерживающейся радикальных взглядов, отношение к социальному окружению опосредовано признаком религиозных убеждений. В следствие подобной категоризации их социальное пространство сегментировано на лиц, придерживающихся религиозных убеждений и остальных. Подобное представление обосновывает недоверие и предубеждение к окружающим, ставя радикально настроенных лиц в уязвимое положение во взаимодействии с окружающими.

Их сверстники, не имеющие радикальных взглядов характеризуются более высокой атрибуцией поддержки, признания окружающим. Они полагают, что окружающие придут им на помощь в трудной жизненной ситуации. Их представление о социальном пространстве лишено барьеров взаимодействия по религиозному признаку.

Выводы. Подводя итоги, отметим, что в статье описывались теоретические предпосылки, ход и результаты эмпирического исследования отношения между экстремистскими установками и представлением молодежи о социальном пространстве.

Были рассмотрены современные представления о подверженности молодежи экстремистским идеям. Показано наличие двух научных направлений, объясняющих привлекательность экстремистских идей во-первых, личностными особенностями, во-вторых специфической реакцией на препятствия в удовлетворении значимых потребностей. Проведенное эмпирическое исследование позволило определить специфику представлений о социальном пространстве у молодежи, имеющей радикальные убеждения.

Экстраполируя полученные выводы о представлении относительно взаимодействия с окружающими, различающегося под влиянием радикальных установок, сформулируем ряд предположений.

Во-первых, радикальные установки и представление о социальном пространстве сопряжены в части организации взаимодействия с окружающими. Высокий уровень радикализма, как свидетельствуют результаты, формирует негативные предубеждения относительно отношения окружающих людей к личности. Люди, придерживающиеся других взглядов представляются молодому человеку нечувствительными, жестокими и несправедливыми. В силу такого предубеждения молодые люди ожидают больших трудностей в удовлетворении своих потребностей, полагают, что окружающие настроены по отношению к ним если и не враждебно, то негативно. Подобные искажения препятствуют взаимодействию и, вероятно, формируют экстремистские установки.

Во-вторых, возможности профилактики экстремистских установок и радикализма, по-видимому, могут заключаться в изменении искаженных представлений о людях и группах, в части их способности взаимодействовать с молодым человеком, помогая ему удовлетворять потребности. Снижение уровня экстремистских установок может проводиться путем реконструкции представлений о враждебности окружающих.

Библиографический список

1. Злоказов, К. В. Психологические особенности вовлечения несовершеннолетних в молодежные экстремистские группировки / К. В. Злоказов, Р. Р. Муслумов // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 5. – С. 81–87.
2. Солдатова, Е. Л. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы / Е. Л. Солдатова, Д. Н. Погорелов // Образование и наука. – 2019. – № 20 (5). – С. 105–124. – DOI 10.17853/1994-5639-2018-5-105-124
3. Borum, R. Juvenile radicalization into violent extremism: investigative and research perspectives / R. Borum, T. D. Patterson // Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. – 2019. – Vol. 58 (12). – P. 1142–1148. – DOI 10.1016/j.jaac.2019.07.932
4. Bouzar, D. The importance of interdisciplinarity to deal with the complexity of the radicalization of a young person / D. Bouzar, G. Laurent // Annales Medico-Psychologiques. – 2019. – Vol. 177 (7). – P. 663–674. – DOI 10.1016/j.amp.2019.04.010
5. Emelin, V. Radical attitudes moderate the relationships of aggressiveness and tolerance with emotion regulation / V. Emelin, E. Rasskazova, A. Tkhostov // Proceedings of Conference «Psychology of subculture: Phenomenology and contemporary tendencies of development» (PSYRGGU 2019). – 2019. – Vol. 64. – P. 146–152. – DOI 10.15405/epsbs.2019.07.19
6. Eysenck, H. J. Structure of social attitudes / H. J. Eysenck // Psychological Reports. – 1976. – Vol. 39 (2). – P. 463–466. – DOI 10.2466/pr0.1976.39.2.463
7. Prats, M. Religious radicalization and lone-actor terrorism: a matter for psychiatry? / M. Prats, S. Raymond, I. Gasman // Journal of Forensic Sciences. – 2018. – Vol. 64 (4). – P. 1253–1258. – DOI 10.1111/1556-4029.13992
8. The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism / A. W. Kruglanski, M. J. Gelfand, J. J. Belanger, A. Sheveland, M. Hetiarachichi, R. Gunaratna // Advances in Political Psychology. – 2014. – Vol. 1. – P. 69–93. – DOI 10.1111/pops.12163.
9. Melnikova, A. Suicide Bombing: Cultural and Psychological Roots of the Phenomenon in the Historical Context / A. Melnikova // Chelovek. – 2020. – Vol. 31 (2). – P. 118. – DOI 10.31857/s023620070009631-1
10. Zlokazov, K. V. Youth notion about social space: interactive, reflective, and receptive components / K. V. Zlokazov, Y. R. Tagiltseva // Advances in social science, education and humanities research : Proceedings of the International Scientific Conference «Digitalization of Education: History, Trends and Prospects» (DETP 2020). – Ekaterinburg : Atlantis Press, 2020. – P. 614–620. – DOI 10.2991/assehr.k.200509.111

Г. И. Канакина

Пенза, Россия

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

G. I. Kanakina

Penza, Russia

FORMULATION OF QUESTIONS FOR LINGUISTIC EXPERTISE

Аннотация. Исследуется проблема формулировки вопросов для специалиста-филолога при проведении лингвистической экспертизы по делам об оскорблении и о защите чести, достоинства и деловой репутации. Особое внимание уделяется рассмотрению одного из аспектов проведения лингвистических экспертиз – определению понятия «неприличная форма» выражения с помощью применения специальных знаний в области лингвистики, которые позволят избежать субъективности и вариативности в принятии юридического решения.

Ключевые слова: юрислингвистика, лингвистическая экспертиза, оскорбление, защита чести, достоинства и деловой репутации, неприличная форма выражения, вопросы эксперту-лингвисту.

Abstract. The article examines the wording of questions when conducting linguistic expertise in cases of insult and protection of honor, dignity and business reputation. Particular attention is paid to the definition of the concept "indecent form" of expression, where the use of linguistic knowledge allows to avoid subjectivity and variability in making a legal decision.

Keywords: legal linguistics, linguistic expertise, insult, protection of honor, dignity and business reputation, indecent form of expression, questions to an expert-linguist.

Язык требует к себе очень внимательного отношения. Даже одна запятая может изменить смысл высказывания (классический пример постановки запятой во фразе *Казнить нельзя помиловать*). Особого внимания требует язык закона, поэтому так важна для юристов языковая компетенция и функционально-речевая грамотность. На стыке языка и права возник ряд дисциплин, которые изучают будущие юристы: **юрислингвистика** (*юридическая лингвистика, правовая лингвистика*) – лингвистическая дисциплина, объектом изучения которой является функционирование языка в сфере юриспруденции; **лингвоюрисдика** – лингвистическая дисциплина, объектом изучения которой является язык права: законодотворчество, толкование законопроектов и юридических текстов. Однако довольно часто обращающиеся к специалистам для проведения лингвистической экспертизы не только физические, но и юридические лица затрудняются в формулировании вопросов к специалисту. **Лингвистическая экспертиза** (ЛЭ) представляет собой особый вид лингвистического исследования продуктов речевой деятельности, которое проводится для того, чтобы установить точные факты, если эти факты не могут быть установлены другим способом, а только с помощью специалиста, который обладает знаниями в области лингвистики. Термин «**лингвистическая экспертиза**» является собирательным. Ранее для такого рода исследований использовались понятия «**текстологический**», «**филологический**», «**орфографический**», «**стилистический**», «**семантический**» анализ т.п. Но многообразие решаемых задач и возрастающая роль данного вида экспертизы потребовали единого термина и определения понятия.

Особенно стремительно ЛЭ в России стала развиваться в 90-х годах XX века, была создана общественная организация – «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам» (ГЛЭДИС), которую возглавил М. В. Горбаневский. Очень активно в области теории и практики ЛЭ работают Е. И. Галяшина (Московская государственная юридическая академия имени О. Е. Кутафина), А. Н. Баранов (Институт русского языка им. В. В. Виноградова) и др. На филологическом факультет Алтайского государственного университета создана Лаборатория юрислингвистики и развития речи. Её руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. Д. Голев. Основная задача лаборатории – обобщение и анализ практического опыта лингвистической экспертизы текста на стыке языка и права, выработку научно обоснованных принципов лингвистического анализа.

Считаем справедливым замечание известного специалиста в области юрислингвистики Н. Д. Голева о том, что у привлекаемых для выполнения лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации филологов не всегда хватает профессионализма, что приводит к неубедительности для суда их выводов: «Разноречивость результатов этих экспертных заключений, субъективизм, недостаточная убедительность (как представляется, даже для самих авторов) выводов, неопределенность и

слабая эксплицированность методик, оценок и доводов свидетельствуют о слабой проработанности принципов и критериев филологического решения таких вопросов. <...> Для осуществления экспертной деятельности требуется определенная научная база, включающая специфическую (!) кодификацию норм, принципов, методик, терминологического аппарата» [Голев 2002 : 29].

По форме лингвистическая экспертиза представляет собой зафиксированное в устной консультации или в письменном документе знание лингвиста о языковых фактах. Свои исследования эксперт проводит на всех уровнях языка: лексический анализ, семантический анализ, морфологический анализ, синтаксический анализ, стилистический анализ и др.

Официальные (судебные) экспертизы выполняются по постановлению суда или следственных органов. Они имеют официальный статус доказательств, и судья обязан принять к рассмотрению выводы эксперта. **Инициативные (консультационные) экспертизы** выполняются по инициативе любых заинтересованных физических и юридических лиц (ответчиков, истцов, адвокатов, частных фирм, государственных организаций, патентных поверенных и др.). Подобные экспертизы чаще всего называют заключением специалиста. Формально судья не обязан принимать их к рассмотрению, однако заинтересованная сторона может инициировать «процессуальное расследование в рамках которого компетентность такого судьи может быть поставлена под сомнение».

Как показывает практика, в современном административном и гражданском судопроизводстве без проведения лингвистической экспертизы невозможно разрешение вопросов, связанных с **делами по обвинению в оскорблении и по защите чести, достоинства и деловой репутации**. Следует заметить, что эти дела связаны не только с юридической точки зрения, но и одно из понятий определяется через другое: «оскорбление – это унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме» [Ст. 5.61 КоАП РФ. Оскорбление. ФЗ № 420 от 07.12.2011].

Наш опыт выполнения консультационных экспертиз показал, что особую трудность при назначении лингвистической экспертизы указанной выше группой заинтересованных физических и юридических лиц представляет **процесс формулирования вопросов специалисту**. В то время как успех лингвистической экспертизы зависит от корректности вопросов, поставленных перед экспертами-лингвистами, поскольку именно они определяют качество экспертного исследования. При производстве судебных лингвистических экспертиз по делам об оскорблении; защите чести и достоинства граждан, умалении деловой репутации физических и юридических лиц необходимо разграничивать лингвистическую экспертизу речевого нарушения от правовой квалификации речевого деяния как состава правонарушения. Эксперт-лингвист не может выходить за пределы своей компетенции. Нарушения при проведении лингвистической экспертизы довольно часто возникают вследствие неверной формулировки вопросов для её проведения. Вопросы должны быть сформулированы таким образом, чтобы эксперт при ответе на них мог применять только лингвистические знания. Задание эксперту должно быть составлено таким образом, чтобы ответы помогли следователю или судье, назначившим экспертизу, соотнести характеристики текста с признаками состава преступления. Здесь необходимо придраться к двум простым и вместе с тем важным правилам: 1) вопрос должен быть поставлен четко, ясно, не допускать двоякого толкования, 2) вопрос не должен выходить за пределы специальных знаний эксперта-лингвиста.

При проведении лингвистической экспертизы специалист устанавливает:

1. Имеются ли в тексте негативные сведения о... (Ф.И.О.), его деятельности и о его личных деловых и моральных качествах. Если таковые имеются, то в каких конкретно высказываниях содержатся эти сведения. 2. Если в вышеуказанных фразах имеются негативные сведения о... (Ф.И.О.), то в какой форме они выражены: утверждения, предположения, вопроса, мнения, оценочного суждения. 3. Выражена ли информация, касающаяся... (Ф.И.О.), в оскорбительной (неприличной) форме. На основании установления в ходе лингвистической экспертизы этих фактов судьёй может быть сделан вывод о наличии в речевом произведении оскорбления или сведений, порочащих честь и достоинство, умаляющих деловую репутацию физических или юридических лиц. Остановимся подробнее на каждом из этих пунктов.

1. Имеются ли в тексте негативные сведения о... (Ф.И.О.), его деятельности и о его личных деловых и моральных качествах. Если таковые имеются, то в каких конкретно высказываниях содержатся эти сведения.

Довольно часто при установлении этих фактов первый вопрос формулируется следующим образом: «Содержатся ли в тексте сведения, оскорбляющие честь (достоинство)... (Ф.И.О.)?». Подобный вопрос находится вне компетенции лингвиста. Сведения сами по себе оскорбительными быть не могут, они могут быть либо соответствующими, либо не соответствующими действительности. Оскорбительной может быть только неприличная языковая форма сообщения сведений. Лингвист может установить в тексте наличие отрицательных характеристик, уничижительных именовании того или иного лица; квалифицировать их как оскорбление – в компетенции юристов. Неправомерными в этом случае будут и следующие вопросы эксперту-лингвисту «Содержатся ли в тексте публикации сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина или юридического лица?»; «Можно ли рассматривать данную информацию как порочащую честь, достоинство и деловую репутацию?», поскольку порочащими являются «сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпри-

нимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица» [Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 24.02.2005]. Это означает, что установление порочащего характера сведений относится к компетенции суда, а не экспертов, поэтому они не могут присутствовать в формулировке вопросов, которые ставятся на разрешение лингвистической экспертизы.

2. Если в вышеуказанных фразах имеются негативные сведения о... (Ф.И.О.), то в какой форме они выражены: утверждения, предположения, вопроса, мнения, оценочного суждения.

Негативная информация в тексте может быть представлена в следующих формах: утверждение; мнение (в том числе предположение), оценка. **Утверждение** – высказывание, суждение, сообщение, в котором утверждается что-либо и в котором отображается связь предмета и его признаков. Грамматически утверждение (утвердительное суждение) выражается формой повествовательного предложения, как невосклицательного (эмоционально не окрашенного), так и восклицательного (эмоционально окрашенного, что в устном высказывании передаётся восклицательной интонацией, а в письменной оформляется с помощью восклицательного знака). Утверждение может содержать слова и словосочетания, подчеркивающие достоверность сообщаемого (например: *известно, точно, доподлинно, без сомнения, фактически* и т.п.). Утверждения могут быть истинными (соответствуют действительности) или ложными (не соответствуют действительности). Утверждения о фактах можно проверить на соответствие действительности. **Предположение** – это домысел (догадка), передающий неуверенность говорящего или пишущего в сообщаемых сведениях. В отличие от утверждения содержит специальные маркеры – слова, выражающие неуверенность, сомнение, вероятность происхождения того или иного события, одну из ряда возможных версий (*может быть, вероятно, по-видимому, как представляется, думается* и т.п.). Предположение по сути является одной из форм выражения мнения, когда автор текста хочет подчеркнуть предварительный характер высказываемых доводов или собственную неуверенность в их достоверности. При этом важно заметить, что если резюмирующая часть текста выражена в форме предположения, то такое предположение следует рассматривать как некатегорическое утверждение. **Мнение (о фактах, событиях, лицах)** – суждение, выражающее чью-нибудь точку зрения, отношение к кому-чему-нибудь, распознается по наличию определенных слов и конструкций: *по моему мнению; мне кажется; я думаю; надо полагать, что* и др. Мнение может опираться на факты, этим оно отличается от домысла, и содержать оценку фактов и их комментарии, в этом его отличие от знания. **Оценка (фактов, событий, лиц)**, оценочное суждение – суждение, содержащее субъективное мнение в определенной форме. Выражение оценки распознается в тексте по наличию определенных оценочных слов и конструкций, эмоционально-экспрессивных оборотов речи: *хороший / плохой, добрый / злой* и т.п. Собственно оценочное суждение не может быть проверено на соответствие действительности (в отличие от сведений, содержащих утверждения о фактах). Оценочные высказывания могут быть негативно-оценочными и положительно-оценочными. Они недопустимы, если содержат непристойные слова и выражения, бранную, оценочную лексику, прямо адресованную или характеризующую какое-либо конкретное физическое лицо.

3. Выражена ли информация, касающаяся... (Ф.И.О.), в оскорбительной (неприличной) форме.

Анализ средств выражения негативной информации производится путём исследования особенностей употребления выбранных говорящим / пишущим средств с опорой на лексикографические источники. Нужно признать некорректной постановку перед экспертом-лингвистом вопросов типа «*Являются ли слова ..., ..., ... оскорбительными?*». Дело в том, что важно установить факт адресованности этих слов конкретному лицу. Вопрос при этом может быть сформулирован так: «*Являются ли слова ..., ..., ... оскорбительными в данном тексте для такого-то лица?*». Кроме того, важна языковая форма выражения негативной информации.

«Неприличная форма» применительно к лингвистической экспертизе – это форма оскорбительная, т. е. содержащая оскорбительные для адресата (истца) слова и выражения. В ходе лингвистической экспертизы подтверждается или опровергается не сам факт оскорбления (это компетенция суда), а оскорбительный характер исследуемых выражений, т. е. подтверждается или опровергается наличие неприличной языковой формы выражения негативной информации. Учёные и практикующие адвокаты говорят о нерешённости проблемы определения понятия «неприличная форма» выражения в теории права, подчеркивают субъективность и размытость правовой дефиниции понятия. Данный пробел восполняет лингвистическая литература (В. И. Жельвис, И. А. Стернин, Н. Д. Голев, Е. И. Галяшина, В. М. Мокиенко, Г. В. Кусов и др.). Правда, в работах указанных лингвистов используются разные подходы к характеристике неприличной формы слов и выражений. Так, в статье «Оскорбление и неприличная форма высказывания как предмет лингвистической экспертизы» И. А. Стернин разделяет ненормативную лексику и фразеологию на грубую (неприличную) и нецензурную (непристойную) и подробно характеризует каждую группу [Стернин 2006 : 339–353]. Г. В. Кусов, решая проблему «неприличной формы» в судебной лингвистической экспертизе, трактует её следующим образом: «План негативных типов «социально-нормативного предиктирования» содержит следующие виды лексических единиц: 1) профанная лексика (крайне негативная отрицательная оценка лица – фаллическая символика, мат, и т.д.);

2) церемониальные выражения (вынесение приговора или решения суда – мошенник; постановка медицинского диагноза – шизофреник; нарушение корпоративной этики – сапожник; нарушение формы ритуала – оборотень);

3) лексика нарушения конвенционных установок (нарушение конвенционных правил – мятежник; нарушение лингвокультурных традиций – тунеядец; нарушение морального обычая – прохвост; нарушение коммуникативного кодекса – пошляк; нарушение стилистической уместности – нахал; нарушение институциональных установок – изверг)» [Кусов 2019 : 203]. Н. Д. Голев считает, что формулировка закона должна приближаться к лингвистическому определению приличности / неприличности и полагает, что «способом разрешения такого противоречия будет постепенное приспособление юридических канонов к требованиям функционирующего языка (творчески функционирующего языка!)» [Голев 1999 : 149]. Такого же мнения придерживается Саженин И. И.: «... в целях оказания суду содействия в установлении неприличности формы высказывания эксперт, дабы не выходить за пределы специальных знаний, действуя на строго научной основе в пределах соответствующей специальности, должен решать задачу по характеристике плана выражения высказывания. В ряде случаев, когда судья понимает, где находится граница компетенции экспертов, вопрос формулируется примерно следующим образом: «Содержится ли в высказывании негативная информация о лице, и если содержится, то какими средствами она выражена?». Решение вопроса в такой формулировке позволяет эксперту оставаться в зоне своих профессиональных возможностей и в то же время сообщить адресату информацию о языковых единицах, необходимую для принятия дальнейшего решения по делу» [Саженин 2016: 331–338].

Экспертом должны быть установлены лингвистические признаки формы выражения высказывания. На сегодняшний день для определения понятия «**неприличная языковая форма выражения негативных сведений**» существует вполне устоявшийся **перечень слов и выражений**:

- «1) обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: *мошенник, жулик, проститутка*;
- 2) с ярко выраженной негативной оценкой, также обозначающие социально осуждаемую деятельность или позицию характеризуемого: *расист, двурушник, предатель*;
- 3) названия некоторых профессий, употребляемые в переносном значении: *палач, мясник*;
- 4) зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных и подчеркивающие какие-либо отрицательные свойства человека: нечистоплотность или неблагодарность (*свинья*), глупость (*осёл*), неповоротливость, неуклюжесть (*корова*) и т.п.;
- 5) глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой: *хапнуть*;
- 6) слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности и т.п., без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию: *негодяй, мерзавец, хам*;
- 7) эвфемизмы для слов первого разряда, сохраняющие тем не менее их негативно-оценочный характер: *женщина лёгкого поведения, интердевочка*;
- 8) специальные негативно-оценочные каламбурные образования: *коммуняки, дерьмократы, прихватизаторы*;
- 9) нецензурные слова в качестве характеристики лица;
- 10) сравнение с одиозными историческими и литературными персонажами: *Пиночет, Гитлер* и т.д.» [Россинская 2010 : 348–349].

К сожалению, по мнению специалистов, проблема квалификации употребления неприличных слов и выражений как оскорбления осложняется рядом процессов:

- 1) усиливающейся размытостью границ и составом самой инвективной лексики, поскольку в её сферу проникают жаргонные, просторечные, вообще внелитературные слова и выражения;
- 2) неустойчивостью, нестабильностью и динамичностью негативно-оценочных значений единиц в зависимости от контекста функциональной сферы употребления;
- 3) процессами детабуизации инвективной лексики, наблюдаемой в последние годы в печати, в электронных СМИ, на страницах художественной литературы [Кусов 2013 : 96].

Всё вышесказанное приводит нас к выводу о том, что лингвистическая экспертиза должна быть подчинена юридическим потребностям: должен быть приведён в соответствие терминологический аппарат, используемый юристами и лингвистами, разработаны методы и принципы проведения лингвистического исследования, социальная потребность в котором сегодня очевидна. Профессионально грамотный эксперт-лингвист поможет сформулировать вопросы, которые целесообразно вынести на разрешение лингвистической экспертизы по конкретному делу. Безусловно, сторона, запрашивающая лингвистическую экспертизу или обращающаяся за консультацией к эксперту-лингвисту, должна при необходимости вместе с ним вырабатывать окончательную редакцию вопросов, чтобы они были приемлемы с точки зрения лингвистов и вместе с тем полностью отвечали юридической стороне дела.

Библиографический список

1. Голев, Н. Д. Три лингвистические экспертизы по одному делу (к вопросу о вариативности презумпций экспертов) / Н. Д. Голев, Н. Б. Лебедева // Юрислингвистика. – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. пед. ун-та. – 2002. – № 3. – С. 29–42.
2. Кусов, Г. В. Диагностика квалифицирующего признака «неприличная форма» в судебной лингвистической экспертизе / Г. В. Кусов // Культура и текст. – 2013. – № 1 (14). – С. 93–115.
3. Кусов, Г. В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Кусов Г. В. – Краснодар, 2004. – 245 с.

4. О судебной практике по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 24.02.2005 (абз. 5 п. 7). – URL: <https://lingvo-sudexp.ru/>
5. Россинская, Е. Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. – Москва : Проспект, 2010. – 464 с.
6. Саженин, И. И. Неприличная форма высказывания: этика, лингвистика, право / И. И. Саженин // Лингвокультурология / гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2016. – № 10. – С. 331–338.
7. Кодекс об административных правонарушениях (КоАП РФ) : федер закон № 420 от 07.12.2011 : [с коммент. 2019–2020 года]. Ст. 5.61. Оскорбление. – URL: <http://stkoaprf.ru/5-61>
8. Стернин, И. А. Оскорбление и неприличная языковая форма как предмет лингвистической экспертизы (бытовое и юридическое понимание) / И. А. Стернин // Антропотекст -1. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2006. – С. 339–353.

П. А. Катышев

Москва, Россия

ДЕЛИКТОГЕННОЕ ВОВЛЕЧЕНИЕ В АСПЕКТЕ ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАМЕТРИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ РИСКОВ¹

P. A. Katyshev

Moscow, Russia

DELICTOGENIC INVOLVEMENT IN THE ASPECT OF JUDICIAL AND LINGUISTIC PARAMETERIZATION OF LEGAL RISKS

Аннотация. Обосновываются положения, затрагивающие юрислингвистическую параметризацию правовых рисков, связанных с вовлечением в совершение преступлений экстремистской (террористической) направленности. Цель работы состоит в определении лингвистически релевантного состава компонентов диагностического комплекса, применение которого способствует выявлению признаков криминального (деликтогенного) вовлечения.

Ключевые слова: судебно-лингвистическая экспертиза, экстремизм, терроризм, подстрекатель, вовлечение.

Abstract. The article substantiates the provisions that underlie the judicial and linguistic parameterization of risks associated with the process of involvement into crimes of an extremist (terrorist) nature. The purpose of the study is to determine linguistically relevant components of a diagnostic complex, the use of which facilitates the identification of features of criminal (delictogenic) involvement.

Keywords: forensic linguistic analysis, extremism, terrorism, instigator, involvement.

1. Введение

Согласно российскому законодательству, понятие террористической деятельности включено в содержание юридической категории «экстремистская деятельность» [Федеральный закон № 144-ФЗ от 25.07.2002], является ее составной частью [Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 28.06.2011].

Юридически понятие «терроризм» определяется как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [Федеральный закон № 35-ФЗ от 06.03.2006]. При этом террористическая деятельность описывается через перечень деяний, включающих: организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; подстрекательство к террористическому акту; организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности [Федеральный закон № 35-ФЗ от 06.03.2006].

В свою очередь [Федеральный закон № 114-ФЗ от 27.07.2002] относит к экстремизму также «публичное оправдание терроризма и иную террористическую деятельность» (ст. 1).

С одной стороны, по смыслу указанного закона понятие «экстремистская деятельность» явно шире понятия «террористическая деятельность», поскольку последняя рассматривается лишь как одно из проявлений экстремизма. С другой стороны, согласно [Федеральный закон № 35-ФЗ от 06.03.2006], террористической может быть признана и такая группа, которая осуществляет организацию, подготовку или совершение преступлений экстремистской направленности, предусмотренных ст. 280, 282.1 и 282.2 УК РФ (ст. 24). Включение одного понятия в другое вызывает неудобства в их применении из-за спровоцированной коллизии федеральных законов [Можегова 2014].

¹ Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 18-012-00574 «Лингвокультурные доминанты легитимных/нелегитимных политических дискурсивных практик в пространстве русскоязычной коммуникации: типологическое исследование».

Не менее проблематичной является ситуация использования законодательства с целью уголовного преследования за такую форму соучастия, как подстрекательство (в нашем случае – к совершению преступлений экстремистской (террористической) направленности). В соответствующих статьях уголовного кодекса (для дел экстремистской направленности – ч. 1.1., ч. 3 ст. 282.1, ч. 1.1., ч. 3 ст. 282.2 УК РФ, для дел террористической направленности – ч. 1, ч. 1.1., ч. 2 ст. 205.1) подстрекательство, по мнению ряда доктринальных интерпретаторов права, замещается многокомпонентной словесной конструкцией «склонение, вербовка или иное вовлечение <лица>». Трудность в ее применении заключается в следующем:

- в УК РФ и сопровождающих его нормативно-правовых актах отсутствует система дефинитивных норм (легальных определений), позволяющих разграничить и привести в строгую систему соотношений юридические понятия склонения, вербовки и вовлечения;

- ограниченность легальной интерпретации, даваемой компетентным органом, рамками ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, а также ее информационная неполнота (см. [Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 09.02.2002, п. 14]) не позволяют однозначно подвести рассматриваемые понятия под категорию подстрекательства (из-за отсутствия такого указания), что способно спровоцировать интуитивное использование соответствующих терминов по отношению к другим формам соучастия (например, к исполнителю);

- разнообразие в характеристике действий, побуждающих к участию в совершении преступлений экстремистской (террористической) направленности, перегружает понятийно-терминологический аппарат законодательства нечеткими категориями, усиливающими влияние субъективного фактора на принятие решений;

- неопределенность терминов приводит к полифонии в их неофициальной (доктринальной) интерпретации, при этом не все разъяснения (зачастую приводимые с целью использования термина в экспертной практике) можно считать удачными [Бешукова 2016; Коростелева 2018; Нагаева 2011; Решетников 2019] и др.

Сложившаяся ситуация негативно отражается и на качестве судебной лингвистической экспертизы, производимой по делам соответствующих составов, поскольку у лингвиста-эксперта может сложиться некорректное представление о характере тех признаков, которые необходимо диагностировать в исследуемых объектах.

2. Постановка проблемы

Качество диагностики, касающейся вербальных проявлений подстрекательства как деятельности радикально настроенного делинквента, зависит от решения ряда проблем, находящихся на пересечении интересов права, лингвистики и судебного речеведения.

Как нам представляется на данный момент, решение проблемной ситуации, связанной с организацией работы лингвиста-эксперта по делам о «склонении, вербовке или ином вовлечении», состоит:

- в выборе терминологии, пригодной для моделирования диагностических процедур, направленных на выявление необходимых и достаточных признаков, связанных с объективной стороной преступления;

- в учете тех диагностических признаков, которые значимы для правоприменительной практики по делам экстремистской (террористической) направленности;

- в установлении вербальных параметров, репрезентирующих соответствующие диагностические признаки.

Думается, решение первых двух проблем относится к компетенции законодателя и правоприменителя, в том время как поиск решения третьей проблемы не может быть эффективно осуществлен без помощи лингвиста.

Так, при выборе терминологии, определяющей характер диагностируемого деяния, следует учитывать то, какое из понятий, раскрывающих особенности подстрекательства в сфере преступлений экстремистской (террористической) направленности, лучше всего охарактеризовано законодателем. Из формул соответствующих статей УК РФ и официального толкования компетентного органа [Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 09.02.2002, п. 14] следует, что, делая термин «вовлечение» родовым (ср. микроконтексты, объективирующие его гиперонимическую сущность: «...иное вовлечение...», «...действия, направленные на вовлечение...»), законодатель его конкретизирует через определенную совокупность признаков, а именно: 1) «наличие у субъекта умысла», 2) «его ориентированность на определенное лицо/ группу лиц», 3) «привлечение к участию (инклюзия) как сущность подстрекательства», 4) «сфера-ориентир для инклюзии (преступления, в которые кого-либо вовлекает экстремист/ террорист)», 5) «способы осуществления инклюзии (уговоры, подкуп и т.д.)», 6) «средства трансляции инклюзии (в частности, информационно-коммуникационная сеть)», 7) «род инклюзии (физическое/ психическое воздействие)», 8) «способы ее организации (например, поиск лиц)», 9) «степень результативности (например, потенциальная / реальная результативность, заключающаяся в побуждении к совершению хотя бы одного преступления)». На этом концептуальном фоне единицы «склонение» и «вербовка» имеют статус агнонимов (терминов, не дефинированных компетентным субъектом, а потому воспринимающихся интуитивно), что мотивирует предпочтительное использование усеченной номинации «вовлечение», представляющей собой такой элемент специализированной терминотерминологической системы, который доведен законодателем до уровня логически обработанного понятия.

Кроме того, при отборе составляющих диагностического комплекса следует руководствоваться положениями теории уголовного права и опытом, накопленным в сфере судебной практики, которые указывают на необходимость устанавливать по каждому уголовному делу соответствующего состава то, каким конкретно способом подстрекатель воздействовал на исполнителя и к совершению какого конкретного преступления он его склонял [Нагаева 2011: 525]. Другими словами, необходимыми и достаточными признаками, диагностирующими вовлечение как преступное деяние, признаются 'способы осуществления инклюзии' (сюда же можно отнести и такие параметры, сопутствующие указанному, как 'средства трансляции инклюзии', 'род инклюзии', 'способы ее организации') и 'сфера-ориентир для инклюзии' (провоцируемое преступление), что, в свою очередь, предполагает и установление показателей, доказывающих наличие самой деликтогенной инклюзии в сфере действия коммуникативной интенции субъекта правонарушения.

В рамках данной статьи обсуждению подлежит тот круг вопросов, который способствует выявлению лингвальных коррелятов, диагностирующих у подстрекателя наличие признаков вовлечения в совершение преступлений экстремистской (террористической) направленности.

Предметом исследования, представленного в рамках статьи, выступают лингвальные параметры, определяющие наличие установки на вовлечение в совершение преступлений экстремистской (террористической) направленности; при этом такое вовлечение рассматривается в качестве разновидности уголовно наказуемого подстрекательства.

Цель исследования состоит в определении лингвистически релевантного состава компонентов диагностического комплекса, ориентированного на экспликацию признаков вовлечения в совершение преступлений экстремистской (террористической) направленности.

Выявление коммуникативно-семиотических параметров криминального вовлечения осуществляется путем использования методологии параметрического судебно-лингвистического моделирования, предполагающей в общем случае выполнение трех действий – установление:

- (1) состава признаков явления,
- (2) нормативных (прототипических) форм выражения каждого из признаков явления,
- (3) диапазона варьирования форм, которые репрезентируют каждый из признаков (при этом само варьирование не разрушает идентичность явления) [Осадчий 2018: 7].

В рамках данного исследования использование моделирующих процедур предполагает характеристику параметров лингвистического диагностического комплекса «вовлечение в совершение преступлений экстремистской (террористической) направленности». Создание модели осуществляется с учетом имеющейся экспертной практики.

3. Результаты исследования

Признаки вовлечения предполагают, что его результат достигается в том числе речевым путем, поэтому основу параметрического судебно-лингвистического моделирования составляет такое представление о побуждении кого-либо к участию в деятельности экстремистской (террористической) направленности, в соответствии с которым вовлечение – это разновидность речевого воздействия и лингвист-эксперт в своей практике имеет дело с деликтогенным речевым вовлечением.

Однако одноименные концепты лингвистической науки и сферы права не являются тождественными, что создает некоторые трудности для сближения указанных областей.

Так, в сфере права концептуализация рассматриваемого феномена чаще всего осуществляется через признаки такого субъекта правонарушения, как подстрекатель – лицо, преследуемое по закону за реализацию намерения включить (склонить) подстрекаемое лицо в деятельность (в том числе экстремистской (террористической) направленности) путем уговоров, просьб, призывов, предложений и т.д., что прежде всего свидетельствует об асимметричном характере отношений между подстрекателем и подстрекаемым.

Соответственно в лингвистике искомое понятие ориентировано на описание таких консенсуальных действий и состояний [Гуляева 2016; Катышев, Оленев 2016], которые характеризуют обоих участников интеракции, а сама деятельность и процесс вовлечения рассматриваются в том числе и в связи с социально одобряемыми дискурсивными практиками, основанными на диалоге между равноправными субъектами.

Кроме того, теория речевого вовлечения, разработанная в лингвистике, неоднородна в плане подходов, применяемых к осмыслению этого феномена. Среди таковых выделяются:

- подход «involvement-study», в соответствии с которым вовлечение рассматривается как условие и механизм организации устного взаимодействия, основанного на паритете обязательств коммуникантов относительно (1) фокусировки внимания на теме разговора и (2) привлечения к нему внимания другого субъекта [Gumperz 1982; Tannen 2007] и др.,

- подход «engagement-study», с помощью которого тексты преимущественно опосредованной коммуникации изучаются в аспекте их способности регулировать познавательно-поведенческую активность читателей в нужном для адресанта направлении [Hyland, Jiang 2016; Hyland 2017] и др.

Думается, что исследование инклюзивных феноменов устной и письменной коммуникации на единых методологических основаниях возможно в случае признания эвристической значимости для описания интеракции такого регуляционного параметра, как позиция вовлечения. Ей определяется особая линия поведения, которая выбирается коммуникантом в отношении включения себя и другого в общение, а также в связанные с ним предпосылки и последствия. С помощью данного параметра может быть описана комму-

никативная позиция не только вовлекающего, но и вовлекаемого, и, следовательно, то, как коммуниканты представляют себя и другого в качестве участников процесса социальной интеракции.

Введение данного параметра имеет значение и для моделирования случаев деликтогенного речевого вовлечения (подстрекательства).

Иными словами, приоритетными в плане включения в диагностическую судебно-лингвистическую модель могут выступать такие представления о дискурсивных процедурах подстрекателя, которые обеспечивают:

- фокусировку адресанта на инклюзивной интенции (ее совпадение / несовпадение с целью высказывания, степень и характер ее выражения в соответствующих частях текста), в силу чего адресата побуждают осуществить что-либо и/или стать кем-либо из того, что запрещено, при изменении своего первоначального социального статуса;
- введение в качестве аргумента модальных операторов и пропозициональных установок такого содержания, которое отсылает к провоцируемому событию / состоянию, наступление которых само по себе является преступлением;
- использование коммуникативно-семиотических способов, обеспечивающих переход адресата в сферу интересов адресанта.
- Вместе с тем, на практике характеристика коммуникативно-семиотических средств выражения необходимых и достаточных признаков вовлечения может сопровождаться и описанием других дискурсивных процедур, в частности:
 - выбора адресантом целевой аудитории и способов ее репрезентации;
 - распределения статусов и ролей адресанта и адресата в условиях совершаемого коммуникативного действия;
 - установления определенного отношения к реципиенту, управления динамикой контакта с ним;
 - указания на степень и характер близости сообщаемого и корпоративных (организационных) ценностей адресанту и реципиенту (их отождествления с источником сообщения или расподобления с ним);
 - отнесения к членам референтной (правильной) группы реципиента с возможным указанием на ее предпочтения и ценности, способы вхождения в нее, важные для нее личностные качества, условия членства и обязательства пребывания в ней.

4. Заключение

Параметрическое судебно-лингвистическое моделирование рисков, связанных с вовлечением в совершение преступлений экстремистской (террористической) направленности, осуществляется с опорой на такую надсистемную детерминанту, как сфера права (его теория, законодательная фиксация и применение в рамках судебного разбирательства).

В соответствии с этой детерминантой, устанавливающей характер действий подстрекателя по способам вовлечения, провоцируемому преступлению и, как следствие, по наличию инклюзии в сфере действия коммуникативной установки делинквента, формируется набор лингвистически значимых параметров, позволяющих диагностировать соответствующие правовые риски.

Данная параметрическая система свидетельствует о том, что при установлении состава деликтогенного вовлечения имеют первостепенную значимость (а) совпадение инклюзивной интенции с коммуникативной целью адресанта, (б) наличие вербализованного представления о провоцируемом преступлении, (в) использование адресантом коммуникативно-семиотических средств интерперсональности, обеспечивающих формирование у объекта воздействия предпосылок для совершения преступлений экстремистской (террористической) направленности.

Библиографический список

1. Бешукова, З. М. «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица» как альтернативные действия объективной стороны организации экстремистского сообщества / З. М. Бешукова // Национальная безопасность / nota bene. – 2016. – № 5. – С. 632–639.
2. Гуляева, М. А. Теоретические основы изучения вовлечения в коммуникацию / М. А. Гуляева // Известия Волгоградского педагогического университета. – 2016. – № 9–10 (113). – С. 65–69.
3. Катышев, П. А. К вопросу о судебной лингвистической экспертизе по делам, связанным с вовлечением в деятельность нелегальных организаций / П. А. Катышев, С. В. Оленев // Acta linguistica Petropolitana : тр. Ин-та лингвист. исслед. – 2016. – № 12 (3). – С. 407–419.
4. Коростелева, Л. В. Проблема определения признаков вербовки в судебной лингвистической экспертизе / Л. В. Коростелева // Политическая лингвистика. – 2018. – № 6 (72). – С. 127–132.
5. Можегова, А. А. О разграничении экстремистских и террористических преступлений по уголовному праву Российской Федерации / А. А. Можегова // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2014. – № 3. – С. 52–55.
6. Нагаева, Т. И. Применение терминов «вовлечение» и «склонение» в российском уголовном праве / Т. И. Нагаева // Lex Russica. – 2011. – № 70 (3). – С. 515–539.
7. Осадчий, М. А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи / М. А. Осадчий. – Москва : Либроком, 2018. – 256 с.
8. Решетников, А. Ю. Вовлечение в совершение общественно-опасных действий: нормативные конструкции и вопросы уголовно-правовой оценки / А. Ю. Решетников // Вестник Омской юридической академии. – 2019. – Т. 16, № 1. – С. 43–48.

9. Gumperz, J. J. *Discourse strategies* (Studies in International Sociolinguistics 1.) / J. J. Gumperz. – Cambridge University Press., 1982. – 225 p.
10. Hyland, K. Metadiscourse: What is it and where is it going? / K. Hyland // *Journal of Pragmatics*. – 2017. – № 113. – P. 16–29.
11. Hyland, K. “We must conclude that...”: A diachronic study of academic engagement / K. Hyland, F. Jiang // *Journal of English for Academic Purposes*. – 2016. – № 24. – P. 29–42.
12. Tannen, D. *Talking voices: Repetition, dialogue, and imagery in conversational discourse* / D. Tannen. – New York : Cambridge University Press., 2007. – 245 p.
13. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 09.02.2012. – URL: [https://rg.ru/2012/02/17/ terrorozm-dok.html](https://rg.ru/2012/02/17/terrorozm-dok.html) (дата обращения: 04.11.2020).
14. О противодействии терроризму : федер. закон № 35-ФЗ от 06.03.2006. – URL: <http://base.garant.ru/12145408/> (дата обращения: 04.11.2020).
15. О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон № 114-ФЗ от 25.07.2002. – URL: <http://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 04.11.2020).
16. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 28.06.2011. – URL: <https://rg.ru/2011/07/04/vs-dok.html> (дата обращения: 04.11.2020).

Л. Г. Ким

Кемерово, Россия

НЕПОЛНОТА И ИЗБЫТОЧНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ КАК ФАКТОРЫ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА¹

L. G. Kim

Kemerovo, Russia

INCOMPLETE AND REDUNDANT INFORMATION AS FACTOR OF MULTIPLE INTERPRETATIONS OF ADVERTISING TEXT

Аннотация. Обсуждается проблема неполноты и избыточности формально-смысловых характеристик рекламного текста. На материале лингвистического эксперимента доказывается, что множественность и вариативность интерпретаций адресатом текста детерминирована как неполнотой содержания, так и избыточностью текста. В случае неполноты выраженной в тексте информации включаются ассоциативные механизмы интерпретации его содержания. При избыточности информации множественность интерпретаций обусловлена возможностью для адресата «большого выбора» стимулирующих дискурсивных единиц, каждая из которых определяет результат интерпретационного процесса.

Ключевые слова: рекламный текст, интерпретация, неполнота, избыточность, адресат.

Abstract. The article examines the issue of incompleteness and redundancy of the formal and semantic characteristics of the advertising text. A linguistic experiment has proved that the multiplicity and variability of the recipient's interpretations of the text is determined by both the incompleteness of the content and the redundancy of the text. Associative mechanisms for interpreting the content of the text begin to act in case of incomplete text information. Multiple interpretations with redundant information make it possible for the addressee to have a "greater choice" of stimulating discursive units, each of which determines the result of the interpretive process.

Keywords: advertising text, interpretation, incompleteness, redundancy, addressee.

Функционирование языковой системы определяется принципом экономии речевых усилий. Необходимость «разворачивать» текст и, увеличивая его «длину», детализировать элементы его структуры и содержания обусловлена степенью предполагаемого незнания участниками общения содержания предмета сообщения. Выбор степени «разворачивания» в речи единиц языка определяется системой их употребления и, следовательно, носит, в сущности, прагматический характер. Для достижения максимального коммуникативного эффекта система употреблений согласно принципу экономии речевых усилий стремится использовать минимальное количество средств. Принцип экономии речевых усилий используется при описании коммуникативных процессов (принцип оптимальности [Демьянков 1982], принцип кооперации [Грайс 1985]).

Характеризуя принцип экономии речевых усилий, необходимо подчеркнуть, что минимализация средств выражения на этапе порождения речи говорящим приводит в конечном счете к возрастанию смысловой вариативности текста на этапе его восприятия слушающим [Ким 2017]. Сформулированные П. Грайсом постулаты, направленные на реализацию кооперативного принципа коммуникации, содержат противоречия. *Постулат Количества*, выражающийся формулой *Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется*, и связанный с ним *постулат Способа* (*Будь краток, избегай ненужного многословия*), по существу, находятся в отношениях антиномического взаимодействия. На коммуникативно-прагматическом уровне это обусловлено в определенной мере противоречием между иллокуцией и перлокуцией, качеством точности речи и ее ясностью. Говорящий стремится к точному, а следовательно, более развернутому способу выражению мысли, в то время как такая форма выражения часто не обладает свойством ясности для слушающего и соответственно не имеет нужного перлокутивного эффекта.

Стремление к реализации постулатов кооперативного общения на этапе порождения текста как фактора коммуникативного процесса априори предполагает включение в его структуру имплицитных компонентов, что обуславливает формально-смысловую неполноту текста. Говорящий не вербализует информацию в полном объеме, а концентрирует языковые ресурсы в сфере релевантной информации. При восприятии информации слушающий осуществляет процедуру *доставки смысла* как реализацию меха-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-012-00202 «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ»).

низма ожидания. Этот тезис априори предполагает вывод о том, что чем более развернутым является текст, чем выше степень его детализации и «избыточности», тем меньше вариантов реализации его смыслов в процессе рецептивно-интерпретационной деятельности адресата. Иными словами, «длина текста» обратно пропорциональна количеству реализуемых этим текстом смысловых версий.

Задачей настоящей статьи является опровержение сформулированного тезиса и обоснование положения, согласно которому в процессе увеличения «длины текста» – избыточности – происходит нейтрализация одних смысловых версий и актуализация других. В итоге увеличение степени эксплицитности текста, его «избыточности» не снимает проблемы вариативной множественности смысловых версий, которые реализуются на этапе его восприятия адресатом.

Предлагаемое исследование выполнено в русле теории вариативно-интерпретационного функционирования текста [Ким 2013] и основано на положении о том, что вариативность восприятия смыслового содержания интерпретируемого текста детерминирована, с одной стороны, системно-языковым фактором (фактором текста), а с другой – фактором рецептивно-интерпретационной деятельности адресата (фактором субъекта-интерпретатора).

Проблема неполноты vs избыточности текста в предлагаемой статье решается на материале рекламного дискурса, интерес к которому в последнее десятилетие активно возрастает. В работах, посвященных этому жанру, отмечаются следующие его содержательно-формальные характеристики: *актуальность, релевантность, стереотипность, интегративность, стандартизированность, персуазивность* [Кохтев 1981; Лившиц 1999; Мокшанцев 2007; Пирогова 2000; Стрельникова 2006; Терпугова 2000]. В работах исследователей подчеркивается основное свойство рекламного дискурса – его крайняя лаконичность.

Но ведь с целью достижения необходимого перлокутивного эффекта адресат должен «правильно» интерпретировать содержание рекламы, а следовательно, форма рекламного текста должна в максимальной степени выражать «нужное» содержание.

Верификация гипотезы, согласно которой неполнота рекламного текста детерминирует вариативное множество смыслов, потребовала проведение лингвистического эксперимента. Материалом для эксперимента является реклама мебели *Место настоящей женщины в спальне*. Участникам эксперимента (30 человек) предлагалось ответить на вопрос, о чем этот рекламный текст.

Данный текст в процессе его семантизации адресатом-интерпретатором воплощается в виде множества смысловых версий.

1. «Текст рекламирует кровать» (35%): *На мой взгляд, рекламируется обстановка спальни, в частности – кровать; Я так и подумала, что речь идет о рекламе мебели, а именно о рекламе кровати. Но кровати не простой, а соответствующей настоящей женщине; Рекламируется дорогая роскошная кровать; Рекламируется кровать. Женщины и дети должны много спать.*

2. «Текст рекламирует мебельный (спальный) гарнитур» (20%): *Здесь рекламируется спальный гарнитур; Если Вы считаете себя настоящей женщиной, Вы непременно и как можно быстрее должны приобрести спальный гарнитур именно в этом магазине; Возможно, здесь рекламируется спальный гарнитур: тумбочки, кровать и т.д.; Смысл в том, что настоящая женщина создает уют в своей спальне благодаря красивому интерьеру.*

3. «Текст рекламирует различные предметы интерьера комнаты женщины» (8%): *Думаю, рекламируется трюмо или кровать; Может быть, рекламируется туалетный столик с зеркалом; Женщина часто уделяет большое внимание внешнему виду, поэтому проводит определенное время перед зеркалом; Рекламируются кровати и диваны; Шкаф, где хранятся женская одежда, а настоящая женщина должна уметь одеваться красиво и подбирать одежду.*

4. «Текст рекламирует обставленную со вкусом спальную комнату» (3%): *Рекламируется спальня, в которой каждая женщина будет чувствовать себя комфортно, настоящей женщиной; Спальня – то место, где женщине наиболее удобно и комфортно.*

5. «Текст создает определенный образ настоящей женщины» (2%): *Спальня и настоящая женщина. Настоящая женщина всегда должна находиться в спальне; У меня этот текст вызывает негативную реакцию. Рекламируется здесь не мебель, скорее, а образ женщины, «настоящей», по мнению рекламодателя, которая может найти себе достойное применение только в спальне. Вообще тексты современной рекламы <...> дискредитируют образ современной женщины. Рекламируется, скорее, не мебель, а женщина в спальне, так как непосредственно о мебели речь не ведется. Я бы восприняла такой текст как оскорбление достоинства женщины. Получается, что женщины, место которых не в спальне, не настоящие; Смысл, на мой взгляд, достаточно однозначен и столь же оскорбителен для женщины, поскольку эта реклама представляет очень одностороннее понимание женщины, в ущерб ее семейным, общественным и духовным потребностям.*

6. «Текст рекламирует кухонный гарнитур» (2%): *Мне кажется, что рекламируется кухня; В связи с тем, что кухня в квартире удобно устроена, комфортна, у женщины освобождается больше свободного времени.*

7. «Текст рекламирует постельное белье» (2%): *Реклама постельного белья. Настоящая женщина должна отдыхать в достойной ее спальне, на прекрасном постельном белье*

8. «Текст рекламирует кадровое агентство по подбору домашнего персонала» (1%): *Я подумала бы, что точно не мебель. Возможно, реклама какого-нибудь агентства, которое предоставляет домработницу на квартиру.*

Неполнота информации, представленной в данном рекламном тексте, определяет реализацию смыслопорождающего механизма, который имеет как непосредственно детерминативный, так и ассоциативно-детерминативный характер. Результатом непосредственной детерминации являются смысловые версии, обусловленные взаимодействием формы и содержания единиц исходного текста. Так, ключевая в исходном тексте лексема *спальня* 'комната, в которой спят' детерминирует сильноядерные смысловые версии *кровать, спальный гарнитур, диван*. Актуализация другого коммуникативно-прагматического значения этой лексемы 'помещение, используемое для проведения определенного рода досуга' детерминирует слабо-ядерную смысловую версию *настоящая женщина*. Результатом ассоциативно-детерминационного процесса являются смысловые версии *шкаф, постельное белье, кухня, агентство*. При этом в ряде случаев наблюдается синкретизм результатов непосредственной и ассоциативной детерминации.

Таким образом, неполнота рекламного текста обуславливает множественность вариантов интерпретации его содержания. Но, как оказывается, избыточность формально-семантической структуры текста также предопределяет его неоднозначную интерпретацию. Для доказательства этой гипотезы мы провели лингвистический эксперимент, материалом для которого явился довольно нетипично пространственный рекламный текст, содержащий детали и конкретику, которые, казалось бы, должны «помочь» адресату понять смысл, который воплотил в этом тексте автор:

*Осенний обвал цен!!!
Абонентское обслуживание компьютеров!
Стоимость обслуживания от 500 руб. за компьютер
с неограниченным количеством вызовов.*

Преимущества:

- *Вашими компьютерами будет заниматься _____.*
Это позволит экономить время на предотвращение и устранение проблем и неисправностей, так как он будет в курсе состояния вашей компьютерной техники.

- *Не нужно терять драгоценное время в поисках мастера.*

Испытуемым (60 человек) предлагалось прочитать объявление и заполнить пропуск. Т.е. для эксперимента использовался принцип клоуз-текста. Механизм рецептивно-интерпретационно-речевой деятельности участников эксперимента сводился к восприятию и интерпретации содержания текста. Результат интерпретации выражается в подстановке пропущенного лексического элемента.

Полученные ответы можно систематизировать следующим образом:

1 группа (45 ответов – 75 %): *специалист, он поможет вам во всем; специалист высокого уровня; специалист высшей категории; высококлассные специалисты; востребованный и опытный специалист; квалифицированные сотрудники; квалифицированный сервисный работник с большим опытом работы; высококвалифицированный мастер; мастер с большой буквы; высококвалифицированный программист; настоящий профессионал; профессиональный и опытный мастер за неприлично низкие цены; наши лучшие профессионалы; супермастер; опытный и обаятельный молодой человек, способный устранить любую неполадку; команда профессионалов, специально обученные на психологических тренингах программисты; группа наших умельцев.*

2 группа (6 ответов – 10 %): *личный мастер; ваш личный всегда доступный для вас мастер; один и тот же специалист; персональный специалист; ваш личный мастер с высоким уровнем квалификации; профессионал, который будет постоянно приезжать по вашему вызову.*

3 группа (4 ответа – 7 %): *специально созданная программа; специально созданный робот; современный «мастер».* «Мастер» – это машина нового поколения, которая находит и устраняет неполадки в вашей системе; система обслуживания и устранения неисправностей.

4 группа (2 ответа – 3 %): *наш мастер; оператор вашей сотовой связи.*

5 группа (1 ответ – 1 %): *наш сервисный центр.*

6 группа (2 ответа – 3 %): *супер-пупер мегаобалденный мастер дядя Вася; дед Мороз.*

Как показывают результаты, все ответы представляют собой заполнение позиции субъекта в пропозициональной структуре тестовой фразы. Т.е. «разрешающие» и «запрещающие» параметры текста проявляются прежде всего на уровне его пропозициональной организации как наиболее «жестком», детерминированном как законами формальной логики, так и влиянием ментально-текстовых единиц. Так, «запрещается» любая позиция, кроме субъекта; даже юмористически-игровое реагирование – 6 группа ответов – подчиняется этому запрету.

Дальнейшая характеристика элементов, заполняющих тестовую фразу, осуществляется в «разрешающем» спектре текста, и эти элементы представляют собой поле вариативности, причем вариативность имеет отношение как к диктумной составляющей текста, так и к модусной.

Варьирование диктумной составляющей текста осуществляется в диапазоне: а) репрезентации субъекта: лицо (1, 2, 4, 6 группа ответов) – не-лицо (3, 5 группа); б) характеристики лица как представителя одного из множества: по признаку «хороший – плохой» (1 группа), по признаку «один – много» (2 группа), по признаку «свой – чужой» (4 группа) с актуализацией и вербализацией первых элементов парадигмы; в) номинации не-лица как противопоставления учреждения (5 группа) инструменту (3 группа).

Вариативность в пределах каждой группы ответов осуществляется на лексическом уровне и обусловлена богатством и разнообразием лексических ресурсов, т.е. языковым потенциалом, и носит селективный характер (выбор одного из множества возможных).

Смысловая множественность текста в «разрешающем» спектре обусловливается проявлением разной степени релевантности / нейтрализации элементов интерпретации. Проиллюстрируем это положение интерпретирующими текстами 1 и 2 групп.

Ответы 1 группы (*высококласные специалисты; квалифицированные сотрудники; опытный и обаятельный молодой человек, способный устранить любую неполадку; команда профессионалов, специально обученные на психологических тренингах программисты* и т.д.) детерминированы лексемой «**преимущество**», определяющей смысловое развитие текста в направлении “превосходство в сравнении с кем-, чем-либо другим”, т.е. “сотрудники нашей фирмы более квалифицированные и более подготовленные для общения с клиентами в сравнении с сотрудниками других фирм”. Ответ-реакция представляет собой имя лица и содержит положительную оценку качества исполняемой функции. Влияние этой лексемы (75 %) определяется препозицией элемента текста, что соответствует общим закономерностям восприятия информации: линейный характер, движение от предшествующего элемента к последующему, интерпретация целого через интерпретацию частей.

Ответы 2 группы (*личный мастер; ваш личный всегда доступный для вас мастер; один и тот же специалист; персональный специалист; ваш личный мастер с высоким уровнем квалификации; профессионал, который будет постоянно приезжать по вашему вызову*) детерминированы выражением «**экономить время**», определяющим смысловое развитие текста в направлении “постоянный сотрудник предотвращает появление проблем”. Влияние этой единицы (10 %) определяется характером лексико-синтаксической организации высказывания: анафорический элемент *это*, отсылающий к предтексту; синонимический повтор (*проблемы – неисправности*); структура предложения, актуализирующего зависимость экономии времени (первая предикативная часть) от постоянного мониторинга сотрудником фирмы состояния компьютерной техники (вторая предикативная часть). Степень влияния этого элемента объясняется его постпозицией относительно тестовой фразы, поскольку такая позиция предполагает направление движения восприятия текста от последующего к предшествующему, а точнее, от понимания и интерпретации целого к осмыслению частей. Такая модель интерпретационной речевой деятельности отражает более высокий (в сравнении с моделью «от частей к целому») уровень рецептивного и интерпретационно-порождающего процесса.

Как видим, релевантность единиц исходного текста неодинакова. Характер и направление смыслопорождения лексических единиц определяется, как правило, в соответствии с общим принципом интерпретационно-порождающей речевой деятельности: от предшествующего к последующему и от частей к целому. Противоположное направление детерминации носит менее регулярный, но не менее (а в некоторых случаях более) значимый смыслодеривационный характер. При этом повышение степени релевантности одних единиц в определенных коммуникативно-прагматических условиях естественным образом снижает степень релевантности других. Изменение условий функционирования текста изменяет релевантность единиц текста, а следовательно, влияет на смысловое развитие текста в целом. Множественный смысловой потенциал текста как континуально-дискретной системы реализуется вариативностью его рецептивного функционирования, детерминированного смыслопорождающим потенциалом элементов интерпретации.

Таким образом, как неполнота, так и избыточность формально-смысловой организации рекламного текста обуславливает множественность вариантов интерпретации его содержания. Увеличение степени эксплицитности текста, его «избыточности» не снимает проблемы вариативной множественности смысловых версий, которые реализуются на этапе его восприятия адресатом.

Библиографический список

1. Демьянков, В. З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) / В. З. Демьянков // Известия Академии наук СССР. Сер.: Литература и язык. – 1982. – Т. 41, № 4. – С. 327–337.
2. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 217–238.
3. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста / Л. Г. Ким. – Москва : ЛЕНАНД, 2013. – 280 с.
4. Ким, Л. Г. «Длина текста» как фактор множественной вариативности его интерпретационного функционирования / Л. Г. Ким // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 49. – С. 38–51.
5. Кохтев, Н. Н. Язык рекламных текстов / Н. Н. Кохтев, Д. Э. Розенталь. – Москва : Высш. шк., 1981. – 111 с.
6. Лившиц, Т. Н. Специфика рекламы в прагматическом и лингвистическом аспектах : дис. ... канд. филол. наук / Лившиц Т. Н. – Таганрог, 1999. – 354 с.
7. Мокшанцев, Р. И. Психология рекламы : учеб. пособие / Р. И. Мокшанцев. – Москва : ИНФРА-М ; Новосибирск : Сибирское соглашение, 2007. – С. 7–39.
8. Пирогова, Ю. К. Рекламный текст: лингвистика и семиотика / Ю. К. Пирогова, А. Н. Баранов, П. Б. Паршин. – Москва : Издат. дом Гребенникова, 2000. – 270 с.
9. Стрельникова, Е. С. Реклама как объект изучения в современной лингвистической литературе / Е. С. Стрельникова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание, 2006. – № 5. – С. 60–61.
10. Терпугова, Е. А. Рекламный текст как особый тип императивного дискурса : дис. ... канд. филол. наук / Терпугова Е. А. – Иркутск, 2000. – 181 с.

С. П. Кушнерук

Волгоград, Россия

**ДОКУМЕНТНЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ
И ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКИ
(К СОДЕРЖАНИЮ ТЕРМИНА «ДОКУМЕНТНАЯ ЛИНГВИСТИКА»)**

S. P. Kushneruk

Volgograd, Russia

**DOCUMENTARY TEXT AS AN OBJECT OF RESEARCH
AND EXPERTISE PRACTICE
(DEFINING THE TERM DOCUMENTARY LINGUISTICS)**

Аннотация. Рассматривается особая речевая область исследований – документные тексты. Исследуются специфические черты этих текстовых объектов: во-первых, регулируемость состава, структуры, знакового оформления, во-вторых, образование совокупностей текстов с жёстко разграниченной коммуникативно-знаковой спецификой, в-третьих, влияние на текст правил разной природы, собственно языковых и внелингвистических, отражающих особенности унифицирующих и стандартизирующих требований.

Ключевые слова: документный текст; правила образования текста, унификация речи, речевая форма реквизита, исследование текста.

Abstract. Documentary texts are a special speech research area. What can be attributed to the specific features of these text objects? First, the controllability of the composition, structure, and symbolic design. Second, the formation of aggregates of texts with rigidly delimited communicative-sign specificity. Thirdly, the influence of rules of a different nature on the text, in particular linguistic and non-linguistic ones, reflecting the features of unifying and standardizing requirements for the text.

Keywords: text of document; rules of text formation, unification of speech, speech form of the prop, text analysis.

*Дорогой сэр, мне не нравятся ваши дурные привычки.
Например, вы считаете, что слова – это что-то вроде
кусков кирпича, которыми можно швырять как попало.
От такой привычки надо избавляться.
Рекс Стаут «Красная шкатулка»*

Вышедшая в нескольких изданиях книга «Документная лингвистика» (издательство «Флинта», 2007 и последующие годы) не то чтобы нехороша [Кушнерук 2017]. Просто она не совсем «про документную лингвистику». Она про подступы к пониманию того, что же такое *документная лингвистика*. Вышеназванный труд представляет некоторый опыт переключения учебных и исследовательских усилий на понимание документа как лингвистического объекта. Общая параметрическая оценка особенностей документного текста, принятая в докторской диссертации [Кушнерук 2008], уже не использована в учебном пособии – динамика лингвистического освоения документных текстов оказалось высокой и содержательно непростой. Оправдывают автора текстов два обстоятельства. Во-первых, докторская диссертация посвящена выявлению системы теоретических оснований, обособляющих содержание «документный текст» как письменный речевой объект. Во-вторых, слишком велики различия между задачей представления документной лингвистики – направления, сформированного на комплексных методологических основаниях и практической области лингвистической технологии. Эти основания сочетают традиционные стилистические, описательно-номенклатурные и лексико-грамматические подходы, с содержательными положениями прикладной лингвистики. Объекты рассмотрения – тексты, образованные по гибридным правилам. В составе этих правил собственно языковые нормы часто второстепенны, подчинены формальным (часто – искусственным) требованиям и ограничениям, в основе которых лежат экстралингвистические унифицированные положения.

Предлагаемый автором текст – лишь начало и субъективный взгляд на документ как на сосуд для документного текста. Он, скорее, намечает контуры одного из видений направления современного языкознания, исходя из особенностей речевого объекта, правил, реализуемых при создании этого объекта, и совокупности задач научно-практического направления. Объектами, разумеется, являются документный текст и его составляющие.

*Я на последнем курсе филологического факультета –
изучаю язык древних арабов. Защищаю диплом и еду
на Крайний Север. Многим это может показаться
странным – зачем, мол? Я же убежден, что мое знание
древнеарабского языка пригодится в суровой тундре.*
В. М. Шукшин «Точка зрения»

Определение терминологических содержаний – одна из самых сложных и методологически значимых задач любой науки. Особенно непростой эта задача становится либо для науки молодой (ей надо нащупать устойчивое аксиоматическое основание дефиниции), либо для науки, имеющей гибридный, межпредметный статус (содержательные доминанты каждой из наук даже при небольших противоречиях вызовут неустойчивость терминологического определения).

Эти сложности в полной мере относятся к термину «документная лингвистика», который даже своим лексическим составом демонстрирует связь называемой предметной области с двумя, как минимум, содержательными научно-практическими направлениями – лингвистикой и документоведением. При рассмотрении содержательных проблем предметной области обнаруживается связь лингвистики не только с документоведением в его актуальном понимании [Ларьков 2008], но и со смежными научно-практическими направлениями деятельности – прикладной информатикой, коммуникативистикой, документалистикой, документационной организацией управления, делопроизводством и другими.

Сравнительно недавно проявившийся интерес к документному тексту как к самостоятельному объекту (пожалуй, с 2000-х годов) является коммуникативно-лингвистическим развитием вынужденного внимания к документной коммуникации, к развитию и явному усложнению документной практики.

Какие внелингвистические факторы привели к переосмыслению сущности документа как коммуникативного объекта, к необходимости всестороннего анализа основного компонента каждого документа – его текста? Не станем пытаться отвечать на этот вопрос, предполагая, что ответ на него может быть исчерпывающим, не встречающим возражений со стороны представителей всех профессий, работающих в областях создания и применения документов, их обработки, нормирования и унификации. Рассмотрим значимые факторы, которые, по мнению автора, наиболее активно и результативно повлияли на рост коммуникативной значимости документов и на развитие их лингвистических параметров, проявляющихся в документных текстах.

Во-первых, объективное развитие человеческой деятельности повлекло за собой не только увеличение количества документов, оформляющих разные стороны этой деятельности, но и расширило типологию документов (читай: документных текстов), оформляющих отношения и условия новейшего времени.

Во-вторых, документная коммуникация на протяжении последних десятилетий всё более интернационализировалась. Это обстоятельство вольно или невольно приводило к каким-то заимствованиям, поискам компромиссных и договорных решений в формах и составах документов.

В-третьих, разнообразие процессов стандартизации и унификации, исследование активности которых требует дополнительных усилий за пределами затрагиваемой тематики. Для нас соответствующие национальные и международные требования важны с позиции последствия этих процессов. Реализуемые в отношении документов правила стандартизации и унификации имеют не только правовой и управленческий смысл, но и лингвистический: они определяют состав знаковых средств, композиционные параметры и коммуникативный статус документа, в который соответствующий текст входит.

В-четвёртых, объектом того научно-практического направления, которое относится к документной лингвистике, является документный текст со всеми правилами его создания, содержательно-функциональной спецификой, знаковым составом, внешними, экстралингвистическими правилами и условиями хранения, обработки и реализациями лингвистических технологий.

«Документный текст»: общий взгляд на объект. Полный документный текст

*Правильно было когда-то сказано, что хорошо
воспитанный человек может читать всё.*
Ярослав Гашек
«Похождения бравого солдата Швейка»

Рассмотрение термина «документный текст» обязательно предполагает обращение к содержанию именного компонента «текст». В содержательных рамках этой статьи обсуждать даже основные положения дискуссий, связанных с наиболее известными и неэкзотичными толкованиями этого термина, означает утонуть в лингвистическом море содержательных противоречий. Поэтому автор с полным пониманием соответствующих рисков предлагает нижеприведенное определение текста с минимальными комментариями, значимыми для дальнейшего рассмотрения той группы текстов, которые имеют основания быть отнесенными к документным.

Исходим из того, что сложность текста как речевого объекта, его многоликость, знаковое разнообразие, колебания в функциях, размерах, способах представления предполагают возможность разных аспектов рассмотрения этого речевого объекта, следовательно – различающихся признаков, отраженных соответствующими компонентами возможных определений, дефиниций термина «текст». Методологическим основаниям наших размышлений не будет противоречить содержание так называемого широкого определения.

Текст – осмысленная последовательность знаков, интерпретируемая в сознании носителя знаковой системы, следовательно – обладающая свойством передачи сообщения. Текст организован как последовательность знаков, в состав которых входят вербальные средства естественных языков и невербальные, допускаемые правилами или закрепленными традициями графические элементы. В значительной степени это толкование термина основано на соображениях Т. М. Николаевой [ЛЭС 1990 : 507].

Несмотря на то, что некоторые исследователи говорят о двух формах текстов – письменных и устных – вряд ли такое соображение корректно. Текст требует закреплённости даже в тех случаях, когда он не так называемый «официальный». Отсутствие этого обязательного для текста свойства создаёт противоречия. Во-первых, иницирует путаницу между понятиями сообщение и текст; во-вторых, допускает неизбежную изменяемость в составе и, соответственно, в содержании устного сообщения со всеми возможными печальными коммуникативными последствиями. Возможно, эти обстоятельства до какого-то предела не формируют последствий-угроз в художественной и в разговорно-бытовой сферах коммуникации, но совершенно исключены в текстовом оформлении официально-деловых и научно-технических данных.

Что происходит в той ситуации, когда термин «текст» присоединяет определительный компонент «документный»? На первый взгляд, ситуация вполне понятная и даже привычная: «газетный текст», «художественный текст», «редактированный текст»... Число двухкомпонентных терминов с доминантным компонентом «текст» чрезвычайно велико. Какова содержательная специфика термина «документный текст»? Очевидно, она определяется лингвистической сутью понятия текст с его письменноречевыми особенностями и классифицирующим смыслом адъективного компонента «документный» с его ограничительными нюансами, при регулируемости условий создания и применения, с факторами стандартизации и унификации, чуждыми для иных видов текстов, кроме, пожалуй, научно-технического. Но это направление требует особого рассмотрения.

Реквизит в лингвистических координатах

При изучении наук примеры полезнее правил.

Исаак Ньютон

Определение реквизита: «Реквизит документа – элемент оформления документа» [ГОСТ Р 7.0.8–2013 2018 : 3], – в информационном отношении явно недостаточно. Фразовый компонент дефиниции «элемент оформления» представляет реквизит не как элемент сообщения, несущий содержание, внутреннее наполнение, а как эстетический, на худой конец – технический знаковый компонент, для которого содержательные характеристики вторичны. В этом смысле совокупность документных реквизитов как «состав информационных элементов» [Корнеев 2009 : 34] выглядит более аккуратным представлением сути реквизита как знаковой формы выражения части документной информации. Задорное представление термина в сочетании с пространными историческими изысканиями, проведенными Е. А. Плешкевичем, дали автору основания следующим образом определить термин: «информационные элементы, превращающие информационное сообщение в документ посредством включения его в конкретную информационно-документационную систему и обеспечивающие выполнение документом его социальных функций» [Плешкевич 2005: 124]. Вид и собственные содержательные параметры реквизитов как компонентов документа ушли в представленном определении на задний план. Множественность описаний или толкований, до сих пор отмечаемые в специальной литературе, свидетельствуют о том, что определение термина нестабильно, причины этого качества требуют особого рассмотрения.

По мере развития информационных наук и практик термин «реквизит» всё более приобретает черты межсистемной терминологической единицы со смещениями содержания, которые определяются логикосмысловыми особенностями тех предметных областей, в которые этот термин попадает. Например, в информатике у термина появляется следующая дефиниция: «реквизит – логически неделимый элемент (нельзя разделить на более мелкие единицы – буквы, цифры – без потери смысла) показателя, соотносимый с определённым свойством отображаемого информацией объекта или процесса» [Кадырова 2008 :13]. В этом определении доминантным становится соотношение реквизита с фрагментом текста, с ограниченной частью сочетания знаков, обладающих завершённой частью, долей значения, которая входит в общее значение сообщения, выраженного текстом. Определение реквизита – «определённый атрибут внешнего оформления» документа [Борискин 2006 : 71].

Исходные позиции понимания термина «реквизит» в координатах лингвистической науки в некоторой степени намечают определения, приведенные в нормативных словарях русского языка. Словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: «реквизит – в официальном документе: обязательно входящие в него сведения» [Ожегов 2000 : 675]. Словарь русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой:

«реквизит – формальный элемент, обязательные данные в составе в составе сделки или документа, отсутствие которых лишает сделку или документ юридической силы» [Словарь 1984 : 702].

Последнее из вышеприведенных определений, несмотря на его «филологичность», может рассматриваться как исходная понятийная веха, помогающая обсудить необходимые и достаточные основания для включения термина «реквизит» в тезаурус лингвистических понятий.

Библиографический список

1. Борискин, В. В. Государственное управление, государственная служба и их документационное обеспечение / В. В. Борискин, Н. М. Поликарпова, С. Г. Тихомиров. – Москва : ТК Велби : Проспект, 2006. – 260 с.
2. ГОСТ Р 7.0.8–2013. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. – Москва : ВНИИДАД. – 12 с.
3. Кадырова, Г. Р. Курс лекций по информатике : учеб. пособие / Г. Р. Кадырова. – Ульяновск : УлГТУ, 2008 – Ч. 1. – 100 с.
4. Корнеев, И. К. Управление документами : учебник / И. К. Корнеев, А. В. Пшенко, В. А. Машурцев. – Москва : ИН-ФРА-М, 2009. – 300 с.
5. Кушнерук, С. П. Документная лингвистика / С. П. Кушнерук. – Москва : Флинта : Наука, 2008 [и последующие изд.]. – 256 с.
6. Кушнерук, С. П. Правила создания документного текста (к содержанию понятия «документная лингвистика») / С. П. Кушнерук // Языковое бытие человека и этноса : сб. ст. по материалам XIII Междунар. Березинских чтений (Москва, 15 мая 2017 г.) / под ред. В. А. Пищальниковой. – Москва : ИНИОН РАН, 2017. – Вып. 19. – С. 36–39.
7. Ларьков, Н. С. Документоведение : учеб. пособие / Н. С. Ларьков. – Москва : АСТ : Восток-Запад, 2008. – 427 с.
8. ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 2000. – 944 с.
10. Плешкевич, Е. А. Основы общей теории документа / Е. А. Плешкевич. – Саратов : Науч. кн., 2005. – 244 с.
11. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва : Рус. яз., 1984. – Т. 3. – С. 702.

Т. М. Надеина, Е. А. Чубина

Москва, Россия

ОБЪЕКТЫ РЕЧЕВЕДЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

T. M. Nadeina, E. A. Chubina

Moscow, Russia

OBJECTS OF SPEECH EXPERTISE IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Аннотация. Рассматривается актуальная для экспертной практики проблема, связанная с появлением новых цифровых объектов речеведческих исследований. Особое внимание уделяется инфографике. Она представляет собой визуализацию данных или идей и все чаще становится предметом лингвистических экспертиз по делам об экстремизме, диффамации и иным. Делается вывод, что методические подходы к анализу инфографики должны учитывать основные положения теории единства формы и содержания речевого продукта и опираться на имеющиеся уже методические разработки анализа содержания креолизованных (поликодовых) текстов.

Ключевые слова: судебная экспертиза, цифровые объекты, инфографика, методические подходы.

Abstract. The paper deals with the issues which are of current interest for forensic examination practice, related to the emergence of new digital objects and the lack of methodological approaches to their research. Particular attention is paid to infographics which is a graphical way of presenting information. Infographics have become the subject of linguistic research in cases of extremism, defamation and others. The authors believe that methodological approaches to the analysis of infographics should take into account the main provisions of the theory of the unity of the form and content of a speech product and rely on the existing methodological developments for analyzing the content of creolized (polycode) texts.

Keywords: forensic examination, digital objects, infographics, methodological approaches.

Цифровая эпоха охватывает все сферы жизни современного общества и ставит перед экспертами-речеведами множество вызовов.

Под влиянием глобализационных процессов в современном мире цифровые технологии распространяются мгновенно, и сегодня специалисты говорят о целых индустриях, связанных с этими явлениями, требующими детального экспертного анализа: развитие IoT («интернет вещей», сбор данных, автоматизация производства); управление большими данными (транзакции, инф. в Сети, IP-камеры, IP-телефония, логины, геолокации); когнитивные технологии (самообучение, искусственный интеллект и машинное обучение, нейросети, семантические поля и сети); развитие рынка виртуальных валют (криптовалюты, биткойн, WebMoney, Яндекс-деньги); краудсорсинг (совместные информационные платформы), шеринг экономика (совместное потребление) и пиринговые сети (распространение данных, трекеры); развитие мобильного интернета; передовая робототехника и автономный транспорт; виртуальная реальность и дополненная реальность; передовые технологии производства и SD-печать; кибербезопасность; новые источники энергии и технологии; передовые материалы, биотехнологии и геномика и прочее [Лисенкова 2018:217].

Среди всего многообразия новых практик можно выделить сферы, имеющие непосредственное отношение к деятельности судебных-экспертов-речеведов.

Уже сейчас интернет-пространство активно заполняется контентом, создаваемым ботами (программами-роботами). Боты используются как во благо (например, индексация сайтов), так и во зло: боты, которые применяются для махинаций с количеством посетителей сайта; спам-боты, собирающие адреса E-mail из контактных форм и гостевых книг; спам-боты, которые направляют пользователей на ссылку с мнимыми акциями, их целью является фишинг, а также похищение личной информации и реквизитов банковской карты, причем один спам-бот может отправлять до 1500 электронных писем в час.

Боты способны строить не только краткие по объему маркетинговые или рекламные тексты. Созданием искусственного интеллекта писателя (автора, чьим творческим трудом создается художественный текст) озаботились в Массачусетском технологическом институте. Несколько лет назад институт разработал алгоритм написания страшных историй Shelley AI, названный в честь автора книги про Франкенштейна Мэри Шелли [Business FM 2019]. Позже появилась информация [Сайт сообщества робототехников Robohunter] о разработке алгоритма, который определяет фальшивые новости, анализирует новостные сайты и отдельные статьи на соответствие фактам и наличие политической предвзятости. Используется текстовый, синтаксический и семантический анализ, проводится анализ страницы источника в Wikipedia и аккаунта в Twitter, рассматривается структура URL и трафик. Согласно приведенным данным, для анализа

отдельных статей алгоритм использует 141 инструмент (оценивается наличие в тексте гипербол, субъективного описания и пр.). При тестировании алгоритм в 65 % случаев верно определил фейковые статьи.

Еще один вызов времени – пользовательский контент (User-generated content, UGC). Это оригинальный контент, который создается аудиторией (в том числе аудиторией бренда). Он может быть представлен в виде отзывов и комментариев в блоге или фото- и видеороликами, картами и пр. Компания может использовать его в своих целях – на сайте или в социальных сетях для продвижения бренда, и часто UGC оказывается намного эффективнее обычного контента.

Возникает немало правовых вопросов, связанных с UGC. Кому принадлежит право интеллектуальной собственности на UGC? Кто отвечает в случае распространения вредоносной информации в пользовательском контенте? Может ли UGC быть объектом экспертного исследования? Более того, как быть в ситуации, если UGC создавался произвольно? Примером подобного могут быть карты от Google или Яндекс. Данные о дорожном трафике берутся со смартфонов: системы видят, например, что смартфоны не двигаются или двигаются с определенной скоростью, следовательно, их обладатели стоят в пробках, на картах сразу же появляются обозначения пробок. Сами пользователи смартфонов даже не задумываются, что контент здесь формируется ими.

Не менее серьезные вызовы связаны с таким явлением, как астротурфинг (англ. Astroturfing), под которым понимается использование современного программного обеспечения для искусственного управления общественным мнением. Применяется для вытеснения мнения реальных людей на веб-форумах, для организации поддельных кампаний в интернете, которые создают впечатление, что большое количество людей требуют чего-то конкретного, либо выступают против чего-либо. Например, для продвижения товаров или идей и организации споров с теми, кто выступает против, для имитации общественной поддержки. Используются корпоративными лоббистами, вирусными маркетологами или политтехнологами. СМИ иронично называют астротурфинг «пятой колонной интернета».

Развитие информационных технологий таково, что только перечисление тех явлений цифрового мира, которые несут серьезную опасность общественным отношениям, заняло бы объем несопоставимо больший, нежели объем статьи. Но не сказать здесь об инфографике было бы серьезной ошибкой.

Инфографика – графический способ подачи информации, данных и знаний, цель которого заключается в быстром, четком, понятном и наглядном преподнесении сложной информации. Инфографика как процесс представляет собой визуализацию данных или идей и осуществляется инструментами графического и коммуникационного дизайна.

Продукт инфографики можно назвать плакатом, поскольку он по существу представляет собой изображения (рисунки, фотографии, графики, схемы и т.п.) с пояснительным, агитационным, рекламным или учебным текстом. В отличие от традиционного плаката (как единичного произведения искусства, являющегося полиграфическим воспроизведением созданного художником оригинала), инфографика является продуктом цифровизации.

Наибольшей популярностью инфографика пользуется в маркетинге и PR как инструмент продвижения товаров, услуг, компаний. Компании все чаще представляют новости, информацию о себе, итоговые отчеты не в текстовом формате, а в виде инфографики, которую потом отправляют в СМИ, размещают на своих сайтах или в блогах.

Виды продуктов инфографики разнообразны и зависят от творческих способностей и креативности дизайнеров. Однако инфографику можно классифицировать по нескольким основаниям (критериям), одним из которых является характер информации, содержащейся в ней. В частности, специалисты Лондонской школы публичных отношений (The London School of Public Relations) выделили следующие 9 типов [Сервис журналистских запросов Pressfeed.ru].

1. Статистическая инфографика – используется для представления результатов какого-либо исследования, обычно отраслевого.

2. Инфографика «Таймлайн» – применяется для отражения истории или хронологии каких-либо событий, явлений, процессов.

3. Инфографика «Карты» – используется для информации о распространенности каких-либо объектов, для характеристики охвата аудитории и пр.

4. Инфографика «Иерархия» – отражает связь объектов, используется для описания каких-либо процессов или системы принятия решений в компании и т.п.

5. Инфографика «Матрица» – содержит данные, посвященные одной проблеме, отражает разные стороны одного объекта и связей между ними.

6. Инфографика «Алгоритм» – отражает процесс принятия решений или логику каких-либо действий, часто используется в развлекательных целях

7. Фото-инфографика – основным компонентом являются фотографии, сопровождающиеся надписями и иллюстрирующие какой-либо объект или объекты.

8. Инфографика «Сравнение» – используется для приведения аргументов в пользу или против какого-либо объекта (товара, процесса, явления и пр.) и в конечном итоге нацелена на оказание определенного воздействия на аудиторию.

9. Инфографика «Исследование» – содержит все виды перечисленной выше информации и обычно представляет собой огромную картинку, которая читается только в веб-среде или по частям.

Самые разные типы инфографики становятся объектами судебного рассмотрения. Нередко это иски о ненадлежащем исполнении обязательств по договорам, поскольку заказчик такого информационного продукта, как инфографика, часто не понимая ее особенностей, вчиняет иски исполнителям заказа по причине того, что «примененная инфографика не соотносится с предметной областью предприятия» [Решение АС Республики Саха от 5 марта 2018 г. по делу № А58-9415/2017]. Сложности правового регулирования возникают, когда заходит речь о рекламе, в которой была использована инфографика [Постановление 2 ААС от 15 сентября 2016 г. по делу № А82-5039/2016]. Нередко возникает необходимость в оценке содержащейся информации, прежде всего, с точки зрения ее достоверности. Словом, в самых разных случаях возникает необходимость определения экспертных подходов к исследованию инфографики.

Подход к анализу инфографики, на наш взгляд, должен быть подобен тому, который используется при анализе содержания креолизованных (поликодовых, «негомогенных») текстов: в основе исследования должны лежать положения теории единства формы и содержания речевого произведения. Следует избегать ситуаций, когда вербальный компонент исследуется без учета невербального либо разрушается структура вербального компонента и анализируется отдельный фрагмент, изъятый из текста, либо воздействию подвергается невербальный компонент, расчленив который, эксперт исследует только одну его часть.

В некоторых случаях содержание инфографики может стать предметом лингвистических исследований по делам об экстремизме, диффамации, тогда возникает необходимость выявления авторской позиции. Можно согласиться с мнением [Выровцева, Симакова 2019: 104–114], что в инфографике «используются традиционные и новаторские средства выражения позиции автора и создания публицистического образа. Первые сосредоточены прежде всего в вербальной составляющей – лексический, морфологический, синтаксический, стилистический уровни, а новые связаны с визуальной составляющей – шрифт, цвет, организация пространства, верстка, иллюстрации разного типа» [там же, 107]. Следуя теории единства формы и содержания, при выявлении авторской позиции важно анализировать то, как эти разнообразные средства объединены с помощью мультимедийных технологий, как они систематизированы, какие композиционные приемы использованы (усиление или контраст, например).

На сегодняшний день важная исследовательская задача состоит в том, чтобы разработать непротиворечивое универсальное описание продукта инфографики, которое обеспечило бы унифицированный подход к его анализу.

Библиографический список

1. Выровцева, Е. В. Инфографика как тип публицистического текста / Е. В. Выровцева, С. И. Симакова // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. – 2019. – Т. 18, № 6. – С. 104–114.
2. Лисенкова, А. А. Вызовы и возможности цифровой эпохи: социокультурный аспект / А. А. Лисенкова // Российский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7, № 3. – С. 217–222.
3. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 15.09.2016 по делу № А82-5039/2016. – URL: <http://sudact.ru/arbitral>
4. Решение Арбитражного суда Республики Саха от 05.03.2018 по делу № А58-9415/2017. – URL: <http://sudact.ru/arbitral>
5. Сайт Business FM. – URL: <https://www.bfm.ru/news/382909>
6. Сайт сообщества робототехников Robohunter. – URL: <https://robo-hunter.com/news/algorithm-mashinnogo-obucheniya-mit-raspoznat-falshivie-novosti13609>
7. Сервис журналистских запросов Pressfeed.ru. – URL: <https://news.pressfeed.ru/9-vidov-infografiki-dlya-pr-celej-lajfxaki-i-realnye-primery>

В. Д. Никишин

Москва, Россия

РЕЧЕВЫЕ СЛЕДЫ КРИМИНОГЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ¹

V. D. Nikishin

Moscow, Russia

SPEECH TRACES OF CRIMINOGENIC INTERNET COMMUNICATION AS AN OBJECT OF RESEARCH OF FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE

Аннотация. Рассматриваются криминогенные речевые продукты в аспекте частной теории судебной лингвистической экспертизы. Речевые следы исследуются с позиций интегрального юрико-лингвистического подхода, комплексизирующего коммуникативную и криминалистическую природу данных объектов.

Ключевые слова: объект судебной экспертизы, лингвистическая экспертиза, речевое произведение, речевой продукт, продукт речевой деятельности, информационная безопасность, мировоззренческая безопасность, речевое действие, речевой след, судебная лингвистика, поликодовый текст, креолизованный текст.

Abstract. The article considers criminogenic speech products as an aspect of the theory of forensic linguistic examination. Speech traces are considered from the standpoint of an integral legal and linguistic approach that integrates the communicative and forensic nature of these objects.

Keywords: object of forensic examination, linguistic examination, linguistic expertise, speech product, product of speech activity, information security, worldview security, speech action, speech trace, forensic linguistics, multicode text, creolized text.

Современное развитие информационных технологий, всеобщая диджитализация и автоматизаций формируют условия, в которых интернет-среда – уже не дополнительная, а вторая, параллельная (и в какой-то мере даже равноправная) среда жизнедеятельности человека.

По мнению И. Н. Розиной, компьютерно-опосредованная коммуникация – это коммуникативный процесс, протекающий в открытой электронной социальной среде, чаще всего посредством вербальных средств коммуникации (текстов, графики, аудио-, видеофайлов и изображения), инициирующий формирование Интернет-сообществ и особую форму самопрезентации [Рогозина 2004 : 218].

Псевдоанонимность и доступность интернет-коммуникации являются факторами, провоцирующими её криминогенность. Во-первых, пользователи глобальной Сети ощущают вседозволенность, злоупотребляют правом свободно искать и получать информацию, правами на свободу слова, свободу мысли, свободу совести, свободу СМИ, посягая на права других лиц (унижая человеческое достоинство, посягая на честь, доброе имя, умаляя деловую репутацию, оскорбляя, призывая к насильственным действиям или оправдывая или обосновывая их необходимость и т.д.). Во-вторых, пользователи могут становиться жертвами массированных информационных атак, направленных на распространение фейковых, диффамационных сведений, экстремистско-пропагандистской, суицидально-пропагандистской и иной деструктивно-криминогенной информации.

Речевые следы криминогенной интернет-коммуникации содержат *криминогенную речевую агрессию*, под которой нами понимается процесс и результат экспликации деструктивных эмоциональных и эмоционально-модальных состояний в продукты речевой деятельности с целью причинения другому лицу морального вреда, в том числе путем угроз, коммуникативного давления на адресата, демонстрации превосходства адресанта и т. д. [Никишин 2019а].

Правоприменитель при правовой квалификации криминогенных речевых действий зачастую сталкивается с необходимостью привлечения специальных лингвистических знаний с целью установления смысловой направленности результатов таких действий – криминогенных речевых продуктов. В этой связи чрезвычайно актуальным представляется обратиться к вопросу классификации объектов судебной лингвистической экспертизы на современном этапе.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00190.

Традиционно принято считать объектами судебной лингвистической экспертизы продукты речевой деятельности: например, сам род «лингвистическая экспертиза» определяется в системе судебно-экспертных учреждений Минюста России [Об утверждении Перечня родов], а также в системе добровольной сертификации негосударственных судебных экспертов «СУДЭКС» [Официальный сайт] как «Исследование продуктов речевой деятельности». Не опровергая истинности данного тезиса, хотим подчеркнуть, что продукты речевой деятельности являются общим объектом для всех речеведческих экспертиз (лингвистической, автороведческой, фоноскопической), однако именно лингвистическая экспертиза в качестве объекта может иметь не любой речевой продукт, а только тот, который обладает качествами цельности, связности, завершенности и др., т.е. является текстом.

А. Г. Брагина, Н. Ю. Мамаев, П. А. Манянин в работе «Применение специальных лингвистических познаний при выявлении и расследовании преступлений экстремистской направленности» определяют объект исследования как письменные или устные тексты, выделяя следующие «группы экстремистских текстов»: печатные тексты, интернет-тексты, устные тексты, уличные тексты [Брагина, Мамаев, Манянин 2011 : 34–35].

Е. И. Галяшина определяет объект судебной лингвистической экспертизы как «речевые произведения в форме письменного текста или устного высказывания, зафиксированные на любом материальном носителе» [Галяшина 2006 : 42], «единицы языка и речи, тексты, представленные на любом материальном носителе» [Галяшина 2003 : 210], «речевые следы» [Галяшина 2018 : 190].

Представляется, что такое разноаспектное понимание объекта судебной лингвистической экспертизы связано с тем, что любой объект судебно-экспертного исследования, с точки зрения Е. Р. Россинской, Ю. Г. Корухова, А. М. Зинина, Е. И. Галяшиной и некоторых других ученых, рассматривается как сложная динамическая система, состоящая из трех элементов:

- «материальный носитель информации о данном факте, событии;
- источник информации о факте;
- механизм передачи информации от источника к носителю» [Россинская, Галяшина 2018 : 25].

В связи с тем, что речевые продукты криминогенной интернет-коммуникации как объекты исследования являются результатом речемыслительной деятельности человека, необходимо более подробнее остановиться на криминалистических подходах к природе объекта судебной экспертизы.

Несколько иную позицию на природу объекта судебной экспертизы высказывали А. И. Винберг, Д. Я. Мирский и М. Н. Ростов, которые, рассматривая вопрос о возможности признания нематериальных категорий (сведений, голоса, записанного на пленку) в качестве объекта судебной экспертизы, признавали объектом судебной экспертизы только материальный носитель информации (протокол допроса, фонограмма) [Винберг, Мирский, Ростов 1983 : 19].

А. Р. Шляхов понимает под объектами экспертизы «носители информации о фактах и событиях, источники фактических данных, полученных путём применения специальных познаний» [Шляхов 1971 : 16]. Аналогичную позицию высказывали также Д. Я. Мирский и М. Н. Ростов [Мирский, Ростов 1984 : 136].

На наш взгляд, безусловно, нельзя отождествлять материальный носитель и информацию (в разрезе темы настоящего исследования – речевые продукты), зафиксированную на нем, однако они неотделимы друг от друга, составляют тесное единство; нематериализованные (не зафиксированные на материальном носителе) речевые продукты не могут стать объектом судебной лингвистической экспертизы. Обязательная фиксация объектов судебной экспертизы обусловлена их правовым статусом, процессуальной регламентацией производства судебных экспертиз, направленных на получение доказательства по делу – заключения эксперта.

Р. С. Белкин подчеркивает, что информация не может существовать «вне информационного сигнала, под которым понимают *единство материального носителя и средства передачи информации*» [Белкин 2008 : 279], а «информационным кодом служит и человеческая речь (словесный код)» [Там же].

В этой связи для определения родового объекта судебной лингвистической экспертизы интерес представляет концепция речевых следов (как родового – предметного – объекта всех речеведческих экспертиз), предложенная Е. И. Галяшиной в свете идей Р. С. Белкина: «с точки зрения теории следообразования речевой след – это информация, запечатленная при помощи языка и посредством речевой деятельности в слове» [Галяшина 2018 : 189]. С точки зрения данной концепции следообразующим объектом будет выступать речевое произведение как результат речевой деятельности человека (продукт речевой деятельности), а следовопринимающим – материальный носитель, на котором зафиксировано данное речевое произведение. «Речевой след будет являться следовым контактом, возникшим в результате соответствующего взаимодействия между носителем информации и речепорождающим субъектом, и отражающим признаки следообразующего объекта – вербализованного продукта речемыслительной деятельности человека» [Там же]. Таким образом, мы можем рассматривать продукт речевой деятельности как диагностируемый (искомый) объект, а речевой след – как диагностирующий (проверяемый).

Исходя из вышесказанного, с гносеологической точки зрения родовый объект лингвистической экспертизы может рассматриваться в четырех ипостасях:

- 1) как речевой след (следовой контакт);
- 2) как продукт речевой деятельности (речевое произведение);
- 3) как единицы языка и речи (текст);
- 4) как материальный носитель информации [Никишин 2019 : 47].

Исходя из данного подхода и учитывая, что текст как единицы языка и речи охватывается понятием продукта речевой деятельности, предлагаем сформулировать определение **объекта** судебной лингвистической экспертизы, опираясь на принятую в судебной экспертологии и криминалистике дифференциацию на диагностируемый и диагностирующий объекты:

1) *диагностируемый объект СЛЭ* – это речевой продукт (устный, письменный или поликодовый текст) как результат вербализации речемыслительной деятельности человека;

2) *диагностирующий объект СЛЭ* – это речевой след (следовой контакт, полученный в результате фиксации речевого продукта на материальный носитель), отражающий криминалистически значимые свойства речевого продукта.

Такое разграничение имеет не только теоретическую, но и практическую значимость: установление свойств диагностируемого объекта – речевого продукта – возможно только по признакам, отобразившимся в диагностирующем объекте – речевом следе. Следовательно, если речевой продукт не зафиксирован на материальный носитель непосредственно, а «пересказан», «воспроизведен» по памяти в заявлении, протоколе допроса и т.п., в отношении такого объекта не может быть назначена судебная экспертиза, так как подобные речевые продукты представляют собой вторичные тексты, которые априори не эквивалентны первичным. В подобных ситуациях при необходимости использования специальных знаний правоприменитель может привлечь специалиста-лингвиста для дачи консультации или заключения без проведения исследования.

Интернет-коммуникация обладает свойствами мультимедийности, мультимодальности, гипертекстуальности и т.д., реализуется не линейно и посредством не просто сочетания, а комплексирования и синтезирования различных кодов с вербальным кодом, что требует мультимодальной перцепции целостного образа – гештальта, порожденного кодами разных семиотических систем, но не сводимого к сумме вербального и невербального(-ых) компонента(-ов).

Креолизованные и поликодовые тексты являются семиотически осложненными (гетерогенными) речевыми продуктами, фактура которых состоит из негомогенных частей. В целях настоящего исследования понятие «поликодовые тексты» используется нами как в узком, так и в широком, охватывающем креолизованные тексты, значениях.

В креолизованных текстах вербальный (сегментный) код сопровождается статическим или динамическим иконическим кодом. В поликодовых текстах наличествует более двух семиотических кодов. Например, в видеоролике могут быть задействованы следующие информационные каналы восприятия: визуально-образный (динамическое изображение), вербально-графемный (титры), невербально-акустический (музыка, звуки природы и т.п.), акустико-дискретный (устная речь) и акустико-просодический (жесты, мимика и пр. семиотические коды).

Исследования показывают, что, например, «большая часть экстремистской информации представлена в форме видеофрагментов (51,2 %). Кроме того, экстремистская информация представлена в виде текста (30,8 %), графических изображений (10,3 %), аудиофайлов (7,7 %)».

Существенное значение для судебно-лингвистического исследования поликодовых текстов является учет их мультимодальной перцепции реципиентом через зрительную и слуховую модальности.

Современная интернет-коммуникация представляет собой палитру речевых жанров, в которых могут быть реализованы криминогенные речевые действия: публицистические и новостные статьи, посты в блогах, социальных сетях, мемы, демотиваторы, фанфики (фанфикшн), заметки, очерки, интервью, пранк-видео, сообщения в социальных сетях / мессенджерах и т.д.

Библиографический список

1. Белкин, Р. С. Избранные труды / Р. С. Белкин. – Москва : Норма, 2008. – 767 с.
2. Брагина, А. Г. Применение специальных лингвистических познаний при выявлении и расследовании преступлений экстремистской направленности : учеб.-метод. пособие / А. Г. Брагина, Н. Ю. Мамаев, П. А. Манянин. – Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД РФ, 2011. – 74 с.
3. Винберг, А. И. Гносеологический, информационный и процессуальный аспекты учения об объекте судебной экспертизы / А. И. Винберг, Д. Я. Мирский, М. Н. Ростов // Вопросы теории и практики судебной экспертизы. – Москва : ВНИИСЭ МЮ СССР, 1983. – С. 19–21.
4. Галяшина, Е. И. Лингвистика vs экстремизма / Е. И. Галяшина. – Москва : Юрид. лит., 2006. – 96 с.
5. Галяшина, Е. И. Методологические основы судебного речеведения : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.21 / Галяшина Е. И. – Москва, 2003. – 553 с.
6. Галяшина, Е. И. Речевые следы как объекты судебных экспертиз (в свете идей Р. С. Белкина) / Е. И. Галяшина // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р. С. Белкина : К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 22–23 ноября 2017 г.). – Москва : РГ-Пресс, 2018. – С. 189–194.
7. Корухов, Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений / Ю. Г. Корухов. – Москва : Норма : Инфра-М, 1998. – 288 с.
8. Мирский, Д. Я. Понятие объекта судебной экспертизы / Д. Я. Мирский, М. Н. Ростов // Актуальные проблемы теории судебной экспертизы : сб. науч. тр. – Москва : ВНИИСЭ МЮ СССР, 1984. – С. 136–37.
9. Никишин, В. Д. Криминогенная речевая агрессия в аспекте судебной экспертизы материалов экстремистско-террористической направленности / В. Д. Никишин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2019. – № 3. – С. 108–113.

10. Никишин, В. Д. Теоретические и организационно-правовые аспекты судебной экспертизы материалов религиозного характера экстремистской и террористической направленности : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 / Никишин В. Д. – Москва, 2019. – 276 с.
11. Розина, И. Н. Компьютерно-опосредованная коммуникация в практике образования и бизнеса / И. Н. Розина // Теория коммуникации и прикладная коммуникация : сб. науч. тр. / под общ. ред. И. Н. Розиной. – Ростов-на-Дону : ИУБиП, 2004. – С. 218.
12. Россинская, Е. Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. – Москва : Проспект, 2018. – 464 с.
13. Россинская, Е. Р. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология) : учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин ; под ред. Е. Р. Россинской. – 2-е изд. перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2016. – 368 с.
14. Шляхов, А. Р. Предмет и система криминалистической экспертизы // Труды ВНИИСЭ. – Москва : ВНИИСЭ МЮ СССР, 1971. – Вып. 3. – С. 15–17.
15. Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России : приказ Минюста России № 237 от 27.12.2012 : [зарегистр. в Минюсте России № 26742 от 29.01.2013] // СПС «Гарант».
16. Официальный сайт Некоммерческого партнерства «Палата Судебных экспертов». – URL: <http://www.sudex.ru/> (дата обращения: 04.02.2020).

А. М. Плотникова

Екатеринбург, Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПУБЛИЧНЫХ ДИСКУССИЙ¹

A. M. Plotnikova

Ekaterinburg, Russia

FORENSIC LINGUISTIC ANALYSIS OF PUBLIC DEBATES

Аннотация. Рассматриваются различные виды публичных споров: общественные слушания, собрания собственников жилья или садовых товариществ, дискуссии активистов градозащитных движений и другие коммуникативные ситуации, связанные с общественным обсуждением острых вопросов. Отмечается, что отсутствие навыков аргументации своей позиции и умений культурно возражать другим людям, стремление захватить любой ценой коммуникативную инициативу приводит к агрессивному, конфликтному стилю взаимодействия. Лингвистическая экспертиза диалогических текстов, в которых полифония голосов превращает собрание в скандал, затруднена и требует использования ряда коммуникативно-прагматических приемов.

Ключевые слова: публичные дискуссии, диалог, коммуникативные стратегии и тактики, лингвистическая экспертиза

Abstract. The article deals with different types of public debate such as public hearings, meetings of apartment owners or allotment associations, discussions involving historic preservation activists, and other situations of public conflict and dispute. The lack of skills in arguing other people's position and the ability to politely object to other people, the desire to seize the communicative initiative lead to an aggressive and conflicting style of interaction. Linguistic examination of dialogic texts, in which the polyphony of voices turns a meeting into a scandal, is difficult and requires the use of a number of communicative and pragmatic techniques.

Keywords: public debate, dialogue, communicative strategies and tactics, forensic linguistics

Отсутствие навыков публичного обсуждения и совместного принятия решений, отмечаемое авторами монографии «Синдром публичной немоты», неизбежно становится причиной речевых конфликтов, которые разворачиваются на собраниях собственников жилья, членов садовых некоммерческих товариществ, активистов экологических и градозащитных движений и собраниях иных инициативных групп. По наблюдениям А. Касаткиной, «общие собрания пользуются репутацией «бессмысленного базара» из-за постоянно возникающих «диалогов» между выступающим докладчиком и многоголосой толпой собравшихся, где каждый выкрикивает свою реплику с места, внося предложения, возражая, комментируя. Для модерации таких «диалогов» существует председатель собрания, но мне ещё ни разу не доводилось видеть, чтобы он собирал и упорядочивал предложения и выносил их на голосование» [Касаткина 2017: 269]. Слово «диалоги» неслучайно взято автором в кавычки: подобное общение представляет зачастую выкрики из толпы, громкие возмущения, при которых какие-либо конструктивные предложения тонут в атмосфере, непригодной для принятия решений.

Естественно, что неконструктивный характер публичных дискуссий такого рода вызывает общее недовольство собравшихся и становится триггером конфликтных ситуаций, которые впоследствии оказываются в поле зрения судебных лингвистов.

Специфику материалов публичных дискуссий определяют несколько факторов, значимых для лингвоэкспертной интерпретации материалов.

Во-первых, крайне разнообразными являются правила ведения диалога. Большинство проводимых собраний предполагает соблюдение некоторых процедур, которые регламентируются как законами федерального уровня, так и локальными нормативными актами. Например, ст. 21 Федерального закона от 15.04.1998 № 66-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» регламентирует правила ведения общего собрания. Вместе с тем закон не прописывает способы решения множества конкретных вопросов, которые возникают на таких собраниях. В результате собрание становится полем борьбы за власть, попыткой председателя, членов правления убедить проголосовать за нужное решение.

Анализируя собрания садоводческих товариществ, А. Касаткина пишет о формировании «нового гибридного дискурса, который пытаются собрать из элементов «соседского», «юридического», «коммерче-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00458 «Отношения тождества и противоположности: интеграция ментальных пространств в лексикографическом, структурно-семантическом и когнитивно-дискурсивном освещении», а также при финансовой поддержке постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.А03.21.0006.

ского» дискурсов. Первый необходим как ресурс доверия и солидарного, второй и третий – как ресурсы эффективности и способы перекодировки стандартной процедуры общего собрания, которая сама по себе с советских времен не изменилась. Носители «коммерческого» дискурса в СНТ – это первые поколения российских бизнесменов и менеджеров, которые в последнее десятилетие все чаще проявляют интерес к делам своих товариществ и готовы переносить туда свой рабочий опыт. <...> В перспективе такие СНТ могут стать школой самоуправления и одной из точек формирования нового российского дискурса типа argument» [Касаткина, 2017: 272–273].

Во-вторых, выступление на общих собраниях балансирует между спонтанностью и подготовленностью речевого материала. С одной стороны, выступающий опирается на некий заранее подготовленный текст, имеет перед собой письменную опору в виде конспекта выступления, а с другой стороны, живая дискуссия, возникшая в ходе обсуждения, заставляет говорящего отклоняться от заранее спланированного сценария выступления. Зачастую объектом экспертизы становится протокол общего собрания, который может отличаться от устной речи и функционировать как самостоятельный текст. Собранию могут предшествовать объявления, авторы которых не только информируют о месте и времени собрания, но и задают агрессивную тональность, создают массовое недоверие к тем, кто предстает как враг, содержат сверхобобщения, например: *«ВНИМАНИЕ!!! Сегодня в 20-00 состоится собрание жильцов улицы Постовского и Онофриева против точечной застройки 25-этажек. Пришло время объединяться против беспредела и коррупции!!! Явка обязательна!!! 20-00 детская площадка Постовского, 17. Не сможешь прийти – звони Путину!»*

В-третьих, собравшиеся могут представлять собой временный коллектив, то есть группу, объединенную только по одному признаку (например, принадлежности к товариществу собственников жилья), а могут быть членами одного трудового коллектива со сложившимися внутри коллектива отношениями, определяющими формальный или неформальный стиль общения. Данный факт учитывается при характеристике особенностей коммуникативного взаимодействия участников.

Общественный сход, собрание активистов экологических или градозащитных движений, собрания собственников жилья, правления жилищного кооператива, садоводческого товарищества, общественные слушания – эти разнообразные коммуникативные ситуации, по мнению Б. Гладырева, имеют много общего: «Их участники в большинстве своем имеют ограниченный опыт участия в публичных дебатах. Недостаток подобного опыта, помноженный на массовое взаимное недоверие и, как следствие, – на неуважение к чужому мнению, к любой оппонирующей позиции, – все это вместе порождает множество коммуникативных неудач, которые могут быть выражены метафорой «публичная немота». Большей части описанных выше собраний присущ дефицит разделяемых правил и принципов согласования общей позиции/решения. Граждане не знают, как преобразовать полифонический шум «народного веча» в эффективный и ограниченный по времени процесс выработки общего мнения» [Гладырев 2017: 227].

На собраниях такого рода один или несколько выступающих берут на себя функцию инициатора, убеждая других в обоснованности какой-либо позиции, в то время как остальные собравшиеся, делегируя функцию выражения мнения неформальному лидеру, лишь выкрикивают реплики поддержки. Например, выступая против строительства металлургического предприятия на общественном сходе, К. говорит о том, что предприятие создаст неблагоприятную ситуацию, нанесет вред жизни и здоровью людей и создает перед слушателями мрачную картину будущего: *«Это тяжелые металлы, готовьтесь к тому, что мы будем больше болеть, дачи, дома нам просто не понадобятся, если пойдет такая смертность, здесь некому будет проживать», «Мы можем оказаться на грани экологической катастрофы. На нашу голову начнут сыпаться камни, пора проснуться»*. Зачастую именно инициатор публичного выступления становится ответчиком по делу о защите деловой репутации предприятия, при этом, как показывает практика, аргументация оратора носит преимущественно эмоциональный характер, направленный на изображение картин мрачного будущего, а не на сообщение информации в форме утверждений о конкретных действиях предприятия.

Референциальная отнесенность высказывания также может быть неясной, например, характеризуя людей, покупающих землю, оратор говорит: *«Я бы вам сказал, кто они такие, но за сценой скажу вам, кто они такие. Когда мы проводим пикет, они приезжают на крутых машинах «Мерседесах» с номерами 5 и два нуля и рассказывают, что если бы у вас не было камер, то что бы они с нами сделали...»*. Интригуя слушателей тем, что сейчас он не скажет, о каких людях идет речь, тем не менее, он применяет такие словесные маркеры, как *«крутые машины», «Мерседес» с номерами пять и два нуля, «что бы они с нами сделали»*, которые в сознании слушателей должны связываться с миром криминала. Криминальный характер деятельности подчеркивается указанием на то, что при отсутствии камер эти люди бы оказали физическое давление (*«...если бы у вас не было камер, то что бы они с нами сделали»*).

Важной целью, преследуемой автором данного выступления, является создание речевой эмоции при помощи указания на то, как поступили бы с главой администрации, которого он обвиняет в продаже земли, в других исторических реалиях: *«...в средние века А.Э. с его командой предали бы анафеме и сожгли бы на костре», «В 17 году таких людей вешали на берегах, и они весело качались порывами ветра», «А в 45-47 годах они сидели на Колыме, жрали крыс помоечных и каждый день молили господу о смерти»*. Далее говорящий сопоставляет отношение к таким людям, как А.Э., в истории, и нынешнее положение дел: *«А сейчас они сидят в «Сером доме», сыто жрут, мягко спят, смеются над нами и пьют нашу кровь»*. Создание смыслового контраста прошлого и настоящего, чиновников и народа, правды и лжи становится

одним из распространенных способов речевого воздействия в публичных выступлениях обличительного характера.

По словам Ю. В. Рождественского, речевая эмоция – «это не та эмоция, которой живет человек вне речи. Это эмоция, которая наводится речью на аудиторию, в которую погружает аудиторию оратор, создавая речью вторую действительность. Аудитория начинает жить этой эмоцией независимо от действительной эмоции, когда мир дан человеку как непосредственная данность в ощущениях» [5]. С помощью речевых эмоций осуществляется эмоциональное убеждение аудитории. Без эмоций убеждение практически невозможно: автор должен показать истинность (приемлемость) тезиса и создать эмоциональное отношение к нему. Из речевых эмоций в определенном смысле складывается эмоциональная и целевая направленность текста.

Негативное отношение к предмету речи может навязываться аудитории и в случае публичного унижения предмета речи, что в данном случае использует говорящий, упоминая исторические события, а также советуя А.Э., как ему поступить: «...если вы все так и хотите, чтобы вас похоронили на кладбище, а не за его оградой, покайтесь». Понимание высказывания требует фоновых знаний о том, что кладбищенской оградой хоронили самоубийц и других грешников. Агрессивная тональность выступлений обусловлена стремлением эмоционально воздействовать на публику.

Лингвистическая экспертиза публичных дискуссий предполагает исследование прагматических особенностей дискурса и опирается на интерпретацию анализируемого коммуникативного события с точки зрения коммуникативных ролей участников, определение коммуникативной инициативы, установления набора коммуникативных стратегий и тактик. Ситуационный контекст, включающий статусно-ролевые отношения, официальный или неофициальный характер коммуникации чрезвычайно важен для интерпретации публичных дискуссий в лингвоэкспертном анализе.

Библиографический список

1. Гладарев, Б. Опыты преодоления «публичной немоты»: анализ общественных дискуссий в России начала XXI века / Б. Гладарев // «Синдром публичной немоты»: история и современные практики публичных дебатов в России. – Москва : Новое литературное обозрение, 2017. – С. 196–252.
2. Касаткина, А. Садоводческие товарищества в поисках нового смысла: анализ дискурса общих собраний в СНТ / А. Касаткина // «Синдром публичной немоты»: история и современные практики публичных дебатов в России. – Москва : Новое литературное обозрение, 2017. – С. 253–274.
3. Рождественский, Ю. В. Теория риторики / Ю. В. Рождественский. – Москва : Добросвет, 1997. – 597 с.

В. Г. Романовский

Пенза, Россия

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ СЛОВА В УСЛОВИЯХ НАРАСТАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ УГРОЗ¹

V. G. Romanovsky

Penza, Russia

RESTRICTIONS ON THE RIGHT TO FREEDOM OF SPEECH AMID GROWING TERRORIST THREATS

Аннотация. Анализируется содержание ограничений, устанавливаемых в процессе реализации свободы слова в целях противодействия терроризму. Исследуются особенности уголовной ответственности за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма. Рассмотрены решения Конституционного Суда РФ в заявленной сфере.

Ключевые слова: свобода слова, ограничения, терроризм, угроза, противодействие.

Abstract. The article analyzes the restrictions on the exercise of freedom of speech in order to counter terrorism. The article examines the peculiarities of criminal liability for public calls to carry out terrorist activities, as well as public justification of terrorism or propaganda of terrorism. The decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in this area are considered.

Keywords: freedom of speech, restrictions, terrorism, threat, counteraction.

Свобода слова включена в перечень основных прав человека первого поколения, закрепляется во всех ключевых международных документах, а именно: Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., Международном Пакте о гражданских и политических правах 1966 г., Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и др. Конституция России также предусматривает данное право (статья 29). Обращает внимание краткий характер закрепления самого правомочия и детализация ограничений к нему. Так, часть 1 провозглашает гарантирование свободы слова. А уже в трех иных частях статьи 29 (2, 3 и 5) устанавливаются запреты, два из которых нацелены на обеспечение свободы слова: запрет на принуждение к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них и запрет цензуры. Кроме того, свобода слова подвержена общим ограничениям, правила которых установлены статьей 55 Конституции Российской Федерации, детализируются в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации"», в отраслевых законах (в частности в Законе Российской Федерации «О средствах массовой информации»). Отметим, что даже те запреты, которые предусмотрены в Конституции России могут при наличии определенных обстоятельств уточняться и корректироваться. Например, запрет цензуры в условиях военного положения перестает быть абсолютным.

В настоящее время особую актуальность приобретают допустимые ограничения свободы слова в целях противодействия терроризму. Связано это с рядом обстоятельств. Во-первых, наш век характеризуется как информационный, чем активно пользуются и террористические организации. Многие из них заняты активным продвижением своих идей в массы, используя при этом социальные сети, электронные информационные ресурсы и другие современные средства связи. Во-вторых, распространение информации достигло таких скоростей, когда любое происшествие, произошедшее в одном конце мира, становится известным в любой стране в течение нескольких минут. Многие СМИ заинтересованы в подаче «эффектного» материала – информации о совершенных терактах, тем самым невольно информируя население об исполнителях и их идеологии. В-третьих, появление социальных сетей и интернет-каналов предоставляет уникальные возможности стать распространителем информации. Если посмотреть аудиторию некоторых блоггеров, то она превышает тиражи многих центральных печатных изданий. Появляется целый сегмент трудно контролируемых информационных потоков, нуждающихся в некотором упорядочении. В-четвертых, исследование причин совершенных террористических действий всегда связано с определенной критикой органов власти, правоохранительных органов, должностных лиц. К тому же есть пограничные ситуации, и есть политические ситуации. Не трудно увидеть сложности при анализе политических историй. С учетом современного состояния армяно-азербайджанского конфликта, можно наблюдать взаимные обвинения именно в терроризме. Понятно, что в таком поле понятие терроризма будет кардинально различаться в зависимости от того, кто и против кого выступает то или иное лицо.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00096.

Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» устанавливает только общие ограничения на свободу слова, где в числе оснований нашлось место и ключевой фразе – «в целях совершения уголовно наказуемых деяний», где подразумевается и противодействие терроризму. Кроме того, статья 4 Закона предусматривает недопустимость использования СМИ «для распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов» [Романовская 2015 : 25]. Зарубежный ученый Н.Большц уточняет, что в современном мире масс-медиа борются за внимание, где этическая сторона, к сожалению, уходит на второй план. Рейтинги превыше всего. И это диктует свои правила, когда присутствует определенная тяга к наблюдению за чужими страданиями. Н.Большц подчеркивает: «В новостях о катастрофах речь идет не столько об информировании, сколько о наслаждении отдаленностью от ужаса... Мы потребляем статистику повседневных ужасов, одновременно пугаясь и очаровываясь» [Большц 2011 : 117]. Это объясняет подробное освещение террористических атак, особенно тех, которые сопровождаются со значительным числом жертв.

В нашей стране ключевым нормативным актом, определяющим правовой режим борьбы с мировым злом, является Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Несмотря на то, что такой документ должен вводить определенные ограничения на пользование правами, именно этому аспекту уделяется не так и много положений. В этом же ключе действует Уголовный кодекс Российской Федерации, криминализируя те или иные деяния в целях противодействия террористическим угрозам. Так, устанавливается уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (статья 205.2). В примечаниях к данной статье содержатся уточнения о квалификации тех или иных действий. Статья 63 Уголовного кодекса РФ закрепляет такоеотягчающее обстоятельство как «совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма».

Введение уголовной ответственности за оправдание и пропаганду терроризма во всех странах воспринимается с долей общественной критики. Иницируются проверки введенных нормативных положений на предмет соответствия Основному закону страны. Россия не стала исключением. Статья 205.2 неоднократно оценивалась Конституционным Судом России с точки зрения соблюдения базовых конституционных норм. В числе решений первым стало Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 2055-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Королева Игоря Валерьевича на нарушение его конституционных прав статьей 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации», в котором подробно проанализированы международно-правовые акты, допускающие ограничение свободы слова. Конституционный Суд России неоднократно подтверждал свою позицию относительно статьи 205.2 УК РФ:

– Определение Конституционного Суда РФ от 21 сентября 2017 г. № 1797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дильмухаметова Айрата Ахнафовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 47 и частью первой статьи 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации»;

– Определение Конституционного Суда РФ от 28 ноября 2019 г. № 3245-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Наплавкова Сергея Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Аналогичные дела рассматривались и за рубежом: в Испании, Франции, других странах Западной Европы [Houry 2018].

Длительное время практика привлечения к уголовной ответственности по статье 205.2 не отличалась обширностью (что в целом объяснимо общим неприятием российского общества терроризма). Отчасти малое количество уголовных дел компенсировалось привлечением к ответственности по иной статье УК РФ – статья 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» (хотя данные нормы не составляют друг другу конкуренцию). В юридической науке выработана определенная критика практики применения статьи 282 УК РФ. Так, А. А. Кондрашев указывает, что налицо использование негодных юридических средств, позволяющих «произвольно ... применять закон, прежде всего в интересах правоохранительных органов и в рамках избирательного правоприменения» [Кондрашев 2019 : 6].

Приведем статистику. В 2010 и 2013 годах по части 1 статьи 205.2 УК РФ было привлечено всего по 2 человека, в 2012 – 1, но начиная с 2014 г. начинается рост: 2014 г. – 10; 2015 – 26; 2016 – 43. С 2016 г. появляются осужденные и по части 2 статьи 205.2 УК РФ. 2017 – 67 (ч. 1) и 9 (ч. 2); 2018 – 51 и 44; 2019 – 46 и 57. Такой качественный рост вряд ли можно объяснить стремлением российских граждан увлечься пропагандой терроризма [Романовский 2015 : 47]. По-видимому, есть определенные сложности в квалификации преступления и обострение социального противостояния, что выливается в эмоциональную критику действий властей, оцениваемые последними как раз как оправдание терроризма.

Некоторые истории имеют дух скандальности. Приведем значимый пример. В июле 2020 г. профессор Высшей школы экономики Г. Гусейнов прокомментировал (пост журналистки Анны Наринской в Facebook) оценку американской писательницы Сюзан Зонтаг теракта на Дубровке как проявления «освободительной борьбы чеченского народа». В комментариях отмечалось: «Факт остается фактом: это была национально-освободительная борьба чеченского народа. Сейчас в этой борьбе длительный перерыв. Россия платит колоссальную контрибуцию, Чечня обменяла государственную независимость на военную, а ее руководство считает всю остальную Россию придатком Чечни». Сейчас, видимо, рано давать прогнозы по

поводу развития ситуации, но здесь явно присутствует определенная провокационность. Практически сразу после поста был подготовлен Доклад «Терроризм: недопустимость оправдания. Исторические, этические и правовые аспекты», подготовленный исследователями факультета права, факультета социальных наук, факультета мировой экономики и мировой политики, факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ д.и.н. О. В. Будницким, д.ю.н. В. А. Виноградовым, к.и.н. А. А. Исэровым, к.ф.н. Е. В. Казарцевым, д.ф.н. Б. Н. Кашниковым, Д. В. Суловым, д.п.н. М. Ю. Урновым, д.п.н. Е. Г. Антиной [Доклад Терроризм 2020]. Многие восприняли доклад как ответ на высказывания Г. Гусейнова, поскольку в разделе, посвященном академической этике в контексте оправдания терроризма, как раз представлен анализ разделения национально-освободительной борьбы и террористических методов.

За рубежом меры, ограничивающие свободу слова, с помощью уголовно-правового воздействия, носят более широкий характер. В 2019 г. в Великобритании принят Закон о борьбе с терроризмом и безопасности границ (Counter-Terrorism and Border Security Act, 2019), значительная часть которого посвящена расширению ответственности за пропаганду терроризма. Основной довод сторонников заключался в появлении новых информационных технологий и новых возможностей вербовки adeptов экстремистских учений. Обратим внимание, что ответственность может наступить только за факт просмотра запрещенного контента, размещенного в сети Интернет. Данный закон критикуется, причем, в большей мере, представителями средств массовой информации, но и представителями академической общественности (причем критика звучала еще на стадии его подготовки [Murray 2009, 27 : 344]). В ряде других стран криминализированы также такие действия, как унижение в публичном пространстве жертв террористических актов (Испания), публикация интервью представителей террористических организаций (Турция).

Современные информационные технологии обуславливают изменения в общественной жизни. Обращение к историческим примерам показывает, что ранее организации, стремившиеся к существенным переменам, использовали акты террора как устрашение властных структур. Общественность мало знала о происходящем, хотя бы в силу малограмотности населения (если брать, например, движение народовольцев и их террористические акции). Основной метод распространения информации строился на основе печатания листовок и передачи «из уст в уста». Сейчас сам террористический акт транслируется в прямом эфире (вспомним историю новозеландского стрелка, прикрепившего онлайн-камеру во время расстрела прихожан в мечети). Это изменило и тактику террористических организаций, отошедших от терактов, тщательно планируемых определенной группой. В системе правоохранительных органов используется специальный термин «волк-одиночка», которым характеризуют террориста, обработанного идеологически с помощью удаленных технологий, который совершает теракт с помощью технических средств, благодаря которым наносится максимальный урон. Типичный пример – терроризм с помощью транспортного средства, когда водитель большегруза может убить значительное число граждан.

Нельзя не упомянуть такое явление, как информационная война. Н.Н. Гриб вводит в оборот новое понятие – информационная экспансия, под которым понимает информационное воздействие с позиции доминирующего положения [Гриб 2006 : 17]. В рамках уголовного права появляется понятие кибертерроризма. Указанные новеллы напрямую связаны со свободой слова.

Вышеизложенное подтверждает особое значение уяснение смысла ограничений, налагаемых на свободу слова в демократическом государстве в целях противодействия терроризму. Перед каждым государством возникает определенная дилемма. С одной стороны – необходимость обеспечения безопасности и установление барьеров для распространения деструктивной информации. С другой стороны – свобода слова – один из столпов демократического режима, гарантия сменяемости власти и недопущения ее абсолюта. Поиск определенного равновесия – сложная задача, но без этого процесса любое государство превращается в тоталитарную систему, неспособную к обновлению, а значит, со временем, превращающуюся в тоталитарное образование, склонное к использованию террористических методов подавления инакомыслия.

Библиографический список

1. Houry, N. France's Creeping Terrorism Laws Restricting Free Speech / N. Houry / Human Rights Watch. – 2018. – 30 May. – URL: <https://www.hrw.org/news/2018/05/30/frances-creeping-terrorism-laws-restricting-free-speech>
2. Murray, D. Freedom of Expression, Counterterrorism and the Internet in light of the UK Terrorist Act 2006 and the Jurisprudence of the European Court of Human Rights / D. Murray // Netherlands Quarterly of Human Rights. – 2009. – Vol. 27, № 3. – P. 331–360. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/016934410902700302>
3. Большц, Н. Азбука медиа / Н. Большц. – Москва : Европа, 2011. – 136 с.
4. Гриб, Н. Н. Информационно-психологическая сфера как ведущее звено системы противодействия терроризму / Н. Н. Гриб // Правовые вопросы связи. – 2006. – № 1. – С. 15–19.
5. Терроризм: недопустимость оправдания. Исторические, этические и правовые аспекты : доклад. – URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/382849661.pdf>
6. Кондрашев, А. А. О правовых и «неправовых» законах: критерии отграничения и российская правовая реальность / А. А. Кондрашев // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 11. – С. 3–8.
7. Романовская, О. В. Судебная власть и средства массовой информации: о праве судьи на свободу выражения мнения / О. В. Романовская // Судья. – 2015. – № 1 (49). – С. 24–28.
8. Романовский, Г. Б. Принципы правотворческой политики: проблемы реализации / Г. Б. Романовский // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2. – С. 45–50.

Г. Б. Романовский

Пенза, Россия

ЯЗЫКОВЫЕ ФОРМЫ ОТСТУПЛЕНИЯ ОТ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЦЕЛЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ¹

G. B. Romanovsky

Penza, Russia

LINGUISTIC FORMS OF DEROGATION FROM OBLIGATIONS TO PROTECT HUMAN RIGHTS IN ORDER TO COUNTER TERRORISM

Аннотация. Анализируется содержание концепции «войны против террора», используемой в Соединенных Штатах Америки. Показывается, что для создания особого правового режима, основанного на дополнительных ограничениях прав человека, используются различные языковые формы, позволяющие отходить от стандартных моделей правового регулирования. В этом случае борьба с террором выступает удобным предлогом для установления контроля над обществом.

Ключевые слова: война, террор, права человека, концепция, обязательства, государство.

Abstract. The article analyzes the concept of the "war on terror" used in the United States of America. It is shown that a special legal regime based on additional restrictions on human rights uses various linguistic forms that allow to deviate from standard models of legal regulation. In this case, the fight against terror is a convenient pretext for establishing control over society.

Keywords: war, terror, human rights, concept, commitment, state.

Борьба с терроризмом приобретает наибольшую актуальность в современном мире. Ни одно государство не может чувствовать себя защищенным в условиях общего состояния открытых границ и глобального информационного пространства. Терракты могут совершаться в любой стране мира, и не всегда их цель – причинить вред именно стране, где происходит преступление. Например, современные террористические организации, зная о сложностях совершения атак в Соединенных Штатах Америки, могут планировать свои акции против граждан США там, где они предпочитают проводить свой отпуск – иных государствах, где вопросы обеспечения безопасности находятся не на таком высоком уровне. Точно также вербовка сторонников происходит благодаря социальным сетям и интернет-каналам по всему миру, не взирая на государственные границы. Показательно, что в Сирии и Ираке, где развернулся целый террористический фронт, воюют не только граждане этих стран, а адепты идеологии исламизма, собранные со всего мира. Признано, что и граждане России участвуют в той бойне, которую можно наблюдать уже на протяжении нескольких лет.

Универсальность угроз и осознание общей опасности заставляет государства находить все новые формы и методы противодействия нарастающим террористическим угрозам. В условиях сформировавшейся базы основных прав человека принятие законодательных новелл наталкивается на серьезную критику, связанную с заметным ущемлением личной свободы. Действительно, с одной стороны все понимают, что вопросы безопасности носят обязательный характер. Без создания режима мирного существования вопрос реализации прав человека превращается в фикцию. Кому нужны права человека, если жизнь находится под постоянной угрозой? – риторический вопрос. С другой стороны, любое вмешательство во внутреннее пространство должно носить оправданный характер. Усиление внешнего контроля обязательно влечет за собой возможность злоупотребления властью. Нахождение баланса – сложный процесс, в рамках которого возможны определенные неудачи.

В связи с этим государства пытаются найти особый механизм ограничений прав человека без введения каких-то дополнительных обременений. Понятно, что такая цель достигается с помощью специальных языковых форм, способных показать соблюдение ключевых принципов допустимости ограничений прав человека, а также расширить полномочия правоохранительных органов и спецслужб. К сожалению, это приводит к расширению нормативно-правового материала. Сторонники защиты прав человека пытаются подробно описать любые исключения, дабы сузить возможности органов государства по установлению контроля за человеком. Другая сторона озабочена поиском таких определений, который прямо не включены в запретный перечень. Все это напоминает постоянную игру лингвистов по поиску скрытого смысла текста документа. Это отнимает общие усилия мирового сообщества по созданию такого порядка, при котором

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00096.

права человека нашли бы свое достойное место в системе общегосударственных ценностей. Можно привести один пример, связанный с формулированием «оговорки Мартенса», утвержденной в начале XX века в Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. Уже в то время при формулировании правил войны все понимали, что в условиях такой экстраординарной ситуации предусмотреть все случаи невозможно. Государства будут стремиться обойти общие согласованные положения, ссылаясь на отсутствие прямого закрепления. Тогда известный российский ученый, юрист, международник Ф.Ф. Мартенс предложил общее правило – «в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания». Создан посыл: соблюдение законов человечности, а не поиск обходных путей установленных запретов.

Понятно, что сейчас всеобщая обеспокоенность террористическими угрозами заставляет государства прибегать к нестандартным решениям. Зачастую положение выглядит критическим, когда принятие решения требует незамедлительности и эффективности. Однако это приводит к сомнительным результатам. Приведем пример. Международные документы, посвященные правам человека, закрепляют запрет пыток. Принята специальная Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (утверждена резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 г.). В ней есть жесткое правило, что никакие отступления от исполнения международных обязательств не допускаются. Ничто не может служить оправданием пыток (даже исключительные обстоятельства и приказ начальника). Практика правозащитных юрисдикционных органов свидетельствует, что даже военное, чрезвычайное положение и борьба с терроризмом не могут служить основанием для отступлений от взятых государствами обязательств. В то же время еще в 1973 г. Марк Уолцер (американский ученый) поднял проблему «грязных рук» – какую цену готово заплатить общество для того, чтобы предотвратить масштабное преступление с гигантским числом человеческих жертв [Walzer 1973 : 171]. В качестве наиболее яркого примера приводится как раз пытка террориста, знающего о заложенной бомбе. Если на тот момент рассуждения М. Уолцера носили больше теоретический характер, то после 11 сентября 2001 г. стало ясно, что террорист-одиночка (или небольшая группа людей) способен нанести существенный вред целому государству.

Американская система в то же время понимала, что отказ от основных обязательств, предусмотренных базовыми конвенциями о правах человека, – действие с далеко идущими последствиями. Известный американский политолог М. Игнатъев обосновал необходимость применения насилия. Другое дело – либеральная демократия предъявляет требования к его соразмерности [Ignatieff 2004 : 124]. Общий посыл – добро должно быть с кулаками. Поставленная задача привела к появлению концепции «война против террора». Американская политика склонна к появлению ярких терминов. По-видимому, это позволяет оттенять некоторые заранее просчитанные недостатки, сконцентрировать внимание на представленном символе, даже если он не отражает сути явления. В данном случае термин выбран далеко не случайно. Изначально в первом обращении к нации Президент США Джордж Буш-младший не объявил об изменении формата борьбы с террором (на тот момент еще не было ясности, кто вообще стоит за атакой на башни-близнецы). Но уже 20 сентября Президент США в выступлении перед Конгрессом обозначил, что против США был совершен «акт войны» [Внешняя политика 2014]. Именно эта дата является отправной в программе «войны против террора».

Указанная фраза носит емкий характер. Наверно, никто не будет спорить против того, что угрозы терроризма нуждаются в нейтрализации. Но здесь следует провести лингвистическое толкование. Если в официальной риторике используется термин «война», то нельзя забывать, что ее правовой режим определяется соответствующими конвенциями – Гаагские конвенции о законах и обычаях войны, Женевские конвенции 1949 г. с дополнительными протоколами. В этом случае включаются привилегии комбатанта, то есть участника военных действий. Комбатант, захваченный в плен, не рассматривается как преступник, он получает особый статус военнопленного. По окончании боевых действий военнопленный возвращается на родину. Привлечение к уголовной ответственности, если и происходит, то только за военные преступления или общеуголовные преступления (например, кражу имущества во время нахождения в плену). Такой подход неприемлем к террористам. Они совершают уголовные преступления, и не ведут войну против государства. Исходя из этого, при захвате им предъявляются обвинения в совершении террористического акта. Таким образом террорист – это не комбатант, не воюющая сторона, это – преступник, подпадающий под действие уголовного законодательства, привлекаемый к ответственности, вплоть до применения смертной казни (если упоминать США) и пожизненного лишения свободы.

Прямым следствием «войны против террора» стало принятие Акта Патриота (Акт «О сплочении и укреплении Америки путём обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму» [Романовская 2017 : 12]). В некоторых источниках его переводят как Патриотический Акт. Данный документ представлял собой свод ограничительных и репрессивных правил, обусловленных уровнем угроз, исходящих от террористов «Аль-Каиды». Американское общество вряд ли восприняло бы предлагаемые ограничения, если бы в их обосновании отсутствовало указание на войну. Традиционная борьба с террористами проходит в уголовно-правовой плоскости и требует совершенствования деятельности полицейских служб. Масштабный контроль практически за каждым американцем может

быть обусловлен только серьезной внешней угрозой, подрывающей основы государственности. С другой стороны, второй термин «террор» исключает применение международного гуманитарного права к лицам, захваченным в условиях такой новой войны. Происходит определенное манипулирование. Там, где следует акцентировать на ограничениях жизни простых граждан, на первый план выдвигается термин «война». Там, где необходимо ввести жесткий режим в отношении противоборствующей стороны, активно используется термин «террорист».

Приведенный пример с концепцией «войны против террора» показывает, как может строиться игра слов в отношении масштабных перемен, вводимых в угоду расширения полномочий спецслужб по установлению дополнительного контроля за институтами гражданского общества и граждан страны. Необходимо внимательно относиться к чистоте юридических терминов, имеющих свое собственное практическое содержание. Нередко благой посыл имеет совершенно иную цель, чем та, которая видится при первоначальном анализе. Таким образом языковые формы оказывают заметное влияние на систему прав человека в современном мире.

Библиографический список

1. Walzer, M. Political Action: The Problem of Dirty Hands / M. Walzer // *Philosophy & Public Affairs*. – 1973. – Vol. 2, № 2. – P. 160–180. – URL: <https://www.sss.ias.edu/files/pdfs/Walzer/Political-action.pdf>
2. Ignatieff, M. The Lesser Evil: Political Ethics in an Age of Terror / M. Ignatieff. – Princeton University Press, 2004. – 232 p.
3. Внешняя политика США. Хрестоматия / сост. Д. В. Кузнецов. – Благовещенск : Благовещ. гос. пед. ун-т, 2014. – 1058 с. – URL: http://kuznetsov.ucoz.org/books/vneshnjaja_politika_ssha.pdf
4. Романовская, О. В. Акт о патриотизме: ограничения права на неприкосновенность частной жизни в США в целях противодействия терроризму / О. В. Романовская // *Наука. Общество. Государство*. – 2017 – Т. 5, № 2. – С. 10–16.

И. А. Стернин

Воронеж, Россия

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «НЕПРИЛИЧНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ФОРМА»¹

J. A. Sternin

Voronezh, Russia

THE DEFINITION OF THE CONCEPT "INDECENT LINGUISTIC FORM"

Аннотация. Рассматриваются различные подходы к определению неприличной языковой формы и предлагается определение неприличной языковой формы как использование нецензурной лексики, определяемой закрытым списком. Анализируются способы камуфлирования нецензурной лексики в тексте и проблемы лингвистической оценки статуса и правовой оценки такого употребления.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, неприличная языковая форма, нецензурная лексика, камуфлирование нецензурной лексики.

Abstract. The article examines various approaches to the definition of an indecent linguistic form. It is proposed to define the indecent language form as the use of obscene language defined by a closed list. The methods of obscene language camouflage are analyzed, as well as the issues of linguistic assessment of the status and the legal assessment of such use.

Keywords: linguistic expertise, indecent language form, obscene language, camouflage of obscene language.

Понятие неприличной языковой формы очень существенно для лингвистической экспертизы. Оно является важнейшим диагностическим признаком *оскорбления*. При этом понятие неприличной языковой формы является одним из самых дискуссионных в теории и практике лингвистической экспертизы. Неприличную языковую форму определяют через понятия *неприличная лексика*, *неприличная форма выражения*, *нецензурная лексика*, *ненормативная лексика*, *грубая лексика*, *вульгарная лексика*, *инвективная лексика*, *оскорбительная лексика* и др., само содержание которых при этом остается весьма неопределенным и противоречивым и создает почву для произвольных и субъективных выводов как экспертов, так и суда.

С нашей точки зрения, актуальной задачей лингвистической экспертизы является конкретизация понятия *неприличная языковая форма*.

Неприличной языковой формой мы предлагаем считать исключительно употребление слов и выражений, относящихся на данном этапе и развития общества к *нецензурной лексике*.

Нецензурная лексика и фразеология (то же, что непристойная) – предельно экспрессивная лексика (то есть слова, выражающие предельную эмоцию говорящего) и признающаяся на данном этапе развития языкового сознания общества абсолютно недопустимой в публичном употреблении в любой форме устной или письменной речи и в любой коммуникативной ситуации.

Нецензурные слова в публичном употреблении запрещены в обществе полностью, их диагностическая характеристика – тотальный запрет на их общественное употребление в любой коммуникативной ситуации. Именно поэтому нарушение такого запрета производит столь сильное впечатление на окружающих.

Нецензурная лексика может выражать как отрицательную, так и положительную оценку или эмоцию. При экспертизе использования нецензурной лексики в тексте обязателен учет контекста и ситуации ее употребления [Стернин 2018: 270–271]

На конкретный состав нецензурной лексики в современном русском языке есть разные взгляды. В нашей концепции к нецензурной лексике в русском языке в настоящее время следует отнести четыре слова: обозначения мужского и женского половых органов (на букву «х» и на букву «п»), нецензурное обозначение процесса совокупления (на букву «е») и нецензурное обозначение женщины распутного поведения (на букву «б»), а также все образованные от этих слов языковые единицы. Эти слова актуальны для современного языкового сознания носителей русского языка, известны носителям языка, именно они воспринимаются и квалифицируются большинством образованного населения как нецензурные. Данный списочный состав современной русской нецензурной лексики подтвержден Институтом русского языка РАН им. В. В. Виноградова, Российским федеральным центром судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации и в практике Роскомнадзора обычно ссылаются именно на такое понимание [Стернин 2018 : 291].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00013 «Дифференциальное описание семантики слова в русском языковом сознании и проблема его лексикографической фиксации».

От нецензурной лексики надо отграничивать бранную, вульгарную, просторечную лексику [Стернин 2008, с. 233–236].

НЕНОРМАТИВНАЯ <i>(допустима в ограниченном числе ситуаций употребления)</i>			
СНИЖЕННАЯ Сленг (тачка, разборка, наезжать) Жаргон (лох, кент, шпора, клава) Просторечие (сиськи, переть, деваха)	ВУЛЬГАРНАЯ <i>харя, рожка, пузо, жопа, срать, ссать, мудохаться</i>	БРАННАЯ <i>сволочь, подлец, дрянь, ублюдок, сука, дерьмо, говно, урод, гнида, козел, придурок</i>	НЕЦЕНЗУРНАЯ 4 слова (обозначения мужского и женского половых органов (на букву «х» и на букву «п»), обозначение процесса совокупления (на букву «е») и обозначение женщины распутного поведения (на букву «б»), и их производные
ГРУБАЯ			
СКВЕРНОСЛОВИЕ			
НЕКУЛЬТУРНАЯ (неуместна, не рекомендуется к использованию в общественном месте)	НЕПРИЛИЧНАЯ (табуирована, полностью запрещена к использованию в общественном месте)		

Сниженная лексика признается неуместной в публичном употреблении, но ее оценка осуществляется в аспекте культуры речи, она не оценивается в морально-этическом плане. Ее употребление осуждается как проявление, демонстрация низкой речевой культуры говорящего. Она уместна в профессиональных, возрастных, социальных группах.

Вульгарная, просторечная, бранная лексика воспринимается как нарушение нормы культуры речи и культуры общения, подобная лексика рассматривается общественным мнением как подлежащая исключению из публичного употребления (то есть из употребления в общественных местах). Ее употребление допускается общественным сознанием только в узких коммуникативных сферах, среди близких людей. Если она употреблена публично, она осуждается обществом с морально-этической точки зрения.

Нецензурная лексика принципиально не допускается к употреблению при наличии слушателей и в любом виде устной и письменной речи. Нецензурная лексика в публичном употреблении однозначно осуждается с морально-этической точки зрения. Эти лексические единицы могут быть использованы говорящим только «себе под нос» или в отсутствие слушателей («в поле твоя воля» – русская народная поговорка).

Правоохранительные органы должны иметь право наказывать за публичное употребление *именно и только нецензурных слов*, и список этих слов должен быть известен и носить закрытый характер.

При этом важно, что далеко не любое употребление нецензурной лексики подлежит правовому регулированию. Следует различать *речевую грубость, непубличное и публичное сквернословие* (последнее мы предлагаем назвать *речевым хулиганством*)

Приведем соотношение идентификационных признаков речевой грубости, непубличного сквернословия и речевого хулиганства (см. подробнее И. А. Стернин «Основы лингвокриминалистики» [Стернин 2018: 191]).

Диагностические признаки речевой грубости, непубличного сквернословия и речевого хулиганства

Используемая лексика и ситуация ее функционирования	Речевая грубость (подлежит моральному осуждению)	Непубличное сквернословие (подлежит моральному осуждению)	Речевое хулиганство (подлежит административному наказанию)
Вульгарная лексика	+	+	–
Бранная лексика	+	+	–
Нецензурная лексика (4 слова и их производные)	–	+	+
Использована публично	+	–	+
Использована в адрес конкретного человека	не обязательно	не обязательно	не обязательно
Использована «себе под нос»	–	+	–

С всеобщим грубостью неуважением и всеобщим хамством, разумеется, бороться необходимо, но это должна быть общественная, а не законодательная борьба (как нельзя, например, принять закон о борьбе с нечестностью, закон о борьбе с неискренностью, закон о борьбе с нарушением обещаний и т.п.).

Административно наказуемым может и должно быть только *речевое хулиганство – нецензурная брань в общественном месте*. Публичное нецензурное словоупотребление захватило Россию во всех сферах, особенно в Интернете и устной речи, и данное негативное явление, отражающее и провоцирующее агрессию в обществе, требует адекватной и своевременной реакции. Именно в связи с этим в целях совершенствования административного законодательства в сфере защиты чести и достоинства граждан глава 20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях – «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность» нами было предложено Государственной Думе – ввести административную ответственность за «речевое хулиганство».

В актуальной редакции статьи 20.1 Административного Кодекса мелкое хулиганство определено как «нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах...», но эта формулировка явно неудачна и требует уточнения. Почему только *сопровождающееся*? Нецензурная брань в общественном месте сама по себе является нарушением общественного порядка, нарушением моральных норм на полный запрет нецензурного словоупотребления в публичной сфере, в общественных местах. В действующей редакции статья Кодекса фактически за сквернословие не наказывает, только за действия.

Публичное сквернословие – это «репетиция дурных поступков», проверка матершинником его личной вседозволенности. Если можно публично нарушить общественный, моральный закон, и общество, то есть окружающие люди это допускают, терпят, то следующий этап – возможность нарушения и написанного и официально опубликованного закона. Это главная опасность распространения публичного нецензурного словоупотребления для общества – оно потенциально стимулирует нарушение законов, непослушность граждан.

Следует подчеркнуть – и это принципиально важно: речь идет только об употреблении нецензурной лексики *в общественных местах*, то есть о публичном употреблении, и только *нецензурных слов*, список которых должен быть известен и должен и носить закрытый характер. Это позволит избежать субъективизма, произвола и неправомерных решений.

Надо всячески ограничивать правовое вмешательство в слова, мнения и чувства людей, а не расширять его, не плодить субъективизм и правовой произвол.

Еще одной важной проблемой для экспертизы и установления наличия неприличной языковой формы в последнее время являются попытки обхода табу в СМИ, интернете, рекламе – использование различного рода способов камуфлирования нецензурного словоупотребления [см. также Стернин 2019].

На проблему камуфлирования нецензурного словоупотребления существуют разные взгляды. «Как разъяснили «Известиям» в Роскомнадзоре, замена некоторых букв нецензурного термина многоточием не избавляет от ответственности. Однако допустима такая, например, формулировка: «Слово на букву «б». При этом, как записано в разъяснениях надзорного ведомства, передачи, где нецензурная брань заменена звуковым сигналом полностью, можно демонстрировать по ТВ, в том числе раньше 21.00» (<http://izvestia.ru/news/563178#ixzz2oeU1b1J3>)).

С нашей точки зрения, замена отдельных букв многоточием не может рассматриваться как *употребление* нецензурного слова.

Предлагается разграничивать: *употребление* нецензурного слова, *называние* нецензурного слова, *сообщение о его употреблении* и *субъективное усмотрение* нецензурного слова. В соответствии с законом наказывать рекламистов, журналистов, владельцев сайтов и блогеров можно только за *употребление* нецензурной лексики.

Употребление нецензурного слова – это его использование в общественной коммуникации для выражения определенного экспрессивного смысла, оценки лица или ситуации, что входит в намерение говорящего или пишущего – именно так выразиться и нарушить существующее табу в экспрессивных или иных целях. Это намерение устанавливается из анализа контекста и ситуации.

Называние нецензурного слова – это указание на его наличие. Например, в словарях, в которых нецензурные слова отражены, они именно *называются*, а не *употребляются*. Такие случаи не подлежат правовому регулированию

При изучении нецензурной и, в целом, ненормативной лексики, при подготовке экспертных заключений, при общественном обсуждении проблем сквернословия приходится эти слова называть. Иначе непонятно, что изучается, о чем идет речь. Например, вопрос: *Каково значение слова б... в современном русском языке?* – это не *употребление* нецензурного слова, а его *называние*.

В научных статьях, в докладах, в дискуссиях я нецензурные слова *называю*, а не *употребляю*. Назвав выше 4 нецензурных слова, я их именно *назвал*, а вовсе не *употребил*.

При цитировании в СМИ нецензурных реплик того или иного лица, например: «В алтайском отеле – Куда потащил? Положь нах! – тут тоже в порядке вещей», нецензурное слово *называется*, а не *употребляется*.

Такие случаи также не подлежат правовому регулированию.

С другой стороны, существует ряд распространенных способов камуфлирования нецензурных выражений в СМИ, рекламных и интернет-текстах:

- Запикивание в аудиотекстах.
- Отточия, звездочки, другие замещающие графические знаки - х**ня; Без подписи, потому что мне по***!; х..ня; хватит п..деть; пошел ты в п....!; пошел на х..; он его послал на х..; х...вый вариант; вот б...ь...; Как был на### никому не нужен, так и остался; Арустюмян, е..ло свое заткни, не п.зди; гони-те ее на х@й в Польшу! и под.
- Недописывание слова или выражения – эта б..., ну и х... с ним;

Ср.: Далее от Ксении Собчак последовало обязательное в таких случаях назидание об успешности: «если эти люди неуспешны, они всегда найдут на кого свалить свой неуспех. Те, кто сумел осознать, что для успеха нужно «вье...», давно стали уже условными Наоми Кэмпбел, Обамой и Уинфри. Остальные же всегда найдут оправдание себе и своей лени и глупости» (https://yandex.ru/turbo/s/echo.msk.ru/blog/karina_orlova/2655527-echo/?parent_reqid=1598248690146152-915129994181822270500281-production-app-host-man-web-yp-371&recommendation=true).

С точкой зрения сотрудников Роскомнадзора, которые в одном из интервью СМИ отметили, что замена некоторых букв нецензурного термина многоточием не избавляет от ответственности (<http://izvestia.ru/news/563178#ixzz2oeU1b1J3>), мы не можем согласиться.

В данном случае это не *употребление*, а *сообщение об употреблении* нецензурного слова: смысл примерно такой: *здесь было употреблено нецензурное слово, он нецензурно выругался.*

Такое *сообщение* не подлежит правовому регулированию.

Существуют также многочисленные эвфемизмы, которые позволяют обойти табу на нецензурное словоупотребление:

Варианты эвфемизмов сквернословия

- Созвучия: блин, бляха муха, бля, ёперный театр, ексель-моксель, ё-мое, япона мать, ё-не-ре-се-те, ё-ка-ле-ме-не, ёшкин кот, долбанный, грёбанный, а ну тебя в дивизию, ну тебя на хутор близ Диканьки..., полный писец; ты что, уху ел? и под.

Недоговоренности: пошел ты на..., пошел ты..., ...твою мать, вот бля...; Похоже Домогарову не заплатили, не доплатили, нае..., короче...;

Парфразирование: послал его на три буквы, пошел ты в женский половой орган, пошел ты на член ...;

Лексикализация инициальных букв - эта бэ, послал его на хэ;

Графический: ХЗ (часто используется в интернете), Как был на ### никому не нужен.... Пошли вы все на ***!

Замена или перестановка отдельных букв в нецензурном слове (в интернете): Это все муйня. Послал его на йух. Он приехал в Россию и окуел. Пзди – мы теряем историю. Он, млять, опять об этом.. Да все они бляд@ сейчас, только за деньги! И это при включенном, тлять, двигателе!

Замена слова: А Навке на икс нужен слепой секретарь.

Сообщение о желании употребить нецензурное слово: Нет, я не собираюсь весь этот ... (нецензурное слово)...комментировать...

Мы понимаем, что подразумевается в данном случае нецензурное слово и знаем, какое. Но то, что мы *поняли* – это не автор это слово *употребил*, он в данном случае только сообщил, что *хотел бы выразиться нецензурно*, но *воздержался и это выражение заменил*.

Информация о желании употребить нецензурное слово не есть его употребление, и оно не подлежит правовому регулированию (ср. высказывание - «просто хочется матом выругаться»- это не матерное высказывание).

Отдельно следует упомянуть случаи, когда реципиент усматривает употребление нецензурного слова, там, где оно не было употреблено.

Ср. анекдот:

Я ударил трудовика по пальцу молотком, а он поставил мне пять. По крайней мере, мне так слышалось. Если реципиенты анекдота догадались, какое в реальности слово употребил в данной ситуации трудовик, это их личное понимание, в анекдоте это слово не было употреблено.

В подписи к рекламной фотографии с похудевшими женщинами была допущена опечатка – в слове *похудение* была пропущена буква Д. Некто написал жалобу на СМИ, обвиняя газету в употреблении нецензурной лексики.

В рекламе безалкогольного напитка была использована фраза «Замочи эту скуку», которую немолодая женщина, эксперт-филолог прокомментировала так: «У части реципиентов может возникнуть ассоциация с нецензурным словом *сука*» - это ее субъективное личное восприятие, а также ее субъективное личное представление о составе нецензурной лексики.

Если некто *понял* слово как нецензурное – это результат того, что он сам подставил это слово в данный текст. Ср. старый анекдот про Сталина: *Выходит Жуков от Сталина после взбучки и говорит в дверях: – Сволочь усатая! Берия это слышит, бежит к Сталину и докладывает: – А Жуков только что сказал – «сволочь усатая»! -Верните товарища Жукова! Вы сказали – «сволочь усатая»? – Да, товарищи*

Сталин! – А кого Вы имели в виду, товарищ Жуков?– Гитлера, товарищ Сталин.- Спасибо, вы свободны. А Вы кого имели в виду, товарищ Берия?

И еще анекдот:

– Назовите слово из шести букв – «полный крах всех надежд». – П...дец? – Да нет, что вы! Это *фи-аско*.

Вместе с тем, в правовом поле это не всегда понимают. Например, название бренда новосибирской компании **Ёшкин кот** признали в суде нецензурным ругательством.

Многие эвфемизмы нецензурного слова могут рассматриваться как **грубая лексика** – наряду с *просторечной, вульгарной и бранной*, но нецензурной лексикой они не являются, и борьба с ними – это проблема борьбы за культуру речи и культуру общения, а не проблема права. Грубиян прежде всего характеризует своим грубым словоупотреблением себя как некультурного человека, не владеющего нормами культуры речи и и культуры общения, а не собеседника.

ВЫВОДЫ

Неприличная языковая форма – это публичное употребление автором текста нецензурной лексики.

При оценке нецензурного словоупотребления в публичной речи необходимо исходить из узкого понимания состава нецензурной лексики (4 слова и их производные) и не пытаться его расширять во избежание субъективизма и правового произвола.

Индивидуальное восприятие слов отдельными рядовыми людьми тех или иных слов как напоминающих нецензурные

Необходимо различать:

употребление нецензурного слова,

сообщение о его употреблении

называние нецензурного слова.

субъективное усмотрение нецензурного словоупотребления

Сообщение об употреблении нецензурного слова, называние нецензурного слова и субъективное усмотрение нецензурного словоупотребления не могут лечь в основу привлечения к правовой ответственности.

Правовому регулированию в рамках исков об оскорблении или нарушении закона о государственном языке (запрет на публичное употребление нецензурной лексики) подлежит только *публичное употребление* нецензурной лексики. Остальные случаи относятся к сфере культуры речи и культуры общения и подлежат мерам общественного воздействия, а не правового регулирования.

Контроль за культурой речи в электронных СМИ и в интернете в сфере «рискованного» употребления слов, явно напоминающих или камуфлирующих (порой весьма слабо) нецензурную лексику, и контроль в целом за употреблением в общественных текстах грубой лексики в целом, может и должен быть возложен на владельцев сайтов, редакторов, это может быть оговорено в правилах сайта или издания и должно регулироваться именно ими, а не правоохранительными органами. Такого рода словоупотребление необходимо запретить в правилах сайта и модерировать – лучше просто удалять «за использование грубой и нецензурной лексики». У нас, как ни странно, все-таки смогли, например, научиться курить за пределами общественных помещений (хотя запрета на курение нет), так что и в борьбе с грубостью ситуация не безнадежна, можно научить употреблять грубую и нецензурную лексику так, что ее никто не слышит.

При этом надо всячески *ограничивать правовое вмешательство* в слова, высказываемые мнения, выражаемые чувства людей, а не расширять его, не плодить субъективизм и правовой произвол.

Лишать же людей возможности «материться» себе под нос нельзя: *Сначала сделайте дороги, потом – искореняйте мат (Владимир Поляков).*

Библиографический список

1. Стернин, И. А. Основы лингвокриминалистики : учеб. пособие / И. А. Стернин ; Воронежский государственный университет ; Центр коммуникативных исследований ; Воронежская ассоциация экспертов-лингвистов. – Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2018. – 304 с.
2. Стернин, И. А. О понятиях «неприличная форма высказывания» и «нецензурная лексика» / И. А. Стернин // Язык и национальное сознание.– Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 10. – С. 103–108 [Перепечатано в: Стернин, И. А. Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Избранные работы. – Воронеж : Истоки, 2008. – 593 с. – С. 233–237].
3. Стернин, И. А. Дискуссионные вопросы оценки нецензурного словоупотребления в рекламе / И. А. Стернин // Актуальные вопросы развития конкурентной политики, совершенствования правоприменительной практики пресечения недобросовестной конкуренции и ненадлежащей рекламы : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (23 мая 2019 г.). – Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2019. – С. 205–210.

С. М. Треблер

Нур-Султан, Казахстан

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ: ЯЗЫКОВАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ

S. M. Trebler

Nur-Sultan, Kazakhstan

ADVERTISING TEXT: LANGUAGE MANIPULATION

Аннотация. Дается краткий обзор феномена языковой манипуляции и его признаков на материале рекламного дискурса. Исследуется манипулятивный потенциал одной из тактик рекламной стратегии – тактики «Игра мотивом». На основе проведенного анализа делается вывод о том, что рекламные тексты коммерческой и социальной рекламы обладают значительным потенциалом для исследования их манипулятивной составляющей.

Ключевые слова: рекламный текст, стратегии и тактики, языковая манипуляция.

Abstract. The article gives a brief overview of the phenomenon of language manipulation and its features based on advertising discourse. The author makes an attempt to explore the manipulative potential of one of the tactics of the advertising strategy which is "Game motive" tactics. The author concludes that the texts of commercial and social advertising have significant potential for the study of their manipulative component.

Keywords: advertising text, strategies and tactics, language manipulation.

Реклама ныне является неотъемлемой частью нашей жизни. Она заманивает, навязывает, убеждает потенциальных потребителей приобрести рекламируемую продукцию, делая ее привлекательной, желанной. Общеизвестно, что реклама из средства продажи продукта трансформировалась в продукт, который имеет свою собственную ценность, способную многократно превосходить стоимость предлагаемого товара или услуги. Реклама сейчас – отдельный инструмент, используемый для манипулирования общественным сознанием, реклама уже обзавелась собственным языком.

Язык рекламы – инструмент «уведомительной коммуникации», язык воздействия и манипуляции. Как пишет О. С. Иссерс: «И наш древний предок, догадавшийся использовать в качестве орудия воздействия слово, а не дубину, был, без сомнения, одним из первых манипуляторов. С тех пор лингвистика обрела специфический объект исследования – слово (или речь) в его регулятивной функции» [Иссерс 1996: 71].

Исследователи – не только лингвисты, но и психологи, социологи, политологи – под языковым манипулированием понимают «вид речевого воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [Быкова 1999: 99].

Изучение манипуляции разнится в зависимости от материала исследования. Рассмотрению подвергается многовековая манипуляция общественным сознанием и речевым поведением людей в тоталитарном обществе, манипуляция общественным сознанием электората в предвыборной борьбе, межличностная манипуляция, материалом которой являются тексты художественных произведений, а также рекламный дискурс. Рекламный дискурс в исследовании манипулятивного воздействия языка занимает особое место потому, что его проникновение в жизнь человека остается почти незамеченным.

Из большого набора дефиниций понятия манипуляции для нас предпочтительным будет определение, которое представляет ее как «игру на особенностях человеческой природы и человеческих слабостях, которые обеспечивают «коммуникативную слепоту» реципиента, делают его пассивно-послушным в признании правоты коммуникатора» [Битянова 2001: 125].

Именно «неосознанность объектом манипуляции осуществляемого над ним воздействия; воздействие не только на сферу сознательного (разум), но и на сферу бессознательного (инстинкты, эмоции), которая не поддается произвольному контролю; управление отношением объекта манипуляции к предметам и явлениям окружающего мира в нужном для манипулятора русле; достижение манипулятором своих тайных, корыстных целей за счет объекта манипуляции; намеренное искажение фактов окружающей действительности (дезинформация, отбор информации и пр.), создание иллюзий и мифов» признается Е. С. Поповой в качестве основных характеристик манипуляции [Попова 2002].

Создание и разработка рекламной стратегии – важнейший этап рекламной кампании. Сошлемся на мнение автора диссертационного исследования рекламного дискурса О. Т. Гаспаряна по поводу того, что в рекламе «воздействующая основа «надстраивается» над информационной с целью создания иллюзии выбора среди набора товаров со сходными характеристиками, для чего используется искаженная логическая аргументация, навязчивое убеждение или апелляция к психоэмоциональной сфере индивида» [Гаспарян 2017: 93].

В рекламной коммуникации всегда наличествуют адресант и адресат, интенция, текст, коммуникативная ситуация и принятие или непринятие адресатом сообщения. Стратегия и речевая тактика коммуникации – два взаимосвязанных понятия. О.С. Иссерс, отмечая функциональную направленность стратегии, понимает под стратегией комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели. Движущая сила стратегии – коммуникативная интенция. Если стратегия – это сверхзадача, направленная на достижение цели, вполне естественно для автора определить тактику как «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [Иссерс 2006: 109–110]. Цель коммуникативных стратегий – донести до потребителя информацию о полезности, выгоде товара; в социальной рекламе – привлечь внимание к глобальным мировым проблемам. Перед рекламистами стоит ответственная задача непрерывного совершенствования рекламных текстов, с использованием всевозможных приемов.

Известны различные способы и тактики, с помощью которых рекламный текст воздействует на своих адресатов. Это и обращение к эмоциям, и использование социальных установок, и апелляции к образу действительности, и игра с системой ценностей, и использование прецедентных имен, и использование имплицитной информации, и пресуппозиции, и еще многое другое [Попова 2002: 276–288].

Путем манипуляции в сознание внедряются идеи, образы, ассоциации, стереотипы, которые могут полностью, причем незаметно для человека, изменить его отношение к миру. Рекламная информация подается таким образом, чтобы потребитель на ее основе самостоятельно сделал определенные выводы. Так как потребитель приходит к этим выводам сам, он автоматически принимает такое знание за свое собственное, а следовательно, относится к информации менее критично и с большим доверием. Языковое манипулирование, таким образом, основывается, в первую очередь, на ломке языковой картины мира объекта. Языковая картина мира во многом определяется системой социальных ценностей – совокупностью нравственных и эстетических требований, выработанных человеческой культурой.

Для вербализации перлокутивного эффекта в рекламном тексте используется целый комплекс языковых средств; в рамках этой статьи мы остановимся на том, как воздействие рекламного дискурса осуществляется в тактике «Игра мотивом». Как полагает Е. С. Попова, это наиболее сложная тактика, «так как она связана с тайным вторжением во внутренний мир адресата через возбуждение потребностей. Благодаря этому достигается контроль над его мыслями, чувствами, поведением и жизненными установками, осуществляется управление отношением потребителя к рекламируемому товару» [Попова 2002: 287].

Рекламисты анализируют человеческие потребности, узнают тайные вкусы и склонности людей, чтобы воздействовать на них, манипулировать ими, направлять их поведение. Д. Валигурский считает мотивы самыми мощными внутренними детерминантами человеческого поведения, «движущими силами, импульсами, потребностями, запросами» людей [Валигурский 2019: 258]. Из этого следует, что мотив является толчком для осуществления действия через осознание возникшей потребности.

Универсальная тактика «Игра мотивом» характерна для любого манипулятивного рекламного текста, и коммерческого, и социального, так как она оказывается связанной с центральными фигурами рекламного коммуникативного события (адресантом и адресатом) и с их отражением в тексте; в дальнейшем при анализе тип рекламы не будем разграничивать.

Механизм психологического воздействия рекламы на потребителя можно представить в виде схемы: привлечение внимания – поддержание интереса – проявление эмоций – активизация мотива – принятие решения – действие (тот или иной поступок, совершение покупки).

Психологи делят присущие человеку мотивы на первичные и вторичные. В перечень первичных обычно включают те, которые являются или представляются врожденными, биогенными, а вторичными называют те, что считаются социогенными, т. е. приобретенными в процессе жизненного опыта и обучения [Валигурский 2019: 258].

Рекламные призывы, опирающиеся на первичные желания, в рекламе оказываются более эффективными, поскольку эти мотивы по природе своей тесно связаны с потребностями организма. Преследуя эмоциональную направленность, реклама вызывает позитивные или негативные эмоции. Сравним несколько рекламных текстов.

- (1) *Ведь вы этого достойны!*
- (2) *Не заглушайте наушниками музыку вашего сердца и других участников дорожного движения, не отвечайте (на телефонный звонок), сохраняйте интригу и не отвлекайтесь от дороги.*
- (3) *Ожирение убивает больше людей, чем ДТП.*
- (4) *Никто не мечтал быть толстым*
- (5) *Это не мех. Это чья-то мама.*
- (6) *Для заботы о близких нужна только любовь – в остальном доверьтесь «Харманн»!*

В рекламе помады (1) содержатся только позитивные эмоции: почтение, уважение, доброжелательность, они-то и являются мотивом приобретения товара. В тексте рекламы (2) говорится о радости семейных отношений, которым не должны мешать внешние отвлекающие факторы. Рекламные тексты (3), (4) используют мотив беспокойства, которое усиливается в (4) местоимением *никто*, эмоционально исключая адресата из культурного сообщества. В (5) используется слово «мама», которое сразу становится эмоциональным мотивом. Для всех людей мама – самое главное и ценное в их жизни. При чтении этого рекламного текста представляешь свою маму, себя, а потом уже животное, и вряд ли захочется купить что-то из меха. Реклама немецкой медицинской компании «Пауль Хартманн» – эксперта в области ухода за пожилыми пациентами в (6) несет ярко выраженный социальный смысл.

Люди, в целом, пугливы, поэтому так велик манипулятивный потенциал у следующей рекламы. «Sweet kills» – гласит надпись на плакате, где раны на теле человека сделаны из сладостей. В этом коротком тексте есть отсылка сразу к двум фактам о диабете. Неконтролируемое употребление сладкого может спровоцировать развитие заболевания, и одним из симптомов диабета является плохое заживление ран.

В классификации первичных мотивов американского психолога Ч. Н. Аллена, которые приведены в монографии Д. Валигурского, присутствуют и рациональные типы: одобрение со стороны общества, превосходство над другими, умение преодолевать препятствия [Валигурский 2019: 258].

Обращение к определенным моделям поведения общества видим в следующих рекламных текстах:

Рубишь дерево. Обрываешь жизнь.

Представь на месте тунца панду;

Леса – легкие планеты;

Не играйте «в доктора» с малярией. Пройдите тест.

Отношения с любимыми, дети, хобби – ты рискуешь потерять их, если будешь продолжать курить (реклама от сети фитнес-клубов АYO);

«Одиночество убивает», «Одиночество вредит так же, как 15 сигарет в день» (реклама Британского благотворительного фонда, помогающего одиноким пожилым людям).

Для рекламных текстов с тактикой «игра мотивом» важным является выбор аргументируемых признаков. Не последнюю роль играет и направленность на определенную аудиторию, и то, как воздействуют эти аргументы – рационально или эмоционально. Отсюда вытекают и следующий вид стратегий, где совмещена тактика «игра мотивом» рационалистического и эмоционального типа: *Мощь вместе с экономией. VOLKSWAGEN; Представительский автомобиль для тех, кто не нуждается в представлениях. VOLKSWAGEN Phaeton, автомобиль.*

Итак, если реклама создана освещать реальные полезные свойства товара – то перед нами рационалистические мотивы, если же речь идет о психологической составляющей рекламы, то это является показателем эмоционального типа «игры мотивом». Заметим, что встречается и совмещение этих двух типов тактики. Такие случаи исследователи считают самыми удачными: «лучшим решением было бы окружить рациональное утверждение эмоциями» [Котлер 2006: 305].

Показательным примером, иллюстрирующую данную тактику совмещенного типа, может служить реклама мобильного телефона: *Телефон — вещь незаменимая. Мой помощник APPLE IPHONE 4 16 GB Мы всегда вместе. Он напоминает мне о том, что я запланировал, если я вдруг забуду. Супер дизайн и функциональность на высоте.*

Автор-рекламщик в первую очередь характеризует телефон с точки зрения полезности. Реклама направлена на определенную целевую аудиторию – руководителей, менеджеров, редакторов – всех тех, кто просто не может обойтись без телефона на рабочем месте. Телефон – центр их работы. Рекламный текст акцентирует внимание на легкости в использовании именно этой марки телефона, на множестве его функций, но выражает это эмоционально: *мой помощник, мы всегда вместе!*

Найденные нами текстовые единицы рекламы содержат и разнообразные вторичные мотивы, стимулирующие выбор той или иной продукции (в перечне следуем классификации Ч. Н. Аллена) [Валигурский 2019: 258].

Красота и вкус: Когда свет софитов гаснет, мои волосы не перестают блестеть. PANTENE PRO V, средства по уходу за волосами; Поцелуй с ароматом Парижа. Kiss доставляет не только удовольствие... но и в Париже!

Чистоплотность: Ariel. Отстирает даже то, что другим не под силу; А что, правда, можно помыть воду? Мы помогаем снабжать чистой водой миллионы людей во всём мире. SIEMENS.

Расчетливость: Водишь по-человечески? Страховка дешевле на 20%.

Любопытство: ЛЁТНОЕ снаряжение или УЛЁТНАЯ компания? Возьмите с собой и то, и другое! Ведь с новым Opel Zafira не придется идти на компромисс... OPEL Zafira, машина с изменяемым внутренним пространством. Надежность и достоинство: Человек – самый большой на Земле хищник. Вот только убивает он не с помощью клыков или яда. И даже без оружия. Для того чтобы воевать против других видов на планете, человечество использует мусор.

Экономность и выгода: CANDY U Cook От 0 до 200 градусов всего за 8 минут (реклама духового шкафа); *У вас Есть дети? Есть Touran* (реклама минивэна VOLKSWAGEN Touran; рекламируемый автомобиль представлен как наиболее подходящий для семьи с детьми, что позволяет выделить его среди других моделей); *Кофе JAKOBS MONARCH + чашка с блюдцем.*

Образованность и информированность: Разрушение природы является разрушением жизни (социальная реклама экологической организации Robin Wood). *When we pollute the sea, we pollute for a long time. Help us to keep the ocean clean.* (Когда мы загрязняем море, мы загрязняем надолго. Помогите нам поддерживать океан в чистоте).

Работоспособность: Ноутбуки Sharp: Новая формула успеха; Ускоряем Подмоскovie 2 раза быстрее. Интернет «Билайн».

Здоровье: Подсказано природой и Вами. Создано Boots. Ваш эксперт по красоте и здоровью.

Таким образом, восстанавливая структуру манипулятивного воздействия рекламного текста через понятие тактики «Игра мотивом», мы убедились в том, что эффективность рекламного текста зависит от того, хорошо ли рекламист ориентируется в иерархии потребностей адресата рекламы. Для этого адресант стремится в каждом товаре/услуге выделить то, что могло бы стать мотивом покупки для обычного потребителя. С помощью рекламного текста за той или иной товарной маркой, за социальной услугой, закрепляется образ человека, его стиль, манера жизни и многое другое. Рекламист, обращаясь к своей целевой аудитории, должен знать, каким человеком она хочет себя видеть. В этом и состоит успешность соответствующего рекламного текста, его манипулятивная составляющая.

Библиографический список

1. Битянова, М. Р. Социальная психология: наука, практика и образ мыслей : учеб. пособие / М. Р. Битянова. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 576 с.
2. Быкова, О. Н. Языковое манипулирование / О. Н. Быкова // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – 1999. – Вып. 1. – С. 99–103.
3. Валигурский, Д. И. Организация коммерческой деятельности в инфраструктуре рынка : учебник для бакалавров / Д. И. Валигурский. – Москва : Дашков и К°, 2019. – 300 с.
4. Гаспарян, О. Т. Интенциональные стратегии современного рекламного дискурса / О. Т. Гаспарян. – URL: <http://www.dslib.net/zhurnalistika/intencionalnye-strategii-sovremennogo-reklamnogo-diskursa.html>
5. Иссерс, О. С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу / О. С. Иссерс // Вестник Омского университета. – 1996. – № 1. – С. 71–74.
6. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Москва : КомКнига, 2006. – 288 с.
7. Попова, Е. С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте / Е. С. Попова // Известия Уральского государственного университета. – 2002. – № 24. – С. 276–288. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/popova-02.htm>
8. Котлер, Ф. Маркетинг менеджмент. Экспресс-курс / Ф. Котлер ; пер. с англ. под ред. С. Г. Божук. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2006. – 464 с.

Направление 5

ЯЗЫК И ПРАВО В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК: ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Ю. А. Воронова

Москва, Россия

М. А. Капустина

Санкт-Петербург, Россия

РУССКИЙ КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И МИРОВОЙ ЯЗЫК: ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Yu. A. Voronova

Moscow, Russia

M. A. Kapustina

Saint-Petersburg, Russia

RUSSIAN AS THE STATE AND WORLD LANGUAGE: LEGAL AND LINGUISTIC ASPECTS OF FUNCTIONING

Аннотация. Исследуется русский язык как язык правового общения на межнациональном, международном уровне на основе анализа российского законодательства, материалов, посвященных юридико-лингвистическим аспектам функционирования русского языка. Делается вывод, что русский язык обеспечивает правовую определенность, объединяет людей и создает новые ресурсы для изучения.

Ключевые слова: русский язык, государственный язык, мировой язык, правовое регулирование, юридико-лингвистическая сфера, язык правового общения.

Abstract. The authors investigate the Russian language as a language of legal communication at the international level, analyzing Russian legislation, materials on the legal and linguistic aspects of the functioning of the Russian language and come to the conclusion that the Russian language provides legal certainty, unites people and creates new resources for learning.

Keywords: Russian language, state language, world language, legal regulation, legal and linguistic spheres, language of legal communication.

Обсуждение русского языка сегодня необходимо проводить в контексте системных мер, которые осуществляет Россия по укреплению и развитию русского языка, на основе, в том числе, нормативных и иных правовых актов, документов, принятых в юридико-лингвистической сфере. Актуальность исследования русского как государственного и мирового языка предопределена научно-практической важностью междисциплинарного изучения проблематики юридико-лингвистического аспекта функционирования русского языка. В современном мире общее число владеющих русским языком как родным, как вторым или как иностранным составляет до 350 млн человек. Родным русский язык считают около 150 млн человек, в том числе более 120 млн человек – в России, и около 22 млн человек – в государствах – участниках СНГ. В Российской Федерации в 46 тыс. школ на русском языке обучаются более 13 млн учащихся. В иностранных государствах насчитывается 18,4 тыс. школ и организаций среднего профессионального образования, в которых 1,3 млн человек изучают русский язык как иностранный, а в вузах русский язык как иностранный учат около 230 тыс. студентов. На консульском учете за рубежом состоит более 2 млн граждан Российской

Федерации, около 60 тыс. российских граждан каждый год выезжает на работу за границу [Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622].

Опираясь на комплексный структурно-функциональный и историко-сравнительный анализ ранее действовавшего и актуального законодательства, телеологическое толкование судебной практики, политическую интерпретацию правовых документов, используя формально-логические приемы, специально-юридический метод интерпретации правовых предписаний и правоприменительных актов, междисциплинарные мониторинговые исследования материалов, размещённых в средствах массовой информации, и научной литературы, авторами было проведено системное исследование русского языка как государственного и мирового языка в его юриди́ко-лингвистическом аспекте функционирования.

Русский язык в качестве мирового представляется во всём его стилистическом и культурном разнообразии. Русский язык как мировой в качестве инструмента общения выступает в роли носителя информации международного уровня. Когда мы говорим о языке, то начинаем с мотивации изучения и его использования. Если посмотреть на язык права как язык для специальных целей, то по системе SMART (Specific, Measurable, Achievable, Relevant, Time) раскрываются следующие принципы: есть конкретный конечный результат (федеральные законы, кодексы, подзаконных акты: постановления, указы, распоряжения и другие нормативные акты, принимаемых на основании Конституции и Законов Российской Федерации); четкие параметры измерения цели (количественные и качественные показатели, лингвистические аспекты юридической техники и толкования правовых актов, межкультурная коммуникация и перевод юридических текстов, компьютерные методы обработки языка для решения задач юридической лингвистики); имеются необходимые ресурсы, знания для достижения цели (юридические термины, правовые дефиниции); соотнесение цели с реальной ситуацией (лингвистическая экспертиза текстов различных функциональных типов) и конечная дата достижения цели (государственный контроль, формирование общественного правового сознания). И в этом аспекте интересно применить к юридической науке «языковой коучинг» (в другой терминологии «лингвокоучинг» и «лэнгвич-коучинг») [Лыткина, Пономарева 2019 : 40]. Лингвокоучинг – результат работы авторов в сфере психологии, языкознания, нейролингвистики, прикладной психолингвистики, педагогики, андрогогики и др. Он ориентирует изучение языка на личностные и профессиональные цели, способствующие межличностной и межкультурной коммуникации. На установочных коуч-сессиях можно составить план действий по изучению языка права и получить поддержку в изучении юридических текстов. Сейчас очень актуальны онлайн-тренажеры и тесты, блоги, подкасты, телеграмм-каналы, онлайн-курсы и платформы.

Определение русского языка в качестве государственного закреплено в статье 68 Конституции Российской Федерации (1993 г.). [Конституция Российской Федерации от 12.12.1993] В 2005 г. был принят Федеральный закон № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». Цель закона - определить общегосударственный статус русского языка на всей территории Российской Федерации, а также установить правила его использования в разных сферах общения в соответствии с языковой ситуацией и основными принципами национально-языковой политики. Закон призван укрепить правовую основу использования русского языка как государственного языка Российской Федерации. Он устанавливает государственные гарантии поддержки и защиты государственного языка в различных сферах жизни общества - в сфере образования, культуры, средств массовой информации и других. [Федеральный закон № 53-ФЗ от 01.06.2005] Государственная поддержка русского языка отвечает национальным интересам и является стратегическим приоритетом Российской Федерации. Восприятие русского языка в других странах и культурах во многом зависит от его состояния, его функционирования в обществе.

Русский язык имеет огромное значение не только для России, но и для всей мировой цивилизации. Он обладает статусом мирового языка и в этом своём статусе играет важную роль в познании другими народами бесценных культурных, гуманистических сокровищ российской науки, искусства, образования. Мировое значение русского языка определяется заинтересованностью участников взаимоотношений в развитии интеграционных процессов в различных сферах деятельности на основе взаимопонимания между странами, народами, отдельными индивидами. Во многих странах объявляют «Год русского языка» и проводят различные мероприятия, праздники, олимпиады, конкурсы и фестивали. Российские центры науки и культуры организуют международные конференции, конгрессы, посвященные русскому языку, культуре и литературе для сохранения межкультурных и образовательных связей, издают книги, учебники, энциклопедические словари, справочники. Русский язык обеспечивает связь с мировой культурой, с международным сообществом, способствует сближению и взаимному обогащению. Укрепление позиций русского языка, повышение его международного престижа в деловой сфере, сфере науки, сфере образования, сфере массовой коммуникации, продвижение мировых достижений научной мысли в гуманитарных, социально-политических, экономических исследованиях на русском языке и русских художественных произведений.

Эксперты ЮНЕСКО предлагают определение: «Государственный язык - язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах и выступающий в качестве символа данного государства». [Чельшев 2011 : 135] Русский язык - национальный язык русского народа, составляющего примерно 83,7% жителей России. Анализ литературы по исследуемой теме убедительно показал довольно большой массив работ, изучающих языковые проблемы за рубежом, анализирующих законодательство, регламентирующее языковую ситуацию, принципы языковой политики. В разных странах реализуются разные модели языковой политики. Большинство стран мира ре-

шают языковые проблемы законодательным путем: из 141 страны в конституциях 110 - содержатся статьи, касающиеся языка. [Чельшев 2011 : 137].

Русский язык имеет статус мирового языка и обладает соответствующими признаками: количество слов составляет несколько миллионов, имеет развитую систему стилей: разговорный, официально-деловой (канцелярский, дипломатический, юридический – со своей терминологией, речевыми клише, грамматическими формами), публицистический (язык СМИ, теле-радиовещания), научный (с терминологией и тематическим понятийным аппаратом), огромная распространённость в мире (по разным источникам около 30 стран распространения и 235 млн. человек говорят на русском языке. В связи с этим необходимо формировать условия для функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения, стимулировать юридико-лингвистические факторы интеграционных процессов, стратегии информационной безопасности, престижа России, её полноправного участия в мировых политических, экономических, культурных, образовательных системах.

При переводе на другие языки сложно передать всю полноту юридических текстов, административных и гражданских кодексов. Лингвистическую экспертизу текста можно проводить при наличии авторитетных справочников, содержащих подробную нормативную характеристику всего арсенала языковых средств, используемых во всех сферах речевой деятельности современного русского литературного языка и с опорой на методики лингвистической характеристики текста. Порядок проведения экспертизы грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации утверждён Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 29.05.2007 № 152 «О порядке проведения экспертизы грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» (далее – Порядок проведения экспертиз словарей) [Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации № 152 от 29.05.2007]. Данный Порядок проведения экспертиз словарей должен обеспечить защиту и поддержку русского языка как государственного языка Российской Федерации. Гарантиями защиты русского языка являются, с одной стороны, предусмотренная возможность проведения экспертизы грамматик, словарей и справочников по инициативе юридических и физических лиц – заказчиков экспертизы, а с другой – рекомендации Межведомственной комиссии по русскому языку, на основе которых формируется список грамматик, словарей и справочников, утверждаемый Минобрнауки России. Таким образом, одновременно обеспечивается «участие в наполнении государственного языка Российской Федерации неопределенного круга лиц, что предоставляет каждому возможность внесения личного вклада в развитие русского языка», [Решение Верховного Суда Российской Федерации № АКПИ19-680 от 14.11.2019] и междисциплинарная компетентная (профессиональная) оценка русского языка, используемого органами государственной и муниципальной власти, в делопроизводстве, с точки зрения его соответствия нормам современного русского литературного языка. Всё это служит цели реализации конституционных прав в юридико-лингвистической сфере.

Россия, как отмечается в литературе, «выступившая пионером в разработке и законодательном закреплении ряда социальных прав, не должна отказываться от собственного позитивного опыта» [Александрова 2019 : 192]. Надо сказать, государственный язык – новелла в конституционном регулировании российской правовой системы. Конституции СССР (1977 г.) не было известно такое понятие, как «государственный язык». [Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 12.10.1977] Конституционное регулирование Советского Союза в языковой сфере опиралось на категории «родной язык» (например, статья 45 Конституции СССР, 1977 г.), «язык союзной республики» (например, статьи 118, 159, 169 Конституции СССР, 1977 г.), «языки народов СССР» (например, статья 36 Конституции СССР, 1977 г.). Действующая российская Конституция (1993 г.) продолжает конституционно-правовую традицию в сфере защиты родного языка и в Главе 2 «Права и свободы человека и гражданина» закрепляет конституционное право каждого «на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» (статья 26). «Государственный язык» – новая для российского права категория, включенная в систему конституционного регулирования государственного устройства Российской Федерации. Статья 68 Конституции Российской Федерации (1993 г.), которая придает русскому языку на всей территории Российской Федерации официальный статус государственного языка Российской Федерации, содержится в Главе 3 «Федеративное устройство». При этом, исследуя русский язык как язык правового общения на межнациональном, международном уровне, анализируя материалы, посвященные юридико-лингвистическим аспектам функционирования русского языка, важно акцентировать внимание на следующих моментах.

Во-первых, придав русскому языку статус государственного языка Российской Федерации, Конституция (1993 г.) закрепила таким образом сферу обязательного, с юридической точки зрения, использования современного литературного русского языка – вопросы государственной и общероссийской жизни, правовые акты и другие официальные документы, деловая переписка и делопроизводство в органах государственной власти и управления.

Во-вторых, понятие «государственный язык» в юридико-лингвистическом аспекте охватывает в российском праве две категории: русский язык как государственный язык на всей территории Российской

Федерации и государственный язык, установленный республикой, входящей в состав Российской Федерации. Государственный язык республики, согласно статьи 68 Конституции РФ (1993 г.), употребляется в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республики наряду с русским языком – государственным языком Российской Федерации. Конституция СССР (1977 г.) не определяла государственный язык, закрепляла конституционное равенство языков союзных республик, одним из которых был русский язык – язык РСФСР в составе СССР. Однако, фактически, именно русский язык преимущественно использовался в Советском Союзе для официального межнационального общения.

В-третьих, выражая правовую преемственность в конституционном регулировании языковых отношений, Конституция РФ (1993 г.) гарантирует, как и Конституция СССР (1977 г.), право на сохранение родного языка, независимо от того, является ли родной язык государственным титульным языком республики в составе Российской Федерации.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что русский как государственный и мировой язык обеспечивает юридико-лингвистическое единство в пространстве правового общения многонационального российского народа и международных массмедиа.

Библиографический список

1. Александрова, А. В. Социальные права в российском конституционном праве: преемственность и новации / А. В. Александрова / Конституция и общественный прогресс. Вторые Прокопьевские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Калининград, 6–8 декабря 2018 г.). – Калининград : Балт. федер. ун-т им. И. Канта, 2019. – С. 185–193.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
3. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (прекратила действие) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 6 19.
4. Лыткина, О. И. Принципы языкового коучинга в преподавании иностранных языков / О. И. Лыткина, А. Ю. Пономарева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер.: Педагогика. Психология. Философия. – 2019. – № 4 (16). – С. 40–44.
5. О порядке проведения экспертизы грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации : приказ Министерства образования и науки Российской Федерации № 152 от 29.05.2007 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2007. – № 28,
6. Об отказе в удовлетворении иска об оспаривании пунктов 3, 4, 7 и 9 Положения о порядке проведения экспертизы грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, утвержденного приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 мая 2007 г. № 152, и списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, утвержденного приказом Министерства образования и науки Российской Федерации № 195 от 8 июня 2009 г. : решение Верховного Суда Российской Федерации № АКПИ19-680 от 14.11.2019 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – URL: www.vsrp.ru (дата обращения: 25.12.2019).
7. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : Указ Президента Российской Федерации № 622 от 31.10.2018 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 45. – Ст. 6917.
8. О государственном языке Российской Федерации : федер. закон № 53-ФЗ от 01.06.2005 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 23. – Ст. 2199.
9. Чельшев, Е. П. А как не наше слово отзовется? / Е. П. Чельшев // Пространство и Время. – 2011. – № 4 (6). – С. 134–137.

М. Ю. Емелин

Пенза, Россия

ОТ ТЕРМИНА К ДОКТРИНЕ: «АФФИРМАТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ» В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ США¹

M. Yu. Emelin

Penza, Russia

FROM TERM TO DOCTRINE: "AFFIRMATIVE ACTION" IN MODERN US LAW AND COURT PRACTICE

Аннотация. Рассматривается история формирования концепции «аффирмативных действий» от термина в президентском указе до судебной доктрины, охватывающей несколько десятилетий практики судов. Реализация исследовательских задач осуществлена на основе анализа последних судебных решений Верховного Суда США, законодательства и научной литературы. Отмечается, что изучение правоприменительной практики Верховного Суда США позволяет определить характер и содержание комплекса мер, подпадающих под определение «аффирмативных действий», а также определить основные факторы, влияющие на развитие данной доктрины.

Ключевые слова: «аффирмативные действия» дискриминация, Верховный Суд США.

Abstract. The article examines the formation of the concept "affirmative action". The term originated in a presidential decree, further evolving into judicial doctrine covering several decades of court practice. The article analyzes recent decisions of the US Supreme Court, legislation and scientific literature. The study of the law enforcement practice of the US Supreme Court makes it possible to determine the nature and content of measures falling under the definition "affirmative action", as well as to determine the main factors influencing the development of this doctrine.

Keywords: affirmative action, discrimination, US Supreme Court.

В последние годы отмечается тенденция повышения значения «неюрисдикционных источников» [7] и правовой доктрины [5] в практике Верховного Суда США, равно как и нижестоящих судов. В этой связи представляется научно значимым проанализировать становление доктрины «аффирмативного действия», как одной из важнейших, хотя и противоречивых (наряду с печально известной доктриной «разделенные, но равные» [8]) в практике разрешения споров о расовой и национальной дискриминации. Летом 2018 г. вопрос об использовании признаков расы как одного из критериев при поступлении в высшее учебное заведение США получил новое развитие. Администрация президента заявила, что отказывается от политики, которая призвала университеты рассматривать расу как фактор разнообразия студенческого корпуса. В совместном письме министерства образования и юстиции было объявлено, что руководящие принципы, ранее направленные предыдущей администрацией, в отношении «аффирмативных действий», отменены [13].

Эти заявления, тем не менее, не проясняют дальнейшую судьбу доктрины «аффирмативных действий», развиваемую не одно десятилетие и включающую в себя несколько поколений решений Верховного суда США. Данная судебная доктрина, начало которой положили дела *Бакке* и *Груттер*, нашла свое последнее выражение в двух решениях Верховного суда США по делу *Фишер против Университета штата Техас* [1].

В отечественной литературе термин «affirmative action» используется в различных значениях: «позитивные действия», «утвердительные действия», «позитивные шаги», «позитивная дискриминация». Безусловно смысл явления наиболее полно выражает термин «позитивная дискриминация», далекий от буквального перевода словосочетания. В данной статье используется термин «аффирмативные действия», так как для российской правовой системы сложно подобрать аналог. Вместе с тем, в законодательстве и судебной практике США сложилось вполне понятное и имеющее осязаемые границы правовое явление.

Сама концепция «аффирмативных действий», по оценке некоторых исследователей существует в Америке с XIX в. В нынешней форме, а именно в связи с дискриминацией в высших учебных заведениях, она впервые появилась в Указе 10925 президента Кеннеди (1961): «Подрядчик предпримет «позитивные действия», чтобы гарантировать, что соискатели будут трудоустроены, а сотрудникам – обеспечено обращение, независимо от их расы, вероисповедания, цвета кожи или национального происхождения» [11].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31773

Отдельные авторы указывают, что основу доктрины заложил указ президента Франклина Рузвельта № 8802, которым была создана первая Комиссия по найму на работу без дискриминации. Хотя в Указе Президента № 8802 сам термин не использовался [2].

Под «аффирмативными действиями» подразумевается комплекс процедур, направленных на устранение незаконной дискриминации среди заявителей, устранение последствий такой предшествующей дискриминации и предотвращение такой дискриминации в будущем. При этом, кандидаты могут стремиться к поступлению на образовательную программу или искать работу. В современной американской юриспруденции он обычно предусматривает средства правовой защиты от дискриминации, по крайней мере, на основании расы, вероисповедания, цвета кожи и национального происхождения [11].

Затем термин «аффирмативные действия» появился в указе № 11246 Президента Линдона Джонсона. Согласно Указу государственные подрядчики были обязаны провести «соответствующие действия» по увеличению числа этнических меньшинств и женщин на рабочих местах, в том случае, если образовывалось их непропорционально низкое представительство. Именно в этой стадии концепция приобретает признаки «позитивной дискриминации». Одной из наиболее распространенных мер данной политики становится предоставление привилегий меньшинствам при приеме на работу или при поступлении в высшее учебное заведение и т.д. [3].

Со временем перед органами государственной власти ставилась новая задача – не просто недопущения дискриминации в будущем, но и создания таких условий, которые помогали бы устранению последствий прошлой дискриминации [4, с. 60].

Решениями Верховного суда были сформулированы и определены контуры доктрины «аффирмативных действий» в сфере высшего образования. Суть доктрины сводится к допущению использования расовых признаков в качестве критерия при поступлении в высшее учебное заведение. Однако такое использование является конституционным только в случае наличия государственной необходимости и, при этом, узко направленно на этот государственный интерес [1].

Государственную необходимость в обеспечении расового многообразия среди студентов суды обосновывали следующими образовательными целями: расширение точки зрения, т.е. все академические обсуждения становятся живее и энергичнее, если студенты имеют различное происхождение; профессионализм, так как в условиях глобального рынка необходимые навыки могут быть выработаны только при взаимодействии различных народов, культур, идей и точек зрения; гражданское общество, что предполагает участие всех расовых и этнических групп в жизни государства [9].

В деле *Фишера против Техасского университета в Остине* (Фишер II), как и в предшествующем деле *Фишер I* [6] данная судебная доктрина вновь устояла. Многие отмечали, что это дело является поводом для празднования, поскольку оно усиливает легитимность обоснования разнообразия для политики «аффирмативных действий» в высшем образовании и, следовательно, подчеркивает принцип расовой интеграции, который отсутствовал бы в доктрине равной защиты [10].

История доктрины «аффирмативных действий» в высшем образовании на этом не закончилась. В настоящее время судебные инстанции проходят дело *Студенты за справедливый прием против Гарварда*, которое имеет все шансы вновь поставить перед Верховным судом США вопрос о допустимости позитивной дискриминации.

Студенты за справедливый прием против Гарварда – это федеральный иск, который был подан в Окружной суд США округа Массачусетс, оспаривая процесс приема в Гарвардский университет и учет расы и этнической принадлежности при рассмотрении заявлений о приеме. Окружной судья США Эллисон Д. Берроуз вынес решение 30 сентября 2019 г.

Применяя прецеденты Верховного суда от Бакке в 1978 г. до Фишера II в 2016 г., суд методично рассмотрел, как Гарвард рассматривает заявления о поступлении, показания приемных комиссий, статистический анализ, приведенный обеими сторонами, и альтернативы, нейтральные к расе. Судья Берроуз обнаружил, что Гарвард не занимается расовым балансом, он не использует расу механически, и нет адекватных, работоспособных и достаточных, полностью нейтральных по отношению к расе альтернатив. Окончательный вывод суда заключался в том, что программа приема в Гарвард была разработана и реализована таким образом, чтобы каждое заявление можно было рассматривать целостным образом в соответствии с указаниями Верховного суда [12].

Таким образом, окружной суд подтвердил доктрину «аффирмативных действий». При наличии объемной судебной практики Верховного суда США по данному вопросу сложно было ожидать иного решения. Вместе с тем, очевидно, что посредством данного дела вопрос о легальности «аффирмативных действий» может вновь предстать перед Верховным судом США и стать одним из самых непростых решений в истории высшей судебной инстанции. С одной стороны, недвусмысленная позиция администрации Президента относительно расовых преимуществ и изменения в корпусе судей Верховного суда США. С другой – обострение конфликтов на почве расы, усиление общественного движения в поддержку национальных меньшинств. В таких условиях судьям Верховного суда США предстоит выразить мнение о том, настало ли время для отмены дискриминации, в том числе, и «позитивной».

Библиографический список

1. Емелин, М. Ю. Доктрина «аффирмативных действий» в высшем образовании США: решение апелляционного суда пятого округа по делу Эбигейл Фишер против Университета штата Техас / М. Ю. Емелин // Аграрное и земельное право. – 2015. – № 4 (124). – С. 144–147.

2. Зиновьева, В. В. Политика утвердительных действий в контексте практики судов США / В. В. Зиновьева // *Международное право. Юридическая наука*. – 2018. – № 2. – С. 51–58.
3. Кириллова, Л. В. Историографический обзор политики позитивной дискриминации в США / Л. В. Кириллова // *Вестник Удмуртского университета*. – 2015. – Т. 25, вып. 4. – С. 157–161.
4. Николаев, Б. В. Конституционно-правовой принцип равноправия в системе высшего образования США. Законодательство и правоприменительная практика : монография / Б. В. Николаев. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 176 с.
5. Николаев, Б. В. Понятие правовой доктрины в правовой системе США / Б. В. Николаев, М. Ю. Емелин // *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского*. – 2012. – № 28. – С. 143–146.
6. Николаев, Б. В. Проблема равноправия и обратной дискриминации в системе высшего образования США: Фишер против Университета штата Техас / Б. В. Николаев, М. Ю. Емелин // *Право и образование*. – 2014. – № 2. – С. 61–65.
7. Николаев, Б. В. Значение «неюрисдикционных» источников в решениях Верховного Суда США / Б. В. Николаев, М. Ю. Емелин, Н. В. Максимова // *Право и государство: теория и практика*. – 2014. – № 6 (114). – С. 121–125.
8. Николаев, Б. В. Доктрина «разделенных, но равных» возможностей в решениях Верховного Суда США по спорам, связанным с высшим образованием / Б. В. Николаев, М. Ю. Емелин // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. – 2013. – № 4 (28). – С. 45–52.
9. Abigail Fisher, et al v. State of Texas, et al (2014) No. 09-50822
10. Boddie, E. C. The Future of Affirmative Action / E. C. Boddie // *Harvard Law Review Forum*. – URL: <https://harvardlawreview.org/2016/11/the-future-of-affirmative-action/> (дата обращения: 20.09.2020).
11. Legal Information Institute. – URL: https://www.law.cornell.edu/wex/affirmative_action (дата обращения: 20.09.2020).
12. The harvard admissions case reactions to the judge's ruling. – URL: <https://www.acenet.edu/Documents/Issue-Brief-Harvard-admissions-decision.pdf> (дата обращения: 20.09.2020).
13. Trump Officials Reverse Obama's Policy on Affirmative Action in Schools // *New York Times*. – URL: <https://www.nytimes.com/2018/07/03/us/politics/trump-affirmative-action-race-schools.html?hp&action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-heading&module=first-column-region&region=top-news&WT.nav=top-news> (дата обращения: 20.09.2020).

О. А. Мусорина

Пенза, Россия

С. Г. Сорокина

Москва, Россия

ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» В МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» (КОНЕЦ 1970-х – НАЧАЛО 1980-х гг.)

O. A. Musorina

Penza, Russia

S. G. Sorokina

Moscow, Russia

SEMANTIC DICHOTOMY «OUR» – «THEIR» IN THE PIONER (PIONEER) MAGAZINE (THE LATE 1970s – THE EARLY 1980s)

Аннотация. Определяются ключевые стратегии репрезентации семантической оппозиции «свой» – «чужой» в материалах журнала «Пионер» за период с 1979 по 1983 г. Посредством методики качественного анализа дискурса в текстах статей журнала выделяются следующие оппозиционные группы: «СССР – лидер в борьбе за мир vs агрессивная политика определенных мировых держав, прежде всего США», «СССР – страна всеобщей грамотности vs неграмотность в мире капитала» и «Противостояние СССР и США в экономике и спорте». Результаты исследования позволяют сделать выводы о возможных причинах сохраняющейся тенденции дихотомного восприятия современного мира.

Ключевые слова: журнал «Пионер», семантическая оппозиция, стратегии репрезентации, дискурс.

Abstract. The article aims to identify the key strategies of representing the semantic dichotomy «our» – «their» in the Pioneer (Pioneer) magazine in the period of 1970–1983. Based on the qualitative analysis of the articles published in the magazine the authors determine such dichotomous pairs as «the USSR – the herald of peace vs an aggressive policy of certain world powers, in particular the USA»; «the USSR – the country of mass literacy vs illiteracy in the capitalist world»; «the confrontation between the USSR and the USA in economics and sport». The results of the study draw conclusions about the possible reasons for the continuing trend of dichotomous perception of the modern world.

Keywords: the Pioneer (Pioneer) magazine, semantic dichotomy, strategies of representation, discourse.

Как известно, в Советском Союзе огромное внимание уделялось развитию детской литературы различных жанров и детской периодической печати. Государство, являясь монополистом в этой сфере, привлекало к работе в детских журналах, газетах и на радио не просто талантливых журналистов, а людей, умеющих заинтересовать и организовать юных читателей вокруг общественных или творческих проектов. Однако, находясь в жестких рамках государственной идеологии, детские периодические издания не смогли избежать наличия в текстах определенных стилистических приемов и языковых клише, присущих дискурсу советской власти. Исследователи анализируют различные аспекты функционирования детских СМИ в советский период: отражение повседневной жизни советских детей [Нуркина 2015], репрезентация образа врага и героя [Кравченко 2010], вопросы воспитания [Мушинова 2016; Наумова 2017] и другое.

Интерпретация дискурса власти, предпринятая Е.А. Кожемякиным [Кожемякин 2015: 32–38], позволяет выделить несколько характерных черт. Нас интересует, как в дискурсе советской власти, в том числе в дискурсе СМИ, происходит разделение семантического поля на «своих» и «чужих».

Для исследования мы выбрали журнал «Пионер» – ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина. Общий объем исследуемого материала – 12 номеров за период с 1979 по 1983 гг. Объем каждого номера – 60 страниц, не считая обложки. Хронологические рамки исследования связаны, прежде всего, с наличием достаточного количества номеров журнала за данный период. Кроме того, сам период конца 1970-х – начала 1980-х гг. – это время, предшествовавшее перестройке, распаду СССР и началу коренных преобразований советского общества. На этот период приходится детские и юношеские годы определенной части современ-

ного российского общества, в том числе людей, принимающих важные политические и экономические решения. И многие ментальные структуры и образы, присущие этому поколению, сформировались в изучаемый период, что не может не влиять на восприятие современного мира, анализ и интерпретацию событий.

Цель данного исследования – определить ключевые стратегии репрезентации семантической оппозиции «свой» – «чужой» в материалах журнала «Пионер» за указанный период. Данный журнал можно отнести к метатекстам, или прецедентным текстам эпохи. Напомним, что так называют тексты, значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношениях и имеющие сверхличностный характер.

Теоретической основой исследования послужили работы Т. В. Дубровской, Н. С. Данковой, посвященные репрезентации событий или явлений в различных жанрах СМИ, например, репрезентации судебной власти в СМИ [Данкова 2017].

Исследователи выделяют следующие стратегии:

- 1) диктумная стратегия (репрезентация фактов с целью информирования адресата) [Данкова 2017: 51–53];
- 2) оценка (приписывание отрицательных или положительных характеристик объекту репрезентации) [Данкова 2017: 57–65];
- 3) эмоционализация (прямое указание на эмоции) [Данкова 2017: 67–68];
- 4) прогнозирование (для опережающей репрезентации действительности) [Данкова 2017: 77–80];
- 5) активация (семантика активных действий) [Данкова 2017: 88];
- 6) пассивация (актант как объект целенаправленных внешних действий) [Данкова 2017: 95];
- 7) генерализация (обобщение) [Данкова 2017: 101–102].

Посредством методики качественного анализа дискурса в текстах статей журнала были выделены следующие оппозиционные группы «СССР – лидер в борьбе за мир vs агрессивная политика определенных мировых держав, прежде всего США», «СССР – страна всеобщей грамотности vs неграмотность в мире капитала» и «Противостояние СССР и США в экономике и спорте». Кроме того, были систематизированы основные дискурсивные стратегии, примененные авторами публикаций «Пионера». Проведенный анализ обнаружил следующие стратегии, используемые в текстах журнала для обозначения оппозиционных групп:

1. СССР – лидер в борьбе за мир vs агрессивная политика определенных мировых держав, прежде всего США:

Вместе со всеми детьми планеты они выражают гневный протест против агрессии Пекина во Вьетнаме [Пионер 1979, № 4: 9] (активация).

...Мы возмущены агрессией, развязанной правящими кругами Китая против народа Вьетнама. Мы заявляем о своей солидарности с народом Вьетнама. Вместе со всеми честными людьми Земли, полностью поддерживая заявление Советского правительства, требуем: «Руки прочь от Вьетнама!» Мы уверены, что правое дело вьетнамского народа победит!» [Пионер 1979, № 4: 53] (эмоционализация, оценка, активация).

Но исландцы не хотят мириться с присутствием американских военных в своей стране, не хотят участвовать в агрессивных авантюрах США. Мирный народ выходит на улицы городов и поселков с плакатами: «Янки, прочь из Кефлавика!» [Пионер 1981, № 3 : 23] (активация).

Военный блок НАТО намерен разместить в Западной Европе 464 крылатые ракеты. Ядерный заряд каждой ракеты в 15 раз мощнее атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму [Пионер 1983, №1:28] (диктумная стратегия).

На чужих территориях США имеют 2500 военных баз, на которых проходят службу 502600 американцев [Пионер 1983. № 1: 28] (диктумная стратегия).

Половина населения земли сейчас голодает...Вместе с тем на средства для постройки только одного атомного авианосца можно было бы закупить 2 миллиона 800 тысяч тонн пшеницы [Пионер 1983, № 1: 29] (прогнозирование).

Миллионы советских пионеров шагают сегодня Пионерским Маршем мира [Пионер 1983, № 1: 29] (активация).

... территория, занятая марионетками Израиля – правохристианскими отрядами, ...здесь сражаются палестинские патриоты [Пионер 1981, № 11: 38] (оценка).

2. СССР – страна всеобщей грамотности vs Неграмотность в мире капитала:

Всякий пионер понимает, что одно из самых важных его дел – учеба [Пионер 1983, № 9: 36] (оценка).

Ученье – это работа мысли, в которой радость захватывающая дух сила... Кроме того, ученье – это наш долг. Долг перед страной, которая нас учит, дает нам образование. Без ученья мы не сможем стать передовыми людьми своего века... [Пионер 1983, №9:36] (оценка, эмоционализация, прогнозирование).

Как образец того, что усердие в учении приводит не только к прекрасным академическим результатам, но и к становлению выдающихся личностей, в журнале неоднократно приводится история семьи Ульяновых, например, в очерке «Медали семьи Ульяновых» [Пионер 1979, №9:3-7].

В СССР неграмотными можно было оставаться только людям старших поколений, родившимся до революции. Вот отрывок из очерка о старой женщине, потерявшей всю семью в годы войны:

...живет совсем одна в стареньком доме...Силы с годами уходят. Писать и читать не умеет. «При царе нас не учили грамоте», - тихо говорит она [Пионер 1980, №7:21] (пассивация).

В журнале регулярно появлялся материал о том, как СССР оказывал помощь странам Африки, борющимся за свое освобождение от колонизации. И преодоление неграмотности, и получение качественного образования, в том числе с помощью советских специалистов или в СССР, определялось как один из главных приоритетов будущего развития таких стран. Вот отрывок из очерка «Про Анголу и мальчика Нголу»:

Сейчас он в восьмом классе...вожатый пионеров.

– А какие у тебя планы, Нгола? По-прежнему хочешь стать команданте?

– Нет...это, конечно, очень почетно. Но я буду учиться. Если отлично окончу школу, меня пошлют в вашу страну, в университет имени Патриса Лумумбы...[Пионер 1979. № 9: 52] (прогнозирование, активация).

Совсем иначе обстоят дела в западных странах:

...в США почти два с половиной миллиона ребят не ходят в школу, каждый пятый взрослый – неграмотный [Пионер 1980, №1:41] (диктумная стратегия).

...во всем мире сегодня 800 миллионов людей не умеют читать, писать. И все они живут в «свободном мире» капитализма [Пионер 1980, № 1: 41] (диктумная стратегия).

3. Противостояние СССР и США в экономике и спорте.

Знаковыми событиями исследуемого периода стали начало строительства газопровода Сибирь – Западная Европа и Олимпиада-80 в Москве. Вот что рассказывает «Пионер» о перспективах газопровода:

Уренгойское газовое месторождение – одно из самых больших в мире. Отсюда начал путь гигантский газопровод Сибирь – Западная Европа. «Газопроводом века» назвали специалисты эту магистраль [Пионер 1983, № 1: 1] (диктумная стратегия, оценка).

4451 километр – такова протяженность нового газопровода.

959 километров газопровода придется проложить по болотистой местности.

32 миллиарда кубометров – столько газа будут перекачивать за год по трубопроводу Уренгой – Ужгород [Пионер 1983, № 1: 1] (диктумная стратегия).

Для Западной Европы сибирский газ – это дешевый источник энергии, сырье для химических предприятий. А будет сырье – будет и работа для тысяч людей, вынужденных сегодня обивать пороги бирж труда [Пионер 1983, № 1: 1] (оценка, прогнозирование).

И конечно, газопровод поможет еще больше сдружиться нашим государствам и народам [Пионер 1983, №1:1](прогнозирование).

Далее описывается реакция на это событие со стороны правительства США:

С самого начала за ходом строительства нового газопровода пристально следила администрация американского президента Рейгана. США давно продают Западной Европе различное топливо и теперь могут лишиться части своих огромных прибылей. Да и влияние Соединенных Штатов в Европе пошатнется [Пионер 1983, № 1: 1] (оценка, прогнозирование).

...правительство Рейгана стремится подорвать экономические отношения Западной Европы с Советским Союзом [Пионер 1983, № 1: 1](оценка).

...правительство США отказалось поставлять установки для перекачки газа и другое оборудование [Пионер 1983, № 1: 1] (диктумная стратегия).

США однако, не находят поддержки от стран Западной Европы:

Западноевропейские фирмы не подчинились требованиям президента Рейгана [Пионер 1983, № 1: 2] (активация).

В результате, СССР выходит из ситуации победителем:

Попытки американской администрации помешать строительству газопровода Сибирь – Западная Европа возмутили советских рабочих. Они решили сами сделать недостающее оборудование [Пионер 1983, № 1: 2] (эмоционализация, активация).

Один из очерков посвящен 30-летию Совета Экономической Взаимопомощи: *...экономическая мощь СЭВ росла год от года. И скоро даже заклятые враги братского союза убедились в бесполезности «экономической блокады», поняли, что с социалистическими странами можно выгодно сотрудничать* [Пионер 1979, № 6: 8] (оценка, активация).

Статья «Спорт против политиканов» рассказывает о ситуации с бойкотом Олимпийских игр в Москве со стороны правительства США:

И все же Национальный олимпийский комитет США не посмел ослушаться своего правительства: американские спортсмены не смогут участвовать в Олимпийских играх...(пассивация). *Дж.Картер с помощью бесчестной игры выкрутил руки спортсменам США...*[Пионер 1980, № 7: 4] (оценка).

Как видно из примеров, для противопоставления двух систем – социалистической и капиталистической (западной) использовались эпитеты и клише, несущие ярко выраженные оценочные значения. Для описания социалистических и дружественных СССР стран: *честные, передовые* (люди); *мирный* (народ); *гигантский* (газопровод). Для описания оппонентов: *бесчестная* (игра); *огромные* (прибыли); *чужие* (территории); *агрессивные* (авантюры); клише «свободный мир».

Что касается стиля передовых статей и очерков, можно отчасти согласиться с К.К. Нуркиной [Нуркина 2015:44], которая пишет о преобладании агитационного типа дискурса. Он, несомненно, присутствует

в статьях и рубриках, посвященных участию пионеров в ключевых событиях: слетах, фестивалях, трудовых десантах и операциях: «Включайтесь в операцию «Уренгой!» [Пионер 1983, № 1: 2], «Спорт – твой добрый и надежный друг!» [Пионер 1980, № 7: 1], «Помни, ровесник: ты и я, мои и твои друзья тоже в ответе за мир на Земле. Собирайте подписи под обращениями в защиту мира» [Пионер 1983, № 3: 36]. Мы считаем, что при репрезентации оппозиции «свой» – «чужой» дискурс становится описательно-морализаторским, привлекает элементы народного фольклора и былин для организации последовательности событий и фокусировании на деталях: *будет...– будет и ...; да и...; да еще...; вот и ...; то самое, которое...; да и самому...; трудно..., но еще тяжелее...* Например, описание трассы похоже на описание далеких и опасных мест, куда отправляются герои сказок: «Трасса газовой магистрали идет через хляби тюменских болот, уральские горные кручи, реки, леса...» [Пионер 1983, № 1: 2]. А ударная работа комсомольцев напоминает подвиг богатырей: «Недельное задание выполняют в пять дней!» [Пионер 1983, № 1: 2]. Несомненно, такое описание не может не вызывать уважения к героям и их нелегкому труду.

В целом, анализ дискурсивной модели материалов журнала «Пионер» позволяет сделать выводы о том, что

1) оппозиция «свой» – «чужой» в количественном выражении не является преобладающей (по нашей оценке, не более 10 % от общего объема текстов). Она направлена на внешнего оппонента – это западные страны, прежде всего, США или страны, ведущие захватническую политику (в исследуемый период это Израиль и Китай);

2) используются разнообразные стратегии репрезентации событий и явлений, а также лексические приемы, позволяющие выделить три оппозиционные группы, согласно которым происходит маркирование «своих» и «чужих». Однако общий тон и стиль противопоставления не является агрессивным (как можно наблюдать в материалах 1920–1930 гг.), а скорее обличительным;

3) применение описанных выше стратегий и приемов способствует созданию в целом положительного образа СССР, как на международной арене, так и внутри страны и одновременно негативного образа оппонентов, прежде всего США. Частично такое восприятие страны сохраняется и до сих пор по ряду причин;

4) в перспективе исследование может быть продолжено с целью изучения реакции адресата, то есть бывших читателей журнала «Пионер».

Библиографический список

1. Данкова, Н. С. Дискурсивные стратегии репрезентации судебной власти в жанрах печатных СМИ : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Данкова Н. С. – Саратов, 2017. – 209 с.
2. Кожемякин, Е. А. Дискурс власти: философско-культурологическая интерпретация конструктов и эпистемических операций / Е. А. Кожемякин // Дискурсы власти : коллективная монография. – Орел : Изд-во Орлов. гос. ин-та искусств и культуры, 2015. – С. 20–41.
3. Кравченко, А. В. Репрезентация «врага» в советских детских журналах 1924–1932 годов (на основе материалов журналов «Пионер» и «Мурзилка» / А. В. Кравченко // Литература, язык, периодическая печать в жизни российского общества и государства (XVIII–XX вв.) : сб. ст. / под общ. ред. В. Ф. Блохина. – Брянск : Курсив, 2010. – С. 331–356.
4. Мухинова, Н. А. Военно-патриотическое воспитание школьников накануне и в начальный период Великой Отечественной войны (по материалам журнала «Пионер») / Н. А. Мухинова // Детское и молодежное движение: история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Кострома : Изд-во Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова, 2016. – С. 41–43.
5. Наумова, М. «Если завтра война...» Подготовка к войне как часть воспитания советских школьников 1930-х годов (по материалам журнала «Пионер») / М. Наумова // Логос. – Москва : Фонд «Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара», 2017. – С. 163–186.
6. Нуркина, К. К. Повседневная жизнь омского ребенка в отражении периодической печати (1960–1970 гг.) / К. К. Нуркина // Омский научный вестник. – 2015. – № 2 (136). – С. 44–47.
7. Пионер. – 1979. – № 4, 6, 7, 9. – URL: <https://www.sites.google.com/site/zurnalysssr/home/pioner/-pioner-za-1979-god> (дата обращения: 04.06.2020).
8. Пионер. – 1980. – № 1, 7. – URL <https://www.sites.google.com/site/zurnalysssr/home/pioner/-pioner-za-1980-god> (дата обращения: 07.06.2020)..
9. Пионер. – 1981. – № 3, 9. – URL <https://www.sites.google.com/site/zurnalysssr/home/pioner/-pioner-za-1981-god> (дата обращения: 20.06.2020).
10. Пионер. – 1982. – № 2, 11. – URL <https://www.sites.google.com/site/zurnalysssr/home/pioner/-pioner-za-1982-god> (дата обращения: 18.06.2020).
11. Пионер. – 1983. – № 1, 3, 9. – URL <https://www.sites.google.com/site/zurnalysssr/home/pioner/-pioner-za-1983-god> (дата обращения: 19.06.2020).

Б. В. Николаев

Пенза, Россия

ЯЗЫК ПРАВА И ПРОБЛЕМЫ РАСОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В США¹

B. V. Nikolaev

Penza, Russia

THE LANGUAGE OF LAW AND ISSUES OF RACIAL AND NATIONAL DISCRIMINATION IN THE UNITED STATES

Аннотация. Рассматриваются основные тенденции развития межрасовых отношений в современных США, состояние общественного мнения в отношении взаимодействия черного и белого населения США, изменение соответствующей юридической терминологии в материалах официальной статистики, законодательстве, судебных решениях

Ключевые слова: расовая дискриминация, равноправие, юридическая терминология, конституционный принцип равноправия.

Abstract. The article examines the main trends in the development of interracial relations in the modern United States, public opinion regarding the interaction of blacks and whites, changes in legal terminology in the materials of official statistics, legislation, and court decisions.

Keywords: racial discrimination, equality, legal terminology, constitutional principle of equality.

Расовая дискриминация с первых шагов американской государственности стала отличительной чертой американского образа жизни. Знаменитый французский мыслитель А. де Токвиль, которого трудно заподозрить в отрицательном, обвинительном отношении к американской цивилизации и государственности, отмечал: «Порабощение негров доходит до крайних пределов, свобода индейцев не имеет границ, но и то и другое приводит к одинаково трагическим результатам» [Токвиль 2000: 239]. Проблема межрасовых и межэтнических отношений на протяжении всего развития американского общества и государства продолжает сохранять свою актуальность и важнейшее значение в развитии политических, социально-экономических и культурных процессов в Соединенных Штатах. Несмотря на попытки демократической администрации Б. Обамы сконцентрировать основное внимание в рамках антидискриминационной политики на проблеме защиты прав сексуальных меньшинств, последние события, связанные с эскалацией насилия в различных городах США на расовой почве и нарастанием движения «Black Lives Matter», продемонстрировали краеугольный характер расовых отношений для современной политической, правовой и социальной системы США. Особое значение в этой связи приобретает юридическая терминология, используемая в материалах официальной статистики, законодательстве о расовых и национальных отношениях, исполнительных приказах и посланиях Президентов, судебных решениях.

Опросы общественного мнения демонстрируют нарастающую напряженность межрасовых отношений: лишь 51 процент всех американцев (по сравнению с 72 процентами в 2004 г.) оценивают отношения между черными и белыми как «хорошие», при этом, такой оценки придерживается 54 процента белых американцев и лишь 40 процентов черных (при 52 процентах испаноязычных). Следует отметить, что это – худшая оценка по сравнению с другими видами межрасовых отношений в США. Так, отношения между белыми и американцами азиатского происхождения оцениваются как «хорошие» 82 процентами американцев (85 процентов белых, 79 процентов испаноязычных, 74 процента черных американцев); отношения между белыми и американцами испанского происхождения позитивно оцениваются 62 процентами жителей США (65 процентов белых, 64 процента испаноязычных, 43 процента черных американцев); отношения между черными и американцами испанского происхождения положительно характеризуются 64 процентами опрошенных граждан (60 процентов белых, 72 процента испанского происхождения, 73 процента черных американцев). Сходные оценки характерны и для отношений черных американцев и граждан азиатского происхождения. [Younis 2019] Следует отметить, что именно черные американцы наиболее негативно оценивают отношения между белыми, с одной стороны, и черными и американцами испанского происхождения, с другой, причем до 2016 г. среди них преобладали в основном положительные оценки. В целом большинство опрошенных черных жителей США (53 процента) считают, что отношения с белыми всегда будут оставаться проблемными в отличие от всего лишь 38 процентов белого населения.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31773.

Еще большие различия проявляются в оценке ограничения равных прав для расовых групп: 78 процентов черных против 48 испаноязычных и 37 процентов белых жителей страны. Следует отметить крайнюю партийную поляризацию оценок белых респондентов: 15 процентов республиканцев против 64 демократов. Большинство респондентов (56 процентов) считают, что политика Д. Трампа ухудшила расовые отношения по сравнению с 15 процентами, отметившими прогресс в этой сфере. На вопрос о том, имеет ли рабство большое влияние на статус черных в настоящее время, утвердительно ответили 59 процентов черных американцев, 33 процента американцев азиатского происхождения, 29 процентов испаноязычных и лишь 26 процентов белых американцев. Следует отметить почти идентичную реакцию белых и черных американцев на возможность использования, так называемого N-word (которым обозначается слово «ниггер») – 72 процента белых и 71 процент черных респондентов (тогда как использование черными такого слова оценивается в качестве неприемлемого во всех случаях 40 процентами белых и 38 процентами черных). Наконец, существенно различаются оценки черных и белых респондентов в отношении менее справедливого отношения к черным по сравнению с белыми. Так, черные поддержали такое высказывание в отношении деятельности полиции (84 процента), деятельности судебной и пенитенциарной системы (87 процентов), в сфере трудовых отношений (82 процента), кредитования (74 процента), обслуживания в магазинах и ресторанах (70 процентов), в сфере избирательных отношений (58 процентов), и медицинском обслуживании (59 процентов). Лишь первые две позиции получили большинство белых респондентов (63 и 61 процент, соответственно), тогда как остальные лишь меньшинство (44, 38, 37, 30, 26 процентов) [Brown 2019].

Следует отметить высокую оценку понятия расовой идентичности для представителей расовых меньшинств («крайне» и «особо важно» оценивается 74 процентами черных, 59 процентами испаноязычных и 56 процентами американцев азиатского происхождения) в сравнении с белыми американцами (15 процентов). При этом более 81 процента черных чувствуют связь с черным сообществом в целом (в сравнении с 18 процентами от всех респондентов) [Bartoso 2020].

На протяжении всего периода развития американского общества и государственности соответствующая официальная правовая терминология претерпела значительные изменения. Так, при проведении официальной переписи вплоть до 1850 г. присутствовали лишь две расовые группы (белые и черные), с 1860 г. учету подлежали американские индейцы и коренные жители Аляски, с 1870 г. – американцы азиатского происхождения (первоначально только китайцы), с 1910 г. появляется категория «иные», с 1930 г. временно (и только мексиканцы), а с 1970 г. на постоянной основе – испаноязычные американцы, наконец, с 2000 г. – жители Гавайских и других Тихоокеанских островов. Лишь в 1960 г. американцам было предоставлено право самостоятельно определять свою расовую принадлежность, поскольку ранее она определялась специальными официальными лицами – счетчиками (enumerators). С 2000 г. предоставляется право выбора более чем одной расовой группы для самоидентификации. С 2020 г. наряду с выбором белой и черной расы гражданам предоставляется право определить дополнительно и свое происхождение (origins) – немецкое, ливанское, сомалийское и т.п.

В рамках переписи 1850 г. были дифференцированы черные, мулаты, черные рабы и рабы-мулаты. В 1890 г. вводились категории «quadroon» (определяемая как четверть «черной крови») and «octoroon» (одна восьмая и менее «черной крови»). В рамках переписи 1930 г. применялось расистское «правило одной капли» («one-drop rule»), которое предписывало относить к категории «негры» всех лиц, имеющих даже самую малую долю процента «негритянской крови».

Выделение в качестве отдельного вопроса при переписи населения о наличии испанского или латинского происхождения было призвано способствовать отражению расового многообразия соответствующей группы, однако на практике это привело к дезориентации американцев испанского происхождения. В результате категория «иная раса» дважды во время переписи 2000 г. и 2010 г. становилась третьей расовой группой. В результате для переписи 2020 г. рекомендуется включить испаноязычных в перечень других расовых групп. Вплоть до переписи 2020 г. термин негр («negro») мог быть использован наряду с понятиями «черный» или «афроамериканец» [Brown 2020].

Начиная с середины XIX в. до начала XX в. наиболее распространенным термином для обозначения данной расовой группы является «цветные» («colored people»), однако с конца XIX в. этот термин вытесняется термином «негры» («Negro»). В то же время в связи с негативными коннотациями данных языковых единиц представители афроамериканского движения в эпоху борьбы за гражданские права 1960-х гг. стали активно применять термин «черные» («Black»), (который являлся предпочитаемым, в частности, в таких радикальных группах как «Черные мусульмане» и «Черные пантеры»), и «афроамериканцы» («Afro-American»), который, как утверждается, был введен известным представителем движения за расовое равенство Малкольмом Х. при создании в 1964 г. «Организации афроамериканского единства». По данным опроса 1969 г., черные американцы назвали в качестве наиболее и наименее приемлемыми терминами негры (38 и 11 процентов), цветные (20 и 32 процентов), черные (19 и 26 процентов), афроамериканцы (10 и 11 процентов), при этом лишь шесть процентов заявили в качестве наиболее приемлемого ответа тот факт, что терминология не имеет значения. На протяжении последних тридцати лет черные американцы отдавали равное предпочтение обоим терминам (в 2019 г., например, 18 процентов – «афроамериканцы» и 17 процентов – «черные»), тогда как явное большинство отказало придавать особое значение терминологическим различиям (64 процента) [Saad 2020].

Статистический анализ (Stateofunion.onetwothree.net¹) посланий последних лет президентской администрации Б. Обамы свидетельствует о снижении внимания к вопросам правозащитной тематики в области положения расовых и национальных меньшинств. Так, в эти годы в президентских посланиях практически отсутствуют термины «афроамериканец», «черный», «индеец», «испаноязычный», «латинос», «сегрегация», «дискриминация». В Послании 2014 г. провозглашается вера американцев в «человеческое достоинство независимо от расы или религии, убеждений или сексуальной ориентации» [Obama 2014]. В Послании 2015 г. есть развернутый пассаж относительно однополых браков, есть абзац, посвященный правам женщин, в том числе, права на аборт. Присутствует упоминание об иммигрантах и даже характеристика США как «нации мигрантов», упоминается отдельно и Закон об избирательных правах, но, по-видимому, только в связи с его 50-летним юбилеем. Отдельный абзац посвящен событиям в г. Фергюсоне и г. Нью-Йорке, но без какого бы то ни было упоминания расовой проблемы, есть только призыв к реформированию уголовно-правовой системы США, но без отнесения к вопросам расовой и национальной дискриминации или даже простого признания данной проблемы. Одним из завершающих пассажей послания 2015 г. становится «мантра» о единстве, равной ценности и достоинстве всех американцев: «мужчин и женщин, молодых и пожилых, черных и белых, латиноамериканцев, азиатов, иммигрантов, коренных американцев, гомосексуалистов и гетеросексуалов, лиц с психическими или физическими недугами» [Obama 2015].

Отчасти парадоксально, но именно в посланиях Д. Трампа, с правлением которого общественное мнение связывает ухудшение межрасовых отношений, происходит возвращение вопросов расового взаимодействия в качестве значимых приоритетов государственной политики.

Так, уже на церемонии своей инаугурации вновь избранный президент напомнил «старую мудрость наших солдат»: «независимо от того, являемся ли мы черными, коричневыми или белыми в наших жилах течет красная кровь патриотов» [Trump 2017]. В своем первом официальном послании Конгрессу «О положении Союза» он заявил о том, что предметом его особой гордости является то, что уровень безработицы афроамериканцев (равно как и американцев испанского происхождения) является минимальным за весь период исследований [Trump 2018], а в послании 2020 г. подчеркнул наряду с минимальным уровнем безработицы, также самые низкие показатели нищеты среди афроамериканцев и рекордно высокий уровень финансирования «Исторически черных колледжей и университетов» [Trump 2020]. В послании 2019 г. Д. Трамп уделяет особое внимание принятию «Закона о первом шаге» (FIRST STEP Act), нацеленного на реформирование системы уголовных наказаний, которая являлась несправедливой и непропорциональной в отношении афроамериканского сообщества, в частности на досрочное освобождение и ресоциализацию осужденных лиц после отбытия уголовного наказания. Относительно новым аспектом в современных президентских посланиях стало провозглашение Д. Трампом борьбы с «мерзким ядом антисемитизма» (как реакция на убийство 11 американских евреев при атаке на синагогу в г. Питтсбург) [Trump 2019].

На протяжении веков изменялась и терминология посланий, исполнительных приказов и других актов Президента. Так, до 1860 г. в них, как правило (в частности еще в обращении Президента Монро [Monroe 1819]), говорилось о «неграх» (термин продолжал эпизодически использоваться вплоть до обращения Президента Кулиджа в 1923 г., содержавшего специальный раздел «Негры» [Coolidge 1923]). Пожалуй, впервые термин «черный» был использован в послании Фр. Пирса в 1856 г., однако окончательно закрепился в актах президентского правотворчества А. Линкольна. Начиная с правления У.Дж. Клинтона активно используется термин «афроамериканцы».

Сходные тенденции в использовании расовой терминологии характерны и для судебной практики. О «неграх» говорится в решении Верховного Суда США 1841 г., признавшего мятежных африканцев с корабля Амистад свободными (United States v. The Amistad, 40 U.S. 518 (1841)). В печально известном деле Дред Скотт против Сандфорда (Dred Scott v. Sandford, 60 US 393 (1857)) признается отсутствие гражданства США у «свободного негра африканской расы».

Одной из наиболее печальных страниц в истории правового регулирования расовых отношений в США является, по общему признанию, утверждение решением Верховного Суда США доктрины «разделенные, но равные» [Николаев, Емелин 2013 : 45-52] по делу *Плесси против Фергюсона* (Plessy v. Ferguson, 163 U.S. 537 (1896)). Целью конституционных поправок о ликвидации рабства и обеспечения расового равноправия, по мнению Суда, являлось, несомненно, «обеспечение абсолютного равенства двух рас перед законом, но в самой природе вещей она не предназначалась для уничтожения различий, основанных на цвете кожи, или обеспечения социального, как отличного от политического, равенства». «Предположение и даже требование законодательного регулирования разделения представителей двух рас в местах, где они способны контактировать, не обязательно предполагает более низкое положение одной расы по отношению к другой». Текст решения изобилует терминами «негр», «цветные», содержит рассуждения об определении доли черной крови, которая делает человека цветным (следует отметить, что Гомер Плесси, подвергшийся аресту за попытку проехать в вагоне для белых, лишь на 1/8 был черным, а на 7/8 – белым). Данное решение получило самую негативную оценку среди представителей как судебной системы (Главный судья Хьюз назвал его «величайшим членовредительством (self-injury) Верховного Суда»), так и исследователей (по словам Дж. П. Родригеса, «единодушно осуждаемое как наихудшее решение Верховного Суда США» [Rodriguez 2007 : 265]), «первое в любом списке худших решений Верховного Суда США», по мнению Б. Шварца [Schwartz 1997 : 70]). В решении 1906 г. по делу *Береа колледж против штата Кентукки* Верховный Суд США применил данную доктрину к высшей школе, подтвердив право штата на запрещение обучения даже

в частном колледже белых и черных студентов в одном и том же учебном пространстве. Береа колледж с момента своего основания в 1859 г. обеспечивал взаимодействие белых и черных в рамках образовательного пространства. Однако штат Кентукки законодательно потребовал от этого частного института обучать белых и черных студентов в различных помещениях в различное время: «если XX в. и будет являть собою процесс прогресса и развития цивилизации, то благодаря неиспорченной (unadulterated) крови англосаксонской белой расы и благодаря выдающимся представителям и гениям этой расы». Верховный Суд США хладнокровно подтвердил такое «расистское» по содержанию и форме законодательное решение [Lewiss 2004 : 24].

Одним из первых появлений термина «расизм» в актах Верховного Суда США стало несогласное с решением большинства мнение судьи Франк Мэрфи по делу *Коремацу против Соединенных Штатов* (Korematsu v. United States, 323 U.S. 214 (1944)), который охарактеризовал дискриминационные действия против американцев японского происхождения «падением в уродливую пропасть расизма». Следует отметить, что лишь судебное решение 10 ноября 1983 г. поддержало требование Коремацу снять с него обвинение ввиду заведомо ложных представленных доказательств его вины, и только в 2011 г. Департамент юстиции США официально признал ошибочность позиции государственного обвинения в данном деле.

Судебные решения по делу *Браун против Совета по образованию* (Brown v. Board of Education 347 U.S. 483 (1954); Brown v. Board of Education 349 U.S. 294 (1955)) используют старую терминологию («негры»), однако содержат революционное изменение судебной доктрины, отклоняя «сегрегацию» в сфере публичного образования и признавая, что «разделенные образовательные возможности являются по существу неравными».

Еще одним юридическим термином, непосредственно связанным с обеспечением расового равенства, является «аффирмативное действие». Согласно данной доктрине задачей органов государственной власти являлось не просто недопущение дискриминации в будущем, но и создание условий для преодоления последствий прошлой дискриминации путем предоставления дополнительных преимуществ и более благоприятных условий дискриминированным расовым, национальным меньшинствам, а также женщинам и инвалидам (в частности, данная политика предусматривается исполнительным приказом Л. Джонсона [Executive Order 1965]). Такой правительственный и судебный активизм привел к искам уже в отношении так называемой «обратной дискриминации».

Одним из наиболее значимых последних решений Верховного Суда США по проблеме аффирмативного действия стало дело *Фишер против Университета штата Техас* [Николаев, Емелин 2014 : 61-65], рассмотренное Судом дважды в 2013 г. (Fisher v. University of Texas, 570 U.S. 297 (2013)) и в 2016 г. (Fisher v. University of Texas, 579 U.S. ____ (2016)). Истом по поводу «обратной дискриминации» выступила белая американка, Абигейл Ноел Фишер, которой было отказано в поступлении в Университет штата Техас исключительно, по мнению Фишер, по причине ее расовой принадлежности в связи с поддержкой Университетом расовых меньшинств. Следует отметить существенное изменение применяемой терминологии: «расово нейтральная политика», «расовые меньшинства», «афроамериканцы» и т.д. Суд минимальным большинством поддержал программу «аффирмативного действия», несмотря на противоречивые оценки данной политики, как со стороны специалистов, так и общественности. Новые назначения Президентом Д. Трампом судей Верховного Суда существенно усиливают консервативное крыло суда, что едва ли существенно повлияет на непосредственно «расовый язык» судебных решений, но может оказать существенное влияние на изменение содержания доктрины высшего судебного органа по расовой проблематике.

Библиографический список

1. Николаев, Б. В. Понятие правовой доктрины в правовой системе США / Б. В. Николаев, М. Ю. Емелин // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 28. – С. 143–146.
2. Николаев, Б. В. Доктрина «разделенных, но равных» возможностей в решениях Верховного Суда США по спорам, связанным с высшим образованием / Б. В. Николаев, М. Ю. Емелин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 45–52.
3. Николаев, Б. В. Проблема равноправия и обратной дискриминации в системе высшего образования США: Фишер против Университета штата Техас / Б. В. Николаев, М. Ю. Емелин // Право и образование. – 2014. – № 2. – С. 61–65.
4. Токвиль, А. де Демократия в Америке / А. де Токвиль. – Москва : Весь мир, 2000.
5. Barroso, A. Most black adults say race is central to their identity and feel connected to a broader black community / A. Barroso. – 2020. – February 5. – URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/02/05/most-black-adults-say-race-is-central-to-their-identity-and-feel-connected-to-a-broader-black-community/>
6. Brown, A. Key findings on Americans' views of race in 2019 / A. Brown. – April 9, 2019. – URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/04/09/key-findings-on-americans-views-of-race-in-2019/>
7. Brown, A. The changing categories the U.S. census has used to measure race / A. Brown. – February 25, 2020. – URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/02/25/the-changing-categories-the-u-s-has-used-to-measure-race/>
8. Coolidge, C. First Annual Message / C. Coolidge. December 06, 1923. Online by Gerhard Peters and John T. Woolley, The American Presidency Project. – URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/node/206712>
9. Executive Order 11246 Equal Employment Opportunity, September 24, 1965, 30 FR 12319; September 28, 1965
10. Lewis, E. Why History Remains a Factor in the Search for Racial Equality // P. Gurin, J. S. Lehman, E. Lewis // Defending Diversity: Affirmative action at the University of Michigan. – Ann Arbor : The University of Michigan Press, 2004. – P. 24.
11. Monroe, J. Special Message / J. Monroe. Dec. 17, 1819. Online by Gerhard Peters and John T. Woolley, The American Presidency Project. – URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/node/206673>

12. Obama, B. Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union / B. Obama. – January 28, 2014. Online by Gerhard Peters and John T. Woolley, The American Presidency Project – URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=104596>
13. Obama, B. Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union / B. Obama. – January 20, 2015. The American Presidency Project . – URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=108031>
14. Slavery in the United States: A Social, Political, and Historical Encyclopedia / ed. by J. P. Rodriguez. – Santa Barbara (Cl.) ; Denver ; Oxford : ABC-CLIO, 2007. – Vol. 1. – P. 26.
15. Schwartz, B. A. Book of Legal Lists: The Best and Worst in American Law / B. A. Schwartz. – Oxford : Oxford University Press, 1997. – P. 70
16. Saad, L. Gallup Vault: Black Americans' Preferred Racial Label / L. Saad. – July 13, 2020. – URL: <https://news.gallup.com/vault/315566/gallup-vault-black-americans-preferred-racial-label.aspx>
17. Trump, D. J. Inaugural Address / D. J. Trump. – January 20, 2017. Online by Gerhard Peters and John T. Woolley. The American Presidency Project. – URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/node/320188>
18. Trump, D. J. Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union / D. J. Trump. – January 30, 2018. Online by Gerhard Peters and John T. Woolley, The American Presidency Project / D. J. Trump. – URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/node/331779>
19. Trump, D. J. Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union / D. J. Trump. – February 05, 2019. Online by Gerhard Peters and John T. Woolley, The American Presidency Project. – URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/node/332430>
20. Trump, D. J. Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union / D. J. Trump. – February 04, 2020. Online by Gerhard Peters and John T. Woolley, The American Presidency Project. – URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/node/335440>
21. Younis, M. Most Blacks Rate Race Relations With Whites as Bad / M. Younis. – February 21, 2019 – URL: <https://news.gallup.com/poll/246899/blacks-rate-race-relations-whites-bad.aspx>

Н. А. Павлова

Пенза, Россия

АМЕРИКАНСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ ПРОТИВ РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ¹

N. A. Pavlova

Penza, Russia

AMERICAN UNIVERSITIES MAKE A STAND AGAINST RACIAL DISCRIMINATION

Аннотация. Рассматривается явление расовой дискриминации в сфере высшего образования США. Анализируется состав студенческого контингента США. Исследуются позиции ведущих американских университетов в отношении расовой дискриминации, а также анализируются основные методы и направления в борьбе с расизмом.

Ключевые слова: расовая дискриминация, равноправие, высшее образование США, университеты.

Abstract. The article examines the phenomenon of racial discrimination in US higher education. The composition of the US student body is analyzed. The article examines the positions of leading American universities in relation to racial discrimination, as well as analyzes the main methods and directions in the fight against racism.

Keywords: racial discrimination, equality, US higher education.

В США проблема расовой дискриминации существует на протяжении веков, однако и по сей день остается столь же актуальной и острой, поскольку расизм, проявляясь как явно, так и скрытым образом, носит структурный, системный и устойчивый характер. Указанные условия являются явным препятствием в развитии базовых прав человека во всех сферах жизни общества, таких, как здравоохранение, экономические возможности, правосудие и, конечно же, в системе высшего образования. Высшее образование является одним из важнейших институтов североамериканского общества, в котором проявляется важнейшие противоречия, характерные для соответствующего этапа общественного развития [4; 6]. Именно последнее стало своего рода «полигоном» для апробации различных моделей судебного реагирования на проблемы расовой дискриминации: дела Пlessи [1], Брауна [3], Фишера [2]. Несмотря на «традиционный» характер проблемы расовой дискриминации для США [5], последние события, связанные со смертью Джорджа Флойда и других людей, принадлежащих к расовым и национальным меньшинствам, за последние несколько месяцев, привлекли внимание мировой общественности и, в частности, американских университетов, к проблемам, с которыми цветные сталкиваются ежедневно, и подтолкнули американские университеты к поиску путей решения этих проблем на местном уровне.

Американское общество всегда характеризовалось этническим и расовым многообразием. Так, согласно данным официальной статистики, в 2018–2019 учебном году в высших учебных заведениях США, обучалось более шестнадцати с половиной миллионов студентов и три миллиона аспирантов, при этом, в указанную статистику включены как студенты-резиденты США, так и иностранные студенты-нерезиденты. Распределение студентов-резидентов США (с полным и неполным рабочим днем) по расовым или этническим группам варьировалось между государственными, частными некоммерческими и частными коммерческими учреждениями, а также между учебными заведениями сроком на 2 и 4 года. Шестьдесят четыре процента студентов бакалавриата в частных некоммерческих четырехгодичных учебных заведениях в указанный период были белыми, что было выше, чем процент студентов бакалавриата в государственных (56 процентов) и частных коммерческих (44 процента) учебных заведениях, обучающихся на четырехлетнем курсе.

Процент студентов бакалавриата в частных коммерческих четырехлетних учебных заведениях, которые были чернокожими (29 процентов), более чем вдвое превышал процентные доли в частных некоммерческих (13 процентов) и государственных (12 процентов) четырехгодичных учебных заведениях. Процент латиноамериканских студентов бакалавриата был выше в государственных 4-летних учебных заведениях (20 процентов), чем в частных коммерческих 4-летних учебных заведениях (18 процентов), что, в свою очередь, было выше, чем процент в частных некоммерческих 4-летних учебных заведениях (13 процентов). Доля студентов бакалавриата, проживающих в США в государственных двухгодичных учебных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31773.

заведениях, которые были белыми или азиатскими (49 и 6 процентов, соответственно), была выше, чем соответствующая доля в частных некоммерческих организациях (39 и 3 процента соответственно) и частных учебных заведениях (35 и 4 процента соответственно) 2-летнего учреждения. Напротив, процент студентов бакалавриата в частных некоммерческих двухгодичных учебных заведениях, которые были чернокожими (41 процент), был выше, чем соответствующий процент в частных коммерческих и государственных двухгодичных учебных заведениях (28 и 14 процентов, соответственно). Более высокий процент студентов бакалавриата в государственных и частных коммерческих двухгодичных учебных заведениях (27 и 26 процентов соответственно) был испаноязычным, чем в частных некоммерческих двухгодичных учебных заведениях (11 процентов).

Осенью 2018 года около 49 процентов всех аспирантов посещали государственные учреждения, 43 процента посещали частные некоммерческие учреждения и 8 процентов посещали частные коммерческие учреждения. Примерно две трети постоянно проживающих в США аспирантов в государственных и частных некоммерческих учреждениях были белыми (66 и 63 процента, соответственно) по сравнению с менее чем половиной студентов в частных коммерческих учреждениях (46 процентов). Доля чернокожих аспирантов частных коммерческих организаций (34 процента) была выше, чем процентная доля в частных некоммерческих и государственных учреждениях (13 и 11 процентов соответственно). Латиноамериканские студенты составляли по 11 процентов от общего числа студентов, обучающихся в государственных, частных некоммерческих и частных коммерческих учреждениях [11].

Можно сделать вывод, что представленные данные подтверждают двоякую тенденцию. Число представителей расовых и национальных меньшинств, несомненно, возросло и в государственных, и в частных некоммерческих, и в частных коммерческих учреждениях по сравнению с теми же показателями предыдущих лет, несмотря на это, и по сей день среди студенческого контингента значительно меньшее количество занимают представители меньшинств: афроамериканцев, испаноязычных.

Более того, представители расовых меньшинств, добившись места в той или иной сфере общественной жизни, продолжают сталкиваться с проявлениями устойчивой, системной расовой дискриминации.

Несомненно, огромное воздействие на все американское общество оказала смерть Джорджа Флойда, в связи с чем, руководство многих американских университетов и студенческие сообщества выразили желание в поддержке движения Black Lives Matter и желание в подавлении расовой дискриминации, поиска механизмов искоренения расовой дискриминации.

Так, например, Марк Тессье-Лавин, президент Стэнфордского университета, 10 июня 2020 года опубликовал письмо, в котором отметил, что события, происходящие в последнее время в мире, напомнили обществу о проявлении систематического расизма. Тессье-Лавин от лица университета заявил, что Стэнфорд стремится создать безопасное и инклюзивное сообщество для всех студентов. Профилактическая работа ведется университетом не первый год: так, Тессье-Лавин подчеркнул, что, например, в прошлом году Стэнфорд провел значительное число бесед со студентами-представителями расовых меньшинств о стремлении к инклюзивности образования. В результате работы были сделаны выводы о необходимости внедрения технологий, которые были разработаны в рамках указанных встреч, например, создание Общественного совета по общественной безопасности – органа, призванного обеспечить безопасную и инклюзивную среду в рамках университета [18].

Соответствующее письмо об антидискриминационной политике опубликовал 30 мая 2020 года и президент Гарварда Ларри Бэкоу. В письме, которое было названо «Во что я верю», проводится параллель: смерть Флойда Бэкоу сравнил с убийством Мартина Лютера Кинга-младшего в 1968 году, за которым последовал Роберт Кеннеди. Президент университета отметил, что общество должно исходить из принципов всеобщего равенства и верховенства закона, а также отметил, что показателем развитости и справедливости общества является характер обращения общества со своими «наиболее уязвимыми членами» [31]. В сообщении от 10 июня 2020 года Президент университета дал отчет о деятельности и роли Департамента полиции Гарвардского университета в условиях существующих протестов и обсуждений жестокости полиции по всей стране. Бэкоу отметил, что в начале 2020 года, в связи с решением руководства университета, Департамент был подвергнут тотальной проверке после высказываний о проявлении расовой дискриминации. Университет обратился к отраслевым экспертам Бренду Бонд и Рональду Дэвису для производства анализа практики Департамента университета [13].

Как и многие другие университеты, 19 июня 2020 года был объявлен в Гарварде выходным днем, с целью погружения каждым студентом и работником в тему проблемы расовой дискриминации. Указанная проблема также широко была освещена и в университетской газете (Harvard Gazette) [16].

21 июня 2020 г. Бэкоу вновь выступил с обращением в отношении вирусного электронного письма, содержащего расистские настроения, которое было направлено многим студентам и работникам Гарварда. Президент принес извинения всем, кто получил указанное письмо и добавил, что «расистское нападение на одного из нас – это нападение на всех нас». Расследование инцидента по сей день ведется университетом. [25] 22 июня 2020 года Бэкоу объявил, что Шерри Чарлстон (в прошлом – помощник вице-проректора по вопросам разнообразия, справедливости и инклюзивности и главный сотрудник по аффирмативному действию в Университете Висконсина) была назначена Директором по вопросам разнообразия и интеграции Гарварда [22].

Также и на официальном сайте Плимутского университета Вице-канцлером университета, профессором Джудит Петтс, подчеркнуто, что университет придает большое значение равенству, разнообразию и интеграции. В связи с чем, в ответ на движение Black Lives Matter университет произвел пожертвования на работу, связанную с искоренением расовой дискриминации, а также на работу с ЛГБТ и бездомными в Плимуте. Руководство университета отмечает опасность сложившейся ситуации для расовых и этнических меньшинств. Происходящие события должны побудить все население к борьбе с неравенством, расизмом и насилием, которые существуют на современном этапе развития человечества. Исходя из этого, руководством университета были созданы различные службы, которыми могут воспользоваться жертвы дискриминации и насилия в университете: например, онлайн-сервис для анонимных сообщений, а также блок, где работают специально обученные консультанты, которые могут выслушать и дать рекомендации по следующим шагам в разрешении указанной ситуации, при этом, при желании обратившегося, консультация может быть анонимной [21].

Президент Джорджтаунского университета Джон ДеДжой 31 мая 2020 года опубликовал письмо под названием «Противодействие расизму», призвав противостоять расовой дискриминации и работать над обеспечением реальной реализации принципа равенства [12].

Президент Университета Райса Дэвид Либрон 30 мая 2020 года опубликовал письмо, в котором призывает все университетское сообщество объединиться в создании поистине инклюзивной среды [21]. В последующем письме 16 июня 2020 г. говорится о создании в рамках университета административных должностей, ориентированных на дружелюбность рас, разнообразие и инклюзивность, а также развитии курса по созданию сообществ по вопросам разнообразия и культурного понимания. В настоящее время Университет активно создает студенческий фонд Центра гражданского лидерства и исследовательский фонд, посвященный борьбе с расизмом [21].

Руководство Университета Брауна выразило «печаль и гнев» в связи со смертью Флойда, Арбери и Тейлора, а также поставило вопрос о необходимости выработки комплекса действий по искоренению расизма, отметив «непропорционально убивает чернокожих» в результате пандемии коронавируса. Авторы письма считают, что постоянное обращение к местным властям и информирование национальных лидеров по вопросам расовой ненависти поможет в борьбе с данным разрушительным явлением. [17] Более того, 19 июня 2020 года было объявлено официальным университетским выходным днем, а также была создана рабочая группа по борьбе с расизмом против черных [10].

Калифорнийский технологический институт сформулировал основу политики по искоренению бессознательной расовой предвзятости, отметив усилия данного института в течение последних шести лет по созданию «рекордного расового и этнического разнообразия студентов» [7].

В письме от 29 мая 2020 года президент Мичиганского университета Марк Шлиссель выразил сочувствие в связи со смертью Флойда, Тейлора и Арбери, подчеркнув значение многочисленных консультационных ресурсов, университета [30], а впоследствии представил отчет о многочисленных жалобах на примеры системного расизма [29].

Президент Университета Южной Калифорнии Кэрл Фолт, наряду с общим призывом искоренять расистские [23], излагает поэтапный план (из шести шагов) по противодействию расизму. Одним из этапов является, в том числе, и переименование здания, которое было названо в честь бывшего президента университета Руфуса фон Кляйн-Смида, поддерживавшего евгенику. Кроме того, руководство университета подчеркнуло необходимость развития Общественного консультативного совета Департамента общественной безопасности, а также целевой группы президента и проректора университета по равенству и интеграции. Данные проекты были созданы на базе университета в 2015 году, но свое реальное развитие начали получать лишь после летних событий 2020 года. Руководством университета была создана административная должность – Директор по разнообразию, справедливости и вовлеченности, а также программа поддержки для чернокожих студентов, азиатско-тихоокеанских американцев, латиноамериканцев, коренных американцев и студентов с Ближнего Востока [8].

Президент Университета Джона Хопкинса Рональд Дэниелс ссылается на многочисленные ресурсы, созданные на базе университета для возможности создания и поддержания подлинного разнообразия, инклюзивности и благополучия студентов, выражает готовность к созданию виртуального совета по искоренению расовой несправедливости [14], а также приостанавливает на два года создание полицейского департамента в университете [15].

Президент Университета Дьюка, Винсент Прайс, заявил об обязанности продолжать борьбу с расизмом, насилием, а также выработку путей уважительного отношения друг к другу представителей различных расовых и национальных меньшинств, объявил 19 июня 2020 г. выходным днем, представил отчет об антирасистских инициативах университета, в частности, о диверсификации персонала и студентов с акцентом на большее включение чернокожих в состав студенческого и преподавательского состава [28].

31 мая 2020 года проректор Чикагского университета Ка Йи Ли опубликовал заявление о смерти Флойда, в котором также подчеркнул, что происходящие сегодня события являются результатами сложившейся «расистской системы». Ли выступил с призывом уважать каждого члена общества, а людям, столкнувшимся с проблемой расизма и насилием, обратиться к работникам университета и специальные органы: Центр по правам человека, Центр инклюзивности и идентичности и др. [24]. Чикагский университет также

признал 19 июня 2020 г. выходным днем, предложив использовать его для размышлений о пагубности и опасности явления расизма.

29 мая 2020 г. на сайте Нью-Йоркского университета было подчеркнуто, что университет выступает в поддержку всех людей, выступающих «против ненависти, невежества и раскола», и указывается, наряду с другими ресурсами, горячая линия реагирования на проявление предвзятости, созданная как превентивная мера для недопущения дискриминационного поведения в университете [26]. Нью-Йоркским университетом также была разработана веб-страница образовательных ресурсов по борьбе с расизмом: научные исследования, специальная литература и конференции, доклады и презентации, а также ссылки на возможность личного участия в борьбе с расизмом [9].

Активные действия по внутренней (в рамках университета) борьбе с проявлениями расизма поддержал и президент Принстонского университета Кристофер Эйсгрубер [27]. Он объявил о создании новой летней программы грантов для борьбы с расовым неравенством и несправедливостью, а также создание новых антирасистских научных направлений, подчеркнув возможность любого члена университетского сообщества стать активным субъектом в борьбе с расизмом [19].

Таким образом, несмотря на то, что проблема расовой дискриминации и по сей день остается острой и неразрешимой, большинство ведущих американских высших учебных заведений разработали, в той или иной степени, направление деятельности, механизмы и модели по борьбе с проявлением расовой дискриминации, насилия в рамках университетов.

Библиографический список

1. Николаев, Б. В. Доктрина «разделенных, но равных» возможностей в решениях Верховного Суда США, по спорам, связанным с высшим образованием / Б. В. Николаев, М. Ю. Емелин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 45–52.
2. Николаев, Б. В. Проблема равноправия и обратной дискриминации в системе высшего образования: Фишер против Университета штата Техас / Б. В. Николаев, М. Ю. Емелин // Право и образование. – 2014. – № 2. – С. 61–65.
3. Николаев, Б. В. Конституционно-правовое обеспечение расового равноправия в системе высшего образования в США: доктрина Брауна / Б. В. Николаев // Право и образование. – 2010. – № 10. – С. 93–101.
4. Николаев, Б. В. Современные тенденции развития системы высшего образования Великобритании и США / Б. В. Николаев, Н. А. Павлова. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2017. – 182 с.
5. Николаев, Б. В. Правовое противодействие расовой дискриминации в системе высшего образования в США / Б. В. Николаев // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 28. – С. 138–142.
6. Павлова, Н. А. Современные тенденции развития системы высшего образования Великобритании и США / Н. А. Павлова, Б. В. Николаев // Современные проблемы науки и образования. – 2018. – № 6. – С. 208.
7. Academic Year-End Letter. – URL: <https://www.caltech.edu/campus-life-events/campus-announcements/2019-20-academic-year-end-letter> (дата обращения: 05.10.2020).
8. A Message to the USC Community from President Folt. – URL: <https://www.president.usc.edu/a-message-to-the-usc-community-from-president-folt/> (дата обращения: 07.10.2020).
9. Anti-Racism Education, Programs, and Resources. – URL: <https://www.nyu.edu/life/global-inclusion-and-diversity/anti-racism.html> (дата обращения: 10.10.2020).
10. Brown's actions to address racial injustice. – URL: <https://www.brown.edu/about/administration/president/statements/browns-actions-address-racial-injustice> (дата обращения: 02.10.2020).
11. Characteristics of Postsecondary Students. – URL: https://nces.ed.gov/programs/coe/indicator_csb.asp (дата обращения: 25.09.2020).
12. Confronting Racism. – URL: <https://president.georgetown.edu/confronting-racism-may-2020/> (дата обращения: 01.10.2020).
13. HUPD Statement from President Bacow. – URL: <https://www.harvard.edu/president/news/2020/hupd-statement-from-president-bacow> (дата обращения: 30.09.2020).
14. Johns Hopkins shares message of solidarity against racism. – URL: <https://hub.jhu.edu/2020/05/31/johns-hopkins-statement-in-solidarity-against-racism/> (дата обращения: 08.10.2020).
15. Johns Hopkins will pause development of a police department for at least two years. – URL: <https://hub.jhu.edu/2020/06/12/hopkins-pauses-jhpd-for-at-least-two-years/> (дата обращения: 08.10.2020).
16. Juneteenth. – URL: <https://www.harvard.edu/president/news/2020/juneteenth> (дата обращения: 30.09.2020).
17. Letter from Brown's senior leaders: Confronting racial injustice. – URL: <https://www.brown.edu/news/2020-06-01/injustice> (дата обращения: 02.10.2020).
18. Letter to the community regarding the Community Board on Public Safety. – URL: <https://president.stanford.edu/2020/06/10/letter-to-the-community-regarding-the-community-board-on-public-safety/> (дата обращения: 30.09.2020).
19. Message to the Princeton Community Regarding Anti-Racism Initiatives. – URL: <https://president.princeton.edu/blogs/message-princeton-community-regarding-anti-racism-initiatives> (дата обращения: 10.10.2020).
20. Message to the Rice Community. – URL: <https://president.rice.edu/message-rice-community-may-30-2020> (дата обращения: 01.10.2020).
21. Message to the Rice Community from President Leebron and Provost DesRoches. – URL: <https://president.rice.edu/message-rice-community-president-leebron-and-provost-desroches> (дата обращения: 01.10.2020).
22. New Chief Diversity and Inclusion Officer. – URL: <https://www.harvard.edu/president/news/2020/new-chief-diversity-and-inclusion-officer> (дата обращения: 30.09.2020).
23. Note to Community from President Folt. – URL: <https://www.president.usc.edu/note-to-community-from-president-folt/> (дата обращения: 07.10.2020).

24. Our community and events in Minneapolis and Chicago. – URL: <https://provost.uchicago.edu/announcements/our-community-and-events-minneapolis-and-chicago> (дата обращения: 10.10.2020).
25. Racist Email Attack. – URL: <https://www.harvard.edu/president/news/2020/racist-email-attack> (дата обращения: 30.09.2020).
26. Statement from NYU President Andrew Hamilton and NYU Senior Vice President for Global Inclusion and Strategic Innovation Lisa Coleman. – URL: <https://www.nyu.edu/about/news-publications/news/2020/may/statement-from-nyu-president-andrew-hamilton-and-nyu-senior-vice.html> (дата обращения: 10.10.2020).
27. Statement from President Eisgruber on the Killing of George Floyd and the Importance of Confronting Racism. – URL: <https://president.princeton.edu/blogs/president-eisgruber-statement-george-floyd> (дата обращения: 10.10.2020).
28. Statement to the Community Regarding Anti-Racism // <https://president.duke.edu/2020/06/17/statement-to-the-community-regarding-anti-racism/> (дата обращения: 10.10.2020).
29. The appalling pestilence of racism. – URL: <https://president.umich.edu/news-communications/letters-to-the-community/the-appalling-pestilence-of-racism/> (дата обращения: 05.10.2020).
30. We need to bring about change. – URL: <https://president.umich.edu/news-communications/on-the-agenda/we-need-to-bring-about-change/> (дата обращения: 05.10.2020).
31. What I believe. – URL: <https://www.harvard.edu/president/news/2020/what-i-believe> (дата обращения: 30.09.2020).

Р. Т. Садуов

Уфа, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОГО ЛАНДШАФТА КАК ИНДИКАТОР РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГИОНА¹

R. T. Saduov

Ufa, Russia

LINGUISTIC AND CULTURAL LANDSCAPE ANALYSIS AS AN INDICATOR OF LANGUAGE POLICY IN A MULTIETHNIC REGION

Аннотация. Рассматривается языковой ландшафт как инструмент исследования результативности языковой политики определенного региона, где проживают представители различных этнических групп. Демонстрируется, каким образом лингволандшафт может быть полезен для исследований подобного рода.

Ключевые слова: языковой ландшафт, языковая политика, межкультурная коммуникация, социологические методы.

Abstract. The article examines the linguistic landscape as a tool for researching the effectiveness of the language policy of a certain region, which houses various ethnic groups. The author demonstrates how the linguistic landscape can be useful for research of that kind.

Keywords: linguistic landscape, language policy, intercultural communication, sociological methods.

Введение

Языковая политика – это важный инструмент налаживания функционирования социума, поскольку почти в любом современном сообществе присутствуют носители разных культур. Без грамотно продуманной языковой политики невозможно учесть предпочтения и ожидания различных этнических групп, которые являются носителями разных языков, и, следовательно, снизить потенциально возможную социальную напряженность.

Как указывает В. М. Алпатов, в современной России отсутствует единая продуманная языковая политика: «Сколько-нибудь ясные цели не ставятся, а выработка политики целиком передана от центра к регионам, где ведется по-разному: где-то проявляется местный национализм, где-то излишняя русификация» [Алпатов 2014 : 20]. В этой связи вопрос языковой политики приобретает особую остроту и важность – в первую очередь, в полиэтнических многоконфессиональных регионах, где сложно выделить одну доминирующую национальную группу. Очевидно, что языковая политика – это важнейший фактор регулирования социальной напряженностью в регионе.

Выстраивание языковой политики в регионе – это самый сложный процесс, который находится под влиянием множества факторов. Одна из ключевых сложностей состоит в том, что законодательно сложно отследить результативность языковой политики, за исключением тех случаев, когда политика провалилась и произошел социальный взрыв. В этой связи, крайне важной представляется роль обратной связи языковой политики региона.

Представляется, что языковой ландшафт является собой объективный критерий эффективности языковой политики, поскольку, с одной стороны, ландшафт является результатом коллективных усилий. С другой стороны, он беспристрастен в виду того, что представляет собой лишь отражение языковой ситуации.

Языковой ландшафт определяется как «визуально доминирующие в общественных местах и на коммерческих вывесках проявления языка на заданной территории или в данном регионе» [Landry and Bourhis 1997 : 23]. В этом смысле он представляет собой результат бихевиористского подхода в гуманитарном знании, поскольку изучаются не мыслительные процессы рече- или смыслопорождения, а их результат. При этом, как представляется, ландшафт способен отразить языковые процессы, которые происходят на заданной территории, чего вполне достаточно для оценивания языковой ситуации.

Важной составляющей любого языка является его соотносительность с культурой людей на нем говорящих. Культурные смыслы выражаются на самых разных уровнях языкового ландшафта, а также посредством взаимодействия его языковых и иконических элементов. При этом один и тот же язык может выра-

¹ Исследование выполняется при поддержке гранта Президента РФ по теме «Культурно-языковой ландшафт города в национальной республике» МК-1450.2020.

жать культуру разных народов, которые так или иначе говорят на данном языке. Справедливости ради стоит отметить, что существует также понятие «культурный ландшафт», который подразумевает анализ различных аспектов городской культуры в архитектуре, скульптуре, граффити и т.д. [Pecnikova 2017].

Таким образом, одной из целей исследования языкового ландшафта является анализ результативности языковой политики региона. Данный анализ позволит с высокой степенью определенности проанализировать языковую ситуацию в регионе.

Обзор литературы

Исследования языкового ландшафта – это относительно новое направление в гуманитарном знании, поскольку первые работы в этой области появились в 1960-е, их автором был японский географ Масаи Ясуо. На долгие годы вперёд японские исследователи ландшафта заложили основной тренд в данной области – анализ коммерческих наименований и вывесок на иностранном языке. Япония сыграла важную роль в становлении отрасли лингвистического ландшафта, и первая монография на эту тему появилась именно на материале японских ландшафтов – «Linguistic Landscapes: a comparative study of urban multilingualism in Tokyo» [Backhaus 2006].

Тем не менее, современная парадигма исследований языкового ландшафта гораздо шире и включает в себя анализ самых разных проявлений языкового ландшафта. Материал исследования также стал гораздо более разнообразным: лингвистический ландшафт исследовали во многих городах мира: Иерусалим [Rosenbaum, Nadel, Cooper, Fishman 1977], Брюссель [Wenzel 1998], Монреаль [Monnier 1989], Гент [Collins, Slembrouck's 2007]. Периферия также подвергается анализу [Kotze & du Plessis, 2010; Pietikäinen, Lane, Salo, & Laihiala-Kankainen, 2011].

Очевидно, что исследования языкового ландшафта особо эффективны в регионах, где проживают разные этнические группы. В России таких регионов довольно много. Тем не менее, отрасль исследований языкового ландшафта в отечественной науке начала развиваться недавно. Особую известность приобрели работы профессора Э. Алос и Фонта по исследованию лингвистического ландшафта г. Чебоксары (Республика Чувашия) [Алос и Фонт 2014]. Известное исследование проводилось в г. Казань [Габдрахманова, Махмутов, Сагдиева 2015]. Безусловно, лингвистический ландшафт исследовался в г. Москва [Купцова 2013] и некоторых других крупных городах. В отечественной лингвистике отрасль исследований лингвистического ландшафта является новой, хотя есть основания полагать, что в ближайшем будущем исследований подобного рода станет больше.

Методология

Самый распространённый метод проведения исследования лингвистического ландшафта – это фотофиксация визуального пространства города с последующим анализом материала: классификацией и типизацией согласно заданным исследователем параметрам. Как правило, материал делят по различным комбинациям языка, по наличию/отсутствию сопровождающего надпись изображения, по степени связи между текстом и изображением, по типу надписи (вывеска, объявление, билборд и т.д.). Особую роль при анализе лингвистического ландшафта играет соотношение вербальных и иконических знаков, поскольку важным параметром данного вида исследований является взаимодействие языка с визуальным оформлением города.

Полученные данные могут быть дополнены традиционными количественными и качественными методами социологических исследований: анкетирование жителей города и статистический анализ результатов, а также проведение исследования методами интервью и фокус-групп.

Важной составляющей исследовательской методологией являются традиционные лингвистические методы, такие как сопоставительный метод, методы компонентного, трансформационного анализа, методы моделирования, дискурс-анализ, стилистический анализ, лингвокультурный анализ, который устанавливает связь между языковыми и культурными единицами.

Предполагаемые результаты

Исследование лингвистического ландшафта может иметь разные цели и помогать достигать разных результатов. В части исследования языковой политики города или региона языковой ландшафт помогает ответить на следующие основные вопросы:

- 1) выявить функции и статусы языков, которые составляют языковой ландшафт города;
- 2) выявить культурно-языковые связи на визуальном пространстве города;
- 3) выявить степень влияния иностранных заимствований и/или иностранных языков на государственные языки региона;
- 4) выявить языковые (в первую очередь стилистические) особенности культурно-языкового ландшафта города.

Опросы и интервью с жителями города также помогут выявить соответствие культурно-языкового ландшафта языковой политике региона.

Библиографический список

1. Алос и Фонт, Э. Лингвистический ландшафт г. Чебоксары и замечания по выполнению закона Чувашской Республики «О языках в Чувашской Республике» / Э. Алос и Фонт // Ашмаринские чтения : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2014. – URL: https://www.researchgate.net/publication/269108160_Lingvisticeskij_landsaft

- g_Ceboksary_i_zamecania_po_vypolneniu_zakona_cu_vasskoj_Respubliki_O_azykah_v_Cuvasskoj_Respublike (дата обращения: 01.04.2020).
2. Алпатов, В. М. Языковая политика в России и мире / В. М. Алпатов // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире : доклады и сообщения междунар. конф. (Москва, 16–19 сентября 2014 г.) / отв. ред. А. Н. Биткева, В. Ю. Михальченко ; Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. – Москва, 2014. – С. 11–24.
 3. Габдрахманова, Г. Ф. Государственные языки Республики Татарстан в языковом ландшафте региона / Г. Ф. Габдрахманова, З. А. Махмутов, Э. А. Сагдиева. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ : Артефакт, 2015. – 56 с.
 4. Купцова, Г. Контакт языков в лингвистическом ландшафте Москвы (на материале текстов, нанесенных на детские игрушки) / Г. Купцова // Вопросы психолингвистики. – 2013. – № 17. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontakt-yazykov-v-lingvisticheskom-landshafte-moskvy-na-materiale-tekstov-nanesennyh-na-detskie-igrushki> (дата обращения: 01.04.2020).
 5. Backhaus, P. Linguistic Landscapes. A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo / P. Backhaus. – Clevedon : Multilingual Matters, 2007. – 168 p.
 6. Collins, J. Reading Shop Windows in Globalized Neighbourhoods: multilingual literacy practices and indexicality / J. Collins, S. Slembrouck // Journal of Literacy Research. – 2007. – № 3. – P. 335–356.
 7. Kotze, C.-R. Language Visibility in the Xhariep: a comparison of the linguistic landscape of three neighbouring towns / C.-R. Kotze, T. du Plessis // Language Matters. – 2010. – № 41. – P. 72–96.
 8. Landry, R. Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality. An Empirical Study / R. Landry, R.Y. Bourhis // Journal of Language and Social Psychology. – 1997. – № 16. – P. 23–49.
 9. Monnier, D. Langue d'accueil et langue de service dans les comparés à Montréal / D. Monnier. – Québec : Conseil de la Langue Française, 1989. – 173 p.
 10. Pecníková, J. Historical Sites as an Integral Part of our Present / J. Pecníková // Pochování pod pamíatkami. Via cultura: IKP. – 2017. – P. 61–77.
 11. Pietikäinen, S. Frozen actions in the Arctic linguistic landscape: a nexus analysis of language processes in visual space / S. Pietikäinen, P. Lane, H. Salo, S. Laihiala-Kankainen // International Journal of Multilingualism. – 2011. – № 8 (4). – P. 277–298.
 12. Rosenbaum, Y. English on Keren Kayemet Street / Y. Rosenbaum, E. Nadel, R. L. Cooper, J. A. Fishman ; J. A. Fishman, R. L. Cooper, A. W. Conrad (eds) // The Spread of English. – Rowley, MA : Newbury House. – 1977. – P. 179–196.
 13. Wenzel, V. Reklame en tweetaligheid in Brussel: Een empirisch onderzoek naar de spreading van Nederlandstalige en Franstalige affiches / V. Wenzel // Brusselse Thema's. – 1996. – № 3. – P. 45–74.

О. И. Семьянкова

Пенза, Россия

ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН: ЛИНГВОЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ¹

O. I. Semyankova

Penza, Russia

CITIZENS ' APPEALS: LINGUISTIC AND ETHICAL ISSUES

Аннотация. Приводятся авторские размышления о сложных вопросах работы государственных гражданских служащих с обращениями граждан при несоблюдении последними этических и языковых норм составления обращений в органы государственной власти. Рассматривается проблема уровня реальной лингвоэтической компетентности государственных гражданских служащих в настоящее время.

Ключевые слова: обращения граждан, официально-деловой стиль, госслужба, лингвистическая компетентность, этика, текст.

Abstract. The article covers the work of civil servants with appeals from citizens who do not comply with the ethical and linguistic standards of drawing up appeals to government authorities. The author also touches upon the issue of the level of linguistic and ethical competence of civil servants at the present time.

Keywords: citizens' appeals, official business style, civil service, linguistic competence, ethics, text.

Вступление

Проблемой мониторинга работы территориальных органов федеральной исполнительной власти Российской Федерации (далее – ТОИВ) с обращениями граждан занимается множество контролирующих структур: это и прокуратура, и непосредственные руководители ТОИВ, и общественные организации, и отдельные неравнодушные граждане. Качественный и количественный анализ этой работы является одним из критериев работы прокуратуры, отчеты о которой публикуются на официальных сайтах [Основные сведения 2019]. В свете такого многоуровневого контроля нередко среди практиков и (что особенно удивительно) теоретиков-учёных высказывается мнение о недостаточной профессиональной компетентности государственных гражданских служащих.

Данная статья является попыткой автора показать проблему с другой стороны, со стороны непосредственных исполнителей-госслужащих, и, возможно, снять несколько поспешные упреки в недостаточном овладении ими профессиональными компетенциями госслужбы, в частности, речь пойдёт об этико-коммуникативной компетентности.

Основная работа по составлению ответов на обращения граждан ложится на госслужащих, относящихся в квалификационном ранжировании преимущественно к старшей группе должностей (главный специалист-эксперт, ведущий специалист-эксперт, специалист-эксперт). В связи с этим именно они непосредственно сталкиваются с трудными вопросами при работе с обращениями граждан, которые описаны обобщённо или совсем не оговорены в федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – 59-ФЗ) [Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018)]. Попытаемся обозначить эти затруднительные ситуации.

1. Общие требования законодательства к гражданам и госслужащим при работе с обращениями

П. 5 ст. 15 и ст. 17 закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» (далее – закон-1807) [Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 (ред. от 12.03.2014)] прямо обозначают **обязанность госслужащих** (здесь и далее выделено мной – О.С.) работать с обращениями (составление и оформление ответов на обращения) и организовывать личный прием граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, общественных объединений **на образцовом государственном языке**.

Эту же норму закрепляют пп. 1 и пп. 6 п. 1 ст. 3 федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» (далее 53-ФЗ) [Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ], которые обязывают госслужащих вести деятельность и, в частности, связанную с делопроизводством «во взаимоотношениях...органов государственной власти субъектов Российской Федерации... и граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства», с использованием государственного языка. Это означает, что госслужащие обязаны составлять ответы на обращения и вести устную беседу при личном приеме на образцовом государственном языке. Ст. 10, 11, 13 59-ФЗ, регулирующие порядок рассмотрения обращений

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-411-580002 р_а

и личный прием граждан также содержат регулятивные нормы в части обязанности госслужащих работать с обращениями граждан (составление и оформление ответов на обращения) и организовывать личный прием граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, общественных объединений (вносить в карточку личного приема или давать устный ответ) на образцовом государственном языке. Не касаясь федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», определившего в качестве базового квалификационного требования к поступлению на госслужбу знание русского языка (ст. 12 п.8), отметим, что на локальном уровне обязанность госслужащих владеть образцовым русским языком закрепляется и в должностном регламенте. Каковы требования законов к гражданам-заявителям?

Закон-1807 в п. 4 ст. 15 говорит о **праве граждан** «...обращаться в государственные органы, организации, на предприятия и в учреждения Российской Федерации с предложениями, заявлениями, жалобами на государственном языке Российской Федерации, родном языке или на любом другом языке народов Российской Федерации, которым они владеют ...». Это означает отсутствие обязанности граждан придерживаться норм русского литературного языка (=образцового государственного языка) при составлении обращений в органы власти. В ст. 7 59-ФЗ среди требований к обращению граждан, иностранных граждан, лиц без гражданства также отсутствует требование составлять текст документа на образцовом русском литературном языке.

Пп. 2 п. 1 ст. 5 53-ФЗ в то же время указывает на **право гражданина требовать от госслужащего ответа на обращение** и устной коммуникации во время личного приёма **на образцовом русском литературном языке**. Иначе говоря, ответ на обращение, полученный из ТОИВ, может быть формально опротестован адресатом, если в тексте им будет обнаружена хотя бы одна ошибка (ошибка – не образцовый язык).

Кроме вышесказанного, граждане могут написать жалобу в контролирующий орган и потребовать разбирательства: по какой причине в тексте обращения (по мнению гражданина-адресата) допущены ошибки, т.е. использован не государственный язык (ст. 14 59-ФЗ).

Таким образом, на наш взгляд, современное законодательство в этом вопросе довольно либерально (или избирательно?) подходит к регулированию прав граждан и прав госслужащих в области официальной письменной коммуникации.

2. Проблемные ситуации, возникающие у госслужащих при работе с обращениями гражданам

Ст. 11 59-ФЗ описывает сложные случаи, при которых ответ на обращение гражданина госслужащим ТОИВ может не даваться. Рассмотрим те из них, что касаются этики и лингвистики официальной письменной коммуникации.

2.1. Отсутствие фамилии гражданина-автора обращения.

Общение с государственными гражданскими служащими Пензенской области на курсах повышения квалификации позволяет нам утверждать, что перед специалистом сразу встаёт вопрос об этичной формуле обращения к адресату в ответе на обращение, если фамилия есть, но самоименование неполнозначно (в русской письменной традиции – имя, отчество, фамилия). Вариантов здесь три:

- псевдоним /никнейм,
- только фамилия и инициалы,
- только имя.

Псевдоним /никнейм.

Законодательство Российской Федерации устанавливает две основные возможности использования псевдонима:

- право использовать или разрешать использование произведения под своим именем, под вымышленным именем (псевдонимом) или без указания имени, то есть анонимно – это право авторства и право автора на имя (ст. 1265 «Гражданского кодекса Российской Федерации» (часть четвертая));
- право журналиста распространять подготовленные им сообщения и материалы за своей подписью, под псевдонимом или без подписи (ст. 47 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»).

Соответственно, использование вымышленного имени будет правомерно только в указанных случаях, а следовательно, в соответствии с нормами закона (п.1 ст.7 59-ФЗ) формально ответ может не даваться. На практике это положение часто не реализуется, если указан электронный адрес автора обращения. В этом случае обращение звучит обобщённо: Уважаемый заявитель!

Отметим важный момент: если неизвестное лицо присылает обращения от имени другого лица, которое об этом не подозревает, то это злоупотребление правом и административное правонарушение, т.е. нарушение положений федерального закона «О персональных данных», что регламентировано ст. 13.11 КоАП [Кодекс от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2020)].

Только фамилия и инициалы.

Нормы русского литературного языка дают возможность обратиться к автору документа по фамилии: Уважаемый господин Степанчиков!

Использование/неиспользование госслужащим, ответственным за подготовку ответа на обращение, подобной формулировки связано с экстралингвистическими факторами, т.е. необходимо прогнозирование реакции на такое обращение в соответствии с содержанием текста/декларированием политических взглядов/возрастом адресата и т.п.

Ещё один практикуемый вариант: специалист, ответственный за подготовку ответа на обращение, ищет возможность связаться непосредственно с заявителем и узнать его имя и отчество, чтобы обратиться к автору обращения.

Только имя.

Нормы русского литературного языка определяют как нежелательное обращение к автору документа в официальной письменной коммуникации только по имени: Уважаемый Сергей!

Более корректным считается обобщённое обращение: Уважаемый заявитель!

2.2. Нецензурные либо оскорбительные выражения, угрозы жизни, здоровью и имуществу должностного лица, а также членов его семьи.

Действительно, п. 6 ст.1 53-ФЗ запрещает в официальной коммуникации использование слов, «не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани)», наличие таких слов в тексте присланного обращения даёт возможность госслужащему сообщить гражданину о злоупотреблении своим правом, что недопустимо.

Главный вопрос, который встаёт перед специалистом в подобной ситуации: по каким критериям определять указанные в 59-ФЗ выражения (рисунок 1)? Напомним, госслужащий часто не является профессиональным лингвистом, но обязан (по системе НПА) владеть образцовым государственным языком.

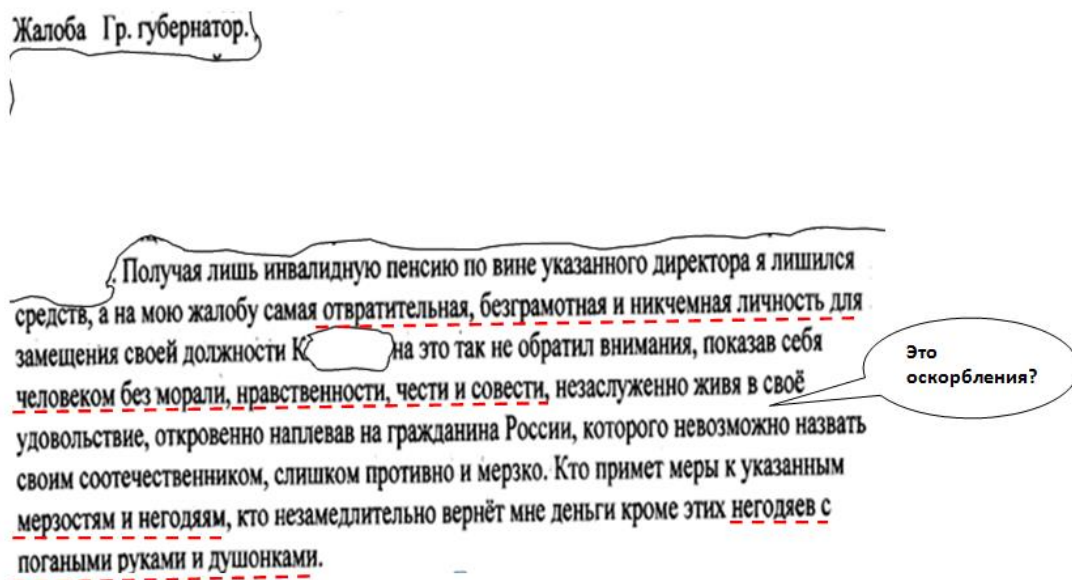


Рис. 1. Пример жалобы

Думается, что в полной мере коммуникативно компетентный государственный служащий может применить следующий алгоритм действий:

1. Нецензурные выражения → Нормативные толковые словари, в которых в словарной статье есть стилистические пометы (*бран.*, *обсц.*) (рекомендации Роскомнадзора) [Семянкова 2019: 95–98].
2. Оскорбительные выражения → лингвистическая экспертиза.
3. Угрозы → лингвистическая экспертиза.

Как видно из вышесказанного, только наличие нецензурных выражений госслужащий может определить самостоятельно. Наличие в тексте оскорбительных выражений и угроз предполагает сложную процедуру доказательства, подвластную лингвисту-эксперту. Ни процедура поиска соответствующего специалиста (конкурс?) и выполнения лингвистической экспертизы, ни финансовые средства, ни время на её проведение в ТОИВ чаще всего не предусмотрены. В связи с этим возникает вопрос о корректности формулировки в 59-ФЗ, но не о недостаточности лингвистической компетентности государственных гражданских служащих.

Заметим попутно, что в ст. 12.3 Типового регламента внутренней организации федеральных органов исполнительной власти (далее – Типовой регламент) [Типовой регламент от 28 июля 2005 г. № 452] расширительно толкуется подобная ситуация, а именно, говорится о праве ФОИВ «направить указанное обращение для рассмотрения в соответствующий правоохранительный орган». ТОИВ такими правами законодательство не наделяет.

Подводя промежуточный итог, отметим, что при подготовке ответа на обращение госслужащим официальное привлечение лингвиста-эксперта маловероятно, следовательно, нежелательно использовать

критерий оскорбительности выражений в обращении в качестве основания для прекращения переписки, т.к. это понятие неоднозначно и юридически нефиксированно. Это означает, что подобное основание для отказа в ответе на обращение гражданина со стороны ТОИВ может им легко быть оспорено и повлечёт за собой новую волну переписки.

2.3. Текст письменного обращения, не поддающийся прочтению.

Обращение, не поддающееся прочтению – обращение с неразличимым либо трудночитаемым текстом, а также с пропусками текста, не позволяющими определить вопрос, содержащийся в документе. Следовательно, как отмечают А.П. Фильченко и М.В. Бузина, под не поддающимся прочтению обращением имеется в виду документ, «текст которого не виден, слова не различимы вследствие различных причин: текст залит жидкостью, выцвел, написан крайне неразборчивым почерком, некачественным пишущим средством и т.п.» [Фильченко А.П., Бузина М.В. 2016: 29-30].

В соответствии с требованиями 59-ФЗ (п.4 ст.11) госслужащий обязан в этом случае уведомить адресата о нечитаемости документа. В других сферах работы с информацией (архивы, библиотеки), если текст письменного обращения не поддается прочтению, назначается технико-криминалистическая экспертиза или реставрационные работы.

2.4. Текст письменного обращения не позволяет определить его суть.

Самый сложный случай из указанных в 59-ФЗ. Под эту формулировку подпадают тексты обращений преимущественно 3-х видов:

- тексты читабельны, но в них отсутствует логика изложения, т.к. автор документа находится в болезненном психическом состоянии (часто сочетается с особыми разновидностями почерка);
- тексты читабельны, но в них отсутствует логика изложения, т.к. автор документа имеет низкий уровень когнитивных способностей (часто это сочетается с множественными нарушениями ортологических норм, отсутствием абзачного членения);
- тексты читабельны, но в них отсутствует логика изложения, так как автор документа находится в эмоциональном возбуждении.

В соответствии с российским законодательством граждане, страдающие психическими расстройствами, обладают всеми правами и свободами, данными другим гражданам, следовательно, законодательное ограничение их в праве на обращение невозможно. Очевидно, что дать ответ «по существу» на такое обращение может быть крайне затруднительно (или невозможно) для госслужащего. Юристы рекомендуют в таких сложных случаях быть, во-первых, крайне деликатными в построении текстов ответов на обращения, во-вторых, у ТОИВ существует право (если на то есть основания) уведомления гражданина о невозможности рассмотрения его обращения в силу, допустим, неясности существа вопроса.

На этот счет органы прокуратуры более категоричны. Обращение гражданина может быть оставлено без разрешения и даже уведомления об этом заявителя при наличии следующего признака «2.13. Без разрешения может быть оставлено обращение, лишенное по содержанию логики и смысла, если имеется решение суда о признании заявителя недееспособным в связи с наличием у него психического расстройства» [Инструкция от 30.01.2013 № 45 (ред. от 21.09.2018)].

Мы вновь имеем дело с юридической коллизией, т.к. вышеуказанный пункт нарушает врачебную тайну, нормы Конституции и несколько федеральных законов (нарушены ст. 19 и 33 Конституции Российской Федерации, ст. 61 Основ законодательства об охране здоровья граждан, а также ч. 3 ст. 5 Закона «О психиатрической помощи», не допускающей ограничения прав и свобод лиц, страдающих психическим расстройством, только на основании психиатрического диагноза и факта нахождения под диспансерным наблюдением).

Очевидно, что подобное основание для отказа в ответе на обращение гражданина со стороны органов государственной власти также может им быть легко оспорено.

Низкий уровень когнитивных способностей (и даже когнитивные нарушения) предопределяет неразвитую речь, несформированные мыслительные процессы, слабую интеллектуальную деятельность, отсутствие контроля за продуктом деятельности, т.е. текст обращения не проверяется составителем. Это отражается в «энтропическом» стиле (*термин мой – О.С.*) письма (рисунок 2), характеризующемся плохим знанием норм русского языка, отсутствием логических связей в тексте и жанрообразующих признаков того или иного типа обращения (жалоба, заявление, предложение).

Сильное эмоциональное возбуждение, характерное для чрезмерной вовлечённости гражданина-автора обращения в ситуацию, коррелируется преимущественно с определённым видом обращения – с жалобой. Именно с жалобой связано наиболее частотное нарушение **принципа коммуникативной адекватности**, при котором автор текста обращения (гражданин) в процессе реализации своего замысла должен прогнозировать восприятие текста реальным или гипотетическим адресатом речи (госслужащий) и строить текст в соответствии с этим прогнозом. Если со стороны автора прогноз точен, то адекватное восприятие адресатом логики и смысла текста обеспечено. В действительности в трёх последних случаях он не всегда имеет место, поскольку текст обращения низкого качества.

Обращает на себя внимание ещё одна «расплывчатая» формулировка отказа в ответе на обращение гражданина в Типовом регламенте – «некорректность содержания электронного сообщения» (пп. в п.12.10). Формулировка отнесена только к электронной форме сообщений, возможно имеется в виду несовпадение шрифтов отправителя и получателя, незаполнение обязательных полей шаблона обращения или что-то по-

добное. В любом случае, пункт имеет расширительное толкование по отношению к основному 59-ФЗ, являющееся неэтичным по отношению к порядку работы госслужащих с обращениями граждан.

Уважаемый Владимир Владимирович!

Вы недавно проводили совешание по развитию сельских территорий в стране. Но мы так вам скажем, что Вы опоздали лет на двадцать. Молодежь уже уехала с наших мест. Главная причина, не где работать. Как Вы сказали, что мы чужие на этом праздники. На жителей сельских поселений никто не обращает внимание. Мы не нужны правительству, губернаторам и депутатам. Молодые жители не работают, а значит и не кормят свои семья. Если есть работа, то это на 5-7 т. руб. Мы живем тогда, когда нам помогают наши родители. Недавно в столице нашей Родине погибла молодая женщина на работе. Это не единственный случай. А у неё остались старые родители, муж инвалид и 4 маленьких детей. Кто их будет содержать и кормить? В нашем районе не открыли не одного предприятия, где можно работать женщинам и мужчинам. Чтоб были достойные зарплаты. В Башмаково организации все сокращают или вообще закрывают. Людей просто увольняют. Все организации переводят в соседние города Н.Ломов и Каменка. Дошло до того, что даже закрывают морг в Башмаковской районной больнице. В нашем Башмаковском районе самая большая смертность в области. Умирает человек в семье, горе и на тебе, вези его за 70-90 км в морг. Это просто издевательство над нами. Пенсионер, чтоб оформить пенсию езжай в г. Каменка за 100 км. Туда не поезд и не автобус не ходят. Все предприятия и организации сократили или закрыли: районную больницу, банки, санэпидемстанцию, ПФР, газовые сети, электрические сети, Ростелеком, земельные комитеты и БТИ, военкомат, казначейство, налоговую службу, молочный завод, мясокомбинат, ПМК, спиртзавод, ковровая фабрика, совхозы и где работать после этого. У нас даже нет кинотеатра на 25 т. чел. его закрыли. Детский садик "Колокольчик" до сих пор деревянные окна и сгнили. В окна дует ветер и наши дети часто болеют. Дороги в сельскую местность не строят и нельзя добраться до районного центра. Мы знаем, что и после нашего письма ничего не поменяется к лучшему. У нас в России только одни обещания и все. Но мы потом еще будем писать.

Рис. 2. Пример обращения в «энтропическом» стиле

Заключение

В действительности вышеобозначенные проблемы часто встречаются в практике работы государственных гражданских служащих (в Пензенской области, например) и крайне затрудняют добросовестное выполнение ими своих должностных обязанностей. С подобными обращениями госслужащим крайне трудно работать, т.к. часто бывает непросто извлечь сам запрос, цель обращения. Добавим к этому требование к ТОИВ давать ответ по существу на все поставленные в обращении вопросы – за этим постоянно следят контролирующие органы, в частности, прокуратура. Чтобы завершить работу с обращением (=ответить по существу на все вопросы заявителя), этико-лингвистическая компетентность госслужащего должна быть (и такой она и бывает на практике) максимальной, не сопоставимой с подобной компетентностью обычных граждан, которые не занимаются в своей профессиональной деятельности решением сложных этико-лингвистических задач.

Высокий уровень владения госслужащими ТОИВ Пензенской области государственным языком автор может подтвердить и уровнем вопросов, которые слушатели курсов повышения квалификации при Правительстве Пензенской области задают лектору, – это уровень внимания к теоретическим деталям и их реализации в системе официально-делового стиля. Подобное маловероятно для специалистов, имеющих недостаточную профессиональную этико-лингвистическую компетентность.

В связи со всем вышесказанным говорить о недостаточной коммуникативной компетентности государственных гражданских служащих как массовом явлении нам представляется преждевременным и поспешным.

Библиографический список

1. О языках народов Российской Федерации : закон РФ № 1807-1 от 25.10.1991 : [в ред. от 12.03.2014]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW15524/5365af141072cc20c74c920f29b198bde55d8969/ (дата обращения: 22.04.2020).
2. Инструкция о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации : [утв. приказом Генпрокуратуры России № 45 от 30.01.2013 ; в ред. от 21.09.2018]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_141740/ede53b60026e7d00518b72c68f7a4e0fd40d2a50/ (дата обращения: 22.04.2020).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ : [в ред. от 24.04.2020]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/1f421640c6775ff67079ebde06a7d2f6d17b96db/ (дата обращения: 22.04.2020).

4. Основные сведения о работе прокуратуры Пензенской области за 12 месяцев 2019 года. – URL: <http://www.prospenza.ru/statistic/2020/01/21/14183448> (дата обращения: 23.04.2020).
5. Семянкова, О. И. Общественная лексика в текстах обращений граждан: регламентация проблемы / О. И. Семянкова // Современные технологии документооборота в бизнесе, производстве и управлении : сб. ст. по материалам XIX Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). – 2019. – С. 95–98.
6. Типовой регламент внутренней организации федеральных органов исполнительной власти : [утв. постановлением Правительства РФ № 452 от 28.07.2005]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54774/ (дата обращения: 22.04.2020).
7. О государственном языке Российской Федерации : федер. закон № 53-ФЗ от 01.06.2005. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (дата обращения: 22.04.2020).
8. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федер. закон № 59-ФЗ от 02.05.2006 : [в ред. от 27.12.2018]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения: 22.04.2020).
9. Фильченко, А. П. Обстоятельства, освобождающие должностных лиц уголовно-исполнительной системы от ответа на обращение гражданина / А. П. Фильченко, М. В. Бузина // Уголовно-исполнительное право. – 2016. – № 3 (25). – С. 29–30. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27158858> (дата обращения: 22.04.2020).

G. Chuluun-Erdene, G. Agiimaa, Sh. Tsolmon

Ulan Bator, Mongolia

CURRENT SITUATION REGARDING LEGAL REGULATIONS FOR BILINGUALISM IN MONGOLIA

Г. Чулуун-Эрдэнэ, Г. Агиймаа, Ш. Цолмон

Улан-Батор, Монголия

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ ДВУЯЗЫЧИЯ В МОНГОЛИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВЫЕ НОРМЫ

Abstract. The article analyzes the status of bilingual people and the legal regulations surrounding them in Mongolia. Mongolians have faced different language circumstances since the 1990s. The main factors influencing the growth of bilingual language situations are the types of population movements such as emigration, migration and different shapes of family structure, including the increase of mixed marriages and a higher rate of foreign-born population. Those factors have a consequent effect on the use of languages, and attitudes to language. Minority bilingualism, bilingualism of deaf people, settled foreigners' bilingualism as well as individual bilingualism all exist in Mongolia.

Keywords: societal / individual bilingualism, language policy, language situation.

Аннотация. Анализируется статус двуязычных людей и рассматриваются правовые нормы, окружающие их в Монголии. Начиная с 1990-х гг. монголы сталкивались с различными языковыми условиями. Основными факторами, влияющими на рост двуязычных языковых ситуаций, являются такие типы перемещения населения, как эмиграция, миграция за границу, и различные формы семейной структуры, в том числе увеличение числа смешанных браков и рост численности населения иностранного происхождения после глобализации. В Монголии существуют социальный билингвизм, такой как билингвизм меньшинств, билингвизм глухих людей, билингвизм оседлых иностранцев, а также билингвизм отдельных людей. Выделяются языковые политики и рассматривается их реализация для защиты и распространения монгольского языка и развития сбалансированного двуязычия.

Ключевые слова: социальный / индивидуальный билингвизм, языковая политика, языковая ситуация.

Theoretical background

Bilingualism is a worldwide phenomenon which has developed perspectives in many sciences such as psychology, education and sociolinguistics. It accounts for the main field of sociolinguistics and its development raises many questions around the world.

According to Crystal David (2002), two-thirds of the world's population currently lives in a bilingual situation. When a country in such a bilingual state of affairs faces a language use problem, only language policy typically helps to deal with it.

Ferguson (1959), and Fishman (1972) summarized how Bilingualism is used to describe the two languages in an individual, while Diglossia is used to describe language uses in society. Diglossia, a sociolinguistic term, refers to a kind of situation where two language varieties occur at the same time and are used under various conditions within a community, often by the same speakers.

So, we cannot define bilingualism using only a simple term that says bilingualism simply means having two languages (Spolsky, 2016).

According to Baker [2014, p. 66] "Bilingualism at the individual level is half the story. The other essential half is to analyze how groups of language speakers behave and change." That means we need to study how language groups and language usage changes over time.

Most educators and linguists agree that political power has greater influence on bilingual situations and policy. The European Union of countries supports the development of bi/multilingualism at an early age in children, whereas the policy in the USA is one of assimilation.

Next, in order to describe the bilingual situation in Mongolia we used language typology by the Russian socio-linguist Mechkovskaya (Н. Б. Мечковская.2000) based on the Mongolian census and statistics.

Bilingual situations in Mongolia

Mechkovskaya (Н. Б. Мечковская.2000) defined a language situation as a set of different languages such as dialects, oral languages, written language and many other variants used by people in a country, community, or region (in different geographic areas). We described how Mongolia uses its 2015 Census to describe the Mongolian language situation based on Mechkovskaya's definition.

The Mongolian population consists of around 30 ethnicities. The ethnic majority comprises Khalkha Mongolians (82,4 %), while the minority is Kazakh people (3,9 %)

The official language in Mongolia is the Mongolian language based on the language spoken by a majority of Mongolians. The Census highlights the adoption of four close languages such as Oirad, inner Mongolian languages that are related to the Mongolian language, with around 20 dialects, and other languages such as Kazakh and the Tuva language.

3,9 % (100,000) of the population is Kazakh, and most of them (90 %) live in the same geographic area. So, we can clearly find societal bilingualism resident in the Bayan-Ulgii province in Mongolia. The area's population is mainly Kazakh, and its status and policy are based on territorial principles.

Settled foreigners (19871) such as Russians (2600), Koreans (2700), Chinese (8700) and other nationalities (5900) mostly use their first language to communicate. There is also a deaf bilingual community (8554) that uses the Mongolian sign language to communicate.

International schools in Mongolia are a key factor supporting the development of individual bilingualism. Education statistics from (2016) below highlight the number of pupils studying foreign languages in Mongolia.

Number of pupils studying foreign languages at international schools

Language instruction	Number of pupils	Primary education	Secondary school	High school
1. English	2646	1453	732	461
2. Russian	1269	769	378	122
3. Chinese	1884	932	540	412
4. Japanese	1541	747	443	351
5. German	488	244	155	89
6. Korean language	980	544	298	138
Total	8808	4689	2546	1573

Since 1990, International schools have played an important role in developing the elite bilingualism that Russian schools in Mongolia first established.

Mongolian migration abroad

According to the Mongolian Census (2015) the main population migration routes abroad for Mongolians are to Korea and America. It has been 30 years since Mongolian migration started and settlement in foreign countries began. Now, second generations have grown up in those countries and have created issues around mother tongue and language usage. That is why we define Mongolian language situation as consisting of a different typology.

Legal regulations of Bilingualism: About Minority languages.

The Mongolian Constitution (1992), Education Acts (2002), and Mongolian Language Act (2014) claim that minorities have a right to use their mother tongue in education and communication. In all, around 30 official documents and acts support this use of minority language. Even though the Kazakh minority is only 3.9 %, most of them live in the same region in a different geographic area.

As Joshua Fishman [Joshua Fishman. 1971, p. 21] describes, such a bilingual situation is based on geographical principle. Such a modal seems to support the language rights of persons, though Baker (Colin Baker, 2014) argues such a situation makes language usage differ, suggesting that not everyone has the opportunity to use languages. That is the reason for the dominant bilingual tongue being the mother tongue and not an official language. That makes language use and adoption differ among minorities.

Moreover, minorities also need to be aware of the need to use and learn official languages to unify and have equal participation in society.

Language Regulations to settled foreigners in Mongolia

The Immigration Acts of Mongolia (2003) say those who ask permission to live in Mongolia have to be interviewed to demonstrate their knowledge of the Mongolian Constitution, and their proficiency in and understanding of Mongolian language and culture. The Mongolian Immigration Agency organizes the interview.

However, it is unclear what kind of language skills should be permitted. We need clear regulations for such situations. In addition, both authorities and the private sector need to work cooperatively to spread the Mongolian language among foreigners.

When we examined language usage among settled Russians in Mongolia, we found they mainly use their first language in communication. We undertook a survey of 50 Russians in Mongolia regarding domain use of language by Fishman. In these domains, we analyzed the personal and official use of languages. In each domain, the Russian language was the dominant language. This shows that in Mongolia we do not have strong language regulations for foreigners. It also means they freely build a community that only speaks their own language.

Regulations on sign language for deaf community

The Mongolian language Act (2014), Education Acts (2002), and Acts for rights of people with disabilities (2016) claim the use and support of sign language for the deaf community. There are many more projects and notes for the support of sign languages. We conclude that regulation for this situation is still only at the beginning of its development.

Regulations on Elite bilingualism

Elite bilingualism is the oldest bilingualism phenomenon. In Mongolia, the Education Acts (1991, 2002) include issues for elite bilingualism. International schools offer world-level educational quality. Yet even though most of the pupils are Mongolians, most international schools implement an international level and not a national level curriculum. We believe that makes language use different among Mongolian pupils as it encourages growing youngsters with foreign minds.

Authorities and policymakers therefore need to develop regulations for balanced bilingualism. Parents' participation and those parents' language choice and attitudes are also considered to be a key element in whether balanced bilingualism develops or not.

Language Regulations for Mongolians out of Mongolia

We mentioned migration out of Mongolia. Lately, the Mongolian Language Act (2014) included an article supporting the Mongolian language-speaking community abroad. The article has been a pivotal document in supporting and developing the Mongolian Language as well as creating a 'language community'. We need to study further role-model policies from experienced countries which have faced immigration from generation to generation.

Summary

In globalization, Mongolians have experienced different typologies of bilingualism.

In some situations, such as the right to use minority languages we have enough top-down policies. The problem is at the operational level. So, we need to develop bottom-up regulations and support among minorities.

Secondly, we need strict regulations to develop or maintain Mongolian language usage among foreigners, among pupils at International Schools as well as by Mongolians and their children living out of Mongolia, because the Mongolian language is accounting for fewer users.

For sign language, co-operational activities are needed to contribute to the development of sign language in institutional level as well as in the private sector.

References

1. Mejia, A.-M. de. Power, Prestige, and Bilingualism: International Perspectives on Elite Bilingual Education / A.-M. de Mejia. – Buffalo, N.Y. : Multilingual Matters, 2002. – P. 25.
2. Baker, C. Bilingual Education and Bilingualism / C. Baker // Foundations of Bilingual Education and Bilingualism. – 5th ed. – Bristol, UK : Multilingual Matters, Vol. 79. – P. 87.
3. Crystal, D. English as a Global Language / D. Crystal. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2003. – P.10.
4. Blackwell Handbooks in Linguistics / Coulmas Florian (ed.). – Oxford, UK : Blackwell Publishers, 1998. – Vol. 4. The Handbook of Sociolinguistics. – P. 145.
Electronic Format
5. URL: <http://philology.ru/linguistics1/mechkovskaya-00.htm>
6. URL: http://hudulmur-halamj.gov.mn/uploads/files/20180514_02.pdf
Legal documents
7. Acts for rights of people with disabilities (2016)
8. Education Acts (1991, 2002)
9. Immigration Acts of Mongolia (2003)
10. Mongolian Constitution (1992)
11. Mongolian Language Act (2014)
12. Mongolian Census (2015)

Направление 6

РЕЧЕВЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ В СМИ: ЛИНГВО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

М. Р. Бабикова

Екатеринбург, Россия

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ В НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ¹

M. R. Babikova

Ekaterinburg, Russia

MANIPULATIVE TECHNOLOGIES OF INFLUENCING THE CONSCIOUSNESS OF YOUNG PEOPLE IN NATIONALIST DISCOURSE

Аннотация. Анализируются технологии воздействия на сознание молодежи, используемые в креолизированных текстах. Агитационные тексты националистического дискурса нередко содержат прецедентные как вербальные, так и визуальные феномены, что, несомненно, увеличивает их прагматический потенциал. Исследуются наиболее частотные технологии воздействия: мифологическое манипулирование, манипулятивные психотехнологии, ценностно-эмоциональное манипулирование.

Ключевые слова: креолизированный текст, националистический дискурс, экстремизм, технологии воздействия, манипуляция, визуальный прецедентный образ, прецедентные феномены, молодежь.

Abstract. The article presents the analysis of technologies for influencing youth consciousness. This analysis is applied in creolized texts. Propaganda texts of nationalist discourse often contain precedent verbal and visual phenomena, and this increases their pragmatic potential. The study presents the analysis of the most frequent impact technologies such as mythological manipulation, manipulative psychotechnologies, value and emotional manipulation.

Keywords: creolized text, nationalistic discourse, extremism, manipulation technologies, manipulation, visual precedent image, precedent phenomena, youth.

Длительное время как в России, так и во многих других странах мира не прекращаются попытки вовлечения молодёжи в националистические сообщества. Пропаганда идей национализма, создание установок, способствующих разжиганию межэтнических конфликтов, возрастает и приобретает новые формы, а использование информационных технологий, механизмов и способов воздействия, реализуемых в сети Интернет, делают такую пропаганду, увы, успешной. Поиск и разработка способов противодействия невозможны без анализа способов воздействия, механизмов создания пропагандистских текстов. На сегодняшний день тема по-прежнему остается актуальной и значимой. В настоящем исследовании мы рассмотрим технологии воздействия на сознание молодежной аудитории посредством прецедентных феноменов (далее – ПФ), представленных в креолизированных текстах (далее – КТ) националистического дискурса.

Отметим, что технологии воздействия на аудиторию изучаются многими исследователями [Дзялошинский 2005; Мардиева 2016; Гапич, Лушников 2010; Сундиев, Смирнов 2016 и др.]. Однако важно проанализировать, как выделенные технологии реализуются в националистическом дискурсе. Рассматриваемый дискурс в большей степени репрезентируется прецедентными визуальными образами/феноменами. Л. А. Мардиева отмечает: «“Технологии” создания образов, частные идеи, носителями которых они явля-

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ (проект № 20-012-00415 «Когнитивные интернет-технологии как фактор формирования экстремистского поведения молодежи: механизмы воздействия и профилактика»).

ются, подвергаются изменениям под влиянием социального заказа и идеологии, моды, характера транслятора, но сама сущность художественного образа как средства передачи из поколения в поколение фундаментальных ценностей неизменна. Вхождение художественного образа в фонд прецедентных означает, что идея, которую он транслирует, востребована обществом» [Мардиева 2016: 317].

Прецедентные визуальные феномены, которые были обнаружены в КТ националистического дискурса, используются в манипулятивных целях (на базе принципов нейросемантического программирования), основанных на двух взаимообусловленных приемах: методе аналогии и технике «якорения» [Мардиева 2016: 318]. Используя различные прецедентные образы, адресанты апеллируют к чувственным переживаниям, связанным с идеализированным прошлым или упованием на счастливое будущее, актуализируют ценностные представления аудитории и т. д.

Приемы манипуляции сознанием адресатов представлены в исследовании И. М. Дзялошинского: мифологическое манипулирование; манипулятивные психотехнологии; ценностно-эмоциональное манипулирование; использование механизмов социального контроля; манипулирование рациональными, убеждающими аргументами [Дзялошинский 2005]. Как показало проведенное исследование, прецедентные феномены националистического дискурса используются для реализации следующих приемов.

Мифологическое манипулирование. В основе данного приема лежат такие понятия, как «менталитет», «архетипы», «метапрограммы». Именно эти константы заложены в прецедентных образах креолизованных текстов националистов. Благодаря использованию ПФ креолизованные тексты формируют мироощущение, мировосприятие, определяющееся народно-национальными обычаями, образом жизни, мышлением, нравственностью. Как правило, в текстах, в которых заложено мифологическое моделирование, центральными образами являются образы богатырей, известных своей силой, стойкостью и мужеством, противостоящих «врагу».

Так, например, используемый на рис. 1 прецедентный визуальный образ богатыря отсылает к историческому прошлому, а встроенные в креолизованный текст руноподобные символы: «Тиваз» (Тейваз, Тивац) и «Одал» формируют общий контекст и направленность креолизованного текста. Упомянутые символы были символикой Третьего рейха. Руна «Тиваз» – это семнадцатая руна германского алфавита, активно применяемая в символике Третьего рейха как элемент значка – награды за спортивные достижения членов гитлерюгенда и эмблема 32-й добровольческой гренадерской дивизии СС «30 января». Руна «Одал» также была изображена на эмблеме 7-й добровольческой горной дивизии СС «Принц Ойген», 23-й добровольческой танково-гренадерской дивизии СС «Недерланд», 14-й танковой дивизии вермахта и на флаге хорватских фольксдойче. Кроме того, стилизованное изображение руны «Одал» использовалось на эмблеме «Аненербе» (организации, которая была создана с целью изучения традиций, истории и наследия германской расы для обеспечения функционирования государственного аппарата Третьего рейха). Визуальный ряд дополнен вербальным компонентом «Доблесть. Верность», который задает адресату определенную программу миромоделирования: необходимо защищать родину во что бы то ни стало; каждый должен быть не только сильным физически, но и сильным духом; равняться на предложенный визуальным компонентом эталон. Использование имен мифологических и культурных героев, хорошо известных аудитории, вызывает у адресатов мгновенные неконтролируемые эмоциональные и поведенческие реакции [Дзялошинский 2005: 37].



Рис. 1

Манипулятивные психотехнологии. Следует отметить, что данная технология наибольшим образом представлена в рассматриваемом дискурсе, так как характеризуется высокой эффективностью воздействия и рассчитана в основном на подсознательное восприятие.

Существует довольно обширный набор приемов воздействия, основанных на психологии восприятия: «Использование пугающих тем и сообщений», «Использование контраста», «Упрощение проблемы», «Использование фактора юмора», «Осмеяние», «Концентрация на нескольких чертах или особенностях», «Интрига», «Техника якорения» и др.

На рис. 2 представлен КТ, соотносимый с националистическим дискурсом. ПФ участвует в реализации манипулятивной психотехнологии посредством приема использования «фактора юмора». Представленный пример выстроен по типу карикатуры, что изначально задает комический эффект, сатирической или юмористической формой изображающий политическое явление. Использованное визуализированное прецедентное имя «Гитлер» и изображенный напротив него представитель еврейского народа (что считается по внешнему виду посетителя ресторана), воссоздает картину событий Второй мировой войны: факты уничтожения еврейского народа путём отравления ядовитым или удушающим газом, на что, кроме визуальной составляющей, указывает вербальный компонент, выстроенный по типу диалога:

Посетитель ресторана (еврей): «Я таки просил обычную воду».

Официант (А. Гитлер): «У нас только с газом».

Таким образом авторы текста создают юмористический ареол вокруг тяжелого для человечества и еврейского народа события, обесценивания этим важность осознания трагедии.



Рис. 2

Ценностно-эмоциональное манипулирование. Как известно, прецедентные тексты отражают и формируют шкалу ценностных ориентиров лингвокультурного сообщества, однако это же характерно и для иконических ПФ. Данная особенность увеличивает прагматический потенциал прецедентных феноменов, поэтому иконические ПФ часто используются с целью актуализации ценностных ориентиров адресатов. Как отмечает И. М. Дзялошинский, «ценностно-эмоциональное манипулирование опирается на способность человека увлекаться выразительностью убеждающего послания, а также престижем источника» [Дзялошинский 2005: 49]. Кроме того, эффект внушающего воздействия на индивида усиливается, возрастает эффективность воздействия, если адресат связан с группой и разделяет ее идеи. Указанный вид манипуляции в националистическом дискурсе может быть реализован при помощи метода «наклеивания ярлыка» или апеллятивов. На рис. 3 представлен КТ, в центре которого мы видим два контекстных прецедентных феномена: «Овца» (иное животное в руках представителей неславянской внешности), «Мужчина неславянской внешности» [Бабикова, Ворошилова 2017].



Рис. 3

Представленные образы в совокупности отсылают к сложившемуся в интернете стереотипу о мусульманских народах. Имеется в виду стереотип о скотоложстве, согласно которому мужчины-мусульмане имеют сношения с животными, преимущественно с овцами до вступления в брак. Вербальный компонент «Мам, я невеста нашёл» лишь подтверждает это. Таким образом, происходит наклеивание ярлыков на целую нацию, что формирует отрицательный образ и способно спровоцировать межэтнический конфликт.

В целом, анализ текстов подтверждает тесную связь визуальных и вербальных компонентов КТ. Прецедентные визуальные образы часто эксплицируют информацию, не передаваемую вербальной составляющей, активизируют образное ассоциативное мышление адресатов, способствуют усилению сопереживания и переживания, оказывают существенное влияние на сознание, а также необходимым для адресанта образом моделируют картину мира современной молодежи.

Библиографический список

1. Бабилова, М. Р. Контекстные прецедентные феномены как способ репрезентации националистических идей / М. Р. Бабилова, М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. – 2017. – № 6 (66). – С. 58–63.
2. Гапич, А. Э. Технологии «цветных революций» / А. Э. Гапич, Д. А. Лушников. – Москва : РИОР, 2010. – 132 с.
3. Дзялошинский, И. М. Манипулятивные технологии в масс-медиа / И. М. Дзялошинский // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. – 2005. – № 1. – С. 29–54 ; № 2. – С. 56–75.
4. Мардиева, Л. А. Социокультурная реальность и ее интерпретации в медиатекстах. Опыт интегративного исследования / Л. А. Мардиева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. – 358 с.
5. Сундиев, И. Ю. Теория и технология социальной деструкции (на примере «цветных революций») / И. Ю. Сундиев, А. А. Смирнов. – Москва : Рус. биограф. ин-т ; Ин-т эконом. стратегий, 2016. – 433 с.

Н. Ю. Видинеева

Пенза, Россия

**ИНТЕРНЕТ-МЕМ КАК ИНСТРУМЕНТ АКТУАЛИЗАЦИИ
ИМПЛИЦИТНОГО СМЫСЛА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОГОВ ОБ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ
КАМПАНИИ В США)**

N. Yu. Vidineeva

Penza, Russia

**INTERNET MEME AS A TOOL OF IMPLICIT MEANING ACTUALIZATION
IN ONLINE COMMUNICATION (BASED ON POLITICAL WEBLOGS
ABOUT THE USA ELECTION CAMPAIGN)**

Аннотация. Рассматриваются блоги, а также интернет-мем как одно из средств имплицитности в жанре блога. Анализ проводится на записях, посвященных выборной кампании в США. Результаты продемонстрировали, что в область имплицитного блогеры выносят свои оценки кандидатам от Демократической партии, а также безоценочную информацию о расстановке политических сил.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, блог, мем, имплицитность, выборы в США, демократы.

Abstract. The article concerns weblogs and Internet memes as a means of implicitness in weblogs. The analysis was based on weblog entries which discussed the US election campaign. The results show that bloggers tend to imply their judgements about the Democratic candidates. They also imply non-evaluative information on the balance of political forces.

Keywords: online communication, weblog, meme, implicitness, US elections, democrats.

1. Вводные положения

Последние десятилетия продемонстрировали значительное увеличение исследовательского интереса в отношении интернет-дискурса и интернет-коммуникации. **Целью** данной статьи является освещение характеристик и особенностей интернет-коммуникации, краткое описание ее жанровой структуры. Основное внимание мы уделяем блогу как гипержанру интернет-коммуникации. Нашей целью является также описание мультимодальных особенностей общения коммуникантов в блогах, в частности с помощью интернет-мемов. В фокусе нашего внимания находится способность интернет-мемов актуализировать имплицитные смыслы. Также мы опишем, какие конкретно смыслы выносятся в область имплицитного посредством мемов.

Материалом исследования стали 20 записей англоязычных политических блогов на платформах *tumblr.com* и *reddit.com*, посвященных одной из актуальных политических проблем нашего времени – выборной кампании в Соединенных Штатах Америки. Материал отбирался посредством поиска по хэштегам и ключевым словам *US politics*, *#politics* и *#presidentialracememes*.

В качестве **метода** исследования нами был выбран метод интерпретации с подключением контекстуального и дефиниционного анализа.

2. Интернет-коммуникация и ее жанровое своеобразие

Интернет-коммуникация обладает рядом свойств. Так, Т. Н. Колокольцева отмечает в качестве таковых дистантность, опосредованность, мультимедийность (и как следствие – поликодовость сообщений), гипертекстуальность, разнообразие дискурсивных и жанровых воплощений, а также возможность широкого варьирования по параметрам персональность / институциональность [Колокольцева 2016 : 97]. Кроме этого, исследователи выделяют ряд других характеристик Интернет-коммуникации: изначальная добровольность коммуникантов [Кириллов 2014 : 265], [Меликян 2013 : 131], анонимность участников общения [Меликян 2013 : 131], интерактивность [Кириллов 2014 : 265], глобальность [Меликян 2013 : 131], креолизованность [Галичкина 2004 : 58].

Жанровое разнообразие Интернет-дискурса велико. Одним из жанров является жанр блога. Говоря о месте блога в системе Интернет-жанров, А. Г. Кириллов отмечает, что «блог представляет собой гипержанр среди жанров компьютерно-опосредованной коммуникации, поскольку объединяет различные форматы, будучи как раз той самой “виртуальной” жанровой оболочкой <...> Термин “гипержанр блога” описывает единство жанров блога и комментариев к нему» [Кириллов 2017 : 262]. Кроме этого, А. Г. Кириллов

утверждает следующее: «Не оспаривая возможности данного именованного единства текста блога и комментариев, мы предлагаем использовать термин «гипержанр» для обозначения совокупности разножанровых произведений в блогосфере – блог как жанр в себе, объединяющий такие формы или жанры, как собственно блог, фотоблог, корпоративный блог и микроблог» [Кириллов 2017 : 262].

Исходя из отношений между блогом и другими жанрами интернет-коммуникации, С. Херринг утверждает, что «блоги не являются уникальным жанром. Они также не являются производными от других интернет-жанров. Блоги, скорее, представляют собой гибридный жанр, который исходит из разных источников, включая и прочие жанры интернет-коммуникации» (*перевод здесь и далее мой – Н.В.*) [Hetting 2005 : 145].

3. Интернет-мем как источник имплицитности в блогах

Технические особенности интернет-коммуникации в значительной степени отразились на используемых в процессе коммуникации средствах. Возможность включения в процесс общения не только текста, но и графических, видео- и аудиоматериалов сделало интернет-коммуникацию поликодовой. Согласно Ю. В. Щуриной, «в связи с перераспределением в письменной речи функций вербальных и невербальных компонентов появляются семиотически осложненные тексты, организованные комбинацией естественного языка с элементами других знаковых систем. Для таких текстов используется метафорический термин “креолизованные тексты”» [Щурина 2010: 83]. Как указывает Е. А. Яковлева, «в круг научных интересов лингвистов в настоящее время все шире вовлекаются <...> креолизованные (смешанного вида) тексты, основанные на формальной гетерогенности и смысловой гомогенности представленных в них семиотических языков: графических, иллюстративных, кинематографических, музыкальных, словесных и пр.» [Яковлева 2012 : 143]. Схожим образом понимает креолизованный текст и Т. А. Ленкова: «Наше внимание сосредоточено на медиатексте как специальном типе текста, который под влиянием электронных медиа в последние 30-40 лет подвергся трансформации и стал креолизованным, то есть сочетающим вербальные и экстралингвистические средства выражения» [Lenkova 2019 : 519].

Особым типом креолизованных текстов, получившим широкое распространение в сети Интернет, стали интернет-мемы. Пользователи активно включают их в процесс коммуникации. Ю. В. Щурина указывает, что «мемы представляют собой вербальные, невербальные и гибридные образования, которые объединяет два ключевых признака: воспроизводимость и высокая скорость циркуляции в Интернете» [Щурина 2014 : 148].

Существует ряд основных типов интернет-мемов: текстовые мемы, состоящие из слова или фразы, интернет-комиксы, мемы-изображения, медиамемы (комические видеосюжеты), креолизованные мемы, которые становятся частью таких жанров как эдвайс, демотиватор, прикол [Щурина 2014: 149-152].

Интернет-мемы, как полагает Н. Гал, содержат юмористическую составляющую: «Многие из этих текстов содержат центральное комическое положение либо из соображений развлечения, либо как средство трансляции серьезного критического послания» [Gal 2018 : 528-529]. Кроме того, все типы Интернет-мемов обладают определенным набором характеристик: вирусность, серийность, реплицируемость, эмоциональность, медийность [Канашина 2018 : 75]. Кроме того, С. В. Канашина указывает на ряд семантических особенностей мемов:

- полимодальность (наличие двух каналов передачи информации). Неоднородный характер единиц, составляющих мем, способствует семиотической гибридизации. Это означает, что смысл конечного гибрида не равен сумме смыслов его составляющих. Вербальный и невербальный компонент гибрида конструируют метафору [Канашина 2018 : 77];

- имплицитность, которая объясняется компрессией информации в Интернет-меме. Для декодирования смысла мема необходимы дополнительные когнитивные усилия адресата, а также привлечение экстралингвистических знаний [Канашина 2018 : 77-78];

- прецедентность. С.В. Канашина утверждает, что «прецедентные феномены <...> становятся триггером механизма аллюзии, широко используемого в мемах. Прецедентность мемов можно рассматривать как базовую категорию, лежащую в основе семантики мемов» [Канашина 2018 : 79]. Как отмечает исследователь, мем может быть декодирован правильно только в том случае, если фоновые знания коммуникантов совпадают [Канашина 2018 : 78].

Е. Н. Брызгалова и И. Е. Иванова в качестве характеристики мемов отмечают их интертекстуальность [Брызгалова, Иванова 2018 : 136].

Из всех перечисленных семантических характеристик мемов наше внимание больше всего привлекает их имплицитность. Мы полагаем, что она объясняется не только компрессией информации, но также заложенными в основу мема пресуппозициями и отсылками на прецедентные феномены: события политической, культурной жизни, на личности известных людей и т.д. Полимодальный характер мемов, где одним из каналов транслирования смысла служит визуальное оформление, также способствует усилению имплицитного потенциала мема.

Мы разделяем точку зрения С.В. Канашиной в том, что Интернет-мем является семиотически осложненным знаком. «Значение мемов детерминировано полимодальной формой и формируется при взаимодействии вербального и невербального компонентов» [Канашина 2018 : 76]. Смысл мема, по мнению исследователя, можно дешифровать только под влиянием экстралингвистического контекста и экстралингвистических факторов. Кроме того, чем более сжатой оказывается текстовая единица, тем более имплицит-

ной является информация и тем больше усилий требуется от адресата для декодирования смысла мема [Канашина 2018: 76].

В проанализированном нами материале можно выделить несколько групп Интернет-мемов, актуализирующих имплицитные смыслы об избирательной кампании в США:

1. *Интернет-мемы о борьбе внутри демократического лагеря.* Такие мемы имплицитно выражают идеи о наличии противостояний внутри лагеря, например, против кандидата Берни Сандерса:



Рис. 1 (https://www.reddit.com/r/PresidentialRaceMemes/comments/fe12u7/dems_be_like/)

Мем на рис. 1 автор сопроводил подписью «Dems be like», что помогает понять: мем характеризует представителей демократов (роль подписей в процессе дешифровки мема мы рассмотрим ниже). Сам мем посредством графического элемента демонстрирует пренебрежительное отношение демократов к объединению против Дональда Трампа – представителя противоположного лагеря республиканцев – и положительное отношение демократических кандидатов к объединению против демократического кандидата Сандерса.

Кроме того, мемы этой группы имплицитно сообщают о расстановке сил в лагере демократов:



Рис. 2 (<https://www.reddit.com/r/PresidentialRaceMemes/comments/fdxm3j/soon/>)

Здесь смерть, являющаяся аллюзией на демократического кандидата в президенты Тулси Габбард, последовательно «уничтожила» других кандидатов: Пита Буттиджича, Эми Клобушар, Майкла Блумберга и Элизабет Уоррен и теперь угрожает двум главным кандидатам от демократической партии Джо Байдену и Берни Сандерсу.

2. *Интернет-мемы об отношении граждан и медиа к демократическим кандидатам и их сторонникам.*

Основная критика, имплицитно выраженная мемами, направлена на одного из главных кандидатов – Джо Байдена:

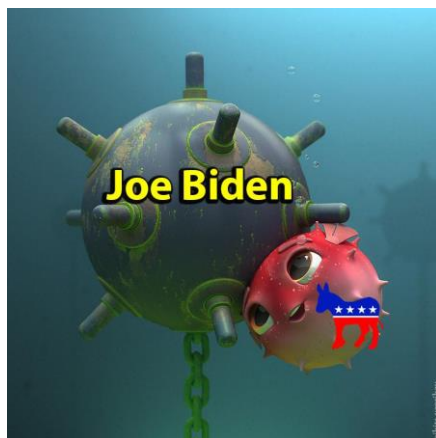


Рис. 3 (https://www.reddit.com/r/PresidentialRaceMemes/comments/fe8gv1/joe_biden_is_the_bomb_and_not_in_a_good_way/)

Морская мина представляет Джо Байдена, а восхищенная рыба изображает Демократическую партию. Имплицировано выражается идея о том, что Байден потенциально опасен для демократов, как и мина для подводного животного, подобравшегося к ней слишком близко. Кроме того, особенности мимики животного имплицировано выражают отношение одобрения демократами Байдена и непонимание ими опасности, которую Байден для них представляет.

Схожее критическое отношение имплицировано выражается и по отношению к другому демократу – Майклу Блумбергу:

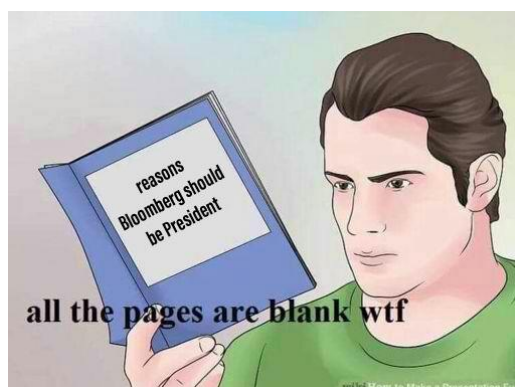


Рис. 4 (<https://crystalfeather06.tumblr.com/post/610989508548247552/this-man-is-so-out-of-touch-with-reality-wtf>)

Изображение книги «Причины, по которым Блумберг должен быть президентом» сопровождается вербальным компонентом «Что за черт, все страницы пустые». Так, книга не приводит ни одной причины для президентства Блумберга. Имплицированный смысл данного мема заключается в том, что таких причин автор на самом деле не видит.



Рис.5 (https://www.reddit.com/r/PresidentialRaceMemes/comments/fe8zmp/rachel_maddow_is_right_im_toxic_because_i_make/)

Данный мем разделен на два блока, каждый из которых содержит комбинацию вербального и графического компонента. Такая комбинация позволяет инферировать отношение медиа к сторонникам предвыборной кампании. Так как человек в обоих блоках мема один и тот же, мы можем заключить, что мем отражает позицию одних и тех же медиа к разным сторонам политического процесса.

Правый блок мема отражает резко пренебрежительное отношение медиа к сторонникам Берни Сандерса, которое имплицитно выражается графическим компонентом (мимика персонажа) и вербальным («*You fucking donkey*»), в котором элемент «*donkey*» имеет негативную коннотацию «*глупый человек*» [Macmillan Dictionary].

Левый блок мема демонстрирует прямо противоположное отношение медиа к сторонникам других кандидатов. Оно также имплицитно выражается графическим компонентом (объятия отца и дочери) и вербальным («*Oh dear. Gorgeous*»).

Говоря об особенностях организации записи блога, содержащей мем, стоит отметить тесную комбинацию самого мема и подписи, которую делает автор. Подпись зачастую помогает инферировать имплицитный смысл:



Рис. 6 (https://www.reddit.com/r/PresidentialRaceMemes/comments/fdx67j/the_rest_of_the_primary_now_that_warrens_out/)

Так, данный мем автор сопроводил подписью «*The rest of the primary now that Warren's out*» («*Остаток праймериз, когда Уоррен выбыла*»). Инферируемый смысл заключается в том, что для демократов борьба на этапе предварительных выборов после выбывания Элизабет Уоррен будет заключаться в борьбе между Берни Сандерсом и Джо Байденом. На это указывает вербальный компонент «*old man*», отсылая к возрасту обоих кандидатов. Кроме того, указание в подписи Элизабет Уоррен имплицитно выражает отношение к ней как к кандидату, который мог составить конкуренцию основным кандидатам. Без нее праймериз превратятся в спор двух стариков.

Интернет-мемы могут быть композиционно осложненными, т.е. содержать один мем внутри другого. Композиционная осложненность способствует более интенсивной компрессии смысла, что затрудняет его инференцию:



Рис. 7 (<https://adhominem13.tumblr.com/post/190923049102/february-2020-democratic-debate-no-context>)

Мем в правой части имплицитно несет идею о неожиданном единении традиционно непохожих личностей, в данном случае кандидатов Элизабет Уоррен и Берни Сандерса или Элизабет Уоррен и Эми Клобушар. Основной мем, расположенный в левой части имплицитно несет негативное отношение автора к союзу Элизабет Уоррен и Берни Сандерса, а также одобрение по отношению к союзу Элизабет Уоррен и Эми Клобушар.

4. Заключение

Таким образом, Интернет-мем обладает значительным импликационным потенциалом в рамках Интернет-коммуникации. Наш анализ показал, что на инференцию имплицитного смысла в равной степени влияют все входящие в состав мема компоненты (в нашем случае графические и вербальные). Стоит отметить, что авторские ремарки также могут способствовать инференции смысла мема.

Авторы блогов, обсуждая президентскую гонку в США, высказывают имплицитные оценки о демократических кандидатах, а также имплицитно делятся информацией о политических силах и их диспозиции.

Мультимодальные средства имплицитности в блогах, в частности Интернет-мемы, представляются нам широким полем для анализа. Данные средства и в дальнейшем послужат объектом наших исследований.

Библиографический список

1. Брызгалова, Е. Н. Интернет-мемы как инструмент мониторинга социально-политических настроений аудитории / Е. Н. Брызгалова, И. Е. Иванова // Современный дискурс-анализ. Дискурс современных массмедиа в перспективе теории, социальной практики и образования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (специальный выпуск журнала). – 2018. – Т. 2. – № 3 (20). – С. 135–143.
2. Галичкина, Е. Н. Характеристики компьютерного дискурса / Е. Н. Галичкина // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 10. – С. 55–59.
3. Канашина, С. В. Семантические особенности интернет-мема как полимодального дискурса / С. В. Канашина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 811. – С. 74–80.
4. Кириллов, А. Г. Дискурс блогосферы: ключевые понятия и категории блогов как гипержанра компьютерно-опосредованной коммуникации / А. Г. Кириллов // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. трудов (Орёл, 15 мая – 1 октября 2014 г.). – Орёл : Изд-во Орлов. гос. ин-та культуры. – 2014. – Вып. 12. – С. 260–270.
5. Кириллов, А. Г. Трансформация жанра блога в программах обмена мгновенными сообщениями / А. Г. Кириллов // Жанры речи. – 2017. – № 2 (16). – С. 260–267.
6. Колокольцева, Т. Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) / Т. Н. Колокольцева // Жанры речи. – 2016. – № 2. – С. 97–105.
7. Меликян, С. В. Современные тенденции интерактивного взаимодействия с аудиторией в сети Интернет / С. В. Меликян // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. – 2013. – № 2. – С. 130–136.
8. Щурина, Ю. В. Интернет-мемы в структуре комических речевых жанров / Ю. В. Щурина // Жанры речи. – 2014. – № 1-2 (9-10). – С. 147–153.
9. Щурина, Ю. В. Комические креолизованные тексты в интернет-коммуникации / Ю. В. Щурина // Вестник Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2010. – № 57. – С. 82–86.
10. Яковлева, Е. А. Креолизованный текст как объект юрислингвистики (стратегии и тактики исследования) / Е. А. Яковлева // Юрислингвистика. – 2012. – № 1 (12). – С. 140–153.
11. Gal, N. Internet Memes / N. Gal // The SAGE Encyclopedia of the Internet. – SAGE Publication, Inc., 2018. – P. 528–530.
12. Herring, S. C. Weblogs as a bridging genre / S. C. Herring, L. A. Scheidt, E. Wright, S. Bonus // Information Technology and People. – 2005. – Vol. 18, № 2. – P. 142–171. – URL: https://www.researchgate.net/publication/220436990_Weblogs_as_a_bridging_genre (дата обращения: 05.08.2019).
13. Lenkova, T. Three Steps to Understanding the Creolized Text / T. Lenkova // PCSF 2019 – 9th PCSF Professional Culture of the Specialist of the Future EpSBS. – 2019. – P. 517–523.
14. Macmillan Online Dictionary. – URL: <https://www.macmillandictionary.com/>

Н. С. Данкова

Пенза, Россия

ОБРАЩЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СМИ

N. S. Dankova

Penza, Russia

APPEAL OF THE RF PRESIDENT TO THE FEDERAL ASSEMBLY: REPRESENTATION IN THE MEDIA

Аннотация. Исследуются прагмалингвистические средства, используемые российскими журналистами. Рассматриваются такие стратегии СМИ, как оценка и прогнозирование. Отмечается, что медийные репрезентации обусловлены идеологической направленностью печатных изданий. Статья способствует пониманию дискурсивных механизмов СМИ, определяющих восприятие государственной политики.

Ключевые слова: СМИ, репрезентация, стратегия, оценка, прогнозирование.

Abstract. The present study is devoted to pragmalinguistic means used by Russian journalists. The author examines mass media strategies, such as evaluation and forecasting. It is claimed that mass media representations are determined by the ideological orientation of newspapers. The article promotes deeper understanding of mass media discursive mechanisms that influence public opinion of state policy.

Keywords: mass media, representation, strategy, evaluation, forecasting.

Дискурс СМИ привлекает интерес исследователей. С одной стороны, СМИ рассматриваются как авторитетный источник информации об окружающем мире [Busch 2006]. С другой стороны, исследователи указывают на наличие идеологической подосновы в дискурсе СМИ [Желтухина 2004; van Dijk 1988; van Dijk 1998; Simpson 2005]. В этой связи дискурс СМИ является инструментом власти и позволяет осуществлять социальный контроль посредством формирования «нужной» идеологии. Отмечается, что картина реальности, создаваемая в СМИ, не является нейтральной и объективной [Bush 2006; McKay 2006]. Исследователи медийного дискурса указывают на избирательный подход к фактам, репрезентируемым в СМИ [Дубровская, Кожемякин 2017]. П. Симпсон рассматривает то, как различные идеологические позиции передаются через язык газет при освещении одних и тех же событий и как меняется «угол обзора» разных изданий при репрезентации этих событий [Simpson 2005]. Полагаем, что для российских СМИ также характерна неоднозначность репрезентаций. **Целью нашего исследования** мы видим верификацию данной гипотезы на примере анализа медийных текстов, посвященных обращению президента РФ к законодательному собранию. Поставленная цель достигается посредством выявления и анализа основных дискурсивных стратегий СМИ.

Материалом для исследования послужили статьи, опубликованные в идеологически противоположных печатных изданиях: правительственной «Российской газете» (далее «РГ») и оппозиционной «Новой газете» (далее «НГ»).

Методология исследования основана на дискурсивном анализе.

Коммуникация в целом рассматривается как стратегический процесс. Так, О.С. Иссерс отмечает, что речевая деятельность мотивируется неречевыми задачами, и выделяет основные типы речевых стратегий [Иссерс 2006]. Дискурс СМИ, как и любой другой дискурс, характеризуется стратегическим подходом к репрезентации событий действительности. Ранее мы обращались к вопросу дискурсивного инструментария СМИ, направленного на формирование общественного мнения [Данкова 2018]. Настоящий фрагмент исследования продолжает серию наших работ в данном направлении. Далее обратимся непосредственно к результатам.

Анализ языкового материала позволил выделить медийные стратегии, способные потенциально воздействовать на восприятие государственной политики, такие как оценка и прогнозирование.

Стратегия оценки в правительственной «РГ» создает положительные репрезентации политической системы РФ посредством использования лексики с положительной семантикой (*успешно, эффективно, хорошо*):

Поэтому, говоря о предложенных президентом в Послании изменениях в Конституцию, можно сказать, что Путин как архитектор политической системы донстраивает ее: крайне важно, чтобы она успешно работала и после 2024 года, и после 2034 года, потому что от ее эффективной работы зависит

качество жизни страны и того, что будет со страной. Через закрепление новых подходов к Конституции Путин создает защитные механизмы, страховой полис, чтобы все у нас было хорошо (РГ 17.01.2020).

Отметим, что глава государства представлен в данном фрагменте метафорично как *архитектор*, который *донастраивает* политическую систему. Используемая метафора создает образ президента РФ, заинтересованного в улучшении качества жизни страны и работающего на благо граждан. Кроме того, положительная оценка достигается указанием на важность предлагаемых изменений (*крайне важно*).

Конституционная реформа, предложенная президентом, также получает в «РГ» метафоричную номинацию, которая характеризуется положительной оценочной направленностью (*оперативной перезагрузки системы власти*):

В условиях, когда объявлена масштабная конституционная реформа, связанная с изменением баланса и системы взаимодействия властей, у президента, как у автора этой политической реформы, должны быть определенные возможности для такой оперативной перезагрузки системы власти (РГ 17.01.2020).

Стратегия оценки в «РГ» конструируется посредством лексических единиц, акцентирующих необходимость, важность и значимость грядущих нововведений (*запрос на перемены, важнейшая, очень важные, фундаментальных, значительное*):

По его оценке, в обществе есть большой запрос на перемены, особенно со стороны малообеспеченных россиян (РГ 17.01.2020).

Вторая важнейшая новация касается материнского капитала (РГ 15.01.2020).

Дмитрий Медведев со своей стороны отметил, что президент обозначил не только очень важные приоритеты работы в нашей стране на ближайший год, но и целый ряд фундаментальных изменений в Конституцию (РГ 15.01.2020).

Значительное внимание в Послании уделено медицине (РГ 15.01.2020).

В оппозиционной «НГ» стратегия оценки используется главным образом в ее отрицательном варианте. Так, в следующем фрагменте грядущие реформы представлены номинациями (*имитация, профанация*), метафорой (*Дымовая завеса*), а также лексикой с отрицательной коннотацией (*смехотворным обоснованием*). Кроме того, лексический повтор усиливает потенциальный эффект манипулятивного воздействия на читателей:

Ну, а остальные предложенные изменения – по большому счету, не более, чем имитация. Дымовая завеса для главного: сохранения существующей системы и сохранения лично Путина у «кормила». <...> Имитация – предложение о назначении руководителей силовых ведомств президентом «по итогам консультаций с Советом Федерации». Со смехотворным обоснованием – мол, «такой подход сделает работу силовых, правоохранительных органов более прозрачной и в большей степени подотчётной обществу». Если бы Совет Федерации реально избирался гражданами – это еще как-то работало бы (хотя слово «консультации» ни к чему юридически не обязывает). А при нынешнем его формировании это просто профанация...» (НГ 17.01.2020).

Широко используются образные языковые средства. Так, обращение президента иронично названо *праздник*, а суть самих реформ выражена метафорой (*смена декораций*):

Праздник чуть было не испортил «яблочник» Николай Рыбаков <...> (НГ 17.01.2020).

Однако, по мнению экспертов «Новой», реально речь идет в лучшем случае о смене декораций <...> (НГ 17.01.2020).

Стратегия прогнозирования используется для опережающей репрезентации действительности. Стратегия прогнозирования в «РГ» позволяет акцентировать положительные изменения в жизни людей, которые произойдут в будущем благодаря реформам. Так, в следующих примерах речь идет об улучшении материального положения граждан.

С сентября каждый месяц классные руководители будут получать доплату не менее пяти тысяч рублей за счет средств госказны при сохранении существующих выплат (РГ 15.01.2020).

Если в семье уже есть ребенок, то после рождения второго материнский капитал семья получит в увеличенном размере - 616 617 рублей. А при рождении третьего, напомним, государство гасит 450 тысяч рублей ипотеки. То есть семья с тремя детьми сможет вложить свыше миллиона рублей для решения жилищной проблемы (РГ 15.01.2020).

Как видим, стратегия прогнозирования в «РГ» позволяет создавать репрезентации, подчеркивающие грамотное политическое руководство страной.

Репрезентации оппозиционной «НГ» указывают на отсутствие реальных изменений в политической системе РФ:

В общем, как уже сказано, очень много неопределенностей. За исключением одного. Менять Систему не планируется. Как и ее главного архитектора (НГ 17.01.2020).

Глава государства в оппозиционной прессе также представлен в ином образе. В.В. Путин позиционируется как властный правитель, что достигается посредством использования лексики семантического поля «власть». Кроме того, лексическая единица «царь» предполагает наличие неограниченной власти:

Определенно только одно: уходить от реальной власти и после 2024 года Путин не собирается (НГ 17.01.2020).

Содержание конституционной реформы, предложенной президентом Путиным, предельно простое: в России будет царь (НГ 17.01.2020).

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что идеологическая направленность печатных изданий в России оказывает непосредственное влияние на освещение событий действительности. Репрезентации правительственной «РГ» подчеркивают необходимость проводимых реформ и грамотное политическое руководство страной, тогда как репрезентации оппозиционной «НГ» указывают на отсутствие реальных изменений, а также отождествляют образ президента с монархом.

Библиографический список

1. Данкова, Н. С. Освещение пенсионной реформы в СМИ: стратегии и тактики речевого воздействия / Н. С. Данкова // Современный дискурс-анализ. – 2018. – № 3 (20). – С 22–28.
2. Дубровская, Т. В. Дискурс межнациональных отношений: конструктивистская парадигма / Т. В. Дубровская, Е. А. Кожемякин // Дискурс-Пи. – 2017. – № 3-4 (28-29). – С. 31–44.
3. Желтухина, М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Желтухина М. Р. – Москва, 2004. – 358 с.
4. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 4-е. изд. – Москва : КомКнига, 2006. – 288 с.
5. Busch, B. Media, Politics, and Discourse: Interactions / B. Busch // Encyclopedia of Language and Linguistics. – Amsterdam : Elsevier, 2006. – P. 609–616.
6. McKay, S. Media and language / S. McKay // Encyclopedia of Language and Linguistics. – Amsterdam : Elsevier, 2006. – P. 597–602.
7. Simpson, P. Language, Ideology and Point of View / P. Simpson. – London ; New York : Routledge, 2005. – 184 p.
8. Van Dijk, T. A. News as discourse / T. A. van Dijk. – Hove and London : Lawrence Erlbaum Associates, 1988. – 200 p.
9. Van Dijk, T. A. Ideology: A Multidisciplinary Approach / T. A. van Dijk. – London : Sage, 1998. – 374 p.

В. Е. Замальдинов

Нижний Новгород, Россия

ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ НОВООБРАЗОВАНИЙ НЕСТАНДАРТНОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ МАССМЕДИА

V. E. Zamaldinov

Nizhny Novgorod, Russia

INFLUENCING POTENTIAL OF INNOVATIONS OF NON-STANDARD WORD-FORMATION STRUCTURE IN MODERN MASS MEDIA

Аннотация. Рассматривается воздействующий потенциал новообразований нестандартной словообразовательной структуры. Материалом для анализа послужили тексты современных СМИ. Сделан вывод о том, что новые номинации обладают экспрессивно-оценочной тональностью, привлекают внимание адресата и доносят до него авторскую точку зрения.

Ключевые слова: новообразования, язык СМИ, речевое воздействие, нестандартная словообразовательная структура.

Abstract. The impacting potential of innovations of non-standard word-formation structure is considered. Modern media texts served as material for the analysis. It is concluded that the new nominations have an expressive and evaluative tone, attract the attention of the addressee and convey the author's point of view.

Keywords: innovations, media language, speech influence, non-standard word-formation structure.

В условиях развития информационного общества медийная коммуникация становится мощным инструментом воздействия на адресата. СМИ контролируют мнения людей, формируют дополнительные оценочные смыслы, конструируют квазиреальную картину мира. По мнению исследователей, «новая информация, поступающая к индивиду с экранов телевизора, со страниц газет и журналов, подкрепляет или корректирует сложившиеся установки, убеждения и представления о мире. В этом смысле продукция СМИ обладает значительным воздействующим потенциалом, поскольку восприятие и интерпретация важнейших явлений и событий, происходящих в стране и мире, осуществляется через и с помощью масс-медиа» [Чепкасов 2012: 67].

Под речевым воздействием мы будем понимать «целенаправленное влияние на установки, намерения, сознание аудитории с целью моделирования реальности и внесение выгодных для коммуникатора изменений, сопровождающихся вербальными и невербальными средствами» [Замальдинов 2018: 19].

К средствам речевого воздействия в языке СМИ можно отнести словообразовательные неологизмы нестандартной словообразовательной структуры. Под ними мы будем понимать новообразования, созданные с различными отклонениями от стандартной модели словообразовательного типа, и инновации, созданные по окказиональным моделям словообразования или с помощью неузусных способов деривации. Как отмечает И. А. Тропина, «для того чтобы воздействовать на сознание и подсознание адресата, тексты должны демонстрировать необычность в употреблении слов, их свежесть. Стремление решить коммуникативные задачи с максимальным эффектом воздействия на адресата речи приводит к созданию новых слов» [Тропина 2014: 339].

Так, например, отступления от стандартной модели словообразовательного типа демонстрируют новообразования на базе имён собственных (антропонимов). Особая словообразовательная семантика наблюдается у новых номинаций с префиксом *анти-*: *С момента ареста экс-главного охранника президента Белоруссии Втюрина в Белоруссии начался поиск российских шпионов в сердце Минска. После ареста Втюрина пошли слухи о некоем заговоре «Антилукашенко», который курировался спецслужбами России* («МСомр». 16.05.19); *Для Зеленского логично аккумулировать вокруг себя противников Порошенко, точно так же как сам Порошенко, явно жаждущий реванша, формирует сейчас «антизеленский фронт»* («Взгляд». 29.05.19); *Пока Мишустин-премьер известен как ярый технократ, прогрессист и сторонник всевозможной цифровизации, «Антимишустин» борется с прививочными заговорами, выступает против сбора биометрических данных, ибо это от Лукавого, и противопоставляет контролю посредством ИИ над православным людом* («Нижний Новгород онлайн». 17.01.20). Отметим, что в норме антропонимы не предполагают развития семантики отрицания. Кроме того, в медийном дискурсе журналисты редко относятся к общественно-политическим деятелям нейтрально. Поэтому для большего воздействующего эффекта авто-

ры статей используют стратегию дискредитации, которая реализуется через тактику выражения антипатии. С помощью данной стратегии адресанты подрывают доверие читателей к политику, настраивают аудиторию против него, вызывают неприятные ассоциации. Как отмечают исследователи, «стратегия дискредитации занимает в группе конфликтных речевых стратегий наиболее заметное место. Эта стратегия имеет своей целью снижение “положительного образа” адресата или объекта дискредитации, подрыв доверия к кому-либо, умаление авторитета и значимости дискредитируемого лица, изменение мнения о нём, вызывание сомнения в его положительных качествах и т.д.» [Радбиль, Юматов 2016: 350].

О расширении синтагматических возможностей префикса *псевдо-* с семантикой неистинности свидетельствует его сочетаемость с антропонимами: *Когда псевдо-Зеленский стал сердиться и грозить увольнением, генерал стал обещать выполнить все его указания и поступить в соответствии с законом* («Ua24ua.net». 28.07.19); *Пранкеры Вован и Лексус, они же Владимир Кузнецов и Алексей Столяров, дозвонились до Хоакина Феникса и его невесты Руни Мары. Пранкеры представились 17-летней шведской активисткой Гретой Тунберг и её отцом Сванте. Псевдо-Грета предложила обсудить её новый международный проект «Звёзды спасают Землю»* («Meduza». 30.01.20). На наш взгляд, префикс *псевдо-* вносит в новые номинации негативную экспрессию, которая может усиливаться контекстуальным окружением. В рассматриваемых примерах представлена стратегия дискредитации, которая реализуется посредством тактики иллюстрирования отрицательного.

Отклонение от словообразовательного типа наблюдается у новообразований с суффиксом процессуальной семантики *-изация*, если данная морфема присоединяется к антропониму: *Джонсон и Brexit: политике Британии грозит трампизация* (заголовок). *9 сентября британская королева подписала закон, принятый парламентом (Палатой общин 4 сентября и Палатой лордов 6 сентября). Таким образом, закон о запрете жёсткого Брексита, связавший руки премьер-министру Борису Джонсону, вступил в силу* («E-News.su». 11.09.19); *«Путинизация» – ползучая советизация* (заголовок)? *Фразу, вынесенную в заголовок, я почерпнул из какой-то газеты. И сразу захотелось её забыть. Но услужливая память напомнила мне: первое, что, несмотря на сопротивление либералов, сделал Путин, вступив во власть – вернул советским людям Гимн Советского Союза* («Завтра». 02.10.19); *Вот и дикий пиар Греты Тунберг – это тоже только в строку, равно как и то, что тунбергизация сознания человечества провалилась, это уже очевидно. В раскрутку Греты вкачаны огромные бабки – подумайте, зачем это понадобилось и почему именно сейчас* («E-News.su». 06.01.20). Данные инновации, мотивированные антропонимами, выступают в качестве экспрессивно-оценочного средства и обозначают отрицательно оцениваемые социальные процессы. «Оценочность в подобных новообразованиях связана не столько с суффиксом, сколько с контекстом и с отношением автора к тому, кто (что) назван(о) мотивирующим словом» [Рабибурская, Замальдинов 2017: 37–38]. Таким образом, можно говорить о том, что журналисты используют стратегию оценивания и тактику иллюстрирования отрицательного.

Нарушение системных условий словообразовательного типа наблюдается у новообразований с префиксоидом *лже-* с семантикой неистинности, ложности: *Вполне ожидаемо и услужливо псевдо украинское квази-СНБО [Совет национальной безопасности и обороны Украины. – Авт.], лже-МИД и лишь некоторые украинские депутаты поддержали эту совместную операцию США, Великобритании и Франции в Сирии* («Rupor.pp.ua». 22.04.18); *В тюменских социальных сетях появились тревожные сообщения о том, что по городу пошла очередная волна проверок от лже-МЧС* («Seldon.News». 11.01.19). Таким образом, элемент *лже-* может присоединяться только к существительным и прилагательным. В данных случаях это правило нарушается, так как префиксоид сочетается с аббревиатурами. Кроме того, подобные новообразования негативно характеризуют денотат. Всё это приводит к тому, что новые номинации с префиксоидом *лже-* участвуют в стратегии театральности, которая реализуется в тактике предупреждения.

Воздействующим потенциалом обладают новые номинации нестандартной словообразовательной структуры. Новообразования, созданные по неузואальным (оказиональным) способам словообразования, наделены экспрессией, оценочностью, семантической ёмкостью. «Оказиональные слова создаются с целью привлечения внимания к обозначаемому ими денотату в первую очередь за счёт необычной, яркой и незакреплённой языковой формы и нового содержания» [Ремчукова, Шевченко 2016: 36].

Широкое распространение в медийном дискурсе получили контаминированные номинации. Мы рассматриваем контаминацию как образование нового слова путём проникновения первой части одной лексемы в другую и вытеснение из этой другой лексемы её начала: *Браво «зажгут» ГЛАВCLUB на своё 35-летие 16 и 17 ноября* («Наша версия». 06.11.18) ← (группа) «Браво» + (пер)спектива; *Банкстеры* (заголовок). «Антиотмывочный» закон спровоцировал самоуправство банкиров («Наша версия». 12.08.19) ← банк + (ганг)стеры; *Наспехтуция* (заголовок). *Стоит ли нам торопиться с принятием поправок в Основной закон?* («Наша версия». 17.02.20) ← наспех + (консти)туция. Контаминированные дериваты обладают эмоционально-экспрессивной значимостью, сохраняют семантику исходных лексем, приобретают комический оттенок, доносят до адресата авторскую точку зрения, привлекают внимание читателя. Создание подобных номинаций свидетельствует о креативности журналистов, поиске новых оценочных средств и индивидуализации речи. «Подобного рода слова наиболее ярко демонстрируют индивидуально-творческий подход к словопроизводству, в их создании наиболее выразительно раскрываются творческие возможности человека» [Плотникова 2017: 216].

Воздействующей силой обладают новые номинации, созданные путём междусловного наложения. «Междусловное наложение состоит в том, что на конец основы одного слова накладывается омонимичное начало другого слова» [Янко-Триницкая 2001: 471]: **Муниципалево** (заголовок). Как Владимир Путин разлучал муниципалитеты с их прежней жизнью («Коммерсантъ». 31.01.20) ← муниципал(итеты) + **палево**; **Вирусъ**, куда ж несёшься ты (заголовок). Россия дождалась своего коронавируса («Коммерсантъ». 01.02.20) ← **вирус** + **Русъ**; **Тратный труд** (заголовок). 10 февраля премьер-министр Михаил Мишустин на совещании с вице-премьерами поручил проанализировать причины возникновения денежных остатков по итогам расходования средств бюджета в 2019 году, в том числе средств нацпроектов, с применением дисциплинарных мер по итогам проверки («Коммерсантъ». 11.02.20) ← **трат**(ы) + **ратный**; **Франшизофрения** (заголовок). Продажа и покупка франшизы стала в России очень популярным бизнесом. В стране 2,6 тыс. таких предприятий – парикмахерские, кофейни и рестораны («Коммерсантъ». 14.02.20) ← **франшиз**(а) + **шизофрения**; **Минздравый** смысл (заголовок). Замена Скворцовой на Мурашко пользу медицине не принесёт («Наша версия». 17.02.20) ← **Минздрав** + **здравый**; **Мероприятельские** отношения (заголовок). Россия и Киргизия будут дружить годами подальше от Запада («Коммерсантъ». 27.02.20) ← **мероприят**(ие) + **приятельские**. Таким образом, журналисты создают новообразования, которые заинтересовывают и интригуют читателя, делают текст экспрессивным. Вероятно, в анализируемых выше примерах, авторы статей реализуют игровую стратегию и тактику использования языковой игры.

Игровой эффект характерен для инноваций, созданных с помощью графической гибридации. Под ней мы будем понимать результат создания новых номинаций, в которых используется графическое выделение сегмента. Наиболее частотной разновидностью графической гибридации является капитализация, т.е. употребление в узальной лексеме заглавных букв: **МАКСимальное** ускорение (заголовок). Салон проводится с 1993 года и считается одним из наиболее масштабных и престижных в мире. В МАКС-2019 принимают участие 827 компаний <...> («Столетие.ру». 30.08.19); Аудиторы **СРОслись** (заголовок). Распугавшееся более чем на три года объединение саморегулируемых организаций (СРО) на рынке аудита подошло к концу («Коммерсантъ». 03.12.19); **Не СПИрт** (заголовок). На чём «погорела» экс-замглавы Росалкогольрегулирования Ирина Голосная («Наша версия». 20.12.19); **НеСНОсно** (заголовок). Как в Петербурге сносят и «аварируют» исторические здания ради коммерческого новодела («Наша версия». 18.02.20). С помощью графического словообразования журналисты создают запоминающиеся визуальные образы и способствуют активизации мышления читателя. «Изменённая средствами графики внешняя форма слова останавливает внимание читателя и заставляет в новой оболочке искать новый смысл» [Балахонская, Сергеева 2017: 297]. Кроме того, для успешной реализации воздействующей функции авторы статей применяют стратегию компрессии и тактику привлечения внимания.

Особого внимания заслуживают новообразования, созданные с помощью заменительной деривации. Под ней мы будем понимать такой окказиональный способ словообразования, при котором одна из частей подставляется на место другой в исходном слове: Глубокоуважаемый **вагономножатель** (заголовок). ВЭБ.РФ планирует обновить транспорт российских городов на 2 трлн руб. («Коммерсантъ». 13.09.19) – ср. исходное вагоновожатый; **Толп-менеджеры** (заголовок). На экраны выходит фильм «Depeche Mode: Spirits In The Forest» («Коммерсантъ». 20.11.19) – ср. исходное топ-менеджеры. С помощью субституции образуются и имена прилагательные: **Горюче-сахарные** материалы (заголовок). По версии Следственного комитета России (СКР), в 2015-2016 годах господи Коршунов и Алексеева предложили их знакомой предпринимательнице Марине Дюковой (осуждена на 3,5 года в особом порядке после признания вины) участвовать в аукционах на поставку топлива и сахарного песка для ФСИН России («Коммерсантъ». 27.02.20) – ср. исходное горюче-смазочные (материалы); **Конституционно-освободительное** движение (заголовок). Агитация в поддержку поправок к Основному закону началась с Астрахани («Коммерсантъ». 28.02.20) – ср. исходное национально-освободительное (движение). Используя инновации, созданные с помощью заменительной деривации, журналисты делают текст статьи запоминающимся, достигают эффекта обманутого ожидания, усиливают оценку. В данных примерах адресанты применяют тактику иронизирования для реализации стратегии театральности.

Обобщая сказанное, отметим, что новообразования нестандартной словообразовательной структуры в современных СМИ обладают воздействующим потенциалом. Создавая подобные номинации, адресанты используют стратегию дискредитации (тактика выражения антипатии, тактика иллюстрирования отрицательного), стратегию оценивания (тактика иллюстрирования отрицательного), стратегию театральности (тактика предупреждения, тактика иронизирования), игровую стратегию (тактика использования языковой игры), стратегию компрессии (тактика привлечения внимания).

Новообразования нестандартной словообразовательной структуры выступают в качестве экспрессивно-оценочного средства, делают текст статьи запоминающимся, доносят до адресата авторскую точку зрения, привлекают внимание читателя.

Библиографический список

1. Балахонская, Л. В. Лингвистика речевого воздействия и манипулирования / Л. В. Балахонская, Е. В. Сергеева. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2017. – 352 с.

2. Замальдинов, В. Е. Словообразовательные неологизмы как средство речевого воздействия (на материале нижегородских СМИ начала XXI в.) : дис. ...канд. филол. наук / Замальдинов В. Е. – Нижний Новгород : Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2018. – 224 с.
3. Плотникова, Л. И. Лингвокреативный потенциал языковой личности и его реализация в повседневном общении / Л. И. Плотникова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2017. – № 22-2. – С. 214–216.
4. Радбиль, Т. Б. Выявление признаков речевой стратегии дискредитации в лингвистической экспертизе спорных текстов СМИ / Т. Б. Радбиль, В. А. Юматов // Русский язык в поликультурном мире : сб. науч. ст. X Междунар. науч.-практ. конф. (8–11 июня 2016 г.) : в 2 т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. – Симферополь : АРИАЛ, 2016. – Т. 1. – С. 349–358.
5. Рацибурская, Л. В. Особенности новообразований с экспрессивно-оценочной семантикой в региональной нижегородской прессе / Л. В. Рацибурская, В. Е. Замальдинов // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. – 2017. – № 4. – С. 34–41.
6. Ремчукова, Е. Н. Лингвокреативные составляющие печатных СМИ Испании в аспекте отношений «адресант – адресат» / Е. Н. Ремчукова, О. А. Шевченко // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Лингвистика. – 2016. – Т. 20, № 1. – С. 33–42.
7. Тропина, И. А. Языковые эксперименты в коммуникативном пространстве СМИ / И. А. Тропина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2014. – № 16. – С. 339–341.
8. Чепкасов, А. В. О некоторых аспектах воздействия СМИ на массовое сознание / А. В. Чепкасов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, № 6. – С. 63–67.
9. Янко-Триницкая, Н. А. Словообразование в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. – Москва : Индрик, 2001. – 504 с.

Е. В. Кишина, А. Л. Белявская

Кемерово, Россия

ЛИНГВО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ¹

E. V. Kishina, A. L. Belyavskaya

Kemerovo, Russia

LINGUISTIC AND LEGAL ASPECTS OF THE STUDY OF REGIONAL SOCIAL CONFLICTS

Аннотация. Рассматривается лингво-правовое описание коммуникативных факторов, отражающих социальную напряженность. Объектом исследования выступает категория социальной напряженности, зафиксированная и отраженная в интернет-комментариях. Анализируются смысловые доминанты обыденного языкового сознания, связанные с интерпретацией социальной жизни.

Ключевые слова: коммуникативный конфликт, социальный конфликт, социальная напряженность, лингвистический мониторинг.

Abstract. The article investigates the linguistic and legal description of communicative factors that reflect social tension. The object of the research is the category of social tension recorded and reflected in Internet comments. The paper presents an analysis of the semantic dominants of everyday language consciousness associated with the interpretation of social life.

Keywords: communicative conflict, social conflict, social tension, linguistic monitoring.

Научная задача, на решение которой направлена настоящая работа, связана с системным лингвистическим исследованием социальной напряженности в конкретном российском регионе (Кузбассе). Социальная напряженность – многогранное явление, формируемое помимо социальных, политических, правовых, психологических и педагогических факторов собственно языковыми причинами, которые подлежат специальному системному исследованию. В научной литературе социальная напряженность описывается в разных аспектах и нередко обозначается в различных терминах: противоречие, конфликт интересов, неудовлетворенность потребностей, противостояние, столкновение общественных групп и т.д. Независимо от теоретических установок, феномен «социальная напряженность» преимущественно соотносится с понятием «конфликт». При этом для одних исследователей социальная напряженность совпадает с конфликтом [Нагайцев, Зик 2018], для других она предшествует конфликту [Иванов 2005], для третьих – социальная напряженность включает в себя социальный конфликт как её отдельную сторону [Клиценко 2013].

Объектом исследования выступает категория социальной напряженности, зафиксированная и отраженная в интернет-комментариях. «Как уже неоднократно было отмечено представителями разных сфер знаний, интернет-комментарии являются индикатором общественного настроения массового адресата [Кишина 2019: 702–703]. Лингвистический анализ интернет-высказываний обуславливает моделирование реальной социальной картины, вычленение ядерных и потенциальных конфликтных ситуаций, определение идеологического настроения общества.

Избранный материал исследования обуславливает разработку метода комплексного лингвистического мониторинга социальной напряженности, включающего выделение конфликтных тем, негативно коннотатированных лексических единиц, различных типов речевых актов (возмущения, презрения, призыва, осуждения) и т.д. В настоящей работе разрабатываемая методология представлена одним из направлений анализа: выявлением ключевых слов и идиоматических сочетаний, организующих ядерную зону семантического конфликтного поля «социальная напряженность».

Выделение смысловых доминант способствуют определению социально-значимых констант, формирующих категорию «социальная напряженность». Векторами данного поля являются типовые ситуации, репрезентирующие проблемные и конфликтные зоны региона: отношения между властью и народом, противозаконные действия власти, уровень заработной платы, экономическая и экологическая ситуации. Модусной направленностью содержательных доминант является выражение резко отрицательного отношения к ключевым событиям социальной жизни региона.

Конкретным материалом настоящего исследования являются интернет-комментарии к публикациям, размещенным на странице incident_kuzbass в социальной сети «Instagram» (https://instagram.com/incident_kuzbass)

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-412-420004 р_а «Лингвистический мониторинг социальной напряженности в Кузбассе»

incident_kuzbass). Анализ ключевых слов и сочетаний, семантически связанных с понятием «социальная напряжённость», позволил выделить ядерные смысловые доминанты, организующие социальную картину региона (сохранена авторская стилистика):

- коррупционная деятельность и мошенничество: *Дети выросли в стране, где воруют все, начиная с правительства...; Все никак не нажмутся ироды. Вора́м клептома́нам место в дурдоме, а они в мери́ях заседают;*

- экологическая ситуация: *Ага вот чешит зам губернатора сегодня днём ехал по трассе более менее ещё а при въезде в город как будто пеленой накрыло;*

- бездействие власти: *А то только одни выявления, а решения нет. Идиотизм; Если площадок нет, где то надо играть... ((*

- незаконная деятельность правоохранительных органов: *А что простого мусоришку то берете? Здесь повыше мусора, крышуют бизнес в плоть до администрации...; Да эту торговлю крышуют менты;*

- качество выполнения работ коммунальными службами: *Все лето готовились к отопит. сезону, и как всегда не успели, а вернее отработовали; Да когда они там о людях то думали ...со снегом и сосулькам справится не могут;*

- необоснованное распределение бюджетных средств: *Зато ёлка 18 лямов. ..стыд и позор властям разрушителям, не можете созидать-разбегайтесь к едрене бабушке; Весь бюджет истратили на елку;*

- пенсионный возраст и размер пенсионных выплат: *спасибо нашему правительству, за которое мы голосуем. бабушкам пенсию дают, на вид сдача после магазина и еще зарабатывать не дают;*

- уровень заработной платы: *Ну а медицинский персонал тут работает... Думаете им приятно? Да ещё и за мизерную зарплату...;*

- качество здравоохранения: *Больше похоже на заброшенный Морг, ну это правда сам живу в этом городе и обращаюсь в эту больницу!!*

Анализ ключевых лексических единиц, связанных с категорией «социальная напряжённость», позволил выделить основные смысловые доминанты обыденного языкового сознания, связанные с интерпретацией социальной жизни. Интернет-комментарии выступают отражением «живых» реакций авторов на самые злободневные и обсуждаемые темы, комментаторы в ходе дискуссий целенаправленно перемещают центр коммуникативного акта на обсуждение конфликтных вопросов, связанных с политической или социальной проблематикой.

Одним из языковых уровней определения социальной напряжённости является описание идиоматичных единиц, отражающих образное осмысление социального устройства конкретного субъекта государства. Материалом исследования в данном направлении выступают интернет-комментарии к публикациям губернатора Кемеровской области, расположенные в открытом доступе на официальной странице социальной сети «ВКонтакте» (<https://vk.com/tsivilev42>).

Наблюдения за единицами политической афористики в интернет-коммуникации позволяют выделить основные смысловые доминанты обыденного языкового сознания, связанные с интерпретацией социальной жизни. Фактором, способствующим смещению содержательного и модусного векторов в сторону острых социальных вопросов, оказывается авторство исходного текста. Интернет-комментарии к текстам первого лица региона, с одной стороны, являются показателем живого диалога власти и общества, с другой стороны, интерпретируются адресатом как прямой способ выявления и представления сложных зон региона. Исследование данного материала способствует выработке лингвистических методов, направленных на системный анализ конфликтных смысловых компонентов, зафиксированных в интернет-комментариях.

Анализ единиц устойчивого характера, функционирующих в текстах-комментариях к публикациям губернатора Кемеровской области, позволил выделить ядерные смысловые доминанты, организующие социальную картину региона:

1. Уровень заработной платы и доходов населения: *А зарплата то вовсе не поднимается, как были копейки, так и остались!!!; Новые места - это хорошо, а зарплата когда начнёт расти так же, как цены на продукты?; Неплохо, да, на фоне непрекращающегося падения реальных доходов с 2014 года?*

2. Социальное неравенство: *Люди хлеб с солью последние доедают, а вы там икру чёрную на югах кушаете; Может, и нам будет счастье, и на нас обратят внимание; Стоим в Соцзащите, про нас вообще забыли, спасибо за жильё!; То программу прикроют, то приостановят, то финансирования нет. Так и мыкаемся.*

3. Обман власти: *Заводский район весь в смоге, сколько можно лапшу на уши вешать??? СМИ молчат, МЧС молчит, да, все молчат; Попытка выдать за рекорд цифры - ни о чём.*

4. Бездействие власти: *...а не создавать видимость, надувая важно щеки и протирая штаны и юбки в кабинетах за наши налоги; главы территорий не всегда расторопны и компетентны. Многие работают от пинка.*

5. Противозаконные действия власти и руководящего состава: *Данный работодатель грубо нарушает ТК РФ! Несвоевременная выплата зарплаты и расчета при увольнении; Имеют проблемную задолженность перед работниками, которые уволились!; Законодательство РФ не соблюдают!*

6. Финансовые махинации власти: *...тем более что непонятно, куда ушли деньги, сэкономленные на детских городках; интересен тот факт, как «доблестные» заместители Тулеева при его отставке*

вовремя и очень быстро «надули трусы и улетели» в Европу с миллиардными состояниями, и не хотят возвращаться обратно, видимо, было о чём переживать;

7. Социальный и экономический застой: **Кузбасс - просто сырьевая колония, типа африканской страны. О развитии речи нет вообще. Территория постепенно превращается в лунный ландшафт; Можно что-то с Яшкинским районом придумать? Работы нет! Совхозы развалили!**

8. Экологическая ситуация: Губернатор, когда обратите внимание, на то, что **полгорода живёт как в газовой камере, ответь на вопрос, это вас интересует?; 21 век на дворе, сколько уже можно заниматься модернизацией, так сказать, пока как тараканы все не передохнем в консервной банке; "Чистый уголь – зеленый Кузбасс". Невероятный лозунг, издевательский лозунг над здравым смыслом.**

9. Качество вводимого жилья: За такое дно, как ЖК Томь от РФЖС и панельные гетто, подобные мкрн 12А от СДС, их создателям **сквозь землю от стыда бы провалиться;** Низкокачественные, безвкусные, **по короеду аляписто крашенные** панельные кубы от СДС.

10. Проблемы бизнеса: Все бизнесмены **выкручиваются как могут и насколько наглости хватает;** люди **не хотят заморачиваться,** хотя вlepить плакатик и дальше заниматься своими делами; только нашим "бизнесменам" **всё нипочём.**

Как уже было отмечено выше, выделенные смысловые доминанты способствуют определению социально-значимых констант, формирующих категорию «социальная напряжённость». На функциональном уровне характер оценивания выражается в преобладании агональной функции, ядерной реализацией которой является семантическая категория «свой – чужой». В контексте обсуждаемых событий данная оппозиция наделяется собственно социальным характером, иллюстрирующим противопоставление разных субъектов:

- власти и народа: *А депутаты, наверное, **хотят подмять под себя всё,** им же мало денег. Дайте людям жить спокойно. Идите работайте тоже на заводы. Люди хлеб с солью последние доедают, а вы там икру чёрную на югах кушаете;*

- бизнеса и народа: *Для угольной олигархии, перспективы налицо, угля ещё достаточно, который **надо выкопать подчистую,** оставив безжизненную пустыню. Но для жителей жизнь там **похожа на ад;***

- действующей и предыдущей власти: *Изначально, наверно, при прошлом губернаторе, хотели подарить людям лыжи, но **попилили бюджет,** и хватило только на палки - так и появились фуфлыжники, только названные красивым словосочетанием «скандинавская ходьба»;*

- Кузбасса и соседних регионов: *При этом архитектура и качество вводимого жилья в Алтайском крае **на голову выше,** а стоимость кв. метра по-прежнему ниже. А за новостройками алтайских ИСК в Новосибирске очереди стоят. Недостроев в Барнауле нет. А что же в столице Кузбасса? Те же три застройщика (в Барнауле более 10), тот же **примитивный кубизм, тот же дешманский короед и убогая панель.***

Результаты исследования иллюстрируют, что участники интернет-дискуссий в большинстве случаев проявляют резко негативное отношение к явлениям, формирующим социальную группу «чужое».

В целом проведённое исследование иллюстрирует, что анализ ключевых слов и интернет-паремий является одним из действенных лингвистических приёмов, направленных на системный анализ конфликтных смысловых компонентов, зафиксированных в интернет-комментариях. Выделение смыслового и модусного наполнения ключевых слов и устойчивых единиц способствует моделированию реальной социальной картины и определению идеологического настроения региона. Собственно прикладным характером подобных исследований является их использование в прогнозировании и профилактике социально-конфликтных ситуаций, выявленных лингвистическими методами. Изучение общественного настроения путём анализа смысловых доминант способствует лингвистическому конструированию социальных категорий.

Библиографический список

1. Иванов, О. И. Социальная напряжённость и социальный конфликт / О. И. Иванов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2005. – Сер. 6, вып. 3. – С. 24–30.
2. Кишина, Е. В. Коммуникативная направленность идиом в аспекте отражения обыденных политических представлений / Е. В. Кишина // Русское слово в многоязычном мире : материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ. – Санкт-Петербург : МАПРЯЛ, 2019. – С. 702–707.
3. Клиценко, М. В. К вопросу о сущности понятия социальная напряжённость / М. В. Клиценко // Ученые записки ТООГУ. – Хабаровск, 2013. – № 4. – С. 658–662.
4. Нагайцев, В. В. Методология исследования социальной напряжённости и конфликтности в обществе / В. В. Нагайцев, А. Зик // Комплекс мер социального характера по снижению уровня социальной напряжённости и конфликтности в Алтайском крае : сб. материалов регион. науч.-практ. семинара / под ред. В. В. Нагайцева, В. А. Артюхиной, Е. В. Пустоваловой, 2018. – С. 16–21.

Н. Н. Кошкарлова

Челябинск, Россия

КОНСТРУКЦИЯ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ ОБРАЗА ВРАГА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ)¹

N. N. Koshkarova

Chelyabinsk, Russia

CONSTRUCTION AND DECONSTRUCTION OF THE IMAGE OF THE ENEMY IN THE ENGLISH-LANGUAGE MASS-MEDIA

Аннотация. Анализируются речевые средства создания образа врага в англоязычных СМИ. Номинация «чужой», расположенная на отрицательном полюсе бинарной оппозиции «свои-чужие», включает, но далеко не ограничивается, образ врага как воплощение инаковости, опасности, маргинальности. Демонизация политического врага в современных социальных и геополитических условиях находится на периферии имагологической сферы, репрезентирующей оппозицию «свои-чужие».

Ключевые слова: образ врага, оппозиция «свои-чужие», ценностное пространство, корпусная лингвистика, массмедийный дискурс.

Abstract. The article analyzes the speech means for creating the image of the enemy in the English-language media. The nomination "alien", located at the negative pole of the binary opposition "friend or foe", includes, but does not limit the image of the enemy as the embodiment of otherness, danger, marginality. Demonization of the political enemy in modern social and geopolitical conditions is located on the periphery of the imagological area, representing the opposition "friend or foe".

Keywords: foe's image, "us-them" opposition, the sphere of values, corpus linguistics, mass-media discourse.

Бинарная оппозиция «свой-чужой» неоднократно становилась предметом научных изысканий представителей различных исследовательских направлений: философия [Корчак 2006], история [Шипилов 2008], культурология [Якимович 2003], психология [Каган 2011], лингвистика [Чернявская, Молодых 2014]. Не вызывает сомнения тот факт, что номинация «чужой», расположенная на отрицательном полюсе вектора «свои-чужие», включает, но далеко не ограничивается образом врага как воплощением инаковости, опасности, маргинальности. На это указывает И.С. Дороговцева, подчеркивая, что «Другой не всегда откровенно враждебен» [Дороговцева 2010]. Еще одной важной предпосылкой изучения образа врага является тезис о том, что «враг» – это актер (явление), представляющий собой реальную или мнимую угрозу самому существованию индивида, группы, социума, носитель «антигуманных» свойств и качеств», а «образ врага» – это качественная (оценочная) характеристика, сформированная в общественном сознании» [Козырев 2008: 32]. Таким образом, противопоставление «свой-чужой» является важным компонентом изучения врага как воплощения отрицательных ценностей, а исследование имагологического аспекта функционирования отрицательно-оценочных смыслов изучаемого явления возможно проводить на материале англоязычной прессы, позволяющий выявить и описать культурные и аксиологические компоненты образа врага.

Для решения поставленной цели наиболее приемлемым видится использование материала Британского национального корпуса, так как корпус является неоценимым инструментом для изучения аксиологически маркированных языковых феноменов. При всех спорах, сопровождающих корпусную лингвистику (ее объект и предмет, степень востребованности, необходимость и простота использования и пр.), это направление науке о языке продолжает активно развиваться, а составители корпусов предоставляют исследователям и всем заинтересованным лицам богатый и обширный материал для анализа и изучения. Лингвисты описывают применение корпусных технологий в процессе анализа речевого материала и исследования различных типов дискурса [Борискина, Шилихина 2017; Воркачев 2016; Кошкарлова 2018; Мишланова, Пермякова, Аликина 2011; Bogoyavlenskaya, Nakhimova, Chudinov 2016]. Использование Британского национального корпуса детерминировано не только необходимостью обращения к англоязычному материалу, но и тем фактом, что данный массив текстов отличается большим по сравнению с Национальным корпусом русского языка жанровое разнообразие, постоянная наполняемость актуальным речевым материалом, наличие инструмента для изучения коллокации. Кроме того, Британский национальный корпус может стать неоценимым источником материала для выявления и изучения национальной специфики этически маркированных феноменов, к числу которых можно отнести образ врага во всем многообразии его проявления.

¹ Публикация подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00192.

Масс-медийный дискурс как отражающий реальность тип институциональной коммуникации очень чувствителен ко всем социальным и общественным изменениям, которые впоследствии репрезентируются в языке. Традиционным в англоязычной картине мира является наделение врага чертами, присущими физическому субъекту, обладающему неимоверной мощью и силой, с которым предстоит ожесточенная и кровопролитная схватка: *formidable* (грозный, устрашающий, внушительный), *biggest* (громадный), *mortal* (беспощадный): *Launched less than two years ago, the group is still thinking big. Its actions over the past two weeks did not capture the public imagination in the way it had done in April last year. By attacking the rightwing media, they have made a formidable enemy – and according to some critics, may have distracted the press and the public from their core message about the climate crisis* (The Guardian, September 11, 2020). <...> *“My biggest enemy is me,” sets the stage for the second grouping of tracks, which explore Gaga's struggles with past pain (“Replay”) and living with other's expectations (“Plastic Doll”)* (Entertainment Online, May 28, 2020). <...> *When the U.S. essentially greenlights Iranian hegemony in the region, Israel – Iran's mortal enemy – looks more like a potential ally to Iran's regional rivals* (Boston Herald, September 20, 2020).

В связи с распространением коронавирусной инфекции образ врага становится все более диффузным, но от этого не менее грозным и опасным. В ядерную зону средств создания образа попадают следующие лексемы: *unknown* (неизвестный), *unseen* (незримый), *invisible* (невидимый): *Dr. Julius M. Drilon, chief of Hospital of CLMMRH is readying his medical warriors to be courageous and equipped in dealing with the unknown enemy – the Covid-19* (Sun Star, April 3, 2020). <...> *The enemy is not easily recognized. It is an unseen unliving biological enemy that stealthily invades, using our cells to replicate itself so, with renewed forces, it can continue its silent march to spread. The manifestation of its attack comes later, sickness and death. The attack is not happening in some faraway place that can be forgotten, but right here in our social gatherings, bars, restaurants, long-term care facilities, and homes* (The Hill, June 29, 2020). <...> *Seventy-six summers have passed and Norfolk's Normandy veterans are facing an invisible but equally deadly enemy in the form of COVID-19: this year there will be no official ceremonies for the anniversary of D-Day, just quiet moments at home* (Eastern Daily Press, June 6, 2020).

Изоморфными остаются характеристики образа врага, являющиеся частью паремиологического фонда английского языка и образующие устойчивые выражения: *common enemy* (общий враг), *nefarious designs of the enemy* (гнусные планы врага и дискурсивный вариант реализации этого выражения *nefarious plot by the enemy*), *sworn enemy* (заклятый враг), *enemy propaganda* (вражеская пропаганда): *What the president of the United States should do is not deny the reality of climate change but tell the rest of the world that, instead of spending a trillion and a half dollars on weapons of destruction, let us get together for the common enemy, and that is to transform the world's energy system away from fossil fuel to energy efficiency and sustainable energy. The future of the planet rests on us doing that.* (The Washington Post, June 27, 2019). <...> *The security forces were fully active to fail the nefarious designs of the enemy and aerial surveillance was also done through helicopters* (The Daily Times, September 22, 2018). <...> *What happens when every long line at the polls and every Facebook meme and every delayed mail-in ballot is turned into a nefarious plot by the enemy to snatch democracy from the rightful winner?* (Yahoo News, September 4, 2020) <...> *Climate activists, many of whom who consider the fossil fuel industry to be a sworn enemy, celebrated the proposal* (Time, August 20, 2020). <...> *Despite earlier claims by the Iranian authorities that the coronavirus risk is under control and that its extent has been exaggerated by enemy propaganda to sow panic, they canceled Friday Prayers in Tehran and 22 other cities, and ordered schools and universities closed until the end of the Iranian year on March 21. All cultural and sports events will remain shut down for another week, the Ministry of Culture said* (New York Times, February 28, 2020).

В ценностном пространстве образа врага актуализируются не только его качественные характеристики и устойчивые выражения, обозначающие его действия, но и шаги, направленные на сдерживание деструктивного и разрушительного начала: *destroy an enemy* (уничтожить врага), *captured enemy* (плененный враг), *defeat an enemy* (победить врага): *This is of particular relevance now because the technical ability to engineer a robot able to navigate, surveil, track, target, and destroy an enemy is basically here, given rapid advances in algorithms enabling autonomy* (Fox New, June 26, 2020). <...> *McBey painted Lawrence of Arabia's portrait. My grandfather told us he demonstrated a captured enemy machine gun to British officers and found out afterwards one of them was Lawrence. Was it true or was he embellishing a war story?* (The Press and Journal, December 2, 2019). <...> *If the hit marker is red, that means you've defeated your enemy* (Polygon, June 18, 2020).

Интересным представляется тот факт, что в Британском национальном корпусе поиск по ключевой лексеме *enemy* (враг) не дает речевых примеров, связанных с Россией и ее деятельностью на международной арене. Такие результаты дают нам основание предположить, что из политической мифологии [Кузьминская 2016] образ врага трансформировался в социальный конструкт, лишенный идеологического содержания и транслирующий лишь общечеловеческую ценность и задачу, стоящую перед всем мировым сообществом, – борьба с новой коронавирусной инфекцией. Демонизация политического врага в современных социальных и геополитических условиях находится на периферии имагологической сферы, репрезентирующей оппозицию «свой-чужие».

Библиографический список

1. Борискина, О. О. Корпусные исследования политического дискурса в лингвистике / О. О. Борискина, К. М. Шилихина // Политическая наука. – 2017. – № 2. – С. 30–53.
2. Воркачев, С. Г. «Реликтовое чувство»: порядочность по данным корпусной лингвистики / С. Г. Воркачев // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 111–116.

3. Дорогавцева, И. С. Тенденции репрезентации Другого в современной российской культуре: образ врага / И. С. Дорогавцева // Вопросы культурологии. – 2010. – № 11. – С. 55–60.
4. Каган, В. Е. Ното Хепорhobicus: психология «своего и чужого» / В. Е. Каган // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 2 (6). – С. 40–45.
5. Козырев, Г. И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях / Г. И. Козырев // Социологические исследования. – 2008. – № 1 (285). – С. 31–39.
6. Корчак, А. С. Философия Другого Я: История и современность / А. С. Корчак. – Москва : ЛЕНАНД, 2006. – 152 с.
7. Кошкарлова, Н. Н. Дискурсивная специфика осмысления феномена коррупции в английском языке / Н. Н. Кошкарлова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 2 (55). – С. 51–58.
8. Кузьминская, С. И. «Образ врага» в современной политической мифологии / С. И. Кузьминская // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 3. – С. 49–52.
9. Мишланова, С. Л. Корпусная лингвистика vs. лингвистика стереотипного и творческого / С. Л. Мишланова, С. Л. Пермякова, Е. Ю. Аликина // Стереотипность и творчество в языке. – Пермь, 2011. – С. 289–301.
10. Чернявская, В. Е. История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих» / В. Е. Чернявская. – Москва : ЛЕНАНД, 2014. – 200 с.
11. Шипилов, А. В. «Свой», «чужие» и другие / А. В. Шипилов. – Москва : Прогресс-Традиция, 2008. – 568 с.
12. Якимович, А. К. «Свой-чужой» в системах культуры / А. К. Якимович // Вопросы философии. – 2003. – № 4. – С. 48–60.
13. Bogoyavlenskaya, Y. V. Precedent utterances in the national historical memory: a corpus study / Y. V. Bogoyavlenskaya, E. A. Nakhimova, A. P. Chudinov // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. – 2016. – 2 (47). – P. 39–48.

В. А. Куликова

Нижний Новгород, Россия

НЕГАТИВНАЯ ОЦЕНОЧНОСТЬ МЕДИАТЕКСТА В АСПЕКТЕ РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ¹

V. A. Kulikova

Nizhny Novgorod, Russia

NEGATIVE EVALUATION OF THE MEDIA TEXT IN THE ASPECT OF SPEECH MANIPULATION

Аннотация. Анализируются словообразовательные и лексические средства формирования негативной оценочности, используемые в целях речевого манипулирования в медиатексте. Рассматриваются новообразования с эксплицитной оценкой как реализация приема «навешивания ярлыков», а также новообразования с имплицитной оценочностью как средство формирования оценочных метафор, создания иронии.

Ключевые слова: негативная оценочность, словообразовательные средства, новообразования, речевое манипулирование.

Abstract. The article analyzes word-formation and lexical means of forming negative evaluation, which are used for speech manipulation in media text. The article considers new formations with an explicit evaluation, which implements the method of "hanging labels", as well as formations with implicit evaluativeness as a means of forming evaluative metaphors and irony.

Keywords: negative evaluation, word-formation means, neologisms, speech manipulation.

Оценочность является одной из стилеобразующих черт публицистического стиля, причем в современных СМИ преобладает негативная оценка. При этом оценка в медиатексте может иметь как эксплицитный (открытый, явный) характер выражения, так и имплицитный (скрытый) характер. К сфере речевого манипулирования преимущественно относятся средства выражения имплицитной негативной оценки, поскольку манипуляция рассматривается как скрытое воздействие на адресата с целью изменить его мнение [Стернин 2001]. Однако в некоторых случаях манипулирование может происходить и в случаях использования эксплицитных форм выражения оценки, например, в речевых стратегиях провокации [Фролова 2018], а также в иных случаях, когда резкие негативно-оценочные характеристики используются для сокрытия истинных коммуникативных намерений автора.

Как отмечают учёные, манипуляция в медиа-политическом дискурсе предполагает внедрение в общественное сознание под видом объективной информации желательного для некоторой группы содержания; воздействие на болевые точки общественного сознания, возбуждающие страх, тревогу, ненависть и т.д.; реализацию декларируемых и скрываемых замыслов, достижение которых манипулятор связывает с поддержкой общественным мнением своей позиции [Амелин 1992].

В современных лингвистических исследованиях проанализированы разнообразные приемы речевой манипуляции, в том числе на материале медиатекстов [Навастрян 2017]. В данной статье хотелось бы сосредоточить внимание на некоторых лексических и словообразовательных способах выражения негативной оценки, используемых в целях речевого манипулирования. Так, актуальным средством воздействия в данном аспекте являются новообразования.

Большим манипулятивным потенциалом обладают новообразования на базе имен собственных, как правило, известных политических и социальных деятелей, известных спортсменов, актеров и других публичных персон. В современных СМИ новообразования на базе имен собственных создаются по разным моделям и нередко несут в себе отрицательную оценку. В данном случае негативная оценка относится не только к называемому явлению (т.е. самому объекту оценки), но и непосредственно к лицу, имя которого послужило мотивирующим, поэтому подобные номинации могут служить средством компрометации, создания негативного образа публичного лица в общественном сознании. Таким образом, изучение подобных новообразований актуально для юрислингвистики в аспекте защиты чести и достоинства публичного лица.

Новообразования на базе имен собственных могут иметь эксплицитную негативную оценочность, если они включают в себя аффиксы или аффиксоиды с негативной семантикой и коннотацией, например: суффикс *-щин(а)* с негативной коннотацией, обозначающий общественно-бытовые явления, идейные течения с отрицательной окраской [Николина, Рацибурская 2013 : 72] (*В Госдуме поддержали Шойгу в очистке армии от «клопов сердюковщины»*) [Федеральное агентство новостей 19.03.2019]); суффиксы *-ат/-ят-*,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90005.

обозначающие детенышей животных и передающие уничижительную эмоциональную окраску (*При новом кабмине украинские «соросята» станут козлами отпущения?* [ИА REGNUM 18.03.2020]; суффиксоид – *гейт* со значением ‘политический скандал, вызванный какой-либо неблагоприятной ситуацией’ [Новый словарь 2000] (*Роналду-гейт. СМИ сообщили об отстранении футболиста от матчей из-за обвинений в изнасиловании* [Интернет-портал БФМ.РУ 04.10.2018]) и др. При этом репутация публичного лица не является фактором создания оценочности, поскольку негативный эффект создается за счет семантико-стилистических свойств аффикса.

Некоторые исследователи относят эксплицитную негативную оценочность к приемам речевого манипулирования, основанным на намеренном эпатаже в целях привлечения внимания [Аминева 2018]. Подобные негативно окрашенные номинации реализуют такой механизм воздействия, как «навешивание ярлыков» – необъективную, неаргументированную характеристику человека, выраженную в эмоционально окрашенной форме. Ярлыки употребляются в СМИ для достижения выгодных манипулятору целей: «Прием "наклеивания ярлыков" – это использование слов негативной окраски с целью дискредитировать идеи, планы, личности, вызвать чувство предубеждения, страха, ненависти, не прибегая к объективной оценке или анализу» [Булгакова 2012 : 42].

Однако новообразования на базе имен собственных нередко создаются с помощью оценочно нейтральных аффиксов, но в контексте приобретают имплицитную оценочность. Как отмечают исследователи, в современных СМИ актуальны стратегии имплицитной инвективности, реализующие скрытую негативную оценку без использования негативно-окрашенных элементов, но формирующие ее в контексте: «Подобного рода газетные тексты имеют целый ряд структурно-семантических особенностей, обусловленных специфической коммуникативной задачей автора и заключающихся в окказиональном характере использования средств разных уровней языка (от лексического до синтаксического) с целью привлечения внимания адресата (в данном случае – читателя) к фрагментам, в которых содержатся имплицитные негативно-оценочные смыслы» [Заложная 2010 : 87]. При этом инвективность как коммуникативная стратегия имеет конкретный объект – это, как правило, публичное лицо, общественная организация, социальная группа и под., на которых направлена негативная оценка, поэтому часто средством реализации являются новообразования на базе имен собственных.

Например, новообразования, обозначающие сторонников какого-либо публичного лица, создаются с помощью суффиксов *-ист-, -ец-* и нередко употребляются в негативном контексте: *Навальнисты с большой дороги: еще один активист Навального оказался преступником* [Politonline 27.07.2017] – фамилия оппозиционного политического деятеля *А. Навальный* + *-ист*, ср. прецедентное *бандит с большой дороги*; *Не все трамписты – идиоты. Просто потому, что 60 миллионов его избирателей могли бы составить отдельное государство, а Страна дураков есть только в «Буратино»* [Новая газета 14. 10.2016] – фамилия президента США *Д. Трамп* + *-ист*, синтаксическая конструкция «не все ... идиоты» имплицитно выражает негативную оценку за счет пресуппозиции.

Отонимические новообразования, обозначающие сторонников какого-либо публичного лица, зачастую приобретают оттенки иронии, неодобрения в соответствии с коммуникативными условиями медийного дискурса. Так, новообразования с суффиксоидом *-фил(ия)* иронически обозначает чрезмерную привязанность, слепое следование за лидером: *Порхоботы и Зеленофилы. Снова и снова мы, постсоветские люди, словно крысы за дудочкой крысолова, радостно и покорно, не умея плавать и не желая учиться, уверенно двигаемся тонуть в море неоправданных надежд* [Газета.ру 20.04.2019]; *«Приватбанк», соросята и бенифилы: «Перетягивание каната упрямыми». Если Коломойский представляет свои собственные интересы и является вождем «партии» Бенифилов (Беня – прозвище Коломойского), то Гончарук возглавляет «партию» «соросят»* [EADaily 26.11.2019] – новообразование *бенифил* создается на базе прозвища, как это обозначено в тексте, что повышает его негативную экспрессивность.

На базе имен собственных публичных лиц активно создаются дериваты с суффиксами *-изац(ия)*, в современных медиатекстах использующиеся для обозначения негативных социальных процессов. При употреблении подобных новообразований стратегии имплицитной инвективности реализуются за счет контекста («*Брежневизация*» и *постепенная деградация* [ИА Regnum 09.03.2019]), причем для интенсификации негативной оценки имеет значение репутация этого лица: *Будапешт приступил к "десоросизации". В Венгрии борются с американской НКО ради сохранения христианской идентичности* [Независимая газета 18.04.2017] – чересступенчатое словообразование на базе имени собственного (*Джордж*) *Сорос* с пропуском ступени **соросизация*, приставка *де-* вносит значение ‘имя существительное со значением действия, обратного, противоположного по отношению к тому, что названо мотивирующим именем существительным (ср., *деактивация, деквалификация, демонтаж, денационализация* и т. п.)’ [Новый словарь 2000]. Новообразование создано на базе имени публичного лица, имеющего неоднозначную репутацию. В структуре новообразования не содержится элементов с оценочной семантикой, используются стилистически нейтральные словообразовательные средства, однако новообразование приобретает адгерентную негативную оценку за счет контекста (*борются... ради сохранения христианской идентичности*).

Итак, новообразования на базе имен собственных в современных медиатекстах нередко выступают как средство имплицитной инвективности, направленной на дискредитацию конкретного публичного лица и/или его последователей. При этом новообразование выступает лишь одним из маркеров стратегии имплицитной инвективности, встраиваясь в общую систему негативных характеристик в тексте. Однако подобные

инвективные стратегии скорее являются нарушением этических и коммуникативных, а не юридических норм, поскольку имплицитная информация носит необязательный и индивидуальный характер выявления.

Кроме того, манипуляция может быть направлена на скрытую критику не только конкретного лица, но и целых общественных групп, а также социальных процессов.

Одним из актуальных средств манипуляции является метафора. Метафору характеризуют как контекстуальный способ создания оценки, несущий оценочный заряд и окрашивающий окружающий контекст [Ванова, Палагина 2011 : 33–34], в том числе новообразования, входящие в ее состав. Метафору относят к средствам имплицитной оценочности, выполняющим оценочно-ориентирующую функцию с целью создать у адресата яркий, зримый образ, суггестивно влияющий на принятие решения [Дементьева 2009 : 90].

Отечественные и зарубежные ученые (Н. Д. Арутюнова, В. П. Москвин, Г. Я. Солганик, Е. В. Чернявская, А. П. Чудинов, С. Г. Кара-Мурза, Дж. Лакофф и др.) выделяют основные тематические виды метафор, используемые в целях манипуляции в СМИ, к которым в том числе относятся метафора войны, метафора шоу, театра/цирка, метафора болезни, метафора смерти, метафора спорта и другие. В формировании оценочной метафоры могут участвовать и словообразовательные средства, когда производящее слово в составе новообразования приобретает метафорическое значение под влиянием контекста.

Например, метафора войны реализуется, когда для номинации социальных групп используются новообразования на базе лексем, относящихся к субъектам военных действий: *Агитвойска. Минобороны тратит миллионы на пиар вместо помощи реальным героям сирийской войны* [Наша версия 25.03.2019] – сложносокращенным способом от *агит(ационные) войска*. В частности, новообразования с префиксоидом *кибер-* часто используются для обозначения явлений, связанных с информационной войной, в качестве производящих слов выступают лексемы, обозначающие понятия военной тактики, военные действия: *Дональд Трамп перешел в киберконтратаку. Вашингтон упростил процедуру возмездия врагам США в киберпространстве* [Коммерсантъ 17.08.2018]; *Зачем Трамп признался в кибервторжении в Россию. Впервые в истории президент США публично признался в том, что отдал приказ о хакерской диверсии против россиян* [Взгляд 21.05.2019].

Для характеристики политических явлений также используются новообразования за счет семантики производящих слов, реализующие метафору шоу: *Какая страна, такие и дебаты: первые отклики на полит-шоу кандидатов в президенты Украины* [Комсомольская правда 19.04.2019] – сложносокращенным способом от *полит(ическое) шоу*.

Яркую негативную окраску предают новообразования на базе лексем, отсылающих к теме смерти: *«Политмертвец» оживает. Арсений Яценюк войдет в правительство Украины?* [Аргументы и факты 02.10.2019] — новообразование создано сложносокращенным способом от *полит(ический) мертвец*, таким образом спад политической карьеры метафорически сопоставляется со смертью.

Для характеристики политических процессов нередко используются новообразования на базе лексики, относящейся к тематической группе «спорт»: *Еврогол в ворота Украины. Запад нашел очередной способ давления на Виктора Януковича* [Независимая газета 21.06.2012] – новообразование создано путем префиксидации *евро-* + *гол*. Производящее слово *гол (в ворота Украины)* отсылает к теме спорта и в контексте приобретает метафорическое значение – политический конфликт, в котором одна из сторон попадает в невыгодное положение, сближается со спортивным поражением, таким образом *еврогол* в контексте обозначает негативные политические последствия. Скрытое сравнение политических взаимоотношений со спортом подчеркивает соревновательный характер политической жизни.

Подобные новообразования создаются на базе лексем, которые вне контекста оценочно нейтральны, не содержат негативно-оценочного компонента в своей семантике (в прямом значении), однако в контексте актуализируется метафорическое значение производящего слова, которое в конкретном языковом окружении приобретает негативную коннотацию. Такие новообразования выражают оценку в имплицитной форме, поскольку негативно-оценочное значение не содержится явно в словарном значении производящего слова и выявляется посредством интерпретации переносного значения в рамках контекста. При этом оценка имеет иррациональный характер, поскольку метафоризация основана на образном сравнении, а не на рациональном сопоставлении свойств объектов. Таким образом реализуется суггестивное воздействие, метафоризация направлена на построение в сознании адресата неосознанных ассоциативных связей между явлениями. То есть негативно-оценочная информация не эксплицируется и не преподносится в виде фактов, но приобретает образную форму, которая не проходит через фильтры рационального критического восприятия.

К манипулятивным средствам скрытого воздействия также относят иронию, которая в том числе реализуется с помощью языковой игры. Языковая игра является средством реализации лингвокреативных способностей личности, она строится на использовании намеренного отклонения от языковой нормы и предполагает создание новых семантических, ассоциативных связей. К средствам языковой игры относится создание новообразований неузвальными способами, с нарушением системных правил словообразования или правил продуктивности.

К неузвальным способам словотворчества относится контаминация – наложение формально схожих частей узвальных слов. Данный прием языковой игры основан на принципе ассоциативной адаптации, одновременной актуализации в сознании читателя семантики нескольких визуально воспринимаемых лексических единиц [Гридина 1996]. При этом с помощью новообразований игровой структуры в скрытой форме выражается оценка: *Коронавирусная инфейкция* [Коммерсантъ 05.03.2020] – *инфекция* + *фейк*, в ин-

тернет-сленге ‘подделка, фикция’; **Незабываемое** впечатление. Можно ли ещё верить в сборную России по футболу? «Верите ли вы в то, что команда экзамен сдаст?» – «АиФ» адресовал этот вопрос знаменитым болельщикам. Результат: пессимизм победил над оптимизмом со счётом 3:1 [Аргументы и факты 21.06.2017] – новообразование *незабываемое (впечатление)* создано путем контаминации *незабываемое + (не) забывать*, или путем мены фонемы (по И.С. Улуханову [Улуханов 1996]) <ы> на <и> на базе *незабываемое (впечатление)*, так за счет созвучия устанавливается связь с глаголом *забывать*. Глагол *(не) забывать* ‘Резкими толчками, ударами загонять, забрасывать что-л. куда-л.’ вне контекста оценочно нейтрален, однако в тексте об игре в футбол (*Можно ли ещё верить в сборную России по футболу?*) новообразование *незабываемое* в иронической форме выражает негативную характеристику – неспособность команды победить (забивать голы) и обусловленное этим отсутствие поддержки со стороны болельщиков (*пессимизм победил над оптимизмом со счётом 3:1*).

Таким образом, в иронической форме с помощью средств языковой игры выражается скрытая критика важных социальных процессов. При этом языковая игра может стать фактором коммуникативных рисков в этическом и правовом аспекте. Так, ироническое обыгрывание представляется неуместным, например, в заголовках публикаций, посвященных важным реалиям религиозной жизни общества, трагическим событиям: **Священнослужительная война. Расстрелян старейший имам Дагестана** [Коммерсантъ 17.09.2011] – тмезис на базе устойчивого сочетания *священная война*; **Коранный номер. Скромный пастор из прихода в Гейнсвилле Терри Джонс и члены его независимой христианской общины объявили о том, что намерены отметить очередную годовщину событий 11 сентября сожжением Корана** [Российская газета 09.09.2010] – *Коран + коронный номер*, по образцу *коронный*, может рассматриваться также как мена фонемы <о> на <а> (по И. С. Улуханову).

Как отмечают ученые, скрытый характер негативной оценки при языковой игре является сознательной установкой автора: «Ведущим приемом современных журналистов становится ирония, приобретающая индивидуально-личностные характеристики. При этом в ряде случаев декодируемость информации происходит только среди подготовленной аудитории. Менее образованная часть адресатов может не распознать интенции автора, иллюзивность его высказывания, выраженного косвенными речевыми актами» [Молчанова 2000]. При этом в рамках публичного общения скрытый характер оценки может быть обусловлен и юридическими факторами: поскольку негативная информация содержится в неявной форме, восприятие ее факультативно и зависит от интерпретации, подобные высказывания, как правило, не попадают в сферу правового регулирования.

Итак, в современном медиатексте словообразовательные средства активно используются в целях речевой манипуляции. Арсенал вербальных средств манипуляции широк и не ограничивается проанализированными словообразовательными и лексическими средствами, однако их функционирование отражает в целом общие закономерности механизмов манипулирования.

В некоторых случаях могут использоваться новообразования с эксплицитной негативной оценкой, реализующие стратегию навешивания ярлыков, но в большинстве случаев манипуляция связана с употреблением имплицитной формы негативной оценки. Так, актуальным средством скрытого воздействия являются отантропонимические новообразования, участвующие в стратегиях имплицитной инвективности, направленной на дискредитацию конкретного социального, политического деятеля и его последователей. Подобные новообразования могут служить фактором коммуникативных рисков, а также повлечь за собой юридические конфликты, поскольку могут наносить ущерб репутации публичного лица. Когда манипуляция направлена на формирование негативного образа не конкретного лица, а социальной группы или отвлеченного явления общественной жизни, оценка нередко выражается с помощью метафор, а также с помощью иронии. При этом словообразовательные средства встраиваются в общую систему негативных характеристик.

В целом, манипуляция с использованием словообразовательных средств выражения негативной оценки в лингвоправовом аспекте представляется сложным коммуникативным явлением. Имплицитная форма выражения оценки, как правило, не входит в сферу правового регулирования, хотя с этической точки зрения зачастую нарушает нормы публичного общения и может провоцировать конфликты.

Библиографический список

1. EADaily. – URL: <https://eadaily.com/ru/>
2. Politonline. – URL: <http://www.politononline.ru/>
3. Амелин, В. Н. Социология политики / В. Н. Амелин. – Москва : Изд-во МГУ, 1992. – 183 с.
4. Аминева, Е. С. Приёмы и технологии манипуляции общественным сознанием в еженедельнике «Аргументы и факты» / Е. С. Аминева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 1 (79), ч. 2. – С. 269–273.
5. Аргументы и факты. – URL: <https://aif.ru/>
6. Булгакова, Н. Е. Словесные ярлыки как лексико-семантическое и лингвоэкологическое понятие / Н. Е. Булгакова // Мир русского слова. – 2012. – № 2. – С. 42–47.
7. Ванова, А. Игра слов как метод влияния: PR, реклама, журналистика / А. Ванова, И. Палагина // Рекламодатель: Теория и практика. – 2011. – № 6. – С. 33–41.
8. Взгляд. – URL: <https://vz.ru/>
9. Газета.ру. – URL: <https://www.gazeta.ru/>

10. Гридина, Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1996. – 225 с.
11. Дементьева, М. К. Языковые средства выражения оценки в современном российском официальном политическом дискурсе / М. К. Дементьева // Политическая лингвистика. – 2009. – № 4 (30). – С. 82–92.
12. Заложная, И. В. ИмPLICITная инвектива в современном русском языке: структурно-семантические и коммуникативно-прагматические характеристики : дис. ... канд. филол. наук / Заложная И. В. – Ставрополь, 2011. – 216 с.
13. ИА REGNUM. – URL: <https://regnum.ru/>
14. Интернет-портал БФМ.РУ. – URL: <https://www.bfm.ru/>
15. Князев, Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. – Москва : Языки славянских культур, 2007. – 704 с.
16. Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/>
17. Комсомольская правда. – URL: <https://www.kp.ru/>
18. Молчанова, М. М. Прагматика публицистического текста: метаязыковой аспект : дис. ... д-ра филол. наук / Молчанова М. М. – Краснодар, 2000. – 244 с.
19. Навасатрян, Л. Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет) : дис. ... канд. филол. наук / Навасатрян Л. Г. – Саратов, 2017. – 172 с.
20. Наша версия. – URL: <https://versia.ru/>
21. Независимая газета. – URL: <http://www.ng.ru/>
22. Николина, Н. А. Современный русский язык. Морфемика : учеб. пособие / Н. А. Николина, Л. В. Рацибурская. – Москва : Флинта : Наука, 2013. – 144 с.
23. Новая газета. – URL: <https://novayagazeta.ru/>
24. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. 2000 / Т. Ф. Ефремова. – URL: <https://www.efremova.info>.
25. Российская газета. – URL: <https://rg.ru/>
26. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 252 с.
27. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, 1997. – URL: <http://ozhegov.info/slovar/>
28. Улуханов, И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. – Москва : [б.и.], 1996. – 224 с.
29. Федеральное агентство новостей. – URL: <https://riafan.ru/>
30. Фролова, В. И. Провокативные стратегии в заголовочном комплексе медиатекста: этический аспект / В. И. Фролова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2018. – Т. 1, № 1. – С. 152–162.

М. Н. Лату

Пятигорск, Россия

Ю. Р. Тагильцева

Екатеринбург, Россия

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ СООТНЕСЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ПОЛИКОДОВЫХ КОНФЛИКТОГЕННЫХ ТЕКСТАХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ¹

M. N. Latu

Pyatigorsk, Russia

Yu. R. Tagiltseva

Ekaterinburg, Russia

COGNITIVE MODEL OF CORRELATION OF VERBAL AND NON-VERBAL COMPONENTS IN MULTICODE CONFLICT-GENERATING EXTREMIST TEXTS

Аннотация. Представляется попытка систематизации конфликтогенных поликодовых текстов экстремистского дискурса в соответствии с особенностями корреляции вербального и невербального компонентов исходя из типа маркера конфликтогенности («свой»/«чужой»), локализации маркера конфликтогенности (вербальная/невербальная часть) и характера корреляции маркеров конфликтогенности (дублирование/дополнение).

Ключевые слова: экстремистский дискурс, поликодовые тексты, дихотомия «свой»/«чужой».

Abstract. The article represents an attempt to systematize the conflict-generating polycode texts of extremist discourse in accordance with the peculiarities of the correlation of verbal and non-verbal components, based on the type of conflict-generating markers ("self"/"other"), their location (in verbal / nonverbal part) and the nature of the correlation of the conflict-generating markers (duplication /supplement)

Keywords: extremist discourse, multicode texts, "self-other" opposition

Поликодовый текст экстремистского дискурса является сложной формой, сочетающей в себе не только единицы «различных семиотических систем, которые вступают в отношения взаимосвязи, взаимодополнения, взаимовлияния, что обуславливает комплексное воздействие на адресата» [Ворошилова, 2013 : 22], но и выстраивает определенную «иерархию» дихотомических отношений «СВОЙ» / «ЧУЖОЙ», которые выступают психологической основой данного типа дискурса. И здесь, несомненно, вызывает особый интерес корреляция вербальной и невербальной частей в транслировании противостояния «СВОЙ» и «ЧУЖОЙ». При этом элементы содержания, являющиеся маркерами полюса «СВОЙ» и /или полюса «ЧУЖОЙ», могут быть одновременно представлены как в составе вербального, так и невербальных компонентов, дублировать друг друга или дополнять. С другой стороны, данные элементы могут быть представлены только в составе невербального компонента или только в составе вербального.

В связи с этим, поликодовые тексты экстремистского дискурса, опираясь на типологию соотношения объема информации (вербального компонента) и изображения О. В. Поймановой [Пойманова, 1997], можно систематизировать, исходя из репрезентации маркеров полюса «СВОЙ» и полюса «ЧУЖОЙ», следующим образом.

I. Полюс «СВОЙ». С психологической точки зрения, «СВОИ» всегда предстают привлекательными («молодые», «здоровые», «трезвые», «русские», «белые»), внушают безопасность («злые» для других), уверенность и значимость («все за одного»).

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ (проект № 20-012-00415 «Когнитивные интернет-технологии как фактор формирования экстремистского поведения молодежи: механизмы воздействия и профилактика»).

1. Репетиционные – изображения в основном повторяют вербальный текст.

В исследуемом поликодовом тексте (рис. 1) изобразительный компонент (обобщенный образ молодого человека, в толстовке, с капюшоном на скрытом лице, стоит в борцовой позе, а за ним стоят десятки таких же единомышленников, а черно-желто-белый флаг, символизирующий возрождение России, усиливает этот контекст) полностью повторяет информационное содержание высказывания («Один за всех и все за одного!»).



Рис. 1

2. Аддитивные – изображение привносит значительную дополнительную информацию.

Так, в тексте (рис. 2) изобразительный компонент представлен «четверкой» влиятельных военных командиров, административных лидеров и министров Третьего рейха нацистской Германии (слева направо): Генрих Гиммлер (рейхсфюрер СС, рейхминистр внутренних дел Германии), Адольф Гитлер (фюрер Германии и рейхсканцлер верховный главнокомандующий вооруженными силами нацистской Германии), Иозеф Геббельс (рейхминистр по пропаганде Германии), Герман Геринг (рейхсминистр авиации Германии, рейхсмаршал Великогерманского рейха, обергруппенфюрер СА). Вербальный компонент («Великолепная четверка»), представляющий собой трансформацию аллюзии на американский вестерн «Великолепная семерка» (1960), уточняет изобразительную часть текста за счет привнесения дополнительного смысла – это те, кто смогли навести порядок, те, кто боролись с бесчинствами в стране и Европе.



Рис. 2

4. Выделительные – изображение выделяет некий аспект вербального компонента, превосходящего по своему содержанию невербальный (рис. 3).



Рис. 3

Вербальный компонент текста (рис. 3) «*Россияне? Нет! Мы – русские!*», как видим, несет основную содержательную нагрузку, а вот изобразительный поясняет и конкретизирует некоторые аспекты его. Так, слово «россияне» графически оформлено под манер российского триколора – бело-сине-красного флага, а «русские» – под манер черно-желто-белого флага, подчеркивая таким образом политическое несогласие говорящего с существующей политической позицией власти.

4. Интегративные – изображение встроено в вербальную часть текста либо вербальный компонент дополняет изобразительный с целью совместной репрезентации информации (рис. 4).



Рис. 4

Так, в данном тексте изобразительный компонент – имперский черно-желто-белый флаг (отсылка к эпохе Российской империи), языческий символ «Звезда Сварога» (символика запрещенной на территории РФ организации «Союз Славян»), двоянная руна «зиг»  (эмблема военизированного формирования национал-социалистической немецкой рабочей партии – NSDAP) – органически вписываются в вербальную часть текста («ру^{зиг}ский») и способствуют расширению контекста (говорящий не только разделяет национал-социалистические идеи нацистской Германии, но и старается их привнести в современную российскую действительность).

5. Изобразительно-центрические – ведущая роль принадлежит изображению, а вербальный компонент лишь поясняет и конкретизирует его. Изобразительный компонент данного поликодового текста (рис. 5) репрезентирует целевую аудиторию молодежных националистических организаций – юноши и девушки славянской (арийской) внешности, разделяющие националистические идеи, на что указывает черно-желто-белый флаг (активно используемый националистическими организациями), выступающий фоном. Вербальный же компонент представлен набором числовых комбинаций «14/88» («We must secure the existence of our people and a future for white children»), которая «носит националистический характер, способна служить идентификатором «своих» и актуализировать в сознании адресатов определенные смыслы: сохранение «белого рода», защита от «неарийцев» - «врагов» [Бабикина, 2020 : 110].



Рис. 5

II. «ЧУЖИЕ». Психологически непривлекательны (иная внешность, иная культура, иные ценности, иные императивы поведения), вызывают страх, отчуждение, нужны для того, чтобы «СВОИМ» сильнее ощутить свою сопричастность к своей группе.

1. Репетиционные.

В данном случае (рис. 6.) изобразительный компонент (верхняя часть – диснеевские персонажи Джин и Алладин из м/ф «Алладин», нижняя часть – Президент РФ В. В. Путин и Президент Чеченской республики Р. А. Кадыров) в основном повторяет вербальный («Добился всего благодаря всемогущему другу

будучи при этом простым бомжом... Жизненно»), проводя параллели между историями восхождения Алладина в принцы и Р. А. Кадырова в Президенты ЧР.



Рис. 6

2. Аддитивные.

В этом поликодовом тексте (рис. 7) значительную содержательную нагрузку несет изобразительный компонент, поскольку содержит в себе историческую аллюзию на события времен Второй Мировой войны, связанные с геноцидом еврейского народа, без которого невозможно понять вербальную часть текста («Обычная еврейская семья»).



Рис. 7

3. Выделительные.

В представленном поликодовом тексте (рис. 8) изобразительная часть лишь подчеркивает содержательный аспект (вторую часть предложения) вербального компонента («Укропы с ИГИЛ стали братьями, И по спонсору и по матери»).



Рис. 8

Так, в левом верхнем углу картинки представлены якобы украинские боевики («укропы») на танке с развернутым флагом «Аль-Каиды» – черное полотно, в центре которого расположена белая шахада, являющаяся свидетельством веры в Алаха и пророка Мухаммеда; в левом нижнем – результаты их противоправной деятельности (разрушенные дома). Правая сторона представляет собой повтор левой, только на «сирийский манер»: в правом верхнем – сирийские боевики с растянутым флагом ИГ – черное полотнище с белой шахадой («Нет бога, кроме Аллаха») сверху и печати Мухаммада («Мухаммед, посланник Аллаха») снизу; в правом нижнем – полуразрушенная христианская церковь. В результате, изобразительный компонент, с одной стороны, выстраивает параллели между «ЧУЖИМИ», а с другой – вносит дополнительные смыслы и отсылки на «спонсорского» характера спецоперации США на территории Сирии и Украины с целью разрушения государственности стран посредством поддержания оппозиционно настроенных группировок.

4. Оппозитивные – содержание изобразительного компонента вступает в противоречие с вербальным, что способствует формированию комического эффекта. Так, в представленном тексте (рис. 9) изобразительный компонент (молодой человек восточной внешности несет на плечах барашка и говорит по сотовому телефону) вступает в своеобразный «семантический конфликт» с вербальной частью («Мам, я невеста нашёл»), где именно последний, с одной стороны, вносит комический эффект и поддерживает сложившийся в массовом сознании стереотип о зоофилии представителей народа Кавказа, а с другой – уничтожает первоначальный смысл изображения – празднование Курбан-байрама, характерной религиозной чертой которого является жертвоприношение барашка (на что указывает жертвенное ожерелье из цветов на шее животного).



Рис. 9

5. Интегративные.

Здесь (рис. 10) вербальный компонент лишь дополняет изображение в интересах синкретизации смысла. Так, изобразительный компонент (эдвайс чернокожего мультипликационного персонажа на фоне черно-коричнево-персиковом фоне) дополняется вербальной частью («Упал в грязь ...никто не заметил»), что создает не только усиление содержательной части всего текста (черное на черном незаметно), но и создает дополнительный комический эффект.

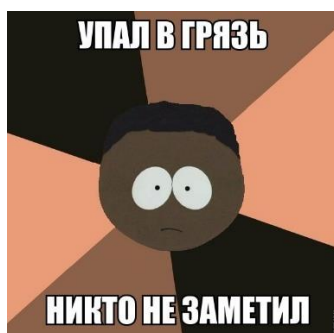


Рис. 10

III. «СВОЙ» / «ЧУЖОЙ». Психологически «ЧУЖИЕ» вызывают у «СВОИХ» неприязнь, враждебность, страх по отношению к ним, поэтому ответными реакциями «СВОИХ» становится защита от других, с возможным их уничтожением.

1. Репетиционные.

В данном поликодовом тексте (рис. 11) в первом предложении содержательной части («Мне не нужна ваша ленточка!») вербальный аспект («ваша ленточка») поддерживается изображением георгиев-

ской ленточки (указание на «ЧУЖИХ»), а ее отрицание репрезентируется не только отрицательной частицей «НЕ», графически выделенной красным цветом, но и перечеркиванием этого изображения красным цветом крест-накрест, и нанесением поверх ленты эмблемы националистической организации «Белый фронт». Вторая часть высказывания утверждает принадлежность к «СВОИМ» через вербальный компонент «У меня есть своя...», поддерживаемый изображениями: черно-белой лентой с надписью «Adolf Hitler», арийским красным орлом (в правом нижнем углу) и фоном – фотографией праздничного шествия на улице немецкой Германии.



Рис. 11

При этом стоит учесть еще один момент, что прочтение этого поликодового текста происходит по Z-паттерну, где взгляд скользит от левого верхнего угла, в котором дается изображение (перечеркнутая георгиевская лента с эмблемой «Белого фронта»), в правый верхний угол – вербальный компонент («Мне не нужна ваша ленточка!»), затем по горизонтали спускается до середины и останавливается на второй части вербального компонента («У меня есть своя...»), а затем уходит вниз – в левый нижний угол, где представлено другое информационное изображение – черная лента с надписью «Adolf Hitler», и завершает прочтение в правом нижнем углу красным арийским орлом. В результате, при таком зигзаг-паттерне происходит фиксирование всех компонентов: после того, как просматривается картинка, переводится взгляд на текст, который закрепляет установку, заложенную в изображении.

2. Выделительные.

Изобразительный компонент данного текста (рис. 12), представленный фотографией под арестом кота в тюремной шапочке-робе, подчеркивает вербальный компонент («282 ... срал в тапки евреям и кавказцам»). Превосходство информативности вербальной части заключается в отсылке к п. 2 ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», которая и расширяет контекст всего поликодового текста, ибо в нем интерпретируются действия кота, направленные на унижение достоинства («срал в тапки») группы лиц по признаку национальности («евреям и кавказцам») с последующими мерами наказания за противоправные действия – лишение свободы (на что указывает шапочка-роба и стилизация под фотографию под арестом).



Рис. 12

3. Аддитивные.

В этом примере (рис. 13.) изобразительный компонент (человек в одеянии члена организации Ку-клус-клана (далее КKK) – белом балахоне с остроконечным колпаком, имеющим прорези для глаз, и эмблемой на груди – крест с пламенем в центре, символизирующем разрушение и очищение) несет в себе большую смысловую нагрузку, нежели вербальная («Эй, нигер я твой кошмар»). Именно образ члена КKK отсылает, во-первых, к основополагающим идеям этой организации – превосходство белых и белый нацизм,

во-вторых, к этапу развития – второму (на что указывает нагрудной символ ККК), для которого характерно выступление против американских католиков, чернокожих и коммунистов, а часть вербального компонента («Эй, нигер») лишь подчеркивает одну из этих идей.



Рис. 13

4. Интегративные.

В этом тексте (рис. 14) изобразительный компонент (папа Карло, строгая ножом по чурке) органически вплетен в содержательную часть вербального компонента («Только так можно сделать из чурки человека») с целью передачи алгоритма действий «СВОИМ» с представителями иных национальностей, «ЧУЖИХ».

Конечно, не оставляет и без внимания «языковая игра», связанная со значениями слова «чурка», которая реализуется в тексте. Так, согласно толковым словарям С.И. Ожегова [Ожегов], существительное «чурка» имеет одно значение «**ЧУРКА**, и, жен. Короткий обрубок дерева», а вот в словаре русского арго В. С. Елистратова [Елистратов, 2002] зафиксировано уже два значения: «**ЧУРКА**, -и, м. и ж. (или чурка с глазами, чурка с ушами, чурка неговорящая и т. п.). 1. Глупый, тупой человек. 2. Житель Кавказа, Закавказья и Средней Азии». Именно за счет подмены значений в вербальном и изобразительном компонентах происходит эта игра.



Рис. 14

5. Изобразительно-центрические.

Дихотомия «СВОЙ» / «ЧУЖОЙ» в исследуемом тексте (рис. 15) через оппозицию аллегорий, существующих в массовом сознании и активно используемых в СМК. Так, медведь, репрезентируемый как «СВОЙ» и традиционно символизирующий Россию, что поддерживает это и цветовое обозначение места расположения зверя – красный (дань уважения к советскому прошлому), стоит в оборонительной стойке, на что указывает припадание на передние лапы и широко раскрытая пасть, обнажающая клыки зверя. Оборонительная стратегия продиктована и наличием еще двух изобразительных компонентов: наличием военной бронированной техники с оружием, типа танк, находящимися перед медведем вблизи границ России с Грузией, и объекты, подлежащие защите (нефтяные вышки и газо-нефтепроводы). «ЧУЖОЙ» представлен образами «союзнических» ВВС США и Израиля, пытающихся войти в воздушное пространство России, – это Northrop B-2 Spirit (американский тяжелый малозаметный стратегический бомбардировщик, предназначенный для прорыва плотной противовоздушной обороны противника и доставки обычного и ядерного оружия) с американским флагом на правом крыле, F-16I Sufa / F-16 C и D Fighting Falcon (двухместный истребитель модификации Block 52, разработанный по заказу ВВС Израиля) с израильским флагом на хвостовой

части самолета. Вербальный компонент используется лишь для конкретизации территорий (Russia, Georgia, Turkey), на которых разворачиваются действия и оказываются втянутыми в конфликт.



Рис. 15

Таким образом, особенности корреляции вербального и невербального компонентов в конфликтно-генных поликодовых текстах во многом определяются представленными типами маркеров конфликтогенности («свой»/«чужой»), спецификой их локализации (в вербальной/невербальной части) и характером их соотносительности (дублирование/дополнение).

Библиографический список

1. Бабилова, М. Р. Вербально-иконическая прецедентность в современном русском националистическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Бабилова М. Р. – Екатеринбург, 2020.
2. Ворошилова, М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению : монография / М. Б. Ворошилова. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013.
3. Словарь русского арго : (материалы 1980–1990-х гг.) : Ок. 9000 слов, 3000 идиомат. выражений / В. С. Елистратов; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва : Рус. слов., 2000.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва : ИТИ Технологии, 2015.
5. Пойманова, О. В. Семантическое пространство видеовербального текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Пойманова О. В. – Москва, 1997.
6. Latu, M. N. The Problem of Confusing Images of “Nationalist” and “Patriot” in Polycode Texts in the Era of Digitalization of the Information Space / M. N. Latu, Yu. R. Tagiltseva // Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020). Series : Advances in Social Science, Education and Humanities Research. – 2020. – 13 May. – URL: <https://www.atlantispress.com/proceedings/detp-20/125940234>

О. И. Михневич

Екатеринбург, Россия

СЕПАРАТИЗМ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКИХ МАССМЕДИА (НА ПРИМЕРЕ ГРУЗИИ)

O. I. Mikhnevich

Ekaterinburg, Russia

SEPARATISM IN THE METAPHORIC MIRROR OF RUSSIAN MASS MEDIA (BY THE EXAMPLE OF GEORGIA)

Аннотация. Отмечается, что социально значимые явления, реалии и политические процессы, метафора представляет собой языковой инструмент создания различных политических образов и понимания политических феноменов. Рассматриваются метафорические модели репрезентирующие проблему сепаратизма в Грузии. Анализ показал, что наиболее востребованными оказались метафорические словоупотребления, относящиеся к понятийным сферам «игра» и «путь» (29 и 22 % от общего корпуса примеров).

Ключевые слова: метафорические модели, сепаратизм, Грузия, российские массмедиа, политическая жизнь Грузии.

Abstract. Describing social significant causes, realities and political processes, the metaphor is a linguistic means for the creation of the various political images and understanding of political phenomena. The article considers metaphorical models that represent the problem of separatism in Georgia. The analysis showed that the most widespread metaphors are metaphors related to the conceptual areas of game and journey (29 and 22 % of the total).

Keywords: metaphorical models, separatism, Georgia, Russian mass media, political life of Georgia.

В жизни современного общества СМИ играют огромную роль, обладая широкими возможностями для формирования стереотипов и предубеждений. Как известно, медиатексты отражают сложные, неоднозначные и противоречивые моменты действительности. «Современные медиа отражают новую трансформацию культуры и общественного сознания, приспосабливаются к ним и оказывают на них обратное воздействие» [Клушина 2013: 40]. Изучение текстов СМИ связано с проблемами интерпретации политических событий, манипуляции общественным сознанием, скрытого воздействия на адресата и т.д. Следует особо подчеркнуть, что «современные средства массовой информации характеризуются наличием большого количества публикаций, нарушающих правовые нормы и провоцирующих конфликты и последующие судебные разбирательства. При этом следует учитывать наличие в языке феномена имплицитной (скрытой, неявной, подразумеваемой) инвективы, т.е. случаев выражения оскорбительного смысла в языковых единицах, для которых инвективная семантика в целом не является характерной: публицистические тексты могут не иметь неприличной формы выражения негативной оценки объекта своего изображения, но воспринимаются адресатом как оскорбительные» [Серпикова 2017: 6].

Именно на основании полученной информации из СМИ в сознании реципиента выстраиваются образы происходящих событий, формируются отношения к политическим ситуациям.

Используя особые стратегии и тактики, разнообразные выразительные средства, в том числе и метафорические, авторы медиатекстов формируют определенную картину политической действительности, направляя политические процессы, разворачивают информационные войны. Следует признать, что «в условиях информационной войны концептуальные метафоры – это не только отражение мнения каждого человека, но и средство формирования общественного мнения» [Красильникова 2008: 59]. В отдельных случаях метафорические модели служат средством метафорической образности для концептуализации действительности различных государств.

Другими словами, описывая социально значимые явления, реалии и политические процессы, метафора представляет собой языковой инструмент создания различных политических образов и понимания политических феноменов.

Политические события в Грузии периодически привлекали внимание исследователей, особенно после вооруженного конфликта в Южной Осетии в августе 2008 года. Данный конфликт широко освещался мировыми информагенствами, так как проблема сепаратизма, самоопределения актуальна для самых различных исторических эпох и государств. Следует признать, что одна из наиболее серьезных проблем в современном мире – проблема сепаратизма, которая предполагает нарушение суверенитета, единства и территориальной целостности государства.

Сепаратизм, по определению К. С. Пузырева, представляет собой «крайнюю и радикальную форму самоопределения народа, региона, территории или сообщества, которая связана со специфическими обособленными (изоляционистскими) формами национальной либо региональной идентичности, для которой характерно отрицание самой возможности существования данной общности в составе более масштабного национального государства, идея о желательности его демонтажа или распада» [Пузырев 2010: 134]. В современном глобализованном мире стремление к самоопределению, к реализации своих интересов в политической, экономической, культурных сферах присуще все большему количеству этносов.

Согласно В. А. Рыбакову, сепаратизм – это движение за территориальное отделение части государства с целью создания нового государственного образования или придание определенной части государства автономного статуса по национальным, языковым, религиозным признакам. По словам ученого, «взрывы сепаратизма возникают по эффекту домино: один очаг вызывает появление других в разных регионах мира» [Рыбаков 2015: 74].

Как известно, в истории Грузии возникали различные очаги сепаратизма: Абхазия, Осетия, Аджария, Мигрелия.

Исследователи П. В. Клачков и С. А. Подъяпольский определяют сепаратизм как «деятельность, направленную на подрыв целостности государства путем отделения от последнего какой-либо его части. Это может выражаться как в насильственных действиях, так и информационно-психологическом и гуманитарно-технологическом воздействии» [Клачков, Подъяпольский 2013].

Таким образом, основная идея сепаратизма – это отделение части государства, право на самоопределение, на создание собственного национального государства. Однако зачастую сепаратизм может быть причиной грубых нарушений прав человека, острых межнациональных и межгосударственных конфликтов.

Исследователи выделяют различные причины возникновения сепаратизма: политические, исторические, экономические, демографические, социокультурные, лингвистические и т.д. Например, Н. Фонсека отмечает, что «политико-географическое положение накладывает отпечаток на особенности зарождения и развития очагов сепаратизма в мире» [Фонсека 2012: 187]. А. В. Рыбаков справедливо полагает, что лингвистический фактор также может повлиять на возникновение сепаратизма, когда государство характеризуется наличием «многочисленных общностей, говорящих на разных языках и создающих для защиты своих интересов политические партии и общественные организации» [Рыбаков 2015: 17].

Следует отметить, что Грузия является многонациональной и многоязычной страной, а язык способствует формированию национальной идентичности. Соответственно, можно предположить, что одна из причин возникновения сепаратизма в Грузии – это лингвистический фактор.

Межнациональные и этнополитические конфликты, источники национализма могут приобретать сепаратистскую форму, начиная реализовываться радикальным, конфронтационным путем, не считаясь с исторически сложившимися реалиями. По замечанию К. С. Пузырева, характерная особенность этнического сепаратизма состоит в том, что «эта форма политического поведения нацелена на удовлетворение гипертрофированно понятых интересов и потребностей данной группы, не считаясь с интересами, потребностями и заботами сожительствующих общностей и групп» [Пузырев 2010: 137].

С одной стороны, причины сепаратизма в Грузии можно объяснять ростом национального саморазвития, стремлением повысить политический и правовой статус, с другой стороны, это «ошибочная политика, замешанная на шовинизме и экспансионизме в отношении Южной Осетии и Абхазии» [Дзидзоев 2010: 71].

Таким образом, причины сепаратизма могут быть самые разные, их может быть несколько, они могут быть явные и скрытые, могут зависеть от заинтересованных политических субъектов.

Целью настоящего исследования является выявление и описание метафорических моделей репрезентирующих проблему сепаратизма в Грузии в российских СМИ.

Материалом для исследования послужили тексты ведущих российских электронных средств массовой информации (<https://www.shpl.ru/readers/>), из которых методом сплошной выборки были отобраны более 500 метафорических словоупотреблений.

Анализ показал, что при осмыслении проблем сепаратизма наиболее востребованными оказались метафорические словоупотребления относящиеся к понятийным сферам *игра* и *путь* (29 и 22 % от общего корпуса примеров). Метафорические словоупотребления относящиеся к понятийным сферам: *война*, *торговля*, *медицина*, *религия*, *криминал*, *театр*, *архитектура*, *механизм* представлены в меньшей степени.

Сепаратизм – это азартная игра

Характеризуя события в спорных регионах Грузии, авторы статей осуществляют метафорическую проекцию из сферы «Игра» в сферу «Сепаратизм». Рассмотренный материал показал, что подавляющее большинство примеров относится к азартным, карточным играм, а не спортивным.

Между тем, как известно, Тбилиси в последнее время весьма активно пытался подключить к переговорному процессу Запад, что вызывало у Москвы плохо скрываемое раздражение. И ей нужна была акция, которая продемонстрировала бы, в чьих руках главные козыри большой кавказской геополитической игры (АИФ, 13.11.07).

Примеры показывают, что игровые метафоры актуализируют смыслы соперничества, конкуренции в политике.

Противники Эдуарда Шеварднадзе и его предвыборного блока «За новую Грузию» получили серьезный козырь: в преддверии назначенных на 2 ноября парламентских выборов абхазская проблема в поли-

тических стычках оппозиции с властью играет едва ли не решающую роль, и именно на ней каждая из противоборствующих сторон рассчитывает получить дополнительные очки (А. Гордиенко / Независимая газета, 03.06.03).

При характеристике проблемы сепаратизма встречается и шахматная тематика, которая позволяет метафорически представить иерархию в мире политики, этапы и результаты политических противостояний.

ОСЕТИЯ: «Большие шахматы» Вашингтона (А. Дугин / Ведомости, 8.08.04).

Метафора игры в данном примере реализует прогностическую функцию, предлагая определенный ход событий.

Но у Саакашвили всегда есть пара ударных козырей в рукаве – начать «маленькую победоносную войну» с Южной Осетией и устроить новый масштабный скандал с Россией, которую ещё не обвиняли разве что в организации солнечных затмений (АИФ, 13.11.07).

Итак, проблема сепаратизма в российских СМИ представлена в терминах азартной игры: сепаратизм в Грузии – это большая геополитическая игра, в которой заинтересованные политические субъекты делают ставки, получают дополнительные очки, разыгрывают абхазские карты, делают ходы. Показательно, что активными участниками этой игры представлены Грузинские политики, политики других стран, некоторые заинтересованные страны, при этом сепаратистским регионам отведена пассивная роль предмета, на который делают ставки, разыгрывают, используют в качестве игрового бонуса.

Сепаратизм – это препятствие на пути

Метафора пути достаточно широко использовалась в политике в разные эпохи. В рассматриваемом случае сепаратизм представлен как препятствие на пути к определенным политическим целям, в случае с Грузией – это НАТО, дружественные отношения с Россией, Западом.

Как и решить проблемы Абхазии и Южной Осетии, снять эти два барьера на пути к грузино-российскому сближению (А. Гордиенко / Независимая газета, 28.03.03).

Надо сказать, проблемы сепаратизма могут использоваться политическими оппонентами как сдерживающий фактор, средство воздействия.

Нерешение проблемы Абхазии будет использоваться Россией как серьезный фактор сдерживания Грузии в ее неистовом стремлении «войти в Запад» (Р. Аралов / Независимая газета, 13.01.00).

Решение проблемы сепаратизма – это цель, к которой пытаются продвигаться грузинские политики, а решение проблемы вооруженным путем, согласно некоторым экспертам – это тупик.

К сожалению, это, видимо, невозможно было тогда сделать, во всяком случае в этом отношении мы особо не продвинулись, хотя 2008 год показал, что мы пошли еще дальше в тупик, а не вышли из этого тупика (Коммерсант, 07.07.14).

Таким образом, сепаратизм – это препятствие для Грузии, но не для сепаратистских регионов или других заинтересованных политических субъектов.

Метафорические словоупотребления относящиеся к сфере: театра, религии, механизма, криминала представлены в меньшей степени, но они играют значимую роль в формировании определенной картины действительности, закрепляют в сознании читателя устойчивое отношение к проблеме сепаратизма.

Для описания сепаратизма в Грузии в российских СМИ регулярно используются морбиальные метафоры, которые передают эмоционально-оценочное отношение к данной проблеме.

Мы готовы сотрудничать со всеми странами, которые помогут нам в решении нескольких фундаментальных проблем нашей государственности, нашей демократии, в том числе самой главной и жгучей нашей боли – урегулировании конфликта в Абхазии, возвращении сотен тысяч беженцев, восстановлении и защите территориальной целостности и единства Грузии (В. Сихарулидзе / Независимая газета, 11.04.00).

Мало кто думал, что с развалом СССР распадется и сама Грузия – потеря Абхазии и Южной Осетии отзывается для страны фантомной болью (АИФ, 15.06.11).

Следовательно, сепаратизм может быть представлен как расчленение страны, сопровождающееся фантомными болями, причиняющее жгучую боль, головную болью. Следует отметить, что подобные метафоры в основном используют грузинские политики, описывая конфликтные ситуации с Абхазией и Осетией.

Рассматривая проблему сепаратизма в Грузии авторы текстов используют метафорические словоупотребления относящиеся к сфере театра: силовой сценарий, косовский сценарий, аджарский сценарий.

В Тбилиси боятся, что мы уйдем от них по косовскому сценарию (В. Соловьев, В. Новиков / Независимая газета, 25.07.06).

Через 4 года Саакашвили попытался реализовать аджарский сценарий в Абхазии и Южной Осетии (А. Гарбузняк / АИФ, 24.10.13).

Тем самым демонстрируя, что решение данной проблемы запланировано, существует алгоритм действий, определенная тактика.

Проблема сепаратизма может быть представлена в терминах бизнеса, торговли. Например, Абхазия – это товар, предмет сделки, неудачная сделка, за которую могут предъявить счет.

И при жизни предъявляли, а теперь и после смерти многие предъявят Эдуарду Амвросиевичу сче-ты. Грузия – за войну и последующую потерю Абхазии (В. Лошак / Независимая газета, 14.07.14).

Едва получив новое назначение, Аслан Абашидзе направился на этой неделе в Москву, чтобы предложить своего рода сделку: Россия помогает вернуть Абхазию под крыло Тбилиси, а Грузия сохраняет военное присутствие РФ на своей территории (Г. Сысоев / Независимая газета, 10.11.01).

Сепаратизм – это не только предмет торга, но и инструмент, рычаг воздействия.

Тем самым один из руководителей российского МИДа, по сути, признал, что Москва рассматривает Аджарию (как впрочем, и Абхазию с Южной Осетией) в качестве инструмента для воздействия на новое тбилисское руководство (В. Новиков, Г. Сысоев / Независимая газета, 27.11.03).

Метафоры относящиеся к сфере религии могут придавать иронический оттенок высказыванию, подчеркивая несущественность происходящего, ошибочность действий грузинских политиков.

Воссоединение с Абхазией и Осетией – краеугольный камень грузинской государственности... (П. Шеремет / Огонёк, 21.10.13).

Грузины считают, что виноваты мы, русские: мы не только не вернули в грузинское подчинение блудную дочь Абхазию, но ещё и признали официально её независимость (Э. Лимонов / АИФ, 03.07.19).

Криминальная метафора используется здесь для того, чтобы показать читателю, что Грузии не принадлежат эти территории по закону, и она не имеет права претендовать на них.

Так же как Украина, Грузия не отказалась от наследства СССР, прикарманив и высокогорные земли сванов, и Южную Осетию, которая вообще-то часть земель осетин, – в составе РФ есть Республика Северная Осетия – Алания. Прикарманили и совершенно мусульманскую Аджарию. (Э. Лимонов / АИФ, 03.07.19).

Резюмируя следует признать, что в ряде случаев сепаратизм является орудием соперничества государств. Желание ослабить своего соперника или потенциального противника приводит к возникновению очагов сепаратизма. А. В. Баранов справедливо полагает, что «цель вмешательства извне – конечно, не интересы обманутых сепаратистами этносов, а геополитический контроль над территорией враждебных государств» [Баранов 2005: 120].

Очевидно, что по поводу данного явления существуют различные мнения, однако, следует отметить, что сторонники сепаратизма очень редко распространяют свои взгляды на собственные страны.

Таким образом, сложная, неоднозначная проблема сепаратизма, которая может привести к вооруженному конфликту, человеческим жертвам, потере собственности, представлена читателю как азартная игра, где делают ставки, разыгрывают карты, предъявляют козыри. Каждый *игрок* стремится извлечь выгоду из сложившейся ситуации. Согласно российским СМИ сепаратизм в Грузии – это предмет сделки, торга, инструмент воздействия. Благодаря использованию метафор проблема сепаратизма может быть представлена в ироническом ключе. Следовательно, метафоры способны отвлекать от сути данного явления, увести от критического осмысления происходящего.

Библиографический список

1. Дзидзоев, В. Д. Причины развала «территориальной целостности Грузии / В. Д. Дзидзоев // Вестник Владикавказского научного центра. – 2010. – № 3. – С. 65–71.
2. Клачков, П. В. Понятие и значение сепаратизма / П. В. Клачков, С. А. Подъяпольский // Территория и практика общественного развития. – 2013. – № 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-znachenie-separatizma> (дата обращения: 10.10.2018).
3. Клушина, Н. И. Интенциональная конфигурация медийного пространства / Н. И. Клушина // Политическая лингвистика. – 2013. – № 2 (44). – С. 40–45.
4. Красильникова, Н. А. Российско-грузинская война в дискурсе общественности на интернет-сайтах Великобритании / Н. А. Красильникова // Политическая лингвистика. – 2008. – № 3 (26). – С. 58–63.
5. Серпикова, М. Б. Язык и стиль СМИ: курс лекций / М. Б. Серпикова. – Москва : РУТ (МИИТ), 2017. – 333 с.
6. Пузырев, К. С. Сепаратизм как политическое явление / К. С. Пузырев // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2010. – С. 133–143.
7. Рыбаков, А. В. Сепаратизм: современные особенности и тенденции развития / А. В. Рыбаков, Д. А. Квон // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 1. – С. 71–75.
8. Фонсека, Н. Природа сепаратизма в современном мире / Н. Фонсека // Вестник воронежского государственного университета. Сер.: История, политология, социология. – Воронеж. – 2012. – С. 170–174.

Л. В. Рацибурская

Нижний Новгород, Россия

РЕЧЕВЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ В СМИ: ЛИНГВО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

L. V. Ratsiburskaya

Nizhny Novgorod, Russia

SPEECH MANIPULATION IN THE MEDIA: LINGUISTIC AND LEGAL ASPECTS

Аннотация. Рассматривается соотношение понятий «речевая агрессия» и «эристика», «речевая агрессия» и «речевое манипулирование». На примере описания в медиатекстах речевых конфликтов известных публичных лиц характеризуются различные манипулятивные тактики, которые могут стать предметом исков о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Ключевые слова: речевая агрессия, речевое манипулирование, медиатекст.

Abstract. The article discusses the relationship between the concepts of speech aggression and eristics, as well as speech aggression and speech manipulation. The examples of speech conflicts between well-known public figures in media texts make it possible to identify various manipulative tactics that may become the subject of claims for the protection of honor, dignity and business reputation.

Keywords: speech aggression, speech manipulation, media text.

Анализируя тексты современных медиа, ученые отмечают их высокий оценочный потенциал, возрастающую роль субъективного начала, которое связано с намерением адресанта добиться определенного результата, оказать воздействие на адресата [Кормилицына 2008: 15]. В текстах СМИ информирование подчинено воздействию [Кокорина 2008: 502]. Язык не только выражает и оформляет идеологические, политические термины, положения, лозунги, но и оказывает значительное влияние на процессы социализации личности, конструирования ментальности, манипулирования общественным сознанием [Солганик 2003: 268]. Речевое воздействие предполагает «регуляцию адресантом деятельности адресата» [Желтухина 2003: 119–120].

Речевое воздействие в СМИ нередко приобретает характер манипулирования, которое можно считать проявлением речевой агрессии. «Агрессия во всех ее разновидностях сегодня становится предметом изучения психологии, социологии, лингвистики, педагогики, политологии, юриспруденции. Она может проявляться в рамках любого вида общения (межличностного, группового, публичного, массового; непосредственного и опосредованного) и типа дискурса (массмедийного, рекламного, корпоративного, обиходного и др.)» [Нестерова 2019: 280]. Речевая агрессия представляет собой «обидное общение, словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в оскорбительной, грубой, неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [Культура русской речи 2011: 526].

К вербальным средствам речевой агрессии относятся отрицательно-оценочная лексика, инвектива, окказионализмы с агрессивной семантикой, конфликтные речевые акты (оскорбление, угроза, упрек, обвинение, враждебное замечание, резкая критика, злая ирония, насмешка, сарказм и т.п.); вербальная агрессия может проявляться в ироничной, язвительной интонации.

Речевая агрессия в СМИ может быть связана с «языковой манипуляцией – вербальным воздействием на адресата с целью изменения его личностных установок, навязыванием адресату определенной точки зрения» [Рацибурская 2006: 136]. Речевая манипуляция – это «разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина 2008: 25]. По мнению ученых, «обязательным условием манипуляции является непризнание одним человеком равной ценности личности другого индивида по сравнению с собственной. Такое отношение проявляется в непризнании этим человеком равной ценности потребностей другого (говоря бытовым языком, неуважение потребностей/желаний другого человека)» [Денисюк 2003: 22].

Характерными в первой половине 2020 г. стали агрессивные «разборки», «дебаты», «баттлы» между известными деятелями журналистики, культуры, шоу-бизнеса. Как правило, СМИ оказываются в центре таких конфликтов, освещая и трактуя их в стилистике иронии, сатвы, ерничаия, а порой и откровенной издевки. Вот как, например, преподносит известный спор, а точнее перебранку, Сергея Шнурова и Иосифа Пригожина газета «Московский комсомолец»: «Шнуров VS. Пригожин: битва хайпов превратилась в побоище» (МК, 27.05.–02.06.2020). В описании конфликта и характеристике его участников (*хайпов*)

присутствует явная ирония. Иосиф Пригожин «*поплакался* на бедственное положение деятелей отечественной поп-индустрии», «очень *натужные пригожинские стенания*», «громкий *глашатай* “духовных скреп”», «*духовноскрепник*», «*трепетная страсть* самого Пригожина к участию в различных процессах, *авторизованных властью*», причем независимо от степени их «*сомнительности*»; «*Иося* все *бьется в те двери*, а там не очень-то их ему и открывают»; «отповедь “*возмущенного мужа*”»; «*напрочь забыв*, разумеется, о “бедных артистах”»; «на все лады *шельмуется* обидчик с перечислением личностных и физиологических особенностей»; «в *гордой позе оскорбленного благочестия* завершает свой “*ответ Чемберлену*”»; «*страшно доволен собой*»; «комментатор *по любому поводу и пуку*». Сергей Шнуров «*взвился* форменным пылающим фитилем, *грозящим*, как у него это водится, *взорвать все нафиг* вокруг», «вступая в какую-то *потешную*, но зато *сертифицированную* партию», «*этаким трибун* в маске *срывателя масок*», «*записной рок-шут*»; в использовании *обсценной лексики* «артист, политик и общественный деятель Сергей Шнуров *художественно набил руку*»; «добавил *колоритного мазка в скандальную ситуацию*».

Понятно, что герои пиар-конфликта выглядят явно непривлекательно, что особенно заметно на фоне тех сложных, порой драматических событий, которые переживает сейчас вся страна. Но стоит ли автору, справедливо критикующему подобные «дебаты», опускаться до столь агрессивного вербального уровня их участников?

Некоторые лингвисты относят подобные случаи выяснения отношений к эристике, которая граничит с вербальной агрессией и включает в свою орбиту вербальные дуэли, публичные ссоры, распри, дрязги, «черный пиар», манипуляции. Цель эристической дискуссии состоит в утверждении собственной точки зрения путем победы над оппонентом (дискредитация, разоблачение, уничтожение имиджа, подрыв доверия и репутации и т.д.), который воспринимается не как партнер по диалогу или конкурент, а как соперник, враг [Тамразова 2019: 120]. Однако, как нам представляется, подобные случаи выяснения отношений следует рассматривать как речевую агрессию и отличать от эристики как искусства спора, полемики.

Подвергая «хайпов» критическому осмеянию, автор публикации временами и сам опускается до уровня конфликтующих сторон, ернически отзываясь о супруге Иосифа Пригожина певице Валерии: «...”*тетя Лера*” вот-вот *пересядет на ботву*. Кстати, ей это вообще-то не очень страшно, поскольку *пропагандируемый певицей ЗОЖ* (здоровый образ жизни), в принципе, именно ботву или что-то похожее как раз и подразумевает как *главное меню*»; «да еще *благоверную* по ходу *зацепили*»; «зачем было трогать *воздушную Валерию*, в которой и без кризиса <...> *дух еле держится в теле* из-за всех этих *пресловутых* йог, вегов и прочих ЗОЖ».

В подобных медиатекстах представлены манипулятивные тактики навешивания ярлыков, фамильярного именования лиц или уничижительного обращения к ним, понижения образа какого-либо лица с помощью создания иронического, сатирического или саркастического контекста, в который погружается объект дискредитации. Такого рода высказывания обладают значительным агрессивным потенциалом и могут рассматриваться как предмет исков о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Разумеется, автор имеет право на свою оценку событий и лиц. Но смакование скандалов, обильно одобренное ерническими, оскорбительными пассажами, как и само тиражирование в массмедиа «баттлов», наполненных инвективной, обсценной лексикой, несомненно, может рассматриваться как факт вербальной агрессии и манипулирования сознанием адресата. Пытаясь привлечь адресата на свою сторону и скомпрометировать не только социально значимых лиц, но и стоящие за ними общественные структуры, автор в подобных случаях нарушает этические нормы и покушается на эстетический вкус адресата, получая тем самым обратный манипулятивному воздействию эффект: недоверие адресата к автору и изданию в целом. Не случайно ученые отмечают в результате манипулирования «разрушающий негативный эффект воздействия на личность адресанта» [Желтухина 2004: 15].

Библиографический список

1. Денисюк, Е. В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Денисюк Е. В. – Екатеринбург, 2003. – 200 с.
2. Желтухина, М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Желтухина М. Р. – Москва, 2004. – 45 с.
3. Желтухина, М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ : монография / М. Р. Желтухина. – Москва : Ин-т языкознания РАН ; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
4. Какорина, Е. В. Активные процессы в языке средств массовой информации / Е. В. Какорина. // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – С. 495–548
5. Копнина, Г. А. Речевое манипулирование : учеб. пособие / Г. А. Копнина. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – 176 с.
6. Кормилицына, М. А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет / М. А. Кормилицына // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : СГУ. – Вып. 8. – С. 13–33.
7. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. – Москва : Флинта, 2011. – 840 с.
8. Нестерова, Т. В. Агрессия в поликодовых текстах / Т. В. Нестерова // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы : сб. науч. работ по итогам Междунар. науч. конф. (Москва, 1–2 октября 2019 г.). – Москва : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 280–291.

9. Рацибурская, Л. В. Оказиональные слова в СМИ как средство речевой агрессии / Л. В. Рацибурская // Язык современных СМИ: основные проблемы и тенденции : сб. материалов науч.-практ. конф. – Нижний Новгород : ННГУ, 2006. – С. 134–136.
10. Солганик, Г. Я. О языке и стиле газеты / Г. Я. Солганик // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – Москва : Изд-во МГУ, 2003. – С. 261–268.
11. Тамразова, И. Г. Эристика и речевая агрессия: проблемы дифференциации / И. Г. Тамразова // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы : сб. науч. работ по итогам Междунар. науч. конф. (Москва, 1–2 октября 2019 г.). – Москва : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 118–124.

O. L. Fleonova, S. A. Annous

Tripoli, Lebanon

"WE" IN THE DISCOURSE OF THE 2019 LEBANESE OCTOBER REVOLUTION

О. Л. Флеонова, С. А. Анноус

Триполи, Ливан

«МЫ» В ДИСКУРСЕ ЛИВАНСКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 2019 г.

Abstract. The article analyzes the use of the personal pronoun "we" by socially diverse groups during the Lebanese October Revolution of 2019. While the protesters in their slogans tried to construct the meaning of "we" as addressee-exclusive, excluding the corrupt political elite from the "we"-group, the political elite by changing the deictic center of "we" and transforming it into addressee-inclusive manipulated its meaning for its own political purposes to convey the idea of the commonality of the interests of the government and the people.

Keywords: deixis, we, nation building, political discourse, Lebanon.

Аннотация. Анализируется использование личного местоимения «мы» различными группами во время ливанской октябрьской революции 2019 г. Прослеживается изменение значения этой дейктической единицы при ее использовании протестным движением, с одной стороны, и политической элитой – с другой.

Ключевые слова: дейксис, мы, строительство нации, политический дискурс, Ливан.

The State of Great Lebanon was founded on 1 September 1920 by the French colonial power after the collapse of the Ottoman empire and the defeat of Turkey in World War I. After independence from France in 1943, this new political entity that has been comprised of a community of confessional groups (18 sects) has been presented as a so-called *consensual* democracy (usually distinguished from neighboring authoritarian and military Arab regimes). However, as a *nation in the making*, Lebanon has faced many challenges because the major religious sects and confessional groups have always been more powerful than the fragile state. Before independence, the unifying myth, imposed by a ruling elite (mainly Maronite Christians), that Lebanon is Phoenician to legitimize the creation of this new nation was confronted and challenged by Muslim and Greek Orthodox Christian elite who have traditionally believed in Pan-Arabism or Pan-Syrian nationalism. Such diverse social makeup as well as contradictory views on the idea of nation and governance resulted in continuous conflicts which made uniting disparate social groups a long-term challenge for Lebanon.

After its independence from the French Mandate in 1943, various nation-building mechanisms have been used to create a unified, socially cohesive nation from composing a new anthem, designing a new flag, writing a new constitution, establishing state schooling to creating the myth about its common Phoenician past. Literature such as poetry and prose of Gibran Khalil Gibran prominently featured in textbooks to emotionally unite the nation and create common consciousness. Religious and confessional divisions have been, however, in the way, and the country has been rather an assortment of social groups with conflicting agendas. Instead of one big unifying WE (common nation consciousness), smaller groups existed based on sectarian affiliations. Vertical "clan" structures have blocked the establishment of a horizontal unifying structure of polity that is common in the modern nation state [Anderson 2006].

This premodern condition of the new Lebanese nation in which sectarian and religious solidarities are stronger than the national solidarity and where people are treated as subjects and not citizens, halted the establishment of modern relations and networks between people leading to two civil wars in 1958 and 1975. The Taif Agreement signed by the belligerent parties in 1989 managed to put an end to the Lebanese Civil War (1975–1990). However, this agreement did not resolve the historical sectarian conflicts that managed to survive under the ruling TROIKA regime (a power sharing arrangement between the President, the Prime Minister and the House Speaker).

The division of the country into sectarian groups, each represented by a political party or leader, has been institutionalised at the level of the electoral laws, distribution of cabinet and legislative seats in addition to public service positions and appointments. The Lebanese constitution states that Christians and Muslims shall be represented equally in parliament and the cabinet (including ministries up to the level of secretary-general and general-directors). Although not stated in the constitution, it has been the *Erf* (a custom, a "gentlemen's agreement") that the President of the Republic should be a Maronite Christian, the Prime Minister – a Sunni Muslim, the Speaker – a Shiite Muslim, the Deputy Prime Minister and the Deputy House Speaker – Greek Orthodox Christian.

The ruling elite power has been maintained through “clientalism”, the system in which a variety of services are provided by sectarian leaders who become the middlemen between the state and the groups they patronize. Through these mechanisms, the ruling elite have been able to maintain their dominance and power reproduction. This vertical structure of relations also has led to social divisionism which has stood in the way of the construction of a unified Lebanese national identity.

The revolutionary events in Lebanon in October 2019 shattered the division of Lebanese society into isolated sects. Economic desperation as well as political fatigue provoked by the sectarian setup reaching its peak in the fall 2019 brought to the streets two and a half million people, which amounts to more than half of the Lebanese population. In the midst of the peacefully protesting crowd the “we” slogans have been born. The “we” of the revolution demonstrated that the Lebanese seemed to be able to cross social, economic, religious, gender, generational and regional boundaries, facilitating perhaps the birth of “we, the Lebanese nation”, an attempt to build a modern nation from below.

This paper analyses how the shifting semantics and pragmatics of the personal pronoun “we”, which appears in the slogans of the Lebanese October Revolution, allows for meaning manipulation by different social groups using this deictic element for their own ends.

The personal pronoun “we” is used in political discourse for various instrumental reasons. It has “the potential to encode group memberships and identifications” [Zupnik 1994 : 340], to negotiate roles [Chilton 2004, Van Dijk 2002], to form alliances, or hegemonically usurp whole communities [Wodak, Cillia, Reisigl, and Liebhart 2009]. It can also index different groups as included or excluded: “(inclusive) we is typically used to establish solidarity and social bonding by creating a clear ‘in-group’. Exclusive we has the opposite effect, excluding the addressees from the deictic centre” [Mulderigg 2012 : 709]. Because of this semantic duality, “we” can be both the pronoun of solidarity and of rejection [Pennycook 1994].

Research often focuses on the top-down use of “we” in the speeches of politicians employing it for the construction of nation and aligning the country’s population with the nation’s vision and identity [see, for example, Wodak et. al. 2009, Mulderigg 2012]. This paper analyses the bottom-up use of “we” by the protesters in Lebanon in 2019, where “we” is imbued with social agency from below.

Slogans appeared on the streets of Lebanon during the first several months of the Revolution, at the pickets of the Lebanese expats in front of the Lebanese Embassies in other countries, on Lebanese television channels and on social media. Three languages were used in the slogans: at the periphery mostly Arabic, and in the metropolitan Beirut Arabic, English and French (the latter to a lesser extent). Various social groups took to the streets under the main banner of the October Revolution “All of them means all of them” (*kilun yani kilun* كلن يعني كلن) demanding the resignation of all the government members and the President as perpetrators of the economic collapse, whether through active assistance, clan divisionism politics, or passive negligence. Alongside the main slogan of the Revolution, there appeared numerous “we”-slogans addressing “you”, “the political elite”. Thus, the referent/s for the deictic pronoun “you” in the Lebanese slogans became all the political leaders. “We” appeared in the discourse of the Revolution as “all the protesters”. The protesters emerged as a united front because of the unspoken rule of the Revolution to avoid in chants and slogans any mention of political or religious affiliations which would point to the social divide among the country’s citizens.

Below are examples of slogans in English.¹ First person plural grammatical information is encoded in English in the pronoun “we” and its objective and possessive variants “us” and “our”:

You are the cause of our immigration
We lose hours of knowledge and do not lose a homeland.
We are missing our lessons so we can teach you one.
We are not supported by embassies; your failure supports us.
We are one. We are stronger. We are the Lebanese people.
If you don’t let us dream, we won’t let you sleep.
We need a government with international standards.

The encoding of “we” is more complex in Arabic. In addition to the first person plural pronoun *nahna* (“we”), the *na* verb prefix in the present tense and the *na* verb suffix in the past tense carry the same meaning (*nantaser-ntasarna* انتصر-انتصرنا, *nadrus-darasna* ندرس - درسنا). Sentences in Arabic about “we” can either include both the pronoun *nahna* and a verb in the relevant form, or only the verb. The omission of the pronoun is grammatically common. The possessive pronoun “our” (*na*) appears in the suffix of plural possessive nouns (*saoutna* صوتنا – our voice). Below are some examples of slogans in Arabic with an English translation:

ما رح نخليكن تسرقوا حلمنا (We won’t let you steal our dream)
نحن السلطة (We are the authority)
نحن الصوت (We are the voice)

¹ The slogans both in English and in Arabic have been collected by the authors on the streets of Lebanon and on social media sites: WeareLebanon (2019, November 7) The future is THEM!!.[Instagram post]. <https://instagram.com/p/B4kZpieHmXg/>; Lebanon files, 2019; Lebanesebeautyqueens (2019, October 26) We are not supported by embassies... [Instagram post]. Retrieved from https://instagram.com/p/B4FYWIKa_2-/; WeareLebanon (2019, October 28) Houston, Texas stands with Lebanon... [Instagram post]. <https://instagram.com/p/B4JB8CtgM5W/>; WeareLebanon (2019, November 13) “IF YOU DON’T LET US DREAM WE WON’T LET YOU SLEEP”.[Instagram post] <https://instagram.com/p/B4z97I0AtUx/>

رح ننهيك قبل ما تنهو مستقبلنا (We will end you before you end our future)
نحننا عم ندرس لمستقبل مجهول (We are studying for an unknown future)
نحننا تركنا دروسنا لنعلمك درس (We are missing our lessons to teach you one)

Behind each revolutionary “we” in the slogans there is a different social group. The alternative “people’s parade” in Beirut on the Lebanese Independence Day on November 22, 2019, organized separately from the official presidential parade, helps to understand the multiplicity of the Revolution’s “we” voices. Among the marching groups were professional syndicates (doctors, nurses, engineers, farmers, teachers, etc.), retired military and police, the disabled, the fathers of Lebanon, students, the women of Lebanon, and so on. The march included participants of various religious denominations, socio-economic status and age. The Lebanese diaspora supported their fellow countrymen by picketing in front of the Lebanese Embassies abroad: in France, the US, Canada, Italy and other countries. Despite their social differences and the history of “ta’ifiye” (sectarianism) and conflicts between them, all the disparate groups, multiple smaller “we’s”, seemed to have united under the umbrella of the larger “We” – “we, the Lebanese people”. The common Other (the corrupt government, aging politicians who stayed in power for over thirty years, or politicians who inherited their positions from their fathers) aided the amalgamation of various protesting groups.

The referent of “we” in the Lebanese October Revolution is, however, not unproblematic. Pronouns are complex and political words always raising difficult questions about who is being represented [Pennycook 1994]. The narrative from above contested the definition of the protesters’ “we”. While the meaning of “we” from below was constructed as addressee-exclusive (“we” but not “you”), that is, excluding the government as a failed organ of corrupt functionaries from the “we” group – “we, the people”, “we, the nation”, the meaning of the same deictic element was presented as addressee-inclusive (“we” and “you”) by the Lebanese political elite, as an attempt at restoring the “imagined national community”. The protesters’ discourse emphasised the divide, the strong clear-cut opposition, and the incompatibility of the interests of the two groups. The “we” constructed from above, however, tried to downplay the social division and emphasize the commonality of interests of the government and the people. Such meaning manipulation in political discourse is made possible because of the multiplicity of the meaning potential of “we” imbedded in the semantic properties of deixis. Because the meaning of a deictic expression is not intrinsically encoded in the word but always depends on the context of the utterance, it allows for various interpretations.

The examples from President Michel Aoun’s address to the protesters on 24 October 2019, quoted below illustrate the recontextualization of the meaning of “we”¹ and its related forms “us” and “our”. The President’s speech appeared on the official government website both in Arabic and in English:

ولكن مع الأسف، هذا المشهد ما كان يجب ان يحصل، وصرختكم كان يجب ان تكون صرخة فرح بتحقيق طموحاتكم و احلامكم، وليس

صرخة وجع.

نحن شعب خلاق، قوي، وناجح، ولكن الطائفية حطمتنا، ونخرنا الفساد حتى العظم، وقد تركنا من اوصل البلد الى الهاوية بدون محاسبة.

أكد للمعتصمين والمتظاهرين، أنني على استعداد لألتقي ممثلين عنكم يحملون هواجسكم، والاستماع تحديداً الى مطالبكم، وتسمعون بدوركم من قبلنا مخاوفنا من الانهيار الاقتصادي وما علينا أن نقوم به سوياً كي نحقق اهدافكم من دون التسبب بالانهيار والفوضى، ويفتح حواراً بناء يوصل الى نتيجة عملية وتحديد الخيارات

[رئيس الجمهورية وجه رسالة، 2019].

Unfortunately, this scene should not have occurred, and your cry should have been a cry of joy to fulfill your ambitions and dreams, not a cry of soreness. We are a creative, strong and successful people, but sectarianism has destroyed us, and corruption necrotized our country to the bone, and we have left those who brought the country to the abyss without accountability.

I am ready to meet your representatives with your concerns, listen specifically to your demands, and hear our fears of economic collapse and what we have to do together in order to achieve your goals without causing collapse and chaos, and open a constructive dialogue to reach a practical result and determine the options [President Michel Aoun 2019].

The political elite, represented by President Aoun, by changing the deictic center of “we” (it is no longer the “protesters”, but “the President and the government”) and transforming the pronoun into addressee-inclusive, manipulated its meaning for their own political purposes – to demonstrate solidarity with the protest movement and to suggest collaboration between the government and the people. Another mechanism, introducing “they” into the speech, was also employed by the political elite to discursively cross the social divide and move from being the opponent, the culprit, the accused, to being the victim of the political and economic mismanagement, like everyone else in the country. The presence of a common enemy – (mythical) “they” (“those who brought the country to the abyss”) aided government’s positive self-representation.

Other Lebanese politicians used similar strategies to hijack the “we” discourse of the Revolution. Some examples are provided below:

¹ The “we” of the Presidential speech can be further subdivided into royal “we”, all-inclusive “we” and governmental “we” [Maalej 2012]; in all the cases the person deixis performs more or less the same role of creating an alliance with the protesters.

نحننا معكم (We are with you)

نحننا متفهمكم (We understand you)

نحننا مواطنين مثلكم (We are citizens like you)

To conclude, the shifting semantics of deictic expressions which always necessitates the presence of context in meaning making is often exploited in political discourse. The semantic duality of the personal pronoun “we” allows for practices of social inclusion and exclusion and as such appears as an arena of political struggle by creating alliances or excluding social groups from participation. In the context of the Lebanese October Revolution, the meaning of “we” constructed by the “we”-group of the protesters was strategically redefined by the Lebanese political elite. The latter found a way to include themselves in the revolutionary “we” to achieve their own political purposes. The “we” – “you” divide fueled the revolutionary movement; to weaken it, the sectarian political Establishment appropriated the “we” discourse to blur the boundaries between the two opposing camps, thus creating ambiguity in the revolutionary cause.

References

1. Anderson, B. Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism / B. Anderson. – Rev. ed. – London : Verso, 2006. – 247 p.
2. Chilton, P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice / P. Chilton. – London : Routledge, 2004. – 226 p.
3. Maalej, Z. A. The 'Jasmine Revolt' has made the 'Arab Spring': A Critical discourse analysis of the last three political speeches of the ousted president of Tunisia / Z. A. Maalej // Discourse & Society. – 2012. – Vol. 23 (6). – P. 679–700.
4. Mulderrig, J. The hegemony of inclusion: A corpus-based critical discourse analysis of deixis in education policy / J. Mulderrig // Discourse & Society. – 2012. – Vol. 23 (6). – P. 701–728.
5. Pennycook, A. The politics of pronouns / A. Pennycook // ELT Journal. – 1994. – Vol. 48 (2). – P. 173–178.
6. President Michel Aoun sent a message to the Lebanese in the protests and houses, about the latest developments (24 October 2019). – URL: <http://www.presidency.gov.lb/English/News/Pages/Details.aspx?nid=25710>
7. Van Dijk, T. Ideology: Political discourse and cognition / T. van Dijk, P. Chilton and C. Schaffner // Politics as Text and Talk: Analytical Approaches to Political Discourse. – Amsterdam : John Benjamins, 2002. – P. 203–238.
8. Wodak, R. The Discursive Construction of National Identity / R. Wodak, R. de Cillia, M. Reisigl, and K. Liebhart. – 2nd ed. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2010. – 276 p.
9. Zupnik, Y. A pragmatic analysis of the use of person deixis in political discourse. / Y. Zupnik // Journal of Pragmatics. – 1994. – Vol. 21. – P. 339–383.
10. رئيس الجمهورية وجه رسالة الى اللبنانيين في ساحات الاعتصام والمنازل حول التطورات (24 October 2019) الاخيرة. – URL: <http://www.presidency.gov.lb/Arabic/News/Pages/Details.aspx?nid=25710>

Л. А. Шестак

Волгоград, Россия

РОССИЙСКАЯ НОВОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: ОТРАЖЕНИЕ, МАНИПУЛЯЦИЯ, ФЕЙК

L. A. Shestak

Volgograd, Russia

RUSSIAN NEWS IN THE GLOBAL MEDIA SPACE: REFLECTION, MANIPULATION, FAKE

Аннотация. Российская новость в глобальном медиапространстве – это новость о России и из России. Анализируется освещение российских событий европейской и американской прессы, представляющее собой градацию количественную (от полного освещения до замалчивания) и градацию качественную: изменение контента; оценки изображаемого (серебряная медаль как позор); домысливание обстоятельств (утверждения об интенциях действующих лиц); наконец, моделирование ситуации в целом (фейк).

Ключевые слова: медиапространство, референциальная полнота описания, манипуляция, фейк.

Abstract. Russian news in the global media space is news about Russia and from Russia. The analysis shows that the coverage of Russian events by the European and American press represents both a quantitative gradation (from full coverage to silence) and a qualitative gradation (change in the content), an assessment of what is depicted; speculation of circumstances, and finally, the modeling of the situation as a whole (fake).

Keywords: Media space, referential completeness of description, manipulation, fake.

Российская новость в глобальном media пространстве занимает устойчивое место в виде постоянных рубрик «Russia», «Putin» и пр. и переводится не только на национальные языки, но и на язык политический.

Транслирующие новости media принято называть *окном в мир*. Однако эта метафора на наших глазах быстро вытесняется метафорой политическая *сцена* [Чудинов 2008 : 187] не столько в пространственном смысле, сколько в смысле назначения: ‘для разыгрывания постановочных акций’.

Как показывает анализ представления событий, имеющих зоной референции, «соотнесения и соотнесенности языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями» [Падучева 2008 : 79] Россию, освещение событий в европейской и американской прессе (английские издания «The Times», «The Telegraph», «The Guardian», американские «The Wall Street Journal», «The New York Times», «Bloomberg», немецкий Bild, польские «Polityka», «Wprost», украинские «Пресса Украины», «Україна молода», «Киевская правда» за 2015-2020 гг.) представляет собой градацию количественную (от полного и объективного освещения до замалчивания, т.е. нулевой степени референтности) и градацию качественную: частичное изменение контента – преувеличение или преуменьшение данных; изменение оценки изображаемого (серебряная медаль как позор); домысливание неизвестных автору статьи деталей – утверждения об интенциях действующих лиц; наконец, моделирование самих событий, т.е. фейков.

При референциальной полноте описания событие фиксируется с документальной точностью (кем что когда где и с какой целью делается): *Индия отказалась участвовать в форуме «Один пояс – один путь» в Китае* [https://news.mail.ru/politics/29734805/?frommail=1]).

Однако интенция говорящего реализуется в ракурсе представления (*Стакан наполовину полон – Стакан наполовину пуст*). Поэтому при описании могут элиминироваться деятели, ситуация может быть представлена предельно обобщенно либо не представлена вообще [Баранов 2017 : 235].

Как показывает анализ российских новостей в европейской и американской прессе, приемом полного замалчивания нежелательной информации пользуется немецкое издание Bild, приемом «сказав, ничего не сказать» – американская пресса, приемом мены оценочного знака – украинская пресса, приемом домысливания причин и мотивов поступков – польская пресса, приемом театральной постановки, создания ложного сюжета – американская, европейская и украинская пресса.

Приведем примеры. Прием *аннулирующих преобразований*, элиминирующих информацию о ситуации [Там же] являются полное и частичное замалчивание. Практикой *полного замалчивания* нежелательной информации известно немецкое издание Bild. В 2016 г/ таблоид объявил бойкот российским олимпийцам во время Игр в Рио-де-Жанейро: отказался включать результаты россиян в медальный зачет и в итоговую таблицу. Сразу после третьего места (Китай), шла Германия, занявшая пятое место [https://ria.ru/world/20180520/1520957811.html]. Подобную политику следует трактовать как утаивание информации.

Известны также такие приемы таблоида Bild, как ‘сообщение о событии, которое еще не произошло’. Редакция демонстративно поздравила Владимира Путина с победой на выборах за день до президентских выборов в России, в номере за 17 марта 2018 г.. Газета назвала российскую прессу *бессовестной пропутинской пропагандой*, вспомнила, что на выборах 2012 г. в некоторых районах (например, в Чечне) Путин набрал 99 % голосов избирателей и поздравила *старого и нового президента* Владимира Путина с предрешенной победой [<https://www.dw.com/ru/o-том-как-bild-заранее-поздравила-путина-с-победой/a-43028291>]. Как известно, на президентских выборах 2018 г. В. В. Путин получил 76,41 % голосов избирателей [<https://www.rbc.ru/politics/19/03/2018/5aaeff199a794769bd32138d>]. Заметим, что если бы официальное российское издание поздравило за день до выборов Дональда Трампа, Эммануэля Макрона или любого другого крупного политика, это расценили бы как вмешательство в чужие дела со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Прием *частичного замалчивания* нежелательной информации использовала американская газета New York Post. В финале хоккейного чемпионата 2018 г. золотую медаль получили российские хоккеисты. И хотя болельщики видели онлайн-трансляцию финального матча Россия – Германия, New York Post разместила статью о результатах проведения чемпионата под заголовком *A team without a country wins hockey gold (Команда без страны выиграла хоккейное золото)* [<https://nypost.com/2018/02/25/a-team-without-a-country-wins-hockey-gold/>], использовав перифраз *a team without a country* вместо прямой номинации Russia, правда, с описанием самой ситуации (wins hockey gold).

Прием *индефинитизирующих преобразований* референциальной картины события [Баранов 2017 : 235] позволяет затушевать, скрыть суть происходящего под абстрактными книжными формулировками: *Вслед за Львовской облрадой мораторий на русскоязычный культурный продукт ввела Волинская облрада* [<https://uapress.info/ru/news/show/171095>]. *Мораторий на русскоязычный культурный продукт* означает ‘запрет использования на Украине русского языка’.

Приемом *фингирующих преобразований* референциальной картины события, когда в описание вводятся дополнительные детали и персонажи [Там же] широко пользуются британская и украинская пресса. Премьер-министр Великобритании Тереза Мэй в рождественском послании 2018 г. к британским военнослужащим поблагодарила их за *защиту от российского вторжения: Начиная с существенной роли в устранении последствий откатившейся назад угрозы от российского вторжения, ... снова и снова вы противостояли агрессии* [<https://www.kommersant.ru/doc/3841646>]. Частотны такие примеры в украинской прессе: *Сегодня, восстанавливая в памяти кровавые события весны 2014 г., я глубоко убежден, что они были единственной силой, способной противостоять Кремлю в тот трагический период* [<https://uapress.info/ru/news/show/170693>]; *Пять лет продолжается борьба Украины против российского агрессора* [там же].

Введение в описание события предполагаемых автором статьи участников и обстоятельств (прежде всего обстоятельств причины и цели) выстраивается в виде градации «участник, которого не было – участник (и) и их действия – участники, действия, причины и цели действия», формируя иерархию фейковых сообщений. Приведем примеры. Частичной дезинформацией является сообщение украинского пранкера о количестве погибших при пожаре в «Зимней вишне»: *Басманный суд Москвы постановил заочно арестовать гражданина Украины Никиту Кузикову, известного по псевдониму Евгений Вольнов, который звонил в государственные учреждения во время пожара в кемеровском торговом центре и, представляясь сотрудником МЧС, говорил о 300 погибших* [<https://www.bbc.com/russian/news-43560148>]. Во время пожара в торговом центре «Зимняя Вишня» погибли 64 человека, в том числе 41 ребенок. Сообщение украинского пранкера было почти пятикратным изменением цифры погибших.

Фейковым заголовком является украинское сообщение *Убита Людмила Путина! Бывшую жену Путина ликвидировали после ее заявления, что ее настоящего мужа давно нет в живых!* [Киевская правда 2016 2 июня]. Симптоматично, что сенсация заканчивается политическим призывом (*Люди, опомнитесь! Вы живете как нищие, еле сводите концы с концами, потому что вас нещадно обворовывают и обманывают. И теперь уже стоит вопрос о выживании коренного народа России. Если вы не перестанете трусить и игнорировать то, что происходит в стране – вам не жить*) (Пунктуация оригинала, Л.Ш.) и ссылкой на украинские сайты [<https://ua-reporter.com/news/srochno-ubita-lyudmila-putina-byvshuyu-zhenу-putina-likvidirovali-posle-ee-zayavleniya-chto-ee-nastoyaschego-muzha-davno-net-v-zhivyyh,full.html>].

Фейковым текстом являются сообщение украинских СМИ о мнимом убийстве А.Бабченко. 29 мая 2018 года, служба безопасности Украины сообщила, что журналист Аркадий Бабченко **был убит** в Киеве рядом с собственным домом вечером. В тот же день МИД России призвал Киев оперативно расследовать **убийство Бабченко** || *По словам депутата Антона Геращенко, журналисту выстрелили в спину. После этого Бабченко скончался по пути в больницу* [http://infopolk.ru/1/Z/news/vstrane_i_mire/content/201805292348-5ihg.htm#017a22e6-e4a9-4db5-6b62-c8cb6e264089].

Спустя сутки выяснился постановочный характер мнимого убийства: Бабченко явился на специальный брифинг СБУ [https://www.1tv.ru/news/2018-05-30/346319-vsya_informatsiya_ob_ubiyстве_zhurnalista_arkadiya_babchenko_v_kieve_byla_chastyu_splanirovannoy_operatsii_sbu]. В заблуждение было введено все мировое сообщество. Скандальный украинский фейк был оформлен театрально-постановочными средствами (неподвижное тело на полу лицом вниз в луже свиной крови).

Многолетней серией фейковых сообщений является цикл репортажей Релоциуса и Хуана Морено «Граница Джегера». В центре сюжета – Крис Джегер, бывший военный, потомок немецких переселенцев и безработный расист, организовавший отряд самообороны для патрулирования американо-мексиканской границы. Другие герои материала – мигранты из каравана, который пришел к границе США из Латинской Америки [<https://birdinflight.com/ru/mir/20181220-claas-relotius-fake-reports.html>]. С 2011 года в журнале DER SPIEGEL или на SPIEGEL-ONLINE было опубликовано почти 60 статей Клааса Релоциуса, из которых 14 были сфабрикованы: журналист выдумывал истории либо искажал факты. 19 декабря 2018 г. журналиста уволили [<http://www.spiegel.de/international/the-relotius-case-answers-to-the-most-important-questions-a-1244653.html>].

Фейковыми фото является монтаж «Буш держит книгу вверх ногами» и «Путин на саммите G20». Фотофейк 1 – пример манипуляции с деталью. Фотография с перевернутой книгой облетела СМИ, намекавшие на глупость бывшего президента США. Однако в оригинале Буш держал книгу правильно [http://hoaxes.org/photo_database/image/bush_reads_book_upside_down/]:



Фото 1. Фальшивая фотография в соцсетях



Фото 2. Оригинал

Примером добавления в фотофейк отсутствующих в нем персонажей является Фото 3 «Путин в окружении Трампа и Эрдогана». На снимке к российскому президенту в окружении глав государств на саммите «большой двадцатки» в Гамбурге якобы прислушиваются президент США Дональд Трамп, министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу и президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган. Обратим внимание и на многозначительную «политическую» деталь: на лацкане пиджака Ангелы Меркель – георгиевская ленточка!



Фото 3. Фотофейк в соцсетях 8 июля 2017 г.



Фото 4. Трамп, Чавушоглу и Эрдоган на саммите G20 (фото Getty Images)

Однако на настоящем фото, опубликованном на Getty Images, разговор идет на фоне пустого кресла Терезы Мэй. На табличке, соответственно, название United Kingdom, а не Российской Федерации, и на пиджаке канцлера Германии Ангелы Меркель, естественно, нет георгиевской ленточки.

Фейковым фильмом является ролик «Химатаки сирийского правительства». Фильм о химической атаке в Сирии создали «Белые каски». Жуткие кадры с изображением множества трупов, преимущественно детей – якобы жертв химической атаки сирийской армии в Хан-Шейхуне – вызвали широкий общественный резонанс. Однако анализ фильма специалистами свидетельствует, что химатака в Хан-Шейхуне – инсценировка. Председатель неправительственной исследовательской ассоциации «Шведские врачи за права человека» профессор Феррада де Ноли и его коллеги обнародовали вывод: показанные в ролике дети скорее находятся под воздействием наркотиков, а не отравляющих веществ; инъекция адреналина делается непра-

вильно, что может привести к смерти ребенка; в качестве напалма используется раствор мела, которые «Белые каски» смывают водой из шланга (!), тогда как со времен американской войны во Вьетнаме известно, что напалм не смывается и прожигает ткани до кости [<https://news-front.info/2017/04/10/ispanskij-blogger-kak-delali-fejk-o-himicheskoi-atake-v-sirii/>].

Референциальная неполнота дополняется использованием номинативных средств разных типов: *Мятеж не может кончиться удачей, – В противном случае его зовут иначе* (С. Маршак).

Это мена оценочных знаков. Изменением аксиологического знака пользуются «Новости Украины»: *Украинские СМИ злобствуют: Русские хоккеисты чудом избежали позора* || *Пользователи социальных сетей возмутились статьей украинского издания «Обозреватель», озаглавленной «Российские хоккеисты чудом избежали позора в финале Олимпиады-2018». В тексте статьи говорится, что во время игры россияне столкнулись с «невероятными трудностями» и «долго ничего не могли сделать с противником»* [<http://новости-украины.ru-an.info/новости/украинские-сми-злобствуют-русские-хоккеисты-чудом-избежали-позора/>]. Отрицательная оценка вербализована перифразом описываемой ситуации с изменением смысла на противоположный: *выиграла золото – с трудом избежала позора*, поскольку даже второе место (серебряные медали) является в спортивной иерархии все-таки почетным, а не позорным.

Это употребление резко оценочных и стилистически сниженных номинаций: *Ударной силой первых пророссийских митингов была местная "голова" – несколько сот "обдолбанных" наркотиками и пропагандой РУС ТВ люмпенов, возглавляемых группой офицеров ФСБ* [<https://uapress.info/ru/news/show/170693/>]; *И только в Днепре ... удалось остановить нашествие русской чумы...* [<https://uapress.info/ru/news/show/170693/>]; *«Об этой «атаке», по странному совпадению, Москва теперь уже на уровне МИД РФ начала визжать накануне двух событий* [<https://uapress.info/ru/news/show/170954/>].

Это использование символических метафорических образов: *Обрізання газпромівського «спрута»: поставки російського газу в Європу скорочуються* [<https://www.umoloda.kiev.ua/number/3595/159/146623/>]; *Північний потік-2: США закликали ФРН «Припинити годувати звіра»* [<https://www.umoloda.kiev.ua/number/0/159/146583/>].

Наконец, это использование исторических параллелей и аллюзий: *The Russian leader, whose speaking stamina is second only to late Cuban leader Fidel Castro, took 53 questions over 3 hours and 43 minutes (Российский лидер, чья выносливость уступает только покойному кубинскому лидеру Фиделю Кастро, ответил на 53 вопроса в течение 3 часа 43 минуты)* [<https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-12-20/putin-seeks-breakthrough-for-economy-in-slowdown-russia-update>]; *Пять лет продолжается борьба Украины против российского агрессора, но за этот период ни ТВ, ни печатные СМИ так и не создали ни единого культового образа – защитника Родины. У нас, к сожалению, нет своего Александра Матросова, Николая Гастелло или Зои Космодемьянской.* [<https://uapress.info/ru/news/show/170693/>].

Распространенным приемом является «заражение семантики» – вставка в предложение в качестве ложной пресуппозиции оценочного утверждения (вывод ниоткуда) [Рижинашвили 1994], например, *рука уязвимого президента, расплачивается человеческими жизнями* (*In the short term, this will strengthen the hand of a vulnerable president*), [<https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-05-28/coronavirus-tightens-putin-s-economic-grip>]; *Коронавирусный кризис в очередной раз напомнил о том, что за прошлые ошибки Россия расплачивается человеческими жизнями* [<https://inosmi.ru/social/20200519/247457812.html>].

Главным нарушением принципа информации является некритичное и неверное употребление социально-политической терминологии *беспорядки, восстание, революция, мятеж* и проч. Так, выступления «желтых жилетов» во Франции соответствуют дефинициям *беспорядки* и *столкновения*, поскольку нарушался общественный порядок и имело место физическое воздействие на полицейских (забрасывание их камнями и палками), однако требования протестующих первоначально не касались смены власти; «Майдан» на Украине в 2014 г. являлся *переворотом*, поскольку имел характер ‘подготовленный, массовый и вооруженный’ (так называемая «Небесная сотня», стрелки гостиницы «Украина» и т.п.), но не *восстанием* всего населения, поскольку восточные и южные области Украины в нем почти не участвовали, и не *революцией*, поскольку экономический уклад Украины изменений не претерпел. Поэтому номинативные замены типа *революція гідності* несостоятельны и вынуждают констатировать либо теоретическую «неподкованность» авторов медийных публикаций, либо просто их политическую (вполне возможно, и проплаченную) ангажированность.

Основным принципом освещения российских событий прессой стратегических противников России является выбор негативного ракурса описания по принципу «что у нас плохого». Так, протекание пандемии коронавируса в России американская и польская пресса описали, сделав следующие акценты: 1) Путинская Россия не справилась с пандемией (Bloomberg: *как путинская Россия не справилась со сдерживанием пандемии* [<https://inosmi.ru/social/20200519/247457812.html>]); 2) Здравоохранение в России находится в ужасном состоянии (*Согласно докладу Bloomberg 2018 года, система здравоохранения России до сих пор остается одной из самых неэффективных систем в мире – хуже только в Соединенных Штатах, Азербайджане и Болгарии* [<https://inosmi.ru/social/20200519/247457812.html>]); 3) Режим маскирует провалы собственной политики дезинформацией (*Авторитарный режим, которому не нравятся плохие новости и который из всех сил старается подпитывать дезинформацию, не помогает* [<https://inosmi.ru/social/20200519/247457812.html>]); 4) Москва распространяла ложную информацию о борьбе других стран с коронавирусной инфекцией [<https://inosmi.ru/social/20200519/247457812.html>]); 5) Президент России пря-

чется от населения (*Wirus w Rosji. Lekarze wypadają z okien, a Putin się chowa*, польск. (*Вirus в России. Медики выпадают из окон, а президент прячется*) [<https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/swiat/1955310,1,wirus-w-rosji-lekarze-wypadaja-z-okien-a-putin-sie-chowa.read>]; *Odpowiedzialnością za kryzys obarczył przede wszystkim regiony i przedsiębiorców. Umył ręce i, jak zauważają co złośliwsi publicyści, zaszył się w swoim „bunkrze”*, польск. (*Ответственность за кризис возложил на регионы и предпринимателей. Умыл руки и, как отмечают самые злорадные публицисты, прячется в своем «бункере»*) [Там же]; 6) Правительство помогает лишь промышленным гигантам как опоре режиму [Там же]; 7) Из-за коронавируса усилился политический надзор за россиянами (*Funkcjonariusze wypisują mandaty, pociągając do odpowiedzialności zarówno winnych, jak i niewinnych obywateli*, польск. (*Чиновники выписывают штрафы, привлекая к ответственности как виновных, так и невиновных*) [Там же]; 8) Несмотря на сложную эпидемиологическую ситуацию, Кремль способствует возникновению голодных бунтов в Европе и США (*Zamieszki głodowe w Europie? Kreml w akcji*, польск. (*Голодные бунты в Европе? Кремль действует*)). *Białoruś nie sprzedaje na Zachód gryki, cebuli i czosnku, a Rosja za chwilę może przestać eksportować pszenicę. Tego drugiego boją się zwłaszcza USA, o czym ma świadczyć to, że zboże na giełdzie towarowej w Chicago podrożało o 11 proc. w dwa tygodnie*, польск. (*Белорусь не продает на Запад гречку, лук и чеснок. А Россия в любой момент может перестать экспортировать пшеницу. Второго особенно боятся США, о чем свидетельствует рост цены пшеницы на товарной бирже в Чикаго на 11% за две недели*) [<https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/swiat/1953942,1,zamieszki-glodowe-w-europie-kreml-w-akcji.read>]).

Традиционным ракурсом описания событий и происшествий в России является и российская угроза: *Nadciągają nowe rosyjskie myśliwce. Mamy się czego bać*, польск. (*Появляются новые российские истребители. Есть чего бояться*) [<https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/swiat/1952700,1,epidemia-naiwnosci-jak-rosja-i-chiny-usypiaja-nasza-czujnosc.read>].

Отражая одну из точек зрения в океане мнений и в атмосфере борьбы за власть, медиа-политический текст с неизбежностью приобретает амбивалентный характер: диалогичность и монологичность, ритуальность и информативность, явная и скрытая оценочность, агрессивность и толерантность и т.д. [Чудинов 2008 : 52–71]. Однако оценочность и агрессивность явно толерантность перевешивают.

Библиографический список

1. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – 5-е изд. – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – 368 с.
2. Рижинашвили, И. У. Лингвистические механизмы тенденциозного представления события в англо-американской периодике : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рижинашвили И. У. – Санкт-Петербург, 1994. – 17 с.
3. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений / Е. В. Падучева. – 5-е изд., стер. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. – 296 с.
4. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. – 3-е изд., испр. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – 256 с.

Направление 7

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

С. В. Арсениев

София, Болгария

О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОНСОЛИДИРОВАННОГО ФИНАНСОВОГО ОТЧЕТА И ТРЕБОВАНИЯХ К ЕГО ПЕРЕВОДУ

S. V. Arseniev

Sofia, Bulgaria

FUNCTIONAL FEATURES OF THE CONSOLIDATED FINANCIAL REPORT AND REQUIREMENTS FOR ITS TRANSLATION

Аннотация. Рассматривается вопрос о функциональных особенностях (синтаксис использования лексических единиц) текстов документов консолидированной финансовой отчетности и требованиях к их переводу, особенно в области передачи терминов.

Ключевые слова: консолидированный финансовый отчет, функциональные особенности, требования к переводу.

Abstract. The article examines the functional features (syntax, the use of lexical units) of text documents for consolidated financial statements, and the requirements for their translation, especially the translation of terms.

Keywords: consolidated financial report, the functional characteristics, the requirements for transfer.

В Консолидированном финансовом отчете (КФО) компании представлены ее финансовые и экономические результаты за прошедший финансовый год. КФО формируется в соответствии с требованиями Международных стандартов финансовой отчетности (с 2010 года приняты на территории Российской Федерации – Федеральный закон от 27.07.2010 № 208-ФЗ «О консолидированной финансовой отчетности»). По этой причине в КФО включаются сведения о соответствии финансовой политики компании этим стандартам. Отчет должен давать представление о структуре и системе управления компанией, об изменении в положительную или отрицательную сторону, с учетом гудвила, рыночной стоимости, о перспективах развития в кратко- и среднесрочной перспективе.

Таким образом, документы КФО являются основными финансовыми документами компании, представляющими ее состояние и перспективы перед заинтересованными лицами, в т.ч. и иностранными партнерами. Нередки случаи, когда требуется перевод КФО российских компаний на болгарский язык. В связи с этим особое внимание следует обращать на функциональные особенности текстов КФО, на точность их перевода, в т.ч. на эквивалентную передачу на болгарский язык терминов, содержащихся в них. Переводческая практика требует постоянного развития и усовершенствования «...в условиях динамично развивающегося процесса международной интеграции в области экономики, торговли, туризма, науки, образования...» [Пенчева 2015: 61].

В целях определения функциональных особенностей текстов КФО необходимо определить их принадлежность к какому-либо функциональному стилю, конкретному подязыку, и, соответственно, жанру. Если рассматривать функциональный стиль как «образование, основывающееся на закреплении неких качественных характеристик за речевыми произведениями..., функционирующими в определенной сфере общения, соотносённой с соответствующей областью человеческой деятельности» [Цвиллинг 2009 : 252], то тексты документов КФО, в силу их специфики, следует отнести к официально-деловому стилю. На это указывает, например, употребление слов и устойчивых словосочетаний, принадлежащие к профессиональной, т.е. финансовой и бухгалтерской терминологии, неличный характер общения и речи, речевой стандарт, шаблон, особый способ изложения, употребление констатаций, утверждений [Кожина 2016 : 320–322].

Следует отметить также тот факт, что данные, отраженные в тексте годового отчета, являются оценкой состояния компании с финансовой точки зрения. В силу этого в тексте множество терминов, которые передают специальную информацию, приближая таким образом содержание текстов документов КФО к научно-техническому стилю.

Сочетание официально делового и научно-технического стиля в текстах документов КФО позволяет говорить об особом жанре профессиональной речи – жанре финансового отчета.

Что касается принадлежности текстов документов КФО к какому-либо подязыку, то, принимая во внимание присутствие в этих документах множества разнообразных элементов, относящихся к разным областям (финансового, инвестиционного, стратегического и т.д.) управления, эти документы возможно отнести одновременно к разным подязыкам. Чтобы избежать этого, можно использовать определение подязыка, данное М. Я. Цвиллингом: «Подязыком целесообразно называть (...) совокупность языковых единиц, репрезентированных в ограниченном по какому-либо признаку массиве текстов» [Цвиллинг 2009 : 257]. Массив текстов документов КФО репрезентируется по общему признаку – особому жанру финансового отчета, следовательно, можно говорить о существовании подязыка финансовой отчетности.

Характерные особенности синтаксиса

Требования МСФО к составлению документов КФО делают обязательными определенную структуру и формальную организацию текстов этих документов. Очень большая по объему информация должна быть четко разделена на соответствующие составные части (рубрики). Такое членение (рубрикация) позволяет четко представить информацию, позволяет быстро ориентироваться в ней. Важную роль играет также проставление соответствующих заголовков и подзаголовков.

Сопоставление финансовой и прочей информации за прошедшие периоды (отчетный и контрольный) требует использования в целях сравнения совпадающих синтаксических структур, используются также одни и те же наборы лексических единиц. Указанным образом описываются разнообразные финансовые активы, обязательства и инструменты, структура прибыли и расходов, результаты финансовых операций за различные периоды. Такое описание позволяет осуществлять соответствующие сравнения, сопоставление и анализ информации.

В целях лучшей визуализации используются таблицы с нумерационными и тематическими заголовками, всеми соответствующими элементами (головки, боковик, ячейками с данными). Для текста также характерно употребление шаблонов и клише, особый способ изложения, точность и конкретность.

Характерные особенности использования лексических единиц.

Специфика текстов документов КФО определяет особенности употребления лексических единиц – необходимость соблюдения фактической точности требует употребления множества терминов, в т.ч. их многократного повторения даже в рамках одного абзаца: «результат хеджирования» «стоимость финансового инструмента», «валовая балансовая стоимость финансового актива». Возможно использование квази-терминов – многокомпонентных устойчивых словосочетаний терминологического характера: «признание выручки от договоров с покупателями». Использование же синонимов, местоимений во многом ограничено. Таким образом достигается высокая денотативная точность, в смысле денотата как «класса объектов реальной действительности, которые могут быть определены данным понятием» [Гарбовский 2007 : 281]. Такая точность является обязательной для финансовых отчетных документов.

Следует отметить использование языковых штампов: «по завершении отчетного периода», «поток документации», употребление отглагольных существительных, отыменных предлогов «в случае», «в продолжение», «для того, чтобы»; «за счёт»; сложных союзов «ввиду того факта, что»; «по причине того, что».

Требования к переводу текстов документов КФО

Полное понимание текста, в т. ч. текстов особой сложности, какими являются документы КФО, является одним из первоочередных требований в процессе осуществления перевода. В этом плане необходимо отметить два уровня понимания текста переводчиком: общий уровень понимания и углубленный, критический уровень.

Бесспорно, наибольшие сложности связаны с переводом терминов, в связи с их особыми свойствами и особым местом в текстах документов КФО. Для достижения эквивалентности перевода терминов исходного документа необходимо сохранение в достаточной степени их содержательной точности и выбор такого эквивалента, который обеспечит идентичность понятий терминов исходного и переводного текстов.

Серьезные трудности возникают при переводе терминов ИЯ, не имеющих эквивалентных единиц в ПЯ, т.е. такие эквивалентные единицы не присутствуют в лексикографических источниках, в текстах и глоссариях, доступных в режиме онлайн в сети. Подобные трудности также возникают при отсутствии абсолютного соответствия между значениями терминов ИЯ и ПЯ.

Выявление расхождений в системе понятий, выражаемых терминами ИЯ и ПЯ, – важный шаг на пути межкузыковой гармонизации терминосистем, обеспечивающей решение проблем перевода терминов.

В заключение можно сделать следующие выводы. При переводе документов консолидированной финансовой отчетности необходима тщательная предварительная подготовка переводчика, включающая в себя внимательное ознакомление с функциональными особенностями текстов – лексики и синтаксиса. Обязательна тщательная проработка терминов, особое внимание следует обратить на термины ИЯ, не имеющих эквивалента в ПЯ.

Следует помнить, что эквивалентный и адекватный перевод текстов документов КФО имеет большое значение для представления возможностей компании за рубежом. Любая замена терминов другими приведет к неточной передаче смысла исходного документа и к искажению содержащихся в нем данных.

Библиографический список

1. Гарбовский, Н. К. Теория перевода / Н. К. Гарбовский. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 544 с.
2. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – Москва : Флинта, 2016. – 464 с.
3. Пенчева, А. И. РЕТУР (RETOUR) – иновативен ресурс за обучение по руски език в сферата / А. И. Пенчева // Руските и българските делови текстове – езикови особености и проблеми на превода. – София, 2015. – 100 с.
4. Цвиллинг, М. Я. О переводе и переводчиках / М. Я. Цвиллинг. – Москва : Изд-во Восточная книга, 2009. – 286 с.

О. В. Барабаш

Пенза, Россия

ТИПЫ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ В РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ¹

O. V. Barabash

Penza, Russia

TYPES OF INTERLINGUAL PARALLELS IN RUSSIAN AND BULGARIAN LEGAL TERMINOLOGY

Аннотация. Рассматриваются типы межъязыковых параллелей в русской и болгарской юридической терминологии, выделенные на основе различных классификационных признаков: формального сходства, функциональных и стилистических особенностей, степени семантической эквивалентности.

Ключевые слова: межъязыковые параллели, юридический термин, семантика, шкала эквивалентности.

Abstract. The article examines the types of interlingual parallels in Russian and Bulgarian legal terminology, identified on the basis of various classification features: formal similarity, functional and stylistic features, the degree of semantic equivalence.

Keywords: interlanguage parallels, legal term, semantics, equivalence scale.

Вводные замечания. В условиях глобализации и правовой интеграции значительно возросла потребность в осуществлении качественных переводов юридических документов различных жанров – от договоров физических лиц до международных актов. К сожалению, существующие двуязычные, в том числе специальные, словари не всегда дают возможность подобрать оптимальный вариант перевода, учитывающий особенности национальных правовых систем России и Болгарии и специфику сферы правового регулирования, с которой соотносится искомый термин. В то же время не подлежит сомнению, что от выбора того или иного терминологического эквивалента в значительной мере зависит возможность точного и адекватного перекодирования правовой информации с одного языка на другой, а качественный юридический перевод является залогом эффективности межкультурной правовой коммуникации.

Юридическая терминология близкородственных языков – русского и болгарского – включает довольно много формально совпадающих единиц, которые в силу внутриязыковых причин, а также под влиянием экстралингвистических факторов могут демонстрировать как смысловую эквивалентность, так и расхождение в семантике и стилистической соотнесенности. Подобные единицы нуждаются в подробном исследовании и упорядочении.

В целом следует отметить, что формально тождественные лексические единицы русского и болгарского языков пока недостаточно изучены в юридико-лингвистическом фокусе. Между тем накопленный в отечественной и зарубежной науке опыт дает возможность опереться на выработанную в области сопоставительной лексикологии методологию.

Так, в фундаментальном труде Р. А. Будагова рассматриваемый феномен анализируется на материале романских языков [Будагов 1963]. В исследованиях российских и зарубежных ученых межъязыковые лексические параллели выявляются на материале сопоставления русского и английского [Акуленко 1961], [Борисова 1989], немецкого [Дубичинский, Ройтер 2015], французского [Томилова 2018], испанского [Вотякова, Емельянова 2016], польского [Шушарина 2015], украинского [Федорчук 2001], [Прощенкова 2008] языков. Среди работ, посвященных сопоставительному анализу именно юридической терминологии, следует указать проект коллектива ученых из Финляндии по созданию финско-русского банка LATTER [Михайлов, Кудашев, Суома 2018].

Формально совпадающие межъязыковые соответствия в славянских языках, в том числе в русском и болгарском, изучаются преимущественно на материале общеупотребительной лексики [Усачева 1984]; [Чонгарова 1992]; [Хуцишвили 2010]; [Делева 2015]. Р. М. Цейтлин в монографии «Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV–XV вв. Проблемы и методы», анализируя рукописи русского, болгарского и чешского языков X/XI–XIV/XV вв., исследует лексико-семантические группы слов с общей морфемой (корневой или аффиксальной) как лексические микросистемы данного языка данной эпохи [Цейтлин 1996].

¹ Доклад подготовлен по результатам проектов РГНФ (РФФИ) № 14-34-01252/15, РФФИ № 20-012-20022.

Отдельные работы посвящены выявлению русско-болгарских межъязыковых параллелей в терминологии таких отраслей, как пчеловодство [Зеленина 1984], автомобилестроение [Терзиева 2016] и транспорт [Димитрова 2016], информационные технологии [Николова 2016] и др. Этимологическому анализу ремесленной терминологии в славянских языках посвящена известная работа О. Н. Трубачева [Трубачев 1966].

Необходимо отметить возрастающий интерес к общественно-политической и дипломатической лексике [Пенчева 2014], юридической терминологии [Хънтов 2016], [Барабаш, Пенчева 2017], [Арсениев 2018].

Предлагаемый нами юридико-лингвистический подход к исследованию межъязыковых параллелей на материале русского и болгарского языков может дать результаты не только интересные в теоретическом отношении, но и применимые в практике юридического перевода и изучения иностранного (русского или болгарского) языка.

Цель нашего исследования – выявить, описать и систематизировать пары формально совпадающих единиц в русской и болгарской юридической терминологии, чтобы сформировать аннотированную карту-теку (банк данных) межъязыковых параллелей, которая послужит основой для соответствующего двуязычного словаря. В рамках данной статьи мы предлагаем рассмотреть типы межъязыковых параллелей, выделение которых возможно на основе различных классификационных критериев. Оговоримся, что в первую очередь мы анализируем однокомпонентные юридические термины и лишь затем рассматриваем их в составе терминологических сочетаний.

Материалом нашего исследования выступают нормативные правовые акты России и Болгарии; лексикографические источники; Национальный корпус русского языка и Български национален корпус (Болгарский национальный корпус).

II. Типы межъязыковых параллелей и подходы к их классификации. В зависимости от признака, положенного в основание классификации, можно выделить различные типы межъязыковых параллелей в русской и болгарской юридической терминологии.

По этимологическому признаку исследуемые пары могут быть обобщенно охарактеризованы как межъязыковые параллели *славянского* и *неславянского* происхождения.

К общеславянской лексике относятся такие слова, как «вина» (рус.) и «вина» (болг.), «суд» (рус.) и «съд» (болг.) и др., на протяжении столетий составляющие правовой тезаурус близкородственных языков. Так, например, древнейший памятник славянского права «Закон судный людем» [Закон судный людем, 1961], а вслед за ним «Русская Правда» указывают на отсутствие *вины* в том случае, если оскорбленный человек не мог стерпеть побоев, нанесенных позорящими орудиями: «Оже кто оударит кого батогомъ, или чашею, или рогомъ, или тылисницею, то 12 гривенъ. Не терпя ли противу тому тнеть мечемъ, то вины ему в томъ нѣтъ» [Русская Правда, 1846: 24].

Для сравнения приведем корреляты в других славянских языках: в чешском – «vina», «soud»; в верхнелужицком, нижнелужицком – «wina», «sud»; польском – «wina», «Sąd», словацком – «vina», «súd».

Заемствованные из неславянских языков термины появились в основном в результате рецепции римского права и имплементации в национальное законодательство норм международного права, например: «ипотека» (рус.) – «ипотека» (болг.); «эмансипация» (рус.) – «еманципация» (болг.), «сервитут» (рус.) – «сервитут» (болг.) и т. п.

Межъязыковые параллели в русской и болгарской юридической терминологии могут быть разграничены по **степени совпадения внешней формы**. Применительно ко всему массиву рассматриваемых межъязыковых соответствий можно говорить, на наш взгляд, о *формально совпадающих лексических единицах*. При необходимости подчеркнуть полное внешнее совпадение мы используем термин *формально тождественные единицы*.

Формальное тождество демонстрируют в русском и болгарском языках «арест» (рус.) и арест (болг.), «сговор» (рус.) и «сговор» (болг.), «взлом» (рус.) и «взлом» (болг.) и др. В то же время в силу различного рода внутриязыковых исторических процессов, особенностей русского и болгарского алфавитов, сложившихся грамматических, орфоэпических и орфографических традиций межъязыковые соответствия могут обнаруживать некоторые расхождения внешнего облика. Следовательно, при сопоставлении межъязыковых лексических параллелей в родственных языках совпадение плана выражения устанавливается с определенными допущениями [Барабаш 2020]. Сравним: «ущерб» (рус.) – «ущърб» (болг.), «соучастник» (рус.) – «съучастник» (болг.), «подстрекатель» (рус.) – «подстрекател» (болг.), «опыт» (рус.) – «опит» (болг.), «коррупция» (рус.) – «корупция» (болг.), «эмбарго» (рус.) – «ембарго» (болг.), «истец» (рус.) – «ишец» (болг.), «кража» (рус.) – «кражба» (болг.), «ответчик» (рус.) – «ответник» (болг.), «износ» (рус.) – «иизнос» (болг.). Отметим, что указанные формальные различия не препятствуют восприятию данных единиц как межъязыковых соответствий, напротив, эти слова представляются «узнаваемыми» в соответствующем иностранном языке, в связи с чем требуют не менее пристального внимания, чем полные формальные эквиваленты, так как в случае несовпадения семантики также могут приводить к нежелательной интерференции.

При анализе межъязыковых параллелей важное значение имеет учёт **функциональных и стилистических особенностей** слов.

В силу преимущественно книжного характера большинства единиц, представляющих объект нашего исследования, стилистические различия обнаруживаются в основном на уровне оппозиций «современ-

ное – устаревшее» либо «общеупотребительное – кодифицированное». Так, например, термин «взятка» активно используется российским законодательством, а толковые словари болгарского языка подают слово «взятка» с пометой «устаревшее».

По сфере функционирования формально совпадающих единиц, образующих межъязыковую пару в близкородственных языках, можно выделить следующие типы соответствий:

- а) юридический термин в русском языке – юридический термин в болгарском языке;
- б) юридический термин в русском языке – общеупотребительное слово в болгарском языке;
- в) общеупотребительное слово в русском языке – юридический термин в болгарском языке;
- г) общеупотребительное слово в русском языке – общеупотребительное слово в болгарском языке.

Последний вариант мы не рассматриваем, так как это не входит в задачи нашего исследования. Нас интересуют, прежде всего, такие пары соответствий, в которых хотя бы одна единица принадлежит юридической терминологии русского либо болгарского языка.

Иллюстрацией первого типа параллелей могут служить русские и болгарские юридические термины «ущерб» – «ущърб», «подкуп» – «подкуп», «свидетель» – «свидетел» и т.п. Отметим, что консубстанциональные термины мы относим к этой же группе.

Оппозиция «термин – общеупотребительное слово» наблюдается в русско-болгарской паре «оскорбление» – «оскърбление». В русском языке «оскорбление» является термином российского права. В качестве самостоятельного термина «оскорбление» фигурирует в статье 5.61 КоАП РФ [Кодекс об административных правонарушениях 2001], а в уголовном законодательстве участвует в образовании многокомпонентных терминологических сочетаний (например, «оскорбление чувств верующих» в ст. 148 УК РФ; «оскорбление представителя власти» в ст. 319 УК РФ; «оскорбление военнослужащего» в ст. 336 УК РФ [Уголовный кодекс 1996]). В болгарском языке «оскърбление» было заимствовано из русского и функционирует как общеупотребительное.

Иное соотношение наблюдается в паре «обида» (рус.) и «обида» (болг.). Здесь, напротив, сфере общего употребления принадлежит слово русского языка. В болгарском же языке слово «обида» консубстанционально и выступает одним из ключевых терминов Раздела VII Уголовного кодекса – «Обида и клевета»:

(1) «За обида:

- 1. нанесена публично;
 - 2. распространена чрез печатно произведение или по друг начин;
 - 3. на длъжностно лице или на представител на обществеността при или по повод изпълнение на служба или функцията му и
 - 4. от длъжностно лице или от представител на обществеността при или по повод изпълнение на служба или функцията му,
- наказанието е глоба от три хиляди до десет хиляди лева и обществено порицание» [Наказателен кодекс].

Функционально-стилистические особенности слова естественным образом коррелируют со спецификой его семантики. Особенно заметны смысловые трансформации при внутриязыковом переходе общеупотребительного слова в разряд терминов: в семантической структуре производного юридического термина, восходящего к общеупотребительному слову, происходит наращение к ядерной семе дополнительных смысловых компонентов, сознательно устанавливаемых законодателем и значимых в контексте конкретных правоотношений. Результатом подобного наращения становится двойное кодирование информации (общезыковой и собственно терминологической) [Барабаш 2017: 74]. Соответственно при сопоставлении межъязыковой параллели, демонстрирующей оппозицию «термин – общеупотребительное слово», с еще большей вероятностью семантический объем рассматриваемых единиц будет различен.

Таким образом, мы приблизились к еще одному – наиболее значимому классификационному критерию: **соотношение значений**.

Характеризуя типы формальной и семантической эквивалентности межъязыковых единиц, исследователи предлагают различные наименования для обозначения данного феномена: «ложные друзья переводчика» [Акуленко 1961: 62], [Борисова 1989]; «межъязыковые омонимы» [Кусаль 2005]; «межъязыковые соответствия омонимичного характера» [Хуцишвили 2010]; «межъязыковая псевдоэквивалентность» [Томилова 2018]; «межъязыковые проксиматы» [Правда 2010] и др. Однако применительно к юридической терминологии ни один из указанных вариантов не охватывает всего разнообразия представленных в ней формально-семантических соотношений. На наш взгляд, терминологические пары с одинаковым (сходным) планом выражения следует распределять по шкале семантических соответствий, включающей следующие уровни отношений: нулевая (ложная) семантическая эквивалентность – частичное семантическое сходство – полная семантическая эквивалентность.

Под нулевой семантической эквивалентностью мы понимаем межъязыковую омонимию, при которой (по аналогии с внутриязыковой омонимией) план содержания не обнаруживает каких-либо признаков сходства, а план выражения терминов совпадает [Барабаш 2020: 6]. По происхождению это могут быть окказиональные образования, внешнее совпадение которых можно назвать, пользуясь метафорой В. И. Абаева, лишь «игрой случая» [Абаев 1957: 40], либо межъязыковые соответствия, образовавшиеся независимо

друг от друга из одних и тех же элементов и разошедшиеся в историческом развитии настолько, что в современных близкородственных языках не демонстрируют общих сем.

Например, в русском языке слово «разбирательство» означает «рассмотрение, разбор, обсуждение (преимущ. судебного дела)» [Ожегов 2013: 517]. Обратившись к Национальному корпусу русского языка с целью поиска примеров для анализа сочетаемостных возможностей слова «разбирательство», мы убедились, что преобладающим контекстом его употребления является описание судебного процесса, а в основе семантики «разбирательства» лежит понятие конфликта. Лишь единичные примеры, относящиеся, преимущественно, к XVIII и XIX вв., включают данное слово и в контекст, не связанный с судебным делом, например:

(2) «Чуждый до сих пор всякого соприкосновения с женщинами, он не подозревал, как знаменательно было для него самого это напряженное разбирательство женской души» [Тургенев 1882].

В болгарском же языке «разбирательство» функционирует как общеупотребительное слово с противоположным значением: «взаимопонимание, отсутствие серьезных противоречий и разногласий; согласие, сговор» [Речник на българския език], соответственно возможны контексты типа:

(3) «Как да запазим разбирателство в семейството» / Как сохранить взаимопонимание в семье.

Таким образом, русско-болгарская пара «разбирательство» – «разбирателство» являет собой образец ложных эквивалентов.

Полную семантическую эквивалентность демонстрируют русско-болгарские терминологические пары «посредник» – «посредник», «заложник» – «заложник» и т.п.

В целом отметим, что большинство формально совпадающих терминов лишь пересекаются семантически, в связи с чем возникает опасность «соблазна отождествления» [Реформатский 1987: 40] значений этих слов. Так, частичное семантическое сходство демонстрируют слова «затворник» (рус.) и «затворник» (болг.). В русском языке «затворник» – это «отшельник, давший обет не выходить из своей кельи» [Ожегов 2013: 190]. Слово заимствовано из старославянского языка, где «затворьникъ» – суффиксальное образование от «затворъ» (тюрьма, темница), производного от «затворити», восходящего к *zaverti (запереть). Например:

(4) «По великости вашего благоснисхождения доложу вашему величеству, что в здешней, спасаемой богом и нашими государями, вторыми по боге, обители обретается схимник, то есть монашествующее лицо, сиречь затворник, обитающий в сем мире единым скудельным своим составом, но бессмертным духом витающий за пределами гроба, яко на крыльях голубиных...» [Лажечников 1833].

В переносном значении словом «затворник» называют в русском языке человека, редко выходящего из дому, чуждающегося людей, например:

(5) «Ко мне Паша давно уже пристаёт, чтоб я познакомилась с вами, да вы-то такой нелюдим, настоящий затворник, и в коридор-то вы лишний раз не выглянете» [Шевченко 1856].

В болгарском языке указанное переносное значение тоже свойственно слову «затворник». Однако основное значение – иное, затворником называют лицо, отбывающее наказание, либо лицо, заключенное под стражу: «1. Лице, което изтърпява наказание в затвор, обикн. след произнесена присъда; рен. 2. Лице, което е затворено, задържано, арестувано поради някакви причини като временна мярка; арестант, задържан» [Речник на българския език].

Термин «затворник» функционирует в болгарском уголовном законодательстве:

(6) «Затворник, който избяга, се наказва с лишаване от свобода до тригодини» [Наказателен кодекс 1968].

Соответственно для болгарского языка естественны сочетания «криминален затворник», «политически затворник». Такая сочетаемость для слова «затворник» в русском языке не характерна. Вне юридического дискурса болгарским словосочетаниям будут эквивалентны в русском языке слова «уголовник» и «политзаключенный». В правовом документе термин «затворник» следует перевести на русский язык как «заключенный».

Как видим, в рассматриваемой паре (рус. «затворник» – болг. «затворник») план выражения лексем совпадает, а план содержания может быть охарактеризован как пересекающийся. При этом кодифицирована только единица болгарского языка, а точкой семантического пересечения оказалось переносное значение слов.

Интересно, что в паре однокоренных межъязыковых параллелей «затвор» (рус.) – «затвор» (болг.) также наблюдаются отношения пересечения. Совпадает лишь значение «запирающий механизм», в частности, все его вариации употребления в технической сфере (затвор у оружия, затвор фотоаппарата и т. п.). Однако для выражения юридического понятия ставшее омонимичным слово «затвор» используется лишь в болгарском языке:

(7) «Ако от деянието е последвала тежка телесна повреда, наказанието е лишаване от свобода от три до десет години, а ако е последвала смърт, наказанието е лишаване от свобода от десет до двадесет години, доживотен затвор или доживотен затвор без замяна» [Наказателен кодекс].

Термин «затвор» в болгарском языке реализует модель регулярной полисемии «действие – место совершения действия». В приведенном примере мы видим девербатив, ставший смысловым ядром двухкомпонентного термина уголовного законодательства «доживотен затвор» (рус. эквивалент – «пожизненное заключение»). Сравним:

(8) Женски затвор.

(9) Централен затвор.

В примерах (8) и (9) реализуется лексико-семантический вариант 'место, где отбывают наказание лица, приговоренные к лишению свободы' (рус. эквиваленты – «женская тюрьма», «центральная тюрьма»).

В современном русском языке семантика места в слове «затвор» утратилась. Лишь у В. И. Даля мы встречаем пример с пояснением «Идти в затвор, жить в затворе – затворяться в келье», а сам «затвор» толкуется как «одинокое жилище отшельника, келья затворника» [Даль 2001: 272]. Однако современные толковые словари русского языка такого лексико-семантического варианта для слова «затвор» уже не фиксируют.

Выводы. Мы рассмотрели типы межъязыковых параллелей в русской и болгарской юридической терминологии, выделенные на основе различных классификационных признаков: формального сходства, функциональных и стилистических особенностей, степени семантической эквивалентности. В силу внутриязыковых и экстралингвистических причин формально совпадающих терминов довольно много в русско-болгарском межъязыковом пространстве, и они требуют систематизации и упорядочения. Перспективной задачей видится создание с помощью применения автоматизированных алгоритмов обработки больших массивов языкового материала *двухязычного словаря межъязыковых параллелей в русской и болгарской юридической терминологии*.

Библиографический список

1. Абаев, В. И. О подаче омонимов в словаре / В. И. Абаев // Вопросы языкознания. – 1957. – № 3. – С. 31–44.
2. Акуленко, В. В. Существует ли интернациональная лексика? / В. В. Акуленко // Вопросы языкознания. – 1961. – № 3. – С. 60–68.
3. Арсениев, С. В. Особенности перевода термина «груб строеж» на русский язык / С. В. Арсениев // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22–25 мая 2018 г.). – Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. – С. 209–213.
4. Барабаш, О. В. Межъязыковые параллели в русской и болгарской юридической терминологии / О. В. Барабаш // Юрислингвистика. – 2020. – № 16 (27). – URL: <http://journal.asu.ru/urisl>
5. Барабаш, О. В. Смысловые трансформации правовых терминов вне юридического дискурса / О. В. Барабаш // Rhema. Рема. – 2017. – № 3. – С. 28–45.
6. Барабаш, О. В. Метафорические модели коррупции в русском и болгарском медиадискурсе (на материале публикаций СМИ за 2008–2017 гг.) / О. В. Барабаш, А. И. Пенчева // Cuadernos de Rusística Española (CRE) = Ученые записки испанской русистики. – 2017. – Т. 13. – С. 43–58.
7. Борисова, Л. И. Ложные друзья переводчика научно-технической литературы : метод. пособие / Л. И. Борисова. – Москва, 1989. – Ч. 1. – 124 с.
8. Будагов, Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования (Романские языки) / Р. А. Будагов. – Москва, 1963. – 303 с.
9. Вотякова, И. А. Межъязыковые соответствия русских и испанских лингвистических терминов / И. А. Вотякова, С. О. Емельянова // Многоязычие в образовательном пространстве. – 2016. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhyazykovye-sootvetstviya-russkih-i-ispanskih-lingvisticheskikh-terminov>
10. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В. И. Даль. – Москва, 2001. – 736 с.
11. Делева, Н. О проекте создания серии учебных русско-болгарских словарей лексических аналогов / Н. Делева // Лексикография в начале XXI в. : доклады от Седмата международная конференция по лексикографии и лексикология (София, 15–16 октября 2015 г.). – София : Изд-во на БАН «Проф. Марин Дринов», 2016. – С. 178–184.
12. Димитрова, Н. К. Русско-болгарский словарь терминов транспортно-экспедиционной деятельности / Н. К. Димитрова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 2. – С. 65–73.
13. Дубичинский, В. В. Теория и лексикографическое описание лексических параллелей : монография / В. В. Дубичинский, Т. Ройтер. – Харьков, 2015. – 148 с.
14. Закон Судный людям: Списки кр. ред. и воспроизв. списков / подгот. к печ. М. Н. Тихомиров. – Москва, 1961.
15. Зеленина, Э. И. Из болгарской пчеловодческой терминологии / Э. И. Зеленина // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. – Москва : Наука, 1984. – С. 98–108.
16. Кусаль, К. Ч. Русско-польская межъязыковая омонимия как лексикографическая проблема : монография / К. Ч. Кусаль. – Санкт-Петербург, 2005.
17. Лажечников, И. И. Последний Новик (1833) / И. И. Лажечников // Национальный корпус русского языка. – URL: http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?sort=i_grtagging&lang=ru&startyear=1771&text=lexform&req=затворник&endyear=1791&mode=main&env=alpha&nodia=1&p=11
18. Михайлов, М. Н. LATTER – финско-русский банк данных по юридической терминологии / М. Н. Михайлов, И. С. Кудашев, Ю. В. Суома // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22–25 мая 2018 г.). – Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. – С. 209–213.
19. Наказателен кодекс. В сила от 01.05.1968, изм. и доп. ДВ. бр. 23 от 14.03.2020. – URL: <https://www.lex.bg/bg/laws/tree/code>
20. Николова, Н. Особенности терминологической номинации в сфере информационных технологий / Н. Николова // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. – Шумен : УИ «Епископ Константин Преславски», 2016. – Т. 10, № 10. – С. 144–164.
21. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов / под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – Москва : Мир и Образование, 2013. – 736 с.

22. Пенчева, А. И. Двухязычный русско-болгарский и болгарско-русский словарь сочетаемости дипломатической и общественно политической лексики в обучении деловому общению / А. И. Пенчева // 6th International Conference "The Russian Language in the Linguistic and Cultural Space of Europe and the World: Human being Consciousness Communication Internet" (22–25 of May 2014, Leuven). – Leuven, 2014.
23. Правда, Е. А. Межъязыковые проксиматы в параллелях сербского и русского, словацкого и русского языков: типы проксиматов / Е. А. Правда // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 127–131.
24. Проценкова, Н. В. Национальная специфика семантики слова в близкородственных языках: на материале имен существительных русского и украинского языков : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Проценкова Н. В. – Благовещенск, 2008. – 270 с.
25. Речник на българския език (Институт за български език). – URL: <https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg>
26. Русская Правда / Текст Русской Правды на основании четырех редакций. Издалъ Н. Калачовъ. – Москва : В Типографии Августа Семена, 1846. – 56 с.
27. Терзиева, Т. Особенности терминообразования в русском и болгарском языках (на примере терминов автомобилостроения) / Т. Терзиева // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. – Шумен : УИ «Епископ Константин Преславски», 2016. – Т. 10, № 10. – С. 257–277.
28. Томилова, А. И. Явление межъязыковой псевдоэквивалентности в русском и французском языках: теоретические и прикладные аспекты : монография / А. И. Томилова ; под науч. ред. Н. Н. Лыковой. – Екатеринбург, 2018. – 219 с.
29. Трубаев, О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках (Этимология и опыт групповой реконструкции) / О. Н. Трубаев. – Москва : Наука, 1966. – 414 с.
30. Тургенев, И. С. Клара Милич (1882) / И. С. Тургенев // Национальный корпус русского языка. – URL: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&sort=i_grtagging&startyear=1800&text=lexform&req=разбирательство&api=1.0&mode=main&env=alpha&nodia=1&endyear=2019&p=39
31. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 : [ред. от 07.04.2020 ; с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020]. – URL: <http://www.consultant.ru>
32. Усачева, В. В. Материалы для словаря славянских названий рыб. VII (Семейство Лососевые) / В. В. Усачева // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. – Москва : Наука, 1984. – С. 200–270.
33. Федорчук Е. В. Межъязыковая омонимия и паронимия в близкородственных языках: На материале русского и украинского языков : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Федорчук Е. В. – Москва : Рус. яз., 2001. – 257 с.
34. Хуцишвили, С. Д. Славянские межъязыковые омонимы : дис. ... д-ра филологии (PhD) / Хуцишвили С. Д. – Тбилиси, 2010. – 169 с.
35. Хънгов, В. О проблемах при переводе некоторых актуальных терминов и лексем общеправового характера с русского на болгарский язык / В. Хънгов // Актуальные проблемы стилистики. – 2016. – № 2. – С. 190–198.
36. Цейтлин, Р. М. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV–XV вв. Проблемы и методы / Р. М. Цейтлин. – Москва : Наука, 1996. – 232 с.
37. Чонгарова, И. Д. Межъязыковые лексические соответствия омонимического характера: на материале русского и болгарского языков : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Чонгарова И. Д. – Москва, 1992. – 159 с.
38. Шевченко, Т. Г. Художник (1856) / Т. Г. Шевченко // Национальный корпус русского языка. – URL: http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?sort=i_grtagging&lang=ru&startyear=1771&text=lexform&req=затворник&endyear=1791&mode=main&env=alpha&nodia=1&p=11
39. Шушарина, И. А. Польско-русский словарь ложных друзей переводчика : словарь : Т. 1 (А–F) / И. А. Шушарина. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. – 259 с.

И. К. Гюдуров

София, Болгария

**СУДЕБНЫЙ ПЕРЕВОДЧИК ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
РЕСПУБЛИКИ БОЛГАРИИ : СОСТОЯНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ,
ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ**

I. K. Gyudurov

Sofia, Bulgaria

**COURT INTERPRETER FOR CRIMINAL CASES IN BULGARIA:
ACTIVITIES, PROBLEMS AND WAYS OF SOLUTION**

Аннотация. На основе исследования состояния и основных правовых актов рассматриваются состояние деятельности судебных переводчиков, проблемы и способы решения в Болгарии.

Ключевые слова: юридический перевод, статус судебных переводчиков, переводчиков по уголовным делам, лицензированных переводчиков.

Abstract. The article examines the content, trends in the development of court translation and the problems that court translators face when working with legal acts.

Keywords: legal translation, status of judicial interpreters, criminal interpreters, licenced interpreters.

Актуальность проблематики можно с уверенностью вывести из сложности ситуации, в которой работают судебные переводчики в РБ, что ущемляет как их профессиональные интересы, так и основные права иностранцев, участвующих в уголовных делах в Болгарии, в качестве совершителей, свидетелей или потерпевших лиц.

В рамках последних несколько десятилетий, наша страна в результате ряда глобальных процессов, имеющих сложную динамику и трансформирующие все сферы общественной жизни, широко „распахнула свои двери“. Для большинства из моих сонародников это было давно желанной мечтой, так как они надеялись свободно выезжать за границы в качестве туристов в экзотические страны или в качестве гестарбайтеров, работать в самые богатые страны Европы.

В какой-то мере это и произошло /хотя и далеко не так складно и сладко, как в мечтах/, но однако совсем неожиданно для нас, этими «открытыми дверями», начали воспользоваться множество иностранцев. По определению «иностранец» – это лицо не являющееся болгарским гражданином“, согласно статьи 26, пункт 2, Конституции Болгарии, которые воспользовавшись либеральным режимом, решили:

– поселиться на территории РБ, временно или на более длительный срок, начать работу, свой бизнес, покупать недвижимость и т.д.;

– или просто использовать эту территорию для своего транзита в сторону центрально-европейских «обетованных» стран.

Так например, по данным официальной статистики Болгарии¹, число иностранцев посетивших Болгарию, хотя и под „туристическим предлогом“, в последние несколько лет, указывает на то, что их число чрезвычайно нестабильно и характеризуется резко увеличивающимся трендом (табл. 1).

Таблица 1

Год	Число иностранцев посетивших РБ	Население РБ (общее число)		
	Общее число иностранцев	Из стран ЕС	Из других стран: Европа и другие страны	
2014	9 400 832	5 431 145	3 969 687	7 202 198
2015	9 316 624	5 243 200	4 073 424	7 153 784
2016	10 604 396	6 208 793	4 393 893	7 101 859
2017	11 596 167	6 867 671	4 728 496	7 050 030
2018	12 368 363	7 250 365	5 117 998	7 000 039

Анализируя данные в таблице, можно сделать следующий обоснованный вывод: увеличивается общее число посещающих и число посещающих страну из других стран Европы, и других стран мира, на фоне снижающегося общего числа местного населения.

По мнению К. М. Левитана [Левитан 2017:11], в подобных случаях, людей разделяет не только языковой барьер, но и связанный с ним культурный барьер: различия в национальных культурах; в психологии, в ментальности. Неизбежно, в подобных условиях, когда постоянно увеличивается число международных контактов, постоянно растет и число конфликтов, в которых вступают или участвуют каким-то образом иностранцы.

Часть из этих конфликтов находит свое решение путем судебных разбирательств, в соответствии с болгарскими законами, по гражданскому, административному или уголовному законодательству, а иностранные лица являются субъектами /в качестве истцов, потерпевших, свидетелей/ или объектами /в качестве обвиняемых/, в этом процессе.

Именно в таких подобных случаях участие судебного переводчика является желательным, а еще конкретнее в судебных спорах, по УПК, участие судебного переводчика предусмотрено в качестве обязательного, с целью обеспечить:

- основные законные права иностранцев – участников в уголовном деле, т.е. их право получить справедливый судебный процесс так и
- законосообразную деятельность самих судебных органов.

Гарантией вышеуказанного участия судебного переводчика в уголовном деле является не только болгарское законодательство согласно Закону о судебной власти: 2018 г., ст. 395а, но и ряд общих европейских нормативных актов, как например: Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза под № 2010/64/ЕС, «Право на устный и письменный перевод в уголовном процессе», «Конвенция о защите прав человека и основных свобод».

Т.е., объектом судебной деятельности судебного переводчика, который участвует при рассмотрении уголовного дела при участии иностранца, являются:

1) все устные двусторонние высказывания в судебном зале, а также и все невербальные высказывания, которые выражаются при помощи мимики и жестов, и которые несут специфическую информацию /например: кивок головой, указывание пальцем и т.д./;

2) все документы, международные и местного характера и другие письменные тексты, сопутствующие ведению судебного процесса по уголовным делам /запросы на международную юридическую помощь; материалы из досудебного производства; судебные протоколы; вердикты суда; письменные распоряжения; ходатайства; жалобы; судебные экспертизы; справки; повестки и т.д./.

Очертив таким образом постоянно увеличивающийся масштаб и специфическое поле деятельности судебного переводчика по уголовным делам мы понимаем, что перед ним с целью выполнить устный и письменный судебный перевод по уголовным делам, на соответствующем высоком профессиональном уровне, стоит далеко не простая задача, а именно:

- быть лицом, имеющим все необходимые общие языковые и другие специфические квалификации /степень образования, сертификаты, курсы специализации, практика /хотя бы учебная/ и т.д./;
- знать в очень высокой степени специфику обоих языков /исходного языка и языка реализации перевода/, касательно их социально-культурных особенностей;
- знать в деталях: действующие юридические системы в обоих государствах; соответствующую юридическую официальную и другую общепринятую терминологию. По мнению Св.Томановой², юридические переводы, являются информативными, т.е. специализированными и выполняющие прежде всего информационные функции;
- быть в состоянии /физическом, психологическом, эмоциональном/, переводить в условиях проведения уголовного судебного дела. Так например, в болгарских судебных залах, даже там где рассматриваются уголовные дела, отсутствуют какие-то бы ни было ограждения для подсудимых, в связи с чем судебные переводчики, чаще даже стоя выполняют свои функции, находясь рядом с подсудимым, на время всего судебного заседания.

Кто, однако, у нас в Болгарии, занимается такой деятельностью, и какие сопутствующие этой деятельности возникают проблемы, и как их возможно избежать или решить?

В Болгарии судебными переводчиками по уголовным делам являются прежде всего лица аккредитованные, т.е. получившие сертификаты в соответствии с болгарским законодательством, к конкретным судебным институциям, как например к Софийскому городскому суду. Для аккредитации судебные переводчики обязаны пройти по соответствующей процедуре к конкретной судебной институции, в конкретном районе ее юрисдикции. Особая слабость этих процедур в том, что желающие приобрести правоспособность быть судебными переводчиками обязаны предоставить перечень документов, некоторые из которых являются официальными болгарскими документами (напр.: болгарские дипломы и аттестаты, свидетельство о не судимости), а другие являются только рекомендательными или с ссылкой на предыдущий опыт). Т.е. не предусмотрены какие бы то ни было письменные или устные экзамены. После такого «формального конкурса» имена одобренных судебных переводчиков становятся частью специализированного публичного реестра, доступны через официальную интернет-страницу Министерства правосудия Болгарии. На практике, хотя их называют «судебными», аккредитованных судебных переводчиков могут привлекать в качестве переводчиков установленным законным способом и в другие болгарские правоохранительные органы: Полицейские службы, Уголовная полиция, Прокуратура, Агентство национальной безопасности, другие институции правопорядка.

По своей основной профессии, сертифицированными субъектами судебного перевода по уголовным делам, могут быть: профессиональные переводчики, занимающиеся языковыми переводами в издательской

сфере, в СМИ, в туризме, в культуре или преподаватели иностранного языка /преподаватели из: вуз, школ, других языковых и образовательных структур/. Все они могут выполнять свою судебную переводческую деятельность, в качестве не основной работой, а дополнительной работы в основном двумя способами:

– индивидуально, т.е. в качестве фрилансеров,

или

– коллективно, в качестве представителей /служащих/ специализирующейся на судебных переводах, коммерческой компании. Обычно в таких случаях, судебные переводчики, просто являются штатными служащими этих компаний, или выполняют свои обязательства по специфическим гражданским договорам.

В начале 2014 г. вспыхнул скандал в некоторых наших правоохранительных органах, чьи бюджеты стали под угрозой банкротства из-за начисленных, но не выплаченных гонораров, в больших размерах за устные переводческие услуги судебных переводчиков. По тогдашним расценкам за 1 час судебного перевода переводчикам следовало выплачивать по 50.00 лв. без НДС (около 30 евро), а в отношении некоторых почему-то „объявленных“ особо редкими языками, как например китайский или японский, гонорар достигал суммы в 80.00 лв. за 1 час (около 40 евро). Предусматривалось и дополнительное вознаграждение в 50%, за устный судебный перевод, выполненный в праздничные, в выходные дни, в ночное время, после 22.00 ч. Ситуация усугубилась дополнительно и тем, что тогда начались и первые нелегальные «волны» мигрантов разных национальностей с востока, через Болгарию и в сторону Европы, в результате чего как никогда до этого стали востребованы услуги судебных переводчиков, а платить как за старые, так и за новые переводческие услуги было нечем. Сами судебные переводчики среагировали почувствовав себя «обиженными» и перестали являться по вызовам в правоохранительные органы, ссылаясь на свою загруженность и на неоплаченные услуги. Это привело к сбой во всей системе судебных переводов, который стал темой для комментариев даже в центральных СМИ.

Устранить возникший хаос взяла на себя Министр правосудия того времени – г-жа Зинаида Златанова. Она утвердила новый нормативный правовой акт – «Правила №1, о деятельности судебных переводчиков»³, которые действуют и в настоящее время.

Хотя наверное и было задумано получить хороший результат, этот акт породил новые проблемы, как иногда и происходит, никоим образом не устранив старые.

О каких основных недостатках вышеуказанного акта следует обязательно упомянуть?

Во-первых, основной акцент в акте был поставлен на снижение оплаты устных переводческих услуг судебных переводчиков, при этом плата была снижена в три раза, до суммы в 15.00 левов, включая НДС, за каждый полный час /т.е. около 7,5 евро/. Не указан механизм калькулирования письменных судебных переводов, а предложено неясно как, трансформировать их стоимость по себестоимости устных переводов, в зависимости от затраченного времени и накладных расходов.

Во-вторых, фундаментальные вопросы на аккредитацию судебных переводчиков по уголовным делам, касательно их предварительного подбора, обучения, квалификации, сертификации и т.д., т.е. основные вопросы их легитимности – **вообще отсутствуют!** Совсем «туманно», заявлено, что судебные переводчики должны указать на предыдущий опыт и практику в этой сфере. По мнению Бр.Клисурской /* **Клиурская Бр., «Разследване на престъпления извършени от чужденци». С. 2016. – 134 с./**: «было бы удачно если лица, претендующие на право быть судебными переводчиками имели предыдущий опыт» (Скорее-положительный, наверное? А откуда ему быть, ведь каждый из нас, судебных переводчиков по уголовным делам, начинал с «чистого листа»? – прим. автора), при реализации судебных переводов по уголовным делам, и:

Дополнительные требования, к судебным переводчикам, но уже в форме рестрикции, были установлены касательно их статуса и сертификации:

– быть лицами – болгарскими гражданами или лицами, имеющими разрешение на постоянное местопребывание в РБ, если являются иностранными гражданами или подданными. Тут не учтено членство Болгарии в ЕС, чьи граждане не могут быть ограничены в своем праве претендовать на право быть судебными переводчиками, тем более, что они могут быть такими в своих странах!

– наличия формальной языковой квалификации у судебных переводчиков, а именно иметь сертификаты на знание иностранного языка, в соответствии с международными европейскими стандартами – C1 или C2 /Европейская система уровней владения иностранным языком/. Автор согласен, конечно, что это резонно, но нигде в вышеуказанном акте не упомянуто, какие конкретные институты на территории Болгарии, являются уполномоченными экзаменовать и выдавать такие сертификаты, а также и в отношении каких конкретно языков.

Будит недоумение и факт, что в акте, не указано:

1. Какой минимальный уровень знания процессного языка /т.е. какой уровень образования и знания, и грамотности болгарского языка/, является обязательным, на удовлетворении претензии быть судебным переводчиком. На практике, это позволяет любому иностранцу, вероятно даже образованному и хорошо знающему свой родной язык /и получившему статус постояннопребывающего на территории Болгарии/, претендовать на право быть судебным переводчиком, не зная вообще или недостаточно хорошо болгарский язык, что чревато не выполнением по качеству и адекватности, устного судебного перевода * /* **бесспорно, что судебные переводчики должны быть билингвами, а в некоторых европейских странах, суды имеют право назначить 2-х судебных переводчиков – разной национальности, каждый из которых выполняет перевод с только с чужого на свой родной язык/**, а также является помехой на выполнение письменных судебных переводов.

2. Почему, граждане из стран-членов ЕС, не имеют право быть судебными переводчиками? Такое право на труд обеспечено им по ст. 45 из Договора о функционировании ЕС.

3. никоим образом не учтены права и интересы тех лиц, которые в сущности являются одной из сторон судебного дела, а именно – права и интересы иностранных лиц. Хотя в другом правовом акте, а именно в ст. 274 (1) из Уголовно-процессуального кодекса РБ, предусмотрен отвод переводчика, но не совсем ясно, как точно иностранное лицо будет оценивать компетентность переводчика и какая у него доступность к регистрам с информацией о судебных переводчиках? В принципе, иностранное лицо должно иметь право и возможность свободно выбрать судебного переводчика, даже если его выбор – это избрать переводчика – лицо своего же пола, что в некоторых деликатных ситуациях, очевидно, весьма резонно, и не только по мнению автора.

Какие все-таки могут быть рекомендации по решению большинства проблем, касательно деятельности судебных переводчиков, не забывая что их деятельность является инструментом, а не целью. (Основная цель деятельности судебного переводчика – это качественный судебный перевод, выполненный по всем основным пунктам: верность оригиналу, полнота, адекватность, выполненный по времени и по месту).

Хотя, в Болгарии и сейчас существуют профессиональные организации переводчиков, как, например, «Союз переводчиков в Болгарии» */неправительственная организация, которой уже «исполнилось» 45 лет деятельности/*, то, как правило, их основная профессиональная деятельность не направлена на судебные переводы. Другие же, т.е. коммерческие организации, очень редко «держат» по штатному расписанию судебных переводчиков, из-за непостоянного потока востребованности судебных переводчиков. По мнению А. В. Винникова: «Структура (языковая) востребованных в уголовном процессе, переводчиков, отличается своей пестротой и структурной неустойчивостью» [Винников: 2013], т.е. невозможно заранее планировать востребованность в судебных переводчиках, как в языках, так и в их количестве! По этой причине даже коммерческие организации вряд ли заинтересованы долгосрочно инвестировать в повышение квалификации судебных переводчиков.

В правовой литературе Болгарии очень часто в последнее время заводится дискуссия о необходимости создания национального института судебных переводчиков, при участии как существующих государственных учреждений, так и неправительственных организаций /коммерческих и некоммерческих организаций/. В нынешних условиях, однако, имея ввиду разнородность интересов, было бы сравнительно удачно хотя бы в краткосрочном плане «взвалить эту ношу» на существующий Национальный институт правосудия при Министерстве правосудия Болгарии. Этот институт проводит полное обязательное вводное обучение и повышение квалификации для многих других участников судопроизводства: для судебных клерков, для следователей, для присяжных заседателей, для судей.

Предусмотрена законом и дополнительная возможность (пока еще не реализованная) на обучение и других заинтересованных лиц, т.е. вполне возможно включить и судебных переводчиков по уголовным делам с целью их обучения на специализированных курсах. Также в помощь их профессиональной деятельности публиковать для их нужд разного вида руководства, другие виды письменных инструкций, как, например существующие такие для судебных клерков. Кроме того, удачна и возможность перманентно знакомить их с ведущими европейскими стандартами, т.е. проводить общее и специализированное обучение, проводить письменные и устные экзамены, на основе которых выдавать соответствующие сертификаты на правоспособность в качестве судебных переводчиков по уголовным делам.

Библиографический список

1. Винников, А. В. О мировых закономерностях полицейского и судебного перевода / А. В. Винников // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 1. – С. 89–103.
2. Винников, А. В. Судебный и полицейский перевод : Уроки мировой практики / А. В. Винников // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2012. – № 2. – С. 133–143.
3. Директива 2010/64/ЕС, 20.10.10, относительно права на устный и письменный перевод в НП /ЕП и Съезд на ЕС.
4. Дриц, К. В. Институт сертификации судебных переводчиков: зарубежный опыт и возможность его применения в России / К. В. Дриц // Правовые и гуманитарные исследования : сб. науч. ст. студентов и аспирантов. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 30–33.
5. Закон за екстрадицията и европейската заповед за арест / ДВ. Бр. 53 от 27.06.2014/.
6. Закон за съдебната власт / ДВ. бр. 49 от 12.06.2018/.
7. Илиева, Л. Преводачът и Темида. Функционална характеристика на съдебния превод / Л. Илиева. – Сиела, 2013. – 267 с.
8. Илиева, Л. Проблеми на юридическия превод. На основата на превод на испански език, на българския НПК / Л. Илиева. – Сиела, 2014. – 367 с.
9. Клисурска, Бр. Разследване на престъпления извършени от чужденци / Бр. Клисурска. – Сиела, 2016. – 272 с.
10. Ларин, А. А. Участие переводчика в суде и на досудебных стадиях процесса: проблемы и пути их решения / А. А. Ларин, Л. Б. Обидина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2016 – № 3. – С.143–147.
11. Левитан, К. М. Юридический перевод. Основы теории и практики : учеб. пособие. / К. М. Левитан. – Москва, 2017.
12. Наказателен кодекс. – ДВ. бр. 83 от 22.10.2019.
13. Наказателно-процесуален кодекс. – ДВ. бр. 44 от 29.05.2018.
14. Софийски градски съд – съдебни преводачи. – URL: http://scc.bg/?page_id=3796
15. Томанова, Св. Теория на междуетничния превод / Св. Томанова. – Благоевград : ЮЗУ, 2012. – 122 с.
16. Томанова, Св. Междуетнично взаимодействие в превода / Св. Томанова. – Благоевград : ЮЗУ, 2009. – 156 с.
17. Чанкова, Д. Правата на човека и тяхната защита / Д. Чанкова. – Сиела, 2001. – 358 с.
18. Federal Court Interpreters. – URL: http://www.uscourts.gov/sites/default/files/federal-court-interpreter-orientation-manual_0.pdf (дата обращения: 20.05.2020).

И. Микулацо

Пула, Хорватия

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В «РУССКОЙ ПРАВДЕ» И В ХОРВАТСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДОКУМЕНТЕ «VINODOLSKI ZAKON»

I. Mikulaco

Pula, Croatia

LEGAL TERMINOLOGY IN "RUSSKAYA PRAVDA" AND THE CROATIAN LEGAL DOCUMENT "VINODOLSKI ZAKON"

Аннотация. Сравниваются древнейшие русские и хорватские источники права: *Русская Правда* и *Vinodolski zakon*. Делается вывод, что развитие юриспруденции определялось мышлением, основанным на духовном синкретизме, на взаимосвязи общего и особенного, национальной культуре, религии, вере, моральных ценностях, отношениях и порядке в обществе, отношениях к правам и свободе человека, которые отражаются в юридической терминологии.

Ключевые слова: юридическая терминология, Русская Правда, Vinodolski zakon, обычное право, наследственное право, уголовное право.

Abstract. The author compares the oldest Russian and Croatian sources of law, *Russkaya Pravda* and *Vinodolski zakon*. The development of jurisprudence was determined by the concepts based on spiritual syncretism, the relationship between the general and the particular, national culture, religion, faith, moral values, order in society, and attitudes towards human rights and freedom. All those concepts are reflected in legal terminology.

Keywords: legal terminology, Russkaya Pravda, Vinodolski zakon, Customary Law, Inheritance Law, Criminal Law.

Введение

Понятие контекста развития юридической терминологии связано с историческими и политическими процессами, которые повлияли на развитие терминологии, включая юридическую терминологию. Обратим внимание на самые старые документы – источники русской и хорватской юридической терминологии, повлиявшие на последующее формирование юридической терминологии. Это *Русская Правда* и хорватский *Vinodolski zakon* (*Винодольский закон*).

Прежде всего, необходимо определить логические и правовые обстоятельства, которые напрямую влияют на появление понятий и терминологии, их выражающих, и, следовательно, являются предпосылками для появления правовой терминологической системы. Терминология должна уметь выражать сущность явлений и процессов, а языковая специфика понятия идет планомерно с трансформацией правовой мысли в правовую норму.

Материалы и методы

В работе использовались научные источники, посвященные юридической терминологии и самые старые русские и хорватские источники права, *Русская Правда* и *Винодольский закон*. В анализе обращалось внимание на сравнение этих двух документов и их юридическую терминологию. Объектом изучения являются *Русская Правда* и *Винодольский закон*. Предметом анализа – интерпретация понятий в этих двух правовых документов.

Обсуждение

В Средние века были заложены основы обычного, наследственного и уголовного права. Очень распространенным письменным источником права являются *статуты* (кодифицированные сборники правовых положений, в основном, основанных на более старом и неписаном обычном праве, который на определенных уровнях правительства и в определенных социально-политических единицах стремился регулировать функционирование правовой системы). С развитого Средневековья *статуты* появляются в независимых или автономных городских сообществах или коммунах по всей Европе, включая Хорватию. В то время появляются и письменные источники права [Хорватская энциклопедия].

Из этого следует выделить *Vinodolski zakon* (*Винодольский закон*) с начала 1288 года и *Poljički statut* (*Полицкий статут*), который приобрел окончательную редакцию в середине 15 века, написанные на хорватском языке.

Vinodolski zakon – это старейшая полностью сохранившаяся хорватская запись обычного права, датируемая 1288 годом и написанная глаголицей (первым славянским алфавитом, созданным в середине IX века, а в Хорватии остался в использовании до XIX века). Антун Мажуранич был первым, кто подготовил и опубликовал *Винодольский закон* в третьем году основания журнала «Коло», в 1843 году. О важности документа свидетельствует тот факт, что через три года после его первой публикации он был переведен на русский язык (Осип Боднянский), а в 1856 году – на польский язык (Wacław Alexander Maciejowski). В 1878 г. Анна Михайловна Евреинова издала в Санкт-Петербурге фототипное издание оригинала с латинской и кириллической транскрипциями, а в 1880 г. Ватрослав Ягич опубликовал оригинал и русский перевод с филологической и юридической интерпретацией. После этого *Винодольский закон* был переведен на французский, немецкий, итальянский и английский языки, а в 1988 году Йосип Братулич подготовил факсимильно-дипломатическое издание с текстом критики, интерпретацией и словарным запасом. *Винодольский закон* записан на чакавском наречии, и является источником юридической терминологии обычного права того времени. Чакавское наречие – хорватское наречие и является одним из трёх хорватских наречий, вместе с кайкавским и штокавским наречиями (по вопросительным и относительным местоимениям: «ча», «кай» и «што»). В Средние века чакавское наречие распространялось на территории больше, чем в настоящее время.

Vinodolski zakon (*Винодольский закон* – далее ВЗ) записан на чакавском наречии и является источником юридической терминологии обычного права того времени. Относится к праву, которое действовало с древних времен, и обычаям, которые были санкционированы с древних времен, но *Винодольский закон* вносит новшества, например, в отношении наследования, роли и прав женщин. *Винодольский закон* должен был регулировать отношения между крепостными крестьянами и дворянами-помещиками.

Источник юридической терминологии, мы находим в тексте, когда речь идет о наказании, регулировании наказания и взыскании наказания, свидетелях /достоверных свидетелях; женщина хорошей репутацией могла быть свидетелем в суде (*dobra jedna žena i dobra glasa potaknjena za svidočastvo/ хорошей женщине и женщине хорошей репутацией разрешается стать свидетелем*); о наследниках (новизна *Винодольского закона* заключается в том, что дочери также могли стать наследниками, статья 32 ВЗ); о преступлениях, о насилии, о грехе, о насилии в отношении женщин, о собственности, о приговоре, об адвокатах, о присяжных заседателях.

Приведем примеры в сопоставлении оригинального текста, на чакавском наречии, в переводе на современный хорватский и русский языки¹. Термины мы классифицировали по понятийным группам.

Преступление, наказание, судебное разбирательство и наследствие

В этой группе находятся термины, к которым относятся понятия, связанные с преступлением (вина, убийство, воровство, возбуждение уголовного дела, насилие над женщиной и др.), наказанием, судебным разбирательством, участниками в судебном разбирательстве и о наследствии:

zlotvorac (zločinac, prijestupnik, počinitelj kaznenog djela/преступник, исполнитель преступления), *hudoba* (loš čovjek/плохой человек), *krivac*, *krivina* (krivnja/вина), *svedok* (svjedok/свидетель), *verovani svedok* (pouzdaní svjedok/достоверный свидетель), *svidočanstvo* (svjedočenje/свидетельство), *porotniki* (porotnici/присяжные заседатели), *zgrešenje* (počinjenje kaznenog djela/возбуждение уголовного дела), *tatba* и *tadba* (krađa/воровство), *škoda* (šteta/ущерб), *vaščina* (sramota/позор, позорный поступок), *vražba* (в старых хорватских письменных памятниках и *vražda* – юридический термин, связанный с восстановлением общественных отношений, нарушенных убийством или другим тяжким преступлением. Обычно, это означает сумму, выплаченную клану, братству или племени убитого человека в знак признания вины во избежание применения кровной мести (кровных денег); он также иногда используется в терминах коллективной ответственности, мести, смерти, наказания, штрафов или возмещения ущерба); *grih* (grieh/грех), *učinit silu ženi* (nasilje nad ženom/насилие над женщиной), *tvarnica* (žena koja se pretvara, tj. govori neistinu/женщина, которая притворяется, т.е. не говорит правду), *ubit kmeta* (убить крепостного), *osud* (presuda/судебное решение), *ličba* (optužba/обвинение), *podružnik* (to je ki tuje vino prodaje – onaj koji prodaje tuđe vino, posrednik/ тот, кто продает чужое вино, посредник), *osujen biti*, *obranjenje* (obrana/защита), *odvetnik* (odvjetnik/адвокат), *rotnik* (niži općinski službenik, pomoćni sudac, pristav, porotnik, svjedok/ муниципальный служащий, помощник судьи, судебный исполнитель, присяжный заседатель, свидетель), *pošišion* (posjed/владение, заимствованное слово, от итальянского *possessione*)

Лица, выполняющие определённую функцию в обществе

В тексте *Винодольского закона*, из его статей, можно узнать об упорядоченности и иерархии общества того времени:

а) *kralj ugarskoga kraljestva* (kralj Ugarskoga kraljevstva/король Венгерского королевства), *knez* (князь), *dvor* (dvorjani/дворяне), *službeniki*, *oficijal*, *pristavi* и *pozovnici* (должностные лица, судебные приставы, вызывающий – доставляет судебную повестку), *kmet* (крепостной);

б) лица из ряда духовенства: *pop* (svećenik/священник), *žakan* (đakon/диакон).

В документе представляется хорватское средство платежа того времени: *soldin*, *libar*.

¹ Примечание: Переводы в тексте авторские.

Винодолский закон является богатым источником хорватской юридической терминологии, представляющий отношения и порядок в обществе и является источником обычного права, которое в то время применялось.

Похожая письменная запись *Русской Правде* – хорватский *Poljički statut (Полицкий статут)*, первое издание из XV века (1444 г.), написанное на хорватской кириллице. Наряду с *Винодолским законом*, *Полицкий статут* является самым ценным хорватским нормативным историко-правовым памятником. Он определяет закон города Полице (недалеко от Сплита), он включает в себя законы, различные решения и постановления властей, по своей форме, стилю, содержанию и в определении социально-экономических отношений он полностью отличается от других хорватских *статутов*. Помимо правовых отношений, в нем возможно исследовать исторические, экономические, политические и другие социальные отношения и является своего рода свидетельством повседневной жизни человека того времени. В одной из статей Статута является выражение «каждый имеет право на жизнь», что противоречит многим средневековым европейским законам, полным наказаний, включая мучение. Он имеет исключительную ценность из-за своего языка, на котором он был написан. Он представляет собой смесь чакавского и штокавского наречий, и, учитывая, что в его составлении принимали участие и *popi glagoljaši* (священники, которые пользовались глаголицей), в его составе находится значительное количество старославянизмов. Полицкое княжество было единственным в то время в Европе, существовало на протяжении семь веков и жители общались на трёх письмах: латыни, глаголице и кириллице. На протяжении всей истории в Полицкий статут были добавлены статьи. К началу 19 века в нем было 116 статей (206 с параграфами), и «он показал независимость общественных внутренних отношений (на уровне уголовного, гражданского и процессуального права) сообщества города Полице от законодательства Венецианской республики, затем Венгрии / Австрии или Османской империи, вплоть до правления Наполеона». (Хорватская энциклопедия/Hrvatska enciklopedija. URL: <http://www.enciklopedija.hr/natuknica.aspx?id=49322> (дата обращения: 2 февраля 2020)).

Практика законодательного регулирования жизни восходит к периоду Киевской Руси, когда первый этап развития юриспруденции в России определялся религиозно-символическим мышлением, основанным на духовном синкретизме (слиянии различных элементов, иногда несовместимых), основанном на сочетании языческих и христианских взглядов. История возникновения права в России зависела от особенностей национальной культуры, психологии и религии. Например, у народов, испытавших влияние западной культуры, основанной на постулатах католической веры, отношение к закону во многом определялось содержанием писаных законов, которые постепенно освобождали человека в его экономической и политической деятельности. Для россиян самым важным в правовых нормах было соблюдение, прежде всего, нравственных законов Священного Писания, а не писаных законов. Возможно, поэтому попытки усилить законодательство в разные периоды российской истории часто встречались с недоверием людей к юридическому творчеству.

Древнейший русский письменный источник права – *Русская Правда* (это старейший сборник законов Киевской Руси, датируемое XI–XIII веками и являющееся одним из важнейших письменных источников русского права). Первые положения относятся ко времени князя Ярослава Мудрого. Законы *Русской Правды* состоят из обычного права, уголовного, наследственного, коммерческого и процессуального права и являются источником для изучения правовых, социальных и экономических отношений в раннефеодальном обществе древнерусского государства. Тогда требовалось определить виды преступлений, наказания и судов, а в *Русской Правде* появились такие термины, как например «убити» (убийство), «татба» (кража), «вынуть меч» (покушение на убийство) [Хижняк 1997 : 41].

Следует отметить, что ни российская юридическая терминология, ни российское право в целом за время исторического развития государства не претерпели таких серьезных изменений, связанных, например, с изменениями в языке, как хорватская юридическая терминология. Юридическая терминология в *Русской Правде* была очень хорошо разработана. Особенность *Русской Правды* – отсутствие смертной казни, но есть целая карательная система, например, есть несколько терминов, которые обозначают денежные штрафы: *вира* (штраф за убийство и другие правонарушения). *Вира* определялась по закону: в размере 40 гривен (для убийство обыкновенного человека), 80 гривен (для княжеских слуг), а полувиры – 20 гривен (для убийства женщин, например). *Продажа* (штраф, взимаемый в пользу князя), *урок* (денежная компенсация пострадавшему лицу) и *годовщина* (заменила право частной мести, она принадлежала истцу и её размер не был определен законом, а зависела от соглашения сторон).

Терминология в *Русской Правде* славянского происхождения и не содержит заимствований из других языков. Сравним термины из *Русской Правды* с терминами в современном русском языке и значении, в переводе на хорватский язык: *убийство*; *убийца* – *головникъ* (оттуда и *уголовник* – термин, который в современной юридической терминологии находится в терминах *уголовное преступление*, *уголовное право*); *дикая вира* – штраф, выплачиваемый сообществом (полком) / *povčana kazna koju plaća zajednica* (puk); *поклепная вира* – бездоказательное обвинение/nedokazana optužba; *свергати виру* – отклонить обвинение/odbaciti optužbu; *рота* – судебная клятва/sudska zakletva; *тяжба* – судебное разбирательство/sudski spor (ср. в современной юридической терминологии *тяжба* – *судебное разбирательство/sudski postupak*); *поклеп* – *клевета/kleveta*; *обиду платити* – *платить за ущерб/platiti za štetu*; *истыць* – *истец/tužitelj*; *соромъ* – *оскорбление/uvreda*; *накладъ* – *дополнительная пошлина/dodatna naknada*; *продажа* – *штраф (денежный)/povčana kazna*; *урокъ платити* – *платить возмещение/nadoknaditi/platiti nanesenu štetu*; *урокъ судебный* – *судебная*

пошлина/sudska naknada; речи – показания/svjedočenje; запа – подозрение/sumnja; задница – наследство/nasljedstvo и другие. Интересно, что для обозначения свидетеля используются два термина: –: видокъ – свидетель (который видел преступление)/svjedok koji je vidio kazneno djelo и послухъ – свидетель (который слышал о преступлении)/svjedok koji je čuo za kazneno djelo, отсюда и термин послушество – свидетельство/svjedočanstvo и т.д.

Заключение

Анализ терминов и сравнение *Винодольского закона* и *Русской Правды*, хорватских и русских древнейших письменных источников права, показывают, что положения в этих двух документов представляют основы правового регулирования юридической ответственности за правонарушения. Юриспруденцию определяли мышления сквозь призму национальной культуры, религии, веры, нравственности, моральных ценностей, отношений и порядка в обществе, отношения к правам и свободе человека, которые заложены в современных правовых системах.

Библиографический список

1. Русская Правда. Краткая редакция / Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Российская академия наук. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4946> (дата обращения: 02.02.2020).
2. Хижняк, С. П. Юридическая терминология: формирование и состав / С. П. Хижняк. – Саратов : Изд-во СГУ, 1997. – 136 с.
3. Hrvatska enciklopedija. – URL: <http://www.enciklopedija.hr/> (дата обращения: 02.02.2020).
4. Vinodolski zakon. – URL: https://www.pravo.unizg.hr/_download/repository/Vinodolski_zakonik.pdf (дата обращения: 02.02.2020).

Р. М. Новрузов

Баку, Азербайджан

**К ПЕРЕВОДУ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ПРОИЗВЕДЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА
«ВОСКРЕСЕНИЕ» Л. Н. ТОЛСТОГО)**

R. M. oglu Novruzov

Baku, Azerbaijan

**TRANSLATION OF LEGAL TEXTS IN A WORK OF FICTION
(BASED ON THE TRANSLATION OF THE NOVEL "VOSKRESENIIE"
("RESURRECTION") BY L. N. TOLSTOY)**

Аннотация. На примере первого перевода романа «Воскресение» Л. Н. Толстого на азербайджанский язык рассматривается передача юридических текстов. Обращается внимание на текст и речь персонажей, через которые раскрываются их характерные черты. Особо отмечается, что писатель умело комментирует юридические тексты, выражая свое отношение к стилю речи или тех или иных правовых документов.

Ключевые слова: роман, юридические документы, судопроизводство, речь, оригинал, перевод.

Abstract. The article uses the first translation of the novel "Resurrection" by Leo Tolstoy into Azerbaijani and explores the translation of legal texts. Attention is drawn to the text and speech of the characters through which their characteristic features are revealed. It is especially noted that through legal texts the writer skillfully comments on them, expressing his attitude to their style of speech.

Keywords: novel, legal documents, legal proceedings, speech, original, translation.

В «Воскресении» Л. Н. Толстого можно выделить следующие стили речи: прежде всего это церковно-старославянский стиль речи; большое место занимает в романе речь простого народа, разновидностью которой является речь каторжан, женщин в камере Масловой и т.д. Здесь можно выделить также особенности речи политических заключенных. Им присущи различные обороты и вообще мышление, характеризующее революционную молодежь конца прошлого века. Важное характеризующее место в романе занимает речь представителей высшего света. Большое место, если не центральное, занимает в романе суд и судопроизводство, российская юриспруденция в целом. Речь прокурора и адвоката, различные прошения, которые пишет Нехлюдов и от его имени различные юристы. Язык различных документов. Кроме того, разумеется, как и во всех произведениях Л. Н. Толстого, так и в «Воскресении» центральное место занимают рассуждения автора по тому или иному поводу.

Необходимо отметить еще один момент, связанный с адекватностью передачи содержания оригинального текста. Многие зависят от особенностей конкретного стиля. Например, в том же романе «Воскресение» относительно легко передать содержание и стиль юридических документов и речи прокурора и адвоката и т.д. В этом случае переводчик использует соответствующие эквиваленты, присущие официально-деловому стилю азербайджанского литературного языка, языку судебных процессов, юридических документов и т.д.

Роман «Воскресение» посвящен не только разрешению значительных нравственных проблем. Он посвящен критике юриспруденции в том виде, котором она существовала в России, современной Л. Н. Толстому. Можно даже сказать, что роман посвящен философии судопроизводства. Если важнейшей сюжетной линией романа является нравственное перерождение человека, судьба отдельной человеческой личности, пришедшей к осознанию подлинного смысла бытия, то на этом фоне решаются очень важные проблемы социального характера. Причем, как нам кажется, эти проблемы имеют вечный и непреходящий характер.

Можно сравнивать различные типы судопроизводства. Гуманность или не гуманность наказания и многие другие вопросы. Но можно ставить вопрос совсем в иной плоскости. В плоскости допустимости человеческого суда вообще. В плоскости нравственности этого суда и наказания, выносимого этим судом. Анализ романа, особенно его заключительных строк, свидетельствует о том, что Толстой не приемлет человеческого суда. Он считает совершенно безнравственным суд одного человека над другим. Более того, он показывает, насколько бесчеловечным было наказание, насколько безнравственным было содержание преступников, многие из которых были совершенно безвинно осуждены, в местах заключения.

Суд и вообще система наказания в Российском государстве критикуются в романе с различных сторон. Важнейшее место в этой связи отводится показу мест заключения и отвратительных условий содержания заключенных. Однако столь же большое значение придает Толстой показу комедии судопроизводства. С этой целью он мельчайшими штрихами рисует характеры присяжных, прокурора, председателя суда. Раскрывает их нравственный мир, показывая всю его уродливость. Прежде всего глубокое равнодушие к судьбе осужденных.

В этом случае Толстой вновь как мощное характеризующее средство использует речь персонажей, возможности языка. Это, с одной стороны, речь представителей суда, детали их речи, характеризующие их, помогающие раскрыть полнее их нравственный облик. С другой стороны, это язык деловых документов, различных прошений и т.д.

Как уже отмечалось, перевод этого художественного пласта представляется легче, чем, например, особенностей простонародной речи. Это связано с существованием штампов юридического и официально-делового языка. Однако это положение не следует воспринимать механически, в том смысле, что переводчик Ю. Чменземинли, переводя прошения и выступления в суде, заменял юридические штампы русского языка юридическими штампами азербайджанского языка. Особенности этого стиля Толстой также использует как характеризующие средства, раскрывая бездушность и бесчеловечность суда, глупость и равнодушие судебных чиновников. Поэтому от Чменземинли и тут требовалось значительное творческое умение.

Рассмотрим несколько эпизодов, связанных с судопроизводством в романе «Воскресение». Например, в конце 10 главы первой части дается обвинительный акт: «Ввиду всего вышеизложенного крестьянин села Берков Симон Петров Картинкин 33-х лет, мещанка Евфимия Иванова Бочкова 43-х лет и мещанка Екатерина 27-ми лет обвиняются в том, что они 17-го января 1888 года, предварительно согласившись между собой, похитили деньги и перстень купца Смелкова на сумму 2500 рублей серебром и с умыслом лишить его жизни напоили его, Смелкова, ядом, отчего и последовала его, Смелкова, смерть. Преступление это предусмотрено 4 и 5 пунктами 1453 статьи Уложения о наказаниях. Посему и на основании статьи 201 Устава уголовного судопроизводства крестьянин Симон Картинкин, Евфимия Бочкова и мещанка Екатерина Маслова подлежат суду окружного суда с участием присяжных заседателей» [Толстой 1948: 38].

Чменземинли переводит этот фрагмент, связанный с обвинительным актом в высшей степени точно и корректно. Стиль перевода безукоризнен. Более того, он представляет собой совершенный образец юридического стиля азербайджанского литературного языка начала XX века. Обратимся к переводу: «Yuxarıda zikr olumuş hallara görə Borkov kəndi sakini 33 yaşındakı Simon Kartinkin 43 yaşında meşçan Yefima İvanovna Boçkova və 27 yaşında Yekaterina Mixaylovna Maslova 1888 il yanvarın 17-sində tacir Smelkovun zəhər içirmişlər, nəticədə isə Smelkov ölmüşdür. Bu cinayət məələsinin 1455-ci maddəsində qeyd olunmuş, bunun üçün və cinayət məhkəmə quruluşun müəyyən maddəsinə istinadən kəndli Simon Kartinkin, Yefima Boçkova və meşçan Yekaterina Maslovanın işləri məhkəmə müşavirlərinin iştirakilə istinaf məhkəməsində rəayət olunur» [Tolstoy 1929: 27].

Этот фрагмент лишен каких-либо эмотивных элементов и должен рассматриваться лишь на нейтральном уровне. На нейтральном же уровне, как уже отмечалось, фрагмент характеризуется точностью перевода, структурно-семантической адекватностью перевода оригиналу, а также совершенством стиля.

Большой интерес представляют и сам диалог на суде, вопросы прокурора, председателя суда и ответы Масловой. Мы не будем рассматривать здесь ответы Масловой, так как они соответствуют простонародному стилю. В данном случае интерес для нас представляет речь судебных чиновников. – «Вы обвиняетесь в том, что 17 января 188 года вы, в сообществе с Евфимьей Бочковой и Екатериной Масловой, похитили из чемодана купца Смелкова принадлежащие ему деньги и потом принесли мышьяк и уговорили Екатерину Маслову дать купцу Смелкову в вине выпить яду, отчего последовала смерть Смелкова. Признаете ли вы себя виновным? - проговорил он и склонился направо» [Толстой 1948: 39]. В переводе “ Siz 1888-ci ildə yanvarı 17-ci günü Yefimiya Boçkova və Yekaterina Maslova ilə bərabər tacir Smelkovun çamadanından onun pulunu oğurlayıb sonra mişak şəraba qataraq tacir Smelkova içirməyə Yekaterina Maslovanı təhrik etmişsiniz, nəticədə tacir Smelkov ölmüş, bundan ötür siz müqəssir sayılırsınız. Özünü bu işdə günahkar bilirsinizmi? – deyər sədr sağ tərəfinə çöndü” [Tolstoy 1929: 27]. Далее: «... расскажите все, как было. Вы можете чистосердечным признанием облегчить свое положение». “ İşin necə olduğunu nağıl eləyin – dedi: səmimi etirafınız ilə vəziyyətinizi yüngülləşdirə bilərsiniz...” “Вы желаете сделать вопрос? Сказал председатель... Я желал бы предложить вопрос: была ли подсудимая знакома с Симоном Картинкиным прежде?» – “Sual vermək istəyirsiniz?...Mən belə bir sual təklif edərdim. Simon Kartinkin ilə müqəssir əvvəlcə tanış idimi” [Tolstoy 1929: 27].

Мы видим, как Чменземинли в высшей степени точно передает содержание судебного процесса, воссоздавая его дух. Возможно, лишь в не-которых деталях он отступает от формы конструкции. Например, председатель суда говорит: Вы желаете сделать вопрос? Он не говорит, задать вопрос, а именно сделать вопрос. В русском тексте это обращает на себя внимание искусственностью, удаленностью от обычной речи и приближенностью к речи определенной сферы деятельности, а именно судебно-процессуальному языку. У Чменземинли вопрос звучит в обычной форме: *sual vermək*.

Одним из сильных мест в романе в плане демонстрации комедии судопроизводства и критики судебных чиновников является знаменитая речь прокурора из 21 главы первой части. Предваряется речь прокурора совершенно подчеркнутой характеристикой, которую дает ему Толстой: «Товарищ прокурора был

от природы очень глуп, но сверх того имел несчастье окончить курс гимназии с золотой медалью и в университете получить награду за свое сочинение о сервитутах по римскому праву, и потому был в высшей степени самоуверен, доволен собой (чему еще способствовал его успех у дам), и вследствие этого был глуп чрезвычайно» [Толстой 1948: 75]. После такой характеристики, разумеется, речь этого человека и по содержанию и по форме должна была служить наглядным свидетельством этой его чрезвычайно глупости. Рассмотрим эту речь: «Дело, подлежащее вам, господа присяжные заседатели ... характерное, если можно так выразиться, преступление... Вы видите перед собой, господа присяжные заседатели, характерное, если можно так выразиться, преступление конца века, носящее на себе, так сказать, специфические черты того начального явления разложения, которому подвергаются в наше время те элементы нашего общества, которые находятся под особенно, так сказать, жгучими лучами этого процесса. ... Женщина эта... получила образование, — мы слышали здесь на суде показания ее хозяйки. Она не только знает читать и писать, она знает по-французски, она, сирота, вероятно несущая в себе зародыши преступности, была воспитана в интеллигентной дворянской семье и могла бы жить честным трудом; но она бросает своих благодетелей, предается своим страстям и для удовлетворения их поступает в дом терпимости, где выдается от других своих товарок своим образованием и, главное, как вы слышали здесь, господа присяжные заседатели, от ее хозяйки, умением влиять на посетителей тем таинственным, в последнее время исследованным наукой, в особенности школой Шарко, свойством, известным под именем внушения. Этим самым свойством она завладевает русским богатырем, добродушным, доверчивым Садко — богатым гостем и употребляет это доверие на то, чтоб сначала обокрасть, а потом безжалостно лишить его жизни... Господа присяжные заседатели... в вашей же власти отчасти и судьба общества, на которое вы влияете своим приговором. Вы вникните в значение этого преступления в опасность, представляемую обществу от таких патологических, так сказать, индивидуумов, какова Маслова, и оградите его от заражения, оградите невинные, крепкие элементы этого общества от заражения и часто гибели». Эта речь действительно может принадлежать только чрезвычайно глупому человеку. Пошлость этой речи проявляется как на уровне формы, так и на уровне содержания. На уровне формы это, например, повторение выражения *так сказать*, как правило, неуместное. На уровне содержания это сравнение покойного купца с богатым гостем Садко, это решение, что Маслова загнипнотизировала купца, затем ограбила и убила его и т.д. Кроме того, этой речи присуща особая напыщенность. Не случайно, Толстой завершает этот эпизод словами «И как бы сам подавленный важностью предстоящего решения, товарищ прокурора, очевидно до последней степени восхищенный своею речью, опустился на свой стул» [Толстой 1948: 75–77].

Чеменземинли старается передать в переводе все особенности этой речи: «Məhkəmə müşavir əfəndilər, öhdənizə tapşırılan, təbiri çayız olursa, xarakter bir cinayətdir, — ... məhkəmə müşaviri əfəndilər. Əsrin son devrinin təbiri çayızəsi xarakterik bir cinayət qarşısındasınız. Bu cinayət sükut edən, yıxılan, qəməlüd bir halın və bunun coşqun şüai altında sükuta müəssər olan müasir cəmiyyətimizi bəzi amillərinin xüsusiyyəti daşıyır... Bu qadının təhsil gördüyünü, ümumxana xanımının burada etdiyi şahədətdən bildik. Bu arvad yalnız oxuyub yazmaq deyil, fransızca da bilir. O yaqın cinayət toxumu daşıyan bir yetim imiş; ziya bir bəy ailəsində tərbiyə görüb, namuslu iş ilə məşqul ola bilərmiş, lakin o vəliyyəneymətlərini tərk edərək, ehtirasa qapılır, bu etirasi təmin etmək üçün ümumxanaya girir. Burada təhsil etibarı ilə başqa qızlardan fərqli olaraq üzə çarpar bir mövqe qazanır, ən ümdəsi, məhkəmə müşaviri əfəndilər, burada xanımından eşitdiyimizə görə fən bilxassə Şarko məktəbi tərəfindən tədqiq olunmuş və təlqin adı daşıyan bir xisləti ilə ümumxana müştərilərinə əsrarəngiz təsirlər yapır. Bu xislət vəsitəsilə geniş könlülük, hər kəsə inanan rus qəhrəmanını əldə edib, əvvəl malını oğurlayır və sonrada özünü mərhəmətsizliklə həlak eləyir...məhkəmə müşaviri əfəndilər, bu adamların taleyi sizin əlnizdədir və eyni sürətdə qərarınız ilə təsir yapa bildiyiniz cəmiyyətin də taleyi qismən sizin hökmünüzdədir. Bu cinayətin künlünə varınız. Maslova kimi pataloziq şəxsiyyətlərdən cəmiyyətə gələ bilən təhlükəni nəzərə alaraq, onu bu yoluxmadan hifz ediniz, cəmiyyətin günahsız amillərini yoluxmadan əksəriyyətlə vükun-həlakətdən qurtarınız» [Tolstoy 1929: 53–54].

Анализ текста перевода и оригинального текста показывает, что он в основном выдержан точно. Во-первых, сохранен стиль речи. И с точки зрения отнесения к определенной разновидности литературного языка, публичных выступлений, ораторской речи, судебной риторики и т.д. И с точки зрения индивидуальных особенностей речи: высокопарности и напыщенности.

Достигает Чеменземинли этого различными способами. Во-первых, он блестяще использует и в этом случае особенности жанра, т.е. элементы официально-делового стиля, придавая им пафос публичных выступлений. С другой стороны, он в целях стилизации использует напыщенно-устаревший стиль, изобилующий туркизмами, иранизмами и арабизмами.

Возможно, даже в переводе закрученность, а в силу этого и пошлость речи товарища прокурора выступает значительно более очевидной. Так как в оригинальном тексте на уровне лексико-фразеологическом нет ничего особенно необычного. Комичность ситуации больше всего связана с тем, что свои фантазии, в частности о гипнозе и т.п., товарищ прокурора связывает с банальной историей. Очевидная глупость его утверждений ясна всем. Если Маслова загнипнотизировала купца и таким образом его ограбила, то ей уже не надо было убивать его и т.д.

В азербайджанском переводе эффект произносимой речи многократно усиливается за счет особой характеристики используемых лексико-фразео-логических средств.

Таким образом, в контексте азербайджанской культурно-языковой среды Чemenземинли удастся создать равноценный текст, т.е. средствами другого языка воссоздать описанную Толстым ситуацию во всех ее деталях, добиваясь нужного эффекта.

В 23 главе первой части Толстой рисует картину обсуждения присяжными заседателями степени виновности обвиняемых. Довольно интересный диалог присяжных мы не будем здесь рассматривать так как он в основном соответствует обычной разговорной речи и не представляет интереса с точки зрения перевода. Мы рассмотрим лишь передачу Чemenземинли пунктов вопросника, на которые обязаны были отвечать присяжные. Например: «1) Виновен ли крестьянин села Борков, Крапивенского уезда Симон Петров Картинкин, тридцати трех лет, в том, что 17-го января 1888 года в городе Н., замышляя лишить жизни купца Смелкова, с целью ограбления его, по соглашению с другими лицами, дал ему в коньяке яду, отчего и последовала смерть Смелкова, и похитил у него деньгами около двух тысяч пятисот рублей и брильянтовый перстень? 2) Виновна ли в преступлении, описанном в первом вопросе, мещанка Евфимия Иванова Бочкова, сорока трех лет?...» [Толстой 1948: 83].

Чemenземинли переводит этот текст в совершенном и отточенном стиле юридических документов. Это прежде всего достигается за счет точности и логичности языка перевода. Он пишет: «1. 1888 17 yanvarda N-şəhərində başqaları ilə sözü bir yerə qoyaraq kanyakda zəhər verərək tacir Smelkovu öldürmək qəsdinə düşən Krapiven qəzası Borkov kəndlisi 33 yaşlı, Simon Kartinkin tacir Smelkovu öldürmək cinayətində onun 2500 manat pulunu və almas üzüyünü oğurlamada müqəssirdirmi deyilmi? 2. Birinci sualda zikr olunan cinayətdə 43 yaşlı məcçanka Yefima İvanova müqəssirmi deyilmi?» [Tolstoy 1929: 58].

В последнем предложении в тексте перевода пропущена фамилия Бочкова и Иванова идет как фамилия, на самом же деле это отчество. Но это может быть просто ошибкой издателя. Но интересно в фрагменте то, что Чemenземинли сохраняет русскую форму слова, т.е. русское морфологическое оформление. Мы имеем в виду слово *мещанка*. В целом же, как уже отмечалось, юридический стиль Чemenземинли безупречен. Конечно, было бы интересно сравнить его с документами того времени, созданными на азербайджанском языке с целью выяснения достоинств и недостатков как того, так и другого. То есть как юридического языка Чemenземинли, так и юридического языка эпохи. Но это тема отдельного исследования.

Таким образом, можно сделать вывод от том, что для переводов Чemenземинли юридических и судебных текстов из «Воскресения» характерна прежде всего точность и логичность изложения. Эти тексты лишены эмоциональной окрашенности, в тех случаях, когда они характеризуют персонажа, Чemenземинли воссоздает ситуацию путем уместного подбора стилистических средств. Как, например, при переводе речи на суде товарища прокурора.

Библиографический список

1. Толстой, Л. Н. Воскресение / Л. Н. Толстой. – Ленинград, 1948. – 502 с.
2. Tolstoy, L. N. Dirilmə / L. N Tolstoy. – Bakı : Azərnəşr, 1929. – 320 с.

А. И. Пенчева

София, Болгария

РУССКО-БОЛГАРСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

A. Pencheva

Sofia, Bulgaria

RUSSIAN AND BULGARIAN LEXICAL PARALLELS OF LEGAL DISCOURSE

Аннотация. Предпринята попытка выявления критериев сопоставительного семантического анализа формально совпадающих терминологических параллелей русского и болгарского юридического дискурса. Предлагается подход для сопоставления семантического объема русско-болгарских межъязыковых соответствий. Характеризуются релевантные и нерелевантные критерии установления формального сходства и методология выявления степени семантического сходства. Полученные результаты помогут определить наиболее адекватные переводческие стратегии для осуществления функционально-эквивалентного перевода.

Ключевые слова: терминологические параллели, юридический дискурс, функционально-эквивалентный перевод, семантический анализ.

Abstract. The article reveals the criteria for comparative semantic analysis of formally coinciding terminological parallels of Russian and Bulgarian legal discourse. The article compares semantic Russian and Bulgarian linguistic correspondences. The article characterizes the relevant and irrelevant criteria for establishing formal similarities. The methodology for identifying the degree of semantic similarity is analyzed. The results obtained will help to determine the most adequate translation techniques for functionally equivalent translation.

Keywords: interlanguage terminological correspondences, legal discourse, functionally equivalent translation, semantic analysis.

Введение. Проблемам лексического сходства близкородственных языков посвящено немало работ. В терминологическом отношении существует большое разнообразие. Полное или частичное формальное сходство слов в разных языках при их семантическом различии определяют как межъязыковую паронимию [А. Е. Михневич 1981 и др.], межъязыковую омонимию [Е. В. Федорчук 2001, В. Н. Манакин 2004, С. Д. Хуцишвили 2010 и др.], межъязыковые синонимы [В. В. Акуленко 1980], понятийно-эквивалентные слова [К. Андрейчина 1976, 1977], «ложные друзья переводчика» [М. Кесслер и Ж. Дероккиньи 1928], ложные или неполные лексические параллели, межъязыковые соответствия омонимического характера [И. Чонгарова 1992], лексические параллели [В. В. Дубичинский 1993, В. В. Дубичинский, Т. Ройтер 2011], паралексы [А. Е. Михневич 1985], лексические аналоги [И. В. Червенкова 1992], лексикални успоредици [Х. Симеонова, 1983].

В данной работе мы будем придерживаться определения лексических параллелей, согласно которому «слова двух или нескольких синхронически сравниваемых языков, совпадающие в плане выражения и сходные/несходные в плане содержания целесообразно назвать обобщающим термином „лексические параллели“» [Дубичинский, Ройтер 2015 : 62].

В болгарской лингвистике вопросы лексических параллелей, в т.ч. интернационализмов, рассматриваются главным образом на основе общеупотребительной лексики и художественного языка [М. Младенова 2009; П. Легурска, Н. Бечева, Цв. Аврамова, Д. Веселинов, М. Лилова, И. Панчев, 2015; Д. Веселинов 2015-2017] в области фразеологии [Панчев 1963, Недкова 2016]. Конкретнее над русско-болгарскими межъязыковыми параллелями работают И. Червенкова (1982, 1992, 2011), И. Чонгарова (1992), П. Легурска (2015), Н. Делева (2015, 2020) и др. Их исследования в основном также базируются на материале общеупотребительного языка. В последние десятилетия возрастает число работ, посвященных сопоставительному анализу двуязычных соответствий в сфере научной терминологии: железнодорожного транспорта [Н. Димитрова 2016], информационных технологий [Н. Николова 2016], общественно-политических и дипломатических отношений, юридической терминологии разных сфер [А. Пенчева 2014, В. Хынтов 2016, О. В. Барабаш, А. Пенчева 2017, С. Арсениев 2018].

Интерес к межъязыковым лексическим параллелям в юридическом дискурсе обуславливается затруднениями, с которыми сталкиваются переводчики юридических текстов, а также отсутствием полного, масштабного и всестороннего исследования этой сферы на данном этапе.

Цель данной работы – выявление критериев комплексного сопоставления семантического объема терминов русского и болгарского юридического дискурса.

Материалом исследования послужили термины и терминологизированные слова, выбранные из текстов уголовных кодексов России и Болгарии. В работе будут рассматриваться только однокомпонентные термины или терминологизированные слова – имена существительные.

Объектом исследования является сопоставительный семантический анализ терминологических параллелей русского и болгарского юридического дискурса и выявление степени лексического сходства.

Описание результатов исследования. Центральное место в анализе лексических параллелей занимает принцип отбора. Следует определить формальные критерии отбора лексики, т.е. выявить какие формальные признаки можно считать существенными и какие – несущественными. При определении семантического и функционально-стилистического соответствия мы ориентировались на методологию сопоставительных исследований лексических параллелей А. В. Зинкевича (2003), В. В. Дубичинского и Т. Ройтера (2015), О. В. Барабаш (2020). Учитывались релевантные и нерелевантные критерии отнесения лексем к видовой паре.

При установлении формальных критериев нерелевантным считается:

1. Графическое несовпадение двойной/одинарной графемы: (рус.) *сумма* – (болг.) *сума*.
2. Характерное для русского языка полногласие -оро, -оло, на месте -ра, -ла в болгарском языке: (рус.) *сторона* – (болг.) *страна*.
3. Однокоренные общеславянские существительные с гласным **ж**, дающим разные рефлексии в русском и болгарском языках: *сждъ* – (рус.) *суд* – (болг.) *съд*; *сжпржъ* – (рус.) *супруг* – (болг.) *съпруг*.
4. Разница между мягкими и твердыми согласными: (рус.) *валюта* – (болг.) *валута*; (рус.) *власть* – (болг.) *власт*.
5. Разница между -ы в русском и -и в болгарском: (рус.) *умысел* – (болг.) *умисъл*, образованные от лексем (рус.) *мысль* – (болг.) *мисъл* с формантом у-.
6. Произношение графемы **щ**: (рус.) *ущерб* – (болг.) *ущърб* [шт]
7. Различие между русской графемой **э** и болгарской **е**: *эксплуатация* – *експлоатация*, а также транскрипция дифтонгов иноязычного происхождения, например, французского **oi**: в русском –уа, в болгарском –оа.
8. Лексические параллелями будут считаться и принадлежащие разным грамматическим родам слова: (рус.) *вред* [м.р.] – (болг.) *вред* [ж.р.].

В своих работах А. В. Зинкевич отмечает, что наряду с формальными критериями отбора межъязыковых параллелей необходимо дать ответ на вопрос какие семантические различия в значениях сходных по форме слов можно считать существенными [Зинкевич 2001 : 10].

Несовпадение денотативных значений в данной работе будет рассматриваться как дифференциальный признак:

1. Семантическая структура русского и болгарского юридического термина может совпадать полностью. Примером таких полных терминологических параллелей может послужить термин *показание*:

(рус.) *показание*: 1. свидетельство, рассказ, 2. **ответ на допросе**, 3. величина чего-нибудь, показываемая измерительным прибором. [Толковый словарь Ожегова]

(болг.) *показание* 1. Сведение, разказ на очевидец за някаква случка, събитие, ситуация и др. 2. *Юрид.* Обикн. мн. Устно или писмено изложение, съобщаване на факти, обикн. при разпит, следствие, необходими за съдебен процес. 3. Материал, сведение, данни, по които се съди за нещо, които показват, посочват нещо; показател. [РБЕ]

Интертермин *рецидив* также является иллюстрацией полного совпадения в плане выражения и в плане содержания.

(рус.) *рецидив* (лат. *recidivus* – возвращающийся). 1. Возобновление, возвращение, повторение чего-нибудь [обычно нежелательного]. 2. Новое проявление болезни после кажущегося или неполного ее прекращения (мед.). 3. Повторное преступление (*юр.*). [Толковый словарь Ушакова]

(болг.) *рецидив* (От лат. *recidivus* ‘повторящ се’) - 1. *Юрид.* Повторно извършване на престъпление от лице, осъдено с влязла в законна сила присъда за друго такова или подобно престъпление. 2. *Мед.* Повторно заболяване, появяване на болест след период на временно намаляване или изчезване на симптомите ѝ, на видимо оздравяване. 3. *Прен. Книж.* Повторение, повторна поява на някакво отрицателно явление. [РБЕ]

2. Семантическая структура лексических параллелей в обоих языках может расходиться полностью. Рассмотрим, к примеру, русское слово *сговор*, встречающееся в российском уголовном кодексе [ст. 35 Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору] и лексические значения слова в болгарском языке.

(рус.) *сговор* – 1. **Тайное соглашение; заговор**. 2. Взаимная договоренность, взаимное соглашение. 3. *устар.* Соглашение между родителями жениха и невесты о браке. Обряд, которым сопровождается такое соглашение. [Толковый словарь русского языка Ефремовой]

(болг.) *сговор* – 1. **Добри отношения между хората; съгласие, разбирателство.** /Хорошие отношения между людьми; согласие, взаимопонимание/ 2. Споразумяване, уговаряне между две и повече лица или две страни. [РБЕ]

Сравнение значений показывает расхождение в семантическом объеме и коннотации лексических параллелей. Первое значение русского слова четко указывает на негативную коннотацию. Словарь литературного болгарского языка выдает положительную оценочность: в болгарском слове полностью отсутствует негативная компонента. Очевидно, семантический объем лексической параллели в обоих языках не совпадает. С учетом того, что при переводе юридических терминов особенно важно учитывать семантические нюансы, представляется важным учитывать и коннотативные значения терминов, которые могут расходиться.

Данный пример свидетельствует о полном совпадении внешней формы и семантическом расхождении. Эта **лексическая параллель является ложной**.

3. Семантическая структура лексических параллелей может совпадать частично. Рассмотрим в качестве примера терминологическую параллель (рус.) *вред* – (болг.) *вреда*. Для полного выявления семантического объема терминов необходимо провести детальное сопоставительное исследование определений терминов в толковых словарях, в специализированных словарях и их функционирование в законодательстве.

В толковых словарях русского языка *вред* определяется как:

Вред – **Ущерб, порча**. [ТСРЯ Ожегова] или как **Порча, ущерб, убыток**. [ТСРЯ Ушакова].

Словарь современного болгарского языка Болгарской академии наук выявляет три значения этого слова, из которых третье совпадает по значению с русским.

вредà – 1. Нещо, което засяга, накърнява нечий интереси. 2. Лошо влияние, въздействие на нещо, посочено в следващото съществително, върху някого или нещо. 3. Неблагоприятна последица за нещо, в резултат на което то се поврежда, става негодно за употреба; **щета, загуба**. ♦ **Вреди и загуби**. *Юрид.* Щети, причинени от подсъдимия, за които тъжителят иска обезщетение. [РБЕ]

В данном случае семантический объем болгарского слова шире русского. В РБЕ дается и отдельное определение юридического термина *вреда* – убытки, причиненные подсудимому или ответчику, за которые ему причитается возмещение.

Обратимся к определению термина в специализированных словарях. В Большом юридическом словаре дается пространное толкование термина, в том числе конкретизируется семантический объем синонимов вред и убытки, а также виды вреда:

вред – в гражданском праве умаление, уничтожение субъективного права или блага. В юридической литературе, судебной и арбитражной практике используются понятия "В.", "ущерб", "убытки". В. и ущерб чаще всего рассматриваются в качестве синонимов. Понятия "В." и "убытки" не совпадают. Первое понятие более широкое, подразделяющееся на имущественный и неимущественный В. [В. личности]. Под имущественным В. понимаются материальные [экономические] последствия правонарушения, имеющие стоимостную форму. Денежную оценку имущественного В. называют убытками. [Большой юридический словарь]

В болгарском Юридическом словаре 1999 г. вовсе отсутствует определение *вреда*, в нем дается объяснение термина *вредителство* – семантически близкого, но не одинакового. Для выяснения функционирования термина *вред / вреда* стоит обратиться к статьям уголовного законодательства.

В текстах статей лексема *вред* входит в терминологические сочетания, уточняющее его значение. В болгарском уголовном кодексе (Наказателен кодекс) термин *вреда* встречается 34 раза. Вред может быть умышленным или по невнимательности, имущественным, значительным, немаловажным. Можно причинить вред республике, государству, доверителю.

В табличном виде ниже представлены случаи совпадения / несовпадения терминологических сочетаний в обоих языках.

Рус.	Болг.
<i>невиновное причинение вреда</i>	—
<i>умышленное причинение вреда</i>	<i>умишлено причиняване на вреда</i>
<i>умышленное причинение тяжкого вреда здоровью</i>	—
<i>умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью</i>	—
<i>умышленное причинение легкого вреда здоровью</i>	—
<i>причинение вреда здоровью</i>	—
—	<i>прекомерна вреда</i>
—	<i>във вреда на републиката</i>
—	<i>във вреда на държавата</i>
—	<i>във вреда на доверителя</i>
—	<i>имотна вреда</i>
—	<i>значителна вреда за стопанството или за учреждениято, предприятието или организацията</i>
—	<i>имуществена вреда</i>
—	<i>немаловажна вреда на околната среда</i>

Очевидно, независимо от семантической близости терминов в обоих языках, в текстах уголовного законодательства, за одним исключением, не выявляются совпадения в их употреблении.

Семантическая близость терминологической параллели может стать причиной затруднений при переводе юридических текстов и документов. В болгарском кодексе при определении нанесения телесных повреждений употребляются терминологические сочетания *тежка телесна повреда*, *средна телесна повреда*, *лека телесна повреда*. Если их перевести дословно по-русски, то в результате получатся такие терминосо сочетания, как *легкое телесное повреждение*, *средней тяжести телесное повреждение*, *тяжкое телесное повреждение*. Очевидно, с грамматической точки зрения это правильный перевод. Но эквивалентен ли он? С точки зрения юридических терминов – нет. В русском уголовном законодательстве, как показано в таблице выше используются другие формулировки: *умышленное причинение тяжкого вреда здоровью*, *умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью*, *умышленное причинение легкого вреда здоровью*. Тем не менее может оказаться, что перевод правилен. И все-таки, оказывается, перевод правилен. Но только в том случае, если читать действующий УК Украины в его официальном варианте на русском, в котором как раз используются формулировки *тяжкое телесное повреждение* (ст. 121), *средней тяжести телесное повреждение* (ст. 122), *умышленное легкое телесное повреждение* (ст. 125).

Заключение. Анализ рассмотренных терминологических параллелей дает основание заключить, что необходима масштабная комплексная работа по сопоставлению русско-болгарских лексических параллелей юридического дискурса, их систематизации и классификации. Полученные результаты помогут определить наиболее адекватные переводческие стратегии для осуществления функционально-эквивалентного перевода, а также смогут стать частью терминологической базы для разработки в дальнейшем двуязычного словаря юридических терминов.

Библиографический список

1. Акуленко, Б. В. Лексические интернационализмы: итоги, перспективы, методы исследования / Б. В. Акуленко // Интернациональные элементы в лексике и терминологии. – Харьков : Вища школа, 1980. – С. 10–42.
2. Арсениев, С. В. Вопросы перевода основных аббревиатур в официальных документах Торгового реестра Агентства регистрации Республики Болгария / С. В. Арсениев // Язык, право, общество : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 11–13 октября 2016 г.) / под ред. О. В. Барабаш, Т. В. Дубровской, А. К. Дятловой, Н. А. Павловой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. – С. 84–87.
3. Барабаш, О. В. Межъязыковые параллели в русской и болгарской юридической терминологии / О. В. Барабаш // Юрислингвистика. – 2020. – № 16 (27). – URL: <http://journal.asu.ru/urisl>
4. Барабаш, О. В. Метафорические модели коррупции в русском и болгарском медиадискурсе (на материале публикаций СМИ за 2008–2017 гг.) / О. В. Барабаш, А. И. Пенчева // Cuadernos de Rusística Española (CRE) = Ученые записки испанской русистики. – 2017. – Т. 13. – С. 43–58.
5. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва : Рус. яз., 1980. – 320 с.
6. Веселинов, Д. Речник на френските думи в българския език : 6-томен / Д. Веселинов, А. Ангелова. – София : УИ «Св. Климент Охридски», 2015–2017.
7. Грабчиков, С. У. Межъязыковые омонимы и паронимы / С. У. Грабчиков. – Минск, 1980.
8. Делева, Н. О проекте создания серии учебных русско-болгарских словарей лексических аналогов / Н. Делева // Доклади от Седмата международна конференция по лексикография и лексикология (София, 15–16 октомври 2015 г.) / съст. Д. Благоева, С. Колковска. – София : Изд-во на БАН Акад. изд. «Проф. М. Дринов», 2016. – С. 178–184.
9. Димитрова, Н. Системность и вариантность терминологии транспортно-экспедиционной деятельности / Н. Димитрова. – София : ВТУ «Т. Каблешков», 2019. – 168 с.
10. Димитрова, Н. Терминологическая номинация в области транспортного экспедирования / Н. Димитрова. – София : ВТУ «Т. Каблешков», 2019. – 200 с.
11. Дубичинский, В. Теория и лексикографическое описание лексических параллелей / В. Дубичинский, Т. Ройтер. – Харьков : Підручник НТУ «ХП», 2015. – 148 с.
12. Зинкевич, А. В. Болгарско-русский дифференциальный словарь с белорусскими соответствиями : учебник ... молодых ученых / А. В. Зинкевич. – Минск, 2003.
13. Иванова, Ц. Славянската междуетникова ономимия в приложната лингвистика / Ц. Иванова // Проглас. – 1995. – № 1. – С. 20–31.
14. Съпоставително-типологичен анализ на лексиката в родствени и неродствени езици [върху материал от български, руски, сръбски, чешки, френски и английски език] / П. Легурска, Н. Бечева, Цв. Аврамова, Д. Веселинов, М. Лилова, И. Панчев. – София, 2009. – II ч. – 1093 с.
15. Легурска, П. Съпоставителни анализи и национална специфика на лексиката / П. Легурска. – София : Изд-во «Ето», 2015. – 192 с.
16. Манакин, В. Н. Сопоставительная лексикология / В. Н. Манакин. – Киев : Знання, 2004. – 327 с.
17. Михневич, А. Е. Паралексы / А. Е. Михневич // Русский язык. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1981. – С. 137–142.
18. Младенова, М. Наблюдения над някои унгарско-български лексикални паралели с общ славянски корен / М. Младенова // Българска филология : сборник от научната конференцията по случай 20-годишнината на специалност (в ЮЗУ). – Благоевград, 2009. – С. 52–62.
19. Наказателен кодекс. В сила от 01.05.1968 : изм. и доп. ДВ. бр. 23 от 14.03.2020. – URL: <https://www.lex.bg/bg/laws/tree/code>

20. Недкова, Е. Някои образни и семантични паралели между български и сръбски фразеологизми с компоненти фитоними за характеризирани на човешки качества / Е. Недкова // Лексикографска и лексиколожка конференция. – София : ИБЕ- БАН, Акад. изд. «Проф. М. Дринов», 2016. – URL: Lexikografia-2016-356-362.pdf
21. Николова, Н. Особенности терминологической номинации в сфере информационных технологий / Н. Николова // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. – 2016. – Т. 10, № 10. – С. 144–164.
22. Николова, П. Словашко-българската междуезикова омонимия и чуждоезиковото обучение : дис. за присъждане на образ. и науч. степен «доктор» / Николова П. – София, 2013.
23. Панчев, К. Диференциален руско-български речник / К. Панчев. – София : Наука и изкуство, 1963. – 222 с.
24. Пенчева, А. И. Двухязычный русско-болгарский и болгарско-русский словарь сочетаемости дипломатической и общественно политической лексики в обучении деловому общению / А. И. Пенчева // 6th International Conference “The Russian Language in the Linguistic and Cultural Space of Europe and the World: Human being Consciousness Communication Internet” (22–25 of May 2014, Leuven). – Leuven, 2014.
25. РБЕ / Речник на българския език (Институт за български език). – URL: <https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg>
26. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – URL: slovarozhegov.ru
27. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – URL: <https://www.efremova.info/>
28. Толковый словарь русского языка / под ред Д. Н. Ушакова. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/>
29. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 : [в ред. от 07.04.2020 ; с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020]. – URL: <http://www.consultant.ru>
30. Федорчук, Е. В. Межъязыковая омонимия и паронимия в близкородственных языках (на материале русского и украинского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Федорчук Е. В. – Москва, 2001. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_387250/
31. Христова, А. Проблеми при превода на някои термини от металознанието / А. Христова // Многообразие в единството. – 2011. – № 1. – С. 81–86.
32. Хуцишвили, С. Д. Славянские межъязыковые омонимы : дис. ... д-ра филологии (PhD) / Хуцишвили С. Д. – Тбилиси, 2010. – 169 с.
33. Хънгов, В. О проблемах при переводе некоторых актуальных терминов и лексем общеправового характера с русского на болгарский язык / В. О Хънгов // Актуальные проблемы стилистики. – 2016. – № 2. – С. 190–198.
34. Червенкова, И. В. Русско-болгарские лексические аналоги [некоторые наблюдения на базе словарных данных] / И. В. Червенкова // Съпоставително езиковедение. – 1992. – Т. 17, [3]. – С. 151–156.
35. Червенкова, И. В. О сопоставительном описании русской и болгарской лексики / И. В. Червенкова // Вопросы сопоставительного описания русского и белорусского. – София, 1982. – С. 123–182.
36. Червенкова, И. Сопоставительное исследование современной русской и болгарской лексики / И. Червенкова. – София : Херон прес, 2011. – 243 с.
37. Чонгарова, И. Межъязыковые лексические соответствия омонимического характера [на материале русского и болгарского языков] : дис. ... канд. филол. наук / Червенкова И. – Москва, 1992. – URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/mezhjazykovye-leksicheskie-sootvetstvija-omonimicheskogo-haraktera-na-materiale.html>
38. Юридически речник / Георги Хр. Георгиев, Любен Ст. Велинов. – София : Отечество ; Проф. М. Дринов, 1999. – 444 с.

J.-M. Servais

Liege, Belgium

**BEYOND LITERAL TRANSLATION:
THE ROLE OF CULTURE TO UNDERSTAND IN-DEPTH
THE EUROPEAN INDUSTRIAL RELATIONS SYSTEMS**

Ж.-М. Серве

Льеж, Бельгия

**ЗА ПРЕДЕЛАМИ БУКВАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА:
ЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ДЛЯ ГЛУБОКОГО ПОНИМАНИЯ СИСТЕМЫ
ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ**

Abstract. The article examines the role of cultural and linguistic context in the translation of legal concepts in the field of labor relations. The author analyzes the main European models of the labor relations system, and the interaction between trade unions, employers' associations, political parties and the state. The article examines the disadvantages of word-by-word translation. The author concludes that cultural foundations and adequate application of the comparative method are necessary for a truly scientific and accurate translation of the relevant texts.

Keywords: translation, labor relations, culture, comparative method.

Аннотация. Исследуется роль культурного и языкового контекста при осуществлении перевода правовых понятий в сфере трудовых отношений. Анализируются особенности основных европейских моделей системы трудовых отношений, взаимодействие между профсоюзами, объединениями работодателей, политическими партиями и государством. Рассматриваются недостатки пословного перевода, необходимость учета культурной основы и адекватного применения сравнительного метода для обеспечения подлинно научного и точного перевода соответствующих текстов.

Ключевые слова: перевод, трудовые отношения, культура, сравнительный метод.

From the start, translation was used as the obvious way to compare national legal concepts, institutions or systems. While research has always been acknowledged the complex nature of translation work, the acceleration of globalization makes it more urgent to examine further the underlying reasons for these problems. This study draws upon cultural differences reflected in the law to analyse the difficulties to reach a more world-wide approach for the regulation of transnational relations resulting from an economic reality which until recently has virtually ignored borders.

Globalization does not erase all specifics. Our home constitutes one of the greatest powers of integration for thoughts, memories and dreams of the human being [2004 Bachelard: 26]. Each national culture's defining characteristics continue to play a significant role in how human beings behave and work [2019 Vandermeersch; 2005 Frege: 151–175; 2005 Pagell, Katz, Chwen Sheu: 371-394; 2003 Austen; 2003 Roche, especially:18 ; 2003 Schneider, Barsoux ; 2002 Harpaz, Honig, Coetsier: 230-244; 2001 Hofstede]. The ways and means chosen to elaborate and to implement labour provisions are predicated on the historical context, the power of employers' and workers' associations, the experience of their leaders, and of the respective place of law and collective work agreements in a system of industrial relations. More fundamentally, how a rule is worded and implemented depends on the ideas, customs, skills, arts, etc., of a people or group, that are transferred, communicated, or passed along, within and to succeeding generations; in other words, on its culture [this is how culture is defined in Webster's New world Dictionary. With regard to the USA: 1934 S. McCune Lindsay; see also 1999 Bauer, Bell].

Researchers in comparative law know well how much law in force can vary in its content, but also in its wording and means of implementation. Psychologists and sociologists have long pointed to the extent to which interpersonal relationships [2006 Hantrais], in particular between men and women, are marked by a country's traditions. International labour standards, as the conventions and recommendations of the International Labour Organisation (ILO), must constantly deal with this tension between the local and the global because their effectiveness depends largely on how the two elements are combined in the protection of labour and in the regulation of worker behaviour.

Based on the above considerations, this contribution underlines the need to go beyond word for word translation. It aims to cast light on the pitfalls of a purely textual comparison and on the danger of analysing other countries' legal system without taking into account the cultural dimension. It intends to point out the obstacles to a mutual understanding of distinct labour law systems and to design a methodology with a view to overcome them. The

final conclusions could allow for a better mutual understanding of other countries' possibilities and constraints and stimulate the necessary dialogue between social partners at transnational level and between experts from different States or Groups of States.

The study starts with an analysis of the rules and regulations adopted in Continental European countries with regard to labour-management relations (I). The existence of an European social model and the relationship between unions, political parties and the State structure are investigated considering that they reflect the visions most Continental European States have of their industrial relations systems.

Learning from these considerations, a second part synthesizes the methodological problems the labour law comparatist faces in the attempt to understand another legal system (II). A theoretical framework aims at analysing the linguistic, legal and socio-cultural obstacles to an in-depth understanding of the distinctive characters of each country's industrial relations system and national social policy.

In doing this, I will use my research in related problematics [1997 Servais, 1: chapter 1; 1997 Servais, 2; 2017 Servais: concluding chapter]. My more recent work is mainly based on data collected by the ILO with regard to the industrial relations systems in the United States, Continental European Countries and in Japan. Expressions like "the social question" (in historical perspective), "equality", "trade-unions", "collective bargaining", "collective labour agreement" will be specifically scrutinized. The relevant conventions and recommendations of the International Labour Organisation (ILO), in their English, French and Spanish versions, will also guide me in the analysis.

I. The specific characters of European industrial relations systems

The idea that labour and employment laws reflect social models, though far from new, has found particular immediacy with the present debate on the future of the European Union. It is based on a certain political vision of the European community, supposedly common to all - or almost all - countries of that region, as different culturally from others. What does the European social model mean? Is it a specifically European way of viewing and addressing social questions or, rather, a set of common institutions and practices established at the European countries level, a sort of common heritage of the past history? The first section will try to answer those questions (A).

The second section will continue the examination of the situation in Continental European countries by observing the links that exist between the trade unions and the political parties that are regularly elected in the power. In this way, the workers' organizations are integrated in the State structure, more or less deeply, but often on a permanent basis. I will also refer to similar situations in other parts of the world, while underlining the differences (B).

A. An European Social model

The concept of a model has been used in France and in Germany referring to a simplified representation of a process, of a system [as defined by the French Robert Dictionary]. It has been popularized in the debate that follows the publication in French (1991) and two years later in English of the book *"Capitalism Against Capitalism"* by the economist Michel Albert [1993 Albert]. He wondered about the ideological and economic "models" that would shape societies at the end of the XXth century, opposing an Anglo-American type of capitalism, totally oriented towards freedom of the individual and of the market, to a German-Japanese one more concerned in addition by social cohesion. The word "model" is employed, in the mind of many, to value a system. It evokes the search or the affirmation of a certain type of policies that bring solutions to complex problems. The equivalent term "model" has generally been utilized in English, although the word "pattern" would be more precise.

The adjective "social" as in "social question" historically referred to the division into classes of society and, in particular, to the proletarian working class, in its relations with a dominant and possessing bourgeoisie [1962 Lalande]. It now relates more generally to the conditions of life of the workers.

Is a "social model" an useful concept to characterize and synthesize a certain social system? It would be preferable to describe any shared heritage as an economic and social model at the same time, because separating these two dimensions seems in many ways a view of the spirit. The practice has however decided otherwise.

Historically, governments adopted at least three kinds of policy to maintain or restore social cohesion (the social fabric) among their citizens: Enlightened Despotism, Laissez-faire and the Social Economy. The analysis challenges the claim that a discussion of a European social model is largely or entirely focused upon some short term political or even opportunistic views.

a. Enlightened Despotism

In the 18th century, Prussia and Austria applied a virtuous authoritarianism that was named "Enlightened Despotism", the classic example of the first kind of policy. Their governments had their own view of the problems encountered and imposed the remedies it deemed appropriate. Modern politicians or high-level civil servants have a similar way to proceed in some developing countries, especially in Asia [1982 Schregle]. They may be brilliant technocrats, with PHD diplomas from the best worldwide universities; they consider themselves to be in a privileged position to understand and solve the difficulties of their people, but without a real consultation of the persons concerned.

The development process of Japan, and later of South Korea and Taiwan was based on such a vision. The State and its officials played a very active role in the industrial relations. Their influence appeared substantial, but their concerns centred on growth and productivity. Simplifying grossly, it could be said that the State deals with economics before turning its attention to social issues in the belief that resolving the former takes priority over the

latter. There is no need, however, to point out that, in the course of their economic progress, greater attention has been devoted to social problems and to collective negotiations. It was in this context that the famous three pillars of the Japanese industrial relations system were erected after the Second World War: lifetime employment, the calculation of wages and social benefits based on seniority, and enterprise-level trade-unionism. South Korea, and more recently Taiwan, moved towards a fairly similar approach. While Japan and South Korea bear resemblance with the European Socio-economic Model, including the practice of collective negotiations at the branch or national inter-branch level, other countries in Asia, like Malaysia, have maintained a more totalitarian regime.

Communist countries adopted a different economic policy. It remains true nevertheless that their way to manage social issues could also be qualified as enlightened despotism. The leading role in all matters was left to the party in power; it was seeing itself as the enlightened advanced guard of the labour class. Cuba can still be considered as an example of that way to govern.

b. Laissez-faire strategy

The Laissez-faire strategy could not be more different: the governments concerned let the 'invisible hand' of the market make the adjustments required, including in the field of labour. No country has completely adopted this method of governance. The United States approach to labour and employment problems appears, however, little interventionist. In this field as in others, it is rather voluntarist [1934 McCane Lindsey: 331–367; 1991 Jacoby; 1997 Lipset, Meltz: 14–19]. It values political and economic liberalism. The emphasis is placed on individual freedom and responsibility as well as action by local economic agents and groups, rather than on political power at the state and federal level. The law focuses more on civil liberties than on social rights. Thus, every citizen should – at least theoretically – enjoy an equality of treatment and opportunities and is then left entirely responsible for his lot. There is no general recognition of a social question, but rather of a moral, of a poverty problem to be dealt with firstly by private charities. Hence the recent tendency among Anglo-Americans scholars wishing to strengthen solidarity to make the defense of workers' rights part of human civil rights [2004 Committee on Monitoring International Labor Standards: in particular pp. 224 et ss ; 2005 Alston; 2014 Goldschmidt, C. L. Strapazzon].

Historically, the country's federal system has made it a complex matter for Congress in Washington to act in order to provide workers with the kind of protection granted under the laws of continental Europe or Japan. In the United States, enterprise- (or establishment-) level collective bargaining has been given preference over labour and social security legislation. In Japan, and in the countries of continental Europe, the help of the government, the administration and the legislation is expected - although in varying degrees – to improve living and working standards.

Moreover, the socialist doctrine of the struggle of classes for control of the State practically never caught on in the United States. In the past, a trend developed there towards greater centralization of authority and to assigning greater importance to federal machinery in labour matters. These efforts never changed dramatically, however, the voluntarist approach of the American labour-management relations. Although federal legislation did evolve significantly in the 1960s, it did so chiefly in the sphere of civil rights (protection of various groups from discrimination, for example).

c. Social Economy

The third policy satisfied the citizens' desire, in particular in Continental European countries, to see the State establish rules, institutions and practices safeguarding them from social risks. One already finds in the ancient Athens of Pericles the concern to help the less fortunate. It is based on a recognized duty of solidarity and, more often than not, on the explicit or tacit agreement of the large employers' and workers' federations. The terms "Welfare State" implies a negative connotation. The Germans often speak of "Social State". To call it "Social Economy" is largely accepted. Anyway it refers to the "European social model".

The concept expresses some degree of social culture held in common. Europeans believe in the need to go beyond the simple recognition of the civil liberties and political rights as enshrined in the 1776 American Declaration of the Independence and in the 1789 French Declaration of the Human and Citizens Rights. A large majority is reluctant to accept phenomena of exclusion and excessive inequality. They expect the State to act in order to remedy the social consequences of the mechanical operation of the market economy. They wish to find an answer to the social question. They have a strong sense of solidarity in front of the problems they face, of unemployment and poverty (they are keen to answer the "social question").

Admittedly, a "social dimension" already exists at the European Union level. It remains however limited, even if the European law limits the freedom of the Member States and consolidate the fundamental rights of the people at work [2018 Mulder; 2010 Neergaard, Nielsen : 434-488]. The restrictions derive from the limitation of the EU competences and from the principle of subsidiarity enshrined in the constituting Treaty. Some directives moreover as in the area of collective labour relations, concern only situations which are outside transnational.

The European social model therefore appears more like the common denominator of social policies since the 19th century and, above all, in the 20th century, in the vast majority of the democratic States of Continental Europe, in particular those involved in the construction of the EU. The model reflects, within the framework thus specified, three historical realities.

The first is that of social regulation based on centralized consultation and action in concert, which may be bipartite or tripartite. Whatever the number of parties involved, State institutions are never indifferent to the outcome of the talks in which the social actors have participated. This practice of collective negotiations (in the broad sense) is generally furthered by a sophisticated system of industrial relations [2014 Andersen; 2011 Avdagic].

While it is true that tripartite agreements and other forms of high-level social pacts have been, and are, observed in other regions of the world, no other region has resorted as much to dialogue, be it formal or informal, at the central level.

The second reality consists in an elaborate social security system including, where appropriate, provision of a minimum guaranteed income and other forms of labour protection (establishment of a minimum wage, for example). European are unwilling to accept, no matter what political party they vote into power, the phenomena of exclusion and extreme poverty. They want the State to remedy the negative human consequences of an excessively mechanical market economy and an overly painful process of globalization [2006 Giraud]. This second reality also covers public services provided by the State in the social and economic spheres (industrial, commercial, etc.). All European governments, whether right- or left-sided, have enacted tax or social security legislation that imposes for that very purpose, financial deduction to the citizens. If those levies have been criticized by some as weakening the competitiveness of the enterprises, recent history demonstrates that the European electors continue to give preference to this approach, while accepting, as the case may be, limited adjustments.

The third reality, related to the two others, is the implementation of Keynesian principles, i.e. the active State intervention in industrial, economic and social matters, and, in collaboration with the social partners participating in varying degrees, the search for consensus in the elaboration and in the application of such policies. For many years, both business and trade unions have been involved at the governments' invitation in seeking compromises among the different economic variables - the production of wealth, its distribution, and job creation. When the collective negotiations are unable to settle a social problems, the State is pressured to adopt a protective legislation [2014 Andersen].

Those realities are also reflected at the European Union level and in the European legislation, as illustrated by Articles 145 to 164 of the Treaty on the functioning of the EU. The divides between countries and persons, that are able to take advantage of the new economic environment, and the others, the losers of the upsetting, that feel more and more marginalized and impoverished have led the EU and its Members to reaffirm their role of protection, not the least to protect their political support in front of the rise of populism and euro scepticism. They have considered that there is still a need for national and supranational institutions that mediate between the individual and the global market, even if their impact will remain more limited than in the past; multinational labour-management relations require some kind of transnational legal framework. The EU has adopted on 24 April 2017 a recommendation establishing a European Pillar of Social Rights. The instrument seeks to be a reference tool in the euro area for progressively approximating national social and employment policies. Drawing on the common social heritage of the States concerned, it confirms and seeks to strengthen a European socio-economic model.

This common heritage should not mask the clear differences that exist between countries. In particular, the respective importance of job security and social protection varies greatly, as illustrated by a debate on the merits of the "Danish model" which give preference to the latter. The United Kingdom has traditionally adopted a more voluntarist vision of the world of work that brings it nearer to the USA. Interestingly enough, similar elements may be found in countries like Japan, South Korea or even Taiwan where the State and its officials play a very active role in economic and social policies, informal consultations take regularly place between them, the trade unions confederations and the enterprises' representatives, and where an extensive system of social security is in force.

B. The relationship between unions, political parties and the State structure

The vision of a European socioeconomic model inherited from history is further visible in the formal or informal involvement of the trade union movement in the State structure, especially compared to other regions.

Generally speaking, the attitude of public authorities towards trade unions and their rights is rarely neutral. Some are hostile, not even allowing any authentic workers' association to be created (Saudi Arabia or Oman). More have taken legislative or practical measures that are purposely or not detrimental to the trade union movement and their activities. The reports of the ILO contain numerous examples, not to mention cases in which the protective legislation or the institutional recognition given to workers' organizations was weakened.

The material used comes mainly from the reports of the ILO, especially from its Committee of Experts on the Application of Conventions and Recommendations (CEACR) and of its Committee on Freedom of Association (CFA). When examining the implementation of its Convention no 87 (on freedom of association and the protection of the right to organise, 1948) and Convention no 98 (on the right to organise and to bargain collectively, 1949), they describe extensively the law and the practice in the concerned countries. This constitutes an extremely rich source of comparative information. The CFA and the CEACR reports are reproduced country by country on the ILO website [under "Labour standards/ Countries profiles": 2020 ILO; see also 2018 ILO]

A first part of this section examines the weight of the workers' associations in countries where exists an institutional relationship with the public authorities. A second describes critically the search for adjustment of the European trade union movement in a more globalized world.

1. The trade unions and their political weight

The following paragraphs deal with the role of the trade unions in countries where the visions of the trade unions in the society and in its constitutional structure are completely in contrast. In a Communist country, trade unions are subordinated to the ruling party while, in the Western States of the European Continent, a centralized social dialogue has been freely established, in close cooperation with the government. The fear of bolshevist subversion has shaped the industrial relations scene in Japan at the end of the Second World War and led other countries

(Malaysia, Singapore, and South Korea) to exercise control over the trade unions movement. In general, the end of the Cold War brought with it a more flexible attitude.

a. The role of the trade unions in totalitarian regimes

The trade union movement is closely linked, in a People's Republic to the ruling Marxist party to which the legal order, normally the Constitution, grants a leading position [1966 Lenin: 184-196; 1970 Gaspar, Warnke, Loga-Sowinski, Danalache: 148-162; 1959 ILO; 1986 Trócsanyi; 2003 Taylor, Kai, Li Qi]. The Party, the State and the trade union organization, are given a common objective: to build a socialist society; any opposition or serious divergences between the three partners can only harm, in their view, the interests of the working class. Strikes were considered as superfluous and directly or indirectly prohibited through a system of mediation of collective labour conflicts, the Party constituting the last resort. More generally, all activities seen as detrimental to the socialist regime were sanctioned.

Most firms belonged to the public sector, even if a small private sector continued generally to exist. The organizations of the heads of enterprises were mainly the Chambers of commerce with a quite limited role in the social field.

According to this approach, the workers' organizations could not be independent of the Party; only one trade union - communist - movement is therefore authorized. It must go on defending their members' interests (by resisting in particular bureaucratic distortions) while at the same time serving the general interests of the socialist society (by teaching communism and increasing production). Its responsibilities should be that of instructor and mobilising force of the workers, that of a "transmission belt" linking the Party and the masses [1984 ILO: especially pp. 16-27; 1999 Myant, Smith: 265-285; 2014 Bomba: 76-78].

The law had generally transferred to the trade unions, in the communist countries of Europe, functions traditionally discharged by the State in the areas of social security and of safety and health protection. The collective agreements aimed essentially at adapting the legislative provisions and the State plans to the conditions of each enterprise, giving workers a stake in its efficient operation and distributing amongst them the benefits accruing from successful implementation of the enterprise plan, all within the framework of the national economic guidelines and instructions. In particular, the Government fixed the basic wage rates; other parts of the remuneration were fixed at the enterprise level, including fringe benefits and bonuses.

Even when the belt worked bottom up as well as top down, this dual role was a source of tensions. Divergences of views are a fact of life, in the employment relations as in the others. The distinct roles of a party representing the workers, of a government of that party and of a trade union supposed to speak on behalf of the workers are blurred, not to mention the responsibilities of the directors of the public enterprises. It appears extremely difficult in such a system to settle conflicts peacefully, i.e. without the threat of a severe punishment by judges, which are neither independent from the Party.

The leading role in all matters is still left to the ruling communist party in Cuba, in Viet Nam and in China; it sees itself as the enlightened advanced guard of the labour class. While the Chinese authorities have carried out a deeper liberalization than the two other countries, the relationships between the three main actors of the social scene remains basically similar. This vision has been copied by a number of totalitarian States, which have not adopted the Marxist dogma, as illustrated by Egypt, Syria or some African States. By taking part in the national liberation movements, the unions have received in many African countries, full recognition, but at the same time they have had difficulties to part with the others components of the new ruling forces. On the whole, their influence has therefore been limited [see also 1996 Fashoyin, Mantanni: 38-49; 1979 Annaba; 2003 Bramble, Barchiesi; 2011 Phe-lan]. Fascist regimes too control the trade union movement.

b. The role of the trade unions in Continental democratic Europe

The ties between the trade unions and political parties were historically very tight in most Western European Countries. They have developed together during the 19th and early 20th centuries with a view to defend and promote the interest of wage-earners and other people left aside from the benefits of the industrial revolution. The social movements also included in most cases women, youth associations, and cooperatives. They were divided in accordance with their conviction mainly into Socialist, Christian and Communist leagues whose presence and strength varied from one country to another.

The mutual influence of the political parties and the trade unions has led Western European governments to increasingly involve, since the end of the Second World War, and especially since the late 1960s, representative workers' organizations and their counterpart on the employers' side in economic and social policies. They have done so by carrying out formal or informal consultations, by acting in concert and concluding tripartite social pacts and/or by offering them to participate in various public and semi-public bodies.

Later on however situations have evolved. The links of the trade unions with the political parties have loosened in a number of those countries as in France, Italy or even Sweden. The reasons are numerous. The fact that workers' interests are increasingly diverse is certainly one. It not only reflects the split between long-term wage-earners and precarious ones. Their concerns differ more than before depending on the branch of activity, occupation, skill, age or sex of the people involved. Trade unions have had difficulties to embrace the growing diversity in the workers' priorities [2014 Davezies]. Furthermore, the digital revolution and the dispersion of workers that it brings about also affects the historical workers' representation. New forms of social mobilization appear using social medias [2015 Fabiani: 165-177].

The links with the public authorities keep nevertheless very strong and try to maintain the European Social Model. Trade unions and their employers' counterparts often are members of institutionalized joint bargaining committees, with or without the participation of the public authorities. Their involvement is further strengthened by their presence in the governing body of the social security institutions and, in some countries like Belgium, in the entire structure of the system, including in the organs in charge of the payment of benefits (as part of the so-called Ghent system). They also participate in a number of other bodies such as vocational training joint committees. Sometimes, like in France, they receive a significant financing from their attendance [2014 *Droit social*: 692-759]. Furthermore five of the countries with the highest unionization rate (Belgium, Denmark, Finland, Iceland and Sweden) have an unemployment insurance scheme under which the workers' organizations – alone or otherwise – handle the payment of benefits.

2. The trade unions in the new environment

a. A new social environment

The revolution in communication and production technologies and in the organization of work, the political changes occurred at the end of the XXth century, the growing interdependence of national economies among countries and firms have all clearly had telling effects on States, business and trade unions. The internationalization of the market economy and the pre-eminence of more "laissez-faire" policies have in particular limited the powers of public authorities in the social field [2004 Martin, Ross]. A Keynesian national policy pre-supposed complete control by the State of economic instruments. It cannot function in the same way if the States lose some of that control.

While workers' associations have constituted an internationalist movement since the outset, they have faced difficulties in adjusting to the new environment. The most obvious obstacles stem from legal provisions which hamper the coordination of trade unions action at a transnational level [2013 Ales, Senatori; 2000 Gordon, Turner]. The variety of provisions in domestic law concerning trade unions activities, including the right to strike, impedes often a true cooperation among unions.

These legal barriers are not the only obstacles in the way of cross-border solidarity between workers. Others, just as serious, stem from differences in languages and culture [2011 Meardi: 336-345]. When it becomes institutionalized, cooperation can also mean a shift of authority and resources to supranational bodies, and this may encounter reluctance of national leaders. International trade unions have nevertheless tried hard to influence the social scene at the global level. They have conducted truly transnational campaign (as for the elimination of child labour), approached politicians or members of governments, raised their voice in the ILO, lobbied in other international institutions like the OECD or the UN, or attempted to be listened in G8 and G20 meetings. They have signed from time to time framework agreements with major multinational companies [2011 Papadakis; 2014 Sciarra, Fuchs, Sobczak] or established workers' committees at that level.

The very concept of trade union varies from one country to another; workers' economic interests also differ. Trade union structures centred upon the workplace are often not suited to new forms of work organization. Another focal point for organization therefore needs to be found. Traditionally enterprise-oriented, United States unions - and to a varying extent those of other English-speaking countries – have for a long time sought above all to defend the immediate interests of their members (and of other workers within the negotiating unit).

The term "trade union" reflects the differences. It is defined as to a group of people belonging to the same branch who come together to defend their common "corporatist" interests while its translation into the French ("*syndicat*"), Spanish or Portuguese ("*sindicato*"), Italian ("*sindacato*") or Romanian ("*sindicat*"), derived from the Greek "*sundicos*", does not contain this restriction and more generally applies to an association who defends a group of people at work. We may also find this etymology in the Russian word "синдикалист" (trade unionist). The German word "gewerkschaft" appears closer to the English. In the latter at least, the term syndicalism refers very specifically to a revolutionary movement and theory advocating the transfer of the means of production and distribution to the workers' unions, i.e. the ownership and control by them.

Beyond these brief linguistic remarks, we observe that the unions in Continental Europe have rather claimed to represent the workers as a whole, to go beyond labour relations issues and have an influence on the actual vision of society. Very often mistrustful of governments, they present themselves as mass labour and social movements rather than just as trade unions. This being said, the main concerns of most trade unions remains the defence of their actual members, i.e. the workers enjoying a stable job. They also have often failed to reach the most vulnerable people.

Some trade unions have nevertheless succeeded to link community concerns to those of the workplace, either directly or through alliances with grassroots movements. Their action has now been extensively analysed [2013 Stone: 75; 2013 Nakamura, Nitto 253-270; 2015 Fine; 2010 Gelot: 615-622; 2009 McBride, Greenwood; 2004 Hyde: 599; 2002 Ontiveros; 417-428; 2001 Waterman; 1997 Servais, 2 : 44-51]. Their influence however remains quite limited. In particular the growing number of NGOs and social movements in some regions does not compensate the sometimes weak trade union activities and the partial retreat of the State from social policy. With a few exceptions, those new actors don't possess the qualities and abilities that they are attributed [2000 Bayat; 1998 Esprit].

The lesson from those experiences seems nevertheless very clear: the problems of adjustment of many to globalization should engender a democratic response coming from the local level [2008 Giguère; 2008 Donzelot: 51-77; 2013 McKullum; 2000 Gardin, Laville: 53-66; 1997 OECD; 1998 Geddes; comp. 1999 Bauer, Bell]. A number of initiatives have for a long time been taken in Europe by municipal or regional authorities with the col-

laboration of various actors, including local unions and as the case may be with the support of EU funds [2013 Stone: 21-22]. They have aimed at creating jobs (Austria, Belgium, France, and Germany [2009 OCDE]), *inter alia* at coaching redundant workers and at integrating or reintegrating the unemployed into the labour market (Belgium [see in particular the Acts of 29 December 1990 and 23 December 2005, the French Community Decree of 24 October 2008, the Royal Decree of 9 March 2006]). More broadly, they have stimulated the economic and social development in the region (Ireland [2007 Roche: 395-425], Italy [2001 Caruso: 193-224; 1996 Cossentino, Pyke, Sengenberger; 1990 Pyke, Beccatini, Sengenberger]), with a focus on the reform of the labour market and of the vocational training programmes [2011 Bevort, Jobert: 209, 210, 243; 1998 Mainland: 295-296] or the improvement of life and working conditions (the “*tempi della città*” initiatives in Italy [1977 Bontiglioli, Mareggi; 1997 Belloni and F. Bambi]).

Trade Unions have also obtained major achievement in the European Union where the workers' and the employers' associations play a prominent role for the solution of labour issues. The EU legal system of industrial relations contribute in a not insignificant manner to the adjustment of the trade union movement and of the social dialogue with its employers' counterpart.

b. The EU experience

The original purpose of the European Treaties has been to establish an internal market with free movement of persons, services and capital. Since the 1980ies especially, the EU has aimed at balancing the economic development with concerns regarding full employment, social progress and combat against social exclusion and discrimination. With the view of correcting the social consequences of the “Europeanization” of the market and to softening the transition to the new economic environment, the EU has taken measures to promote employment, education, vocational training, and social cohesion. It also aims at improving living and working conditions.

In all their areas of action, the European institutions are formally requested to adopt a participative approach, to “give citizens and representative associations the opportunity to make known and publicly exchange their views” and in particular to recognise and promote the role of the social partners at their level. They have to facilitate dialogue between the employers' and workers organizations, respecting their autonomy and to organize tripartite social summits for growth and employment (articles 11 TEU and 152 TFUE). The role of the trade unions, as well of the employers' confederations, in the elaboration and in the application of social policy could not be more clearly confirmed. They do so by lobbying at all levels of the European machinery. They are relayed by the political parties, represented in the European Parliament, to which they are close, by the national governments which share their views. They are consequently listened till the highest spheres of the European power.

They are consulted or they integrate a variety of committees entrusted to design or supervise the European social policy. The fields covered include employment, vocational training, the functioning of the European Social Fund, the coordination of social security entitlements, or the general social policy. Bipartite (employers' - workers' representatives) bodies have also been created in branches of activities where they express their opinions, adopt recommendations or sign, as in agriculture, framework agreements.

The European Commission favours the dialogue between social partners. Their negotiations not always lead to legal commitments. In many cases, they only express joint opinions, recommendations, or declarations without obligatory legal effects. They are nevertheless given by articles 154-155 TFUE the preference to elaborate social regulation. Before submitting proposals in the social field, the Commission has to consult them on the possible direction of EU action. If, in a second stage, the Commission considers Union action advisable, it has to consult them again on the content of the envisaged proposal. The employers, and workers' representatives may then inform the Commission of their wish to initiate a process of negotiation with a view to conclude an agreement; the duration of this process keeps limited (it will not exceed nine months, unless the management and labour concerned and the Commission decide jointly to extend it).

In a number of cases, they have concluded framework agreements at a branch or general level. The TFUE formally recognizes the effects of those agreements. They may be implemented in accordance with the law and practices specific to each Member State. A procedure of extension *erga omnes*, inspired by the equivalent option afforded by some Members, may also be used. At the joint request of the signatory parties, the Commission may ask the European Council to take a decision - in practice a directive, which gives the agreement legal effects to all workers and employers covered.

At the enterprise or group of enterprises level too, the EU promotes social dialogue. It has adopted a directive on the establishment of a European Works Council or a procedure in Union-scale undertakings and Union-scale groups of undertakings for the purposes of informing and consulting employees. Moreover in some branches, the directive has strengthened the international dimension of national collective bargaining [2006 Arrowsmith, Marginson: 245-266]. Other directives contain an obligation of informing and consulting, including in cases of redundancies, mergers, divisions and transfer of enterprises, or takeover bids. The information and consultation procedures should be useful, i.e. made in due time and with a view to reach an agreement. If there is no formal obligation to negotiate, the manner in which provisions are written implies similar effects.

The EU legislation constitutes undoubtedly the most sophisticated attempt to associate trade unions and employers' organizations, to a more open economic market. It is true that the negotiation power of the trade unions has been weakened by some highly controversial sentences of the Court of Justice of the EU where the judges has restricted the rights to strike or the free collective bargaining by relating them to the right to establishment or the

free movement of services. [2009 Bronstein] A more recent directive, n° 2018/957 of 28 June 2018, however seeks to remedy the abuses which the previous legislation might cause.

II. The theoretical framework

Montesquieu in his *Spirit of Laws*, published in 1748, tells us that “the political and civil laws of each nation ... must be so specific to the people for whom they are made, that it is a great coincidence that the laws of one nation can suit another”. He underscored the relationship between laws and religion. He analysed the effects on law of climate, topography, demographics, and customs and manners [1914 Montesquieu: 14-24]. One of the human soul’s vital needs is undeniably to have roots and individuals have roots when they are active and spontaneous participants in the existence of a community that is a living reflection of treasures from the past and presentiments of the future. Man could attain no higher position in the universe than a civilization based on spirituality at work [1949 Weil].

Heightened internationalization of human activity have indeed a lasting and profound impact on culture in every region and country; some differences in the vision of the social problems can even be reduced. The term globalisation is generally used to describe an increasing internationalisation of markets for goods and services, the means of production, financial systems, competition, corporations, technology and industries. Amongst other things this gives rise to increased mobility of capital, faster propagation of technological innovations and an augmenting interdependency and uniformity of national markets [2002 Eurostat, IMF, OECD, UN, UNCTAD, WTO].

The internationalization process in the past showed however that globalization also concerns intellectual tools, communication codes and means of expression [2004 Gruzinski]. English has only one word, “globalization”, to cover what is called “mondialisation” or “globalization” in French and the equivalent in Spanish or in Italian. The first term refers to the advent of the World, as space, as society, and as a relevant scale of analysis in many areas. Its history is interflowed with that of the emergence of human exchanges and movements. It highlighted the idea that Europeans began to convey a representation of the World by the end of the 15th century [2009 Boucheron; 2004 Gruzinski]. Globalization in French refers to the metamorphosis of an emancipated capitalism of the national (or postfordist) and financialized framework. Globalization takes part in a reflection on the metamorphosis of capitalism and on the re-composition of the local under the effect of transnational [2017 Ghorra-Gobin].

It remains that the cultural dimension continue to greatly influence each country or group of countries system of industrial relations [2000 Zahraa; 2004 Jahel] and the expression of the concepts used (A).

Comparing national labour law in their spatial (that is, rights in force today) and temporal (because rights history explains many of their avatars) dimensions looks therefore like an obstacle course [2015 Finkin, Mundlak; 2006 Weiss: 469-486] (B), all the more so since attention must be paid not only to the words used, but to the interpretation and implementation of the provisions under consideration.

A. The cultural dimension matters

The ILO founders inscribed in its Constitution that its Annual Conference had the duty to introduce flexibility into the legal texts it adopted: "In framing any Convention or Recommendation of general application the Conference shall have due regard to those countries in which climatic conditions, the imperfect development of industrial organization, or other special circumstances make the industrial conditions substantially different and shall suggest the modifications, if any, which it considers may be required to meet the case of such countries" [Article 19 §3]. Their successors therefore introduced into the instruments they adopted what are known as flexibility clauses.

Differences are not only explained by economic or geographic factors. The role of the law in the settlement of disputes for instance varies from one society to another. American citizens turn more readily to the courts than those of Japan, who see court action a last resort when all efforts at conciliation have failed [2002 Sugeno; 1984 Gould]. Another factor is that disciplined conduct and respect for authority are more marked in some mentalities and periods than others, as evidenced by the well-known anecdote about German railways workers in the early 20th century who bought their platform tickets before joining a demonstration at a railway station platform. Times have certainly changed: where in to-day’s world could one imagine workers acting in the same way?

The State’s institutional capacities are a factor of paramount importance for the shaping of domestic legal order [2004 Caraway: 28-49]; social security springs to mind. The same holds true of religious convictions; they sometimes encourage observation of measures to protect others. When in contrast faith gives way to superstition the effect can be perverse’ such as in the case of the Thai workers in a cutlery factory who thought there was no point in wearing the requisite protective equipment once the workshop had been blessed by the Buddhist monk.

The method chosen to implement labour standard are also predicated on history, on the socio-political context, and on the respective place of the law and collective work agreements in the system of industrial relations.

1. The impact of culture

The economy is no doubt the most studied meeting ground for the private and public spheres and a key field in the configuration of social relations. The cultural dimension is nevertheless fundamental to explaining why even neighbouring countries adopt different solutions to the same problems. A good example is the distinct way in which labour and its role in society are viewed depending whether the viewer is French or British, Brazilian or Australian, Japanese or Canadian. In one place, the unemployed are considered to be down on their luck, in another as lazy good-for-nothing. The religious ideal in one country is to withdraw from working life, like a hermit or at least a missionary; in another, it takes the form of material success. The ancient Greeks showed clear disdain for paid

work; present-day moralists insist that work brings personal fulfilment. This, in any case, was how Luther, and above all Calvin saw work.

Max Weber has aptly described the effects of Lutheran and Calvinist doctrine on the formation of modern society and the spirit of capitalism. The Reformation valued work and condemned idleness, which was deemed harmful; riches and success in earthly tasks were the harbingers of eternal salvation. Hence a considerable effort was made to rationalize living modes, organize activities, and, in time, to secularize those ideals [2001 Weber; 2003 Müller: 261-266]. Sergio Buarque de Holanda by contrast has shown to what extent Brazilian civilization is underpinned by affective ties and *farniente* [1995 Buarque de Holanda].

2. Culture, work and industrial relations

Our view of work is shaped by where we live. The American view allows enormous scope for individual initiative [1934 McCane Lindsey: 331-367; 1991 Jacoby; 1997 Lipset, Meltz: 14-19; 1997 Servais 2: 110 and ff]. It prefers enterprise- (or establishment-) level collective bargaining on employment conditions to legislation; the United States has no labour code or equivalent statute, even at State level. The collective agreements concluded with trade unions (or other forms of worker representation), usually within production units, constitute the essential form of protection and provide most social security. Where there is no such agreement, guarantees depend on the company's personnel policy.

When an American employer decides to recognize a trade union within the enterprise or the establishment and to sign a collective agreement with it, the effect on costs is not negligible since most costs relating to the financing of labour protection and social security are borne by the enterprise. The situation is very different in Continental Europe, where social legislation applies to all units of production; sector collective agreements still have primacy for remuneration and working time; they are often made obligatory, even in unrepresented companies by public procedures of extension. Wages and social costs are therefore not a factor of competition and the risks of social dumping more remote.

The price of social dialogue and its repercussions in terms of competition probably explain the highly conflictual nature of industrial relations in the United States and the amount of labour litigation. The antagonism is further fuelled by the fact that American collective agreements contain clauses enabling workers' organizations to oversee posts and performance. The original aim was to safeguard jobs in the company, and even to reserve them for union members. The employers' reluctance understandably stems from more than financial concern: such clauses limit their customary prerogatives and oblige them to engage in protracted discussion whenever they want to reorganize.

The way in which the American unions see their role highlights the contrast with the European social scene. Focused on the enterprise (or establishment), their main aim remains to defend the direct interests of those of the enterprise 'workers who have joined the union and of other wage-earners in the unit of negotiation concerned. If they seek to have political influence, they use networks, especially at that level, and make election deals with friendly politicians.

In continental Europe, on the other hand, the apprehension people have of work is reflected in institutions that foster, as mentioned above, State intervention in economic and social policies. They are discussed in meetings between the public authorities and the major employers' and workers' confederations. Detailed social legislation is supplemented by social dialogue whose structure is still essentially national and sectoral on important issues. The trade unions speak for all employed, unemployed and underemployed workers. They fiercely defend a sophisticated system of State social protection [2001 Servais: 701-719; 2004 Servais: 35-54; comp. 2004 Rifkin].

3. To take cultural particularisms seriously

Those who counter the contention that the same standards must apply with the right to be different can provoke even greater misunderstandings in that everyone clings to their vision of social relations and the powerful tends to prevail [2004 Dore: 66-67; 2003 Supiot: 118-136; 2005 Supiot: especially 312 and ff; 2003 Jacoby: 43-78]. Those who speak for some cultures often feel those cultures have been overlooked and invoke their specificity to distance themselves from a common rule. Some artist even has added that the modern world is structured as a factory and that its basic rules are production and advertisement, both generating uniformity and fatal tediousness. [2005 Dagen: VII].

The issue is not simple. It calls for concrete answers to the old question of how to ease the tensions brought about the existence of different languages, races, religions and social conduct. There is no one-size-fits-all answer.

As evidence, witness the heated debate that broke out when the United Nations discussed the definition of cultural rights and especially the recognition of minority rights [2004 UNDP: 28]. That debate mirrored another, on whether the individual or the community took precedence in the process of human fulfilment. When the Universal Declaration of Human Rights was being drafted, Canada, the United States and many Latin American countries upheld the right of the individual to participate in the cultural life of the community; India and the countries of Eastern Europe preferred to speak about minority rights. Beyond ideological conflicts, the controversy reflected diffuse fears: of being obliged clearly to delineate the meaning of culture, of upsetting long-lasting practices that were harmful to certain groups, above all of accepting a cultural relativism that could be used to justify violations of fundamental human rights- a fear, as practice has shown, that was well-founded. It was added that the safeguard of

civil and political rights (freedom of religious worship, expression, and association, for example) sufficed to allow everyone to live by their convictions and to respect their cultural traditions.

Agreement was finally reached in 1966: the International Covenant on Civil and Political Rights gives people belonging to ethnic, religious, or linguistic minorities the right, "in community with the other members of their group", to enjoy their own culture, to profess their own religion, or to use own language [Article 27]. More generally, the second Covenant of 1966 on Economic, Social, and Cultural rights, proclaims the right of everyone to take part in cultural life [Article 15].

UNDP nevertheless denounces several tenacious preconceived notions [2004 UNDP: 38 and ff.] : that some cultures are more open to progress than others that cultural diversity will inevitably lead to opposition on questions of values and even constitutes an obstacle to development. Anyone with experience of international work knows how inane such assertions are. They also know, however, that being too respectful of national considerations can lead to failure. Let me repeat that it is a difficult balance to strike.

B. The pitfalls of a purely word to word comparison

The previous pages have shown how much the comparatist is exposed in labour law, like other branches of the law, to many perils. He quickly realizes that his precious terminology, that the categories used to distinguish and classify his rules, that its concepts and legal techniques do not necessarily find correspondence in the country studied [2003 Hyman: 191–208; 2017 Bromwich, Manzella; 2017 Manzella: 344–356]. Beyond the pure difficulties of translation, the same word may have different meanings, other connotations according to cultures; the very concepts vary from one law to another [2019, Manzella, Koch: 58–77; 2014 Blanpain: 3–25].

This is all the more true when the laws belong to different legal families. The very way the standard is worded varies between Common law and Civil Law, as well as the power of the judge and the system of proofs [2015 Vergès, Vial, Leclerc]. Moreover comparative law covers not only legislation, but collective agreements, arbitral awards, jurisprudence and all manifestations of the practice of law, as well as doctrine.

Comparative research therefore requires, beyond the language, an effort to understand foreign thought. Rather than comparing just two legal texts, common problems should therefore be identified. It will then up to the researcher to analyse the various techniques used in different countries to bring a similar or distinct solution.

It is undoubtedly salutary and makes it possible to relativize analyses and interpretations based on its own system. The obstacles should not be overstated. Many bi or multilingual glossaries allow to find its way, even where – supreme danger – the words used are identical, but their meaning is different. The ILO has also contributed, through its conventions and recommendations, to establishing terminology with well-established meanings, at least in English, French and Spanish.

Foreign jurists however, trained at other schools, practise different methods of reasoning, sometimes even, as we have seen, have a dissimilar view of the law in their society. A first section examine the difficulties that arise when comparing laws (I). A second will reflect on the particular problems encountered in the manner to interpret and implement them (II).

1. The comparative methods

The very first question relates to the object of the comparison. It may concern systems of labour law or industrial relations, i.e. sets of rules, in which the reason identifies - sometimes with some artifice - links, a mutual dependence, so that these rules together form a coherent whole. It may collate institutions, i.e. forms, structures of organizations established and assembled by the law. A parallel analysis may also be made of specific or bundled legal provisions.

Systems of law may be compared in their technicalities, in their legal processes or from the point of view of social policy. Difficulties will, however, accumulate in the handling of concepts and in the analysis of the socio-economic environment. Great is the risk of simplifying up the caricature or examining everything through the prism of its own legal order. Similar reasoning applies, although difficulties appear to be less, to the comparison of institutions. The focus should be on their functions more than on their names, as in the case of courts and labour disputes, collective bargaining and agreements, worker participation [1981Schregle], employment services or labour inspection.

The paths of comparative law allow us to bring together not only two or more legal texts dealing with the same or related topics, but the chosen solutions to a given problem, as well as the reasons for these choices. Their foundations are found in the history (social especially here) of the country considered, in the political, economic, social and cultural context, in the respective strength of the various intermediary groups (especially employers' and trade union associations), etc.

The approach therefore leads to the parallelism of not only two rules, two sets of rules, two institutions, but the profound mechanisms of two laws, namely the assumed functions and the determining factors for the creation and development of rules and institutions. Finally, it is the balance of the respective capacities of employers, workers and the State that emerges, a balance always fragile, synthesis or reconciliation whenever it is possible to their inevitably divergent interests.

When the comparison concerns several legislations, when in particular it extends beyond a homogeneous group of countries, international labour conventions and recommendations are both precious instruments of analysis and valuable benchmarks for measuring the degree of correspondence of a given right with generally accepted principles at the universal level. These instruments give the comparison a truly international perspective. It is therefore

not possible, and certainly not desirable, to approach a specific area of comparative labour law without examining the standards and principles developed by the ILO; the standards are contained in the texts voted by the International Labour Conference, the principles established by the ILO bodies responsible for their supervision.

The transfer of foreign rules and their integration

Reality appears thus to be highly complex, consisting of many elements specific to each national culture [1995 Crouch, Traxler: 311 and ff.; 1993 Goetschy: 993–998; comp. 2001 Katz Derbyshire: 681–716]. Comparative labour law remains nevertheless a strong stimulus to reflection and creativity and facilitates the evolution of one's own law. The exercise is especially useful in times of reform, when considering the possibility of transplanting a foreign law and the extent to which it will be done.

The study of other labour laws is a natural attitude for a government or a parliament, especially when a country is faced with unprecedented developments in individual or collective labour relations. Here, as in the other branches of law, history is full of examples of the influence of foreign legislation. It is also good policy, in an integrated framework such as the EU, to look specifically at the law of other Member States before putting into final form a national legislative reform. This is part of the European dynamic.

The influence of foreign rights is exercised in different spheres of national life. Admittedly, the analysis of the relevant provisions is primarily the responsibility of the researchers. Nevertheless, the results of their work concern not only ministers, parliamentarians, political parties and their advisers, but wider circles covering employers' and trade union associations and the judiciary. Therefore, foreign law influences beyond the domestic legal provisions, the sentences of the courts and tribunals (this is often the case in countries that share common law) [see also 2014 Le Quinio: 581–604], the arbitral awards, the collective agreements and the doctrine.

That so many people are interested in foreign labour laws has other consequences. Sometimes, their grip comes less from their actual content than from the knowledge more or less fragmentary, or even partisan one have, or from the interpretation, which can be imprecise or even conveying prejudices, that the given regulation receive. How many simplistic and erroneous analyses have not been made of European systems outside Europe and foreign law on the old continent! A false representation of a system often occurred. There are, it is true, successful and brilliant exceptions.

Moreover, the transfer of a foreign law rarely constitutes a purely technical operation, especially in a field as closely linked to the organization of the live in common as labour. Legislative reform most often has a political purpose. The foreign model, imported voluntarily (or not as it was the case in non-independent territories), is used to solve a national problem, to meet specific national needs. Foreign law may simply serve as an argument in an internal debate.

In other words, it is common for international comparisons here to prove that a provision, a system, has more advantages, not more technical ones-in the sense that they relate to economic facts, social factors, the administration of the country, etc. -but political ones-because they suit the State and its government, that foreign provisions correspond to their approach to social problems, that they help achieve the social balance they want, etc. The approach often comes in support of an evaluation on the merits, which is not criticised in itself, in a process of reviewing one or more regulations. The comparison then involves not only the analysis of two provisions or two systems, but the introduction of a third element, of a value scale to which these provisions, these systems are examined [1994 Simitis: 323–326; 1981 Schregle; 1985 Essenbert: 5 and ff.].

In the absence of any moral or political assessment, the identification of "mediator" concepts also facilitates the comparison, in particular of labour law of largely different inspiration (such as French law and English law). In the development of national laws, we cannot overlook neither the weight of the internationally accepted standards of the ILO [see interesting examples in 1993 Brassey: 139–140; 1993 Deery, Mitchell: 9; 1995 Thirkell, Scase, Vickerstaff: 4, 35 and 177 in particular]. In one century, the ILO has built a body of conventions and recommendations covering most aspects of labour law and social security.

Comparison may lead to identify groups of rules that could be integrated, more or less well, in the country concerned. The choice of models is obviously not unrelated to the economic success of the countries concerned. Investments and commercial goods also appear as factors of weight. In East and Southeast Asia, it is known that the United States, the United Kingdom and Germany have played this role; Japan today exerts on the countries of this region a stronger grip as at the same time a cultural solidarity is affirmed [1993 *Monthly Journal of the Japan Institute of Labour*].

Colonial powers have also transferred partially their legal regime to their non-metropolitan territories. The Trade Union law and the Labour Conflicts Act, introduced in 1926 and 1929 respectively in the Indies, were based on both legal techniques and the conception of industrial relations in the then metropolitan area. Likewise, the influence of France and the United Kingdom on the labour legislation of the African countries which were their non-metropolitan territories remains significant (the fact remains, of course, that these countries did not simply reproduce their law there, but adapted it according to their policies of colonial power [see for example 1996 Panford: 55–79; J]). In the French-speaking ex-colonies, the French overseas code is still the basis of labour law, despite the changes that have sometimes taken place in the wake of structural adjustments.

A transfer of legal rules raises two questions: a) to what extent can one country's law easily transplant into another [see the classical 1974 Kahn-Freund: 1–27; see also 1992 McDonough: 504–530; 1993 Thompson: 109–132]; b) to what extent does the latter have to adapt in its formulation and implementation before applying in the practice of the receiving country [with regard to Japanese law, see 2002 Sugeno: 5–10; 1984 Gould]?

A quite critical issue relates to the so called "policy transfers" in their legal dimension, in particular through the influence of lenders like the World Bank [2017 Hadjiisky, Pal, Walker; 2012 Stone: 483-499; see also 2014 Park, Wilding, Chung]. The OHADA (Organization for the Harmonization of Business Law in Africa) project for the harmonization of African labour law, for example, had given rise to controversies on the subject.

Incorporating is rarely done in a pure, direct and complete manner. Most often, foreign provisions, by being inserted, adapt to the national context and its political, economic, social and cultural components. Most often also the transplant acquires a sort of life of its own and the rules implemented evolve differently in their interpretation and application. Examples abound in labour law, in countries as different as Spain, Japan or Turkey.

2. The implementation practices

A good comparative analysis of legal provisions cannot consider the texts alone. It must take into consideration the manner in which they are put into practice. It must take into account the cultural and economic specificities I have referred to of the countries concerned. A clear distinction must nevertheless be made between legal arguments and those that are purely socio-economic. The latter must not be allowed to serve as a pretext for defending the indefensible and affirming that two laws provide the same solutions when the differences are legally self-evident. The example below illustrates this well. It is taken from the implementation of fundamental rights at work in the former socialist regimes with planned economies in Eastern and Central Europe [2017 Servais, 2: §§ 152–163].

Certain civil liberties are essential if trade unions and employers' organizations are to exercise normally their activities: in addition to freedom of association, these are guaranteed personal safety, freedom of assembly, freedom of opinion and expression, protection from arbitrary interference in the private sphere, etc. As a rule, the constitutions of the countries in question recognized a fair number of these freedoms and their legislation provided for their comprehensive protection in specific texts such as the civil or penal code. Those same regulations nevertheless set conditions for the exercise of those freedoms, for fear that they would be used to thwart the established political, economic and social system. Restrictions allowed the authorities to refuse, for example, the creation of organizations the purpose of which did not correspond to the objectives of building a socialist society.

But who could decide if an activity was or was not in keeping with the interests and promotion of a socialist system? The answer to that question led to queries about the extent of the powers of the Interior Ministry in the absence of jurisdictions in charge of checking the lawfulness and operations of administrations. It also raised questions about the independence of the judiciary, especially since the legal formulas set forth, for example, in the penal code, were general and therefore liable to differing interpretations. In short, what were the limits, if any, to the administration's discretionary power? That power risked being exercised in a particularly discretionary fashion when the administration feared that the existing social order would be disrupted. The executive authorities in countries concerned played an essential role in the interpretation and application of the legal texts on these basic freedoms, and this inevitably led to paralysis and frequent abuse of authority.

Ultimately, in the countries of Eastern and Central Europe the law was considered a means to a certain end, namely the consolidation and development of a socialist society. Legal texts were construed using a teleological method. Indeed, legal scholars in those countries stressed that the recognized rights did not have an abstract content, and that they were to be fulfilled in a real society, that they depended on the economic and social system [1985 Ivanov: especially 383 *et seq.*]. This obviously did not shield the interpreter from subjectivism.

The question resulted in a long controversy about the observation by the USSR and other communist countries of the ILO conventions on the fundamental rights of workers (freedom to form employers' and workers' associations, absence of forced labour, equality of opportunity and treatment in employment).

The governments of those countries long held that the existing economic and social conditions or systems were a factor in the evaluation of the conventions on those rights. They expressed reservations about the opinions of the Committee of Experts on the Application of Conventions and Recommendations (CEACR) on the implementation in their countries of those instruments and reiterated that the real conditions had to be taken into account when examining their application. They held that it was impossible to obtain a clear picture of the organization, functions and rights of trade unions without taking into consideration the economic, political, social and legal structure of the socialist State. In short, they believed that the international labour conventions, which were universal by nature, slotted into differing social realities which could all be in conformity with ILO standards. The methods by which those instruments were made effective in capitalist countries, and the results of their implementation, were not the only ones that were in conformity with the conventions. Opposing views, which they denounced, were in their eyes incompatible with the fundamental principles of international law, which were based on peaceful co-existence.

The majority of the members of ILO's supervisory bodies rejected those arguments. The CEACR, in particular, conceded that differing social realities prevailing in different social and political systems could be in harmony with a given ILO convention and, conversely, that discrepancies between national law or practice and a ratified instrument could clearly arise in countries belonging to one or the other system. It nevertheless emphasized the following point: in assessing national legislation and practice in respect of ILO conventions, its role is to ascertain whether the provisions of a given convention are being applied, no matter what the economic and social conditions in the country concerned. The requirements of that instrument are constant and uniform for all States, subject only to any derogations that the convention itself expressly authorized. In performing its task, the Committee was guided solely by the standards contained in the conventions, although it never lost sight of the fact that the arrangements for their implementation may differ from one State to another. These are international standards, and the way in

which their application is evaluated must be uniform and not affected by concepts derived from a specific social or economic system [1987 ILC: § 20; see also §§ 22–24, 50–52].

Regime changes in these countries have led new governments to accept the argument. The objection has, however, been taken up by a number of developing countries, notably in Asia. They have insisted that the implementation of the conventions must be evaluated flexibly and the socioeconomic context taken into account. ILO's supervisory bodies and a majority of delegations in its governing bodies have refused to see things this way. They acknowledge the dictates of economic progress and the struggle to eliminate poverty, but they also maintain that the austerity policies inevitably adopted had to respect the principles of equity and not oblige the most deprived to bear the burden of development. They further consider that international labour standards are not just admirable but somewhat unrealistic moral concerns, especially in times of crisis. The standards have a meaning, they have a real impact in promoting dynamic and harmonious economic growth. They are also precise legal rules that the States are obliged to respect when they have made the commitment to do so. Hard times are therefore no argument for relaxing their application: although ILO standards are drafted in sufficiently flexible terms that they can be adapted to different levels of development and to different legal, economic or social systems, the same flexibility does not apply when it comes to ascertaining the degree to which a convention is applied in a given country.

In the final analysis, this is a principle of legal interpretation: nothing allows a distinction to be made if the standard to be applied does not make that distinction. Of course, the judge in a criminal case, for example, makes allowances for attenuating circumstances; he does this, however, on the basis of the legal texts authorizing him to do so. The same holds true for all branches of the law. In the case at hand, the majority opinion of the Committee of Experts seems to have won over most of ILO's experts and delegates.

The above observations call for additional comment. A national or international piece of legislation may expressly or indirectly authorize derogations to a common rule in the light of economic and social conditions. This is the case for the 'flexibility' clauses and devices inserted in ILO conventions to enable above all developing States to make the convention effective gradually and in time with their economic progress. Consideration of these factors is in those cases a function of the texts analysed. In the best cases, those texts stipulate clearly who can assess the circumstances, to what extent and with what effect.

Comparing legal regulations therefore presupposes knowledge of the tools or techniques which make it possible to identify shared values enshrined in law on the abstract level, but to articulate them to their concrete realization through a process of interpretation and implementation, in each legal order, in other words to associate unity and plurality. A focus on national peculiarities and their linguistic expression has limits: cultural identity encompasses individual's belonging and...bars him, by the risk of being seen as a traitor, from doubt, irony, and reason, anything that detach him from the collective matrix [1987 Finkelkraut]. The problematic was the object of the preceding lines. The dialectic of the common and the particular directs the sense of comparative research and the success of its results.

References

1. Albert M. *Capitalism Against Capitalism*, London, Whurr, 1993.
2. Ales E., Senatori I. (eds.), *The Transnational Dimension of Labour Relations. A New Order in the Making?*, Turin, Giappichelli Editore, 2013.
3. Gordon M.-E. and Turner L. (eds.): *Transnational Cooperation among Labor Unions*, ILR Press (Ithaca, NY), 2000.
4. Alston Ph. (ed.), *Labour Rights as Human Rights*, Oxford University Press, 2005.
5. Andersen S. K., Dølvik J. E., Lyhne Ibsen Ch. *Nordic labour market models in open markets*, Report 132, Brussels, ETUI, 2014.
6. Annaba W. *Trade Union movement in Africa: promise and performance*, New York, St Martin's Press, 1979.
7. Arrowsmith J., Marginson P. The European Cross-border Dimension to Collective Bargaining in Multinational Companies, *The European Journal of Industrial Relations*, vol. 12, n° 3, 2006, pp. 245–266.
8. Austen S. *Culture and the labour market*, Cheltenham, Edward Elgar, 2003.
9. Avdagic S., Rhodes M., Visser J. (ed.), *Social Pacts in Europe : Emergence, Evolution and Institutionalization*, Oxford University Press, 2011.
10. Bachelard G. *La poétique de l'espace*, Paris, Quadrige/PUF, 2004, p. 26 (English version: *The Poetics of Space*, London, Penguin Books, 2014).
11. Bauer J., Bell D. A. (eds.), *The East Asian challenge for human rights*, Cambridge University Press, 1999.
12. Bayat, *Social Movements, Activism and Social Development in the Middle East*, Working paper (Civil Society and Social Movements, Programme paper no3), Geneva, UNRISD, 2000.
13. Belloni M. C. and Bambi F. (eds), *Microfisica della cittadinanza. Città, genere, politiche dei tempi*, Milan, Franco Agnelli, 1997.
14. Bevort, A. Jobert, *Sociologie du travail. Les relations professionnelles*, Paris, A. Colin, 2011, pp. 209–210 and 243.
15. Blanpain R. Comparativism in labour law and industrial relations. R. Blanpain (ed.), *Comparative Labour Law and Industrial Relations in Industrialized Market Economies*, 11th edition, Deventer, Kluwer, 2014, p. 3–25.
16. Bomba K. Sindicalismo en el este y en el centro de Europa, el ejemplo de Polonia, *Revista internacional y comparada de relaciones laborales y derecho del empleo*, Vol. 2 (4), October – December 2014, p. 76–78.
17. Bontiglioli S. and Mareggi M. (eds), *Il tempo e la città fra natura e storia. Atlante di progetti sui tempo della città, Urbanistica Quaderni*, 1997, no 12.
18. Boucheron P. (ed.), *Histoire du monde au XV^{ème} siècle*, Paris, Fayard, 2009.
19. Bramble T., Barchiesi F. *Rethinking the Labour Movement in the "New South Africa"*, Ashgate, Aldershot, 2003.

20. Brassey M. ... Something new, something borrowed ...: Comparative labour law in South Africa. Blanpain R. and Weiss M. (eds.), *The Changing Face of Labour Law and Industrial Relations*, Liber Amicorum Clyde W. Summers, Nomos Verlagsgesellschaft, Baden-Baden, 1993, p. 139–140.
21. Bromwich W., Manzella P. Shock absorbers, tax wedges and white resignations: language challenges in comparative industrial relations, *The Translator*, 2017, 1757-0409 (Online) Journal homepage. – URL: <http://www.tandfonline.com/loi/rtrn20>
22. Bronstein, *International and Comparative Labour Law: Current Challenges*, Basingstoke, Palgrave MacMillan, 2009, p. 207–212.
23. Buarque de Holanda S., *Raízes do Brasil*, São Paulo, Companhia dos Letras, 26^e éd., 1995.
24. Caraway T. L. Protective repression, international pressure, and institutional design: explaining labor reform in Indonesia. *Studies in Comparative International Development*, autumn 2004, vol. 39 (3). p. 28–49.
25. Caruso B. Decentralised social pacts, trade unions and collective bargaining: How labour law is changing, Mario Biagi, *Towards a European Model of Industrial Relations. How Labour Law is Changing*, 2001, The Hague, Kluwer, p. 193–224.
26. Committee on Monitoring International Labor Standards, *Monitoring International Labor Standards. Techniques and Sources of Information*, Washington DC, The National Academies Press, 11 mai 2004, in particular pp. 224 et ss.
27. Cossentino F., Pyke F., Sengenberger W. *Local and regional response to global pressure: the case of Italy and its industrial districts*, Geneva, International Institute for Labour Studies, 1996.
28. Crouch C., Traxler F. (eds.). *Organized Industrial Relations in Europe: What Future?* (Aldershot, United Kingdom), Avebury, 1995, pp. 311 et ss.
29. Dagen Ph., *Le Monde* May 8, 2005, p VII.
30. Davezies Ph., *Individualisation of the work relationship: a challenge for trade unions*, Brussels, ETUI Policy Brief (European Economic, Employment and Social Policy), N° 3/2014.
31. Deery S. and Mitchell R. (eds.). *Labour Law and Industrial Relations in Asia. Eight Country Studies*, Melbourne, Longman Cheshire, 1993.
32. Donzelot J. Le social et la compétition, *Esprit*, November 2008, p. 51–77.
33. Dore R. *New forms and meanings at work in an increasingly globalized world* (ILO Social policy lectures, Tokyo, 2003), Genève, Institut international d'études sociales, 2004, p. 66–67.
34. *Droit social* issue on “L'argent, les syndicats et les élus du personnel”, no 9, September 2014, p. 692–759.
35. *Esprit*, special issue of on “A quoi sert le social?”, March-April 1998.
36. Essenbert B. *The interaction of industrial relations and the political process in selected developing countries of Africa and Asia. A comparative analysis* (Geneva), International Institute for Labour Studies, 1985, p. 5 and ff.
37. European Commission, *Guidance on community-led local development for Local actors*, Brussels, 2014.
38. Eurostat, IMF, OECD, UN, UNCTAD, WTO, *Manual on Statistics of International Trade in Services*, 2002, Geneva, Luxembourg, New York, Paris, Washington, D.C., 2002, Annex II, Glossary.
39. Fabiani J.-L. Contestations politiques et nouvelles prises de paroles, *Esprit*, n°413, March-April 2015, p. 165–177.
40. Fashoyin T., Mantanni S., Democracy, Labour and Development: Transforming industrial relations in Africa, *Industrial Relations Journal*, vol. 27, n° 1, March 1996, pp. 38–49.
41. Fine J. Alternative labour protection movements in the United States: Reshaping industrial relations?, *International Labour Review*. 2015, Vol. 154/1.
- A. Finkelkraut, *La défaite de la pensée*, Paris, Gallimard (NRF), 1987, p. 165.
42. Finkin M. and Mundlak G. (eds.), *Comparative Labor Law*, Cheltenham, E. Elgar, 2015.
43. Frege C. The discourse of industrial democracy: Germany and the U.S. revisited, *Economic and Industrial Democracy*, vol. 26 (1), February 2005, pp. 151–175.
44. Gardin L., Laville J. L. Les initiatives locales en Europe, *Travail et Emploi*, no 81, January 2000, p. 53–66.
45. Gaspar S., Warnke H., Loga-Sowinski I., Danalache F. Les syndicats dans les pays socialistes, *Nouvelle Revue internationale* (Paris), vol. 13(7), July 1970, p. 148–162.
46. Geddes M. *Local partnership: a successful strategy for social cohesion?* Dublin, European Foundation for the improvement of living and working conditions, 1998.
47. Gelot D. Travailleurs pauvres et syndicalisme. L'exemple américain, *Droit social*, n°6, June 2010, p. 615–622.
48. Ghorra-Gobin C. Mondialisation et globalisation, *Géocoïnfluences*, décembre 2017. – URL: <http://geoconfluences.ens-lyon.fr/informations-scientifiques/a-la-une/notion-a-la-une/mondialisation-globalisation>
49. Giguère S. (ed.), *More than just Jobs: Workforce Development in a Skills-Based Economy*, Paris, OECD, 2008.
50. Goetschy J. Les relations professionnelles en Europe dans les années 1990: convergences ou diversification accrue?, *Droit social*, n° 12, Dec. 1993, p. 993–998.
51. Goldschmidt R., Strapazzon C. L. La hermenéutica responsable y su papel en la protección y promoción del derecho fundamental al trabajo digno: el caso de la nueva redacción del inciso iii de la súmula 244 del tribunal superior del trabajo, *Revista general de derecho del trabajo y seguridad social*, no 39, december 2014.
52. Gould W. *Japan's Reshaping of American Labor Law* (Cambridge, Mass.), The MIT Press, 1984.
53. Gruzinski S. *Les quatre parties du monde. Histoire d'une mondialisation*, Paris, La Martinière, 2004, p. 359–377.
54. Hantrais L. Vers une mixité méthodologique en comparaisons internationales, Barbier J. C. and Letablier Th. M. *Social Policies. Epistemological and Methodological Issues in Cross-National Comparison*, Berlin, Peter Lang, 2006, p. 271–289.
55. Hadjiisky M., PalL. A., Walker Ch. (eds.) *Public Policy Transfer. Micro-Dynamics and Macro-Effects*. Cheltenham, Edward Elgar, 2017.
56. Harpaz B., Honig P. Coetsier, A cross-cultural longitudinal analysis of the meaning of work and the socialization process of career starters, *Journal of World Business*, vol. 37(4), winter 2002, p. 230–244.
57. Hofstede G. *Culture's consequences*, Londres, Sage, 2^d ed. 2001.
58. Hyde, “Who Speaks for the Working Poor?”, A Preliminary Look at the Emerging Tetralogy of Representation of Low-Wage Service Workers” *Corn. J.L. & Pub. Pol'y*, 2004, 13, p. 599.
59. Hyman, R. *Words and things: The problem of particularistic universalism*, Barbier, J-C, Letablier, M. T. (eds.) *Comparaisons internationales des politiques sociales, enjeux épistémologiques et méthodologiques/Cross-national Comparison of Social Policies: Epistemological and Methodological Issues*, PIE-Peter Lang, Brussels, 2005, p. 191–208.

60. Hyman R., Dufresne A. (eds.) Transnational Collective Bargaining, special issue, *European Journal of Industrial Relations*, vol. 18(2), June 2012.
61. *Industrial and Labor Relations Review*, Vol. 54(3), April 2001.
62. ILC, 73rd session (Geneva, 1987): *Report of the Committee of Expert for the application of Conventions and Recommendations*, report III (Part 4A) (Geneva, ILO), 1987.
63. ILO, *Trade Union Rights in the USSR*, ILO, Geneva, 1959.
64. ILO, *The trade union situation and industrial relations in Hungary*, Geneva, ILO, 1984.
65. ILO, *Compilation of decisions of the Committee on Freedom of Association*, 6th ed. Geneva, 2018. – URL: <http://www.ilo.org/dyn/normlex/en>,
66. ILO, Labour standards/ Countries profiles. – URL: <http://www.ilo.org/global/standards/lang--en/index.htm>2020.
67. Ivanov S. A. Sur les études comparatives en droit du travail, *Revue internationale de droit comparé*, No. 2, April–June 1985, especially p. 383 et seq.
68. Jacoby S. American Exceptionalism Revisited: The Importance of Management, in S. Jacoby (ed.), *Masters to Managers: Historical and Comparative Perspectives on American Employers*, New York, Columbia University Press, 1991.
69. Jacoby S. Economics ideas and the Labor Market: origins of the Anglo-American model and prospects for global diffusion, *Comp. Lab Law Pol. Journal*, vol. 25(i), autumn 2003, p. 43–78.
70. Kahn-Freund O. On uses and misuses of comparative law, *The Modern Law Review*, vol. 37, n° 1, Jan. 1974, p. 1–27.
71. Katz H. C. O. Darbshire, *Converging Divergences: Worldwide Changes in Employment Systems*, Ithaca, ILR – Cornell University Press, 2000.
72. Labour standards/ Countries profiles. – URL: <http://www.ilo.org/global/standards/lang--en/index.htm>.
73. *Compilation of decisions of the Committee on Freedom of Association*, 6th ed. Geneva, 2018. – URL: <http://www.ilo.org/dyn/normlex/en>
74. Lalande, *Vocabulaire technique et critique de la philosophie*, Paris PUF, 1962, p. 998.
75. Lenin V. I. The role and functions of the trade unions under the new economic policy, Collected work, vol. 33, Moscow, Progress Publishers, 1966, p. 184–196.
76. Quinio Le Le recours aux précédents étrangers par le juge constitutionnel français, *Revue internationale de droit comparé*, vol 2, 2014, p. 581–604.
77. Lipset S. M. and Meltz N. M. Canadian and American attitudes towards work and Institutions, *Perspectives on Work* (The IRRA's 50th Anniversary Magazine), Vol. 1(3), December 1997, p. 14–19.
78. Mainland M. Networks, training and tripartism in active labour market policy: the case of Denmark, *Congress Proceedings*, vol. 3, Bologna, Sinnea, 1998, p. 295–296.
79. Manzella P., Koch K. (2019), A New Approach: The Incorporation of Culture, Language and Translation Elements in Comparative Employee Relations, K. Koch and P. Manzella (eds.) *International Comparative Employee Relations. The Role of Culture and Language*, E. Elgar, Cheltenham, 2019, p. 58–77.
80. Manzella P. Multilingual translation of industrial relations practices in official EU documents: the case of Italy's Cassa Integrazione Guadagni, *Perspectives. Studies in Translation Theory and Practice*. – URL: <http://dx.doi.org/10.1080/0907676X.2017.1347190>, 2017, p. 344–356.
81. Martin G. Ross (eds.), *Euros and Europeans: Monetary integration and the European model of society*, Cambridge, Cambridge University Press, 2004.
82. McBride J. and Greenwood I. (eds.), *Community Unionism: A Comparative Analysis of Concepts and Contexts*, London, Palgrave MacMillan, 2009.
83. McCane Lindsey S. The problem of American Cooperation, Shotwell J. T. (ed.), *The Origins of the International Labor Organization*, New York, Columbia University Press, 1934.
84. McDonough L. M. The transferability of labor law: Can an American transplant take root in British soil?, *Comparative Labor Law Journal*, vol. 13, n° 4, summer 1992, p. 504–530.
85. McKullum J. K. *Global Unions, Local Power: The New Spirit of Transnational Labor Organizing*, Cornell University Press, ILR Press, 2013.
86. Meardi G. *Understanding Trade Union Cultures, Industrielle Beziehungen / The German Journal of Industrial Relations*, 2011, vol 18 (4), p. 336–345.
87. *Monthly Journal of the Japan Institute of Labour*, special issue: The influence of foreign law on union rights policies in Asian countries, vol. 35, n° 9, sept. 1993.
88. Montesquieu, *The spirit of Law*, (J.-V. Prichard translation) London, J. Bell & Sons Ltd, 1914, p. 14–24.
89. Mulder J. *Social legitimacy in the internal market: a dialogue of mutual responsiveness*, Oxford, Hart Publishing, 2018.
90. Müller H. P. Travail, profession et vocation. Le concept de travail chez Max Weber, Mercure D. et Spurk J., *Le travail dans l'histoire de la pensée occidentale*, Presses Universitaires de Laval, Québec, 2003.
91. Myant M. and Smith S. Czech Trade Unions in Comparative Perspective, *European Journal of Industrial Relations*, vol. 5(3), 1999, p. 265–285.
92. Nakamura K., Nitto M. Organizing Nonstandard Workers in Japan: Old players and New players, Stone K.V.W. and Arthur H. (eds.), *Rethinking Workplace Regulation: Beyond the Standard Contract of Employment*, New York, Russell Sage Foundation, 2013 p. 253–270.
93. Neergaard U., Nielsen R. Blurring boundaries: From the Danish Welfare State to the European Social Model?, *European Labour Law Journal*, vol. 1, n° 4, 2010, p. 434–488.
94. OECD, LEED Forum on Partnerships and Local Governance, Austria, Belgium, France, Germany, etc. 2009. – URL: <https://www.oecd.org/austria/5thannualmeetingoftheoecdleedforumonpartnershipsandlocalgovernanceviennaustria.htm>
95. OECD (Labour Management Programme), *The role of trade unions in local development*, Paris, 1997.
96. Ontiveros M. L. A New Course for Labour Unions : Identity-Based Organizing as a Response to Globalization, Conaghan J., Fischl R. M., Klare K., *Labour Law in an era of globalization. Transformative practices and possibilities*, Oxford University Press, 2002, p. 417–428.
97. Pagell M., Jeffrey P. Katz, Chwen Sheu, The importance of national culture in operations management research, *International Journal of Operations & Production Management*, Vol. 25 Issue: 4, 2005, p. 371–394.

98. Panford K. The evolution of workers' rights in Africa: The British colonial experience, *Boston University International Law Journal*, vol. 14, n° 1, spring 1996, p. 55–79.
99. Papadakis K. *Shaping Global Industrial Relations. The impact of International Framework Agreements*, Basingstoke, Palgrave MacMillan, 2011.
100. Park C., Wilding M., Chung Ch. "The importance of feedback: Policy transfer, translation and the role of communication", *Policy Studies*, vol. 35(4), January 2014.
101. Phelan C. *Trade Unions in West Africa. Historical and Contemporary Perspectives*, Berlin, Peter Lang, 2011.
102. Pyke F., Beccatini G., Sengenberger W. (eds.), *Industrial districts and inter-firm cooperation in Italy*, Geneva, International Institute for Labour Studies, 1990.
103. Rifkin J. *The European Dream. How Europe's Vision of the Future is Quietly Eclipsing the American Dream*, New York, Jeremy P. Tarcher/Penguin, 2004.
104. Roche S. *Pobreza no Brasil. A final de que se trata ?*, Rio de Janeiro, Editorial FGV, 2003.
105. Roche W. K. Social Partnership in Ireland and New Social Pacts, *Industrial Relations: A Journal of Economy and Society*, Vol. 46 (3), July 2007, p. 395–425.
106. Sciarra S., Fuchs M., Sobczak A. *Towards a Legal Framework for Transnational Company Agreements*, Brussels, European Trade Union Confederation, 2014.
107. Schneider S. C. Barsoux J. L. *Managing across cultures*, London, Prentice Hall (F.T.), 2d ed., 2003.
108. Schregle J. Comparative Industrial Relations: pitfalls and potential, *International Labour Review*, vol. 120, Jan.-Feb. 1981, n° 1.
109. Schregle J. *Negotiating development. Labour relations in Southern Asia*, Geneva, ILO, 1982, p.184.
110. Servais J.-M. *Droits en synergie sur le travail. Eléments de droits international et comparé du travail* (Brussels), Bruylant, 1997.
111. Servais J.-M. (ed.), Industrial Relations, democracy and social stability, *World Labour Report 1997–98*, Geneva, 1997.
112. Servais J.-M. Quelques réflexions sur un modèle social européen, *Relations industrielles/Industrial Relations*, vol. 56(4), 2001, p. 701–719.
113. Servais J.-M. Universal labor standards and national cultures, *Comparative Labor Law and Policy Journal*, Vol. 26, No. 1, autumn 2004, p. 35–54.
114. Servais J.-M. *Droit social de l'Union européenne*, 3rd edition, (Brussels), Bruylant, 2017.
115. Servais J.-M. *International Labour Law*, 5th ed., Alphenaan den Rijn, Kluwer, 2017.
116. Simitis S. Denationalizing labour law: The case of age discrimination, *Comparative Labor Law Journal*, vol. 15, n° 3, spring 1994.
117. Stone D. Transfer and translation of policy, *Policy Studies*, vol. 33(6), 2012, p. 483–499.
118. Stone K. V. W. The Decline of the Standard Contract of Employment in the United States: A Socio-Regulatory Perspective, Stone K. V. W. and Arthur H. (eds.), *Rethinking Workplace Regulation: Beyond the Standard Contract of Employment*, New York, Russell Sage Foundation, 2013.
119. Stone K. V.W. *Green shoots in the labour market: A cornucopia of social experiments*, Geneva, ILO, 2013.
120. Sugeno K. *Japanese Employment and Labor Law*, Durham, Carolina Academic Press, 2002, p. 5–10.
121. Gould W. *Japan's Reshaping of American Labor Law*, Cambridge (Mass.), The MIT Press, 1984.
122. Sugeno K. *Japan Employment and Labor Law* Durham, Carolina Academic Press, 2002.
123. Supiot, The labyrinth of Human Rights, *New Left Review*, mai-juin 2003.
124. Supiot, *Homo Juridicus. Essai sur la fonction anthropologique du droit*, Paris, Seuil, 2005.
125. Taylor, Ch. Kai, Li Qi, *Industrial Relations in China*, Cheltenham, Edward Elgar, 2003;
126. Thirkell J., Scase R., Vickerstaff S. (eds.). *Labour Relations and Political Change in Eastern Europe. A Comparative Perspective*, London, University College London, 1995.
127. Thompson Cl. Borrowing and bending: The development of South Africa's unfair labour practice jurisprudence, Blanpain R. and Weiss M. (eds.): *The Changing Face of Labour Law and Industrial Relations*, Liber Amicorum Clyde W. Summers (Baden-Baden), Nomos Verlagsgesellschaft, 1993, p. 109–132.
128. Trócsanyi L. *Fundamental problems of Labour Relations in the Law of the European Socialist Countries*, Budapest, Akadémiai Kiado, 1986.
129. UNDP, *Human Development report 2004, Cultural liberty in today's diverse world*, New York, 2004.
130. Vandermeersch L. Ce que la Chine nous apprend sur le langage, la société, l'existence, Paris, Gallimard, 2019.
131. Vergès É., Vial G., Leclerc O. *Droit de la preuve*, Paris, PUF, 2015.
132. Waterman P. *Globalization, social movements and new internationalisms*, New York, N.Y.: Continuum, 2001.
133. Weber M. *The protestant ethic and the Spirit of capitalism*, (translation), London, Taylor & Francis Ltd, 2001.
134. Weil S. *L'enracinement*, Paris, NRF/Gallimard (Idées), 1949, p. 61, 128.
135. Weiss M. Convergence and /or Divergence in Labor Law systems? A European perspective, *Comparative Labor Law and Policy Journal*, vol 23 (3), 2006, p. 469–486.
136. Zahraa M. Characteristic features of Islamic law : Perceptions and Misconceptions, *Arab Law Quaterly*, 2000, p. 168 and ff.
137. Jahel S. Les droits fondamentaux en pays arabo-musulmans, *Revue internationale de droit comparé*, Oct-Dec. 2004, p 795.

Е. И. Стефановская

Минск, Республика Беларусь

СПЕЦИФИКА ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА В СПОРТИВНОЙ ОТРАСЛИ

E. I. Stefanovskaya

Minsk, Republic of Belarus

PECULIARITIES OF LEGAL TRANSLATION IN SPORTS

Аннотация. Исследуется место спортивного перевода в современном переводоведении. Впервые представлена классификация подтипов спортивного перевода. Рассматриваются основные способы перевода документов в спортивной отрасли (договоры аренды игроков, трудовые соглашения спортсменов, меморандумы о проведении международных соревнований и др.).

Ключевые слова: перевод, юридический перевод, спортивный перевод, спортивный дискурс, спортивная риторика, спортивная коммуникация, переводческие трансформации.

Abstract. The article considers the place of sports translation in modern translation studies. The author presents a classification of sports translation subtypes. The main ways of translating legal documents in sports industry (such as players' agreements, loan agreements, event hosting agreements, etc.) are analyzed.

Keywords: translation, legal translation, sports translation, sports discourse, sports rhetoric, sports communication, translation transformations.

В XXI веке знаменитая фраза основателя современного олимпийского движения Пьера де Кубертена «О, спорт! Ты – мир!» подтверждает и укрепляет свою вечную актуальность. Одной из основных целей спорта является сближение представителей разных стран, континентов, рас, вероисповеданий вследствие присущей ему глобальности воздействия, героизации чемпионов, продвижения общечеловеческих ценностей и идеалов. Спорт давно вышел за рамки собственно спортивной сферы и все активнее проникает в иные сферы деятельности общества.

Сегодня все чаще звучит мнение о том, что спорт – это чистой воды политика, что, несомненно, вызвано целым рядом причин: 1) достижения спортсменов и проведение спортивных мероприятий на территории той или иной державы способствуют формированию и становлению ее имиджа на международной арене; 2) активизация допинг-скандалов с участием представителей разных стран и поиск путей их разрешения; 3) тенденция смены спортивной карьеры на политическую многими спортсменами после ухода из большого спорта и пр. Очевидно, что спорт и политика давно продолжают свое функционирование не параллельно друг другу, а в режиме тесной интеграции.

Подобное взаимопроникновение сфер деятельности наблюдается и в отношении спорта и юриспруденции. В цивилизованном обществе ни одна отрасль не способна полноценно функционировать без надлежащего юридического сопровождения, и спорт не является исключением. Многочисленные меморандумы о проведении соревнований, трансферные договоры, представление интересов спортсменов и спортивных федераций в суде и многие другие процедуры – все это не представляется возможным без сотрудничества со служителями Фемиды.

Несомненно, можно обнаружить точки соприкосновения спорта и методики воспитания, культурологии, медицины, социологии, а также лингвистики. Именно это взаимодействие и оказалось в фокусе внимания в рамках данного исследования.

Лингвистика уже давно вышла за рамки ее традиционного определения как науки о языке. Сегодня лингвистика – это вспомогательный инструмент, своего рода мост между целым рядом наук и социумом, ведь именно в ее рамках происходит изучение того, как функционируют все отрасли деятельности человека с точки зрения коммуникации. Можно полагать, что именно это способствовало столь стремительному развитию такого лингвистического направления как дискурсология, представители которой и занимаются исследованием тенденций всех типов коммуникаций, среди которых обнаруживается и спортивная.

В современной лингвистике выделено «коммуникативное поле, посвященное спорту, которое именуется спортивным дискурсом или спортивной риторикой» [Стефановская 2019 : 272]. В рамках спортивного дискурса выявляются основные тенденции развития спортивной коммуникации в современном мире, осуществление которой, в силу ее международного характера, невозможно без перевода.

Спортивный перевод – это особый вид специального перевода, который подразумевает интерпретацию смысла речи или текста по спортивной тематике с одного языка на другой. Спортивная коммуникация сегодня – это не только собственно спорт, но также и отдельные аспекты маркетинга, права, медицины, PR и рекламы, искусства и пр. Эта тенденция находит свое отражение и в требованиях к современному спортивному переводчику, который, помимо знаний спортивной терминологии и сленга, должен обладать как минимум базовыми знаниями в перечисленных выше областях.

В связи с подобного рода разнообразием направлений спортивного перевода предлагаем выделять его следующие подвиды:

1) **собственно спортивный перевод:** перевод терминологии и сленга в рамках летних и зимних видов спорта, соревнований, тренировочных процессов и пр.;

2) **спортивный перевод в сфере маркетинга и рекламы:** перевод каталогов спортивной продукции, буклетов, рекламных материалов и продукции, брошюр, баннеров и пр.;

3) **юридический спортивный перевод:** перевод спортивной документации, договоров, переговоров со спортивными адвокатами и менеджерами, судебных постановлений, спортивной и сопроводительной документации, отчетных документов, регламентов и положений о проведении соревнований, деловых контрактов спортсменов и спонсорских соглашений, справок и спортивных заявок, уставов спортивных организаций, перевод и сопровождение юридических сделок по трансферу игроков и пр.;

4) **технический спортивный перевод:** перевод инструкций по монтажу и эксплуатации спортивного снаряжения, экипировки, оборудования, строительных чертежей, сопроводительных инструкций к снаряжению и тренажерам и пр.;

5) **медиаспортивный перевод:** перевод спортивных статей, интервью и новостей, спортивных интернет-блогов и порталов, пресс-релизов, публичных заявлений, перевод комментаторов спортивных мероприятий и спортивных трансляций и пр.;

6) **бытовой спортивный перевод:** перевод общения спортсменов и их тренеров между собой, с журналистами, спонсорами и пр., во время зарубежных соревнований и мероприятий, во время тренировочного процесса, лингвистическое сопровождение в рамках спортивных мероприятий и пр.

В рамках данного исследования особое внимание уделяется юридическому спортивному переводу, без которого, бесспорно, не является возможным проведение ни одного национального или международного старта. Целью исследования было выявление следующих особенностей.

1) Особенности перевода наименований правовых документов в сфере спорта.

Нами были проанализированы 30 наименований и выявлены следующие способы перевода названий документов в спортивной отрасли:

а) **сочетание трансформаций «калькирование + замена части речи»** (11 примеров из 30; 36,7 % от общего числа):

Employment Contract – *трудовой договор* (замена существительного *employment* на прилагательное *трудовой*);

International Transfer Certificate – *международный трансферный сертификат* (замена существительного *transfer* на прилагательное *трансферный*);

б) **сочетание трансформаций «добавление + перестановка»** (13 примеров из 30; 43,3 % от общего числа):

Loan Agreement – *трансферный контракт на условиях «аренды»* (добавление слов *трансферный* и *на условиях*; перестановка слов *контракт* и *аренда* по отношению друг к другу в переводе);

Tournament Hosting Agreement – *договор на проведение турнира (добавление предлога на; перестановка компонентов сочетания по отношению друг к другу в переводе)*;

в) **сочетание трансформаций «модуляция + добавление»** (4 примера из 30; 13,3 % от общего числа):

Appearance Contract – *договор о личном появлении на публике* (добавление слов *о, личном, на публике*);

Sponsorship Contract – *договор о предоставлении спонсорской поддержки* (добавление слов *о, предоставление, поддержка*; замена существительного *Sponsorship* на прилагательное *спонсорская*; стоит отметить, что в данном примере обнаруживается и применение трансформации перестановка: изменение положения слов *договор* и *спонсорской* по отношению друг к другу в переводе);

г) **сочетание трансформаций «модуляция + опущение»** (2 примера из 30; 6,7 % от общего числа):

Representation Contract between Agent and Player – *агентский договор/ договор спортивного агентирования* (опущение лексем *between, and, player*).

2) Особенности перевода основных пунктов трудовых контрактов спортсменов.

Нами были проанализированы 15 трудовых договоров баскетболистов, футболистов и хоккеистов и обнаружены следующие способы перевода основных пунктов данных документов.

а) **опущение:**

general information about the Player and the Club – *основная информация об игроке и клубе* (опущение артиклей *the*);

date of birth – *дата рождения* (опущение предлога *of*);

health insurance – *страхование* (опущение слова *health*);

б) **перестановка:**

Player's obligations and tasks – *обязательства и задачи игрока* (перестановка слова *player's*);

player's pre-payments and salaries – *предоплата и зарплата игрока* (перестановка слова *player's*);

payment dates – *сроки оплаты* (перестановка слов *payment* и *dates* по отношению друг к другу в переводе);

extra payments for achieving club's targets – дополнительные оплаты за достижение целей клубов (перестановка слов *club's* и *targets* по отношению друг к другу в переводе);

в) добавление:

including/ excluding tax – включая/ не включая уплату налогов (добавление слова *уплата*);

benefits – компенсационные выплаты/ материальные выплаты (добавление слова *компенсационные/ материальные*);

medical assistance during the contract – медицинская помощь на срок действия договора (добавление слова *действия*);

duration – срок действия договора (добавление слов *срок* и *договор*);

termination – расторжение договора/ прекращение действия договора (добавление слов *договор*);

assignment – передача прав по настоящему договору (добавление слов *по настоящему договору*);

г) замена частей речи:

bank accounts – банковские реквизиты (замена существительного *bank* на прилагательное *банковские*);

including/ excluding tax – включая/ не включая уплату налогов (замена причастий *including/ excluding* на дееспричастия *включая/ не включая*);

extra payments for achieving club's targets – дополнительные оплаты за достижение целей клубов (замена герундия *achieving* на существительное *достижение*);

д) калькирование:

bank accounts – банковские реквизиты

prohibited substances – запрещенные вещества.

Юридический спортивный перевод, как особый подвид спортивного перевода, требует от переводчика не только базовых знаний стратегий перевода и переводческих трансформаций, но и фоновых знаний юриспруденции. Было обнаружено, что при переводе юридических документов используется весь арсенал лексических, грамматических и лексико-грамматических переводческих трансформаций, что, несомненно, обуславливает необходимость их изучения в процессе овладения любым видом перевода, в том числе и спортивным.

Библиографический список

1. Стефановская, Е. И. Образ ратора как основного коммуниканта в современном спортивном массмедиадискурсе / Е. И. Стефановская // Международная журналистика – 2019: евразийско-атлантическое партнерство и медиа : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 21 февр. 2019 г.) / редкол.: Б. Л. Залесский (отв. ред.) [и др.] ; Белорус. гос. ун-т. – Минск : БГУ, 2019. – С. 272–275.

О. И. Уланович

Минск, Беларусь

ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЛОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ: ЯЗЫК СОВРЕМЕННЫХ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ И ИХ ПЕРЕВОД

O. I. Ulanovich

Minsk, Republic of Belarus

DISCOURSE CHARACTERISTICS OF BUSINESS DOCUMENTS: THE LANGUAGE OF MODERN BUSINESS DOCUMENTS AND THEIR TRANSLATION

Аннотация. Деловой документ как один из важнейших жанров современной деловой коммуникации анализируется с позиции дискурсивности, что позволяет выявить его стратегическую и прагматическую направленность, заключающуюся в объективации в документе деонтической модальности, которая в свою очередь в тексте представлена языковыми конструкциями, относящимися к лингвистическим категориям дебитивной и императивной модальности.

Ключевые слова: деловой документ, деонтическая модальность, дебитивная и императивная модальность, интенциональность языка делового документа, коммуникативная стратегия.

Abstract. Business document as one of the most important genres of modern business communication is analyzed within discourse theory, which made it possible to reveal its strategic and pragmatic features, presented in the document as elements of deontic modality. Deontic modality in its turn is manifested in the text of the document in language constructions that belong to the linguistic categories of debitive and imperative modality.

Keywords: business document, deontic modality, debitive and imperative modality, intentionality of language of business document, communicative strategy.

Динамика интеграционных процессов в эпоху глобализации требует решения коммуникативных задач широкого спектра в различных областях человеческой деятельности. В связи с этим деловая коммуникация, некогда сводимая к административно-регулятивным функциям в бизнес среде, сегодня выходит за пределы сугубо рыночных отношений, и становится поставщиком моделей речевого взаимодействия во всех областях социальной активности и на всех уровнях: локальном, региональном, глобальном. По сути, воплощаемый в деловой коммуникации языковой формат интеракции является, в целом и общем, базовой моделью для обеспечения взаимодействия в экономике, политике, образовании, областях права и международных отношений, туризме, спорте, киноиндустрии и т.д.

Под *деловой коммуникацией* мы предлагаем понимать процесс взаимодействия деловых партнеров, направленный на социально-административную организацию и оптимизацию совместной предметной деятельности субъектов, а также процессы информирования, администрирования и регулирования, способствующие такой оптимизации [Уланович, Зайцева 2019 : 210]. Как своего рода мастерство деловая коммуникация предполагает дискурс-компетентность личности, определяемую нами как знание сущностной стороны определенной сферы социального континуума, объективированной в том или ином дискурсе (политическом, экономическом, образовательном, правовом и т.д.), и коммуникативную компетентность. Коммуникативная компетентность – умения личности налаживать и поддерживать партнерские и паритетные отношения и владение широким спектром жанров и форм общения в деловой среде (деловая беседа, деловые переговоры, деловые совещания и собрания, интервью, общественные мероприятия, публичные выступления, устные и письменные распоряжения, комментарии, консультации, прием посетителей и гостей, выставки и конференции, круглые столы, брифинги, дискуссия, полемика, дебаты, телефонные разговоры, деловая переписка и др.).

Специфика подобного общения заключается в том, что его обеспечение предполагает особый профессионализм и особую коммуникативную поливалентность личности в разнообразных сферах социального пространства. В деловой коммуникации интегрированы актуальное содержание и социальная значимость того или иного вида профессиональной деятельности, акцентируется роль и значение в жизни общества соответствующих социальных групп и отдельных личностей, процессов и явлений. Можно говорить о во многом универсальном и полиформатном характере делового общения как феномена общественной жизни.

Расширение общественных международных контактов в современном глобализирующемся мире способствует увеличению объемов деловой речи, появлению новых форм деловой коммуникации, а также развитию уже существующих. Можно утверждать, что считающиеся традиционными речевые жанры деловой

вой коммуникации (как, например, деловое письмо, документ, пресс-конференция) обновляются и «реформируются» вследствие усложнения как коммуникативных задач, решаемых партнерами, так и контекста и структуры субъект-субъектных и субъект-объектных взаимоотношений. Отмеченное, тем самым, говорит в пользу наблюдаемой эволюции деловой коммуникации, которая сегодня постепенно «освобождается» от таких характеристик как консерватизм языковой составляющей и унифицированность формата, ибо даже языковая норма динамична и изменчива, тем более динамичен и жанровый формат коммуникации. Отмеченное никоим образом не нивелирует требование о безупречности деловой речи с позиций основных аспектов (нормативного, коммуникативного и этического), формирующих культуру речи, но подчеркивает необходимость признания эволюции и контекстуальной адаптивности форм и норм деловой коммуникации.

Одним из традиционных и наиболее востребованных форматов деловой коммуникации выступает **деловой документ**. А. Ю. Иванова, ссылаясь на данные журнала *ASAP*, отмечает, что «ежегодно в мире издается около 6 млрд. новых документов, каждый из которых в среднем тиражируется в 20 копиях», к тому же наблюдается «активный процесс перехода к электронному делопроизводству», что актуализирует вопрос «кадрового обеспечения сферы управления подготовленными, грамотными специалистами, владеющими современными знаниями, умениями и навыками работы с документами» [Иванова 2018 : 5].

Владение искусством ведения устного бизнес диалога не предполагает однозначного наличия умений текстового документирования в сфере деловых отношений и бизнеса, в связи с чем письменные формы делового общения требуют наличия особых умений документирования. Этим и объясняется формирование в последние десятилетия новой научной дисциплины – *документальной лингвистики*, которая «объединяет лингвистику деловой письменной речи и документоведение» с целью обеспечения высокой культуры деловой письменной речи в современном делопроизводстве [Иванова 2018 : 8].

Деловой документ как дискурсивный жанр в рамках деловой коммуникации представлен широким спектром подвидов от кратких сообщений по электронной почте до объемных юридических соглашений.

Наиболее распространенной формой регулирования международного сотрудничества является договор, который в ряду международных документов занимает особое место по факту значимости и информативности и объективируется в особом рода текстовом формате. «Международный договор представляет собой явно выраженный правовой акт, заключаемый либо между двумя, либо же большим количеством субъектов права, который регулирует взаимоотношения между участниками при помощи указания прав и обязанностей в политике, деятельности в области культуры, а также иных сферах» [Виды международных договоров 2016]. Договоры могут именоваться по-разному: международные конвенции, международные соглашения, пакты, акты, хартии, протоколы, уставы – все эти формы документов обладают как общими, так и отличительными чертами, присущими международным деловым документам.

К общелингвистическим требованиям обычно относят правила лаконичности, ясности, исключения двусмысленности, соблюдения грамматических норм. Основными стилистическими критериями языка деловой документации являются смысловая точность изложения, стандартизированность и даже клишированность речевых форм, краткость, логичность и нейтральный тон изложения.

Нейтральный тон изложения до сих пор традиционно отмечается в соответствующей учебной литературе как конвенциональная черта деловых документов, что мотивировано деловой основой (а, значит, неличным характером) взаимоотношений между адресантом и адресатом. При этом нейтральный тон изложения представляется как наднациональная норма официального делового общения. Язык документов не приемлет слов с ярко выраженной эмоционально-экспрессивной окраской, сленга, стилистических оборотов речи и т.д.; недопустимы фамильярность, грубость, избыточная вежливость, что, однако, не исключает возможность присутствия некоторых эмоционально-этикетных слов с целью поддержания дружеского контакта («увлекательный проект», «активный деятель», «приятное знакомство», «ошеломляющий успех») [Иванова 2018 : 32].

Нами было замечено, что сегодня деловой документ активно демонстрирует тенденцию избавления от традиционно ему предписываемой стереотипизированности, трафаретности, нейтральности и безличности в пользу освоения различных видов модальности и средств их реализации в тексте – рефлексоров стратегичности современной деловой коммуникации в пространстве дискурса. Современная деловая «словесность» – это особый «язык в языке», вербальные знаки в их дискурсивной контекстуализированной данности, представляющие собой динамичный и гибкий инструмент, контекстуально адаптивный для оптимизации взаимодействия сторон. Мы можем говорить о дискурсивной прагматической специализированности языка того или иного делового документа, знание которой необходимо как для производства документов, так и для их перевода (если отношения партнеров выходят за пределы локальных контактов в область международного сотрудничества). Тем самым, как мы предполагаем, в своей структуре, семантике и прагматике деловой документ воплощает стратегичность делового общения, актуальное положение дел, определенности субъект-субъектных и субъект-объектных взаимоотношений, т.е. деловой документ отражает определенную специализированность и интенциональность самого дискурса. Это и явилось рабочей гипотезой при исследовании нами специфики языка международных соглашений.

Актуальность подобного исследования определяется практической значимостью анализа деловой коммуникации с позиции дискурсивности, которая заключается в возможности выявления интенциональности языкового оформления делового документа, заданной стратегичностью и контекстуальной обусловленностью делового общения, учет которых обязателен и при переводе деловой документации.

Материалом нашего исследования явились следующие документы Общественного Болонского комитета (ОБК) по Беларуси в Болонском процессе: 1) Belarus Roadmap for Higher Education Reform (14-15 мая 2015), 2) Final Report on Progress Concerning the Belarus Roadmap (Work Plan 2015-2018) (апрель 2018); 3) Draft strategic Action Plan on implementation of the major objectives of the education system development in line with the ENEA principles and tools (25 мая 2018). Языком оригиналов данных документов является английский. Перевод на белорусский язык был осуществлен непосредственно самим ОБК, что особенно важно. Поскольку автором оригинала и перевода является один и тот субъект деловых отношений, мы можем фиксировать единую интенциональную, стратегическую направленность языка документов и в оригинале, и в переводе.

Анализ указанных выше международных организационно-правовых документов через призму дискурсивности позволил нам отметить следующие дискурсивные черты современного делового документа – характеристики, детерминированные контекстом деловых взаимоотношений партнеров и демонстрирующие направления эволюционных преобразований в современной деловой словесности. Четко выявляемой дискурсивной чертой анализируемых документов является объективация в тексте деонтической модальности.

В целом категория **модальности** интегрирует два модуса отношения: модальность отражает, во-первых, отношение содержания речевого высказывания к действительности, во-вторых, квалификацию сообщаемого с позиции адресанта. Именно второй аспект воплощения модальности как дискурсивная черта четко обнаруживается в анализируемых текстах, что позволяет нам заявлять о модальности как характерологическом свойстве делового документа в области международных отношений.

Собственно специфика организационно-правовых деловых документов по Беларуси в Болонском процессе предусматривает, что характер выдвижения определенных требований и наложения обязательств определяет **деонтическую модальность**, эксплицированную в тексте, в качестве магистральной интенции, задающей общую тональность взаимоотношений.

Деонтическая модальности как категория в символической логике, теории права, этике традиционно ассоциируется с нормами права, морали, обязательствами («должен», «обязан», «может», «допустимо», «запрещено», «разрешено»), а также с побуждением к определенным действиям. Деонтическая модальность определяет действия с точки зрения нормативных параметров и побуждает к нормативно одобренному плану действий.

Деонтическая модальность, представленная в анализируемых документах, интегрирует два вида модальности, традиционно выделяемые в лингвистике: **дебитивную** и **императивную**.

Дебитивная модальность (или модальность долженствования) – это «обусловленность той или иной ситуации различными факторами, объективными или субъективными, требующими обязательной трансформации потенциального в актуальное» [Цейтлин 1990 : 142]. Дебитивная модальность как характерологическая дискурсивная черта международных соглашений реализуется в следующих грамматических конструкциях в рассматриваемых документах: а) пассивные и активные предикаты с глаголами **shall** и **will**, б) эллиптические предикативные синтаксические конструкции с модализированными и акциональными глаголами.

Разнообразны и способы передачи дебитивной модальности при переводе. Дебитивность, передаваемая в АЯ документе с помощью предиката с **shall**, передается на белорусский посредством **декларативного предложения**:

- *For this purpose the Ministry of Education of the Republic of Belarus shall do the following...* – ‘З гэтай мэтай Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь **бярэ на сябе абавязак**...’,

- *...measures shall be taken to further improve the procedures of internal quality assurance in HEIs by 2020* – ‘Беларусь **бярэ на сябе абавязак** да 2020 года прыняць меры па далейшым удасканаленні працэдур унутранага забеспячэння якасці ва ўстановах вышэйшай адукацыі’.

Перевод предикативных конструкций с **will** со значением долженствования реализуется как ретрансляция аналогичной директивной конструкции на язык перевода:

- *in 2019-2020 additional measures will be taken to include students' representatives in commissions for educational programmes quality assessment* – ‘у 2019–2020 гадах **будуць прынятыя** дадатковыя меры па ўключэнні прадстаўнікоў студэнтаў у камісіі па ацэнцы якасці вучэбных праграм’;

- *Special focus will be paid to learning outcomes, curriculum design* – ‘Асаблівая ўвага **будзе наддзена** вынікам навучання’;

- *the following legal framework will be developed after the adoption of the new version of the Education Code* – ‘**будзе распрацаваная** наступная нарматыўна-прававая база пасля прыняцця новай рэдакцыі Кодэкса аб адукацыі’.

Эллиптические конструкции с модализированным глаголом (*commit to*) или акциональным немодализированным глаголом (*launch, develop, implement* и т.д.) являются активно используемыми моделями передачи дебитивной модальности в документах на английском языке и передаются при переводе на белорусский также эллиптической конструкцией, но с предикатом будущего времени:

- *Commit to developing a National Qualifications framework* – ‘**Возьмуць на сябе абавязкі** па распрацоўцы Нацыянальнай рамкі кваліфікацый (NQF)’

- *Commit to establishing a timetable for this work* – ‘**Возьмуць на сябе абавязкі** па ўсталяванні паэтапнага графіка выканання дадзенай працы’

- **Commit to establishing, by the end of 2017, the legal basis for an independent quality assurance agency** – **Возьмуць на сябе абавязак** па стварэнні да канца 2017 года прававой асновы для заснавання незалежнага агенцтва забеспячэння якасці’;

- **implement any required modification of practice** – **‘ажыццявяць** любыя неабходныя змяненні практык’;

- **develop a timetable for establishing this agency** – **распрацуюць** паэтапны графік стварэння гэтага агенцтва;

- **introduce any required legislative measures** – **‘ўвядуць** любыя неабходныя для гэтага заканадаўчыя меры’.

Помимо дебитивной модальности дискурсивной чертой международных соглашений является **императивная модальность**, которая зачастую весьма тесно переплетена в тексте с дебитивной модальностью, что делает их разграничение условным.

По замечанию А.В. Чайкисовой, с помощью грамматических конструкций, относящихся к категории императивной (побудительной) модальности, «говорящий выражает свое волеизъявление и осуществляет побуждение адресата к совершению действия». При этом прототипической моделью в языке для выражения прототипического побуждения является «центральная императивная конструкция», тогда как иные лексико-грамматические конструкции, «отклоняющиеся по разным признакам от центральной императивной конструкции, являются ее вариациями» [Чайкисова 2010 : 5]. Императивная (побудительная) модальность в более категоричных оттенках семантического значения ассоциируется с приказом, указом, требованием, в более демократичных – с указанием, пожеланием, директивой.

Уровень общения в рамках института не приветствуется в международных соглашениях прототипического побуждения в виде императивной конструкции. Более демократичными вариациями побуждения в форме настоятельных рекомендаций и указаний являются: а) выражения с пассивными модальными предикатами с **should** и **need**, б) **номинативные конструкции** с существительным или герундием. Формат данных конструкций предполагает их безличный характер, что демонстрирует определенное чувство меры и такта – ту степень отклонения от прототипического побуждения (приказа), которая оправдана условием добровольного принятия обязательств. При этом выражаемое с помощью данных конструкций побуждение, как демонстрируют примеры ниже, оценивается как достаточно настоятельное и даже директивное.

Императивная модальность, выражаемая в оригинале при помощи глагольного модального пассивного предиката с **should** и **need**, передается при переводе с помощью аналогичной модальной конструкции со значением указания:

- **the obligatory work placement system should be reviewed and changed in accordance with the Roadmap** – ‘сістэма абавязковага працоўнага размеркавання павінна быць перагледжана і зменена ў адпаведнасці з дарожнай картай’;

- **References to the New Education Code in this report should be understood as referring to the latest version** – ‘Спасылку на Новы Кодэкс аб адукацыі ў дадзенай справаздачы трэба разумець як спасылку на апошнюю версію Кодэкса’;

- **all Bologna tools need to be implemented appropriately (BA/MA, NQF, ECTS, external QA)** – **‘павінны прымяняцца належным чынам** усе інструменты балонскага працэса (бакалаўрыят/магістратура, NQF, ECTS, знешняе забеспячэнне якасці)’.

Особого внимания заслуживает способ передачи побудительной модальности в оригинальном документе с помощью **номинативной конструкции**. Замечено, что при переводе на белорусский язык данных конструкций, выражающих императивную модальность в англоязычном оригинале, переводчиками ОБК используется **инфинитивная конструкция** с повелительным / императивным значением:

- **Setting of a concrete adoption date** -- **Усталяваць** дакладную дату ўвядзення;

- **Referencing higher education qualifications to it** -- **Суднесці** з NQF кваліфікацыі вышэйшай адукацыі;

- **Drafting of a package of legal documents** – **Падрыхтаваць** пакет нарматыўна-прававых дакументаў;

- **Raising awareness of ESG and its application within higher education institutions** – **Павысіць** у ВНУ узровень дасведчанасці пра ESG;

- **Piloting new evaluation procedures** – **Выпрабаваць** новыя працэдуры ацэнкі’;

- **Provision of legal basis for the establishment of an independent quality assurance agency ...** – **‘Забяспечыць** прававую аснову для стварэння агенцтва забеспячэння якасці...’.

Инфинитивная конструкция с повелительным значением используется зачастую и при передаче на белорусский язык императивной (побудительной) модальности, выраженной в оригиналах с помощью ранее рассмотренных нами пассивных предикатов с **should**. Тем самым значение «указание» трансформируется в переводе в значение «приказ»:

- **Recognition decisions should be fully based on the LRC** – **‘Гарантаваць**, што рашэнні па прызнанні цалкам грунтуюцца на LRC’;

- **The modification and creation of study programs should be left to higher education institutions** – **‘Пакінуць** змяненне і распрацоўку навучальных праграм за ВНУ.

В рассмотренных выше случаях передачи побудительной модальности на белорусский язык с помощью *инфинитивной императивной конструкции* имеет место принципиальная конструктивная субституция, поскольку императивный инфинитив непосредственно обладает свойством инструктивного предписания, директивы и максимально приближен к прототипической императивной конструкции в белорусском языке («выканай», «паскор» – «выканаць», «паскорыць»). При этом англоязычная номинативная конструкция декларативна и не директивна. Тем самым, мы можем фиксировать коммуникативную интенциональность перевода – в переводе акцентированы не отраженные в оригинале прескриптивность и требовательность.

Выявленная коммуникативная интенциональность перевода, как мы полагаем, контекстуально обусловлена и объясняется сложившимся положением дел. Как известно, Республика Беларусь, которая была принята в Болонский процесс в 2015 г. (последней), несмотря на принятие определенных обязательств по реформированию национальной системы высшего образования в соответствии с инструментами европейского образовательного пространства, демонстрирует преданность национальным интересам и игнорирует обязательства. В соответствии с отчетом экспертов ОБК (январь 2020 г.) на сегодняшний день «обсуждения, экспертные консультации и подготовка планов дальнейшей работы не приводят к имплементации болонских инструментов и принципов в белорусское законодательство и академическую практику» [Report on Monitoring 2020], что в СМИ куда менее политкорректно именуют не иначе как «полный провал» Беларуси в Болонском процессе. Неудивительно, что ОБК, не имевший прецедентов по исключению стороны из Болонского процесса, весьма заинтересован призвать участника к исполнению обязательств. Этим мотивирован перевод документов для белорусской стороны именно на белорусский (а не русский) язык; этим объясняется и выявленная нами контекстуальная интенциональность перевода, которая подчеркивает **стратегию императивного предписания договорных обязательств**. Данную стратегию мы можем фиксировать в качестве ключевой коммуникативной стратегии, эксплицируемой в анализируемых документах ОБК по Беларуси в Болонском процессе, вербальными инструментами реализации которой выступают **дебитивная** и **императивная** виды модальности в лингвистике, интегрированные в категориальном пространстве **деонтической** модальности (в логике).

Можно полагать, что деонтическая модальность формирует ядро интенциональности языка большинства международных деловых документов, в которых предусматривается взятие стороной / сторонами на себя некоторых обязательств по соглашению и несение ответственности за их исполнение. А общая тенденция либерализации языка, в том числе и в институциональном дискурсе определяет выбор структур выражения деонтической модальности в сторону более категоричных и эксплицитных, максимально приближенных к прототипическому долженствованию (must) и прототипическому побуждению (do it). Интенциональность языка документа как дискурсивная черта не только сохраняется при переводе документа, но и может акцентироваться посредством мотивированного изменения оттенков модальности в соответствии с общей стратегической направленностью деловой коммуникации в рамках сложившегося положения дел.

Библиографический список

1. Иванова, А. Ю. Русский язык в деловой документации / А. Ю. Иванова. – Москва : Юрайт, 2018. – 157 с.
2. Виды международных договоров // ICC Russia – международная торговая палата. – URL: <http://www.iccwbo.ru/blog/2016/vidy-mezhdunarodnykh-dogovorov/> (дата обращения: 11.03.2019).
3. Уланович, О. И. Деловой документ в аспекте стратегичности коммуникации и перевода / О. И. Уланович, М. А. Зайцева // Актуальные проблемы гуманитарного образования : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 17–18 окт. 2019 г.). – Минск : ИВЦ Минфина, 2019. – С. 209–2019.
4. Цейтлин, С. Н. Необходимость / С. Н. Цейтлин // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Ленинград : Наука, 1990. – С. 142–156.
5. Чайкисова, А. В. Когнитивно-прагматический анализ побудительной модальности и средств ее выражения в современном английском языке : автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Чайкисова А. В. – Иркутск, 2010. – 24 с.
6. Report on Monitoring Compliance with the Strategic Action Plan on Implementation of the Major Objectives of the Educational System Development in Line with the EHEA Principles and Tools (Jan. 2020) // Belarusian Independent Bologna Committee. – URL: http://bolognaby.org/images/uploads/2020/01/Monitoring_str_plan_jan2020en.pdf (дата обращения: 03.04.2020).

В. С. Хънтов

Велико-Тырново, Болгария

О СЛОВАРЕ БАЗОВЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

V. S. Hantov

Veliko Tarnovo, Bulgaria

CREATION OF A BASIC LEGAL TERMS DICTIONARY OF SLAVIC LANGUAGES

Аннотация. Аргументируется необходимость составления многоязычного словаря базовых юридических терминов славянских языков. Определяются целевые группы его возможных потребителей. Рассматриваются наиболее важные, по мнению автора, тематические сферы распределения языковых единиц (однословных или составных терминов, а также аббревиатур) в словаре данного типа.

Ключевые слова: славянские государства, юридические термины, целевые группы потребителей, тематические группы.

Abstract. The paper explains the need for a multilingual dictionary of basic legal terms in Slavic languages. The target groups of its potential users have been defined. The author examines the most important thematic areas of the distribution of linguistic units (single-word and compound terms, as well as abbreviations).

Keywords: Slavic states, legal terms, target groups of users, thematic groups.

I.

До середины 1991 г. почти все славянские государства (за исключением Югославии) были членами одних и тех же экономических и военных организаций: Совета экономической взаимопомощи (СЭВ, расформирован 28 июня 1991 г.) и Организации Варшавского договора (ОВД, существовала до 1 июля 1991 г.). С тех пор количество этих государств значительно увеличилось после распада Югославии, СССР и Чехословакии. Кроме того, в наши дни уже наблюдается преимущественное разделение по линии Запад – Восток, и сейчас славянские страны входят в состав следующих организаций блокового типа:

- 1) Европейского союза (ЕС) – Польша, Словакия, Словения, Чехия, Болгария, Хорватия; Организации Североатлантического договора (НАТО) – Польша, Чехия, Болгария, Словакия, Словения, Хорватия, Черногория, Северная Македония;
- 2) Таможенного союза Евразийского экономического союза (ТС ЕАЭС), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Содружества Независимых Государств (СНГ) – Россия и Белоруссия;
- 3) все еще Сербия, Украина и Босния и Герцеговина формально остаются вне структур упомянутых международных экономических, политических и военных организаций.

II.

За почти три десятилетия, прошедшие после начала 90-х гг. XX в., произошли весьма значительные изменения в характере связей между славянскими государствами. Если раньше ведущее место занимали межгосударственные отношения, то в наше время все более важной представляется роль контактов, участниками которых являются физические лица, частные хозяйствующие субъекты, неправительственные организации (напр., фонды). Коренные изменения в общественно-политической структуре рассматриваемых стран привели к тому, что все чаще граждане одной из славянских стран находят работу, создают семью, покупают недвижимость в другой славянской стране. Несмотря на существующие проблемы и на кажущиеся порой непреодолимыми противоречия в некоторых сферах, не прекращаются контакты политического и экономического характера на межгосударственном уровне.

Все это можно проиллюстрировать на примере Болгарии. В экономике страны играют стратегическую роль российская компания „Лукойл” (с 1999 г. владеет „Лукойл Нефтохим Бургас” – крупнейшим нефтеперерабатывающим предприятием на Балканском полуострове) и чешские ЧЕЗ и „Энерго-Про” (владеют большей частью электрораспределительных сетей в Болгарии с 2004 г.). После повального увлечения в 90-х гг. XX в. товарами из Западной Европы, США, Японии сейчас на болгарском рынке очень устойчивым спросом пользуются промышленные товары (в том числе автомобили, бытовая техника, посуда и пр.) из Польши, России, Чехии, Словении, а также изготовленные в Польше, в Чехии, в Сербии, в России, в Белоруссии, на Украине, в Хорватии продукты питания и напитки. Каждый год¹ в Болгарии отдыхают сотни

¹ Текущий 2020 год является исключением по понятным причинам.

тысяч туристов из Польши, из России, из Чехии, из Словакии, с Украины, из Белоруссии. Вся славянская культура (кино, музыка, художественная литература и пр.) тоже пользуется устойчивым интересом.

И один крайне любопытный факт: впервые в современной истории нашей страны при проведении в марте 2011 г. очередной переписи населения и жилого фонда Национальный статистический институт (НСИ) отпечатал значительную часть переписных (опросных) листов на русском языке (http://www.nsi.bg/census2011/PDOCS2/karta_Census2011_rus.pdf). Компетентный орган учел одно серьезное объективное обстоятельство: наличие довольно значительного количества жителей (несколько десятков тысяч человек), приехавших в Болгарию после 1989 г. из государств бывшего СССР, но не владеющих или вообще, или хотя бы в какой-либо достаточной степени болгарским языком.

III.

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что на современном этапе весьма существенно увеличивается роль разнообразных по сферам использования, значению и характеру юридических документов (законов и подзаконных нормативных актов) в межславянских контактах на различных уровнях. Это означает также, что налицо и существенное нарастание роли юридического перевода с одного (или более) славянского(-их) языка(-ов) на другой(-ие). На наш взгляд, очень важным подспорьем в этой деятельности может стать многоязычный словарь базовых юридических терминов славянских языков.

Кому может понадобиться словарь такого типа? На наш взгляд, есть три основных круга (целевые группы) его возможных потребителей:

- во-первых, частные или общественные организации, занимающиеся экономической деятельностью (хозяйствующие субъекты), образованием, наукой, культурой, искусством или же продвижением определенных взглядов, идей, точек зрения в интересах общества или его частей (групп);
- частные (физические) лица, действующие в своих собственных интересах с целью изменения, улучшения семейных, имущественных, финансовых обстоятельств;
- государственные структуры, отвечающие за осуществление внешней и внутренней политики (в области экономики, финансов, обороны, госбезопасности, правосудия и охраны общественного порядка, образования и науки, туризма).

Каким же должен быть физический объем словаря базовых юридических терминов славянских языков? Мы считаем, что его нужно ограничить в рамках не более 1 000 языковых единиц. Что касается самого состава (словника) словаря, то, по нашему мнению, наиболее удобным и приемлемым здесь является тематический принцип распределения и размещения словарных единиц. При этом невозможно будет избежать их разнородности, поскольку в качестве юридических терминов используются как отдельные слова (лексемы), так и словосочетания (составные термины). Очень важным пластом юридических терминов являются также образованные на базе терминологических конструкций аббревиатуры разных типов, активно используемые в юридической теории и практике.

IV.

Какие тематические группы должен включать словарь базовых юридических терминов славянских языков? Ниже мы пытаемся очертить возможное количество и состав этих групп:

1) Государственное устройство и органы госуправления. Почти все славянские государства – унитарные, за исключением России, имеющей все характерные особенности федеративного государства¹. Таким образом, наличие в России еще одного самостоятельного уровня государственного управления – регионального – является фактором, в значительной мере затрудняющим поиск аналогов к некоторым из российских терминов в данной тематической группе.

2) Правосудие и судебная система. Национальные правовые системы славянских государств входят в романо-германскую (континентальную) правовую семью, что, на первый взгляд, благоприятствует выявлению эквивалентов и аналогов. И здесь, однако, особенности российского государственного устройства влияют в сторону значительного усложнения успешного поиска соответствий в терминологии.

3) Экономика и финансы. В эту группу входят термины, относящиеся к биржевой деятельности и банковско-страховой системе, к ценным бумагам, денежным средствам, налогообложению, к регистрации экономических субъектов. За последние три десятилетия в этой сфере были заимствованы довольно большие массивы терминов из английского языка, что предполагает наличие большого числа совпадений во всех славянских языках.

4) Оборона, госбезопасность и охрана общественного порядка. В этой сфере – значительное число общеславянских терминов, но, как и в предыдущей, тоже присутствует группа заимствований из английского языка (хотя и намного менее значительная по объему).

5) Образование и наука. Практически все славянские государства восприняли основы Болонской системы, так что и в этой сфере будут преобладать совпадающие или формально очень близкие термины (и славянского происхождения, и заимствованные).

¹ Часто Боснию и Герцеговину тоже называют федеративным государством, но это неверно: федерацией является только одна из составляющих ее двух частей. К ее государственному устройству применим, скорее всего, термин *конфедерация*.

6) Семейное право (в том числе – право унаследования и усыновления) и недвижимость (покупка, продажа, регистрация, налогообложение). Хотя и находится в этом перечне лишь на шестом месте, данная сфера является ведущей по использованию в личных контактах.

7) Туризм, транспорт и отдых. Эта группа является очень важной как для осуществления бизнеса, так и в личном плане.

8) Документы, удостоверяющие личность; выдача виз; приобретение гражданства; вид на жительство. Данная сфера одинаково важна и для межгосударственных отношений, и для осуществлении деловой деятельности, и при научных и образовательных контактах, и в чисто личных инициативах (отдых, покупка и регистрация недвижимости, рождение или усыновление детей, создание семьи и пр.).

V.

Очень важным при составлении словаря базовых юридических терминов славянских языков является вопрос о том, какие языки должны быть представлены в нем. На наш взгляд, это должны быть языки государственные или официальные, что автоматически исключает из их числа оба лужицких языка: верхнелужицкий и нижнелужицкий.

Реализация данного проекта предполагает, на наш взгляд, наличие в его начальной фазе как минимум трех славянских языков, желательно – из всех трех групп (южнославянской, восточнославянской и западнославянской). Инициатором составления могут быть в равной степени как госструктуры (напр., министерства иностранных дел, образования, науки), так и научные организации (национальные академии наук, высшие учебные заведения).

Результаты составления словаря базовых юридических терминов славянских языков могут, по нашему мнению, иметь как чисто прикладное, утилитарное значение, так и внести определенный вклад в сферу углубленного теоретического изучения сходств и расхождений славянских языков в одной из важнейших областей их терминологии.

Направление 8

ЯЗЫК И ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ. ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

А. В. Александрова

Пенза, Россия

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИНЦИПА ВСЕОБЩНОСТИ В РОССИЙСКОМ ПЕНСИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ¹

A. V. Aleksandrova

Penza, Russia

CONSOLIDATION OF THE PRINCIPLE OF UNIVERSALITY IN RUSSIAN PENSION LEGISLATION

Аннотация. Рассматривается принцип всеобщности как один из отраслевых принципов права социального обеспечения. Анализируются особенности его закрепления в тексте российской конституции (в том числе в поправках, голосование по которым состоялось в 2020 г.) и в пенсионном законодательстве. Формулируется вывод о том, что в сфере пенсионной защиты принцип всеобщности реализован наиболее полно (в отличие от иных сфер российского социального обеспечения).

Ключевые слова: отраслевой принцип права, всеобщность социального обеспечения, пенсия, пенсионное законодательство.

Abstract. The principle of universality is considered as one of the basic principles of social security law. The article analyses its consolidation in the Russian constitution and in the pension legislation (including the amendments, the vote on which take place in 2020). The conclusion is made that the principle of universality is most fully implemented in the field of pension protection (in contrast to other areas of Russian social security).

Keywords: branch, principle of law, universality of social security, pension, pension legislation.

Актуальность исследования принципа всеобщности в пенсионном законодательстве России обусловлена, с одной стороны, возрастанием значения данного принципа (о чем свидетельствует, в частности, предстоящее внесение его в Конституцию России) и, с другой стороны, эрозией данного принципа в сфере социального обеспечения, попытками заменить его на принцип адресности социальной поддержки. Наша задача – разобраться с сущностью данного принципа, оценить его значение для сферы пенсионного обеспечения и показать особенности его законодательного закрепления.

В рамках исследования мы будем исходить из определения принципов права социального обеспечения как «руководящих идей, выражающих сущность, основные свойства и общую направленность развития правовых норм» [Тучкова 2016 : 63].

Традиционно принципы права подразделяются на общеправовые (свойственные всем отраслям права), межотраслевые (отражающие общие черты нескольких отраслей права), отраслевые (характеризующие специфику отдельной отрасли), внутриотраслевые (касающиеся отдельных институтов отрасли) [Мачульская 2001 : 39]; [Тучкова 2016 : 65]. Всеобщность обычно относят к числу отраслевых принципов права социального обеспечения, хотя, в отсутствие кодифицированного акта в сфере социального обеспечения, в науке представлены различные трактовки данных принципов (каждый автор предлагает свой перечень [Мачульская 2011 : 110] [Шайхатдинов 2013 : 51–54] [Тучкова 2016 : 70–80]).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00252.

Принцип всеобщности означает распространение социального обеспечения на всех индивидов (независимо от пола, расы, национальности, языка, места жительства и др.), при наступлении социально значимых обстоятельств. Действующая редакция Конституции РФ (по состоянию на 06 апреля 2020 г.) косвенно устанавливает этот принцип, поскольку в ч. 1 ст. 39 говорится: «**каждому** гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом» [Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.]. Употребление в данном случае термина «каждый» свидетельствует о том, что право на социальное обеспечение признается за любым индивидом, независимо от признаков гражданства, пола, социального положения и др.

Для сравнения укажем, что в конституциях нашей страны, действовавших в советское время, право на материальное обеспечение в старости, в случае болезни или нетрудоспособности признавалось только за **гражданами**: ст. 120 Конституции СССР 1936 г., [Конституция СССР от 5 декабря 1936 г.], ст. 43 Конституции СССР 1977 г. [Конституция СССР от 7 октября 1977 г.]. Аналогично решается вопрос с правом на социальное обеспечение в ряде конституций зарубежных стран (ст. 67 Конституции Польши [Конституция Республики Польша 1997 г.], ст. 30 чешской Хартии основных прав и свобод [Конституция Чешской Республики 1992 г.], ст. 51 Конституции Болгарии [Конституция Республики Болгарии 1991 г.])

Согласно Закону РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ, который должен вступить в силу после его одобрения в ходе общероссийского голосования, [Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ], предполагается, что принцип всеобщности получит конституционное закрепление. В частности, ч. 6 статьи 75 Конституции РФ в новой редакции должна закрепить важнейшие принципы пенсионного обеспечения, такие как всеобщность, справедливость и солидарность поколений. В отсутствие в России пенсионного кодекса (а также кодекса социального обеспечения вообще) включение этих принципов в основной закон страны представляется теоретически и практически очень важным.

В то же время, следует понимать, что конституционное закрепление принципа всеобщности социального обеспечения, к сожалению, не означает его полноценной реализации на практике. В связи с этим необходимо отметить, что наиболее успешно принцип всеобщности в России реализован в таких сферах, как пенсионное обеспечение, медицинская помощь, помощь в связи с рождением детей. В том, что касается поддержки беременных женщин; безработных; граждан, имеющих детей (воспитывающих их до достижения совершеннолетия) – принцип всеобщности зачастую не соблюдается; более того, в настоящее время он все более вытесняется принципами адресности и адекватности. Иначе говоря, речь идет об избирательной поддержке граждан в зависимости от конкретных условий: оснований увольнения и возраста (для безработных); участия в системе социального страхования, оснований увольнения – если оно имело место (для беременных женщин); материального положения и региона проживания (для граждан, имеющих детей). На наш взгляд, такие различия нарушают конституционный принцип равноправия граждан и не должны допускаться.

Возвращаясь к закреплению принципа всеобщности именно в пенсионном законодательстве России, отметим, что в этой сфере названный принцип реализован наиболее успешно. Несмотря на то, что и в сфере пенсионного обеспечения в России отсутствует единый кодифицированный акт и сегодня число пенсионных законов продолжает расти (не случайно Э.Г. Тучкова указывает на «беспрецедентную декодификацию» законодательства в сфере социального обеспечения [Тучкова 2016 : 88]), данные законы позволяют обеспечить всех пожилых граждан тем или иным видом пенсии.

Основными видами пенсии (исходя из критерия финансирования) в настоящее время являются страховая пенсия, пенсия по государственному обеспечению и накопительная пенсия. Первые два вида имеют внутренние структурные элементы (подвиды), выделяемые в зависимости от оснований назначения пенсии. В частности, страховая пенсия может назначаться по старости, по инвалидности и по случаю потери кормильца. Пенсия по государственному обеспечению имеет следующие подвиды: пенсии по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца, за выслугу лет и социальная пенсия.

Каждый вид пенсии в настоящее время регулируется отдельным федеральным законом. В частности, страховые пенсии предоставляются на основании федерального закона «О страховых пенсиях» (далее – Закон о страховых пенсиях) [Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ]. Согласно ч.ч. 1 и 2 ст. 4 данного закона, право на страховую пенсию имеют граждане Российской Федерации, застрахованные в соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 года № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», либо члены их семей, при соблюдении условий, установленных Законом о страховых пенсиях. Ч. 3 ст. 4 Закона о страховых пенсиях предусматривает и право иностранцев на получение страховой пенсии (за исключением случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации). Таким образом, для получения страховой пенсии необходимо быть участником системы обязательного пенсионного страхования (то есть необходим факт уплаты страховых взносов; для страховых пенсий по старости установлена определенная продолжительность страхового стажа); отдельные подвиды страховых пенсий предусматривают дополнительные условия: например, возраст и наличие определенных пенсионных баллов – для пенсии по старости, признание лица инвалидом – для пенсии по инвалидности и т.п. Но в принципе, при возникновении соответствующих обстоятельств каждое лицо может претендовать на получение страховой пенсии по старости.

В Российской Федерации действует рамочный федеральный закон «Об основах обязательного социального страхования» [Федеральный закон от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ], который устанавливает важ-

нейшие принципы системы социального страхования в целом (а пенсионное страхование является частью этой системы). В числе данных принципов провозглашается всеобщий обязательный характер социального страхования. Это означает, что каждый наемный или самозанятый работник, а также ряд иных категорий лиц подлежит социальному страхованию: за него должны уплачиваться страховые взносы (его работодателем или им самим) и он имеет право на получение социальных выплат при реализации социальных рисков (старость, нетрудоспособность, утрата кормильца и т.п.).

Для лиц, подверженным названным рискам, но не получивших права на страховую пенсию (в силу отсутствия стажа, например), законодательством предусмотрено получение пенсии по государственному обеспечению. Правда, она тоже предоставляется при наличии определенных законом обстоятельств.

Эти обстоятельства устанавливаются федеральным законом «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» [Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ]. Согласно ч. 1 ст. 2 этого закона пенсия по государственному обеспечению «предоставляется гражданам в целях компенсации им заработка (дохода), утраченного в связи с прекращением федеральной государственной гражданской службы при достижении установленной законом выслуги при выходе на страховую пенсию по старости (инвалидности); либо в целях компенсации утраченного заработка гражданам из числа космонавтов или из числа работников летно-испытательного состава в связи с выходом на пенсию за выслугу лет; либо в целях компенсации вреда, нанесенного здоровью граждан при прохождении военной службы, в результате радиационных или техногенных катастроф, в случае наступления инвалидности или потери кормильца, при достижении установленного законом возраста; либо нетрудоспособным гражданам в целях предоставления им средств к существованию». Отметим, что выделение законодателем последней категории лиц имеет особое значение для реализации всеобщности пенсионного обеспечения, поскольку этим лицам пенсия может предоставляться независимо от стажа, участия в системе страхования и других факторов.

Также федеральный закон № 166-ФЗ содержит отсылочную норму о том, что пенсионное обеспечение за счет средств федерального бюджета отдельных категорий граждан, не предусмотренных данным законом, может регулироваться другими федеральными законами. Например, пенсионное обеспечение военнослужащих и приравненных к ним лиц осуществляется на основании Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, и их семей».

В отношении накопительной пенсии действует федеральный закон «О накопительной пенсии» [Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 424-ФЗ]. Накопительная пенсия может рассматриваться как дополнительный вид пенсионного обеспечения, который в настоящее время гражданин может формировать по своему желанию. Судьба накопительной составляющей в российской пенсионной системе остается пока неопределенной, известно, что намечаются ее реформы, отложенные на 2021 год.

Также дополнительной формой поддержки граждан может выступать корпоративная пенсия, которая на законодательном уровне не регулируется, но может устанавливаться на уровне коллективных договоров и соглашений.

Таким образом, благодаря наличию различных видов пенсий, закрепленных законодательно, в Российской Федерации в настоящее время реализован принцип всеобщности пенсионного обеспечения. Лица, участвовавшие в системе социального страхования (и члены их семей – в случае назначения пенсия по потере кормильца) могут претендовать на получение страховой пенсии; военнослужащие и государственные служащие, при наличии выслуги – на государственную пенсию за выслугу лет; а нетрудоспособные граждане, не приобретшие права на указанные выше виды пенсионного обеспечения – на социальную пенсию. Принцип всеобщности косвенно закреплен в ряде законодательных актов федерального уровня, в том числе в Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. В случае одобрения поправок к основному закону страны, предложенных в 2020 г., принцип всеобщности пенсионного обеспечения получит свое непосредственное закрепление в ст. 75 Конституции России.

Библиографический список

1. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон РФ о поправке к Конституции РФ № 1-ФКЗ от 14.03.2020 // СПС «Гарант». – URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1331750/#review> (дата обращения: 02.04.2020).
2. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : [утв. Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 05.12.1936] // Сайт Конституции Российской Федерации. – URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 02.04.2020).
3. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : [принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 07.10.1977] // Сайт Конституции Российской Федерации. – URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 02.04.2020).
4. Мельников, В. Ю. Конституция Республики Болгарии 1991 г. // Сборник современных конституций южнославянских и западнославянских государств / В. Ю. Мельников, А. В. Серегин, И. А. Сизько. – Москва : ВГУЮ (Минюста России), 2017. – С. 5–55.
5. Мельников, В. Ю. Конституция Республики Польша 1997 г. // Сборник современных конституций южнославянских и западнославянских государств / В. Ю. Мельников, А. В. Серегин, И. А. Сизько. – Москва : ВГУЮ (Минюста России), 2017. – С. 403–486.
6. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 2009. – № 7.

7. Мельников, В. Ю. Конституция Чешской Республики 1992 г. / В. Ю. Мельников, А. В. Серегин, И. А. Сизько // Сборник современных конституций южнославянских и западнославянских государств. – Москва : ВГУЮ (Минюста России), 2017. – С. 487–541.
8. Мачульская, Е. Е. Право социального обеспечения : учебник / Е. Е. Мачульская. – Москва : Юрайт, 2011. – 575 с.
9. Мачульская, Е. Е. Право социального обеспечения : учеб. пособие для вузов / Е. Е. Мачульская, Ж. А. Горбачева. – Москва : Книжный мир, 2001. – 293 с.
10. Право социального обеспечения России : учебник / отв. ред. К. Н. Гусов. – Москва : Проспект, 2007. – 640 с.
11. Право социального обеспечения России : учебник для бакалавров / отв. ред. Э. Г. Тучкова. – Москва : Проспект, 2016. – 456 с.
12. Право социального обеспечения : учебник для бакалавров / под ред. В. Ш. Шайхатдинова. – Москва : Юрайт, 2013. – 654 с.
13. О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации : федер. закон № 166-ФЗ от 15.12.2001 // Российская газета. – 2001. – 20 декабря. – № 247.
14. Об основах обязательного социального страхования : федер. закон № 165-ФЗ от 16.07.1999 // Российская газета. – 1999. – 21 июля. – № 139.
15. О страховых пенсиях : федер. закон № 400-ФЗ от 28.12.2013 // Российская газета. – 2013. – 31 декабря. – № 296.
16. О накопительной пенсии : федер. закон № 424-ФЗ от 28.12.2013 // Российская газета. – 2013. – 30 декабря. – № 295.

Г. П. Байгарина

Нур-Султан, Казахстан

**«ПРОТЕСТ» КАК КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО СОВРЕМЕННОСТИ:
«СЛОВО ГОДА – 2019»**

G. P. Baigarina

Nur-Sultan, Kazakhstan

**«PROTEST» AS A KEY WORD OF PRESENT TIME:
WORD OF THE YEAR 2019**

Аннотация. Анализируется слово «протест», ставшее победителем интернет-проекта «Слово года – 2019». Это слово, повысившее свою функциональную значимость вследствие актуализации обозначаемого им явления, характеризуется всеми признаками «ключевых слов текущего момента».

Ключевые слова: актуализированная лексика, слова-хронофакты, медийный дискурс, слово года, антислово.

Abstract. The article analyzes the word «protest», which became the winner of the project "Word of the Year 2019". This word is characterized by all the characteristics of the "keywords of the moment." It has increased its functional significance due to the more frequent use of the phenomenon it denotes.

Keywords: actual vocabulary, words-chronofacts, media discourse, word of the year, anti-word.

Победителем социолингвистического проекта «Слово года – 2019» стало слово «протест». Оно оказалось в числе победителей и по версии Института русского языка имени А. С. Пушкина, который назвал словами 2019 года «пожар» и «протест» «как чаще всего употребляемые в СМИ».

«Слово года» – интернет-проект, в рамках которого в социальной сети Facebook происходит отбор наиболее характерных или оригинальных слов текущего года, выражающих важные общественные явления и тем самым передающих исторический смысл современной эпохи.

Статус «слова года» присваивается словам, повысившим свою функциональную значимость вследствие «актуализации обозначаемых ими явлений». По общему мнению, проект «Слово года» демонстрирует наиболее активные процессы взаимодействия социальных и лингвистических факторов, он позволяет взглянуть на социальную жизнь сквозь призму языковой жизни социума.

Слово «протест» является и юридическим термином. Так, в Большом юридическом словаре находим следующую его дефиницию: «ПРОТЕСТ – (от лат. protestor – публично заявляю, свидетельствую) – возражение. В праве РФ одна из форм осуществления надзора за соблюдением законности; заключается в мотивировке возражения прокурора против судебного или управленческого акта...» [Большой юридический : 614].

В основе определения специального термина лежит общеязыковое его значение: «Протест – 1. решительное возражение против чего-либо. *Заявить протест. Демонстрация протеста.* 2. Заявление о несогласии с каким-н. решением (офиц.)» [Ожегов, Шведова 2003: 623]. Добавим, что в «Активном словаре русского языка» в словарное толкование слова «возражение» (в рубрике «Лексический мир слова») включаются аналогии (АНА), среди которых на первом месте стоит «протест» [Активный словарь 2014: 268].

«Протест», совмещая функции юридического термина с общеязыковым употреблением этого слова, стало словом-символом современной эпохи, чему в большой степени способствовали СМИ, как традиционные, так и новые медиа. Несомненно, активизацию этого слова следует рассматривать в контексте такого явления, как медиатизация общественной жизни, под которой понимают «распространение влияния медиа на важнейшие области социальной жизни и обратный процесс вовлечения в информационную сферу различных сторон общественной деятельности» [Клушина 2014: 68–69].

Исследовательский интерес к проблеме актуализации слов, которые, по выражению Е.А. Земской, обозначают «явления и понятия, находящиеся в «фокусе социального внимания» [Земская 2000: 92], объясняется тем, что они позволяют судить о специфике конкретного отрезка времени. Не случайно лингвисты называют их словами-свидетелями, символами, хронофактами, маркерами эпохи. Лингвистическую ценность материалов проекта «Слово года» соотносят с возможностью реконструировать изменения языковой картины мира, которые происходят в языковом сознании в современную эпоху: «То, как мы говорим, определяет то, как мы живем. Подобные конкурсы помогают обществу осознать, где оно находится в данный момент, откуда идет и, главное, куда» [Крымнаш стал 2014].

Анализ слов-победителей и, в целом, рейтинговых списков социолингвистических интернет-конкурсов позволяет «в режиме реального времени зафиксировать и проанализировать языковые факты, которые документируют эмоциональное состояние нашего общества» [Вепова 2015: 31].

Понятие «слово года» соотносится с понятием «ключевые слова текущего момента», введенным Т. В. Шмелевой [Шмелева 1993: 33]. Выделенные ею основные лингвистические параметры слов, которые оказались в центре всеобщего внимания в данный период времени, относятся к «трем аспектам существования слова – текстового, лексического и грамматического» [Шмелева 2009: 63]. Одно из проявлений текстового аспекта – частотность употребления слова.

Е. А. Земская среди признаков ключевых слов эпохи также называет высокую частотность наряду со словообразовательной активностью. С учетом признака активности она дифференцирует слова, активность которых приходится на короткий период времени, действующей «подобно взрыву или вспышке», и слова, «активные, высокочастотные длительное время (год и больше)». Последние, по ее мнению, «более показательны для эпохи, так как называют явления, характеризующие ее более глубоко» [Земская 2000: 92].

Соотнесем слово «протест» в качестве «слова года» с диагностирующими признаками ключевых слов текущего момента или, в иной терминологии, ключевых слов года. Актуализация его была обусловлена социальными событиями, а частотность его употребления была обоснована следующим образом: по словам М. Осадчего, руководителя проекта «Слово года» в Государственном институте им. А. С. Пушкина, «частота их (слов-победителей) употребления сравнивалась с частотой употребления этих слов в течение трех предыдущих лет» [Названо слово 2019]. Оказалось, что «протест» в 2019 году встречался в три раза чаще, чем в другие контрольные годы. М. Осадчий указывает и на причину актуализации этого слова: «Частотность слова «протест» также подпитывалась вниманием сразу к нескольким событиям – протестам в Париже, Гонконге, Москве» [Названо слово 2019].

Текстовый аспект существования ключевого слова проявляется не только в частотности его употребления. «Протест» обнаруживает способность к порождению новых текстов, то есть способность к тому, что Т. В. Шмелевой названо свойством текстогенности, а также к использованию в заголовках как одному из проявлений этого свойства. По словам Т. В. Шмелевой, это «максимально сильная позиция массовой коммуникации...» [Шмелева 2009: 63].

Приведем примеры: «*Избирательная слепота. Каким увидели воскресный протест блогеры и СМИ*» (<https://fedpress.ru/article/1762991>). «*Они чувствуют наступление власти на права и свободы: о цеховом протесте*» (<https://www.infox.ru/news/282/231060>). «*Социальный протест “скверного типа”: как строительство храма в Екатеринбурге раскололо общество*» (Комсомольская правда. 18.05.2019). В этом же контексте уместно привести название «Круглого стола»: «*2019-й – год протестов. Россия – часть тренда или остров стабильности?*».

Один из признаков актуализированного слова – появление его в метарефлексивных контекстах: по замечанию Т. В. Шмелевой, «...такие слова становятся объектом активной и массовой рефлексии» [Шмелева 2009: 63]. По нашим наблюдениям, слово «протест» не сопровождается метаязыковыми комментариями, представляющими собой интерпретацию и оценку явления, обозначаемого этим словом. Причина, как представляется, кроется в том, что носители языка одинаково воспринимают концептуальный смысл, скрываемый за этой общепотребительной лексемой. И на «лингвистический взгляд», по словам М. А. Кронгауза, «не очень интересно, когда какое-то всем известное слово вдруг становится частотным и побеждает. Таково слово "протест", занявшее первое место» [Отразившие реальность 2019]. Однако «протест» и его производное «протестный» участвуют в составе построенных по типу дефиниции метакомментариев применительно к словам того же ассоциативного ряда, как, например: «*В свою очередь, активизм – это протест против конкретных явлений. В современной России гражданский активизм – это справедливая протестная реакция людей на определенное действие власти или на возмутительное событие*» (Новая газета. 21.10.2019).

Не менее значимыми лексическими показателями актуализации слова в определенный период времени является расширение его синтагматических и парадигматических возможностей. Слово приобретает новую сочетаемость, обрастает новыми синтагматическими связями, что приводит к семантическому усложнению его содержания и в конечном счете к появлению у него новых актуализированных смыслов.

В медийном дискурсе достаточно разнообразно представлена сочетаемость «протеста» с атрибутами, которые позволяют уточнить тип протеста, его природу. Так, протесты классифицируются по следующим параметрам: 1) по географическому признаку, т.е. месту проведения: *московские, российские протесты, французские протесты/протест французов*; 2) по цели выступления: *политический, социальный, цеховой протесты, социальные и трудовые, антикоррупционные, пенсионные протесты*; 3) по форме и степени организованности: *легальный, мирный, цивилизованный, открытый, прямой протесты*; 4) по составу участников: *молодежный протест, новые лица протеста – молодежь, гражданские протесты*; 5) по временному признаку: *воскресный протест, нынешние протесты, протестное лето*.

Получила распространение номинация *уличные протесты*, которая, полагаем, не актуализирует смысл «место проведения протеста», скорее, она в целом содержит информацию о его природе, совмещенную с оценочной характеристикой. В качестве синонима выступает «протестная улица»: «*Протестная улица, лидером которой в эти дни окончательно стал Алексей Навальный, по факту сама по себе давно стала политическим субъектом*» (<https://www.dw.com/ru/комментарий-протестная-улица-в-россии-важный-поли->

тический-субъект/а-38133581-0). А вот в *благородном протесте* актуализирована именно оценочная составляющая.

Медийная коммуникация уже закрепила определенные типы клишированных выражений со словом «протест», как и с его даже более частотным производным «протестный». Среди них наблюдаем варьирование обозначения самого явления: *акции протеста / протестные акции/ масштабные, массовые акции протеста /санкционированные акции протеста; протестный митинг, протестный марш, протестное движение; общее название протестующих: протестный электорат, протестная среда, протестное студенчество/протестный потенциал молодежи. К устойчивым отнесем и такую сочетаемость, как протестный потенциал, протестный радикализм, протестные настроения, протестная активность, справедливая протестная реакция, протестный опыт.*

Необычайную активизацию демонстрирует слово «протестный», которое сочетается со словами разных лексико-семантических групп, тем самым проявляет приращение новых, в том числе оценочно-идеологических смыслов. Если «протест» входит в группу слов и выражений с родо-видовыми отношениями, семантической доминантой которой является «решительное возражение», то для «протестный», демонстрирующего разнообразную сочетаемость, объединяющим началом *«всего протестного»* является идеологическая доминанта. Например: *протестный политический капитал, протестный маркетинг, протестный молодежный тренд, мировой протестный тренд, протестный шаблон, протестный междусобойчик, международная мода на протест, мода на протестный туризм, жанр протестной фотографии.* И как одна из форм выражения протеста в виде *протестного бумажного самолета.*

«Протестный» отмечен и в качестве определения к топонимам, как, например, *Протестный Петербург, протестный Шиез.* Протестное движение актуализирует и выражения, в которых семантическая сочетаемость с «протестный» и раньше расценивалась как само собой разумеющееся: *протестный рэп, протестный альбом, протестная музыка, протестная тема.* Был составлен *протестный словарь.*

В дискурсивных практиках массмедиа «протест» и «протестный» реализуют и свой метафорический потенциал, который также относится к основным параметрам ключевых слов текущего момента: *«Оглушенная протестами власть решает устроить стотысячный митинг на проспекте Сахарова»* (Новая газета, 27.12.2019). *«И протест захлебнулся: людям незачем стало выходить на улицу»* (Комсомольская правда, 26.12.2012). *«...Сдувается ли протест?»* (<https://aif.ru/dontknows/1224466>). *«Запах протеста».* *«Вторая категория – то затухающие, то разгорающиеся протесты, не имеющие прямой связи с действиями государства и текущей ситуацией в стране»* (<https://ria.ru/20191211/1562290033.html>). *«Это расчётливая политика Кремля, направленная на удушение протеста в зародыше»* (Новая газета, 21.10.2019). *«Мы, собственно, видим уже, ...есть еще там бог знает что, ... чтобы размыть этот протестный электорат»* (Эхо Москвы, 05.03.2020).

Отметим рассматриваемые слова года и в составе прецедентных феноменов: *«Протестная среда варится в собственном соку, без притока свежей крови»* (<https://aif.ru/dontknows/1224466>). *«И именно это возмущение стало главным триггером активистского протеста минувшим летом...В таком недовольстве заложена предпосылка к тому, чтобы, «выпустив пар», вернуться к прежней жизни»* (Новая газета, 21.10.2019).

«Протест» можно охарактеризовать как динамическое явление, представленное разными этапами его осуществления. Так, встречаем указание на *«протестный всплеск»*, который приближается к *«протестному пику»* и, наконец, *«протест достиг апогея».* А затем начинается его спад: *«отсутствие политики из раза в раз и становится началом конца протеста»....ему просто некуда двигаться»* (Новая газета, 21.10.2019).

В рамках грамматических параметров ключевого слова можно отметить использование «протеста» как актанта: «протест» выступает и как субъект, и как объект действия: *Протест нельзя контролировать; протест захлебнулся; и задавил протест; Из политики протесты уходят; люди мотивированы протестом.*

Однако активизация слова «протест» не отразилась на его деривационных возможностях, в массмедиа встречаем уже известные производные, такие как *протестный, протестовать, протестующие, протестовавшие.* Наблюдение за функционированием слова «протест» в медийном дискурсе подтверждает высказанное мнение о «языковой аскетичности протеста»: «нынешние протесты уступают протестам 2012 года в языковой изобретательности. Креатив есть, но протестующие уже не так фонтанируют неологизмами, рифмами и каламбурами» [Как московские протесты 2019].

Действительно креатив, пожалуй, можно обнаружить лишь в сочетаемости этого слова, соответственно в его семантическом расширении, чему дано следующее обоснование: *«Протест становится не просто социально одобряемым, но и модным...»* (<https://www.bbc.com/russian/news-49315247>). *«...протест превращается в субкультуру, которая властям особенно не мешает»* (Новая газета, 21.10.2019). Таким образом, появление «международной моды на протест» привело к оформлению нового вида субкультуры, получившей название «субкультуры протеста». Это явление пока еще не нашло описания в перечне разнообразных молодежных субкультур, но формирующийся протестный дискурс уже обозначил преимущественных ее носителей: *«новыми лицами протеста стали те, чья аудитория – молодежь в возрасте от 20 до 35 лет»* (<https://www.bbc.com/russian/news-49315247>). *«Протест действительно помолодел, это было заметно уже в 2017–2018 году, когда писали, что на улицы вышла «школота»* (<https://polit.ru/article/2019/08/02/omelchenko/>). *«Месяц за месяцем на марши Навального и другие протестные акции выходит все*

больше школьников, их успели уже окрестить «рассерженной школотой» (Новая газета. 14.09.2018). В метаязыковом высказывании представлено новообразование *школота* в сочетании с определением «рассерженный», которое относится к ассоциативному ряду, возглавляемому словом «протест». Как видим, возникла новая номинация «рассерженная школота», которая демонстрирует так называемый текстогенный характер, образуя новые тексты и употребляясь в составе заголовков: «Рассерженная школота. Чем так необычен митинг 26 марта» (Эхо Москвы. 27.03.2017). «Рассерженная школота» противопоставляется «аполитичной школоте»: она «*всё это время держалась от избирательных участков на почтительном расстоянии (не столько в силу возраста, сколько общей индифферентности), а тут вдруг решила проявить свою гражданскую сознательность*» (Эхо Москвы. 27.03.2017). «Протест действительно помолодел, это было заметно уже в 2017–2018 году, когда писали, что на улицы вышла “школота”» (<https://polit.ru/article/2019/08/02/omelchenko/>).

Протестный дискурс ввел в употребление еще одно выражение – *селебритизация протеста*: «*Появилось даже выражение “селебритизация протеста”: известные люди – актеры, режиссеры, телеведущие – становятся лицом протестов*» (Прямая речь. 25.09.2019). Оно подвергается метаязыковому осмыслению, свидетельствующему о новизне этого выражения: «*Причиной стала “селебритизация протеста” (ещё один наш претендент в номинации “слово недели”). Термин новый, происходящий от английского слова celebrity – известная личность, знаменитость. В данном случае речь идёт о волне поддержки акций протеста в Москве многими знаменитостями: музыкантами, артистами, журналистами, писателями и спортсменами*» (Эхо Москвы. 11.08.2019).

Во многих публикациях нынешнее протестное движение сравнивается с протестными акциями 2011–2012 гг. Так, Г. Явлинский представил схему развития протестных событий прежних лет, как «*возмущение – протест – разочарование*». «Условная схема протестных акций минувшего лета», в его представлении, выглядит уже таким образом: «*возмущение – протест – стабилизация и рутинизация протеста*». И как результат – «*превращение протеста в банальность, в изолированную субкультуру*». Автор с помощью метафорического образа объясняет, почему такая культура может оказаться полезной власти – «*в качестве клапана для выпуска пара...*» (Новая газета. 21.10.2019).

В качестве аналогов понятия «протест» в медийной коммуникации используются *митинг, активизм/гражданский активизм, некий «уличный актив», акция/акция солидарности/акции профессиональной солидарности/цеховое объединение, несанкционированные акции, марш/протестный марш, шествие, массовые выступления, протестное движение (общее или местное), противозаконные действия*. В рамках одного контекста протестного дискурса можно встретить два или больше слов этого ряда. Возможно, причина заключается не только в стремлении говорящих избежать повтора, но одновременно варьирование номинаций рассматриваемого явления можно считать свидетельством того, что носителями языка они воспринимаются как лексические единицы, значения которых имеют много общего. Добавим, что подобная аналоговость сформировалась именно в этом типе дискурса. Например: «*“Коммерсантъ”, “Ведомости” и РБК освещали протестные акции подробно, опубликовав не только новости о ситуации на митингах и шествиях, но и итоговую аналитику с привлечением экспертов*» (<https://fedpress.ru/article/1762991>). «Российский лидер Владимир Путин заявил, что «*молодежь имеет право на протестные акции*» и подчеркнул, что «*митинги иногда встряхивают власть*»» (<https://www.krsk.kp.ru/online/news/3662903/>).

Слово «прогулка» также оказалось вовлеченным в протестный словарь, но с новым актуализированным значением – «протестное действие»: «*Ряд политиков... призвали участников митинга после его окончания продолжить протест в виде “прогулки в поддержку честных выборов”*» (<https://www.dw.com/ru/>). М. Н. Эпштейн называет «жанр прогулки одной из форм протестной активности, известной еще со времен протестов 2011–2012 годов»: «в нем звучит нечто опасное, рискованное, недозволенное» [Как московские протесты 2019].

«Протест», оказавшись победителем интернет-проекта «Слово года», одновременно является и лейтмотивом этого года. По мнению лингвистов, самое яркое собственно лингвистическое явление конкурса 2019 года в рамках обозначенного лейтмотива – это наличие в его рейтинговом списке лозунговых «допускай», «отпускай», «выпускай», то есть слов-действий. По мнению М. А. Кронгауза, «такой императив стал популярным, стал выражать некую очень важную мысль. Здесь важны даже не отдельные слова, а скорее сам факт использования повелительного наклонения»....[Отразившие реальность 2019].

Таким образом, наблюдение за функционированием «протеста» в медийной коммуникации приводит к выводу о том, что это слово во всех своих конкретных проявлениях сохраняет инвариантную семантику «противостояние».

Библиографический список

1. Активный словарь русского языка / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – Москва : Языки славянской культуры, 2014. – Т. 2. – 736 с.
2. Большой юридический словарь. – URL: https://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law.php (дата обращения: 26.03.2020).
3. Вепрева, И. Т. Об актуальной лексеме 'Крымнаш' / И. Т. Вепрева // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года). – Санкт-Петербург : МАПРЯЛ, 2015. – Т. 2. – С. 31–35.
4. Земская, Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца столетия (1985–1995). – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 90–141.

5. Туркова, К. Как московские протесты обогатили русский язык / К. Туркова. – URL: <https://snob.ru/entry/181168/> (дата обращения: 26.03.2020).
6. Клушина, Н. И. Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль / Н. И. Клушина // Русская речь. – 2014. – № 1. – С. 66–73.
7. «Крымнаш» стал главным словом уходящего года / Московский комсомолец. – URL: <http://www.mk.ru/social/2014/12/10/krymnash-stal-glavnym-slovom-ukhodyashhego-goda.html> (дата обращения: 28.03.2020).
8. Названо слово 2019 в русском языке / Российская газета. – 2019. – 8 ноября. – URL: <https://rg.ru/2019/11/08/nazvano-slovo-2019-goda-v-russkom-iazyke.html> (дата обращения: 04.02.2020).
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва, 2003. – 944 с.
10. Шмелева, Т. В. Ключевое слово текущего момента / Т. В. Шмелева // Collegium. – 1993. – № 1. – С. 33–41.
11. Шмелева, Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента / Т. В. Шмелева // Политическая лингвистика. – 2009. – Вып. 2 (28). – С. 63–67.

Л. М. Голиков

Вологда, Россия

ДИСКРИМИНАЦИОННЫЙ ЗАПРЕТ В ЗАКОНЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ О ЕВРЕЯХ¹

L. M. Golikov

Vologda, Russia

DISCRIMINATORY PROHIBITION OF THE RUSSIAN EMPIRE LAW ON JEWS

Аннотация. Представляются результаты исследования дискриминационного запрета на материале законов Российской империи о евреях: рассматриваются наиболее употребительные формы, описываются особенности семантики. Выделяются признаки дискриминационности нормативного запрета, которые зависят от особой утилитарной задачи закона о евреях – преодоления ситуации непользы (вреда), субъектом которой являются евреи.

Ключевые слова: директивность, закон о евреях, нормативный запрет, дискриминационный запрет.

Abstract. The article presents the results of a study on discriminatory prohibition based on the material of the laws of the Russian Empire on Jews. The article highlights the most common forms, and describes the features of semantics. The author identifies the signs of discriminatory normative prohibition, which depend on the special utilitarian task of the law on Jews, that is, overcoming the situation of non-use (harm), the subject of which is the Jews.

Keywords: directiveness, Jewish law, regulatory prohibition, discriminatory prohibition.

Одним из актуальных направлений исследования юридического дискурса является изучение средств выражения директивной модальности, понимаемой в качестве категории, образующей конституирующие признаки законодательного текста. Наиболее перспективным представляется изучение форм нормативной регламентации на этапах становления языка русского закона. Такой подход позволяет не только максимально полно выявить директивный потенциал языка и определить закономерности развития системы форм нормативной регламентации, но и представить через языковую призму правотворческий опыт «как замечательную иллюстрацию русской государственной и общественной жизни, нравов русского общества» [Юртаева 2009, с. 106]. В этом смысле особый интерес способны вызвать дискриминационные презскрипции.

Источниками исследования послужили законы Российской империи о евреях (далее – закон о евреях), представленные в «Полном хронологическом сборнике законов и положений, касающихся евреев от Уложения Царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649 – 1873 г.» [СЗиП 1874]. Необходимо отметить, что дискриминационная презскрипция не является обязательным или дистинктивным признаком законов о евреях, представляющих собой пласт разнородных по своим дискурсивным характеристикам текстов, однако отсутствие «стройной последовательности» «этого своеобразного законодательства» не лишает его «преобладающего течения в сторону лишения прав» [Законы 1914, с. VI], то есть закон о евреях можно признать одним из основных источников исследования дискриминационной нормы, описание которой вполне логично начать с нормативного запрета как специального средства реализации правового ограничения: дискриминационный запрет, выражая деонтическую категорию «запрещено» [Вригт 1986, с. 245–289; Ивин 1973, с. 28–29], реализует общее значение ограничительной по отношению к евреям как национальной и религиозной группе нормативного запрета, или нормативной невозможности.

Речевой акт запрещения принято рассматривать как презскриптивную [Беляева, 1992, с. 16 - 17], или категорическую [Шмелева 1990, с. 67–68], разновидность побудительных речевых актов [Вежицка, 1985, с. 263]. В то же время наличие у запрета волитивно-каузативного статуса [Карасик 2002, с. 148] выводит его «за пределы собственно побуждений», наделяя деонтичностью [Шатуновский 2000, с. 319]. Нельзя не согласиться с Т. В. Русиновой, устанавливающей зависимость специфики запрета от «жанровой принадлежности текста, особенностей национально-культурных сценариев, по которым осуществляется общение» [Русинова 2006, с. 7]. Если учитывать социальную обусловленность, институциональность, утилитарность, легитимность, в высшей степени категоричность законодательного дискурса, то запрет (в данном случае нормативный) становится средством выражения директивной модальности, определяемой характером вза-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00111 «Русский национализм в лингвоюридическом аспекте: прагматика, динамика, экспертиза».

имоотношений автора законодательного текста и адресата [Киреева 2019, с. 78], в самом общем смысле понимаемой как целеустановка автора закона на побуждение адресата каузировать предполагаемую первым определенную ситуацию. Поэтому мы можем предположить, что нормативный запрет является речевым актом, способным по своим лингвопрагматическим характеристикам соотноситься не только с нормативным приказом, но и с иными формами нормативной регламентации: нормативными декларацией, формой правовой обязанности.

Нами в законе о евреях выделены следующие наиболее употребительные формы дискриминационного запрета¹.

I. Перформативный дискриминационный запрет, организуемый формами *запрещается / воспрещается* (ср. «*А житье Жидам в Малой России, и чтоб никто их не принимал, запрещается...*» [СЗиП 1874, с. 8]; «*Евреям-колонистам строго воспрещается мена в колониях и торговля всякими вещами и припасами не собственного производства*» [СЗиП 1874, с. 423]), *запрещено / воспрещено* («... не только запрещено Евреям иметь в своем владении и распоряжении крестьян и дворовых людей, но даже не дозволено им и держать в домах своих для услуг Христиан обоего пола...» [СЗиП 1874, с. 228]; «... воспрещено употреблять Евреев к продаже вина токмо в селениях и отдельных шинках, но не в местечках помещичьих...» [СЗиП 1874, с. 286]).

Конвенциональность, институциональность, утилитарность законодательного дискурса в случае перформативного нормативного запрета трансформирует общую семантическую формулу запрещения ‘Я запрещаю тебе делать Р’ [Вежбицка 1985, с. 263] в ‘Я объявляю, что запрещение делать Р, адресованное N, является правовой нормой’, где N – евреи, или субъект нормативного запрета (кому запрещено). То есть законодатель, употребляя в законе слова *запрещается / воспрещается, запрещено / воспрещено* не «каузирует то, что А не имеет права сделать Р» [Шатуновский 2000, с. 321], а предполагает полезность, или создает «план» «целесообразного поведения» [Жолковский] существования ситуации, когда субъект нормативного запрета не выполняет определенного действия. Здесь важно уточнить, что субъект нормативного запрета не всегда равен каузатору ситуации запрета, или адресату нормы. Каузатор ситуации запрета должен обладать признаком ответственности, то есть обладать способностью реализовать ситуацию запрещения и способностью подвергнуться негативному воздействию в случае ее нереализации (ср. «... *воспрещено Евреям, самовольно отлучившимся, возвращаться, а прочим переселяться из-за границы, даже и в те Губернии, где им не возбранено иметь постоянную оседлость, и к исполнению сего постановлено учинить следующее: 1) Начальству пограничной стражи вменить в строжайшую обязанность, дабы Евреям, являющимся из-за границы для водворения в России, равно как и возвращающимся оттуда из самовольных отлучек, было в сем отказываемо и отнюдь не выдавалось установленных для проезда в Империю кордонных свидетельств...*» [СЗиП 1874, с. 174]).

Приведенная нами формула перформативного нормативного запрета в определенной степени соотносит его с нормативной декларацией, объявляющей предполагаемую законодателем ситуацию правовой нормы (ср. «*Как коробочные сборы употребляются только на предметы, собственно до Евреев относящиеся, и Христиане, с ними живущие, никакого участия в пользовании сим сбором не имеют, то и устанавливается оный единственно с предметов, Евреями приготовляемых и употребляемых...*» [СЗиП 1874, с. 578]), то есть в тексте закона *запрещается* можно без труда трансформировать в *устанавливается запрет*. И в том и в другом случае законодатель «устанавливает соответствие между пропозициональным содержанием и реальностью» [Серль 1986, с. 185] – нормативная декларация и перформативный нормативный запрет в момент акта речи становятся тождественными правовой реальности. Различие этих речевых актов заключается в выражаемых ими деонтических модусах. Если нормативная декларация выражает значение деонтической необходимости [Падучева], основанной на логической категории «обязательно», то нормативный запрет – деонтической невозможности, основанной на категории «запрещено».

II. Дискриминационный нормативный запрет-приказ в законе о евреях выражается двумя формами: 1) положительной с инфинитивами *запретить / воспретить*, толкуется как ‘Я запрещаю N делать Р’ (ср. «... *Государь Император Высочайше повелеть соизволил запретить женищинам Еврейкам брить головы*» [СЗиП, с. 755]; «... *воспретить всем без исключения Евреям приобретать от помещиков и крестьян земли в губерниях, подведомых Виленскому и Киевскому Генерал-Губернаторам*» [СЗиП 1874, с. 1016]) или как ‘Я приказываю S запретить N делать Р’ (ср. «... *Высочайше повелеть соизволил: употребление особой Еврейской одежды воспретить повсеместно с 1 Января 1851 года, о чем и сделать Министерству Внутренних Дел чрез Генерал-Губернаторов распоряжение...*» [СЗиП, с. 732]); 2) отрицательной, организованной отрицанием действия, выраженного инфинитивом, реализует формулу ‘Я приказываю N не делать Р’ (ср. «... *Евреям же нигде и никаким платьем, ни старым, ни новым отнюдь не торговать*» [СЗиП 1874, с. 82])

III. Запрет-долженствование представляет собой форму правовой обязанности с предикатом *должен*, выражающую значение обязательства, направленного на отрицание действия, следующих вариантов: 1) ‘Я обязываю N не делать Р’ (ср. «... *Еврей не должен и не будет: а) курить вино и готовить другого рода горячие напитки для себя, или для других Евреев, под каким бы то ни было предлогом...*» [СЗиП 1874, с. 629]); 2) ‘Я обязываю S принуждать N не делать Р’ (ср. «*Во всех Великороссийских Губерниях... Евреи не*

¹ В рамках данного исследования перед автором не ставилась задача составления исчерпывающего реестра форм нормативного запрета.

должны быть допускаемы ни к винокурению, ни к деланию водок и варению пива и меду, ни к продаже означенных напитков в местах, для того установленных» [СЗиП 1874, с. 93]). Запрету-долженствованию противопоставлены формы возможности, выражающие значение отрицания обязанности (ср. «... пользуясь правами и привилегиями колонистов и освобождаясь от платежа двойных податей, они и рекрутской повинности подлежать не должны...» [СЗиП 1874, с. 165]¹).

IV. Запрет-отрицание нормативной возможности.

Необходимо осознать, что в условиях юридического дискурса значение разрешения сливается со значением возможности, отражающей деонтическую категорию «разрешено». Ядерным средством выражения значения отрицания нормативной возможности является перформативная структура, организованная в законе о евреях с помощью *не дозволяется* (ср. «Допускать постоянного в колониях пребывания Евреям, принадлежащим к колонистскому сословию, не дозволяется ни под каким предлогом» [СЗиП 1874, с. 424]; «... Евреи не могут быть и поверенными от других лиц по откупам, подрядам и поставкам во всех тех местах, в коих самим им не дозволяется участвовать в откупах, подрядах и поставках и где им запрещено постоянное жительство» [СЗиП 1874, с. 457]); *не дозволен* (ср. «... въезд Евреям в Княжество Финляндское не дозволен по действующим в сем краю постановлениям...» [СЗиП 1874, с. 311]), соотносящаяся по семантике с запретом, организуемым формами *запрещается / воспрещается, запрещено / воспрещено*.

К прямому запрету-отрицанию возможности относятся и конструкции с *не дозволят / не позволяют*, по семантике соотносящиеся с положительным запретом-приказом (ср. «Государь Император... Высочайше повелеть соизволил: <...> воспрещение фурманам Евреям заниматься извозничеством далее смежных с местами оседлости их губерний, оставить в своей силе и отнюдь не дозволят им приезжать в столицы с тяжестями и пассажирами...» [СЗиП 1874, с. 436–437], «Государь Император Высочайше указать соизволил: <...> Евреям же внутрь крепостей ни жилых, ни нежилых зданий строить не позволять» [СЗиП 1874, с. 82]; «... из уездов, в коих находится Жидовская или Субботническая секта и соседственных им уездов, высылать всех Евреев без исключения, где бы они не находились, и впредь ни под каким предлогом пребывания там им не дозволят» [СЗиП 1874, с. 169]).

Здесь мы вынуждены в качестве отдельного замечания уточнить утверждение И. Б. Шатуновского о том, что «разрешение (разрешаю) непосредственно противопоставлено не запрещению (запрещаю), а отказу в разрешении (не разрешаю)» [Шатуновский 2000, с. 322]. Изученные нами примеры позволяют предположить, что образуемая противопоставлением утверждения и отрицания категория полярности в условиях законодательного дискурса трансформирует отрицание разрешения, или возможности, в семантический аналог нормативного запрета [Падучева], иных значений в пределах деонтической модальности в нормативных текстах подобные формы выражать неспособны.

В законе о евреях активно употребляются косвенные формы запрета-отрицания возможности по семантике соотносящиеся с перформативными запретами: 1) запрет-отрицание возможности с *не мочь*, (ср. «С 1808 года никто из Евреев не может быть выбран Членом Магистрата, если не будет он читать и писать на одном из языков Русском, Немецком или Польском» [СЗиП 1874, с. 222], «В Губерниях Могилевской и Витебской, Евреи ни в каком селении не могут содержать ни каких аренд, шинков, кабаков и постоянных дворов, ни под своим, ни под чужим именем, ни продавать в них вина и даже жить в них, под каким бы то видом ни было, разве проездом. Запрещение сие распространяется также на все шинки, постоянные дворы, или другие заведения...» [СЗиП 1874, с. 119]); 2) запрет-отрицания правовой возможности, выраженной наименованием *право*. В этом случае отрицание возможности реализуется по-разному, например: с помощью отрицания обладания правовой возможностью – *не иметь права* (ср. «Само собою разумеется, что Евреи, поселившиеся по условиям на помещичьих землях, не имеют права до истечения определенного срока оставлять оныя без согласия владельцев тех земель» [СЗиП 1874, с. 499]), или с помощью указания на отсутствие или ограничение правовой возможности – *без права* (ср. «Разрешить рядовых из Евреев производить в строевые и нестроевые унтер-офицеры, в том числе и в писаря, на общих основаниях производства в унтер-офицерское звание всех прочих нижних чинов, но без права на производство в военные офицеры и классные чины» [СЗиП 1874, с. 966]; «... дозволить Евреям, имеющим свои пивоварни, содержать... портерныя в городах лавочки только для продажи питей на вынос, без права продажи распивочной...» [СЗиП 1874, с. 688]).

Важной особенностью нормативного запрета является совмещение в его семантической структуре ситуации принуждения и запрещения. Наиболее наглядно это проявляется в случае несовпадения адресата запрета (каузатора ситуации запрета) и субъекта запрета (кому запрещено), когда четко разделены ситуация принуждения, в которой участвует законодатель, объединяющий функции субъектов речи, модальной оценки и волюнтаривности², и адресат принуждения, выступающий каузатором запрета, и ситуация запрета, где законодатель передает функцию субъекта волюнтаривности адресату принуждения, а агенсом выступает субъект запрета. Сравните, например, формулы запрета-приказа ('Я приказываю S запретить N делать P') или запрета-долженствования ('Я обязываю S принуждать N не делать P').

Таким образом, мы можем сделать вывод, что нормативный запрет в законе о евреях с нормативными декларацией, приказом, формой правовой обязанности составляет парадигму директивных речевых

¹ Подобный пример в избранных нами источниках единичен.

² Ср. структуру ситуации необходимости, описанную С. Н. Цейтлин [Цейтлин 1990, с. 144].

актов, реализующих модус нормативного принуждения. Самостоятельность его директивного статуса обеспечивается выражением значения нормативной невозможности, противопоставленной нормативной обязательности.

Дискриминационность запрета в законе о евреях проявляется в нескольких признаках. Автор закона о евреях, реализуя дискриминационный нормативный запрет, предполагает, что будет преодолена ситуация непользы (вреда), субъектом которой являются евреи (ср. «... *положением Комитета Гг. Министров, Высочайше... воспрещено Евреям переселение из-за границы в Россию и водворение их в оной, на тот конец, дабы преградить чрезвычайное размножение в России сих людей более вредных, нежели полезных для Государства...*» [СЗиП 1874, с. 233]). Подобная ситуация непользы возникает, если евреи осуществляют действия определенных типов: 1) существование в определенном пространстве, например: «*в Малороссийских городах жить*» [СЗиП 1874, с. 18]; «*жительствовавший по селениям и в особых домах*» [СЗиП 1874, с. 136]; «*селиться в Астраханской Губернии и Кавказской Области*» [СЗиП 1874, с. 138]; «*водворяться в России*» [СЗиП 1874, с. 153]; «*переселяться в Россию*» [СЗиП 1874, с. 491] и т.д.; 2) осуществление определенной деятельности, например: «*продавать в локти и в фунты*» [СЗиП 1874, с. 9]; «*содержать... аренд, шинков, кабаков и постоялых дворов*» [СЗиП 1874, с. 65]; «*вступать в государственную службу*» [СЗиП 1874, с. 97]; «*заниматься должностями*» [СЗиП 1874, с. 182]; «*владение имениями*» [СЗиП 1874, с. 362]; «*быть управителями или приказчиками*» [СЗиП 1874, с. 368]; «*брать в аренду населенные имения*» [СЗиП 1874, с. 497]; «*курить вино и готовить... горячие напитки*» [СЗиП 1874, с. 629]; «*заводить и иметь портерные и медовые лавочки*» [СЗиП 1874, с. 729]; быть «*избираемы в городские головы, ... исправлять их должность*» [СЗиП 1874, с. 1124] и т.д.; 3) принимать определенное состояние, например: «*приобретать заслугами чины и звания*» [СЗиП 1874, с. 97]; «*вступать в Российское подданство*» [СЗиП 1874, с. 491]; «*переменять свои фамилии..., которые носили до принятия ими Св. Крещения*» [СЗиП 1874, с. 725] и т.д.

В ряде случаев нормативный запрет в законе о евреях реализует дискриминационность с помощью стратегии контраста [Van Dijk, 1983, p. 58]. Законодатель ограничивает евреев, противопоставляя их христианам (ср. «*Его Императорское Величество утверждает положение Комитета Министров, повелевая, сверх того, чтобы из Евреев, живущих отдельно на 50-верстномъ от границы разстоянии, те, которые имеют дома, корчмы, мельницы и тому подобное в собственность, владели оными только сами, и ни под каким предлогом не передавали таковых заведений своих другим Евреям, в случае же надобности могут уступать оныя по взаимному соглашению прочим жителям из Христиан, но отнюдь не Евреям*» [СЗиП 1874, с. 137]), или евреям-христианам (ср. «... *из Малороссийских городов, Жидов мужеска и женска пола, какого бы кто звания и достоинства ни был, со всем их имением немедленно высылать за границу и впредь оных ни под каким видом ни для чего в Россию не впускать, разве кто из них захочет быть в Христианской вере Греческаго исповедания, таковых крестя, в Империи Вашего Императорскаго Величества жить им позволить...*» [СЗиП 1874, с. 19], или евреям-караимам (ср. «...*Высочайше повелеть соизволил: сделать пояснение, что это ограничение приезда Евреев в столицы и города внутренних губерний не распространяется на Евреев Караимов*» [СЗиП 1874, с. 794]).

Специальным средством создания дискриминационного в отношении евреев запрета, основанного на контрасте, можно считать разрешительные конструкции с *кроме евреев* в значении ‘за исключением евреев’, когда ‘все другие возможности отбрасываются» [Оскольская 2014, с. 370] (ср. «*Право на льготы, преимущества и пособия при покупке казенных и частных недвижимых имений в поименованных 9 губерниях предоставляется вообще уроженцам не Польскаго происхождения всех губерний Империи и всех сословий, кроме Евреев*» [СЗиП 1874, с. 1013]).

Таким образом, нормативный запрет в законе о евреях мы можем признать директивной формой, реализующей сочетание модусов нормативного принуждения и нормативной невозможности. Его дискриминационный статус возникает в случае реализацией законом о евреях особой утилитарной задачи – преодоления ситуации непользы (вреда), субъектом которой являются евреи. Особым признаком дискриминационности правовой нормы является контраст, который способен порождать оппозицию дискриминационного запрета преференциальному разрешению (ср. «... *Караимы стремятся к оседлой жизни и сближению с обычаями местных жителей, занимаются охотно земледелием и известны своим трудолюбием и строгостию правил жизни. По сим уважениям правительство всегда их отличало, а закон присвоил им некоторыя преимущества <...> им разрешено иметь в услужении Христиан, а Караимам-иностранцам водворяться в Империи и вступать в Российское подданство, что положительно воспрещается Евреям...*» [СЗиП 1874, с. 750]).

Библиографический список

1. Беляева, Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык / Е. И. Беляева. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1992. – 168 с.
2. Вежбицка, А. Речевые акты / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 251–275.
3. Вригт, Г. Х. фон О логике норм и действий / Г. Х. фон Вригт // Логико-философские исследования : избр. тр. / Г. Х. фон Вригт. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 245–289.
4. Жолковский, А. К. Лексика целесообразной деятельности / А. К. Жолковский // Журнал «Грамоты.ру». – URL : http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_144.

5. Ивин, А. А. Логика норм / А. А. Ивин. – Москва : МГУ, 1973. – 121 с.
6. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2002. – 333 с.
7. Киреева, Е. З. Категория модальности и ее выражение в тексте официального документа (на материале регионального законодательства) : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Киреева Е. З. – Архангельск, 2019. – 440 с.
8. Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями Правительствующего сената и Центральных правительственных установлений. С постатейным, хронологическим и алфавитно-предметным указателями. – Санкт-Петербург : Юриспруденция, 1914. – Ч 1. – 455 с.
9. Оскольская, С. А. Конструкции с союзом *кроме как* и с предложением *кроме* в русском языке / С. А. Оскольская // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2014. – № 2. – С. 363–398.
10. Падучева, Е. В. Модальность / Е. В. Падучева // Русская корпусная грамматика. – URL: <http://rusgram.ru/Модальность>
11. Русинова, Т. В. Особенности функционирования запрета: на материале русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Русинова Т. В. – Саратов, 2006. – 22 с.
12. Серль, Дж. Классификация иллокутивных актов / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 170–194.
13. СЗиП – Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев от Уложения Царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649–1873 гг. / сост. и изд. В. О. Леванда. – Санкт-Петербург : Типография К. В. Трубникова, 1874. – 1158 с.
14. Цейтлин, С. Н. Необходимость / С. Н. Цейтлин // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Ленинград : Наука, 1990. – С. 142–156.
15. Шатуновский, И. Б. Речевые акты разрешения и запрещения в русском языке / И. Б. Шатуновский // Логический анализ языка: Языки этики. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 319–325.
16. Шмелева, Е. А. Разрешение и запрещение как побудительные речевые акты / Е. А. Шмелева // Функционально-типологические аспекты анализа императива. – Москва : АН СССР. – Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. – С. 66 – 71.
17. Юртаева, Е. А. Язык закона и техника законодательства в дореволюционной России / Е. А. Юртаева // Журнал российского права. – 2009. – № 11. – С. 106–120.
18. Van Dijk Teun, A. Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice. Prepublication / Working Paper No. 2 / A. Van Dijk Teun. – Amsterdam, 1983. – 70 p. – URL: <https://eric.ed.gov/?id=ED231689>

Т. В. Дубровская

Пенза, Россия

**«СТУДЕНТЫ ОСТАВЛЯЮТ ЗА СОБОЙ ПРАВО ОТСТАИВАТЬ
СВОИ ПРАВА В ПРАВОВОЙ ПЛОСКОСТИ»:
К ВОПРОСУ ОБ ОБЫДЕННОЙ МЕТАЮРИДИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)**

T. V. Dubrovskaya

Penza, Russia

**«THE STUDENTS KEEP THE RIGHT TO CLAIM THEIR LEGAL RIGHTS»:
THE ISSUE OF NON-PROFESSIONAL METALEGAL COMMUNICATION
(BASED ON THE SOCIAL NETWORK VK)**

Аннотация. На материале соцсети «ВКонтакте» исследуются обыденная метаюридическая коммуникация и свойственные ей дискурсивные механизмы. Показывается, как современные студенты становятся активными субъектами и интерпретаторами права, реагируя на приказ министерств анализом нормативных актов и обращением к руководству университета.

Ключевые слова: метаюридическая коммуникация, интерпретация права, приказ министерства, социальная сеть, студенты-медики.

Abstract. The author explores non-professional metalegal communication and its discursive mechanisms based on the data drawn from the social network VK. It is revealed how modern students become active subjects and interpreters of law, when reacting to a ministerial order with the analysis of normative acts and an appeal to the University's authorities.

Keywords: metalegal communication, interpretation of law, ministerial order, social network, medical students.

В последние десятилетия в Российской Федерации произошла интенсивная юридикация социальной жизни: правовому регулированию подлежат самые различные аспекты социальной жизни. Юридикация общественной жизни означает, что в юридической коммуникации участвуют не только профессиональные акторы правовой сферы, но и обычные граждане, которые читают законодательные тексты и нормативные акты, подписывают договоры и соглашения, тем самым вступая в юридически оформленные отношения с другими людьми или организациями, принимая на себя обязанности или получая права.

В современных исследованиях юридического дискурса все чаще и все более настойчиво выдвигается тезис о том, что правовая реальность строится не только законодателем, но и потребителем права. Такой подход характерен для сторонников социально-конструкционистской парадигмы, в которой право признается дискурсивной практикой. Как мы отмечали ранее, «в такой исследовательской парадигме язык рассматривается не как таковой, а в контексте происходящих дискурсивных процессов. Несмотря на то, что значение юридического документа или устного высказывания заложено в его семантических и синтаксических структурах, право получает дополнительные смысловые пласты в ходе социального взаимодействия» [Дубровская 2017: 101]. Э. Мертц приводит один из тезисов умеренного социального конструкционизма: в юридический дискурс вовлечены две стороны, а не только законодатели, что означает способность субъектов права отвечать на юридические нововведения. Эта способность определяет непредсказуемый характер правовых процессов [Mertz 2014]. По мнению М. Галдиа, границы юридического дискурса шире институционального правового дискурса, поскольку он охватывает также и неинституциональный контекст. Обязующая сила права имеет свой предел, и «для функционирования в обществе закон должен признаваться» [Galdia 2014: 34] (Перевод с английского здесь и далее мой. – Т.Д.). Идею о роли не-профессионалов как участников правовой коммуникации и интерпретаторов высказывает Р. Коттеррелл: «...Сообщества, интерпретирующие право, не ограничиваются профессиональными сообществами <...> Граждане-не-юристы также являются потенциальными толкователями права» [Cotterrell 2006: 100].

В настоящей статье на материале конкретного кейса мы попытаемся выявить некоторые **дискурсивные механизмы**, задействованные в **обыденной коммуникации** по юридическому поводу. В заглавии статьи мы обозначили этот тип коммуникации как обыденная метаюридическая, поскольку такое сочетание отражает участие в коммуникации непрофессиональных участников и их попытки публичной интерпретации нормативных актов, субъектами которых они являются.

27 апреля 2020 г. вышел совместный приказ № 378/619 Министерства здравоохранения РФ и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Об организации практической подготовки обучающихся по образовательным программам высшего медицинского образования в условиях борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации», в соответствии с которым руководителям организаций, реализующих образовательные программы высшего медицинского образования, предписывалось направить обучающихся старших курсов на практическую подготовку в медицинские организации, оказывающие помощь больным с диагнозом коронавирусной инфекции [Приказ Министерства здравоохранения РФ и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 378/619 от 27.04.2020].

Приказ вызвал неоднозначную реакцию и бурную дискуссию среди самих студентов, их родителей, последовало широкое обсуждение этого приказа в СМИ и социальных сетях. В качестве материала был использован материал социальных сетей, в частности материалы группы «Подслушано в РНИМУ» в социальной сети ВКонтакте (<https://vk.com/ohshitnimu>). РНИМУ – это Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н. И. Пирогова (г. Москва), один из крупнейших и самых статусных медицинских вузов страны.

Прежде чем обратиться непосредственно к текстам и комментариям, касающимся приказа и его содержания, отметим, что столичные студенты демонстрируют большую вовлеченность в метаюридический дискурс. Для сравнения, в группе студентов Пензенского государственного университета «Подслушано в ПГУ» ВКонтакте рассматриваемый приказ не обсуждался вообще, несмотря на значительное количество студентов-медиков в университете. Интересно также, что приказ не сразу был размещен на сайтах министерств, однако текст документа быстро распространился среди столичных студентов, в основном через мессенджеры и социальные сети. В этом смысле показательна роль современных технологий в распространении юридического знания и вовлечении субъектов права в метаюридическую коммуникацию: юридическая информация поступает потенциальному ее потребителю не только в ответ на его запрос, но и при отсутствии такового. Причем технически легко переслать полный текст документа, с которым можно сразу ознакомиться с технического устройства, а не краткое и авторски адаптированное изложение текста документа, которое неминуемо будет содержать искажения.

Помимо небольших по объему постов и комментариев, касающихся приказа, уже 5 мая 2020 г. в группе «Подслушано в РНИМУ» появилось объемное обращение студентов вуза к своему ректору (рис. 1). Оно набрало 19 496 просмотров (на 19.06.2020) и вызвало последующую дискуссию в комментариях.



Рис. 1. Скриншот поста

Приведем полный текст обращения с соблюдением орфографии и пунктуации авторов:

«Уважаемый Сергей Анатольевич,

Студенты обращаются к вам с мирной инициативой по реализации приказа 378/619.

Студентами была проделана тщательная работа по анализу вышедшему 27 апреля приказу 378/619.

Студенты пришли ко мнению, что данный приказ не может быть выполнен в формате обязательной практики в приемлемый для данной эпидемиологической ситуации срок с приемлемым качеством без нарушения ряда законодательных актов (см. прикрепленный документ).

Поэтому мы (студенты вуза) направляем свою инициативу:

признать приказ 378/619 невыполнимым в допустимый срок в нужном качестве в формате обязательной студенческой практики.

Мы предлагаем альтернативу:

Так как практики в рамках учебного процесса, мы призываем к тому, чтобы подобные меры, были основаны на добровольности: добровольная практическая деятельность, волонтерская или трудовая.

Среди студентов есть люди, готовые помочь вузу и государству в добровольном порядке.

Добровольная инициатива может позволить в кратчайший срок привлечь дополнительный профессиональный ресурс в нуждающиеся в этом мед. учреждения

В иных случаях, студенты оставляют за собой право отстаивать свои права в правовой плоскости и требовать привлечения к ответственности лиц, нарушающих нормативно-правовые акты в процессе выполнения приказа, согласно законодательству Российской Федерации».

Начало обращения вежливо, но эксплицитно формулирует цель письма, а дальнейшая логика поста отражает предпринятые студентами аналитические шаги. Пост содержит указания на попытки студентов проанализировать правовые нормы, а также резюме, требования студентов и их план дальнейших действий (*признать приказ невыполнимым; студенты оставляют за собой право отстаивать свои права в правовой плоскости*).

Лингвистическими маркерами вовлеченности студентов в правовую реальность служат не только лексические единицы и конструкции, связанные с правовой сферой (*приказ, нарушение ряда законодательных актов, в допустимый срок, отстаивать права, правовая плоскость, привлечение к ответственности, нормативно-правовые акты, согласно законодательству Российской Федерации*), но и многочисленные авторизирующие конструкции, реализующие функцию самореференции от 3 лица (*студенты обращаются, студенты оставляют за собой право и др.*) и от 1 лица (*мы (студенты вуза) направляем свою инициативу, мы предлагаем альтернативу*).

Участие в формировании правовой и, шире, социальной действительности происходит не только через протест против принятого приказа, но и через предложение альтернативы: *«Мы предлагаем альтернативу: ... мы призываем к тому, чтобы подобные меры, были основаны на добровольности...»*.

Другая часть поста, обоснование, прикрепленное ниже, имеет объем 1,5 страницы и содержит ряд тезисов, в которых авторы выявляют несоответствия между разными источниками правовых норм. Метаюридический дискурс выстраивается вокруг нескольких проблем правового поля:

1. Применение и значение терминов. Так, авторы обоснования подробно обсуждают различия между терминами «практика» и «практическая подготовка», а также со ссылкой на федеральное законодательство предлагают определение практики:

*того, чтобы направить студентов на практику, она должна соответствовать определению (273-ФЗ, с.2, п.24): **практика** – вид учебной деятельности, направленной на формирование, закрепление, развитие практических навыков и компетенции в процессе выполнения определенных видов работ, связанных с будущей профессиональной деятельностью*

*А так же, согласно Приложению к приказу Минобрнауки N 1383 данная практика **должна иметь утвержденную программу практики, которая должна содержать обязательные сведения указанных в пункте 3 названного Приложения.***» (Выделение жирным в примерах оригинальное.)

Авторская логика подводит к тому, что при невыполнении обозначенных требований (утвержденная программа практики) направление студентов на практику невозможно.

Авторы поднимают и другой терминологически ориентированный вопрос – вопрос разграничения и определения «зеленых» и «красных» зон в медицинских учреждениях, точнее отсутствие юридического определения зон при том, что эти категории используются при распределении студентов по местам практики:

*«**Понятие «грязных» и «чистых» («зеленых» и «красных») зон юридически нигде не закреплено.** Так как площадка прохождения практики вне зависимости от зоны является единой физической территорией, то студенты будут направлены в одинаково опасные условия и на них всех распространяется ранее изложенное».*

2. Соотношение нормативных источников и противоречие между ними, в том числе между обобщаемым приказом и федеральным законодательством:

*«Новая **практики** (и ее программа) **должна войти в новую Обязательную Образовательную Программу Высшего Образования (ООП ВО),** которую должен подготовить и утвердить вуз согласно прави-*

лам утвержденным внутренними правовыми актами учреждения. Согласно 273-ФЗ ст. 12 п. 9 изменения в ООП ВО должны соответствовать ФГОС – подтверждение данного соответствия является обязанностью аккредитованного образовательного учреждения».

Утверждения со средствами деонтической модальности (*должна войти, должен подготовить, должны соответствовать*) имплицитно невыполнение перечисленных критериев при организации новой практики, а значит, её юридическую несостоятельность.

3. Распределение ответственности между вузом и медицинским учреждением. Так, авторы обращения отмечают двусмысленность ситуации и правовую коллизию, при которой трудовой договор студента с медицинским учреждением фактически снимает с вуза ответственность за условия практики, хотя практика представляет собой часть учебного процесса:

«Согласно 273-ФЗ ст.28 п. 6 ч.2: вуз обязан создавать безопасные условия обучения (прим. Практика является частью учебного процесса), согласно ч.3: соблюдать права и свободы учащихся и согласно п.7: несет ответственность в установленном законодательством РФ порядке.

Обучающиеся в праве заключать Трудовой Договор с площадкой прохождения практики, если его труд будет носить рабочий характер, и появление трудовых отношений у студента снимает с вуза ответственность за его жизнь и здоровье (273-ФЗ)».

В рамках настоящей статьи не представляется возможным подробно рассмотреть и классифицировать высказывания-реакции на пост. Отметим только два принципиально важных, на наш взгляд, типа реакций, отражающих специфику обыденной метаюридической коммуникации:

1. Юридически ориентированные реакции, комментирующие суть поста, т.е. правовые аспекты ситуации:

«Я правильно понимаю, что:

1) авторы предлагают ректору на основании прикреплённого документа обжаловать совместным приказом Минобра и Минздрава?

2) авторы утверждают "Принуждение к практике бессмысленно, все больницы одинаково ковидные с точки зрения закона" => на практику выходят только те, кто хотят этого?

3) авторы утверждают, что заключение трудового договора может быть только добровольным, а насильно трудоустраивать людей нельзя?

Может там ещё какие-то выводы были, которые я упустила».

2. Обыденные реакции, в основном морально-этические оценки авторов поста и других акторов ситуации:

«Правильно делаете, надо отстаивать свои права!»

«Если ещё понабегут эти вот, которые:

– Какие из вас врачи будут?

– Знали, куда шли

– Кто, если не вы?

– Вас государство учит!

– Клятву клептократы давали!

– Вы нужны Родине!

– Флаг в руки и вперёд, это "бесценный опыт"!

Знайτε, вы не патриоты, а враги народа, пусть вас знают в лицо».

Краткие выводы, которые можно сделать на основе анализа данного кейса, охватывают как социальные, так и языковые аспекты ситуации. Прежде всего, очевидно, что российская студенческая молодежь не изолирована от юридической реальности и в действительности сталкивается с ней намного раньше, чем это произошло с людьми среднего и старшего возраста. В анализируемой ситуации студенты становятся активными субъектами и интерпретаторами права, реагируя на приказ анализом нормативных актов, который представляют как обоснование собственной позиции. Важно в этом контексте отметить и роль соцсетей в осуществлении юридической и метаюридической коммуникации: соцсети используются и для распространения собственно нормативных актов, и для формирования метаюридического дискурса, выработки непрофессионального общественного мнения (пусть и в рамках ограниченной аудитории) относительно правовой реальности. Кроме того, соцсети, выступая площадкой для обсуждения правовых норм, одновременно способствуют и формированию чувств коллегиальности и принадлежности к профессиональному сообществу. (Об особенностях коммуникации в профессиональных сетевых сообществах мы подробно писали ранее [Данкова, Дубровская 2019].)

С точки зрения языка, позиция субъектов права изложена не всегда достаточно связно и грамотно, в некоторых фрагментах логический вывод оказывается не выражен эксплицитно. Тем не менее стратегически продуманная форма изложения и структура поста позволяют утверждать о вовлечении юридическую реальность двух сторон и о той способности субъектов права отвечать на юридические нововведения, о которой пишет Э. Мертц. В то же время метаюридический характер коммуникации определяет возможность выхода коммуникантов за рамки юридического в область морально-этического и оценочного, что находит выражение в обыденном типе реакций на пост.

Библиографический список

1. Данкова, Н. С. Жанры профессиональных интернет-сообществ в аксиологическом аспекте / Н. С. Данкова, Т. В. Дубровская // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 38, № 4. – С. 551–561.
2. Концептуализация межнациональных отношений в юридическом дискурсе // Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации : коллективная монография / Т. В. Дубровская, Е. К. Рева, Е. А. Кожемякин, Я. А. Ярославцева, Д. В. Арехина ; под общ. ред. Т. В. Дубровской. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2017. – С. 99–165.
3. Приказ Министерства здравоохранения РФ и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 378/619 от 27.04.2020. – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/COVID-19/27042020_619.pdf (дата обращения: 20.06.2020).
4. Cotterrell, R. Law, Culture and Society: Legal Ideas in the Mirror of Social Theory / R. Cotterrell. – Aldershot : Ashgate, 2006. – 206 p.
5. Galdia, M. Legal Discourses / M. Galdia. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2014. – 449 p.
6. Mertz, E. A new social constructionism for socio-legal studies / E. Mertz // The Law & Society Reader II. Larson / E. and Schmidt P. (eds.). – New York ; London : New York University Press, 2014. – P. 176–181.

В. В. Катермина

Краснодар, Россия

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЗАКОН» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ¹

V. V. Katermina

Krasnodar, Russia

CONCEPTUALIZATION OF A NOTION "LAW" IN ENGLISH NEOLOGICAL DISCOURSE

Аннотация. Рассматривается концептуализация понятия «закон/law» в англоязычном неологическом дискурсе. В тексте анализируются наиболее частотные тематические группы английских неологизмов. Подчеркивается, что, будучи национально-специфичными, неологизмы реализуют те категории, которыми мыслят представители того или иного народа, и те границы, в которые они поставлены с целью восприятия и анализа окружающего мира.

Ключевые слова: концептуализация, закон, неологизм, язык, культура.

Abstract. The article examines the conceptualization of the concept "law" in English-language neological discourse. The author analyzes the most frequent thematic groups of English neologisms. Neologisms, being nationally specific, realize the categories with which representatives of a particular people think, and the boundaries in which they are placed in order to perceive and analyze the world around them.

Keywords: conceptualization, law, neologism, language, culture.

Окружающий человека мир не хаотичен, а определенным образом структурирован, и его восприятие также имеет упорядоченный характер. Оно предполагает не просто регистрацию информации, но и ее интерпретацию, то есть обработку, на каждом этапе которой выполняются особые функции.

Восприятие тесно связано с двумя основными процессами познавательной деятельности человека: концептуализацией и категоризацией и, таким образом, неотделимо от концептуального содержания сознания. В связи с этим в когнитивной психологии принято считать, что структура восприятия и концептуальные системы основываются на сходных принципах (Найссер 1981; Андерсон 2002; Солсо 2006).

В самом общем виде процесс концептуализации представляется лингвистами как «способ восприятия и организации мира, который находит отражение в языке» (Апресян 1995 : 39), или как «способ членения мира, характерный для того или иного языка» (Урысон 1998 : 3).

Наиболее полное и всестороннее определение концептуализации с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы предлагает Е. С. Кубрякова. Процесс концептуализации, в ее понимании, связан с преломлением в голове человека не только сущностей внешнего мира, он «охватывает также осмысление и собственно внутреннего мира человека, а также, что не менее важно, своеобразное “освоение” любых выражаемых возможных миров» (Кубрякова 2002 : 14). Он «ориентирован на членение потока информации и порождение новых смыслов, отражающих его осмысление» (Кубрякова 2001 : 190).

Концептуализация – это «живой процесс порождения новых смыслов, отражающий механизмы того, как образуются новые знания и как можно объяснить способность человека постоянно пополнять фонд знания о мире» (Радбиль 2010: 166)

При помощи лексических единиц человек «осуществляет репрезентацию объектов реального мира. В словах как номинативных единицах языка хранятся определенные знания о действительности, достаточные для того, чтобы идентифицировать обозначаемые словами реальные или идеальные сущности. С одной стороны, происходит опредмечивание человеком объективного мира, связанного со всеми этапами его общественного опыта и трудовой деятельности, с выделением и обобщением необходимого и существенного в предмете познания. А с другой стороны – обозначение нового предмета через несущественные, второстепенные признаки другого предмета, отраженные в его наименовании» (Катермина 2017 : 84).

Процесс неогенеза неисчерпаем, его конкретные проявления постоянно видоизменяются в связи не только с эксплицитным, но и имплицитным развитием смыслового содержания представляемых неологизмами концептов, поскольку бесконечны и многообразны сами формы человеческого познания. Новое все-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 20-012-00033 «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных» (2020–2022 гг., рук. В. В. Катермина).

гда возникает в результате углубленного осмысления (переосмысления) действительности, открытия неизвестных ранее свойств и признаков познаваемых объектов. Поэтому «особую значимость приобретает проблема выявления нового знания, свойственного неологизмам, специфики объективируемой в них информации» (Касьянова 2009 : 4).

Понятие «закон/law» в лексикографических источниках трактуется как “a rule that is supported by the power of government and that controls the behavior of members of a society” (LDCE 1992 : 590).

В системе англоязычного неологического дискурса в результате выборки из электронных лексикографических источников (Wordspy, Macmillan Buzzword Dictionary, Urban Dictionary, Cambridge Dictionaries Online Blog) нами было выделено и проанализировано несколько тематических групп, связанных с компьютерными технологиями, бизнесом, социальной сферой, политикой, в которых реализуется понятие «закон/law».

Наиболее распространенной является группа, связанная с компьютерами. Компьютерные технологии с каждым годом все более значительно определяют жизнь современного человека. Компьютер используется не только как рабочий инструмент, но и для решения различных коммуникативных задач. Общество немисливо без использования новых информационных и коммуникационных технологий, в первую очередь без всемирной компьютерной сети Интернет (Палкова 2003).

А.Е. Войскунский считает, что Интернет – это не только и не столько взаимосвязанные компьютеры и компьютерные сети, сколько взаимосвязанные и активно действующие в этой среде люди вместе с продуктами их активности – сообщениями, веб-страницами, каталогами и архивами данных, навигационными маршрутами, компьютерными вирусами и т.п. (Войскунский 2002).

В многочисленных неологизмах присутствует сема “illegal”, “hack”, “harm”, “fake”, “criminal” и т.д.: juice jacking – an *illegal* attempt to *harm* someone’s computer, tablet or smartphone, or the information on it, by using a charging port; modder – someone who modifies software, often *illegally*; black hat – someone who engages in *criminal* activity on the Internet, such as an *illegal hacker*; dox – to release *harmful* information about a person or company, as a form of online protest; IP address spoofing – the use of a *fake* IP address to carry out a denial-of-service attack.

Все эти семы содержат отрицательную оценочную коннотацию и обозначают действия, направленные против закона.

Нелегальные действия присутствуют как в *политике* (shampaign – a fake, insincere, or misleading campaign, particular for political office; ghost money – money transferred in secret by a covert government agency), так и в *социальной сфере* (CRASBO – a criminal anti-social behaviour order; an order made on the back of a criminal conviction).

Деловой дискурс представлен новыми словами с преимущественно положительной коннотацией, в которой отражаются действия и поступки, направленные на предотвращение противозаконных действий: dark green – describes a financial product that *avoids investing in unethical* companies; light green – describes a financial product that invests only in companies that have a *positive ethical and ecological bias*; divorce doula – an advocate who *provides legal and financial advice* as well as *emotional support* to a client who is going through a divorce; derisk – to *remove risk*, especially financial risk, from a situation or process.

Интересно отметить расширение значения лексемы «нарушения закона» и отражение понятие «преступление/crime» в жанрах кино, литературы и телевизионных передач: chick noir – a style of literature written for women which has a *crime* or other serious and compelling theme; Nordic noir – *crime* fiction or TV programmes that come from Scandinavian countries, with dark stories and realistic social settings.

Новые тенденции, происходящие в мире, влияют и на семантику неологизмов, вербализующих сему «закон». Так, например, появились новые *законы* (ag-gag – relating to laws that criminalize the taking of undercover photos and videos in certain businesses; zombie law noun – a law that bans people from crossing the road while distracted by their mobile phone or similar device); *виды преступлений* (apple picking – stealing someone’s iPhone; ghosting – the theft of the identity of someone who has died; vishing – a type of fraud in which people are phoned and tricked into revealing personal details to fraudsters claiming to be from a legitimate body such as their bank or the police; juice jacking – stealing data from a portable device that is plugged into a hacked public charging station; distracted walking noun – the minor crime of crossing the road while looking at your mobile phone or similar device and therefore posing a danger to motorists and other pedestrians; jackpotting – the crime of hacking into a cash machine in order to obtain money; transaction laundering noun – the crime of using a company’s payment system to process a payment for illegal products and services); *номинации преступников* (facecrook – a criminal who uses Facebook to commit, plan, or talk about a crime); *типы дискриминаций* (digital redlining – discrimination against a customer by a business based on ratings the customer received in the past; coloursim – a form of discrimination which is based on the individual’s skin colour, with the person who has the lighter skin tone treated more favourably; adultism – discrimination against young people; flexism – discrimination against someone who has flexible working hours).

Итак, в рамках антропоцентрической парадигмы современной лингвистики активно развивается теория концептуализации действительности. Концептуализация мира как особым образом организованный тип познавательной деятельности человека может осуществляться на разной основе посредством разных когнитивных механизмов.

Будучи национально-специфичными, неологизмы через свое пространство реализуют те категории, которыми мыслят представители того или иного народа, и те границы, в которые они поставлены с целью восприятия и анализа окружающего мира

Библиографический список

1. Андерсон, Дж. Когнитивная психология / Дж. Андерсон. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 496 с.
2. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
3. Войсунский А. Е. Интернет – новая область исследований в психологической науке / А. Е. Войсунский // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. – Москва : Смысл, 2002. – Вып. 1. – С. 82–101.
4. Касьянова, Л. Ю. Когнитивно-дискурсивные проблемы неологизации в русском языке конца XX – начала XXI века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Касьянова Л. Ю. – Самара, 2009. – 47 с.
5. Катермина, В. В. Культурно-интерпретирующий потенциал массмедийных неологизмов в английском дискурсе / В. В. Катермина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 1. – С. 84–90.
6. Кубрякова, Е. С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии / Е. С. Кубрякова // Реальность, язык и сознание. – Тамбов, 2002. – Вып. 2. – С. 5–15.
7. Кубрякова, Е. С. Теоретические проблемы русского словообразования (транспозиция в концептуализации и категоризации мира) / Е. С. Кубрякова // Русский язык: история, судьбы и современность. – Москва, 2001. – С. 190–191.
8. Найссер, У. Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии / У. Найссер. – Москва : Прогресс, 1981. – 232 с.
9. Палкова, А. В. Интернет как фактор, стимулирующий изменения в современном обществе и языке / А. В. Палкова // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. – 2003. – Вып. 5. – С. 184–192.
10. Радбиль, Т. Б. Основы изучения языкового менталитета : учеб. пособие / Т. Б. Радбиль. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 328 с.
11. Солсо, Р. Когнитивная психология / Р. Солсо. – Санкт-Петербург : Питер, 2006. – 589 с.
12. Урысон, Е. В. Языковая картина мира vs обиходные представления (модель восприятия в русском языке) / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 3–21.
13. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. – Москва : Рус. яз., 1992. – Т. 1. – 626 с.

О. М. Литвишко

Пятигорск, Россия

ПРАГМА-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНИЦИАЛЬНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

O. M. Litvishko

Pyatigorsk, Russia

PRAGMATIC-FUNCTIONAL FEATURES OF INITIAL DISCOURSE MARKERS IN ENGLISH LEGAL DISCOURSE

Аннотация. Анализируются инициальные дискурсивные маркеры в англоязычном юридическом дискурсе на материале текстов международных конвенций. На основе классификации М. Халлидей и Р. Хасан рассматривается функционирование дискурсивных маркеров с добавочным, противительным, временным и причинно-следственным значениями в текстах юридической тематики. Отмечается, что наиболее характерными для юридического дискурса являются маркеры с добавочным и причинно-следственным значениями, которые используются в функции уточнения, пояснения, ввода новой информации, обеспечивая при этом связность изложения.

Ключевые слова: английский язык, дискурсивные маркеры, инициальная позиция, функциональные особенности, юридический дискурс.

Abstract. The article is devoted to the analysis of initial discourse markers in English legal discourse on the material of the texts of international conventions. Based on the classification of M. Halliday and R. Hasan, the author studies the functioning of discourse markers with additive, adversative, sequential and causative meanings. The author points out that additive and causative discourse markers are the most typical of legal discourse, they are to clarify and explain, to introduce new information providing text cohesion.

Keywords: english, discourse markers, initial position, functional features, legal discourse.

Дискурсивные маркеры представляют собой функционально-обусловленный класс единиц, относящихся к различным частям речи, но выполняющих общую функцию – регулирование и организацию процесса коммуникации [Литвишко, 2019 : 35]. Будучи представленными большим количеством разнообразных по структуре и прагматическим функциям языковых единиц, дискурсивные маркеры стали объектом исследования ряда научных школ и направлений, в рамках которых они понимаются как прагматические частицы, прагматические маркеры, дискурсивные коннекторы, дискурсивные частицы, прагмалексемы, метатекстовые маркеры, соединительные единицы [Викторова, 2014; Fraser, 1999; Halliday, Hasan, 1976; Schiffrin, 2001]. Несмотря на различие подходов к их изучению и определению, а также разнообразие предложенных классификаций, большинство лингвистов сходятся во мнении, что дискурсивные маркеры связывают речь воедино и выражают прагматическое значение высказывания в определенном типе дискурса.

Действительно, как отмечает ряд исследователей, особенностью дискурсивных маркеров является тот факт, что их лексическое или грамматическое значение утрачивается в процессе коммуникации, при этом реализуется их прагматическое значение, поскольку, вследствие процесса прагматизации, определенные лексические единицы, в частности, дискурсивные частицы, способны переходить на коммуникативно-прагматический уровень языка, становясь исключительно прагматическими единицами [Богданова-Бегларян, 2014; Бабаева, 2008].

Кроме того, дискурсивные маркеры обладают широкими функциональными возможностями, которые зачастую определяются их позицией в предложении. Так, занимая инициальную позицию, они выступают в функции апеллятивов, этикетных маркеров, инициации диалогической коммуникации; встраиваясь в высказывание, служат маркерами прерывания диалогической единицы, десемантизированной оценки; в финальной позиции выступают в функции подведения итога [Царенко, Шустова, 2018 : 9], иницируют дискурс, маркируют тематические паузы, вводят новую тему и завершают предыдущую [Авакова, 2017 : 19]. В целом, их функции включают выражение эмоционально-оценочного отношения, регулирование процесса понимания, обеспечение смысловой целостности коммуникации [Шилихина, 2015 : 120].

Представленные в научной литературе исследования дискурсивных маркеров касаются изучения данных единиц в разнообразных типах дискурса – устном и письменном [Когут, 2014; Когут, 2016; Подлеская, Кибрик, 2006], разговорном и официальном [Гвишиани, 1979; Мишиева, 2015], в профессиональной коммуникации – в научном, политическом, религиозном, педагогическом, рекламном и др. видах дискурса [Авакова, 2017; Гвишиани, 2008; Филиппова, 2004; Черноусова, 2019]. Тем не менее, функционирование

дискурсивных маркеров в рамках юридического дискурса в целом, а также изучение их прагма-функциональной специфики в рамках данного вида институционального дискурса до сих пор не попало в фокус лингвистических исследований, что актуализирует тему настоящей статьи.

Объектом исследования являются инициальные дискурсивные маркеры в англоязычном юридическом дискурсе в аспекте их прагма-функциональных характеристик. Материалом исследования выступают тексты 5 международных конвенций, относящихся к различным отраслям международного права. Выбор материала для исследования обусловлен стремлением продемонстрировать общую для юридических текстов тенденцию использования дискурсивных маркеров в определенных прагматических функциях, несмотря на тематическое разнообразие документов. Теоретической основой функциональной классификации дискурсивных маркеров выступает классификация, предложенная М. Халлидеем и Р. Хасан, поскольку основой данного подхода выступает анализ связности письменного текста и средств достижения смыслового единства текста [Halliday, Hasan, 1976].

Итак, согласно указанной выше классификации дискурсивные маркеры представляют собой соединительные единицы, выступающие средствами когезии и помогающие создать текст, указывая на организационные связи в нем. Ввиду этого, они могут иметь добавочное, временное, противительное и причинно-следственное значения. Полагаем, что занимая инициальную позицию, дискурсивные маркеры сохраняют указанные значения.

Рассмотрим данные функции дискурсивных маркеров на примерах.

Наиболее разнообразно в юридическом дискурсе представлена группа инициальных дискурсивных маркеров с добавочным значением, к которым мы предлагаем относить следующие: *it was pointed out that* ..., *furthermore*, *in respect of* ..., *with regard to* ..., *with respect to* ..., *pursuant to* ..., *in accordance with* ..., *taking into account* ..., *notwithstanding (the fact that)* ..., *without prejudice to* ..., *subject to*. Полагаем, что дискурсивные маркеры с добавочным значением в юридическом дискурсе, помимо обеспечения последовательности изложения информации, призваны выступать в функции уточнения, пояснения, ввода дополнительной информации, ссылки на информацию, представленную ранее:

1. *It was pointed out, in that connection, that the preparation of an international instrument dealing with issues of electronic contracting ... in existing uniform law conventions and trade agreements were not mutually exclusive* (4).

Так, в примере (1) вводная конструкция *it was pointed out* указывает на некую информацию, которая была упомянута в документе ранее, однако, подобная ссылка позволяет ввести новую информацию, которая представлена далее в предложении.

(2) *Furthermore, the Convention does not apply to transactions in certain financial markets subject to specific regulation or industry standards* (4).

В примере (2) вводное наречие *furthermore* также выступает в функции дискурсивного маркера с добавочным значением, что соответствует его непосредственному словарному значению "*in addition, besides, moreover*". В словаре Collins English Dictionary также приводится пояснение касательно употребления *furthermore*: "*used with conjunctive force*", "*used to introduce a piece of information or opinion that adds to or supports the previous one*" [<https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/furthermore>]. Полагаем, что, несмотря на тот факт, что использование наречия *furthermore* направлено на введение новой информации, тем не менее, важным является имплицитно выраженная ссылка на предыдущую информацию, на основе которой вводится новый фрагмент информации.

В следующем примере инициальная вводная фраза *with regard to* также призвана ввести новую информацию, выступая в функции дискурсивного маркера с добавочным значением, однако с ее помощью в текст вводится новый ранее не упомянутый фрагмент информации.

(3) *With regard to the liability of the notifier, or exporter under Article 4, paragraph 1, or of the importer under Article 4, paragraph 2, insurance, bonds or other financial guarantees referred to in paragraph 1 of this Article shall only be drawn upon in order to provide compensation for damage covered by Article 2 of the Protocol* (2).

Перейдем к анализу примеров с использованием дискурсивных маркеров с причинно-следственным значением, которая достаточно широко представлена в англоязычном юридическом дискурсе. К данному типу дискурсивных маркеров мы относим следующие: *if*, *unless*, *in such case*, *thereafter*, *in order to*, *in the event of*

(4) *If the ground relates solely to particular clauses, it may be invoked only with respect to those clauses* ... (5).

В примере (4) мы встречаем союз *if*, выступающий в функции дискурсивного маркера с причинно-следственным значением, т.к. используется в условном предложении I типа, тем самым выражая условие, при котором возможно осуществление действия, указанного в главном предложении. В той же функции и с тем же прагматическим значением используется маркер *unless*:

(5) *Unless a different intention appears from the treaty or is otherwise established, a treaty is binding upon each party in respect of its entire territory* (5).

Причинно-следственное значение также отмечено нами при использовании других лексических единиц и словосочетаний в качестве инициальных дискурсивных маркеров:

(6) *In such case, a formal declaration of the urgency of the measures shall be communicated without delay to the other watercourse States referred to in article 12 together with the relevant data and information* (1).

(7) *Thereafter*, ordinary meetings of the Conference of the Parties shall be held at regular intervals to be determined by the Conference at its first meeting (2).

(8) *In order to become a Party to a protocol*, a State or a regional economic integration organization must also be a Party to this Convention (3).

(9) *In the event of a conflict between uses of an international watercourse*, it shall be resolved with reference to articles 5 to 7, with special regard being given to the requirements of vital human needs (1).

Как показывают приведенные примеры, в группу дискурсивных маркеров с причинно-следственным значением в основном входят лексемы и словосочетания, традиционно используемые в условных предложениях. Полагаем, что в контексте юридических документов соблюдение определенного условия является причиной осуществления действия, выраженного в главной части сложноподчиненного условного предложения, и наоборот, несоблюдение (в случае с *unless*) может стать причиной невыполнения какого-либо действия. Также нами отмечено, что в данном типе дискурса характерно использование условных предложений, соответствующих модели “*If + subordinate clause, main clause*”, что позволяет нам выделить такие союзы, как *if*, *unless* и синонимичные им словосочетания в качестве инициальных дискурсивных маркеров.

Дискурсивные маркеры с противительным значением в инициальной позиции в рамках юридического дискурса включают только *however*. Полагаем, что для данного типа профессиональной коммуникации не свойственно использование маркеров с противительным значением, поскольку проанализированный нами тип юридических документов носит декларативный характер – данные документы предназначены для передачи юридически релевантной информации при помощи соответствующего языка. По мнению Е. С. Шугриной, язык юридических документов должен быть точным, ясным и достоверным [Шугрина, 2001 : 49]. Полагаем, что противопоставление как лингвистический прием, в рамках которого присутствуют два высказывания, одно из которых имеет значение, противоположное (контрастное) значению в другом высказывании [Савченко, Фильчакова, 2017 : 131] более свойственен устному типу коммуникации, в частности, разговорному дискурсу, в рамках которого присутствуют эмоционально-оценочные высказывания, тогда как для юридического дискурса характерной является эмоциональная нейтральность.

Интересным, на наш взгляд, является также тот факт, что в рамках юридического дискурса отсутствуют инициальные дискурсивные маркеры с временным значением. Нами были зафиксированы примеры использования наречия *when* в инициальной позиции:

(10) *When the consent of a State to be bound by a treaty is established on a date after the treaty has come into force, the treaty enters into force for that State on that date, unless the treaty otherwise provides* (5).

Полагаем, что наречие *when* используется в значении, близком к значению союза *if*, т.е. в составе условного предложения в качестве дискурсивного маркера с причинно-следственным значением.

Проведенный анализ инициальных дискурсивных маркеров в англоязычном юридическом дискурсе позволил прийти к следующим выводам:

- для англоязычного дискурса характерным является использование дискурсивных маркеров в инициальной позиции с добавочным и причинно-следственным значением;
- главной функцией инициальных дискурсивных маркеров в контексте юридического дискурса является обеспечение связности коммуникации, т.е. они выступают средством достижения когезии текста;
- дискурсивные маркеры с добавочным значением часто выступают в функции уточнения и пояснения;
- дискурсивные маркеры с причинно-следственным значением выражены в основном союзами и союзными словосочетаниями, традиционно используемыми в условных предложениях;
- в англоязычном юридическом дискурсе отсутствуют инициальные дискурсивные маркеры с противительным и временным значением;
- главной прагматической особенностью юридического дискурса является передача юридически значимой информации с использованием соответствующего типа языка – точного, ясного, достоверного, эмоционально-нейтрального.

Библиографический список

1. Авакова, М. Л. Гендерный аспект функционирования дискурсивных элементов в англоязычной лингвокультуре (на материале дискурса интервью и художественного дискурса) : дис. ... канд. филол. наук / Авакова М. Л. – Пятигорск, 2017. – 210 с.
2. Бабаева, Р. И. Незнаменательная лексика в немецком обиходном дискурсе (прагматический аспект) : дис. ... канд. филол. наук / Бабаева Р. И. – Иваново, 2008. – 219 с.
3. Богданова-Бегларян, Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология / Н. В. Богданова-Бегларян // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014. – № 3 (27). – С. 7–20.
4. Викторова, Е. Ю. прагматическая полифункциональность дискурсивных слов / Е. Ю. Викторова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 2.
5. Гвишиани, Н. Б. Полифункциональные слова в языке и речи / Н. Б. Гвишиани. – Москва, 1979. – 200 с.
6. Гвишиани, Н. Б. Язык научного общения: вопросы методологии / Н. Б. Гвишиани. – Москва, 2008. – 274 с.
7. Когут, С. В. Дискурсивные маркеры в русскоязычных и немецкоязычных геологических научных статьях / С. В. Когут // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 380. – С. 18–23.

8. Когут, С. В. Дискурсивные маркеры в письменном научном дискурсе / С. В. Когут // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 2. – С. 157–163.
9. Литвишко, О. М. Дискурсивные маркеры в государственных политико-правовых документах (на материале Ежегодного послания Президента Федеральному Собранию РФ и Ежегодного послания Президента США Конгрессу) / О. М. Литвишко // Филология и человек. – 2019. – № 1. – С. 30–46.
10. Мишиева, Е. М. Дискурсивные маркеры в молодежной онлайн-коммуникации (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук / Мишиева Е. М. – Москва, 2015. – 233 с.
11. Подлесская, В. И. Коррекция в устной монологической речи по данным корпусного исследования / В. И. Подлесская, А. А. Кибрик // Русский язык в научном освещении. – 2006. – № 12-2. – С. 7–55.
12. Савченко, Е. П. Функциональные особенности английских контрастивных дискурсивных маркеров / Е. П. Савченко, Е. М. Фильчакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 6-1 (72). – С. 130–133.
13. Филиппова, М. М. Непрямая коммуникация и средства создания двусмысленного дискурса / М. М. Филиппова // Язык. Сознание. Коммуникация : сб. ст. – Москва, 2004. – Вып. 28. – С. 75–90.
14. Царенко, Н. М. Дискурсивные маркеры в прагмалингводидактическом аспекте / Н. М. Царенко, С. В. Шустова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2018. – № 2. – С. 8–16.
15. Черноусова, Ю. А. Дискурсивные маркеры в европейском парламентском дискурсе: гендерный аспект / Ю. А. Черноусова, Л. Р. Сардалова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 2. – С. 43–49.
16. Шилихина, К. М. Изучение дискурсивных маркеров методами корпусной лингвистики / К. М. Шилихина // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 3. – С. 120–125.
17. Шмелев, А. Д. Показатели хезитации в устной русской речи / А. Д. Шмелев // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. – Москва, 2005. – С. 518–529.
18. Шугрина, Е. С. Техника юридического письма / Е. С. Шугрина. – Москва, 2001. – 272 с.
19. Fraser, B. What are Discourse Markers? / B. Fraser // Journal of Pragmatics. – 1999. – Vol. 31. – P. 931–952.
20. Halliday, M. A. K. Cohesion in English / M. A. K. Halliday, R. Hasan. – London, 1976.
21. Schiffrin, D. Discourse Markers: Language, Meaning, and Context / D. Schiffrin // Handbook of Discourse analysis / Deborah Schiffrin, Deborah Tannen and Heidi Hamilton (eds.). – Oxford, 2001. – P. 54–75.
22. Collins English Dictionary. – URL: <https://www.collinsdictionary.com>.

Список источников примеров

23. Convention on the Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses.
24. The Basel Convention for the Control of Transboundary Movements of Hazardous Wastes and Their Disposal.
25. UN Convention against Transnational Organized Crime and the Protocols Thereto.
26. UN Convention on the Use of Electronic Communications in International Contracts.
27. Vienna Convention on the Law of Treaties.

О. Е. Фролова

Москва, Россия

МЕХАНИЗМЫ ЧАСТОТНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ТЕКСТА¹

O. E. Frolova

Moscow, Russia

FREQUENCY MECHANISMS OF LEGISLATIVE TEXT

Аннотация. Рассматривается частотность единиц в законодательных текстах – Уголовных кодексах 1922, 1926, 1960, 1996 гг., отражающих разные эпохи истории СССР и России. Анализ частотности с помощью программы Istio.com позволяет выделить зоны лексической стабильности и динамичности в кодексах, введенных в действие в разное время. Автоматическая обработка текста дает возможность выявить ключевые слова на синхронном уровне и показать, как меняется характер номинаций важнейших понятий на диахронном.

Ключевые слова: частотность, законодательный текст, Уголовный кодекс.

Abstract. The article examines the unit frequency used in legislative texts such as the Criminal Codes of 1922, 1926, 1960, and 1996 which reflect different eras in the history of the USSR and the Russian Federation. Frequency analysis using the Istio.com program aims to highlight the areas of lexical stability and dynamism in the Codes that were enacted at different times. Automatic text processing identifies the keywords at the synchronous level and shows how the nature of the nominations of the most important concepts is changing at the diachronous level.

Keywords: frequency, legislative text, Criminal Code.

Официально-деловой стиль, в рамках которого создаются юридические и, в частности, законодательные тексты, подчиняется достаточно жестким требованиям: «безликость и сухость изложения, высокая степень стандартности выражений, ...стремление к точности формулировок» [Крысин 2020: 451]. В силу высокой степени стандартизации языковых средств, у исследователя и носителя языка может создаться впечатление, что тексты законов, принадлежащие одной исторической эпохе и созданные с интервалом в несколько десятков лет, мало отличаются друг от друга в плане средств выражения. Мы хотим проверить данное предположение о малой динамичности языкового оформления законодательного текста. Как показал опыт анализа конституций страны, впечатление о неизменности законодательного текста обманчиво (см. [Фролова 2019]). Однако конституции, рассмотренные нами с точки зрения частотности, являясь законами прямого действия, отражают принципы меняющегося социально-политического устройства государства. Обнаружат ли динамичность в средствах выражения законодательные тексты более низкого уровня, имеющие целью поддерживать стабильность государства и безопасность граждан?

Предмет нашего рассмотрения частотность лексики в Уголовных кодексах РСФСР и РФ 1922, 1926, 1960 и 1996 гг. (далее УК). Мы намереваемся выяснить, а) пики частотности, их состав и динамику, б) частотность единиц, называющих правонарушение, участников ситуации нарушения закона, характер взыскания, в) номинации высшей меры наказания.

Мы обратились к программе Istio.com, используемой спичрайтерами и позволяющей оценить стилистическую сбалансированность текста, а также описать частотность лексики. Программа выделяет ядро текста, отсекая служебные слова, определяет объем текста в знаках и словах, а также в единицах, входящих в ядро. При этом в полученной после автоматического анализа текста таблице показаны леммы, их фактическое употребление, проценты в ядре текста.

Мы обратились к электронному ресурсу «Консультант плюс», на котором хранятся как тексты современного законодательства, так и уже утратившие силу документы. Сложность заключается в том, что по мере действия закона в него вносятся поправки, что отражается и на составе текста, и на словоупотреблении. Данный электронный ресурс не всегда позволяет вернуться к исходной версии законодательного документа.

Таблица 1, в которой представлены 20 наиболее частотных единиц всех четырех кодексов, позволяет выделить зону стабильности, отражающую продолжительность наказания, номинации понятия изоляции от общества, основание наказания: *срок, год, лишение свободы, лицо, статья*. Хотя частотность термина «преступление» несколько меняется в УК 1922, 1926, 1960 г., он демонстрирует устойчивость и входит в 20 самых частотных полных слов, однако в УК 1996 г. данный термин занимает лишь 25 место с 654 употреблениями и с 0,9 % в ядре. Важным мы считаем высокочастотный глагол *караться* в УК 1922, от которого откажутся последующие УК, а также высокое место существительного *конфискация*, в УК 1922 г.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-29-09158 «Создание корпуса официально-деловых текстов русского языка (ОДКРЯ)».

Показатели наиболее частотной лексики

УК 1922 103397 символов с пробелами Объем: 13443 слов Словарь ядра: 1580 слов	УК 1926 167376 символов с пробелами Объем: 22105 слов Словарь ядра: 1999 слов	УК 1960 297424 символа с пробелами Объем: 38266 слов Словарь ядра: 1884 слов	УК 1996 851209 символов с пробелами Объем: 112764 слова Словарь ядра: 2428 слов
1. Караться 242 – 2,9 %	Срок 407 – 3 %	Статья 812 – 3,3 %	Год 2991 – 4,3 %
2. Срок 226 – 2,7 %	Лишение 316 – 2,4 %	Срок 801 – 3,3 %	Срок 2849 – 4,1 %
3. Лишение 200 – 2,4 %	Год 309 – 2,3 %	Год 726 – 3 %	ФЗ 2111 – 3 %
4. Свобода 196 – 2,4 %	Свобода 300 – 2,2 %	Лишение 610 – 2,5 %	Размер 1717 – 2,4 %
5. Год 174 – 2,1 %	РСФСР 242 – 1,8 %	Свобода 572 – 2,3 %	Лишение 1525 – 2,2 %
6. Наказание 162 – 1,9 %	Постановление 224 – 1,7 %	РСФСР 537 – 2,2 %	Закон 1525 – 2,2 %
7. Ниже 120 – 1,4 %	ВЦИК 214 – 1,6 %	Наказываться 484 – 2 %	Федеральный 1484 – 2,1 %
8. Статья 110 – 1,3 %	СНК 208 – 1,5 %	Президиум 439 – 1,8 %	Свобода 1380 – 1,9 %
9. Лицо 107 – 1,3 %	Лицо 179 – 1,3 %	Указ 434 – 1,8 %	Статья 1315 – 1,9 %
10. ВЦИК 100 – 1,2 %	Статья 154 – 1,1 %	Ред, 381 – 1,5 %	Ред, 1122 – 1,6 %
11. Постановление 99 – 1,2 %	Работа 152 – 1,1 %	Лицо 372 – 1,5 %	Определенный 1079 – 1,3 %
12. Работа 95 – 1,3 %	Ред, 152 – 1,1 %	Совершить 322 – 1,3 %	Лицо 1056 – 1,5 %
13. Преступление 97 – 1,1 %	Преступление 131 – 0,9 %	Преступление 300 – 1,2 %	Работа 964 – 1,3 %
14. Принудительный 83 – 1 %	Мера 130 – 0,9 %	Работа 289 – 1,2 %	Наказываться 930 – 1,3 %
15. Имущество 73 – 0,9 %	Влечь 128 – 0,9 %	Наказание 287 – 1,1 %	Осужденный 834 – 1,2 %
16. Действие 67 – 0,8 %	Принудительный 128 – 0,9 %	Исправительный 243 – 1 %	Тысяча 807 – 1,1 %
17. Совершить 65 – 0,8 %	Совершить 125 – 0,9 %	Имущество 214 – 0,8 %	Рубль 777 – 1,1 %
18. Суд 64 – 0,7 %	Социальный 123 – 0,9 %	Общественный 210 – 0,8 %	Штраф 751 – 1 %
19. Конфискация 63 – 0,7 %	Штраф 123 – 0,9 %	Часть 187 – 0,7 %	Таковой 746 – 1 %
20. Ред, 62 – 0,7 %	Имущество 122 – 0,9 %	Штраф 162 – 0,6 %	Доход 727 – 1 %

Глаголы *карать* и *каратся* обозначают наказание за преступление. *Карать* – «несов. (к *пока- рать*), кого-что (книжн.). Наказывать согласно высшим требованиям справедливости, правосудия, строго осуждать. Закон карает взяточничество. Свободы тайный страж, карающий кинжал. Пшкн. (Свет) не ка- рает заблуждений, но тайны требует для них. Пшкн. || чем. Подвергать наказанию чем-н., исправительно- му воздействию чего-н. К. принудительными работами. Глаголом истины к. Плщв». Караться – «не- сов. (книжн.). Страд. к *карать*. Убийство с контрреволюционной целью карается смертной казнью. Преступники караются по закону». [Ушаков]. Авторы словаря не настаивают на том, что глагол употребле- ется при чрезвычайно тяжком преступлении или при жестоком наказании, а лишь отмечают его *книжность* как стилистическую окраску.

Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ) показывает, что в 1917–1925 гг. употребление глагола *каратся* диктуется несколькими обстоятельствами: стилистической окраской, принадлежностью юридическому узусу, важностью для говорящего характера проступка, требующего серьезного наказания.

(1) *Это измена народу, и она карается смертью...* [П. Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени (книга 2) (1922)] [НКРЯ].

(2) *Рабоче-крестьянская власть установилась в Крыму навсегда... распространители злостных слухов будут караться революционным трибуналом расстрелом на месте...* [В. В. Вересаев. В тупике (1920–1923)] [НКРЯ].

В юридическом узусе 1920-х. были возможны употребления глагола *каратся* в словосочетаниях с зависимыми существительными *расстрел* и *смерть*, но в этом же время и с существительным, называющим денежную выплату – *штраф*. В УК 1922 г. авторы текста прибегли к глаголу *каратся* в значении ‘наказываться’ без обязательной апелляции к серьезности преступления и взыскания.

(3) *Нарушение настоящего обязательного постановления карается в административном порядке штрафом не свыше 300 руб.* [Обязательное постановление Президиума Московского Совета РК и КД от 27 февраля 1925 г. о порядке производства в Москве и Московской губернии фото-кино-съемок внутренней жизни РСФСР (1925) // «Советское фото», 1926] [НКРЯ].

(4) *Приготовление не карается, если оно само по себе не составляет деяния, наказуемого согласно настоящего Кодекса, но от суда зависит применять в отношении привлекаемых лиц, признаваемых им социально-опасными, меры социальной защиты* [УК 1922].

(5) *Покушение на какое-либо преступление карается как совершенное преступление, причем отсутствие или незначительность вредных последствий покушения могут быть приняты во внимание судом при определении меры наказания; покушение же, не доведенное до конца по собственному побуждению покушавшегося, карается как то преступление, которое фактически им совершено* [УК 1922].

Продолжая анализ языковых средств, выражающих наложение взыскания за правонарушение, отметим замену глагола *каратся* в УК 1922 на *наказываться* в УК 1960 и УК 1996. В УК 1926 г. авторы прибегли к конструкции с глаголом *влечет*, требующим прямого дополнения.

(6) 58-1г. *Недонесение со стороны военнослужащего о готовящейся или совершенной измене – влечет за собой лишение свободы на 10 лет.* [УК 1926].

В списке самых частотных единиц УК 1926 г. отсутствует существительное *наказание*, представленное в УК 1922 и УК 1960 г. Дело в том, что авторы УК 1926 г. обратились к эвфемизму *мера социальной защиты*, два компонента которого входят в 20 самых частотных слов. Данное словосочетание интересно тем, что в фокус внимания помещен объект, которому наносит ущерб преступное деяние какого-либо лица, т.е. общество защищается от преступника

(7) *В отношении лиц, совершивших общественно-опасные действия или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности, применяются меры социальной защиты* судебно-исправительного, медицинского, либо медико-педагогического характера [УК 1926].

Как показывает анализ, динамику демонстрируют названия органов власти ВЦИК, СНК, утратившие позиции в позднесоветском и постсоветском УК. К метасловам отнесем аббревиатуру *ред.* – *редакция*, встречающуюся в УК 1926, 1960, 1996 г.

В УК 1922 г. высокую по частотности позицию занимает существительное *имущество*, что свидетельствует о пересмотре понятия собственности. Далее в УК 1926, 1960 термин закрепляется. В УК 1996 частотность слова *имущество* резко падает. Во всех УК термин *собственность* значительно уступает в частотности слову *имущество*.

Таблица 2

Имущество и собственность

	УК 1922	УК 1926	УК 1960	УК 1996
Имущество	73 – 0,9 %	122 – 0,9 %	214 – 0,8 %	130 – 0,1 %
собственность	1 – 0 %	2 – 0 %	13 – 0 %	7 – 0 %

В табл. 3 мы собрали актанты ситуации правонарушения, а также средства выражения предикатов наказания.

Среди стабильных по частотности единиц название проступка – *преступление*, его участника – *лицо*. В то же время все УК показывают низкое по частотности употребление прилагательного *виновный*. Снижение частотности показывает и название важной меры взыскания – *конфискации*, что видно не из абсолютного числа употреблений, а из показателей в процентах. Ту же тенденцию демонстрирует существительное *власть*. В УК 1922 г. словосочетание *советская власть* встречается 3 раза, в УК 1926 г. – 7, в УК 1960 г. не встречается совсем. Понятно, что данное словосочетание отсутствует и в УК 1996 г. В это же время только в постсоветском УК 1996 появляется существительное *экспертиза*, отсутствующее в УК 1922, 1926, 1960.

В табл. 4 мы пытались показать отношение к смертной казни. Словосочетания эвфемистической природы сменяют друг друга. Наибольшее разнообразие демонстрирует УК 1926 г., что мы объясняем ре-

дакторским вмешательством. В УК 1926 г. вместо термина *наказание* употребляется словосочетание *высшая мера социальной защиты*. Все другие сложные термины – *высшая мера наказания*, *высшая мера уголовного наказания*, *исключительная мера наказания* – подчеркивают наказание виновного.

Таблица 3

Ситуация правонарушения и ее участники

	УК 1922	УК 1926	УК 1960	УК 1996
Караться	242 – 2,9 %	17 – 0,1 %	–	–
Наказываться	1 – 0 %	–	484 – 2 %	930 – 1,3 %
Преступление	97 – 1,1 %	131 – 0,9 %	300 – 1,2 %	654 – 0,9 %
Наказание	162 – 1,9 %	23 – 0,1 %	287 – 1,1 %	416 – 0,6 %
Суд	64 – 0,7 %	90 – 0,6 %	155 – 0,6 %	184 – 0,2 %
Лицо	107 – 1,3 %	179 – 1,3 %	372 – 1,5 %	1056 – 1,5 %
Личность	12 – 0,1 %	8 – 0 %	23 – 0 %	28 – 0 %
Человек	1 – 0 %	6 – 0 %	33 – 0,1 %	119 – 0,1 %
Государство	17 – 0,2 %	17 – 0,1 %	37 – 0,1 %	71 – 0,1 %
Власть	44 – 0,5 %	52 – 0,3 %	31 – 0,1 %	40 – 0 %
Виновный	3 – 0 %	–	39 – 0,1 %	57 – 0 %
Достоверный	1 – 0 %	2 – 0 %	1 – 0 %	3 – 0 %
Недостоверный	–	–	–	20 – 0 %
Конфискация	63 – 0,7 %	112 – 0,8 %	132 – 0,5 %	17 – 0 %
Заключение	9 – 0,1 %	22 – 0,1 %	19 – 0 %	21 – 0 %
Экспертиза	–	–	–	7 – 0 %

Таблица 4

Высшая мера

	УК 1922	УК 1926	УК 1960	УК 1996
Высшая мера наказания	28 – 0,3 %	2 – 0 %	–	–
Высшая мера уголовного наказания	–	5 – 0 %	–	–
Высшая мера социальной защиты	–	32 – 0,2 %	–	–
Исключительная мера наказания	–	–	2 – 0 %	1 – 0 %
Смертная казнь	–	1 – 0 %	43 – 0,1 %	29 – 0 %

Подведем итоги. Сравнение УК 1922, 1926, 1960 и УК 1996 г. позволяют выделить стабильную группу лексики, называющей участников, сроки заключения, взыскание: *лицо, срок, лишение свободы*. Наибольшую вариативность, как свидетельствует анализ, демонстрирует название смертной казни. Текст, склонным к большей эвфемистичности, по сравнению с другими УК, является УК 1926, о чем свидетельствует замена терминов, выраженных словами *наказываться* и *наказание*, другими единицами.

Библиографический список

1. Крысин, Л. П. Официально-деловой стиль / Л. П. Крысин // Русский язык : энциклопедия / под общ. ред. А. М. Молдована ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – 3-е изд. переб. и доп. – Москва : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. – С. 451.
2. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. : УК 1922 : постановление ВЦИК от 01.06.1922 : [ред. от 25.08.1924 ; вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.».]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=3877986250982253762941202&cacheid=4E6D5E6AC3D0C22011DD561D105132E5&mode=splus&base=ESU&n=42602&rnd=0.5133164796889691#1hf57dsshyp>
3. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») : постановление ВЦИК от 22.11.1926 : [ред. от 27.04.1959]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=45499#09395984375886088>
4. Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР (вместе с «Уголовным кодексом РСФСР») : закон РСФСР от 27.10.1960 : [ред. от 25.04.1991]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=36911#08270504152721381>
5. Уголовный кодекс РФ № 63-ФЗ 13.06.1996 : [в ред. от 31.07.2020]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=156370877206651924503710394&cacheid=9203263F2D75698094D3C729DDECA4&mode=splus&base=LAW&n=358826&rnd=0.5133164796889691#8v9ziqdhxro>
6. Фролова, О. Е. Изменение системы номинаций в юридическом тексте на примере советских конституций / О. Е. Фролова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 21, № 4 (193). – С. 196–208.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. – Москва : Терра, 1996. – URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>
8. Istio.com. – URL: <https://istio.com/rus/text/analyz>

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

С. А. Громыко

Вологда, Россия

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ¹

S. A. Gromyko

Vologda, Russia

RUSSIAN NATIONALIST TEXT IN A PRAGMATIC ASPECT

Аннотация. Анализируется дефиниция «националистический текст», выявляются узкий и широкий подходы к такому тексту. Устанавливаются основные признаки прагматики русского националистического текста: наличие национального аргумента, важная роль исторического аргумента, специфическая интертекстуальность, большое количество средств и способов выстраивания образа врага.

Ключевые слова: прагматика, национализм, русский национализм, аргументация, риторика.

Abstract. The article analyzes the definition of "nationalist text" and reveals a narrow and broad approaches to the nationalist text. The main features of the pragmatics of the Russian nationalist text are revealed, namely the national argument, the important role of the historical argument, specific intertextuality, a large number of means and methods of building the image of the enemy.

Keywords: pragmatics, nationalism, Russian nationalism, argumentation, rhetoric.

Понятие «националистический текст» вошло в научный оборот сравнительно недавно, когда стало ясно, что тексты, производимые националистскими организациями и политиками, обладают специфическими лингвистическими и коммуникативными признаками, которые отличают их от других политических текстов. Одно из первых определений этого понятия было дано в работе Е. С. Федюниной, которая под националистическим текстом понимает «политический текст с установкой на националистическую идеологию, основной функцией которого является внушение и воздействие на эмоции адресатов с целью изменения их картины мира и мобилизации к принятию политических решений, необходимых носителям националистической идеологии» [Федюнина 2008 : 135]. Как это часто бывает с первыми попытками четкой научной дефиниции, многие формулировки в большей мере наталкивают на вопросы, чем дают ответы.

Как, например, отнестись при таком подходе к знаменитой статье Ф. М. Достоевского «Status in statu. Сорок веков бытия», которая явственно противопоставляет евреям русский народ? Этот текст сложно назвать политическим: Достоевского не интересовала власть, он в этом трактате выступает, скорее, как философ-полемист. К тому же, опубликован он был не в популярной петербургской газете, а в его собственном журнале «Дневник писателя», само название которого указывает на установку автора на размышление, рассуждение, спор, но никак не на формулирование политической программы. Можно ли назвать националистическим текст, который относится не к политическому, а к философскому или публицистическому дискурсу? Спорным представляется и утверждение, что «прежде всего, любой националистический текст нацелен воздействовать на эмоции реципиента», следовательно, его основной функцией является «внушение и воздействие на эмоции адресатов» [Федюнина 2008 : 135]. Думается, что выбор коммуникативной стратегии убеждения либо воздействия зависит не от содержания дискурса, а от форм и условий его реализации, следовательно, не может быть его имманентной чертой. Не стоит забывать, что националистические

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00111 «Русский национализм в лингвоюридическом аспекте: прагматика, динамика, экспертиза».

дискурсы и тексты очень различаются с точки зрения своего развития. Некоторые, например русский, имели длительные периоды институциональности, что приводило к бытованию националистических текстов в жанрах, требующих в прагматическом отношении сочетания убеждения и воздействия. Например, речи одного из заметных ораторов-черносотенцев в Государственной думе Г. Г. Замысловского строились исключительно с опорой на нормативные акты, статистические выкладки и исследования ученых и имели явные черты доклада на определенную тему. На это можно возразить, сказав, что в приведенных примерах речь идет об исторических националистических текстах, однако стоит заметить, что националистический дискурс зародился не сегодня и даже не в девяностые годы двадцатого века. А в современном мире националистические тексты производятся не только в СМИ и на улицах, но и в институтах власти и общества. Очевидно, что нельзя ставить знак равенства между понятиями «националистический текст» и «экстремистский текст» и подвергать изучению в качестве националистических текстов исключительно продукты речевой деятельности основоположников и членов экстремистских организаций. Поэтому, на наш взгляд, процитированное определение актуально лишь при узком подходе к националистическому дискурсу, когда объектом исследования становятся тексты современных запрещенных организаций или политиков-маргиналов.

В процессе изучения особенностей прагматики русских националистических текстов следует учитывать, что дискурс, который их производит, имеет длительную историю, юридическую, философскую и литературно-художественную основу, взаимодействует с другими видами дискурсов, например с имперским, долгое время существовал как институциональный и воспроизводится в большом количестве разнообразных жанров. Соответственно, русские националистические тексты достаточно разнородны и выявить константы, характерные для всех разновидностей, сложно. Изучив более 300 подобного рода текстов, относящихся к началу XX в. и к современному периоду, мы пришли к выводу, что анализируемые тексты в той или иной мере имеют следующие прагматические особенности.

1. Русский националистический текст содержит национальный аргумент. Под национальным аргументом мы понимаем персуазивный комплекс разнородных доводов, связанных со способом убеждения посредством апеллирования к таким ментальным категориям, как национальное сознание, дух, характер, национальная идентичность, а также к истории становления нации, т.е. к различного рода явлениям, связанным с этнической идентификацией в широком смысле. Национальный аргумент был востребован националистами в русской парламентской дискуссии и входил в ядро персуазивного инструментария агентов дискурса. Ранее были выделены и описаны наиболее частотные модели национального аргумента: довод к нации-жертве, довод к национальной слабости, довод к истории, довод к авторитету [Громыко 2018 : 25]. Неинституциональная коммуникация черносотенцев и современных националистов также содержат многочисленные попытки охарактеризовать русских в отличие от других наций.

Так, например, в русско-польском кросснационалистическом дискурсе дореволюционной Государственной думы русские националисты, осмысляя русских как не-поляков, среди особых черт русского этноса выделяют спаянность с государством и терпимость к другим народам, настроенным развивать взаимоотношения с русскими. В других текстах выделяются иные черты русского характера и русского духа, однако важно заметить, что попытки найти эти черты чаще всего базируются на бинарности или носят негативный познавательный характер: не-евреи, не-поляки, не-англичане и т.п.

2. В системе персуазивности русского националистического текста важную роль играл так называемый исторический аргумент. Под историческим аргументом понимается довод к общеизвестным фактам из отечественной и всеобщей истории. Например, черносотенцы в дореволюционной Думе активно обращались к событиям из разных периодов, эпох развития различных культур, упоминали известных государственных деятелей, ориентировали аудиторию на исторические документы. Депутаты-националисты, обращаясь к петровскому времени, Смуте, Великой французской революции и убийству Александра II, активно искали параллели с современностью, пытались при помощи фактов истории объяснять и прогнозировать политический процесс начала XX в. Так и в современных националистических текстах отношения России с другими странами рассматриваются авторами чаще всего сквозь призму истории. Современные Польша и Финляндия могут интерпретироваться как бывшие колонии, получившие благодаря метрополии импульс для экономического и культурного развития и не ценящие российскую государственность и русскую нацию. Однако главный смысл приведения данных доводов – легитимизация и институционализация своих радикальных взглядов через «присваивание» великих событий и личностей, попытка вывести генезис русского национализма из русской истории [Громыко 2017 : 115]. Например, в этом ключе интересно осмысление русскими националистами образа Петра Первого. Понимание националистами петровских реформ как образца строительства государства представляется парадоксальным, однако у правых радикалов начала XX в. была целая концепция видения петровского времени. Так, идеолог черносотенного движения В. А. Грингмут в своей статье 1903 года «Чему нам учиться у Петра?» высказывался резко против «присвоения» либералами образа российского императора и настаивал на том, что многие черты его личности и характер его правления указывают на близость к консервативному течению: неограниченная самодержавная власть, опора на православную церковь, культ труда, а не праздности, стремление во главе каждого нового дела поставить русского человека [Грингмут 2008 : 22].

Интересен тот факт, что Петр Великий и его реформы – всегда основа для безусловно положительного довода, который тяготеет к примеру, образцу для подражания. Например, В. М. Пуришкевич для дока-

зательства тезиса о необходимости дополнительного финансирования флота использовал следующий аргумент: *Не хочу долгие останавливаться на этих печальных картинах, – у нас был флот, у нас была сила, у нас были обе руки, о которых говорил в былое время красноречиво Петр Великий, создавая из ботика флот, а сейчас мы остались одnorукими. Можем ли мы, господа, в данную минуту отказаться от того, чем жив был не только Петр Великий, но от той мысли, которую лелеяли лучшие русские люди и до него, со времени Ордина-Нащокина? Мне кажется, что всякий из нас, без различия политических взглядов, политических воззрений и убеждений, должен верить, что настанет момент, когда возродится русский флот во всем своем былом величии и вновь настанут времена Истомина, Лазарева, Корнилова, Нахимова, Грейга, Ушакова, и верим мы, господа, что этот момент настанет* [Государственная дума 1908 : 1387].

Современный русский националистский текст также рассматривает современные общественно-политические события сквозь призму событий исторических, причем обращается к тем же историческим фигурам, что и черносотенцы начала XX в.: Петр Первый, убийство Александра Второго, Александр Третий. Так, например, националистский паблик «Спутник и погром» в социальной сети «В Контакте» сообщение от 10 июня 2020 г. о массовых осквернениях памятников государственным деятелям в США сопровождает двумя фотографиями: оскверненного памятника генералу Ли и памятника Александру Третьему в Петрограде с выбитым на постаменте стихотворением Демьяна Бедного «Пугало». Над фотографиями расположен текст: «Оскверненный советскими после революции памятник Александру III и оскверненный леваками памятник генералу Ли. Искренне надеемся увидеть, как за 1917 го. в Америку приходит неизбежный 1937-й».

3. Русский националистический текст выработал свою систему интертекстуальности, основанную на узнаваемых образах и символах художественной литературы, изобразительного искусства, кинематографа, музыки, науки, интернет-культуры. Эта интертекстуальность очень богата и динамична, обращена как в историю, так и в современность, имеет признаки как элитарности, так и массовости, в зависимости от типа дискурса функционирования. Например, в дореволюционной Государственной думе речи черносотенцев можно назвать насыщенными культурными знаками, обращенными к русской классической литературе XIX в. в качестве мощнейшего авторитета, подающего пример политикам века XX. В своих выступлениях депутаты-националисты использовали цитаты и аллюзии из художественных и публицистических произведений А. С. Пушкина, И. А. Крылова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского. Особый авторитет имел Ф.М. Достоевский. Можно с уверенностью сказать, что отличительной чертой националистической риторики в парламенте начала XX в. была интеллектуальность, основанная на национальной дворянской культуре, а также образовании и воспитании ораторов. Современные националистические тексты, бытующие в социальных сетях и являющиеся креолизированными, ориентированы на зрительное восприятие знаков массовой культуры: современного политического, антиглобалистского, экологического, криминального и других дискурсов.

4. Русский националистический текст содержит сложный и вместе с тем достаточно конкретный образ врага, выстраиваемый при помощи разветвленной системы различных средств и способов. Бинарная оппозиция «свое – чужое» – обязательная черта исследуемых текстов. Наполнение «своего» и «чужого» неоднородное, носит уровневый характер. Например, в черносотенных листовках и воззваниях начала XX в. ядро «своих» – русские, православные, ядро «чужих» – евреи. Ядерная зона «своих» – православные помещики, фабриканты, купцы, ядерная зона «чужих» – Америка, Европа, а также финны, поляки и прочие представители наций и народностей, населяющих Россию. Периферия «своих» – русские крестьяне, периферия «чужих» – интеллигенция. В листовках любые агенты и события политического дискурса интерпретировались сквозь призму этой схемы (например кадеты – политические враги, потому что они в основном жиды и «слабая духом интеллигенция», а конституция – зло, потому что это иностранное изобретение). В воззваниях подчеркивалась непримиримость этой бинарной оппозиции, однозначное отнесение «чужих» к врагам, принципиальная невозможность достичь какого-либо компромисса с «чужими» [Громыко 2017 : 67].

В парламентском дискурсе образ врага выстраивался следующими способами:

- 1) интерпретация политической позиции как ненависти к России и всему русскому, как желание ослабить Российское государство;
- 2) приписывание оппонентам или даже нациям нетерпимости и фанатизма;
- 3) приписывание оппонентам точки зрения о неполноценности русских;
- 4) прямое обвинение в ненависти к русским;
- 5) детальное описание случаев расправы над русскими.

Конечно же, обозначенные свойства не являются исчерпывающими характеристиками прагматики националистического текста. Их необходимо рассматривать в качестве своеобразных констант, которые в той или иной мере проявляются в текстах русских националистов начала XX и начала XXI в., как в устной, так и в письменной форме бытования. Убеждение при помощи апелляции к национальному характеру и духу, стремление рассматривать современность сквозь призму исторических событий, использование сложной системы интертекстуальных знаков и уровневое выстраивание «своего», «чужого» и образа врага – черты, которые связывают русский националистический дискурс в историческом плане. При этом каждая из этих характеристик очень специфична с точки зрения проявлений: например, национальная идентичность определяется через другие нации, апелляция к истории подразумевает обращение далеко не к любому периоду, а чаще всего к Смуте и Петровскому времени, интертекстуальность проявляется в большом коли-

честве аллюзий или цитат из Пушкина, Гоголя или Суворова. Изучение этих проявлений позволит более полно ответить на вопрос, что такое националистический текст в целом и русский националистический текст в частности.

Библиографический список

1. Государственная дума Российской империи. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия I. – Санкт-Петербург, 1908. – 4895 с.
2. Грингмут, В. А. Объединяйтесь, люди русские! / В. А. Грингмут ; под ред. О. Платонова. – Москва : Институт русской цивилизации, 2008. – 544 с.
3. Громыко, С. А. «Национальный аргумент» в русской парламентской риторике (на материале дискуссии в Государственной думе Российской империи) / С. А. Громыко. // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – № 56. – С. 23–33.
4. Громыко, С. А. Обращение к истории как риторический аргумент в русской парламентской речи (на материале выступлений депутатов-националистов в дореволюционной Государственной думе) / С. А. Громыко // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 7 (61), ч. 1. – С. 112–115.
5. Громыко, С. А. Черносотенные листовки и воззвания начала XX века: риторико-прагматический аспект / С. А. Громыко // Политическая лингвистика. – Екатеринбург. – 2017. – № 6 (66). – С. 64–69.
6. Федюнина, Е. С. Языковые особенности националистических текстов / Е. С. Федюнина // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. – 2008. – № 1. – С. 135–138.
7. Хазагеров, Г. Г. Политическая риторика / Г. Г. Хазагеров. – Москва : Никколо-Медиа, 2002. – 313 с.
8. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – 256 с.
9. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Москва : Гнозис, 2004. – 326 с.

А. В. Лапаева

Тамбов, Россия

ИДЕЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.¹

A. V. Lapaeva

Tambov, Russia

THE IDEA OF SOCIAL HUMAN RIGHTS IN THE RUSSIAN LIBERAL LEGAL THOUGHT OF THE LATE XIX TH – EARLY XXTH CENTURIES

Аннотация. Исследуются концептуальные основы социальных прав человека в воззрениях представителей российской либеральной правовой мысли конца XIX – начала XX в. Обосновывается, что право на социальное обеспечение берет свое начало из права на достойное человеческое существование. Рассматривается идея дифференциации субъективных прав на частные и публичные, делается особый акцент на активное участие государства в социальной жизни.

Ключевые слова: свобода, права человека, либеральная правовая мысль, право на социальное обеспечение, право на существование, уровень жизни.

Abstract. The article examines the conceptual foundations of social human rights in the views of representatives of the Russian liberal right-wing thought of the late 19th – early 20th centuries.

It is noted that the origins of the right to social security originate from the right to a dignified human existence. The idea of differentiation of subjective rights into private and public is considered, a special emphasis is placed on the active participation of the state in social life.

Keywords: freedom, human rights, liberal legal thought, right to social security, right to exist, standard of living.

Развитие российской либеральной правовой мысли конца XIX – начала XX вв. сопровождалось необходимостью назревших перемен внутри страны в направлении становления конституционного государства, одним из основополагающих признаков которого считалось закрепление на законодательном уровне важнейших прав человека. В каталоге прав и свобод социальные права занимали особое место, наравне с такими ценностями, как социальная справедливость и социальное равенство, которые рассматривались сквозь призму свободы.

По мнению П. И. Новгородцева, государство должно было действовать в интересах свободы, устраняя необоснованные препятствия к ее реализации и создавая при этом необходимые возможности для ее проявления. Ученый обоснованно пришел к выводу о необходимости содействия улучшению социального существования, в том числе посредством материальной поддержки, отсутствие которой могло парализовать дарованную свободу. Реализацию свободы П. И. Новгородцев рассматривал с позиции оказания содействия нуждающимся в улучшении социальной и промышленной жизни [Новгородцев 2000 : 272]. По его мнению, категория достойной человеческой жизни представлялась достаточно сложной, неопределенной с позиции бесконечных требований, с одной стороны и установления четкой границы для них, с другой стороны [Новгородцев 1995 : 321].

Право на достойное существование в представлении П. И. Новгородцева включало такие элементы, как право на труд, отдых, социальное обеспечение в связи с неспособностью к труду по старости и болезни, право на определенный уровень жизни, здоровье, образование. Особое значение придавалось свободе профсоюзов, развитию фабричного законодательства, которые выступали катализаторами для закрепления и реализации условий осуществления охраны свободы в отношении трудящихся, например, санитарных условий труда и признания за каждым трудящимся его субъективных прав. Особый акцент правовед делал на обязанности государства поддерживать беспомощных людей, которые были не способны к труду [Лапаева 2020 : 33].

Другим сторонником концепции прав и свобод человека выступал С. А. Котляревский. По мнению правоведа, с юридической точки зрения власть государства над его гражданами представлялась суверенной, между тем данные права должны были санкционироваться государственным авторитетом, что могло привести к столкновению, конфликту сильного государства с требованиями свободной личности [Лапаева 2010 : 96].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00252.

С. А. Котляревский совместно с В. М. Гессеном указывал на необходимость законодательного закрепления прав индивида на положительные действия (услуги) в его интересах со стороны государства, например, право на общественное признание, право на судебную защиту, право на первоначальное обучение и др. [Гессен 1906 : 24–26].

С позиции Б. А. Кистяковского, право изначально представлялось социальным явлением, которое должно было изучаться в его социальных проявлениях, т.е. подчеркивалась его социально-научная ценность [Кистяковский 1911 : 3]. Ученый отмечал несколько точек зрения в отношении ответа на вопрос о социальной природе права. Во-первых, право могло существовать только в обществе, поскольку общество обуславливало правовую жизнь. Во-вторых, право рассматривалось как часть общественного целого. В-третьих, право представляло собой регулирующую форму совместного существования людей [Корнев, Борисов 2005 : 118]. Б. А. Кистяковский подвергал критике попытки познания социальной природы права, отмечая, что нельзя приблизиться к пониманию его социальной природы, если рассматривать право только как совокупность норм, действующих в обществе. Ученый отмечал, что право включало нормы, которые постоянно и регулярно осуществлялись в жизни, и потому его осуществление считалось основным признаком права.

Государство рассматривалось представителями российской либеральной правовой мысли с позиции социально ориентированного в случае нахождения баланса социальных интересов индивидов ради общего блага. Так, Б. А. Кистяковский считал государством будущего именно социалистическое государство. Выступая сторонником правового государства, ученый указывал на необходимость закрепления в декларациях прав и свобод человека не только гражданских и политических, но и социальных прав, обеспечивающих гражданину соответствующие требования от государства экономического и духовного существования и развития [Корнев, Борисов 2005 : 127].

Ученый в очередной раз подчеркивал всю необходимость закрепления, в том числе на законодательном уровне, важнейших социальных прав гражданина, указывая на социальную природу субъективного права. В концепции Б. А. Кистяковского к социальным правам относились право на труд, отдых, на участие в материальных и духовных благах, которые были объединены единой категорией права на достойное существование [Кистяковский 1916 : 590]. С позиции ученого, именно государство должно было гарантировать данные права, подчеркивая, таким образом, их значимость.

М. М. Ковалевский считал движущей силой прогресса единый закон, закрепляющий социальное развитие в направлении роста общественной солидарности, основанный на принципе свободы, равенства, братства. Ученый, признавая человека высшей ценностью, отстаивал позицию о необходимости смягчения социального неравенства в обществе с помощью права, образования и благотворительности [Антология мировой политической мысли 1997].

Другим сторонником нормативного закрепления социальных прав считался Н. М. Коркунов, который рассматривал государство в качестве общественного союза свободных людей с принудительно установленным мирным порядком посредством предоставления исключительного права принуждения только органами государства [Антология мировой политической мысли 1997].

Общественное развитие определялось сквозь приму конфликта между опытом прошлого и его проекцией в будущее, благодаря чему естественная смерть общества представлялась правоведам невозможной. Особое место в типологии государств, согласно концепции Н. М. Коркунова, должно было принадлежать социальному правовому государству. По его мнению, именно государство должно, выполняя социальные функции, выступать в качестве охранителя интересов отдельных личностей, заботиться об успехах народного хозяйства, развитии образования и обеспечении санитарных условий. Между тем государство не могло действовать в ущерб своим интересам, поэтому, даже активно участвуя в общественной жизни, например, посредством осуществления попечения, оно руководствовалось принуждением. Позиция Н. М. Коркунова обоснована тем, что прежде, чем направить материальные средства на общественные блага, их необходимо изыскать, причем в большей степени под воздействием принуждения [Корнев, Борисов 2005 : 107].

В концепции Ф. Ф. Кокошкина конституционное государство представлялось практическим осуществлением идеи правового государства. По мнению ученого, правовым считалось такое государство, в котором его члены являлись обладателями не только обязанностей, но и прав по отношению к государству. В таком государстве верховенство права обеспечивалось соответствующей суммой гарантий, закрепленных в основном законе – конституции. В учении Ф. Ф. Кокошкина политический прогресс виделся с позиции осмысления и подчинения разуму стихийных сил общества посредством его привлечения к правому строительству в целях правового регулирования [Кокошкин 1912 : 261].

По мнению Ф. Ф. Кокошкина, основу общества должны были составлять отношения солидарности, образующие устойчивые социальные объединения (союзы людей). Развитие общественных потребностей и возникновение несовпадающих интересов могло стать причиной конфликта между различными индивидами и союзами. Цель социального прогресса ученый видел в уменьшении принудительной роли государства по отношению к личности за счет усиления его воспитательной и образовательной функции. Ф. Ф. Кокошкин считал, что граждане ждут и требуют от государственной власти не только внешней защиты и охраны внутреннего порядка, но и широкого содействия их материальному и духовному благосостоянию и развитию [Кокошкин 1912 : 104].

Подводя итоги, отметим, что период конца XIX – начала XX вв. стал этапом на пути к легализации права на социальное обеспечение, изначально нашедшее свое доктринальное обоснование в воззрениях представителей российской либеральной правовой мысли. В каталоге прав и свобод социальные права занимали особое место, в связи с такими ценностями, как социальная справедливость и социальное равенство, которые рассматривались сквозь призму свободы. В концепции либералов к социальным правам относились право на труд, отдых, социальное обеспечение в связи с неспособностью к труду по старости и болезни, право на определенный уровень жизни, здоровье, образование, право на участие в материальных и духовных благах, которые были объединены единой категорией права на достойное существование. Государство должно было действовать в интересах свободы, устраняя необоснованные препятствия к ее реализации и создавая при этом необходимые возможности для ее проявления. Рассматривая идею о дифференциации субъективных прав на частные и публичные, представители российской либеральной правовой мысли указывали на активное участие государства в социальной жизни. Считалось, что таким образом государство должно было выступать в качестве защитника и охранителя, в том числе, социальных прав человека.

Библиографический список

1. Антология мировой политической мысли. / отв. ред. Г. Ю. Семигин. – Москва : Мысль, 1997. – Т. 4. Политическая мысль в России, вторая половина XIX – XX в. – 829 с.
2. Гессен, В. М. О правовом государстве / В. М. Гессен. – Санкт-Петербург : Изд. Н. Глаголева, 1906. – 62 с.
3. Кистяковский, Б. А. Право как социальное явление / Б. А. Кистяковский. – Москва : Типо-Литография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1911. – 17 с.
4. Кистяковский, Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б. А. Кистяковский. – Москва : Типо-литография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1916. – 708 с.
5. Кокошкин, Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву / Ф. Ф. Кокошкин. – Москва : Изд-во Бр. Башмаковых, 1912. – 306 с.
6. Корнев, А. В. Правовая мысль и юридическое образование в дореволюционной России : учеб. пособие / А. В. Корнев, А. В. Борисов. – Москва : Эксмо, 2005. – 288 с.
7. Лапаева, А. В. Концепция конституционного государства С. А. Котляревского / А. В. Лапаева. – Тамбов : Изд-во Першина Р. В., 2010. – 206 с.
8. Лапаева, А. В. Идея естественного права в трудах российских конституционалистов конца XIX – начала XX в. / А. В. Лапаева // История государства и права. – 2013. – № 5. – С. 30–33.
9. Лапаева, А. В. Право на социальное обеспечение в российской правовой мысли конца XIX – начала XX в. / А. В. Лапаева // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2020. – № 1. – С. 32–34.
10. Новгородцев, П. И. О праве на существование / П. И. Новгородцев, И. А. Покровский. – Санкт-Петербург ; Москва : т-во М. О. Вольф, 1911. – 47 с.
11. Новгородцев, П. И. Право на достойное человеческое существование. Сочинения / П. И. Новгородцев. – Москва : Раритет, 1995. – 446 с.
12. Новгородцев, П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / П. И. Новгородцев. – Санкт-Петербург : Лань, 2000. – 347 с.
13. Российский либерализм середины XVIII – начала XX века : энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 1087 с.

А. Е. Петропавловский

Пенза, Россия

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ
ПОСРЕДСТВОМ НАПИСАНИЯ И АНАЛИЗА ЭССЕ НА СВОБОДНУЮ
ТЕМУ (НА ОСНОВЕ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
В УСЛОВИЯХ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ)**

A. E. Petropavlovski

Penza, Russia

**FORMATION OF STUDENTS' LEGAL AWARENESS BY WRITING
AND ANALYZING ESSAYS ON A FREE TOPIC (BASED ON EXPERIENCE
OF TEACHING LITERATURE IN THE PENITENTIARY SYSTEM)**

Аннотация. Рассматривается актуальная для современного российского образования проблема подготовки учащихся к написанию сочинений. На основе опыта преподавания литературы в условиях пенитенциарной системы делается вывод о пользе внедрения эссе на свободную тему в образовательный процесс. Показывается важность роли эссе в формировании правового сознания обучающихся как фактора социализации или ресоциализации в гражданском обществе.

Ключевые слова: эссе, сочинение, рассуждение, свободная тема, правовое сознание, пенитенциарная система, образование.

Abstract. The issue of preparing students for writing essays is relevant for modern Russian education. The experience of teaching literature in the conditions of the penitentiary system made it possible to draw a conclusion about the benefits of introducing an essay on a free topic into the educational process. The article shows the important role of essays in the formation of the legal consciousness of students as a factor of socialization or resocialization in civil society.

Keywords: essay, reasoning, free theme, legal consciousness, the penitentiary system, education.

Пенитенциарная система во всём мире уже давно использует образовательный процесс в качестве ключевого фактора для формирования правового сознания у осуждённых. И если подготовкой к практической жизни на воле занимается среднее специальное образование, то корректировку сознания с устоявшимся в нём мировоззрением осуществляют основное общее и среднее общее образование.

Особая роль в развитии правосознания в школе отводится литературе как учебной дисциплине, традиционно занимающейся формированием нравственных идеалов. И важную роль в этом процессе играет обучение школьников написанию сочинений.

Сочинение – это комплексный тип заданий, который развивает не только письменную речь школьника, но и умение делать вывод на общемировоззренческом теоретическом уровне по конкретному проблемному вопросу. Это делает сочинение значимым упражнением как с точки зрения обучения, так и с точки зрения воспитания, а обучение его написанию – важной педагогической проблемой.

Однако, несмотря на серьёзное изучение этой проблемы, сегодня она является одной из актуальнейших в современном российском образовании. Т. А. Ладыженская об этой ситуации говорит следующее: «Дети не умеют наблюдать и описывать увиденное, не умеют рассказывать о своих впечатлениях. В то же время они перегружают свою речь подробностями, не имеющими значения для раскрытия темы. Несмотря на это, объем их высказываний невелик» [Ладыженская 1963 : 93]. Такая проблема может быть вызвана как психологическими трудностями развития речи, так и спецификой социально-экономических условий в стране.

В этой ситуации появляется необходимость в поисках способов решения данной проблемы. Одним из таких способов является обращение к творческому потенциалу обучающихся. Согласно педагогическим представлениям А. Швейцера, возрождению общества может способствовать лишь создание такой системы образования, где урочная и внеурочная деятельность будут обязательно включать в себя художественное творчество, которое должно проходить через все ступени образования и воспитания [Мень 1993 : 87].

Важно, что к процессу формирования правосознания можно так же прийти через творчество, ведь оно заставляет автора задействовать различные механизмы психики, которые помогают увидеть проблему с разных сторон, проанализировать её и сделать выводы.

Развитию творческого мышления на уроках литературы активно способствует написание сочинения. Особую роль играют сочинения-рассуждения, которые представляют собой логически связанные высказывания, требующие от авторов умения приводить аргументы в пользу определённых суждений. Такая практика распространена во всём мире, только в большинстве стран такие сочинения называются эссе. Причём их пишут не только на занятиях по литературе, но и на других уроках. Например, довольно распространёнными в западных странах являются эссе по истории, обществознанию или даже биологии и географии. В России же подобные задания встречаются в основном только в средних специальных и высших учебных заведениях, и далеко не часто. А в школе обычно эссе пишут лишь на занятиях по литературе.

Ситуация усугубляется тем, что в российском образовании традиционно принято обучать старшеклассников писать сочинения исключительно на темы, связанные с конкретными художественными произведениями, включёнными в школьную образовательную программу. Но, сколько бы сторонники такого подхода не приводили аргументов в его пользу, стоит признать, что он явно ограничивает творчество учащихся. Такой вывод можно сделать по нескольким причинам:

- 1) не каждый учащийся по объективным психологическим причинам способен прочитать то или иное художественное произведение до конца;
- 2) не каждый учащийся, прочитавший художественное произведение, в полной мере способен понять его художественные особенности и скрытые смыслы;
- 3) не у каждого учащегося есть возможность прочитать то или иное художественное произведение (это особенно касается обучающихся пенитенциарной системы).

Но ведь рассуждать можно на разные темы. И они совсем не обязательно должны касаться художественных произведений. Причём такие рассуждения будут строиться по тем же общим принципам, что и рассуждения на литературные темы, и развивать те же необходимые навыки письменной речи. Именно поэтому наряду с темами, связанными непосредственно с литературными произведениями, на экзаменах учащимся предлагается несколько вариантов написания сочинения на свободную тему. Согласно наблюдениям (табл. 1) по Вечерней (сменной) общеобразовательной школе г. Пензы, действующей в условиях пенитенциарной системы, обучающиеся склонны выбирать для написания именно такие темы. И это вполне обоснованно, ведь эссе на свободные темы (или свободные эссе) писать легче, а ещё, что немаловажно для учащихся, интереснее. А интерес, в свою очередь, вызывает и стремление к деятельности.

Таблица 1

Год	2015		2016		2017		2018		2019	
Тип темы сочинения	Литературная тема	Свободная тема	Литературная тема	Свободная тема	Литературная тема	Свободная тема	Литературная тема	Свободная тема	Литературная тема	Свободная тема
Количество обучающихся в %	35%	65%	31%	69%	26%	74%	22%	78%	17%	83%

Интерес к свободным темам эссе вызван главным образом тем, что учащиеся могут поставить в них на центральное место внутреннее «Я», свои личные мысли и убеждения по тем или иным вопросам, собственные наблюдения за жизнью, близкими людьми, самим собой. Таким образом, жанр свободного эссе нацелен на самопознание.

Однако задача педагога состоит в том, чтобы перевести деятельность его учеников из области чистого самопознания в область самокоррекции, когда автор, рассуждая над какой-либо проблемой, оказывает влияние на собственное самосознание, совершенствуя его. Как раз такой процесс и может стать основой формирования правового сознания. Самокоррекция способствует интегративное свойство эссе, когда разные системы взглядов автора и других людей на мир (научные, философские, религиозные, политические, художественные) объединяются в уникальные суждения на основе восприятия и осмысления действительности самого автора.

Как показала практика преподавания литературы в ГБОУ ПО ВСОШ, легче всего добиться такого результата можно с помощью предварительного обсуждения со всем классом проблем, которые должны быть потом затронуты в эссе. Также актуальными является и обсуждение результатов после написания сочинений. Таким образом, эссе анализируется до и после написания. В школе периодически устраиваются подобные занятия в формате круглого стола. На таких мероприятиях обучающиеся ведут себя наиболее активно, высказывая своё мнение, отвечая на вопросы одноклассников и задавая им свои вопросы, отстаивая свою позицию. Подобный формат позволяет каждому ученику не просто высказываться, но ещё и анализировать мнения других людей и составлять собственное суждение на основе полученных данных. Это очень сложный процесс, который становится возможным лишь на основе равноправного диалога всех участников. То есть этот диалог способствует развитию толерантного сознания, а оно, в свою очередь, важно для формирования правосознания.

Педагогу важно помнить, что мнение ни в коем случае нельзя навязывать. Учащийся должен прийти к выводу через самостоятельный анализ проблемы. А педагог может и должен ему в этом помочь. Чтобы добиться положительного результата, необходимо принимать во внимание даже самые радикальные идеи учащихся, которые могут казаться слишком незаконными или антигуманными, что нередко встречается в пенитенциарном образовании. Более того, как раз на них педагогу и стоит обращать больше внимания, под-

вергая их глубокому конструктивному анализу. Такой подход помогает учащимся обнаружить серьёзные недостатки в собственных идеях, что естественным образом ведёт к их корректировке.

Трудность реализации подобного подхода нередко зависит от специфики профессии. Преподаватели литературы, которые привыкли делать выводы на основе художественного анализа, зачастую предпочитают давать оценки с точки зрения «вечных ценностей», которыми оперируют при разборе литературного текста. В таких случаях педагоги апеллируют больше к эмоциям, нежели к рассудку. Но при формировании правосознания необходимо быть более непредвзятыми, опираясь на правовую систему и формальную логику.

Таким образом, педагог должен избегать бинарной оценочной системы («хорошо» – «плохо», «добро» – «зло») и уметь устанавливать причинно-следственные отношения социальных явлений. Такой подход роднит педагогику с психологией: преподаватель должен лишь направлять мысли учащихся в определенном направлении. Это вполне соответствует требованиям современных образовательных стандартов, в которых педагогу надлежит добиваться необходимых личностных результатов, не давая учащимся готовых шаблонов поведения.

Поскольку этот мыслительный процесс для учеников сложный, им должен руководить педагог. Причём относиться к своей роли он должен предельно серьёзно. Потому что, как считал известнейший отечественный педагог К. Д. Ушинский, именно от усилий учителя зависит развитие у его учеников уважения к законам, умений использовать правовые знания в быту и профессии, максимально реализуя собственные права [Ушинский 1949 : 332]. Поэтому перед современной педагогикой стоит важная задача – готовить специалистов, способных создавать для своих учеников условия для желания и готовности в гражданском правовом обществе.

Одним из таких условий на занятиях по литературе видится подготовка к написанию эссе на свободную тему. Однако это не значит, что к выбору тем можно относиться легкомысленно. Напротив, их грамотная формулировка должна вызывать у учащихся интерес и ненавязчиво направлять их мысли в нужном направлении.

Известный правовед В. В. Головченко считал, что правовое воспитание должно строиться на основе общечеловеческих ценностей [Головченко 1985 : 71]. Это вполне логичное предположение, которое поддерживает и большинство современных учёных. И за этими общечеловеческими идеалами вовсе не обязательно обращаться к художественной литературе. Наиболее подходящими для обсуждения и написания тем видятся те, которые затрагивают общемировоззренческие вопросы на грани этики, философии и культуры. Особенно важными для формирования правового сознания являются темы, касающиеся диалектики категорий «свобода» и «ответственность». Ученики должны понять философскую связь между этими понятиями и причины противоречий в этой области, чтобы дать проблеме собственную оценку и предложить наиболее оптимальное решение.

Формулировки тем для свободных эссе и обсуждений за круглым столом могут выглядеть следующим образом: «Любую ли ошибку в жизни можно исправить?», «Должны ли мы себя ограничивать и в чём?», «Может ли хороший человек совершить дурное и наоборот?», «Может ли высшая цель оправдать любые средства?», «Добро возвращается добром», «Когда чувства сильнее разума», «Когда в разговор вступает совесть?», «Свобода и своеволие как два разных идеала», «Мы и следующее поколение», «Саморазвитие – это трудно, но интересно», «Правильный досуг», «Умение спорить – умение жить», «Пойти на уступки – не значит прогнуться» и т.д.

Эти темы ученики, как правило, обсуждают живо и с интересом, а потом, как следствие, пишут по ним связные и развёрнутые эссе. И каждое подобное рассуждение становится уверенным шагом к формированию гражданского правосознания.

Важно сказать, что постоянное обращение к свободным темам не означает формирование у обучающихся полной индифферентности по отношению к школьной программе. Напротив, разобравшиеся в общеправовых проблемах ученики чаще приступают к анализу проблемных вопросов в литературных произведениях. Он даётся им легче и с большим интересом.

Стоит отметить, что найти время на обсуждения будущих эссе гораздо проще в Вечерней школе. Это становится возможно за счёт индивидуальных консультаций и большого количества резервных часов в старших классах. Однако, в целях приобщения учащихся к культуре написания текстов, методистам следовало бы разработать программу с учётом увеличения количества часов на написания и анализ свободных эссе. Тем более что методической литературы по курсам Вечерних школ очень мало. Рекомендуется увеличить количество часов для этих целей и в дневных школах, поскольку для них так же приоритетно развитие умений письменной речи и формирование гражданского правосознания. Ведь наличие правового сознания лежит в основе социализации простых школьников так же, как оно важно для ресоциализации обучающихся в условиях пенитенциарной системы.

Библиографический список

1. Головченко, В. В. Эффективность правового воспитания: понятие, критерии, методика измерения / В. В. Головченко. – Киев : Наукова думка, 1985. – 220 с.
2. Ладыженская, Т. А. Анализ устной речи учащихся 5–7 классов / Т. А. Ладыженская. – Москва : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1963. – 132 с.
3. Мень, А. В. Альберт Швейцер. Упадок и возрождение культуры / А. В. Мень. – Москва : Прометей, 1993. – 406 с.
4. Ушинский, К. Д. Избранные педагогические сочинения / К. Д. Ушинский. – Москва : Педагогика, 1949. – Т. 7. – 738 с.

Г. Д. Рысмаганбетова, А. М. Максот

Актобе, Казахстан

ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ В «ЗАПИСКАХ СУМАСШЕДШЕГО» Н. ГОГОЛЯ

G. D. Rysmaganbetova, A. M. Maksot

Aktobe, Kazakhstan

OBJECTIVE AND SUBJECTIVE PORTRAYAL OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN "DIARY OF A MADMAN" BY N. GOGOL

Аннотация. Изучается отражение в художественной литературе правосознания в связи с другими формами общественного сознания. Исследуются принципы объективного и субъективного изображения правосознания в «Записках сумасшедшего» Н. Гоголя. Двуединство правосознания в его объективной и субъективной природе потребовало анализа отношения гоголевского героя к установленным в обществе нормам и службе, к поведению других субъектов правоотношения, исследования способов отражения правовых явлений общественной жизни, изучения воли, чувств, мыслей, бессознательного и духовного опыта как сущности правосознания и авторской позиции. Преобладание гротеска как инструмента пародирования правосознания обосновано в его двойнической природе, трагической и комической жизни героя, двойственной природе правосознания как модели государственного устройства.

Ключевые слова: правосознание, нормы, социальные институты, литература, Гоголь, «Записки сумасшедшего».

Abstract. The article studies the reflection of legal consciousness in fiction in connection with other forms of public consciousness. The article examines the principles of objective and subjective representation of legal consciousness in the "Diary of a Madman" by Nikolai Gogol. The duality of legal consciousness in its objective and subjective nature required an analysis of the attitude of Gogol's character to the norms and service established in society. The article examines Poprishchina's attitude to the behavior of other subjects of legal relations, explores the ways of reflecting legal phenomena of public life, will, feelings, thoughts as the essence of legal consciousness and the author's point of view. The article points to the grotesque as a tool for parodying legal consciousness in its dual nature, the tragic and comic life of the character, the dual nature of legal consciousness as a model of state structure.

Keywords: legal consciousness, norms, social institutions, literature, Gogol, "Diary of a Madman".

Один из современных подходов к изучению русской классической литературы выявляет возможность изучения художественного произведения в аспекте связи правосознания с другими формами общественного сознания, такими как моральные, религиозные, политические и др. Ученые отмечают, что «в правовом сознании отражается отношение субъекта к праву, юридической практике, поведению других субъектов правоотношения», а особенность правосознания связывают со способом «отражения правовых явлений общественной жизни» [Жидовцева 2013: 206]. Взгляд ученого на содержание правосознания как целостное понятие предусматривает охват воли, чувств, мыслей и сферы бессознательного духовного опыта. В этом отношении интересный объект для изучения представляет повесть Н. Гоголя «Записки сумасшедшего» [Гоголь 1938].

Традиционно «Записки сумасшедшего» Н. Гоголя изучают в связи с другими произведениями цикла «Петербургские повести» – «Шинель», «Нос», «Портрет», а проявления и функцию гротеска – с Т. А. Гофманом. Между тем изучение функций гротеска в аспекте правосознания и его трансформации в личности Поприщина позволяет судить о взглядах Гоголя, его оценке форм общественного сознания при помощи объективного повествования и субъективного – его героя. В этом отношении двуединство комического и драматического приобретает не только художественную, но и общественно-правовую значимость.

Повесть исследована в психоаналитическом ключе как дискурс сумасшествия болгарским исследователем [Корсемова 2010]. Предметом анализа стали бредовая структура сознания Поприщина, персервация (точное повторение одной и той же фразы героем), разорванность (атактический синдром) речи, или семантическая диссоциация. Характеризуя повесть Гоголя как «дискурс сумасшествия», ученый обращает внимание на «комплицированную позицию» читателя по отношению к тексту: «Он вынужден проецировать шизоидную картину мира, созданную письмом второго порядка, на нормативную» [Корсемова 2010: 68]. Опыт прочтения повести Гоголя Корсемовой интересен не только выявлением бессознательного в поведе-

нии и чувствах героя, но и возможностью проецирования результатов такого подхода к способам повествования и рассмотрения бредового сознания героя в контексте правосознания.

Актуальность статьи обусловлена изучением художественного произведения в аспекте связи правосознания с другими формами общественного сознания. **Цель** статьи заключается в исследовании принципов объективного и субъективного изображения правосознания в «Записках сумасшедшего» Н. Гоголя. **Задачи** представляют собой анализ правосознания в следующих направлениях: 1) отношения гоголевского героя как субъекта права к социальным, общественным, юридическим нормам и службе; 2) отношения Поприщина к поведению других субъектов правоотношения; 3) обобщения способов отражения правовых явлений общественной жизни; 4) изучения воли, чувств, мыслей, бессознательного и духовного опыта как сущности правосознания; 5) анализ авторской позиции.

Известно, что объектом познания правосознания является действующее право в многообразии его проявлений. Автоповествование Поприщина до момента ведения дневника интересно в части рассуждений о службе, департаменте, сослуживцах. Персонификация правосознания в чиновниках и представляющих институты общественной и государственной службы лиц отражает начавшуюся и усиливавшуюся в герое трансформацию социальных представлений, искаженных субъективным восприятием больного человека. Аномалии восприятия, касающиеся мнимой достоверности слухов и сплетен, понимания языка собачек Меджи и Фиделя, комментирование их «писем» сочетаются с объективным повествованием автора, проявленным в репликах, социокультурном фоне происходящих событий, включенных в изображенную Поприщиным действительность. Субъективизация установленных норм проявляется в отношении героя как одного из субъектов юридической системы к обязанностям, нежеланию идти в департамент. Но мотивация героем желаний разоблачается авторским вмешательством: повествователь-рассказчик вклинивает в откровения героя замечания начальника. Например: «... я бы совсем не пошел в департамент, зная заранее, какую кислую мину сделает наш начальник отделения. Он уже давно мне говорит: „что это у тебя, братец, в голове всегда ералаш такой? Ты иной раз метаться, как угорелый, дело подчас так спутаешь, что сам сатана не разберет, в титуле поставишь маленькую букву, не выставишь ни числа, ни номера“»¹ (193).

Исследователь определяет правосознание как «своеобразный механизм саморегуляции поведения (деятельности) людей, исходящий из его способности ориентировать субъектов права в разных правовых ситуациях на принятие юридически значимых правомерных решений» [Жидовцева 2013: 206]. В этом отношении правосознание Поприщина регулируется трансформацией норм и перевод их в русло личных и личностных отношений (мнимой зависти начальника) являет правосознание героя как угол зрения на события. К примеру: «Проклятая цапля! он верно завидует, что я сижу в директорском кабинете и очиниваю перья для его пр-ва. Словом, я не пошел бы в департамент, если бы не надежда видиться с казначеем и, авось-либо, выпросить у этого жида хоть сколько-нибудь из жалованья вперед» (193). Оправдание собственной кардинальной перемены в отношении к службе героем компенсирует злорадным: «А на квартире собственной кухарка бьет его (*казначей* – Г.Р., А.М.) по щекам. Это всему свету известно» (193). Карикатура на мнимое бытовое насилие как признак беспомощности начальника являет корреляцию права и правосознания как категорий, обусловленных причинно-следственной связью. Однако в сознании и воображении гоголевского героя эта связь снижена личной обидой и невозможностью самозащиты.

В цитируемой юридической работе примечателен обзор критериев и классификаций правосознания. Ученый приводит классификацию А. Ратинова: субъект, способ отражения, глубина отражения, широта распространенности [Жидовцева 2013: 207]. Подобная дифференциация позволяет не только охарактеризовать Поприщина как субъекта права с точки зрения способов отражения (признания наедине, паратекст в виде дневниковых записей, «чтение» писем собачек, признания Мавре о том, что он является испанским королем), но и расширением представлений о правосознании на область его съемной квартиры, палаты, лечебницы. Однако картина отдельного департамента, воспроизведенная в воспаленном воображении Поприщина, типизирована автором в модель социального, юридического, общественного устройства в России.

Не лишены тонкой иронии и социальной проницательности замечания героя о службе и мздоимстве, являющиеся результатом литературной и языковой игры автора, характеризуются не только преемственностью с русской сатирической традицией XVIII века в лице Д. Фонвизина, журнальной сатиры А. Новикова, но и последующей линией в творчестве М. Салтыкова-Щедрина. Признания героя: «Я не понимаю выгод служить в департаменте. Никаких совершенно ресурсов. Вот в губернском правлении, гражданских и казенных палатах совсем другое дело: там, смотришь, иной прижался в самом уголку и пописывает. Врачишка на нем гадкой, рожа такая, что плюнуть хочется, а посмотри ты, какую он дачу нанимает! Фарфоровой вызолоченной чашки и не неси к нему: „это“, говорит, „докторской подарок“; а ему давай пару рысаков, или дрожки, или бобер рублей в триста. С виду такой тихенькой, говорит так деликатно: „одолжите ножичка починить перышко“, а там обчистит так, что только одну рубашку оставит на просителе» (193–194). Признание героя интересно и как исторический комментарий к видам мздоимства, к распространенности социальных явлений в совокупности с алчностью и равнодушием к долгу. Панорама правосознания общества и его терпимости к порокам, безнаказанность показаны как бич и являются не только результатом

¹ Повесть Н. Гоголя цитируется по изданию: Гоголь Н. В. Записки сумасшедшего // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – [М. ; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937. 1952.

Повести Т. 3. / Ред. В. Л. Комарович. 1938. С. 191–214. В круглых скобках приведены цитируемые страницы.

способности героя к умозаключениям и обобщениям, а, напротив, итогом массового осознания нарушений норм.

Иронически заостренное противопоставление героем этой социальной болезни «чистоты» его департамента: «...у нас зато служба благородная, чистота во всем такая, какой вовеки не видеть губернскому правлению: столы из красного дерева, и все начальники на вы. Да, признаюсь, если бы не благородство службы, я бы давно оставил департамент» (194) – снижает социальный накал критики, акцентируя внимание читателя на принадлежности высказываний душевнобольному герою. Ведь Гоголь не был противником социального устройства монархии с ее социальными и общественными институтами. Однако реализм и писательское предназначение поднимали его в лице героя, хотя и находящегося на границе раздвоения сознания, до высот общественного и гражданского прозрения.

В роли исторического комментария выступает деталь, характеризующая систему общественного порицания в России и виды наказания. Например, одна из записей в дневнике: «Читал Пчелку. Эка глупый народ французы! Ну, чего хотят они? Взял бы, ей богу, их всех, да и перепорол розгами!» (196) – перекликается со многими произведениями русской литературы, например, рассказом Л. Толстого «После бала» о распространенном наказании шпицрутенами и «Поединком» А. Куприна.

В повести получил отражение и институт брака и семьи. Однако неравенство и мезальянс (нереальный союз Поприщина с дочкой директора департамента) обоснованы с точки зрения правосознания пациента лечебницы для душевнобольных. Отсюда карикатурный и гротескный стиль, но с опорой на социальные реалии. «Ну, размысли хорошенько! ведь тебе уже за сорок лет – пора бы ума набраться. Что ты воображаешь себе? Ты думаешь, я не знаю всех твоих проказ? Ведь ты волочишься за директорского дочерью! Ну, посмотри на себя, подумай только, что ты? ведь ты нуль, более ничего. Ведь у тебя нет ни гроша за душою. Взгляни хоть в зеркало на свое лицо, куды тебе думать о том!» (197–198) – в монологе, увещевании визави Поприщина, воспроизведенном лексическими средствами языка героя повести, актуализирована мнимая зависть начальника.

В качестве социальной и исторической реалии, также создающей представление о правосознании эпохи, выступают реплики героя о защите чести и репутации: «Про журналистов тоже очень забавный куплет: что они любят всё бранить, и что автор просит от публики защиты» (198).

Гротескным образом обрисованы взгляды героя на такую форму общественного сознания, связанную с правосознанием, как политика. Откровение героя и его прозрение: «Я давно подозревал, что собака гораздо умнее человека; я даже был уверен, что она может говорить, но что в ней есть только какое-то упрямство. Она чрезвычайный политик: всё замечает, все шаги человека» (200) создает не только комическую, но и трагическую модальность. Здесь подтекст одиночества, не только ментального, но экзистенциального героя, его бессилия, который прозвучит сильным аккордом в финале повести.

Принудительное лечение: «Хорошо, что еще не догадался никто посадить меня тогда в сумасшедший дом» (207–208) также создает исторический комментарий к системе различения наказания и лечения как гуманитарного правосознания.

Самопровозглашение Поприщина: «Сначала я объявил Мавре, кто я. Когда она услышала, что перед нею испанский король, то всплеснула руками и чуть не умерла от страха. Она, глупая, еще никогда не видала испанского короля» (208) – характеризует трагикомический стержень повествования. Здесь механизм саморегуляции титулярного советника. Установление им новых отношений с окружающими его субъекта правосознания как поданными испанского короля Фердинанда VIII приводит к травестированию, за которым скрыта драма больного человека. И пафос милосердия и сострадания принимает характер двойной коннотации. С одной стороны, оценки героем чиновников департамента как «канцелярской сволочи» и высокомерная оценка ничтожества директора департамента: «Что за директор! чтобы я встал перед ним – никогда! Какой он директор? Он пробка, а не директор. Пробка обыкновенная, простая пробка, больше ничего. Вот которую закупают бутылки» (209) переходят в описание мучений, истязаний и пронзительного призыва к состраданию: «За что они мучат меня? Чего хотят они от меня бедного? Что могу дать я им? Я ничего не имею. Я не в силах, я не могу вынести всех мук их, голова горит моя и всё кружится предо мною. Спасите меня!» (213).

Архетипы в финале повести – родной избы, матушки, в лоно которой мечтает вернуться герой – апогей гоголевской проповеди и дидактизма, призыва к состраданию по отношению к заблудшей душе. Признания и откровения героя, облеченные в форму искаженного мировосприятия и мирообраза, формируют гоголевскую пародийную модель правосознания.

Итак, рассуждения Поприщина: о службе, департаменте, развенчание им ложных авторитетов являются пародийно-травестийной картиной положения человека в обществе. Комически-трагическая модальность включает в себя неосознанную, но интуитивно разумную потребность героя подняться над пошлостью. Прозрения героя, касающиеся «всей канцелярской сволочи», социальной несправедливости, дьявольской природы женщин, попытки понять, отчего он титулярный советник и т.д. выводят хронотоп лечебницы в культурное пространство Петербурга, восстанавливая нарушенные связи с миром героя. Гротеск внешнего свойства: сшитая Поприщиным мантия – становится одновременно и сигналом и проявлением двойнической, трагической и комической жизни героя, двойственной природы правосознания как модели государственного устройства.

Библиографический список

1. Гоголь, Н. В. Записки сумасшедшего / Н. В. Гоголь // Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / Н. В. ; АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937–1952. – Т. 3. Повести / ред. В. Л. Комарович. – 1938. – С. 191–214.
2. Жидовцева, О. А. Правовое сознание: основные подходы к определению и классификации / О. А. Жидовцева // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 21. – С. 204–208.
3. Корсемова, Р. Гоголь. Дискурс сумасшествия / Р. Корсемова // Вечный Гоголь. Сборник с докладами от Юбилейной международной научной конференции (Шумен на 6–7 октября, 2009). – София : Фабер, 2010. – С. 64–68.

А. А. Тимакова

Пенза, Россия

**ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ
И НОВЫХ ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О НАРОДЕ
20–30-х гг. XX в.¹**

A. A. Timakova

Penza, Russia

**FORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS AND NEW ETHICAL VALUES
OF THE PEOPLE IN LITERARY WORKS OF THE 20–30s
OF THE XX CENTURY**

Аннотация. На материале романа А. Г. Малышкина «Люди из захолустья» и повести П. И. Замойского «Подпасок» анализируются признаки социокультурной трансформации жизни Советской России в первой трети XX в. Делается вывод об исторической достоверности отраженного писателями процесса формирования правового сознания и новых этических ценностей народа.

Ключевые слова: национальное мировоззрение, литература соцреализма, правовое сознание, этические ценности.

Abstract. The author analyzes the phenomena of social and cultural transformation of life in Soviet Russia in the first third of the XX century, using the novel by A. G. Malyshkin "People from the Backwoods" and the novel by P. I. Zamoyskiy "Podpasok" ("Shepherd boy"). The conclusion is made about the historical reliability of the phenomena of legal consciousness and new ethical values of the people reflected by the writers.

Keywords: national worldview, literature of socialist realism, legal consciousness, ethical values.

Первая треть XX в. в истории России – время, насыщенное переломными событиями, характеризующееся изменением общественной формации, сменой культурной парадигмы. И потому тем или иным образом отражающие это литературные произведения становятся еще и документом эпохи, текстом, в котором принцип историзма иногда предпочитается требованиям художественности. Процесс формирования правового сознания и новых этических ценностей в указанный период составлял значительную часть социокультурной трансформации жизни. Установление Советской власти, наступление эпохи индустриализации способствовало достаточно резкому изменению у русского человека ощущения себя в мире. Согласно концепции С. А. Никольского и В. П. Филимонова, формирование национального мировоззрения берет начало от «миросознания» – «неотрефлексируемых мировоззренческих образований» [Никольский : 11]. Историческая ситуация рубежа веков возвращала простолюдина к необходимости «эволюционировать» до мировоззрения, которого вне господствующей идеологии как бы и не было. Так, в постановлении Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (1925) перед партией ставилась задача «ужиться с крестьянством и медленно переработать его» [Постановление Политбюро 1925], т.е. привить определенную систему правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений, чувств. И в этом значительную роль сыграла литература соцреализма.

Особенностью метода социалистического реализма можно назвать не только отражение определенного аспекта действительности (социалистического строительства), но попытку моделирования новых социальных и этических ценностей. Вот как об этом в обращении к Первому Всероссийскому съезду советских писателей сказал А. А. Жданов: «... Правдивость и историческая конкретность художественного изображения должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся людей в духе соцреализма» [Первый Всесоюзный 1990 : 4]. В полной мере это отразилось в романе А. Г. Малышкина «Люди из захолустья» (1938). Социалистический пафос романа А. Г. Малышкина «Люди из захолустья» определяется своеобразием историзма и народности в произведении – автор стремится как можно полнее и точнее отобразить процесс социалистического преобразования страны в первой четверти XX в.

¹ Статья подготовлена по результатам работы над проектом РФФИ № 18-412-580005 «Отражение народной жизни 20–30-х годов XX века в произведениях писателей-земляков (расширение культурно-исторической значимости региона)».

Одной из главных областей формирования нового уклада жизни является сфера обеспечения материальных интересов человека. А. Г. Малышкин показывает процесс изменения сознания рабочих – от собственнического к общественному. Стремление простых людей вовремя получать справедливую оплату своего труда, жить в лучших условиях осуждается руководством как проявление эгоизма и непонимание главной цели труда – изменения мироустройства. Для преодоления свойственной любому человеку склонности к личной выгоде партией было выбрано верное средство – апелляция к коллективному чувству. Именно соборность, духовная общность народа явилась мощным средством воздействия на сознание простого рабочего человека. Вот как это отражено в произведении: «Это что же, в самом деле, получается, дружки? – он [дед-плотник] говорил негромко, как бы для одного себя, но тишина слушала его отовсюду, потупленная, нещадно раздираемая бореньем. – Это что же? Взять на тех участках: рабочие-ударники гремят, сверх силы ворочают, про них славу вы сами слышите... И верно партийный говорит, что они своими трудами добиваются жизни, какой еще не было. А мы? Выходит – в поле обсевки? Нам из своей коросты, значит, никогда не вылезать? На готовенькое-то, золотистые, совестно надеяться, вот я как думаю» [Малышкин 1981 : 145]. Как и соответствует жанру производственного романа, перелом в главном герое Журкине произошел. В главе «Песня» (метафорическое указание на возрождение радости в душе героя) мы видим иного Журкина – не наемного рабочего, думающего, как бы «отхватить кусок», но человека, которому труд в радость: «Работа обуяла его, как лихорадка. Он работал до полночи, разгибаясь только на обед и не ощущая при этом ни тяготы, ни изнурения. А если и ощущал, то тягота эта была приятна и благодетельна, как лекарство, она постепенно как бы очищала организм, восстанавливала радость духа» [Малышкин 1981 : 329]. Автор не показывает пробуждения собственно «социалистического сознания» в своем герое, его радость – это понятное каждому удовольствие от любимой работы (Журкин – столяр), но кроме того, к ней прибавилось переживание героем новых для него этических ценностей: осознание роста своей значимости в трудовом коллективе, понимание причастности к историческим событиям.

Стремление к изменению своей социальной роли в обществе – еще один показатель формирования человека Советской России. Сфера взаимодействия с другими людьми не только показывает культурный и интеллектуальный уровень личности, но отражает его оценку общественных событий – того, что для него является важным или недопустимым, но личностно значимым. С этой позиции представляет отдельный интерес эволюция героини романа «Люди из захолустья» Ольги, московской «дамочки» в каракулевой шубке, интеллектуалки, замужней, но состоявшей в интимной связи с Соустиным, томящейся от пустоты своей жизни. А. Г. Малышкина заинтересовала не колхозница без образования, не юная активистка, не имеющая жизненного опыта и по молодости рвущаяся ко всему новому, – он стремится показать тектонические изменения в основе столичной интеллигенции. Разрыв с любовником, отъезд мужа на передовую социалистического строительства дают Ольге время подумать о жизни и своем месте в ней. Учеба на тракторных курсах, куда она попала почти случайно, открывает ей глаза на иное течение времени – не в себе, а вокруг себя. Но совпасть с этим течением сложно, если ты по духу из другого мира. Писатель не скрывает, что стремление Ольги к новой жизни не от изменения ее убеждений, а от желания наполнить жизнь чем-то важным, но ему значимы не причины, а результаты этого стремления: «Ольга глядела им вслед. Ей казалось, что она наконец поняла многое, и не только умом, – поняла лучшей, человечнейшей частью своего существа» [Малышкин 1981 : 345]. Поэтика социального пафоса сопровождается здесь обретением лично значимого, глубинного. Это еще не убеждения, а только ощущения, но они – в основе формирования системы взглядов.

По-иному показано развитие общественного сознания в Иване Журкине. На строительство металлургического комбината приводит его нужда, невозможность прокормить семью из-за безработицы в родном Мшанске. Открывается роман обсуждением (осуждением) земляками новой власти – «набедовались». Изначально Журкина интересует только заработок и личный комфорт. Но вот он начинает «почитывать газетку» «Красногорский рабочий», раздел про передовиков труда, и загорается в его сердце тайная сладкая мечта. А. Г. Малышкин показывает один из самых понятных и доступных малограмотному крестьянину путей к новой жизни, к формированию системы убеждений, правовых взглядов – через укрепление чувства собственного достоинства, осмысление ценности своего труда: «Зачиналось, передавалось от человека к человеку то героическое, честолобивое волнение, которое доставило потом стройке мировую славу, мировые рекорды в различных областях труда» [Малышкин 1981 : 331]. Журкин сравнивает себя с другими мастерами, знает, что он лучше многих, и стало быть – достоин и *имеет право* быть признанным. Эта не проговоренная героем даже самому себе мысль показательна для осознания читателем глубины происходящих в России первой трети XX в. изменений.

О формировании элементов правосознания у простого народа можно говорить и на основе автобиографической повести П. И. Замойского «Подпасок» (1939). Центральный образ произведения – идеальный борец за народное счастье: он из бедной семьи, осознает несправедливость социального неравенства, хочет помочь односельчанам и всем другим, угнетенным своим бедственным положением. Петр любит учиться и понимает ценность образования. Книжки помогают ему понять происходящее: «Книг много перечитал и календарей настольных, – отвечает он на вопрос об источнике своих размышлений. – Стихи Пушкина знаю. «Капитанскую дочку» читал. Вот в старое время был Пугачев. Как он колошматил этих дворян! За мужиков шел. И войска из мужиков, из татар, башкир. Теперь бы такого Пугачева к нам. Мы бы...» [Замойский 1956 : 145]. Петр знает, каким человеком ему нужно стать – сильным, справедливым, смелым и решительным, борцом за народное счастье. Свои мысли о существующем и желаемом общественном устройстве

подросток рифмует, ободренный примером творческого успеха такого же в прошлом босяка, как и он, – Максима Горького: «Мы терпели до поры, // Почернели лики, // Навострили топоры, // Насадили пики. // Грозной силой поднялись, // Барский хлеб забрали. // В схватку стражники взялись, – // Всех их повязали. <...> Будут нашими поля, // Барским быть довольно...» [Замойский 1956 : 265]. Писатель показывает становление социального протеста в крестьянской среде, что само по себе является выражением значительного уровня народного самосознания. Крестьяне слушают чтение запрещенных газет, с топорами и вилами защищают свое имущество, осознавая, что нарушают закон, ведь идут против полиции. Но такой закон, разрешающий пустить мужика по миру, им не нужен. Вот как об этом говорят историки: «Активизация правозащитных функций крестьянского мира в конце 1905 – начале 1906 г. <...> почти полностью парализовала деятельность низовых ветвей государственной власти и сельского самоуправления. Крестьяне смещали неугодных им старшин, волостных писарей, старост, <...> отказывались признавать земских начальников <...> Визитной карточкой социальной рефлексии является «страшная враждебность», проявлявшаяся в адрес полиции и казаков» [Пензенский край 2014 : 263]. «Социальная рефлексия», зафиксированная в архивных документах и отраженная в автобиографической повести П. И. Замойского, является именно проявлением формирующегося правового сознания человека.

Итак, произведения А. Г. Малышкина и П. И. Замойского представляют особый интерес как документы эпохи, позволяют выявить атрибутивные характеристики жизни народа в 20–30-х гг. XX в., среди которых и отражение процессов формирования правового сознания и новых этических ценностей.

Библиографический список

1. Замойский, П. И. Сочинения : в 2 т. / П. И. Замойский. – Москва : Гослитиздат, 1956. – Т. 2. Подпасок. Молодость. – 592 с.
2. Малышкин, А. Люди из захолустья / А. Малышкин. – Москва : Художественная литература, 1981. – 350 с.
3. Никольский, С. А. Русское мировоззрение. Смыслы и ценности российской жизни в отечественной литературе и философии XVIII – середины XIX столетия / С. А. Никольский, В. П. Филимонов. – Москва : Прогресс-Традиция, 2008. – 416 с.
4. Пензенский край в истории и культуре России : монография / под ред. О. А. Суховой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. – 526 с.
5. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. Репринтное воспроизведение издания 1934 года. – Москва : Советский писатель, 1990. – 714 с.
6. О политике партии в области художественной литературы : постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 18.06.1925. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/USSR/1925.htm>

**ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ЮРИСТОВ**

N. A. Egorova

Minsk, Belarus

**PUBLIC LEGAL AWARENESS DEVELOPMENT AT HIGHER EDUCATIONAL
ESTABLISHMENTS (BASED ON ENGLISH-LANGUAGE DISCOURSE)**

Н. А. Егорова

Минск, Республика Беларусь

**ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ
В УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА)**

Abstract. The article discusses the basics of public legal awareness, as well as the possibilities of its development in the academic environment of a higher educational establishment. The author substantiates the effectiveness of English-language discourse use, in particular, American and British film texts, in order to develop linguistic and legal competencies of students.

Keywords: public legal awareness, English-language discourse, authentic cinema text, frame, educational situation.

Аннотация. Рассматриваются основы общественного правового сознания, а также возможности его формирования и развития в академической среде высшего учебного заведения. Обосновывается эффективность использования англоязычного дискурса, в частности американских и британских кинотекстов, в целях развития языковых и правовых компетенций студентов.

Ключевые слова: общественное правовое сознание, англоязычный дискурс, аутентичный кинотекст, фрейм, образовательная ситуация.

Professional activity of a lawyer is organically interconnected with the mentality of society and an individual. The purposeful nature of activity allows a person to go beyond the framework of a specific situation, fit it into a wider context of socio-historical being, forming the mentality of subjects in terms of public law. Thus, the purpose of this study is to define the specifics of public legal awareness and how it is affected by products of mass culture.

Study on modern legal awareness of society suggests that it is of dual character. On the one hand, it is sustainable as it is affected by a person's education, professional and individual consciousness and worldview, position and social status on the whole. On the other hand, legal awareness does not remain unchanged, rigid due to various changes occurring in society. It should be noted that awareness is not an autonomous formation. It is a product of group/societal activity. Thus, this activity predetermines a certain coordination of individual actions, reflecting a person's attitudes, values, ideas, the choice of behavioral patterns and specific self-assessment concerning law.

The analysis of a person's behavior, conscious and unconscious activity, emotional and sensory spheres, cognitive factors, achievements, moral and spiritual values leads to the conclusion that public legal awareness is a substantial characteristic in the structure of personal culture. Personal culture is affected by group or societal culture and, at the same time, influences common culture, as well public law awareness.

Forming and developing public legal awareness has become the object of multidisciplinary studies. Research in the above-mentioned problem in education leads to the considering of the essence of this category in the methodological triad "knowledge – cognition – transformation" [Bhardwaj 2014: 13] and it embraces three aspects: a) socio-psychological; b) socio-historical; c) philosophical and cultural.

Regarding this triad, we can define legal awareness as 1) a stable mood of people, enabling them to unite in social and historical communities; the totality of attitudes to law and dispositions of persons shaping their membership according to the type of thinking and action in society; 2) a universal form of the organization of legal

knowledge, which determines the possibilities of cognition and behavior management; 3) mental experience resulting from the response to new legal information in order to master it, adaptive mechanisms of cognition and vital activity [Yahorava 2019: 80].

The formation of value system, ideas, attitudes to law in a higher educational establishment can tell upon the behavior and choices of students in future positively. However, this formation is relative since any new situation gives birth to new motives of activity which, in their turn, bring about new behavioral patterns. However, educational environment allows to shape student public legal awareness to a certain extent covering legal knowledge, a system of vital values, attitudes and ideas relating to law, self-identification with the image of a representative of a society having certain laws and regulations.

The projection of academic activity aimed at developing public legal awareness, such as goal-setting, speculation, improvisation, observation, civic duty and anticipation and legal security and others, is possible via teaching different subjects, EFL in particular. English discourse mostly appears to be the product of British and American mass cultures which are popular all over the world and affect the mentality of people living in various countries. Thus, English discourse may serve as a means of both teaching EFL and instilling public legal awareness at university [Еропова 2018: 189].

In our work we will dwell upon discourse relating to American and British movies, particularly authentic cinema texts devoted to legislation, law, court procedures, etc. (“Scent of a Woman” (1992), “The Devil’s Advocate” (1997), “Legally Blonde” (2001), “Breaking Bad” (2008), etc.). For example, “Scent of a Woman” features a school disciplinary meeting reminding of a court procedure in detail where the characters exhibit the specifics of their public legal awareness:

Mr. Trask: I’ve called up a meeting this morning because the incident that occurred this Tuesday last describes an issue. It concerns all of us. Not an isolated case of vandalism. What’s happened is a symptom of the sickness of a society. A sickness which runs counter to the principles this school was founded on. A school among whose graduates two have sat behind the desk in the Oval Office in the White House. They head many state departments and Investment Houses. They run the department stores, they coach football teams and... they receive their bulletins in usher rooms in India and in palaces in Jordan. We are, in fact, we are around the world as the cradle of this country’s leadership... nations... today we are bleeding from disrespect, a disrespect for our values and a disrespect for our standards, a disrespect for the Baird tradition and as the custodians of that tradition we are here today to protect each other from those who threatened it. Who is this, Mr. Simms?

Mr. Slade: This is Mr. Frank Slade. LT Colonel, US Army. Retired. I’m here in place of Charlie’s parents.

Mr. Trask: Excuse me?

Mr. Slade: In loco parentis. They couldn’t make the trip from Oregon today.

Mr. Trask: And what is your relationship to Mr. Simms?

Mr. Slade: Is this a courtroom?

Mr. Trask: In the closed case we are obliged to do it.

Mr. Slade: Larry and Freddy Simms are very dear close friends of mine. They’ve asked me to appear here on Charlie’s behalf. OK?

Mr. Trask: Happy to have you with us now. Mr. Willis.

Mr. Slade: Which Mr. Willis?

Mr. Trask: George JR, sir.

George: Yes.

Mr. Trask: You were in a position last Tuesday night to see who committed this act of vandalism. Who was it?

George: Well, I have an idea who it was...

Mr. Trask: No, not an idea, Mr. Willis. Did you see or did you not see?

George: Well, I didn’t have my contacts in... I was in the library taking my glasses off and wanted to put my contacts back in, I... then I hear Simms says “Close up” and the next thing I know I was outside and I hear the sound and I didn’t have any time for my contacts in.

Mr. Trask: Whom with your limited vision did you see?

George: Like I say it was blurry, ah... I can’t see without my contacts.

Mr. Trask: What did you see, Mr. Willis?

George: Ha, do you mean fairly?

Mr. Trask: Stop fencing with me, Mr. Willis! Tell me what you saw!

George: On the whole it makes ... but no contacts... it’s dark and everything ...

Mr. Trask: Mr. Willis!

George: Maybe Harry Hayemeyer, Trent Potter and Jimmy Jameson.

Mr. Trask: Maybe.

George: All part. Best I could see.

Mr. Trask: Could you provide us with some detail?

George: Why don’t you ask, Charlie? I really think he was closer.

Mr. Trask: Mr. Simms?

Charles: Yes.

Mr. Trask: You don’t wear contact lenses, do you?

Charles: No, sir.

Mr. Trask: With your untrammelled sight whom did you see?

Charles: I saw something but I couldn't say who...

Mr. Trask: All right. What was something you saw?

Charles: I couldn't say.

Mr. Trask: You couldn't say or you wouldn't say?

Charles: I just... I just couldn't say.

Mr. Trask: Couldn't, wouldn't, shouldn't. Mr. Simms, you are exhausting my patience and making a mockery of these proceedings. I will give you one last chance. The consequences of your response will be dire... Mr. Simms. By "dire" I mean your future will be jeopardized permanently. I ask for the last time. What did you see last Tuesday night outside my office?

Charles: I saw somebody.

Mr. Trask: I saw somebody. Good! Did you see the size and shape?

Charles: Yeah.

Mr. Trask: And it was the size and shape of whom?

Charles: It was the size and shape... of most any Baird student, sir.

Mr. Trask: I'm left with no real witness. Mr. Willis's testimony isn't only vague it is unsubstantiating. The substance I was looking for, Mr. Simms, was to come from you.

Charles: I'm sorry.

Mr. Trask: I'm sorry, too, Mr. Simms. Because you know what I'm going to do in as much as I can't punish Mr. Hayemeyer, Mr. Potter, Mr. Jameson and I won't punish Mr. Willis. He is the only party to this incident who is still worthy of calling himself a Baird man. I'm going to recommend to the Disciplinary Committee that you be expelled, Mr. Simms. You are a coward, what is worse and you are a liar.

Mr. Slade: But not a snitch!

Mr. Trask: Excuse me!

Mr. Slade: No, I don't think I will.

Mr. Trask: Please, watch your language, Mr. Slade. You are in the Baird school, not at barracks. Mr. Simms, I'll give you one final opportunity to speak out.

Mr. Slade: Mr. Simms doesn't want it. He doesn't need to be labelled "still worthy of being a Baird man". What the hell is that? What is your motto here? Boys inform on your classmates, save your hide anything short of that we'll gonna burn you at the stake? Well, gentlemen! When the shit hits the fan some guys run and some guys stay. Here is Charlie facing the fire and there is George hiding in big Daddy's pocket. And what are you doing? You gonna reward George and destroy Charlie.

Mr. Trask: Are you finished, Mr. Slade?

Mr. Slade: No, I'm just getting warmed up. I don't know who entered this place: William Outap, William Jennings Bride, William Tear, whoever. Their spirit is dead if they ever had one. It's gone. You're building a wreck ship here. A vessel for sea – going snitches. And if you think your popularism minnows for manhood you'd better think again because I say you are killing the very spirit this institution proclaims and instills. What a shame! What kind of a show you are, guys, putting on here! I mean the only class in this act is sitting next to me and I'm here to tell you this boy's soul is intact. It's non-negotiable. And how I know? Someone here I'm not gonna say who offered to buy him. Only Charlie he was a seaman.

Mr. Trask: So, out of order!

Mr. Slade: I'll show you "out of order". You don't know what out of order is, Mr. Trask. I'd show you, but I'm too old, I'm too tired, I'm too fucking blind. If I were the man I was five years ago I would take a flame thrower on this place. Out of order. Who the hell do you think are you talking to? I've been around, you know. There was a time I could see and I have seen boys like these, younger than these: their arms torn out, their legs ripped off...

The authentic cinema text under consideration, first, appears to be a means of language instruction, second, a linguistic form of didactic information transfer and control of its assimilation. The language of instruction is characterized by the peculiarities of didactic legal discourse. The specialty of legal discourse is the didactic orientation towards law (the vector "goal-content"); verbal and non-verbal features of information transfer (vector "capacity-time"); the specificity of personal relations in communication (the vector "training-students"). As a result, the "awareness" of a student in all its diversity is crucial for effective learning: it ranges from common speech culture and the sense of language to the ability to use specific communicative strategies and tactics applicable to different situations relating to public law. Thus, authentic cinema texts embody didactic frames (each frame has three centering poles: educational material, teacher, student) which enable a pedagogue to use them as educational situations which are intentionally and pragmatically impeccable to develop public law awareness.

The structural characteristics of an educational situation include purposefulness, dialogue, feedback, monitoring and evaluation (if necessary, correction) of communication. In our opinion, the relevant content parameters of the frame are the following: 1) communicants (teacher, students); 2) "subject of speech"; 3) "channel" of communication; 4) "code" – manifestation of language and public law competences in an educational situation; 5) "key" (assessment of the effectiveness of a situation); 6) sphere of communication (aspects of law); 7) the place of academic communication; 8) time; 9) comprehensive didactic goal of interaction; 10) intention; 11) type of communication (informational; consolidating; imperative; etc.); 12) form of communication; 13) type and structure of legal discourse; 14) types of communicative acts; 15) communicative strategies and tactics.

We may conclude that in academic environment the use of frames presented with the help of authentic cinema texts makes it possible to systematize and master legal knowledge, which determines behavior management and mental experience resulting from the response to new information, adaptive mechanisms of cognition and problem-solving activity. The individual units included in the structure of an educational frame make up pragmatic indicators of public legal awareness development while teaching EFL.

Библиографический список

1. Егорова, Н. А. Визуализация современной культуры как фактор развития представлений о кинотексте / Н. А. Егорова // Современные технологии обучения иностранным языкам : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (Россия, Ульяновск, 15 января 2018 г.) / отв. ред. Н. С. Шарафутдинова ; Ульян. гос. техн. ун-т. – Ульяновск : УлГТУ, 2018. – С. 189–193.
2. Bhardwaj, A. P. Legal awareness and legal reasoning / A. P. Bhardwaj. – Pearson Education, 2014. – 626 p.
3. Yavorava, N. Educational policies for researcher problem-solving skills development during professional culture formation / N. Yavorava // European Studies. – 2019. – Iss. 13. – С. 77–92.

Н. И. Жабо, М. Ю. Авдонина

Москва, Россия

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОМПОНЕНТА МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

N. Zhabo, M. Avdonina

Moscow, Russia

LEGAL COMPONENT OF A MULTIDISCIPLINARY TERMINOLOGICAL SYSTEM IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE FOR SPECIFIC PURPOSES

Аннотация. Рассматриваются задания учебника по французскому языку для специальных целей, связанных с юридическими аспектами деятельности ветеринара и ветеринарно-санитарного эксперта. Предлагается новое понимание профессиональной терминологии как мультимедийной терминологической системы. Юридические термины закрепляются в заданиях этимолого-ассоциативного типа и в самостоятельной работе с использованием ИКТ.

Ключевые слова: терминология, иностранный язык для специальных целей, юридический дискурс, французский язык, ветеринария.

Abstract. The tasks of the textbook of French for specific purposes related to the legal aspects of veterinary and veterinary health expert activities are considered. A new understanding of professional terminology as a multidisciplinary terminology system is proposed. Legal terms are to be learned in etymological-associative tasks and in self-study using ICT.

Keywords: terminology, foreign language for specific purposes, legal discourse, French, veterinary science.

Франция является одним из лидеров в практической деятельности и законодательстве Европы в области ветеринарии и ветеринарно-санитарной экспертизы продуктов питания животного происхождения. Поэтому главными компонентами учебника иностранного языка для будущих работников этих сфер является не только отражение инновационных технологий, не только формирование основ проведения устных переговоров, но и обучение правильной интерпретации юридических документов и осмысление юридической стороны профессии.

Целью исследования было рассмотрение содержания материалов и заданий учебника французского языка для будущих специалистов в области ветеринарии и ветеринарно-санитарной экспертизы [Жабо Авдонина 2020].

Вопросы построения учебника по иностранному языку для специальных целей являются актуальными в связи с формированием единого информационного пространства и трактуются цифровизацией образования в целом. Учебник, предлагаемый к обсуждению, содержит широкий спектр заданий, лексических, грамматических, речевых, требующих применения различных навыков работы с ИКТ, включая создание видео, Power Point презентации, использования интернет-ресурсов для самостоятельного поиска и сопоставления новой информации.

Терминология по профессии является безусловно основным материалом для усвоения и лежит в основе выбора текстов и создания упражнений. Но вопрос о том, что же должно включать в обязательный материал, приводит к необходимости осмысления самого понятия терминологической системы. Подход к концепции термина и терминологии [Авербух 2004] верен, однако мы – на материале экологической терминологии [Жабо 2015] и на основе сопоставления агроэкологических терминов английского, французского и русского языков [Авдонина, Бяхова и др. 2016] – пришли к выводу о необходимости расширения терминологии по специальности. Предлагается новый термин: «мультимедийная терминологическая система» (МДТС). Соответственно, предлагается изучать сложное целое, делимое на множество смежных и несмежных микрополей и тематических групп. При этом свойства всей системы отличны от свойств ее отдельных составляющих (мы обозначаем это свойство МДТС термином «эмерджентность»).

Именно целостная мультимедийная система при освоении создает картину мира в познании будущего профессионала и его языковую картину мира [Колшанский 1993], отражающую процессы создания единого информационного пространства [Snell-Hornby 1993].

Методология исследования последовательно развивает полипарадигмальный подход С. И. Тереховой [Terekova 2011; Терехова 2013].

Рассмотрим подробнее единицы юридической терминологии, необходимые для эффективной профессиональной деятельности ветеринара и эксперта. Несмотря на наличие собственно раздела, посвященного этим проблемам, даже в разделе «Медицинские аспекты ветеринарии» уже ставятся некоторые юридические вопросы осмотра и транспортировки больных животных, а также изучаются меры борьбы с эпизоотией на национальном уровне (в частности, вспышки бешенства лисиц на территории Франции, сальмонеллез у домашнего скота и птицы во Франции в увязке с ветеринарно-санитарными мероприятиями и экспертизой продуктов питания).

Важным и совершенно новым способом запоминания иноязычных терминов по профессии, разработанным нами, является этимологический анализ терминов.

В глоссарии этимолого-ассоциативного типа при этом закрепляются словообразовательные гнезда и, прежде всего, широкозначные слова (по И. А. Семиной [Семина 2010]), такие как *paraître* → *comparaître devant le tribunal* («предстать перед судом») с производным словосочетанием *comparution devant le tribunal* с необычной формой отглагольного существительного.

Как показали письменные поабзацные переводы студентов, наибольшую трудность в текстах с юридической компонентой действительно представляют широкозначные слова. Приведем пример вариантов перевода одной фразы:

À ce titre, elle fait l'objet de contrôles stricts de la part d'un organisme certificateur indépendant agréé par les pouvoirs publics. («В этом качестве она подлежит строгому контролю, осуществляемому независимым сертификационным органом, утвержденным государственными органами» / «Как таковая она является объектом жестких процедур контроля со стороны независимой организации по сертификации, получившей государственную лицензию / имеющей государственную аккредитацию / утвержденной правительством»).

Французский юридический язык с самого начала имеет значительную долю латинских выражений, которые мы выделили в отдельные упражнения с обширными комментариями. Например:

а) Переведите выражения **in fine** (выделено в тексте желтым цветом) в следующем предложении: «Un milieu naturel, des hommes talentueux, des siècles de travail et, in fine, une formidable viande bovine»:

б) Переведите слово **alias** в следующем отрывке: «elle a perfectionné la célèbre « technique des ciseaux », **alias** CRISPR/Cas9» и найдите два синонима к этому слову.

Завершает закрепление краткий словарь латинских выражений, встречающихся в тестах по ветеринарии, и их французских синонимов:

a contrario – inversement

a priori – 1) d'après des données antérieures. 2) au premier abord

a posteriori – en partant des données de l'expérience

a fortiori – à plus forte raison

de facto – de fait

de jure – de droit

de visu – après avoir vu

et cetera (= etc.) – et le reste

ex nihilo à partir de rien

grosso modo – sans entrer dans le détail

in extenso – intégralement

in extremis – au dernier moment

in fine – à la fin

in situ – dans son milieu naturel

in vitro – (« dans le verre ») en laboratoire = en éprouvette

in vivo est une expérience sur un organisme vivant

ipso facto – par voie de conséquence

modus operandi – manière de faire

sic – en citant exactement

sine qua non – absolument nécessaire

statu quo – état actuel des choses

vice versa – inversement

Особый интерес обучающихся вызывают юридические термины, заимствованные из русского языка и способы их обратного перевода. Подробно эти вопросы были рассмотрены ранее в наших работах [Авдонина 2011], в данном случае мы обучаем семантическому и контекстуальному анализу таких ассимилированных во французском языке юридических терминов, как **oukaze**, **apparatshik**, **défaitiste**, наряду с ветеринарными терминами (**pavlovien**, **steppe**) и оценочными словами и выражениями разговорного стиля, часто встречающимися в публицистике по темам ветеринарии (**pas un kopeck**, **bérézina**, **salade russe**).

В отличие от русского языка ветеринарии, в котором значения характеризующих терминов (например, «экологически чистый») расплывчаты и имеют скорее пожелательный характер, значения французских терминов оценки закреплены законодательно. Несколько лет назад, по результатам лингвистического анализа Н. И. Жабо, слово **durable** употреблялось «наряду с несколькими другими такими же терминами

с размытой семантикой: *responsable, engagé, solidaire, respectueux, équitable, raisonnable, durable, bio, écolo, écologique, vert, sustainable, éthique, propre, naturel*» [Жабо 2015 : 79]. Сейчас словарные значения вышеприведенных слов уточнены в административных документах Франции и эти слова получили статус термина.

Поэтому в учебник включены следующие задания к тексту:

а) Постройте логическую схему текста и объясните смысл слова *durable* в фрагменте «*Un mode de culture durable et contrôlé par les pouvoirs publics*».

б) Выявите разницу в значениях слов *viable, équitable, biologique, raisonnée*, когда речь идет о производстве молока и молочных продуктов.

Текст «*Que veut dire « bio » pour un produit laitier ? »*

Задание: Прочтите текст, обращая внимание на юридическую сторону обсуждаемой темы.

а) Выпишите свойства молочной продукции, требуемые во Франции для получения одобрения общественности.

б) Найдите несколько вариантов интерпретации выражения *dans une démarche de développement durable*. Аргументируйте вашу точку зрения.

в) Ответьте, зачем нужно проводить тесты на *identification de la qualité et de l'origine*?

Для практической работы по профессии важно также понимать современные аббревиатуры юридических терминов, постоянно обновляющиеся в ветеринарии, поэтому мы обучаем самостоятельно искать их значения, например:

в) Раскройте значения аббревиатур *l'AOP, l'IGP* и посмотрите, каким хозяйствам вручают *le label rouge*.

Для лучшей меморизации терминов мы используем различные графические приемы (выделение полужирным шрифтом и цветом) в одном и том же тексте, что облегчает самостоятельное составление глоссария, например:

Задание к тексту 10.3. «*Inspecteur de la santé publique vétérinaire*»

а) Составьте словарь юридической лексики, необходимой для ведения переписки ветеринарно-санитарного эксперта.

б) Проведите сопоставление полномочий специалиста ветеринарно-санитарной службы в России и во Франции. Представьте ваши выводы устно и в виде таблицы.

Вслед за Е. А. Рохлиной [Rokhlina 2015] большое внимание уделяется принципу «научить учиться». Задания по переводу предваряются раскрытием семантических процессов, идущих в ходе концептуализации термина, появления или исчезновения стилистических характеристик слова. Второй вид заданий выводит усвоенные термины в микродиалоги (две реплики и два ответа). Письменно обучающиеся учатся заполнять на французском языке бланки, протоколы, подтверждения заказов и т.д. (*bordereaux, suivis, confirmations de commande*). Каждая тема завершается творческим заданием.

Важным в юридическом смысле является и такое постоянное свойство материалов учебника, как точные ссылки на авторство и источник текстов и иллюстраций. В частности, авторы данной статьи, являющиеся и авторами учебника, использовали и собственные фотографии с обязательной подписью под рисунками с указанием авторства, и копии настоящих французских документов (например, родословную породистой собаки), что способствует, по отзывам обучающихся, доверию к подлинности материалов учебника и формирует установку на точное цитирование источников в дальнейшем. Учебник завершается выражением именной благодарности ветеринарному врачу за консультации по теме «Заболевания рыб, их профилактика и лечение» и, владельцам экофермы во Франции за предоставленные подлинные материалы по ветеринарии.

Обучающиеся отметили, что это позволило им всерьез задуматься об авторском праве на интеллектуальную собственность, что является несомненно важной составляющей профессиональной деятельности.

Особое внимание уделено усвоению терминологии, в том числе, используется ассоциативно-этимологический метод. Глоссарий профессиональной лексики с определениями на французском языке и эквивалентными терминами русского и английского языков и список французских порталов, сайтов и видео по тематике этих двух специальностей завершают учебник, предваряя описание курса.

Выводы.

Учебник по иностранному языку для специальных целей современного типа основывается на самых актуальных публикациях, видео, фото и переписке с иностранными партнерами по специальности обучающихся.

Преподаватель должен проследивать взаимосвязи со смежными и несмежными дисциплинами, образующими мультидисциплинарную терминологическую систему, и в частности, компоненты законодательной и правоприменительной практики.

Участие в заданиях, по отзывам обучающихся, повышает их мотивацию к обучению, а совместная работа по поиску ответов на вопросы по профессии на иностранном языке с помощью гаджетов – к самостоятельному выполнению творческих заданий.

Библиографический список

1. Авдони́на, М. Ю. Полисемия заимствованных русских слов в английском и французском языках / М. Ю. Авдони́на // Мова. – 2011. – № 16. – С. 100–106.

2. Авдонина, М. Ю. Агроэкологические термины в аспекте межкультурной коммуникации / М. Ю. Авдонина, В. М. Бяхова, Н. И. Жабо, И. Ф. Лихачева // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Экология и безопасность жизнедеятельности. – 2016. – № 3. – С. 106–114.
3. Авербух, К. Я. Общая теория термина / К. Я. Авербух. – Иваново : Иванов. гос. ун-т, 2004. – 252 с.
4. Жабо, Н. И. Системы экологических терминов русского и французского языков : типология, семантика и функции : монография / Н. И. Жабо. – Москва : РУДН, 2015. – 124 с.
5. Жабо, Н. И. Ветеринария и ветеринарно-санитарная экспертиза XXI века : вызовы и требования времени: французский язык : учебник / Н. И. Жабо, М. Ю. Авдонина. – Москва : РУДН, 2020. – 219 с.
6. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – Москва : Наука, 1990. – 103 с.
7. Семина, И. А. Широкозначные имена существительные в юридическом дискурсе / И. А. Семина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 597. – С. 93–113.
8. Терехова, С. И. Методы и методология полипарадигмального исследования в современном языкознании и переводе / С. И. Терехова // Методология и историография языкознания. – Славянск, 2013. – С. 52–59.
9. Rokhlina, E. Essential Aspects of Teaching English in Teacher Professional Development Programs / E. Rokhlina // Journal of Teaching and Education. – 2015. – № 4 (2). – P. 363–366.
10. Snell-Hornby, M. Communicating in the global village, On language, translation and cultural identity / M. Snell-Hornby // Current Issues in Language and Society. – 1999. – Vol. 6. – P. 103–120.
11. Terekhova, S. Gnoseological aspects of referential representations studies in Ukrainian, Russian and English (multy-paradigm approach) / S. Terekhova // The Advanced Science Journal. – 2011. – Vol. 2. – P. 103–116.

Т. В. Игнатович

Минск, Республика Беларусь; Лоян, КНР

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ ИНФОРМАЦИИ В ТЕКСТЕ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РИТОРИЧЕСКИХ УМЕНИЙ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ

T. V. Ignatovich

Minsk, Belarus; Luoyang, China

LANGUAGE MARKERS OF INFORMATION IN THE TEXT: IMPROVING THE RHETORICAL SKILLS OF LAWYERS TO - BE

Аннотация. Описываются приемы работы над совершенствованием риторических умений студентов-юристов. Объектом рассмотрения являются языковые средства выражения последовательности, вывода, введения примеров в текст, помогающие структурировать его в восприятии слушателя. В курсе «Риторика» совершенствуются риторические умения студентов, заложенные на уроках русского языка в учреждениях общего среднего образования.

Ключевые слова: текст, связность текста, средства связности, языковые маркеры, риторические умения, речевое совершенствование.

Abstract. The article examines didactic techniques for improving the rhetorical skills of law students. The article considers the language means of expressing the sequence, output, introducing examples into the text and helps to structure the text as perceived by the listener.

Keywords: text, text connectivity, connectivity tools, language markers, rhetorical skills, speech improvement.

Деятельность юриста относится к группе видов деятельности с повышенной речевой ответственностью, поэтому именно речевая подготовка студентов юридических специальностей является очень важной составляющей их профессиональных готовностей. Имеется в виду совершенствование коммуникативно-речевых умений, т.е. совершенствование готовности к самостоятельному целенаправленному созданию адекватных ситуации общения текстов в устной или письменной форме в связи с выполнением профессиональных обязанностей. При этом происходит развитие ментальной и речевой личности обучаемых в форме аналитико-синтетической переработки, структурирования, вербального воплощения и передачи информации.

Специальное методическое внимание в этой ситуации следует обратить на преемственность содержания наполнения учебного предмета «русский язык» учреждений общего среднего образования Республики Беларусь и курса «Риторика» для юридических специальностей университетов.

Программа по русскому языку для средней школы определяет учебно-языковые и коммуникативные умения и навыки, формирование которых предусмотрено в процессе изучения курса русского языка. «При сопоставлении их с умениями и навыками, составляющими операционный набор составных компонентов риторической деятельности оратора становится очевидным, что школьная программа включает в себя основы риторической подготовки и может стать пропедевтической базой для специального риторического обучения в высшей школе» [Игнатович, с. 420].

Анализ программ по русскому языку для учреждений общего среднего образования [Учебные программы] курс русского языка даёт возможность в учреждениях общего среднего образования работать над умениями: выбирать тему, формулировать и переформулировать её название с учётом речевой ситуации; определять общую цель высказывания, точно формулировать конкретную цель; определять основную мысль высказывания (тезис) и ключевые слова темы; определять подтемы и микротемы, обеспечивающие полноту раскрытия темы и ограничивающие границы её рассмотрения; определять необходимый для данной речевой ситуации стиль и тип речи; продумывать композицию создаваемого текста и составлять его план; подбирать материал по определённой теме и ранжировать его по степени значимости; продумывать переходы от одной смысловой части к другой; подбирать наиболее эффективные приёмы для вступительной и завершающей части высказывания; подбирать для аргументации соответствующих тезисов факты, наиболее соответствующие потребностям аудитории и конкретным целям общения; продумывать речевое оформление высказывания в соответствии со стилем речи и со своей оригинальной манерой общения; запоминать и воспроизводить подготовленную речь; эффективно использовать приёмы установления и поддержания контакта с аудиторией, использовать сигналы обратной связи для совершенствования риторических умений; грамотно использовать возможности паралингвистического сопровождения слова и невербальных средств общения; строить выступление с учётом особенностей аудитории, перед которой оно

произносится; владеть собой, располагать к себе слушателей; умело использовать наглядность. Как видим, это базовые коммуникативно-речевые умения, необходимые для реализации речепроизводства в любой профессиональной деятельности.

Курс «Риторика» опирается на эти умения при работе над созданием профессионально ориентированных текстов. При этом наиболее внимательно следует отнестись к формированию умений структурировать текст, особенно в устной форме, для наилучшего восприятия его теми, кому текст адресован.

Одно из важных требований к эффективному тексту – требование связности и цельности, именно эти конструктивные признаки обеспечивают восприятие текста как осмысленное целесообразное структурное единство.

И если ключевые слова, опорные предложения, лексико-семантические поля, синонимы, антонимы, одновременной фон обеспечивают единство всего текста (внутренняя связность), то лексический повтор, однокоренные слова, слова-заместители, метатекстовые средства обеспечивают связность соседних предложений и сложных синтаксических целых (внешняя связность). Нас интересуют средства реализации внешней связности, а именно: маркеры обозначения последовательности информации, вывода, введения примеров, так как, по данным анализа речевых произведений студентов на занятиях, в рамках управляемой самостоятельной работы студентов, на профессиональных конкурсах (Юридическая олимпиада ежегодно проводится на юридическом факультете Белорусского государственного университета), именно эти языковые ресурсы оказываются недостаточно задействованы в речевой практике студентов, именно их отсутствие мешает восприятию информации и адекватному пониманию. Это так называемые метатекстовые средства (вводные слова (выражения), сочинительные союзы, отдельные словосочетания, а также предложения, отражающие логику развития мысли автора в тексте), которые не являются обязательным языковым средством, они помогают адресату выявить наиболее важные или, напротив, второстепенные с точки зрения автора моменты, отражаемые в тексте причинно-следственные отношения и т.д.

Так, в 6 классе изучается учебное сообщения как жанр информационной речи [Мурина 2020, с. 87-92]. Основные метатекстовые языковые средства здесь представлены. Приведем примеры заданий, с помощью которых осуществляется формирование умений использования в собственных текстах слов (выражений) – маркеров информации.

Упражнение 187. 1. Прочитайте. Соотнесите данные двух колонок.

I. Я хочу вам рассказать о...; Цель моего выступления – показать...; В моём сообщении вы найдёте ответы на вопросы о ...	а) знакомство с планом
II. Тема моего сообщения...; Темой сообщения является...; В названии моего сообщения раскрыт...; Моё выступление называется...	б) знакомство с целью
III. Я расскажу вам о...; Вы узнаете, во-первых, о...; В моём выступлении будут рассмотрены следующие вопросы:...	в) оправдание неподготовленности
IX. Вы уж меня извините...; Так уж сложилось, что мне поручили выступить...; У меня было мало времени для подготовки...; Я не специалист в данной области...	г) знакомство с темой

2. Пользуясь таблицей, напишите вступление к учебному сообщению «Признаки, по которым различают стили речи».

Теоретические сведения предъявляются 6-классникам предельно лаконично с помощью текста правила или через подсказки. Например, в § 23 «Особенности языка учебного сообщения» два основных текста-правила и одну подсказку, включенную в задания к упр. 190.

Подчёркнутая логичность – отличительная черта учебного сообщения. Специальные слова и выражения указывают на **последовательность** частей текста (*во-первых, во-вторых, кроме того* и др.) и **вывод** (*итак, значит, таким образом, следовательно* и др.).

Упражнение 190. 1. Прочитайте фрагмент учебного сообщения, вставляя слова – показатели последовательности частей текста.

2. Озаглавьте и запишите его. Какую часть сообщения он представляет?

Подсказка! Многие слова и выражения для обозначения последовательности высказывания употребляются в парах: *первое – второе, во-первых – во-вторых, с одной стороны – с другой стороны*.

Словарные слова можно запоминать по-разному.

... слова с похожими гласными можно отчётливо произносить, выделяя слоги: карандаш, барабан, сарафан, таракан.

... можно зарифмовать и сопоставить: Алла в аллее - Галя в галерее.

... строить необычные фразы для запоминания правописания слов. Например, для запоминания слов с удвоенными согласными: Антенна в тоннеле. Иллюстрация к новеллам и балладам. В комиссии мисс пошла на компромисс. Без удвоенных букв: Кавалер из кавалерии. Белорус и белоруска из Беларуси. Калории в салате.

... запоминать по принципу «от противного», то есть наоборот: Грейпфрут не от слова фрукт.

В учебных сообщениях есть слова и выражения, которые **вводят примеры** (например, к примеру, так(= например), как например, возьмём и др.).

Ограничение времени на изучение речевых тем и объём учебника не позволяют поместить на его страницы большее количество упражнений для работы над умениями структурирования информации в соответствующем разделе, однако и в предыдущих и в последующих темах при формировании учебно-языковых умений компоненты заданий к упражнениям позволяют реализовать работу над коммуникативно-речевыми умениями. Разделу «Жанры речи: учебное сообщение» предшествуют разделы «Текст», «Стили речи», в которых рассматриваются признаки текста: тематическое единство, связность, последовательность, развёрнутость, завершённость, при этом анализируются средства, обеспечивающие связность и последовательность. После раздела «Жанры речи: учебное сообщение» следует раздел «Грамматика. Морфология». Так, в § 25 «Части речи в русском языке» в рубрике «Анализируем» в упражнении 199 есть предтекстовое задание 1: Прочитайте. Сравните тексты записки и рассказа. Почему второй текст получился связным и мы можем рассказать о последовательности событий?

Более прочное усвоение коммуникативно-речевых умений структурирования информации зависит от частоты использования применения этих умений в реальных учебных и жизненных ситуациях. На всех уроках обучаемые делают учебные сообщения, которые часто именуют докладами, но не всегда учителем и слушающими соучениками даётся обстоятельная оценка его качеству. В лучшем случае оценивается содержание сообщения, достоверность фактуальной информации, композиционная и языковая сторона сообщения остаётся за рамками рефлексии и саморефлексии. Отсутствие устойчивой потребности работать над структурой и языком текста приводит к потере эффективности речевого воздействия, особенно это касается информационных сообщений.

С этим багажом умений студенты приходят в университет, где требуется более глубокое погружение в систему языковых средств связности и достаточная практика по их употреблению в собственных речевых произведениях. В курсе «Риторика» нет возможности (из-за небольшого объёма курса учебные занятия преимущественно практической направленности [Мурина 2003]) специальных занятий, посвящённых отработке умений, да это и не требуется. Достаточно на семинарских занятиях обращать внимание говорящего и слушающих на необходимость употребления этих языковых маркеров, на эффект коммуникативной адекватности и понимания от их использования. При рецензировании и взаиморецензировании выделить отдельным пунктом для оценивания требование к использованию показателей последовательности, подытоживания, введения примеров. При анализе текстов публичных выступлений: Геттисбергской речи Авраама Линкольна [Мурина 2002, с. 76–78] или русского текста выступления Стива Джобса перед выпускниками Стэнфордского университета, представленного как «Три истории» [Русский текст], – именно на эффективность воздействия на слушателей от использования показателей структуры и реализацию целеполагания с их же помощью обращаем первоочередное внимание обучаемых. Только потребность быть понятым полно и адекватно может послужить триггером к построению текстов по всем правилам риторики, в том числе с использованием языковых маркеров последовательности.

Библиографический список

1. Игнатович, Т. В. Содержательные компоненты речевого развития учащихся как пропедевтика риторического образования студента-гуманитария / Т. В. Игнатович // Язык и культура / Киевский нац. ун-т им. Т. Шевченко. – Киев : Изд. дом Д. Бураго. , 2016. – Вып. 19, Т. III (183). – С. 418–424.
2. Мурина, Л. А. Практикум по теории риторики : учеб.-метод. пособие для студ. филол. спец. / Л. А. Мурина, Т. В. Игнатович, И. В. Таяновская. – Минск : БГУ, 2002. – 98 с.
3. Мурина, Л. А. Риторика : практикум для юристов / Л. А. Мурина, Т. В. Игнатович, Т. В. Рубаник. – Минск : БГУ, 2003. – 88 с.
4. Мурина, Л. А. Русский язык : учеб. пособие для 6 класса учрежд. общ. средн. образования с белорус. и рус. языками обуч. / Л. А. Мурина, Т. В. Игнатович, Ж. Ф. Жадейко. – Минск : Национальный институт образования, 2020. – 240 с.
5. Русский текст выступления Стива Джобса перед выпускниками Стэнфордского университета. – URL: https://www.subguru.ru/2008/01/blog-post_10.html (дата обращения: 01.09.2020).
6. Учебные программы по учебному предмету «Русский язык». – URL: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2020-2021-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2020-2021/304-uchebnye-predmety-v-xi-klassy-2020-2021/3803-russkij-yazyk.html> (дата обращения: 01.09.2020).

Н. А. Красовская

Тула, Россия

АКТИВИЗАЦИЯ НАВЫКОВ ГОВОРЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

N. A. Krasovskaya

Tula, Russia

FORMATION OF SPEAKING SKILLS WHILE STUDYING LEGAL RHETORIC: PRACTICAL EXPERIENCE

Аннотация. Поднимается вопрос формирования навыков говорения на практических занятиях по юридической риторике. Отмечается, что в настоящее время студенты-юристы не всегда обладают умением говорить правильно и убедительно. Делается вывод, что навык говорения необходимо формировать через серию специальных упражнений и заданий, которые необходимо регулярно использовать на занятиях по риторике.

Ключевые слова: юридическая риторика, говорение, студенты, юриспруденция, упражнение.

Abstract. The article raises the issue of formation of speaking skills in practical classes on law rhetoric. Currently law students do not always have the ability to speak correctly and convincingly. In our opinion the skill of speaking should be formed through a series of special exercises and tasks that should be regularly used in classes on rhetoric.

Keywords: law rhetoric, speaking, students, law, exercise.

Большую роль в подготовке специалистов-бакалавров в области юриспруденции играют дисциплины, которые призваны формировать навыки использования единиц языка в соответствии с требованиями культуры речи, навыки составления связных текстов, текстов различной стилистической отнесенности. К подобным дисциплинам относится, согласно учебным планам, «Юридическая риторика».

Надо сказать, что умение убедительно, правильно, красиво выражать свои мысли средствами языка является важнейшим показателем хорошего судьи, адвоката, юриста. В данном случае уровень профессиональной подготовки специалистов напрямую связан с овладением ими навыками лингвистическими. Об этом пишет, например, Н. Н. Тесликова: «Подготовка студентов к деятельности в различных структурах правоохранительной системы предполагает наряду с профессиональными знаниями и умениями формирование навыка владения грамотной деловой речью в ее различных видах и формах». [Тесликова 2004 : 1]. Студенты часто задают вопрос: «Что нужно делать, чтобы говорить убедительно и красиво?» Ответов на такой вопрос может быть, конечно, много, но мы во главу угла ставим прежде всего работу над формированием навыков связной речи. Однако известно, что невозможно сформировать навык какой-либо деятельности без осуществления самой этой деятельности. Невозможно научиться ездить на велосипеде, если на нем не ездить. Невозможно научиться правильно, убедительно, красиво говорить, если не стараться так говорить. По этому поводу можно приводить много размышлений известных ораторов, педагогов, философов. Так, Т. М. Синельникова замечает: «Но выступление не будет успешным, если оратор не научится ощущать речь в звуке. Выступающий должен чутко относиться к звучащему слову» [Синельникова. 2005 : 148]. Много о тренировке активного говорения писали и риторики прошлых эпох, тут можно приводить мнения и Аристотеля, Платона, А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако и мн. др.

Как показывает наш опыт работы, в настоящее время многие студенты, не владеют навыками связной устной речи, процесс говорения вызывает значительные трудности. Над причинами возникновения подобных проблем можно думать много, тут может сыграть определенную роль и увлечение тестированием как формой контроля промежуточных знаний на всех уровнях обучения, и воздействие интернета и общения в социальных сетях, повальное увлечение гаджетами и т.д.

Итак, мы при планировании занятий по дисциплине «Юридическая риторика» ориентируемся прежде всего на то, чтобы студент максимальным образом старался в рамках проведения занятий говорить, высказываться, строить связные тексты.

На занятиях, конечно, стоит обратить внимание на различного рода выступления, которые могут студентами готовиться заранее по предложенным темам или по тем темам, которые студенты могут разрабатывать самостоятельно. С одной стороны, подобного рода выступления студентов – это довольно традиционная форма работы. С другой стороны, данная форма работы нами несколько трансформирована. Начнем с того, что мы даем четкие установки для подготовки выступления и его организации: студент должен обратить внимание на соответствие выступления теме, на структуру выступления, которая может несколько

меняться в зависимости от основной цели выступающего, на использование выразительных средств и на особенности воздействия на аудиторию. Время, которое дается студенту на выступление, ограничено 7–10 минутами. Специальная задача ставится и перед аудиторией, т.е. перед студентами, которые слушают выступление: они должны задавать вопросы оратору по теме прослушанного выступления. Метод формулировки и постановки вопросов – довольно действенный способ концентрации внимания как слушателей, так и выступающего. В завершении выступления оратор отвечает на вопросы, которые поступают от слушателей. Наконец, обсуждение выступления тоже поручается аудитории, преподаватель его только направляет. Критерии оценки выступления хорошо известны всем студентам. Таким образом, подготовка и произнесение речи становится более самостоятельной деятельностью, в которой активно участвуют как выступающие, так и слушатели. Такую работу мы проводим на каждом практическом занятии, когда выступают по 2–3 человека из группы.

Развивать активное говорение и межличностную коммуникацию можно и в процессе выполнения ряда упражнений и заданий при изучении конкретных тем.

Так, при рассмотрении тем «Понятие риторики. Законы общей риторики. Речевая деятельность», «Коммуникационный процесс. Вопросно-ответная форма речевой коммуникации» мы ставим задачу – активизировать речь самих студентов, научить находить коммуникативный выход в той или иной речевой ситуации. Именно поэтому нами используются на занятии различного рода упражнения, которые требуют работы над собственными интонационными конструкциями, на силой голоса. Например, предлагается произнести одну и ту же фразу, выражая различные эмоции, при этом фраза может быть семантически значимой («Дорогие друзья, коллеги!»), а может быть семантически мало применимой в официально-деловом или публицистическом стилях («Ёжик пьет молоко»). Усложняя задания и продолжая работать над развитием речевых навыков, мы к вышеуказанным заданиям добавляем задания, связанные с языком телодвижений и жестов. Студентам необходимо проследить, как язык тела помогает выражать мысль и как он помогает выражать эмоции, насколько он бывает информативен для слушателей. С языком жестов и мимики тесно связаны вопросы «отзеркаливания». Студенты обычно с интересом выполняют подобную работу, однако отметим, что она бывает эффективна, если студент, которого отзеркаливают, не осведомлен об этом.

На наш взгляд, подобного рода задания можно выполнять не только на практических занятиях, которые по своей тематике связаны с организацией речевой коммуникации, с выражением эмоций и мыслей, но и на иных занятиях. Мы практикуем работу по выполнению подобных заданий на каждом практическом, обычно мы называем выполнение упражнений подобного типа речевой разминкой или речевым тренингом.

Следующие типы упражнений, на наш взгляд, могут быть в большей степени зависимы от конкретной темы занятий, но, на наш взгляд, они также должны быть ориентированы на процесс говорения.

Так, при рассмотрении вопросов построения выступления мы предлагаем задания, связанные с анализом структурных частей выступлений известных адвокатов, текстов, составленных однокурсниками студентов. Усложняя задания, предлагаем к какой-либо теме или даже фразе придумать начало выступления. Интересным является упражнение, в ходе выполнения которого студенты работают группой: один начинает произнесение вступительной части к какой-либо речи, второй продолжает, третий переходит к основной части, четвертый ее развивает, используя различные топы и т.д. В итоге – работает группа студентов, которая в процессе совместного творчества создает и произносит! (Что очень важно!) связный текст.

При рассмотрении темы о логике речи много времени уделяется анализу логических ошибок, для этого также разрабатываются специальные предложения, их содержащие. Помимо этого, самим студентам предлагается найти логические переходы от одной мысли к другой при составлении связного высказывания.

Безусловно, активные формы работы применяются при обращении к теме «Деловое общение». В данном случае основные виды упражнений направлены на формирование устойчивых моделей коммуникативного поведения в деловой сфере. Именно поэтому многие упражнения и выполняемые задания имеют форму деловой игры. Студенты должны научиться передать по телефону деловую информацию своим коллегам, имитируя определенную деловую ситуацию, почувствовать себе секретарем ответственного лица и выполнить по телефону ряд поручений. Студенты вовлекаются в выполнение задания, где нужно выстраивать ответы без использования слова «нет». Мы также используем и большое количество разнообразных упражнений, связанных с анализом уже известных ситуаций, с оценкой поведения тех или иных участников деловой коммуникации.

Большое значение имеет тема «Основы полемического мастерства». При рассмотрении основных вопросов, связанных с изучением указанной темы, много времени уделяется разновидностям спора, уловкам в споре. Безусловно, что данная тема является интересной и актуальной для будущих юристов. Задания, которые выполняют студенты, во многом связаны с практической работой, т.е. мы приглашаем их к спору, они могут в парах разыгрывать споры или участвовать у групповых спорах, которые посвящены каким-либо проблемам. При этом обычно мы даем студентам тему, которую они обсуждают в группе, готовятся, а затем начинается словесное состязание.

Наконец, невозможно обойти вниманием тему «Судебное красноречие». При работе над ней наша главная задача – постараться на занятии разыграть небольшие отрывки из судебных заседаний. Для этого, разумеется, используется прием игры, в ходе которой выбираются все основные участники судебного процесса. Сообщается необходимая информация для проведения судебного заседания. Наконец, разыгрывается само судебное заседание. В заключение такой работы обычно проводится ее анализ, в котором принимают участие все студенты группы.

Таким образом, мы максимально стараемся развивать в студентах умение говорить, составлять связные тексты. На наш взгляд, подобные активные виды работы на практических занятиях по юридической риторике существенным образом могут помочь студентам развить навык говорения, сформировать навык активного слушания. По нашему мнению, современному студенту не хватает умений говорения и слушания, только активная и разнообразная работа на практических занятиях может способствовать развитию этих навыков в указанных видах деятельности. Обратим внимание еще раз на то, что работа может осуществляться как индивидуально, так и в парах и группах. Много времени мы уделяем развитию творческого потенциала студентов, ведь нельзя говорить красиво и убедительно, если нет интереса к тому, о чем говоришь, еще ты эмоционально безразличен к сообщаемому.

Библиографический список

1. Аннушкин, В. Н. История русской риторики. Хрестоматия / В. Н. Аннушкин. – Москва : Флинта : Наука, 2011. – 416 с.
2. Дзялошинский, И. М. Риторика : учебник и практикум / И. М. Дзялошинский, М. А. Пильгун. – Москва : Юрайт, 2017. – 232 с.
3. Ивакина, Н. Н. Культура судебной речи / Н. Н. Ивакина. – Москв : БЕК, 1995. – 324 с.
4. Ивин, А. А. Риторика. Искусство убеждать : учеб. пособие / А. А. Ивин. – Москва : Гранд-Фаир, 2003. – 304 с.
5. Плевако, Ф. Н. Избранные речи / Ф. Н. Плевако. – Москва : Юрайт, 2011. – 649 с.
6. Сергеич, П. Искусство речи на суде / П. Сергеич. – Москва : Юрид. лит., 1988. – 380 с.
7. Синельникова, Т. М. Методика обучения технике речи на практических занятиях по риторике / Т. М. Синельникова // Записки Горного института. – 2005. – Т. 160, ч. I. – С. 148–150.
8. Тесликова, Н. Н. Совершенствование культурно-речевых навыков студентов юридического факультета вуза : дис. ... канд. пед. наук / Тесликова Н. Н. – Рязань : РГПУ им. С. А. Есенина, 2004. – 277 с.

Е. С. Кузнецова

Воронеж, Россия

ПРОЕКТИРОВАНИЕ КУРСА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОГО АНГЛИЙСКОГО)

E. S. Kusnetsova

Voronezh, Russia

AN ESP COURSE DESIGN IN NON-LINGUISTIC INSTITUTE (ON THE EXAMPLE OF LEGAL ENGLISH)

Аннотация. Рассматривается структура проектирования курса английского языка для специальных целей. Этапы разработки исследуются с позиций курса юридического английского. Особое внимание уделяется задачам, профессионально ориентированному предметному содержанию курса, а также приемам обучения языковым навыкам и умениям речевой деятельности в юридическом контексте.

Ключевые слова: английский для специальных целей, методика, проектирование курса.

Abstract. The article discusses the outline of the ESP course design. The stages of course development are considered from the perspective of the course of legal English. Particular attention is paid to objectives, professionally oriented subject content of the course, as well as to methods of teaching language and skills in a legal context.

Keywords: ESP, methodology, course design

На международной правовой арене английский язык, как представляется, стал доминирующим средством общения в широком контексте интернационализации юридической сферы. В результате юристы, работающие на международном уровне, испытывают потребность в транснациональной правовой и лингвистической компетенции. Для целей юридического образования это означает необходимость использования английского языка в контексте взаимодействия двух или более правовых систем, каждая из которых имеет соответствующую юридическую основу и терминологию.

В результате данных процессов, английский язык для специальных целей (ESP) занимает значительное место в содержании высшего профессионального образования. Многие университеты разрабатывают соответствующие программы, которые, к сожалению, сводятся к обучению специальной лексики и грамматическим структурам, характерным для профессионально ориентированных текстов. Такой педагогический подход, по существу, игнорирует академические потребности и личные интересы обучающихся. Это неизбежно приводит к низкой мотивации в изучении английского языка и, в свою очередь, к трудностям в будущей профессии, когда специалистам приходится общаться на английском языке в своей сфере.

Таким образом, перед преподавателями английского языка стоит задача подготовить студентов к чрезвычайно конкурентному обществу, преуспеть в котором могут только те специалисты, которые обладают глубокими знаниями в своей области и владеют английским языком. Иными словами, необходимо разработать курсы английского языка, которые помогут обучающимся лучше подготовиться к профессиональному общению в юридическом контексте в ближайшем будущем.

Разработка программы курса английского языка для специальных целей предполагает следующие этапы:

- проведение анализа потребностей студентов;
- определение целей и задач курса;
- концептуализация содержания;
- отбор и адаптация материала;
- организация контента и упражнений;
- определение способов контроля и оценки [Graves 1996].

Для выявления и анализа потребностей студентов обычно используют анкеты, неформальные обсуждения с обучающимися и другими преподавателями, интервью с выпускниками и лекторами специальных дисциплин, а также наблюдение за фактическим опытом использования иностранного языка в работе юристов.

Примеры ситуаций, требующих английского языка в юридическом контексте, могут включать:

- профессиональное обучение на английском языке;
- международные судебные процессы;

- юридическая академическая литература;
- международное разрешение споров, в частности, арбитраж;
- трансграничные коммерческие и другие сделки.

В широком смысле, основополагающая цель обучения юридическому английскому языку состоит в том, чтобы улучшить сбалансированное развитие предметных знаний и владения английским языком обучающихся, дать им возможность активно мыслить и, в конечном итоге, оказать положительное влияние перспективу их трудоустройства. Поэтому главная цель курса – помочь студентам-юристам подготовиться к будущей профессии, поскольку хорошее владение профессиональными знаниями в сочетании с высоким уровнем владения английским языком может дать им преимущество на современном конкурентном рынке труда.

Основываясь на зарубежных педагогических исследованиях [Basturkmen 2006 : 133–146], выделим пять основных задач курса английского языка для специальных целей:

- овладение специфическим предметно-языковым употреблением;
- развитие иноязычных компетенций, требуемых для будущей специальности;
- овладение фактами иноязычной профессиональной культуры;
- развитие стратегической компетенции;
- содействие развитию критического мышления.

Раскрытие предметно-специфического использования языка как задача направлено как на демонстрацию способов применения английского языка в профессиональной среде, так и на передачу знаний, полученных в результате лингвистических исследований в этой области (дискурс, жанр, терминология).

Развитие иноязычных компетенций должно происходить в неразрывной связи с анализом потребностей будущих специалистов. Продуктивное обучение ESP направлено на развитие способностей обучающихся выполнять действия, реально применимые в профессии, и функционировать в соответствии со стандартами, ожидаемыми в этой области. Содержание курса должно быть организовано на основе коммуникативных действий, с которыми студенты столкнутся в своей профессиональной среде, а анализ потребностей поможет выявить эти коммуникативные события.

Использование иностранного языка для специальных целей требует, наряду с лингвистическими умениями, знания и понимания концепций, относящихся к профессиональной сфере. Эта точка зрения поддерживается Д. Дугласом, который утверждает, что иноязычная профессиональная компетенция является результатом взаимодействия профессиональных фоновых знаний и языковых умений [Douglas 2000].

Этот подход не является новым в методике. Еще Т. Хатчинсон и А. Уотерс ввели термин «компетенции, лежащие в основе обучения», под которым они подразумевали комплексное преподавание иностранного языка и общего концептуального предметного содержания [Hutchinson, Waters 1985].

Например, ожидается, что студенты-юристы ознакомятся с юридической терминологией, научатся писать электронные письма, а также резюме. Кроме того, они должны уметь понимать юридические статьи и документы, устно вести беседу в общем и профессиональном контексте, поддерживать отношения с международным сообществом в своей области с помощью современных средств связи.

Далее Д. Дуглас подчеркивает, что задачей курса для специальных целей является формирование не только лингвистических знаний (грамматических, функциональных, лексических), рецептивных и продуктивных умений, а также базовых знаний в профессиональной сфере, но и развитие стратегической компетенции. Последняя выступает в качестве связи между контекстом и знанием языка и реализуется во всех коммуникативных ситуациях [Douglas : 38].

Применительно к исследуемому юридическому контексту, формирование стратегической компетенции «состоит в том, чтобы вынести на поверхность знания предметной области, которые уже есть у студентов, и создать возможности для применения этих знаний на изучаемом языке» [Basturkmen 2006 : 139].

Наконец, содействие критическому осознанию коммуникативных норм помогает студентам развивать те коммуникативные навыки и умения, которые наибольшим образом соответствуют их потребностям и необходимы для функционирования в профессиональной среде.

Методику обучения иностранному языку можно охарактеризовать как деятельность, а именно, технологические приемы, выбранные преподавателем для достижения целей курса, и то, как они используются в процессе обучения. В курсе юридического английского языка задача заключается в том, чтобы привести в аудиторию некоторый элемент реальной деятельности или аутентичности, либо с помощью используемых материалов, либо заданий [Richards 1990 : 11].

Предметное содержание курса отражает элементы содержания специальных юридических дисциплин и включает понятия гражданского права, защиты прав человека, международные правовые институты, механизмы правовой защиты и т.п.

Учебная деятельность в рамках курса должна быть разработана и структурирована таким образом, чтобы поощрять самостоятельность студентов, активизировать их интеллектуальные способности и мотивировать высказывать собственное мнение. Рекомендуется использовать аутентичные материалы, такие как отрывки из англоязычных учебников, статьи, пресс-релизы, сайты зарубежных юридических организаций. Все эти материалы должны быть отобраны в соответствии с содержанием курса, учебные задания – адаптированы для языкового уровня обучающихся.

В ходе курса необходимо уделять сбалансированное количество времени обучению как рецептивным навыкам (чтение, аудирование), так и продуктивным (говорение, письмо). Например, обучение чтению сопровождается разъяснением юридических терминов или других слов и фраз, которые студентам не знакомы. Последующие упражнения и тесты обеспечивают правильное понимание текста и практики нового тезауруса. На основе тестовой информации организуются упражнения для обучения говорению (обсуждения, дебаты), а также и письменные задания.

Поскольку среди обучающихся существует тенденция переводить любой профессиональный текст дословно, что приводит к упрощению и дроблению фраз, задача преподавателя заключается в презентации более крупных лексических структур: словосочетаний, лексических комплексов, концептов [Скрипникова 2016].

Изучение грамматических структур, специфических для юридического языка, обычно интегрировано в практику языковых навыков. При этом довольно трудно расставить приоритеты овладения теми или иными навыками. Основным критерием выступает то, что учебная деятельность должна отражать реальные профессиональные ситуации.

Касаясь вопроса оценки курса, отметим, что следует различать формирующую и суммирующую оценку [Robinson 1991 : 65]. Формирующая оценка проводится в течение курса, и полученные результаты могут быть использованы для оперативного внесения изменений в ход учебного процесса. Суммирующая оценка, с другой стороны, проводится, когда курс закончен, и полученные результаты не могут повлиять на текущую работу преподавателя и студентов. Оба типа оценки должны быть реализованы в рассматриваемом курсе.

Одной из эффективных процедур формирующего оценивания является наблюдение за аудиторным учебным процессом [Mackay 1981 : 115]. Оно позволяет преподавателю делать выводы об эффективности учебных материалов и заданий и оперативно вносить изменения в материалы курса и/или методы обучения.

В середине курса обучающимся может быть предоставлена оценочная анкета для сбора обратной связи и внесения уточняющих изменений.

Оценка в конце курса, как правило, достигается путем анализа результатов и успеваемости учащихся. Этот вид оценки помогает определить, достигаются ли цели курса.

Мы рассмотрели один из подходов к построению курса юридического английского в неязыковом вузе. Однако остаются вопросы относительно того, какие языковые навыки и стратегии, наиболее необходимы студентам-юристам. В частности, недостаточное количество прикладных исследований в области академического юридического английского языка вызывает затруднения при разработке учебных программ и материалов. Эти вопросы требуют дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Федорова, Н. Ю. Технология разработки профессионально ориентированного учебного пособия по иностранному языку для студентов гуманитарных специальностей : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Федорова Н. Ю. – Санкт-Петербург, 2014. – 257 с.
2. Скрипникова, Т. И. Способы репрезентации концепта 'Город' в английском и русском языках // Теория и практика инновационных технологий в АПК : материалы науч. и учеб.-метод. конф. профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов ВГАУ / под общ. ред. В. Н. Плаксина. – Воронеж : Воронеж. ГАУ, 2016. – С. 103–106.
3. Basturkmen, H. Ideas and options in English for specific purposes / H. Basturkmen. – Mahwah : Lawrence Erlbaum Associates, 2006.
4. Douglas, D. Assessing languages for specific purposes / D. Douglas. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000.
5. Graves, K. Teachers as course developers / K. Graves. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996.
6. Hutchinson, T. ESP at the crossroads / T. Hutchinson, A. Waters ; J. Swales (ed.) // Episodes in ESP. – Oxford : Pergamon, 1985. – P. 177–187.
7. Mackay, R. Accountability in ESP programs / R. Mackay // The ESP Journal. – 1981. – Vol. 1, iss. 2. – P. 107–122.
8. Richards, J. C. The Language Teaching Matrix / J. C. Richards. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990.
9. Robinson, P. ESP Today: A Practitioner's Guide / P. Robinson. – Prentice Hall, 1991.
10. Sysoyev, P. V. Developing an English for Specific Purposes course using a learner centered approach: A Russian Experience / P. V. Sysoyev // The Internet TESL Journal. – 2000. – Vol. VI, № 3. – URL: <http://iteslj.org/Techniques/Sysoyev-ESP.html>

Т. Д. Романцова

Иркутск, Россия

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РУБРИКА КОРПОРАТИВНОГО ЖУРНАЛА
КАК ИНСТРУМЕНТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
ЧЛЕНОВ РЕГИОНАЛЬНОГО СУДЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА**

T. D. Romantsova

Irkutsk, Russia

**THE LINGUISTIC COLUMN OF THE CORPORATE JOURNAL
AS A TOOL FOR IMPROVING
THE CULTURAL AND SPEECH COMPETENCE OF MEMBERS
OF THE REGIONAL JUDICIAL COMMUNITY**

Аннотация. Описывается лингвистическая рубрика в журнале судейского сообщества Иркутской области, призванная совершенствовать культурно-речевую компетентность сотрудников корпорации. Представляется алгоритм филологической обработки судебных актов. Обрисовываются содержательные особенности и стиливая оригинальность лингвистических зарисовок в сравнении с языковыми рубриками в журналах других регионов.

Ключевые слова: профессиональная речевая культура, корпоративная пресса, Иркутский областной суд, журнал «Приангарье».

Abstract. The article describes the linguistic column in the journal of the judicial community of the Irkutsk region. It is designed to improve the cultural and speech competence of the corporation employees; represents the algorithm of philological processing of court acts; outlines the content features and style originality of linguistic sketches in comparison with the linguistic columns in other journals.

Keywords: professional speech culture, corporate press, Irkutsk regional court, magazine "Priangarye".

Корпоративный журнал «Приангарье» судейского сообщества Иркутской области, который вышел в новом формате в последнем квартале 2019 года, издается под патронатом Иркутского областного суда и Управления Судебного департамента в Иркутской области. Это новая версия корпоративного издания «Бюллетень», популярного у иркутского судейства и просуществовавшего почти девять лет сначала в бумажной, затем в электронной версии. В «Приангарье» активизированы и дополнены новыми содержательными нюансами многие рубрики «Бюллетеня»: «Гость номера» (портретные интервью и биографические зарисовки о персонах судебной системы региона), «Калейдоскоп событий» (расширенные новостные заметки об общественных благотворительных акциях, творческих и спортивных мероприятиях, в которых принимали участие пресс-секретари, судьи и помощники судей Иркутской области), «Alma mater» (обзоры научных юридических конференций разного ранга, отчеты о месячниках науки в Восточно-Сибирском филиале Российского государственного университета правосудия, информационные сообщения об интересных исследовательских проектах, юридических студенческих клубах и школьных кружках), др. Главные отличия «Приангарья» от его предшественника состоят не только в увеличении объема, изменении верстки и дизайна, но в усилении прагматики (публикации по актуальным вопросам судебной практики заметно потеснили перепечатки официальных документов), появлении новых рубрик, обогативших журнал по тематике и придавших ему концептуальную глубину, стилистическую оригинальность. Рубрика «Наши удивительные дети», наполненная портретными зарисовками о членах семей регионального судейства, сделала корпоративное издание лиричным и трогательным, заодно подняв его внутрикорпоративный рейтинг. Продолжающаяся рубрика «Профессор рекомендует» погрузила сотрудников региональной судебной системы «в удивительный и богатый мир русского языка», одновременно выполняя основную задачу: совершенствуя важнейшую составляющую профессиональной компетентности – компетентность коммуникативную (теоретико-практический комплекс «специфических юридических понятий, принципов, смыслообразующих положений и ситуаций» [Климова 2008 : 100] для успешного речевого взаимодействия), в том числе культурно-речевую. «Хорошая» профессиональная речь, обладающая традиционным комплексом нормативных, этических, коммуникативных характеристик [Новикова 2013 : 195], способствует эффективной работе и со-

здает кадровую репутацию: является одновременно и одним из основных профессиональных инструментов юриста, и показателем уровня его специальных знаний, навыков.

Нельзя сказать, что редакционный коллектив старой версии корпоративного издания не интересовали вопросы качества текстов сотрудников судейского сообщества. Например, в «Бюллетене» № 44 за 2011 год помещен инструктивно-рекомендательный материал «Как оформить протокол собрания» (рубрика «Уроки делопроизводства»). Было бы преувеличением утверждать, что филологическая рубрика – уникальное изобретение пресс-службы Иркутского областного суда и редакционного коллектива «Приангарья». Такой опыт есть в работе судейского сообщества Челябинской области: журнал «Принцип гласности» уже более тринадцати лет сохраняет специальный раздел «ПРАВОсудие и ПРАВОписание» [Пинкус 2009 : 9]. Рубрику блестяще ведет консультант-филолог отдела кодификации и систематизации законодательства, обобщения судебной практики Челябинского областного суда, преподаватель Южно-Уральского государственного университета С.В. Сеница. Системно разбирая ошибки из зоны орфоэпии, лексики, морфологии, синтаксиса, разъясняя трудные моменты стилистической организации профессионального юридического текста, филолог привлекает для предметного анализа цитаты из подлинных деловых документов Челябинского областного суда [Сеница 2009].

Лингвистический опыт челябинцев, начатый в Год русского языка [Указ 2006], можно назвать уникальным для провинциальных судейских сообществ России. Коммуникативно-речевые проблемы корпорации системно не освещают заметные специализированные журналы Красноярского края, Республики Бурятия, Республики Саха (Якутия), не занимаются ими серьезные периодические издания судейских сообществ Центральной России – Нижегородской, Саратовской, Ивановской и Владимирской областей. Из этого следует, что внимание Иркутского областного суда и Управления Судебного департамента в Иркутской области к многолетнему эффективному опыту уральских коллег, интерес к нормам и тенденциям развития профессионального стиля, обеспокоенность вопросами грамотности судебных документов и, в конечном счете, «чистотой» корпоративного имиджа достойны всяческого признания. Можно утверждать, что после ребрендинга изменилась концепция журнала иркутского судейства в освещении вопросов культуры профессиональной речи. Совершен переход от случайного, точечного рассмотрения языковой тематики к системному представлению проблем текстовых продуктов судебно-юридической сферы, периодическому разбору трудных случаев использования языковых единиц в профессиональной коммуникации, к сознательной работе управленческого звена над повышением уровня речевой культуры сотрудников корпорации и ростом общественного престижа юридической деятельности.

О необходимости высокого уровня владения устным и письменным литературным языком для представителей специальностей, в числе которых лица, имеющие юридический статус, говорили О. Б. Сиротинина [Сиротинина 2003 : 4–5], А. Н. Шепелёв [Шепелёв 2013 : 493], Л. Р. Дускаева [Дускаева 2016 : 51], В. А. Писарева и Ю. Р. Перепелицына [Писарева, Перепелицына 2017 : 36–37], Н. П. Лыскова [Лыскова 2018 : 53], др. Отметим, что высокий уровень речевой культуры необходим специалистам в сфере законотворчества и законоприменения по ряду причин. Во-первых, юристы выступают в судах различных инстанций, с разными речевыми задачами и в разных профессионально-ролевых партиях; общаются с аудиторией, пестрой по социальным параметрам и уровню речевой подготовки, следовательно, задача специалистов – транслировать образцовый тип речевой культуры, эстетически принимаемый всеми общественными стратами. Во-вторых, многие юристы читают онлайн- и офлайн-лекции и доклады на темы права в образовательных учреждениях разных ступеней, в государственных учреждениях и коммерческих фирмах, значит, наряду с просветительской и образовательной, речевой продукт специалиста должен выполнять воспитательную и эстетическую функции, вызывать желание речевого подражания. В-третьих, общая информация о суде, судебная статистика и тексты судебных актов с 2010 года доступны любому пользователю интернета, следовательно, эта документация должна быть обработана в соответствии с нормами литературного языка и требованиями речевой эффективности. Таким образом, становится понятно, почему отсутствие должного стремления к лингвистической безупречности устных и письменных текстов грозит большими репутационными потерями законодательным и судебным инстанциям.

Насколько велик интерес профессионалов и непрофессионалов к правилам языковой организации официальных документов, показывает количество запросов о правописании и толковании юридических терминов на популярном портале «Грамота.ру», статистика поиска на Google и «Яндексе». В то же время своеобразной демонстрацией ответственности за лингвистическое качество судебно-правовой документации может служить, например, размещение на портале «Судебные и нормативные акты РФ» [Судебные] рядом с правовыми актами – «Правил русской орфографии и пунктуации», утвержденных АН СССР, Минвузом СССР, Минпросом РСФСР в 1956 году.

Учитывая заинтересованность профессионалов в повышении уровня речевой культуры, разработать содержательную концепцию рубрики было несложно. Поскольку культурно-речевая компетентность носителя языка связана прежде всего с коммуникативной характеристикой «правильности» речи, основное поле рубрики предполагалось отдать вопросам культуры речи, практической и функциональной стилистики. Работа над наполнением раздела предполагала следующий алгоритм действий. Во-первых, фиксацию текстовых погрешностей в предоставленных для обработки судебных актах – приговорах, постановлениях. Во-вторых, классификацию дефектов документальной практики по категориям: неречевые ошибки (графические, логические, фактические, этические, коммуникативные); речевые ошибки (ошибки письменной речи:

орфографические, пунктуационные; ошибки устной речи, отраженные на письме: перестановка, замена или пропуск звука или слога, неуместные ассонанс, аллитерация, анафора, эпифора и т.д.; ошибки устной и письменной речи: словообразовательные, лексические, фразеологические, морфологические, синтаксические, стилистические). В-третьих, речевую аналитику: цитирование языковых нормативов (правил, предписаний, рекомендаций, изложенных в нескольких кодифицированных источниках); сопоставление речевого образца (цитаты из отечественной классической литературы, современных средств массовой информации) с речевым явлением, сконструированным в практике судопроизводства без учета языкового предписания; развернутый комментарий ошибки; редакторскую правку текстового фрагмента; формулу для легкого запоминания нормативной рекомендации.

Разработка стилевой концепции лингвистического раздела оказалась более сложной задачей. Исходя из идеи, что концептуальный рисунок непрофильной, но необходимой корпоративному изданию рубрики должен соответствовать формату и стилю журнала, было решено не сковывать раздел сухой научной стилистикой, не ставить во главу школярское цитирование правил и перечисление исключений, а придать нормативно-рекомендательной информации до определенной степени популярный характер. «Приангарье», отдавая должное серьезным отраслевым проблемам, спланирует судейство области, поднимает корпоративный дух огромного коллектива, представляет каждого члена сообщества как личность с редкими талантами и оригинальными увлечениями, показывает точки личностного, в том числе речевого, роста, поэтому в канву редакционной концепции гармонично вписывается популярная аналитика в жанре лингвистических зарисовок. Цель рубрики – принести практическую пользу специалисту, загруженному ежедневной профессиональной рутинной, не уличить в безграмотности, а помочь: напомнить известные языковые правила, выработать навык распознавания речевого недочета и его успешной правки, уложить в памяти справочные и практические рекомендации за счет понятных схем, интересных образов и сюжетов.

Содержательно-стилевая концепция рубрики прошла успешную проверку на двух публикациях «Приангарья». Первая [Романцова 2019] рассказывала о цели и задачах лингвистических зарисовок и освещала проблемы звучащего специализированного текста в аспекте произношения популярных терминов судебной системы, договорного и корпоративного права, сферы интеллектуальной собственности. Вторая зарисовка [Романцова 2020] была посвящена трудным случаям написания терминов с беглыми гласными и профессионально востребованных слов с приставками «роз-» / «раз-».

Как представляется, описанная содержательно-стилевая модель рубрики позволит продолжить развитие компонентов коммуникативной компетентности юриста, заложенных вузовским учебным планом подготовки специалистов. Так, мотивационный компонент даст возможность творчески работать с текстом, совершенствовать языковую практику и двигаться к профессиональному успеху. Когнитивный компонент освежит в памяти или позволит приобрести знания в сфере культуры речи, стилистики русского литературного языка; будет способствовать развитию творческого и логического мышления; научит распознавать тонкости речевой среды и учитывать ситуативные характеристики при производстве официального текста. Личностный компонент обострит умение приспосабливаться к речевым обстоятельствам, без раздражения относиться к редакторскому мнению, приходить к внутреннему согласию с редактором в процессе создания конечной версии документа, транслировать личную эмпатию. Деятельностный компонент коммуникативной компетентности даст возможность применять в судебной практике знания стилистики и культуры речи, полученные в доступной форме, рефлексировать над собственными риторическими успехами и неудачами, системно совершенствовать речевые умения.

Библиографический список

1. Дускаева, Л. Р. Прокурорский профессиональный стиль: стилевые черты и речевые жанры / Л. Р. Дускаева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2016. – Вып. 2 (34). – С. 50–58.
2. Климова, О. В. Коммуникативная компетенция как ядро профессиональной деятельности юриста / О. В. Климова // Человек. Спорт. Медицина. – 2008. – № 13 (113). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kompetentsiya-kak-yadro-professionalnoy-deyatelnosti-yurista> (дата обращения: 03.03.2020).
3. Лысикова, Н. П. Профессиональная культура речи как взаимодействие языка и культуры специалиста / Н. П. Лысикова // Образование в современном мире : сб. науч. ст. / под ред. проф. Ю. Г. Голуба. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2018. – Вып. 13. – С. 49–53.
4. Новикова, Т. А. Формирование профессиональной культуры речи / Т. А. Новикова // Омский научный вестник. – 2013. – № 4 (121). – С. 194–198. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-professionalnoy-kultury-rechi> (дата обращения: 02.04.2020).
5. Пинкус, М. Изящная словесность в приговоре. Судьи задумались, как правильно перевести с юридического на русский / М. Пинкус // Российская газета. – 2009. – № 147 (4971). – С. 9. – URL: <https://rg.ru/gazeta/rg/2009/08/11.html> (дата обращения: 03.03.2020).
6. Писарева, В. А. Культура речи в профессиональной деятельности юриста / В. А. Писарева, Ю. Р. Перепелицына // Наука и образование сегодня. – 2017. – № 1 (12). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-rechi-v-professionalnoy-deyatelnosti-yurista> (дата обращения: 02.04.2020).
7. Романцова, Т. Д. Коварство и любовь: орфографические детективы / Т. Д. Романцова // Приангарье. Корпоративный журнал судейского сообщества. – 2020. – № 1. – С. 118–123. – URL: http://files.sudrf.ru/1521/user/JurnalPRIANGARE/01-2020_Priangare_sayt.pdf (дата обращения: 23.03.2020).

8. Романцова, Т. Д. Невелик клочок да в суд волочет / Т. Д. Романцова // Приангарье. Корпоративный журнал судебного сообщества. – 2019. – № 1. – С. 58–59. – URL: http://files.sudrf.ru/1521/user/Jurnal_PRIANGARE/Jurnal_Priangare_1_2019.pdf (дата обращения: 23.03.2020).
9. Синица, С. В. Из опыта работы филолога в суде / С. В. Синица // Судья. – 2009. – Май-июнь. – URL: http://www.chel-oblsud.ru/smi_01_06_09.html (дата обращения: 03.03.2020).
10. Сиротинина, О. Б. Типы речевых культур. Роль социальной активности личности в формировании типа речевой культуры / О. Б. Сиротинина // Язык и власть : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. М. А. Кормилицыной. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – С. 3–12.
11. Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/law/pravila-russkoi-ortografii-i-punktuatsii-utv-an/prilozhenie/a/> (дата обращения: 02.03.2020).
12. О проведении Года русского языка : указ Президента РФ № 1488 от 29.12.2006. – URL : <https://base.garant.ru/6328041/> (дата обращения: 03.03.2020).
13. Шепелёв, А. Н. Формирование языковой культуры юриста / А. Н. Шепелёв // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2013. – № 12 (128). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-yazykovoy-kultury-yurista> (дата обращения: 02.03.2020).

Л. И. Фёдорова

Ташкент, Узбекистан

РАБОТА С ЛЕКСИКОЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК НЕРОДНОМУ ПРАВОВЕДОВ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

L. I. Fyodorova

Tashkent, Uzbekistan

WORKING WITH VOCABULARY WHEN TEACHING RUSSIAN AS A NON-NATIVE LANGUAGE TO INTERNATIONAL LAWYERS

Аннотация. Рассматриваются вопросы работы над специальной лексикой при обучении русскому языку как неродному студентов направления «Международные отношения и право». Предлагаются такие методы работы, которые позволяют дополнить и усилить теоретические знания языка их практическим применением.

Ключевые слова: обучение русскому как неродному, язык специальности, терминология, работа с лексикой.

Abstract. The article examines the ways of developing vocabulary when teaching Russian as a foreign language to students majoring in International Relations and Law. The author offers techniques that expand theoretical knowledge as well as strengthen the practical application of the language.

Keywords: teaching Russian as a non-native language; language for special purposes; terminology; working with vocabulary.

При объяснении учебного материала по специальности, преподаватель-лингвист должен исходить из особенностей и смысловой составляющей текста, поощрять самостоятельную и индивидуальную работу студентов, применяя все имеющиеся возможности, соответствующие педагогическим и дидактическим требованиям [Селевко 2006].

Тематика текстов, выбранных для обучения, как правило, должна соответствовать специальности. Студенты быстрее осваивают именно те слова и словосочетания, которые встречаются в специфической лексике. К примеру, интернациональные слова и термины, большинство из которых имеют международные словообразовательные элементы (*анти-, авто-, ауди-, био-, гео-, -граф-, гуман-, де-, интер-, контр-, -лог-, макси-, макро-, микро-, мини-, моно-, -оним, поли-, суб-, транс-, -тека, -фон-, уни- и др.*). Или заимствования, которые в международно-правовой сфере в большинстве своем взяты из латинского (*алиби, арбитраж, апелляция, вето, де-юре, де-факто, депортация, дискриминация, документ, интеграция, интервенция, казус, кассация, квота, колония, конституция, конфликт, конфискация, консул, контрибуция, нота, паритет, партия, петиция, санкции, фальсификация, фактор, фракция, цивилизация, экспансия, экспорт и др.*), греческого (*амнистия, аноним, демократия, дипломатия, монархия, пиратство, полис, синдикат, теократия, хартия и др.*), французского (*аванс, глобальный, декларация, демарш, директива, патронаж, патронат, саботаж, сепаратизм, суверенитет, терроризм, форс-мажор, шантаж, шпионаж, эксплуатация и др.*) и других европейских языков – а нглийского (*билль, брифинг, парламент, инаугурация, интервью, киллер, митинг, саммит*), немецкого (*паритет, вексель, рента, фрахт, штраф, циркуляр*), итальянского (*контрабанда, мафия, валюта, каско*), голландского (*каперство*), испанского (*эмбарго*) [Этимологический словарь 2014]. Студентам эти слова и термины могут быть знакомы в родном языке, но русский вариант или эквивалент этих же слов и терминов (в произношении или написании) может быть для них непонятен. Поэтому, при ознакомлении с текстом, необходимо его выразительно прочитать. Объяснить и перевести на родной язык новые/незнакомые слова и словосочетания текста, написать их на доске и дать задание студентам записать эти же слова в словарную тетрадь с требованием их повторного прочтения вслух. Смысл большинства осваиваемых слов-терминов тесно связан с определенным конкретным направлением специальности, что обязательно поясняется преподавателем. При этом надо обратить внимание учащихся на однозначность или многозначность слова: после пояснения незнакомого слова в тексте, целесообразно было бы, привести и возможные примеры значения этого слова в других контекстах. Например, термин «*акт*» (от лат. *actus - действие, actum – документ*) [Ожегов 2012 : 24]: *юридический акт* - издается государственным органом, должностным лицом в пределах их компетенции в установленной законом форме (закон, указ, постановление и т.д.) и имеет обязательную силу; *обвинительный акт* - в суде; *террористический акт* – единичное действие, а также отдельный поступок с физическим насилием, убийством, уничтожением; *акт агрессии* – в международном праве наиболее опасный вид нарушения мира; *акт коммерческий* – документ, удостоверяющий недостачу, повреждение или порчу груза либо багажа; *акт о суброгации* – документ о передаче

страхователем своих прав на возмещение ущерба с третьих лиц страховщику после уплаты им страхового возмещения; *акт ревизии* – официальный документ, которым оформляются результаты обследования хозяйственно-финансовой деятельности объединения, предприятия, организации, учреждения; *трагедия в пяти актах* – то же, что действие (в пьесе, театральной постановке); *торжественный акт* – в некоторых учебных заведениях торжественное собрание (по поводу выпуска, вручения наград); *акты гражданского состояния* – записи специальными органами государства фактов рождения, смерти, брака, развода, усыновления, перемены имени и др.

Свою специфику имеет и термин «*фракция*», который встречается не только в политике, праве, но и в технике, физике, биологии; политический термин «*партия*» используется также в музыке, искусстве, юриспруденции, экономике, технике. «*Решение*» может быть не только *судебным*, а «*агент*» – это не только доверенное лицо (юридическое или физическое), совершающее в пределах полученных полномочий действия по поручению и в интересах другого лица или предоставляющее услуги за определенное вознаграждение (*агент по снабжению, дипломатический агент, страховой агент*), но и «*шпион*». «*Держава*» – это не только независимое государство, но и эмблема власти (например, в России – золотой шар с крестом). А термин «*нота*» (от лат. *notas* – *записка, письмо*) – один из наиболее часто используемых письменных дипломатических актов, документ дипломатической переписки, а в некоторых случаях – и форма заключения международного договора (осуществляемая посредством *обмена нотами*) в современном понимании не связан с музыкальным термином «*ноты*», от которого образовались различные музыкальные понятия, например, *нотная грамотность* или *нотное письмо*.

При работе с текстами по специальности обязательным условием должно быть использование разного вида словарей – толковых, этимологических, терминологических, словообразовательных, словарей сокращений, словарей паронимов, синонимов, антонимов, сочетаемости слов русского языка – которые будут способствовать лучшему пониманию и закреплению специальной лексики. Для этого необходимо разработать притекстовые и послетекстовые задания на самостоятельную работу со словарями. Например:

1. Найдите в толковом словаре все значения слова «*виза*», «*интеграция*», «*партия*», «*фракция*», «*функция*» и выпишите их в тетрадь.

Определите, какое из значений используется в прочитанном тексте. Составьте с данным словом возможные словосочетания (Например: *виза на въезд, виза на выезд, виза на проживание; виза должностного лица на каком-либо документе* [Толковый словарь 1998] и т.п.).

2. Прочитайте правильно следующие аббревиатуры и сокращения: *СНГ, МИД, ООН, Совбез, ЕС, США, ЦБ, ФБР, Интерпол, ЮНЕСКО, дипкорпус* и т.п.

Знаете ли вы их значение? Вспомните, как правильно определять род данных слов. Составьте с ними предложения. При затруднении используйте словарь сокращений русского языка [Скляревская 2004].

3. Образуйте прилагательные от существительных при помощи суффиксов по образцу.

«*народ – народный*»: культура, мир, договор, союз, глава, характер, конфликт, человек, власть, цена
«*практика – практический*»: политика, экономика, статистика, человек

«*право – правовой*»: сила, мир, дело, цена

«*общество – общественный*»: государство, правительство, имущество

Найдите среди них паронимы. Объясните их употребление на основе разных предложений. При затруднении используйте словарь паронимов или толковый словарь русского языка.

4. Найдите корни в данных прилагательных, объясните их значение: *внешнеполитический, первоначальный, взаимоприемлемый, разносторонний, всеобщий, многочисленный, международный*.

5. Закончите предложения, используя материал текста:

Дипломатия – это ...

Главной задачей и содержанием дипломатии является ...

Дипломатия занимается ...

Основу дипломатии составляет ...

Главной функцией дипломатии является ...

При работе с текстом общеизвестными методами являются подготовка вопросов к тексту, составление разных видов плана, тезисов, и на их основе – пересказ основного содержания текста [Дерягина 2017]. На занятиях по русскому языку повышение активности студентов зависит от успешного применения педагогом различных методов, удачного использования подходящих заданий и текстов различной сложности, применения новых педагогических технологий, умения эффективно использовать наглядные материалы и технические средства. Современные интернет-технологии и мультимедиа предоставляют широкие возможности для использования аудио- и видеоматериалов по разным темам, в том числе и международно-правового характера (например, использование записей международных встреч, брифингов; речь или интервью официальных представителей на русском языке, министров иностранных дел на различных выступлениях; видеоролики из художественных фильмов с соответствующим содержанием и т.д.).

Использование наглядных пособий и технических мультимедийных средств имеет определенные преимущества. Во-первых, оно даёт возможность на основе видео- и аудиоматериала на русском и родном языке давать оценку и сравнивать материал на основании визуальной характеристики тех или иных слайдов. Во-вторых, даёт возможность делать общие выводы на основании точных фактов при обучении орфографическим, орфоэпическим и грамматическим правилам. Все это облегчает освоение материала по рус-

скому языку. В-третьих, воспитывает наблюдательность студентов, повышает их интерес к изучаемому языку.

На практических занятиях при работе с текстами большое преимущество имеет применение метода «Инсерта». Этот метод помогает точнее определить, насколько полон словарный запас студента по данной теме, так как разбирая текст, каждый учащийся должен делать следующие заметки на основе прочитанного:

- V – если то, что вы читаете, подтверждает ваши знания
- + – если для вас это новая информация
- – если информация противоречит вашим знаниям
- ? – если информация озадачила вас и вам требуется дополнительная информация.

Как правило, в заметках среди последних трех пунктов очень часто фигурирует и новая, незнакомая лексика или выражения, которые для студента непонятны в данном контексте.

По технологии «работа в малых группах» все студенты превращаются из пассивных слушателей в активных: происходит обмен информацией, анализ и общие выводы для решения проблемных ситуаций. При этом, конечно же, наблюдается объяснение новой лексики и примеры её использования.

При применении метода “Домино” заранее готовятся карточки по теме занятия с подготовленными вопросами и ответами на них, которые разрезаются и перемешиваются так, что правильный ответ на первый поставленный вопрос соединяется со вторым вопросом, второй ответ – с третьим вопросом и т.д. Задача учащихся – правильно соединить все части. Например:

Дипломатическое представительство –	Зарубежный орган связи государства с другим государством
Переговоры –	Действенный инструмент построения и регулирования международных отношений
Верительные грамоты –	Документы, удостоверяющие полномочия дипломатического представителя
Аккредитация (аккредитование) –	Процедура назначения и вступления в должность главы дипломатического представительства

К интерактивным методам при работе с лексикой по специальности можно отнести следующие: кластер, мозговой штурм, дискуссии, дебаты и другие. Большинство из этих методов являются привычными для учебных заведений, некоторые используются сегодня повсеместно, но технология дебатов применяется на занятиях по русскому языку недостаточно часто, т.к. требует от группы определенной языковой подготовки.

Применение этих методов в ходе работы над лексикой по специальности помогает учащимся глубже освоить свое направление, повышает интерес студентов к получению образования, активизирует познавательную деятельность и даёт возможность получить широкие знания по изучаемой дисциплине.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дерягина, С. И. Русский язык для международных : учеб. пособие для иностранных учащихся / С. И. Дерягина. – Москва : РУДН, 2017.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под общ. ред. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – Москва : Мир и Образование : ОНИКС, 2012.
3. Селевко, Г. К. Энциклопедия образовательных технологий : в 2 т. / Г. К. Селевко. – Москва : НИИ школьных технологий, 2006. – Т. 1.
4. Складаревская, Г. Н. Словарь сокращений современного русского языка / Г. Н. Складаревская. – Москва : Эксмо, 2004.
5. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складаревской ; Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – Санкт-Петербург : Фоллио-Пресс, 1998.
6. Этимологический словарь современного русского языка / под ред. М. Н. Свиридовой. – Москва : Аделант, 2014.

Н. С. Шатравко

Горки, Республика Беларусь

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЮРИСТА

N. S. Shatravko

Gorki, Republic of Belarus

FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF A LAWYER

Аннотация. Отмечается актуальность изучения коммуникативной стороны юридической деятельности. Дается характеристика основным коммуникативным качествам профессиональной речи юриста. Приводятся примеры эффективных форм учебной работы по формированию профессиональной коммуникативной компетенции студентов-юристов.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, риторическая подготовка, языковые нормы, коммуникативные качества речи, активные формы и методы обучения.

Abstract. The article points to the relevance of studying the communicative aspect of legal activity. The article characterizes the communicative qualities of a lawyer's professional speech. The author offers effective forms of teaching law students to form their professional communicative competence.

Keywords: communicative competence, rhetorical preparation, language norms, communicative qualities of speech, active forms and teaching methods.

Формирование коммуникативной компетентности занимает важное место в профессиональной подготовке юристов. Как отмечает Л. А. Введенская, «юристу по роду своей деятельности приходится не только оперировать законом, но и разъяснять, объяснять, доказывать, убеждать и переубеждать. Поэтому он должен быть «профессиональным коммуникантом ...» [Введенская 2002 : 9].

Проблемы формирования коммуникативной компетентности специалистов широко представлены в исследованиях многих ученых: И. Л. Бим, М. Д. Вятютнева, Д. И. Изаренкова, И. А. Зимней, Е. М. Кузьминой, А. К. Марковой и др. При этом в последнее время проблемы коммуникативной компетентности выходят за рамки чисто филологических дисциплин и приобретают междисциплинарный характер. И. А. Зимняя определяет коммуникативную компетенцию как «актуальное, формируемое качество личности, основывающееся на знаниях, интеллектуально и личностно-обусловленная социально-профессиональная черта человека, его личностное качество» [Зимняя 2003 : 39]. Е. М. Кузьмина в своем исследовании отмечает, что коммуникативная компетентность «выступает как феномен, имеющий сложную структурную организацию, включающий в качестве своих подструктур три блока – теоретический (знания в области межличностного взаимодействия), практический (коммуникативные умения) и личностный (комплекс личностных свойств и качеств, способствующих успешной организации межличностного взаимодействия), каждый из которых имеет собственные структурные компоненты» [Кузьмина 2006 : 10].

Составляющими коммуникативной компетенции юриста являются высокий уровень владения языком, его выразительными лексическими, грамматическими, стилистическими средствами; эффективное и уместное использование жанрового разнообразия профессиональной речи; владение логическими и языковыми средствами убеждающей аргументации; знание риторических правил и законов общения в различных деловых и профессиональных ситуациях и т.д. Реализация коммуникативной компетенции будущего юриста тесно связана также с его личностными качествами (эмоционально-волевыми, креативными, суггестивными, перцептивными), с владением технологией общения и контакта, знанием психологических особенностей личности.

Кроме этих базовых компонентов, в коммуникативную компетенцию юриста, на наш взгляд, необходимо включать риторический компонент, обеспечивающий владение правилами ведения спора и судебных прений, построения основных видов судебных речей.

Почему коммуникативная и риторическая подготовка являются в современный период важнейшей составляющей профессиональной компетентности юриста?

1. В своей профессиональной деятельности юрист реализует ряд коммуникативных функций: выступает публично, ведет беседы с людьми различных профессий, готовит документы, пишет протоколы, приговоры, договоры, жалобы, работает с законодательными текстами и т.д. Существенное значение имеет и консультирование, т.е. советы, разъяснения, рекомендации.

2. Нарушение юристом языковых норм может вызвать сомнение в его профессиональной квалификации, привести к негативной реакции со стороны собеседников, изменить ход беседы и т.д. (нарушают процесс восприятия информации ошибки типа «намерение», «ненависть», «осужденный», «приданое» и др.).

3. Незнание законов логики в речи, неумение выстраивать убедительную аргументацию может привести к двусмысленности высказываний, сложности восприятия существа дела.

4. Юрист выступает как оратор. Умение говорить публично издавна считалось необходимым профессиональным качеством юриста. Высокий рейтинг многих судебных ораторов (А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако, В. И. Жуковский, В. Д. Спасович, А. И. Урусов и др.) определялся тем впечатлением общей культуры и интеллектности, которое оставляли их выступления, безукоризненным владением литературным языком, умением точно, ясно, логично оформлять и выражать мысли.

5. Юридический язык сложен, специфичен и требует специального изучения. Особое внимание нужно уделять ясности и точности употребления юридических терминов.

6. Слово юриста способно оказывать большое психологическое воздействие на аудиторию, убеждать слушающих в правоте приводимых доводов. Недостаточно грамотная, бедная, слишком казенная, серая речь не способствует эффективному выполнению профессиональных функций юриста.

7. Юрист должен владеть ораторским мастерством, нормами литературной речи, чтобы ясно, стилистически правильно, убедительно выражать не просто свои мысли, а выступать от имени правосудия.

8. Владение законами и правилами риторики и культуры речи оказывает положительное влияние на культуру служебных отношений в коллективе и работу юриста с клиентами, что повышает эффективность труда.

При формировании коммуникативной компетенции особое внимание следует уделять изучению основных коммуникативных качеств профессиональной речи юриста.

Ясность – это умение говорить доступно, доходчиво о сложных вопросах. Речь становится неясной вследствие нечеткого знания материалов дела, низкой культуры мышления, неуместного использования иностранных слов, многословия и т.д.

Точность есть соответствие высказывания замыслу оратора и явлениям действительности. Судебный оратор должен хорошо знать материалы уголовного дела, о которых говорит. Точность создается также употреблением юридических терминов (возбудить уголовное дело, а не начать; применить меры пресечения, а не принять). Нарушение точности приводит к искажению важных понятий для разбирательства дела («Подзащитный часто посещал медвытрезвитель»; «В городе достаточно высокий уровень преступности»). Неточно выражают мысль высказывания, засоренные лишними словами, словами -«паразитами» (так сказать, в некотором роде, как бы, что ли, в общем-то, достаточно).

Логичность на уровне целого текста создается композицией речи, рядом логических приемов, соблюдением законов логики.

Слова характеризуют оратора как личность, поэтому его речь должна быть чистой. Чистой считается речь, в которой нет диалектных, просторечных, жаргонных слов, конструкций разговорной речи (со школы, хотит, ложит). Лаконичность речи достигается точным выражением мыслей, наличием четких формулировок, отсутствием многословия и лишней информации (плеоназм – поселился жить в гостинице, дефекты и недостатки).

Одним из основных качеств юридической речи является правильность, которая предполагает соблюдение общепринятых норм литературного языка. Языковая норма – это принятые в общественно-речевой практике правила произношения, употребления слов, правописания, словообразования. Юристы должны знать основные лексические, орфоэпические, акцентологические, морфологические, синтаксические, стилистические нормы русского языка. Слово юриста способно оказывать большое психологическое воздействие на аудиторию. Недостаточно грамотная, бедная, слишком казенная, серая речь не способствует эффективному выполнению профессиональных функций юриста.

К сожалению, как в устной, так и письменной юридической речи встречается много нарушений языковых норм: красивЕе, средствА, «дело возбУждено», «Кто звОнит?», согласно законА, уточнили о том; неумение пользоваться деепричастными оборотами, сложноподчиненными предложениями («Находясь в местах лишения свободы, ему исполнилось 18 лет») и т.д. Как справедливо отмечает Н. Н. Ивакина, «культура речи не личное дело каждого юриста, а общественная необходимость. Борьба за чистоту речи – это борьба и за уважение к нашим законам» [Ивакина 2007 : 5].

Отметим, что профессиональные коммуникативные умения и навыки специалиста не формируются спонтанно.

В ходе проведенного нами опроса студентов 1–2 курса факультета бизнеса и права по специальности «Правоведение» (56 человек), было установлено, что формирование коммуникативной готовности студентов-юристов к профессиональной деятельности является актуальной проблемой. 76 % опрошенных отметили, что нуждаются в риторических знаниях по грамотному оформлению различных видов профессиональных текстов, 82 % опрошенных респондентов недостаточно владеют методами и тактиками аргументации, умением выстраивать доказательства в споре, 72% нуждаются в знаниях по использованию риторических выразительных средств и средств речевого воздействия.

Очевидно, что традиционная лекционно-семинарская система не соответствует задачам формирования профессиональной коммуникативной компетентности специалистов. Для эффективной организации профессионально ориентированного обучения студентов-юристов, необходимо создание коммуникативной образовательной среды, направленной на решение задач по формированию заданной цели: моделирование в учебном процессе предметного и социального содержания юридической деятельности; направленность

учебных курсов на формирование коммуникативной готовности студентов к будущей профессиональной деятельности; проведение диагностики и коррекции исследуемого процесса; использование методов проблемного и развивающего обучения, учебных коммуникативных тренингов межличностного взаимодействия и др.

В учебном процессе должны применяться активные формы и методы, способствующие формированию жанрового разнообразия профессиональных и деловых речей (обвинительная речь прокурора, защитительная речь адвоката, прения, дебаты, постановление, приговор и т.д.). Предварительное обсуждение речей, целенаправленная работа над профессиональной лексикой, стилистическое редактирование текста, поиск наиболее выразительных и убедительных риторических средств воздействия позволят развивать и совершенствовать профессиональную культуру речи будущих юристов. В процессе организации дидактической дискуссии на профессиональные темы (например, «Нужно ли запретить смертную казнь», «Как бороться с наркоманией?») студенты осваивают технологию риторически грамотного построения текста, умения четко формулировать и отстаивать собственную точку зрения, применять различные коммуникативные стратегии и тактики.

Эффективной формой организации учебного процесса, направленной на индивидуальное развитие познавательных интересов и творческих способностей обучающихся, является инновационная образовательная проектная деятельность. Составление проектов на основе речей известных судебных ораторов (А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако, В. Д. Спасовича и др.) или на базе современного материала должно способствовать формированию умений и навыков логически и риторически грамотного построения профессионально направленных речей различных жанров. Профессионально направленная защита проектов может быть как индивидуальной, так и групповой, театрализованной, когда инсценируется текст судебной речи одного из известных судебных ораторов с использованием мультимедийных презентаций. Для более глубокого усвоения учебного материала можно организовать работу в малых группах по обсуждению различных сторон представляемого проекта, по выработке наиболее эффективных форм и методов представления, анализу сделанных ошибок и просчетов, обсуждению различных точек зрения и т.д. Обязательным компонентом занятия должен стать итоговый рефлексивный блок по обсуждению результативности как всего занятия в целом, так и индивидуальной деятельности каждого студента, осмыслению приобретенных знаний, перспектив профессионального развития.

Библиографический список

1. Введенская, Л. А. Риторика для юристов : учеб. пособие / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова – Ростов на Дону : Феникс, 2002. – 576.
2. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма образования / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 34–42.
3. Кузьмина, Е. М. Формирование коммуникативной компетентности студентов вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Кузьмина Е. М. – Нижний Новгород : Волжский гос. инженер.-пед. ун-т, 2006. – 24 с.
4. Ивакина, Н. Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов) / Н. Н. Ивакин. – Москва : Юристъ, 2007. – 464 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдонина Марина Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия.

Avdonina Marina Yurievna, candidate of psychological sciences, associate professor, associate professor at the Department of linguistics and intercultural communication, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.

Агиймаа Гундалай, магистр, начальник отдела образовательных программ, Монгольский государственный университет образования, г. Улан-Батор, Монголия

Agiimaa Gundalai, master of arts, director of the Office of academic programs, Mongolian State University of Education, Ulan Bator, Mongolia

Агамагомедова Саният Абдулганиевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Agamagomedova Saniyat Abdulganievna, candidate of sociological sciences, associate professor at the Department of state legal disciplines, Penza State University, Penza, Russia.

Александрова Анна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Alexandrova Anna Viktorovna, candidate of legal sciences, associate professor at the Department of state legal disciplines, Penza State University, Penza, Russia.

Амириди Стефания Георгиевна, доктор философии, доцент, преподаватель русского языка, Фракийский университет им. Демокрита, Комотины, Греция.

Amiridou Stefania Georgios, Ph. D., associate professor, teacher of the Russian language, Democritus University of Thrace, Komotini, Greece.

Анноус Самер Абдулхамид, доктор философии, профессор кафедры английского языка и литературы, заведующий кафедрой педагогики, Баламандский университет, Триполи, Ливан.

Annous Samer Abdulhamid, Ph. D., professor at the Department of the English language and literature, head of the Department of pedagogy, University of Balamand, Tripoli, Lebanon.

Арсениев Светослав Валентинов, старший преподаватель кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики, Университет национального и мирового хозяйства, София, Болгария.

Arseniev Svetoslav Valentinov, lecturer at the Department of foreign language and applied linguistics, the University of National and World Economy, Sofia, Bulgaria.

Бабикова Марина Рашитовна, аналитик 1 категории Управления научно-образовательной и проектной деятельности, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия.

Babikova Marina Rashitovna, first category analyst in the Office of scientific, educational and project activities, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.

Байгарина Герта Петровна, кандидат филологических наук, доцент, Казахстанский филиал Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Нур-Султан, Казахстан

Baigarina Gerta Petrovna, candidate of philological sciences, associate professor, Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University, Nur-Sultan, Kazakhstan.

Барабаш Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, заведующий лабораторией прикладной и юридической лингвистики, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Barabash Olga Vladimirovna, candidate of philological sciences, senior research fellow at the Institute for fundamental and applied research, associate professor at the Department of the Russian language and methods of teaching the Russian language, Head of the laboratory of applied and forensic linguistics, Penza State University, Penza, Russia.

Баранов Анатолий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистической семантики, заведующий отделом экспериментальной лексикографии, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Baranov Anatoly Nikolaevich, doctor of Philology, professor, professor at the Department of linguistic semantics, Head of the Department of experimental lexicography, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, the National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia.

Белявская Лилия Алексеевна, магистрант, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
Belyavskaya Lilia Alekseevna, master student, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Борисова Елена Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры связей с общественностью, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия.

Borisova Elena Georgievna, doctor of philology, professor at the PR Department, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.

Бринёв Константин Иванович, доктор филологических наук, профессор, Хэнаньский государственный университет, Кайфын, Китай.

Brinev Konstantin Ivanovich, doctor of philology, professor, Henan State University, Kaifeng, China.

Видинеева Наталья Юрьевна, преподаватель кафедры английского языка, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Vidineeva Natalia Yurievna, lecturer at the English language Department, Penza State University, Penza, Russia.

Воронова Юлия Александровна, преподаватель кафедры русского языка, Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва, Россия.

Voronova Yulia Aleksandrovna, lecturer at the Russian language Department, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.

Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, начальник управления научной работы, доцент кафедры управления персоналом, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, заместитель главного редактора научного журнала «Политическая лингвистика», Екатеринбург, Россия.

Voroshilova Maria Borisovna, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Department of scientific work, associate professor at the Department of personnel management, Ural Institute of Management (RANEPA branch), deputy editor-in-chief of the scientific journal "Political Linguistics", Yekaterinburg, Russia.

Галяшина Елена Игоревна, доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры судебных экспертиз, действительный член (академик) Российской академии естественных наук, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия.

Galyashina Elena Igorevna, doctor of law, doctor of philology, professor, professor at the Department of forensic examination, full member (academician) of the Russian Academy of Natural Sciences, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia.

Голиков Леонид Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков, Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, Вологда, Россия.

Golikov Leonid Mikhailovich, candidate of philological sciences, associate professor at the Department of Russian and foreign languages, Vologda Institute of law and economics of the Federal penitentiary service, Vologda, Russia.

Громыко Сергей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации, Вологодский государственный университет, Вологда, Россия

Gromyko Sergey Alexandrovich, candidate of philological sciences, associate professor, associate professor at the Department of the Russian language, journalism and communication theory, Vologda State University, Vologda, Russia.

Гюдуров Иван Кирилов, начальник Университетской библиотеки, Университет национальной и мировой экономики, София, Болгария.

Gyudurov Ivan Kirilov, head of the University library, the University of National and World Economy, Sofia, Bulgaria.

Данкова Наталья Станиславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Dankova Natalia Stanislavovna, candidate of philological sciences, associate professor at the English language Department, Penza State University, Penza, Russia.

Доронина Светлана Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

Doronina Svetlana Valerievna, candidate of philological sciences, associate professor, associate professor at the Department of general and applied philology, literature and Russian language, Altai State University, Barnaul, Russia.

Дубовиченко Сергей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Московский финансово-юридический университет (МФЮА), Москва, Россия.

Dubovichenko Sergey Viktorovich, candidate of legal sciences, associate professor, associate professor at the Department of criminal law disciplines, Moscow University of finance and law, Moscow, Russia.

Дубровская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Dubrovskaya Tatiana Viktorovna, doctor of philology, associate professor, the head of the English language Department, Penza State University, Penza, Russia

Дударева Яна Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Dudareva Yana Alexandrovna, candidate of philological sciences, associate professor, associate professor at the Department of the Russian language and literature, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Егорова Наталья Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Институт подготовки научных кадров Национальной академии наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь.

Egorova Natalia Anatolievna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, associate professor at the Department of social and humanitarian disciplines, the Institute of Scientific Personnel Training of the National Academy of Sciences, Minsk, Republic of Belarus.

Емелин Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции, Пензенский филиал Московского университета им. С. Ю. Витте, Пенза, Россия.

Emelin Mikhail Yurievich, candidate of legal sciences, associate professor at the Department of law, Moscow University named after S.Y. Witte in Penza, Penza, Russia.

Жабо Наталья Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Аграрно-технологический институт, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.

Zhabo Natalya Ivanovna, candidate of philological sciences, associate professor, associate professor at the Department of foreign language, Agricultural and Technological Institute, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

Замальдинов Владислав Евгеньевич, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранного языка и культуры речи, Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Россия.

Zamaldinov Vladislav Evgenievich, candidate of philological sciences, lecturer at the Department of foreign language and culture of speech, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia.

Злоказов Кирилл Витальевич, кандидат психологических наук, доцент, докторант, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия.

Zlokazov Kirill Vitalievich, candidate of psychological sciences, associate professor, doctoral student, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.

Зуга Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики, Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия.

Zuga Oksana Vladimirovna, candidate of philological sciences, associate professor, associate professor at the Department of the Russian language, theoretical and applied linguistics, Udmurt State University, Izhevsk, Russia.

Игнатик Марина Ивановна, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой международного права, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь.

Ignatik Marina Ivanovna, candidate of legal sciences, head of the Department of international law, Grodno State University, Grodno, Republic of Belarus.

Игнатович Татьяна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь; Хэнаньский университет науки и технологий, Лоян, Китай.

Ignatovich Tatiana Vladimirovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus; Henan University of Science and Technology, Luoyang, China.

Канакина Галина Ивановна, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики преподавания русского языка, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.
Kanakina Galina Ivanovna, candidate of pedagogical sciences, professor, head of the Department of the Russian language and methods of teaching the Russian language, Penza State University, Penza, Russia.

Капустина Мария Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и административного права, Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, Санкт-Петербург, Россия.

Kapustina Maria Aleksandrovna, candidate of legal sciences, associate professor, associate professor at the Department of state and administrative law, the University at the EurAsEC Interparliamentary Assembly, St. Petersburg, Russia.

Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Katermina Veronika Viktorovna, doctor of philology, professor, professor at the Department of English philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Катомина Виктория Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Katomina Victoria Aleksandrovna, candidate of legal sciences, associate professor, associate professor at the Department of state legal disciplines, Penza State University, Penza, Russia.

Катышев Павел Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, Россия.

Katyshev Pavel Alekseevich, doctor of philology, professor, professor at the Department of general and Russian linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia.

Ким Лидия Густовна, доктор филологических наук, доцент, директор Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций; профессор кафедры русского языка и литературы, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия.

Kim Lidia Gustovna, doctor of philology, associate professor, director of the Institute of philology, foreign languages and media communications; professor at the Department of the Russian language and literature, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Кишина Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия.

Kishina Elena Valerievna, candidate of philological sciences, associate professor at the Department of the Russian language and literature, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Козеренко Елена Борисовна, кандидат филологических наук, руководитель лаборатории компьютерной лингвистики и когнитивных технологий обработки текстов, ведущий научный сотрудник, Институт проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук, Москва, Россия.

Kozerenko Elena Borisovna, candidate of philological sciences, head of the laboratory of computer linguistics and cognitive technologies for text processing; senior researcher of the Institute of informatics problems of Federal research center for informatics and management, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Корнева Елена Станиславовна, старший преподаватель, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь.

Korneva Elena Stanislavovna, senior lecturer, Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic Belarus.

Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия.

Koshkarova Natalya Nikolaevna, doctor of philology, associate professor at the Department of international relations, political science and regional studies, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.

Красовская Нелли Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия.

Krasovskaya Nelly Aleksandrovna, doctor of philology, associate professor, professor at the Department of the Russian language and literature, Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy, Tula, Russia.

Кузнецов Константин Игоревич, ведущий инженер, Институт проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук, Москва, Россия.
Kuznetsov Konstantin Igorevich, senior engineer of the Institute of informatics problems of the Federal research center for informatics and management, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Кузнецова Елена Сергеевна, кандидат педагогических наук, кандидат экономических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков, Воронежский государственный аграрный университет им. императора Петра I, Воронеж, Россия.

Kuznetsova Elena Sergeevna, candidate of pedagogical sciences, candidate of economic sciences, associate professor, at the Department of Russian and foreign languages, Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I, Voronezh, Russia.

Куликова Валентина Александровна, младший научный сотрудник кафедры современного русского языка и общего языкознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; преподаватель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия.

Kulikova Valentina Aleksandrovna, junior researcher at the Department of contemporary Russian language and general linguistics, National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky; lecturer at the Department of applied linguistics and foreign languages, National Research University "Higher School of Economics", Nizhny Novgorod, Russia.

Кушнерук Сергей Петрович, доктор филологических наук, действительный член Российской коммуникативной ассоциации, действительный член и консультант научно-методического совета Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, Волгоград, Россия.

Kushneruk Sergey Petrovich, doctor of philology, associate professor, full member of the Russian Communication Association, full member and consultant of the Scientific and Methodological Council on Documentation and Information Disputes of the Guild of Linguistic Experts, Volgograd, Russia.

Лаборд Жан-Пьер, почетный профессор Университета Бордо, член Центра сравнительного трудового права и права социального обеспечения (UMR CNRS-Université n° 5114) (Франция), Почетный президент Университета Бордо IV им. Монтескье (Франция), Бордо, Франция.

Laborde Jean-Pierre, professor emeritus at the University of Bordeaux, member of the Center for comparative labour law and social security law (UMR CNRS-Université n° 5114) (France), Honorary President of the University of Bordeaux IV named after Montesquieu (France), Bordeaux, France.

Лапаева Ангелина Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Тамбов, Россия.

Lapaeva Angelina Vyacheslavovna, candidate of legal sciences, associate professor at the Department of theory and history of state and law, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russia.

Ларина Елена Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, заместитель директора по организационно-методической работе Института права и национальной безопасности, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Тамбов, Россия.

Larina Elena Aleksandrovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor at the Department of theory and history of state and law, deputy director for organizational and methodological work of the Institute of law and national security, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russia.

Лату Максим Николаевич, кандидат филологических наук, профессор кафедры западноевропейских языков и культур, директор Научно-образовательного центра «Прикладная лингвистика, терминоведение и лингвокогнитивные технологии», Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия.

Latu Maxim Nikolaevich, candidate of philological sciences, professor at the Department of Western European languages and cultures, director of the scientific and educational center for applied linguistics, terminology and linguistic and cognitive technologies, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Литвишко Ольга Михайловна, кандидат политологических наук, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

Litvishko Olga Mikhailovna, candidate of political sciences, associate professor at the Department of the English language and professional communication, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Луннова Марина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Lunnova Marina Gennadievna, candidate of philological sciences, associate professor, associate professor at the Department of the Russian language and methods of teaching the Russian language, Penza State University, Penza, Russia.

Максот Айбану Максоткызы, магистрант, Актыюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова, Актобе, Казахстан.

Maksot Aibanu Maksotkyzy, master student, Aktobe regional State University named after K. Zhubanov, Aktobe, Kazakhstan.

Мальков Георгий Александрович, магистрант, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.
Malkov Georgy Aleksandrovich, master student, Penza State University, Penza, Russia.

Малюка Анна Алексеевна, лингвист-эксперт, аспирант Института иностранных языков, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

Malyuka Anna Alekseevna, linguist-expert, post-graduate student of the Institute of foreign languages, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia.

Микулацо Ирена, доктор филологических наук, преподаватель, руководитель Центра русского языка и культуры «Институт Пушкина», заведующий кафедрой иностранных языков, Университет Пулы им. Юрая Добрилы, председатель Хорватской ассоциации преподавателей русского языка и культуры, Пула, Хорватия.

Mikulaco Irena, doctor of philology, lecturer, head of the Center for the Russian language and culture of the Pushkin Institute; head of the Department of foreign languages, the University of Pula named after Juraja Dobrila, Chairperson of the Croatian Association of teachers of the Russian language and culture, Pula, Croatia.

Михневич Ольга Игоревна, аспирант, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия.

Mikhnevich Olga Igorevna, postgraduate student, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.

Моисеева Ольга Васильевна, кандидат юридических наук, помощник директора по воспитательной работе, Института права и национальной безопасности, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Тамбов, Россия.

Moiseeva Olga Vasilievna, candidate of legal sciences, assistant director for educational work of the Institute of law and national security, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russia.

Мусорина Ольга Александровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Musorina Olga Alexandrovna, candidate of historical sciences, associate professor, associate professor at the English language department, Penza State University, Penza, Russia.

Надеина Татьяна Михайловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры судебных экспертиз, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия.

Nadeina Tatyana Mikhailovna, doctor of philology, professor, professor at the Department of forensic expertise, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia.

Никишин Владимир Дмитриевич, кандидат юридических наук, директор Центра академического развития и образовательных инноваций, старший преподаватель кафедры судебных экспертиз, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия.

Nikishin Vladimir Dmitrievich, candidate of legal sciences, Director of the Center for academic development and educational innovation, lecturer at the Department of forensic expertise, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia.

Николаев Борис Викторович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Nikolaev Boris Victorovich, candidate of historical sciences, associate professor, associate professor at the Department of criminal law, Penza State University, Penza, Russia.

Никутьцева Виктория Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных и общеправовых дисциплин, Московский финансово-юридический университет (МФЮА), Москва, Россия.

Nikultseva Viktoria Valerievna, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Department of social, humanitarian and legal disciplines, Moscow University of Finance and Law, Moscow, Russia.

Новрузов Рафик Манаф оглу, доктор филологических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук (РФ), проректор по научной работе, Бакинский славянский университет, Баку, Азербайджан.

Novruzov Rafik Manaf oglu, doctor of philology, professor, academician of the Academy of pedagogical and social sciences (Russia), Vice-Rector for research, Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan.

Павлова Наталия Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Pavlova Natalia Anatolievna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, head of the Department of foreign languages, Penza State University, Penza, Russia.

Пенчева Антония Иванова, кандидат филологических наук, председатель Общества русистов Болгарии, доцент кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики, Университет национальной и мировой экономики, София, Болгария.

Pencheva Antonia Ivanova, candidate of philological sciences, chairperson of the Society of Russian philology in Bulgaria, associate professor at the Department of foreign languages and applied linguistics, the University of National and World Economy, Sofia, Bulgaria.

Петропавловский Андрей Евгеньевич, учитель русского языка и литературы ГБОУ ПО ВСОШ, Пенза, Россия.

Petropavlovsky Andrei Evgenevich, teacher of the Russian language and literature, Evening comprehensive school, Penza, Russia.

Плотникова Анна Михайловна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Plotnikova Anna Mikhailovna, doctor of philology, professor at the Department of fundamental and applied linguistics and text science, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.

Попеску Теодора, доктор филологии, профессор, Университет 1 декабря 1918, Альба Юлия, Румыния.

Popescu Teodora, doctor of philology, Full Professor of English linguistics, 1 Decembrie 1918 University, Alba Iulia, Romania.

Рахвалова Дарья Олеговна, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия.

Rakhvalova Daria Olegovna, lecturer at the Department of civil law disciplines, Siberian State University of Railways, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia.

Рахвалова Марина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации; доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Сибирский институт путей сообщения, Новосибирск, Россия.

Rakhvalova Marina Nikolaevna, candidate of legal sciences, associate professor, associate professor at the Department of civil law, Novosibirsk Military Institute named after general of the army I. K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation; associate professor at the Department of civil law disciplines, Siberian Institute of Railways, Novosibirsk, Russia.

Рацибурская Лариса Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка и общего языкознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

Ratsiburskaya Larisa Viktorovna, doctor of philology, professor, head of the Department of modern Russian language and general linguistics, National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia.

Романов Дмитрий Александрович, кандидат технических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Romanov Dmitry Alexandrovich, candidate of technical sciences, associate professor, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia.

Романовский Владислав Георгиевич, ассистент кафедры уголовного права, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Romanovskiy Vladislav Georgievich, assistant professor at the Department of criminal law, Penza State University, Penza, Russia.

Романовский Георгий Борисович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Romanovsky Georgy Borisovich, doctor of law, professor, head of the Department of criminal law, Penza State University, Penza, Russia.

- Романцова Татьяна Дмитриевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия.
- Romantsova Tatyana Dmitrievna**, candidate of philological sciences, associate professor at the Department of journalism and media management, the Institute of philology, foreign languages and media communications, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.
- Рудик Ирина Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, Житомирский государственный университет им. И. Франко, Житомир, Украина.
- Rudik Irina Nikolaevna**, candidate of philological sciences, associate professor, Zhitomir State University named after I. Franko, Zhitomir, Ukraine.
- Руднев Дмитрий Владимирович**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, декан филологического факультета, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; доцент кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
- Rudnev Dmitry Vladimirovich**, doctor of philology, professor at the Department of the Russian language, dean of the faculty of philology, Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen; associate professor at the Department of the Russian Language, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.
- Рыжова Анастасия Андреевна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.
- Ryzhova Anastasia Andreevna**, candidate of legal sciences, associate professor at the Department of state and legal disciplines, Penza State University, Penza, Russia.
- Рысмаганбетова Гульнара Данагуловна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и межкультурной коммуникации, Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова, Актюбе, Казахстан.
- Rysmagambetova Gulnara Danagulovna**, candidate of philological sciences, associate professor at the Department of Russian philology and intercultural communication, Aktobe Regional State University named after K. Zhubanov, Aktobe, Kazakhstan.
- Садова Татьяна Семеновна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
- Sadova Tatiana Semyonovna**, doctor of philology, professor at the Department of the Russian Language, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
- Садуов Руслан Талгатович**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, Башкирский государственный университет, Уфа, Россия.
- Saduov Ruslan Talgatovich**, candidate of philological sciences, associate professor, associate professor at the Department of the English language and intercultural communication, Bashkir State University, Ufa, Russia.
- Сверчков Владимир Викторович**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия.
- Sverchkov Vladimir Viktorovich**, doctor of law, associate professor, professor at the Department of criminal and penal law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia.
- Семянкова Ольга Ивановна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры информационного обеспечения управления, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.
- Semyankova Olga Ivanovna**, candidate of philological sciences, associate professor at the Department of information management, Penza State University, Penza, Russia.
- Серве Жан-Мишель**, доктор права, профессор факультета права Льежского университета, почетный президент Международного общества трудового права и социального обеспечения, Льеж, Бельгия.
- Servais Jean-Michel**, doctor of law, professor at the Faculty of law, the University of Liege; honorary president of the International society for labor law and social security, Liege, Belgium.
- Серебрякова Елена Алексеевна**, кандидат юридических наук, доцент Департамента общих и межотраслевых юридических дисциплин, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
- Serebryakova Elena Alekseevna**, candidate of legal sciences, associate professor at the Department of general and interdisciplinary legal disciplines, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia.

Сорокина Светлана Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Sorokina Svetlana Gennadievna, candidate of philological sciences, associate professor at the Department of foreign languages, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и стилистики, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия.

Sternin Joseph Abramovich, doctor of philology, professor, professor at the Department of general linguistics and stylistics, Voronezh State University, Voronezh, Russia.

Стефановская Екатерина Игоревна, преподаватель кафедры теории и практики перевода, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь.

Stefanovskaya Ekaterina Igorevna, lecturer at the Department of theory and practice of translation, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.

Тагильцева Юлия Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия.

Tagiltseva Yulia Rinatovna, candidate of philological sciences, associate professor at the Department of advertising and PR, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.

Теологи Василики Константиновна, доктор философии, преподаватель криминалистики, адъюнкт-лектор, Фракийский университет им. Демокрита, Комотины, Греция.

Theologi Vasiliki Konstantinos, Ph. D., lecturer in forensic science, associate lecturer, Democritus University of Thrace, Komotini, Greece.

Тимакова Анна Александровна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой литературы и методики преподавания литературы, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Timakova Anna Aleksandrovna, candidate of philological sciences, head of the Department of literature and literature teaching methods, Penza State University, Penza, Russia.

Тимонина Наталья Олеговна, аспирант, Институт проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук, Москва, Россия.

Timonina Natalya Olegovna, post-graduate student, Institute of informatics problems, Federal research center for informatics and management, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Треблер Светлана Моисеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии, Казахстанский филиал Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Нур-Султан, Казахстан.

Trebler Svetlana Moiseevna, candidate of philological sciences, associate professor, associate professor at the Department of philology, Kazakhstan branch of Lomonosov Moscow State University, Nur-Sultan, Kazakhstan.

Уланович Оксана Ивановна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь.

Ulanovich Oksana Ivanovna, candidate of psychological sciences, associate professor at the Department of theory and practice of translation, the Faculty of social and cultural communications, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.

Фёдорова Лариса Ивановна, Международная исламская академия Узбекистана, Ташкент, Узбекистан.

Fedorova Larisa Ivanovna, International Islamic Academy of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan.

Филиппов Кирилл Борисович, начальник правового управления Пензенского государственного университета, директор Исследовательского центра по проблемам антимонопольного регулирования и развития конкуренции, Пенза, Россия.

Filippov Kirill Borisovich, head of the legal department of Penza State University, director of the research center for antimonopoly regulation and competition development, Penza, Russia.

Флеонова Ольга Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и литературы, Баламандский университет, Триполи, Ливан.

Fleonova Olga Leonidovna, candidate of philological sciences, assistant professor at the Department of the English language and literature, University of Balamand, Tripoli, Lebanon.

Фролова Ольга Евгеньевна, доктор филологических наук, заведующий лабораторией, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Frolova Olga Evgenievna, doctor of philology, head of the laboratory, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Хамзяева Юлия Радиковна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административного права, административной деятельности и управления органов внутренних дел, Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Казань, Россия.

Khamzyaeva Julia Radikovna, candidate of legal sciences, lecturer at the Department of administrative law, administrative activities and management of internal affairs, Kazan law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia.

Хацук Жанна Васильевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь.

Khatsuk Zhanna Vasilievna, candidate of legal sciences, associate professor, associate professor at the Department of international law, Grodno State University named after Yanka Kupala, Grodno, Republic of Belarus.

Хоменко Анна Юрьевна, старший преподаватель, аспирант департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия.

Khomenko Anna Yurievna, lecturer, post-graduate student at the Department of applied linguistics and foreign languages, National Research University "Higher School of Economics", Nizhny Novgorod, Russia.

Хънгов Владимир Стоев, доктор филологических наук, доцент, преподаватель, заведующий кафедрой русистики, Великотырновский университет им. святых Кирилла и Мефодия, Велико-Тырново, Болгария.

Hntov Vladimir Stoev, doctor of philology, associate professor, head of the Department of Russian studies, Veliko Tynovo University named after Saints Cyril and Methodius, Veliko Tynovo, Bulgaria.

Цолмон Ширнэн, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, Монгольский государственный университет образования, Улан-Батор, Монголия.

Tsolmon Shirnen, candidate of philological sciences, head of the Department of the Russian language, Mongolian State University of Education, Ulan Bator, Mongolia.

Чубина Елена Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры судебных экспертиз, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия.

Chubina Elena Aleksandrovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, associate professor at the Department of forensic expertise, Kutafin Moscow State Law University, Moscow Russia.

Чулуун-Эрдэнэ Гэндэн, магистр, преподаватель Института социально-гуманитарных наук, Монгольский государственный университет образования, Улан-Батор, Монголия.

Chuluun-Erdene Genden, master of arts, , lecturer at the Institute of social sciences and humanities, Mongolian State University of Education, Ulan Bator, Mongolia.

Шавлюк Валентина Борисовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия.

Shavluk Valentina Borisovna, candidate of philological sciences, senior lecturer, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia.

Шатравко Наталья Семеновна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Белорусская государственная орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия, Горки, Республика Беларусь.

Shatravko Natalya Semyonovna, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Department of social and humanitarian disciplines, Belarusian State Orders of the October Revolution and the Red Banner of Labor Agricultural Academy, Gorki, Republic of Belarus.

Шестак Лариса Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия.

Shestak Larisa Anatolyevna, doctor of philology, professor, professor of the Department of the Russian language and methods of its teaching, Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russia.

Широбокова Любовь Павловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и гуманитарных наук, Курская государственная сельскохозяйственная академия им. И. И. Иванова, Курск, Россия.

Shirobokova Lyubov Pavlovna, candidate of philological sciences, associate professor at the Department of foreign languages and humanities, Kursk State Agricultural Academy named after I. I. Ivanova, Kursk, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Направление 1. ЯЗЫК ПРАВА КАК ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ И ТОЛКОВАНИЯ ПРАВОВЫХ АКТОВ

<i>Дубовиченко С. В., Никульцева В. В.</i> ЯЗЫК УГОЛОВНОГО ЗАКОНА: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ	3
<i>Зуга О. В.</i> КОНСТРУКЦИИ С СОЮЗОМ «И» В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ	8
<i>Катомина В. А.</i> ПРАВОВЫЕ ПРЕЗУМПЦИИ КАК СРЕДСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ.....	11
<i>Laborde J.-P.</i> LEGAL TECHNIQUE OF FRENCH SOCIAL SECURITY LAW: BETWEEN DARKNESS AND LIGHT	14
<i>Моисеева О. В.</i> ЯЗЫК НОТАРИАЛЬНЫХ АКТОВ: СООТНОШЕНИЕ ВОПРОСОВ ПРАВА И ЛИНГВИСТИКИ	22
<i>Рудик И. Н.</i> ЭЗОТЕРИЧНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОГО АНГЛИЙСКОГО: ПРИЧИНЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ.....	25
<i>Руднев Д. В., Садова Т. С.</i> ОТ ЧЕЛОБИТНОЙ ДО ЗАЯВЛЕНИЯ, ИЛИ КАК ФОРМИРОВАЛСЯ ЯЗЫК ОБЩЕНИЯ С ВЛАСТЬЮ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОСИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ XVII–XX вв.).....	28
<i>Рыжова А. А.</i> ПРАВО НА ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТАХ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА	33
<i>Сверчков В. В., Шавлюк В. Б.</i> РЕЧЕВАЯ ИЗБЫТОЧНОСТЬ В ФОРМУЛИРОВКАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ	36
<i>Широбокова Л. П.</i> ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПРАВА КАК ОСНОВЫ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ	39

Направление 2. ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕРМИН. ПРОБЛЕМА ПРАВОВЫХ ДЕФИНИЦИЙ

<i>Агамагомедова С. А.</i> КОНТРОЛЬ, НАДЗОР И КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ	43
<i>Игнатик М. И.</i> ВЗАИМНОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ	46
<i>Корнева Е. С.</i> К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЛОВА «ОСОБЫЙ» В ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	50
<i>Ларина Е. А.</i> КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУЩЕСТВУЮЩИХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛЕГАЛЬНЫХ ДЕФИНИЦИЙ, ВОЗНИКШИХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	54
<i>Луннова М. Г.</i> АББРЕВИАТУРЫ ПРАВОВОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ПЕНЗЕНСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ	58
<i>Мальков Г. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРОКУРАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.....	60
<i>Рахвалова М. Н., Рахвалова Д. О.</i> НЕДОСТАТКИ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ЖИЛИЩНОГО ПРАВА И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ.....	63

Серебрякова Е. А. ТОЛКОВАНИЕ ТЕРМИНА «DEGRADING TREATMENT» ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ	67
Филиппов К. Б. ПРОКОНКУРЕНТНЫЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ	71
Хамзяева Ю. Р. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТОЛКОВАНИЯ ТЕРМИНОВ «БЛИЗКИЕ ЛИЦА» И «БЛИЗКИЕ РОДСТВЕННИКИ» В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	74
Хацук Ж. В. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНА «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ» В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	77

Направление 3. КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА И КОМПЬЮТЕРНЫЕ МЕТОДЫ ОБРАБОТКИ ЯЗЫКА ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ЮРИСЛИНГВИСТИКИ

Козеренко Е. Б., Кузнецов К. И., Романов Д. А., Тимонина Н. О. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ОБРАБОТКА ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ: ВЫЯВЛЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО СХОДСТВА НА ОСНОВЕ ПРОЦЕССОРА PullEnti.....	81
Popescu T. CONCEPTUALISATIONS OF LEGAL TERMINOLOGY IN ECONOMIC JOURNALS. A CORPUS-ANALYSIS OF ENGLISH AND ROMANIAN	86
Хоменко А. Ю. МОДЕЛИРОВАНИЕ ИДИОЛЕКТА ЛИЦА С ПОМОЩЬЮ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В РАМКАХ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИКИ	91

Направление 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТОВ РАЗЛИЧНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ТИПОВ

Амириди С. Г., Теологи В. К. ЯЗЫК И РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СЛУЧАЯХ БУЛЛИНГА И КИБЕРБУЛЛИНГА И КАК НА НИХ РЕАГИРУЕТ ГРЕЧЕСКИЙ УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС	94
Баранов А. Н. РЕЧЕВОЙ АКТ УГРОЗЫ НА ФОНЕ РЕЧЕВЫХ АКТОВ С БЛИЗКОЙ СЕМАНТИКОЙ	101
Борисова Е. Г., Малука А. А. ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНВЕКТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛЕКСИКИ У НОВЫХ ПОКОЛЕНИЙ	106
Бринёв К. И. ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: СВЯЗЬ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	110
Ворошилова М. Б. «ХРОНИЧЕСКАЯ КОРРУПЦИЯ»: КРЕОЛИЗОВАННАЯ МЕТАФОРА В РОССИЙСКОМ НЕФОРМАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	114
Галяшина Е. И. «НАУЧНОЕ» РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ ПО ДЕЛАМ ОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ТЕРРОРИЗМЕ И ЭКСТРЕМИЗМЕ КАК СПОСОБ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРАВОСУДИЕ	119
Доронина С. В. ДЕОНТИЧЕСКИЙ МОДУС В НЕГАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ: ВЗГЛЯД ЭКСПЕРТА.....	124
Дударева Я. А. ОСКОРБИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА И ОБРАЗЫ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБРАЩЕНИЙ УФАС ПО КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)	127

Злоказов К. В. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ У МОЛОДЕЖИ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ РАДИКАЛЬНЫХ УБЕЖДЕНИЙ	131
Канакина Г. И. К ПРОБЛЕМЕ ФОРМУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ.....	135
Катышев П. А. ДЕЛИКТОГЕННОЕ ВОВЛЕЧЕНИЕ В АСПЕКТЕ ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАМЕТРИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ РИСКОВ.....	140
Ким Л. Г. НЕПОЛНОТА И ИЗБЫТОЧНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ КАК ФАКТОРЫ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА.....	145
Кушнерук С. П. ДОКУМЕНТНЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ И ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКИ (К СОДЕРЖАНИЮ ТЕРМИНА «ДОКУМЕНТНАЯ ЛИНГВИСТИКА»).....	149
Надеина Т. М., Чубина Е. А. ОБЪЕКТЫ РЕЧЕВЕДЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ	153
Никишин В. Д. РЕЧЕВЫЕ СЛЕДЫ КРИМИНОГЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	156
Плотникова А. М. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПУБЛИЧНЫХ ДИСКУССИЙ.....	160
Романовский В. Г. ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ СЛОВА В УСЛОВИЯХ НАРАСТАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ УГРОЗ	163
Романовский Г. Б. ЯЗЫКОВЫЕ ФОРМЫ ОТСТУПЛЕНИЯ ОТ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЦЕЛЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ	166
Стернин И. А. ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «НЕПРИЛИЧНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ФОРМА»	169
Треблер С. М. РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ: ЯЗЫКОВАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ	174

Направление 5. ЯЗЫК И ПРАВО В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК: ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Воронова Ю. А., Капустина М. А. РУССКИЙ КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И МИРОВОЙ ЯЗЫК: ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ	178
Емелин М. Ю. ОТ ТЕРМИНА К ДОКТРИНЕ: «АФФИРМАТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ» В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ США	182
Мусорина О. А., Сорокина С. Г. ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» В МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» (КОНЕЦ 1970-х – НАЧАЛО 1980-х гг.).....	185
Николаев Б. В. ЯЗЫК ПРАВА И ПРОБЛЕМЫ РАСОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В США	189
Павлова Н. А. АМЕРИКАНСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ ПРОТИВ РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ	194
Садуов Р. Т. ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОГО ЛАНДШАФТА КАК ИНДИКАТОР РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГИОНА	199

Семянкова О. И. ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН: ЛИНГВОЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	202
Chuluun-Erdene G., Agiimaа G., Tsolmon Sh. CURRENT SITUATION REGARDING LEGAL REGULATIONS FOR BILINGUALISM IN MONGOLIA	208

Направление 6. РЕЧЕВЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ В СМИ: ЛИНГВО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Бабикова М. Р. МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ В НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	211
Видинеева Н. Ю. ИНТЕРНЕТ-МЕМ КАК ИНСТРУМЕНТ АКТУАЛИЗАЦИИ ИМПЛИЦИТНОГО СМЫСЛА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОГОВ ОБ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ В США)	215
Данкова Н. С. ОБРАЩЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СМИ	221
Замальдинов В. Е. ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ НОВООБРАЗОВАНИЙ НЕСТАНДАРТНОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ МАССМЕДИА	224
Кишина Е. В., Бежавская А. Л. ЛИНГВО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ	228
Кошкарлова Н. Н. КОНСТРУКЦИЯ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ ОБРАЗА ВРАГА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ)	231
Куликова В. А. НЕГАТИВНАЯ ОЦЕНОЧНОСТЬ МЕДИАТЕКСТА В АСПЕКТЕ РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ	234
Лату М. Н., Тагильцева Ю. Р. КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ СООТНЕСЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ПОЛИКОДОВЫХ КОНФЛИКТОГЕННЫХ ТЕКСТАХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	239
Михневич О. И. СЕПАРАТИЗМ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКИХ МАССМЕДИА (НА ПРИМЕРЕ ГРУЗИИ)	247
Рацибурская Л. В. РЕЧЕВЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ В СМИ: ЛИНГВО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	251
Флеопова О. L., Annous S. A. “WE” IN THE DISCOURSE OF THE 2019 LEBANESE OCTOBER REVOLUTION	254
Шестак Л. А. РОССИЙСКАЯ НОВОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: ОТРАЖЕНИЕ, МАНИПУЛЯЦИЯ, ФЕЙК	258

Направление 7. ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Арсениев С. В. О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОНСОЛИДИРОВАННОГО ФИНАНСОВОГО ОТЧЕТА И ТРЕБОВАНИЯХ К ЕГО ПЕРЕВОДУ	263
Барабаш О. В. ТИПЫ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ В РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	266

Гюдуров И. К. СУДЕБНЫЙ ПЕРЕВОДЧИК ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ РЕСПУБЛИКИ БОЛГАРИИ : СОСТОЯНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ.....	272
Микулац И. ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В «РУССКОЙ ПРАВДЕ» И В ХОРВАТСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДОКУМЕНТЕ «VINODOLSKI ZAKON»	276
Новрузов Р. М. К ПЕРЕВОДУ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА «ВОСКРЕСЕНИЕ» Л. Н. ТОЛСТОГО)	280
Пенчева А. И. РУССКО-БОЛГАРСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	284
Servais J.-M. BEYOND LITERAL TRANSLATION: THE ROLE OF CULTURE TO UNDERSTAND IN-DEPTH THE EUROPEAN INDUSTRIAL RELATIONS SYSTEMS	289
Стефановская Е. И. СПЕЦИФИКА ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА В СПОРТИВНОЙ ОТРАСЛИ.....	305
Уланович О. И. ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЛОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ: ЯЗЫК СОВРЕМЕННЫХ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ И ИХ ПЕРЕВОД.....	308
Хънтов В. С. О СЛОВАРЕ БАЗОВЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ	313

Направление 8. ЯЗЫК И ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ. ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Александрова А. В. ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИНЦИПА ВСЕОБЩНОСТИ В РОССИЙСКОМ ПЕНСИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	316
Байгарина Г. П. «ПРОТЕСТ» КАК КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО СОВРЕМЕННОСТИ: «СЛОВО ГОДА – 2019».....	320
Голиков Л. М. ДИСКРИМИНАЦИОННЫЙ ЗАПРЕТ В ЗАКОНЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ О ЕВРЕЯХ	325
Дубровская Т. В. «СТУДЕНТЫ ОСТАВЛЯЮТ ЗА СОБОЙ ПРАВО ОТСТАИВАТЬ СВОИ ПРАВА В ПРАВОВОЙ ПЛОСКОСТИ»: К ВОПРОСУ ОБ ОБЫДЕННОЙ МЕТАЮРИДИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»).....	330
Катермина В. В. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЗАКОН» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	335
Литвишко О. М. ПРАГМА-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНИЦИАЛЬНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	338
Фролова О. Е. МЕХАНИЗМЫ ЧАСТОТНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ТЕКСТА	342

Направление 9. РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Громыко С. А. РУССКИЙ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	346

Лапаева А. В. ИДЕЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.	350
Петропавловский А. Е. ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПОСРЕДСТВОМ НАПИСАНИЯ И АНАЛИЗА ЭССЕ НА СВОБОДНУЮ ТЕМУ (НА ОСНОВЕ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ В УСЛОВИЯХ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ).....	353
Рысмаганбетова Г. Д., Максот А. М. ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ В «ЗАПИСКАХ СУМАСШЕДШЕГО» Н. ГОГОЛЯ.....	356
Тимакова А. А. ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ И НОВЫХ ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О НАРОДЕ 20–30-х гг. XX в.	360

Направление 10. ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ЮРИСТОВ

Egorova N. A. PUBLIC LEGAL AWARENESS DEVELOPMENT AT HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS (BASED ON ENGLISH-LANGUAGE DISCOURSE)	363
Жабо Н. И., Авдонина М. Ю. ЮРИДИЧЕСКАЯ КОМПОНЕНТА МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ.....	367
Игнатович Т. В. ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ ИНФОРМАЦИИ В ТЕКСТЕ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РИТОРИЧЕСКИХ УМЕНИЙ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ.....	371
Красовская Н. А. АКТИВИЗАЦИЯ НАВЫКОВ ГОВОРЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ).....	376
Кузнецова Е. С. ПРОЕКТИРОВАНИЕ КУРСА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОГО АНГЛИЙСКОГО).....	377
Романцова Т. Д. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РУБРИКА КОРПОРАТИВНОГО ЖУРНАЛА КАК ИНСТРУМЕНТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЧЛЕНОВ РЕГИОНАЛЬНОГО СУДЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА	380
Фёдорова Л. И. РАБОТА С ЛЕКСИКОЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК НЕРОДНОМУ ПРАВОВЕДОВ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ	384
Шатравко Н. С. К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЮРИСТА.....	387
Сведения об авторах	390

Научное издание

ЯЗЫК. ПРАВО. ОБЩЕСТВО

*Сборник статей
VI Международной научно-практической конференции*

г. Пенза, 10–13 ноября 2020 г.

П о д р е д а к ц и е й
О. В. Барабаш, Н. А. Павловой, А. В. Александровой

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.
Ответственность за содержание статей несут авторы.*

Статьи представлены в авторской редакции

Компьютерная верстка *М. Б. Жучковой*
Дизайн обложки *А. А. Стаценко*

Подписано в печать 09.11.2020.
Формат 60×84¹/₈. Усл. печ. л. 47,2.
Тираж 200. Заказ № 374.

Издательство ПГУ
Пенза, Красная, 40, т.: 56-47-33
Тел./факс: (8412) 56-47-33; e-mail: iic@pnzgu.ru